

Институт экономики УрО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Уральский институт управления
РАНХ иГС при Президенте РФ
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
Женский Парламент Свердловской области
Уральский государственный медицинский университет Минздрава России
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза
РОО «Форум женщин Урала»
при поддержке Законодательного Собрания Свердловской области

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

VI Уральский демографический форум

Сборник материалов

Том I

Екатеринбург – 2015

УДК 314
ББК 60.7 (2Рос)

Сборник подготовлен при поддержке гранта РГНФ №13-33-01028 а1 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России».

**Ответственные
редакторы:**

академик РАН А. И. Татаркин
доктор социологических наук, проф. А. И. Кузьмин

Рецензенты:

доктор экономических наук, проф. О. А. Козлова
зав. кафедрой управления персоналом Уральского института
управления РАНХ и ГС при Президенте РФ,
доктор социологических наук, доц. Н. Г. Чевтаева

Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д. социол. н. А.И. Кузьмин. Том I. Пленарные доклады. Исторические тренды демографических процессов. Временной континуум в восприятии и представлениях поколений. Институционально-коммуникационные технологии в системе государственной семейной политики. Региональные аспекты рождаемости и активизации родительского труда. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – 394 с.

ISBN 978-5-94646-524-3

В сборнике представлены доклады VI Уральского демографического форума с международным участием «Демографические процессы на постсоветском пространстве», посвященного актуальным проблемам социально-демографического развития России и ее регионов. В первом томе опубликована работа основных дискуссионных площадок форума, на которых обсуждались исторические тренды демографических процессов, вопросы восприятия временного континуума у разных поколений, институционально-коммуникационные технологии в системе государственной семейной политики, региональные аспекты рождаемости и активизации родительского труда.

Книга представляет интерес для специалистов в области социально-экономической и демографической политики, историков, социологов, работников социальной защиты и охраны труда, медиков, преподавателей, аспирантов и всех интересующихся демографическими проблемами.

УДК 314
ББК 60.7 (2Рос)

ISBN 978-5-94646-524-3

© Институт экономики УрО РАН, 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ.....	7
Татаркин А.И. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ	7
Ноженко Д.Ю. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ	16
Гладкова Т.В. О МЕРАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	22
1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	27
Алексеева Л.В. О ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В РЫБНОЙ ОТРАСЛИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	27
Антипова Е.А. РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В XXI ВЕКЕ: ТРЕНДЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ.....	32
Баранов Е.Ю. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СССР В 1930-Е ГОДЫ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ.....	37
Голикова С.В. ФАКТОРЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ЧИСЛА НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ НА УРАЛЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	43
Горбачев О.В., Мазур Л.Н. ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ РЕСУРС	50
Дёмина Ю.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДОВОК НА УРАЛЕ В КОНЦЕ 19-НАЧАЛЕ 20 ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	55
Журавлева В.А. МИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1920-е гг.	60
Корнилов Г.Е. ЭВАКУАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ДИСКУССИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ РАЗМЕЩЕННЫХ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ РСФСР	66
Кругликова Г.А. УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ УРАЛА В 1920-Е ГГ.: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РАБОТНИКОВ	71
Литовский В.В. МОДЕЛИРОВАНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И РОСТА НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ПРИ ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ	74
Логинов В.Г. ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ	83
Мирошниченко М.И. К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ ЖЕНЩИН НА УРАЛЕ В 1920-х – СЕРЕДИНЕ 1930-Х гг.	89
Нефедов С.А. МОЛОДЕЖЬ КАК ОДИН ИЗ АКТОРОВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	94
Огоновская И.С. ОТРАЖЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ	99
Сафиуллина Р.М., Сабанчина Л.С. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	107
Тараканов М.Ю. ДИНАМИКА ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА НИЖНИЙ ТАГИЛ В 1989-2002 гг.	113
Уваров С.Н. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БРАКОВ У УДМУРТОВ В XX ВЕКЕ	118
Фаузер В.В., Лыткина Т.С. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ХРОНОЛОГИЯ И МАСШТАБЫ	124

Фахрисламова Р. Т. ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ БЕЗДЕТНОСТИ СРЕДИ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН 1970-1980 ГОДОВ РОЖДЕНИЯ.....	131
Фельдман М.А. РАБОЧИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926 Г.....	135
Цхай Л.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВОЛНЫ В УЗБЕКИСТАНЕ (ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВА).....	145
Цыдыпова Б.Д., Урантуул Б. АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В МОНГОЛИИ.....	149
Черезова О.Г. БРАКИ В ГОРОДСКОЙ МЕСТНОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950 -70-Е ГГ. XX В.	153
Чернышева И.И. ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ШКОЛАХ ВЗРОСЛЫХ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	156
2. ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ В ВОСПРИЯТИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОКОЛЕНИЙ.....	163
Павлов Б.С. «ОТЦЫ И ДЕТИ» В СЕМЬЕ: К ВОПРОСУ О СОЛИДАРИЗАЦИИ И ОТЧУЖДЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ.....	163
Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ.....	172
Берзин Б.Ю. НАПРЯЖЕНИЕ И НАПРЯЖЕННОСТЬ ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ИСТОРИИ	178
Дудина М.Н. МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ НА ЦЕННОСТЬ ПАТРИОТИЗМА ВО ВРЕМЕННОМ КОНТИНУУМЕ	183
Оконечникова Л.В. ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ МЛАДШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА).....	189
Эйнгорн Н.К. ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕМОГРАФИИ	194
3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ.....	200
Баннх Г.А., Костина С.Н. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ).....	200
Гареева Я.Р, Онипченко А.В. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И БРАКА	206
Грудина Т.Н. ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ	211
Заборова Е.Н. ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ.....	217
Канаева Л.В. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: ОБНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ	222
Мыслякова Ю.Г. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	228
Певная М.В. ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ.....	233
4. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОЖДАЕМОСТИ И АКТИВИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА	241
Акьюлов Р.И. Зараменских А.И. Казанцева К.А. ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕПРОДУКТИВНОГО И МАТРИМОНИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ С ДИНАМИКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	241
Арпентьева М.Р. ЗАМЕЩАЮЩАЯ СЕМЬЯ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ТРЕНД И ПЕРСПЕКТИВЫ	245

Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г. РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РОЖДАЕМОСТИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ОЦЕНКА НА ОСНОВЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХ И УСЛОВНЫХ ПОКОЛЕНИЙ.....	254
Балюра О.Е., Песляк А.В. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ	263
Быкова Д.Г. СУПРУЖЕСКИЕ ПЕНСИИ КАК ИНСТРУМЕНТ АКТИВИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА.....	265
Ветошкин С.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ	271
Ворошилова А.И. ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К РОДИТЕЛЬСКОМУ ТРУДУ: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ	277
Галин Р.А. МОЛОДЕЖЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ.....	283
Гареева Я. Р., Митягин А. М. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЬИ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	290
Ильвес Э.В. РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД КАК ФЕНОМЕН ПРЕКАРИЗИРОВАННОЙ ЗАНЯТОСТИ.....	293
Комбарова Т.В. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	297
Ласточкина М.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	302
Мостахова Т.С. РОЖДАЕМОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ	307
Новоселова Е.Н. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (НА ПРИМЕРЫ МОСКВЫ)	313
Павлов Б. С., Анисимов С.А. УРАЛЬСКАЯ МОЛОДЁЖЬ В ПРЕДДВЕРИИ МАРША МЕНДЕЛЬСОНА.....	318
Попова Л.А. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОСЕМЕЙНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ.....	328
Кузьмин А.И., Примаков Т.В. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ВЫБОРА СТРАТЕГИИ ЖИЗНИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП НА ЖЕЛАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ	335
Симагин Ю.А. ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	338
Скрябина Я.А. КОНЦЕПЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	344
Субхонов А.И. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МНОГОЖЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН.....	350
Сукнёва С.А. ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА	357
Тельнов В.И., Третьяков Ф.Д. ДИНАМИКА ВОЗРАСТНЫХ КОЭФФИЦИЕНТОВ РОЖДАЕМОСТИ В АТОМГРАДЕ ОЗЕРСКЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	363
Усольцев А.И. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НРАВСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ НЕРОЖДЁННОГО РЕБЕНКА В РОССИИ.....	370
Хадеев А.В. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	374

Шабунова А.А., Калачикова О.Н. К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	377
Шубат О.М., Багирова А.П. РЕПРОДУКТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ АКТИВИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА	384
Щукина А.С.РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В РОЖДАЕМОСТИ	388

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 314:316.3/4

Татаркин А.И.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В докладе анализируется современная демографическая ситуация в Уральском регионе и в России, раскрываются базовые факторы депопуляции в России. Представлены результаты внедрения Концепции демографической политики до 2025г., намечаются пути формирования стратегии комплексного социально-демографического развития российского общества.

Ключевые слова: демографическая политика, государственное управление, депопуляция, концепция, стратегия, социальное неравенство, миграция, семья.

Переход Правительства России к активной демографической политике был предопределен долговременными негативными тенденциями в демографических процессах. Как свидетельствуют данные с начала 90-х годов, в регионах федерального округа смертность значительно превышала рождаемость, определяя значительную потерю населения почти в двадцатилетнем временном интервале (1990-2009 гг.), закладывая депопуляционные процессы на длительный прогнозный период (рис.1.).

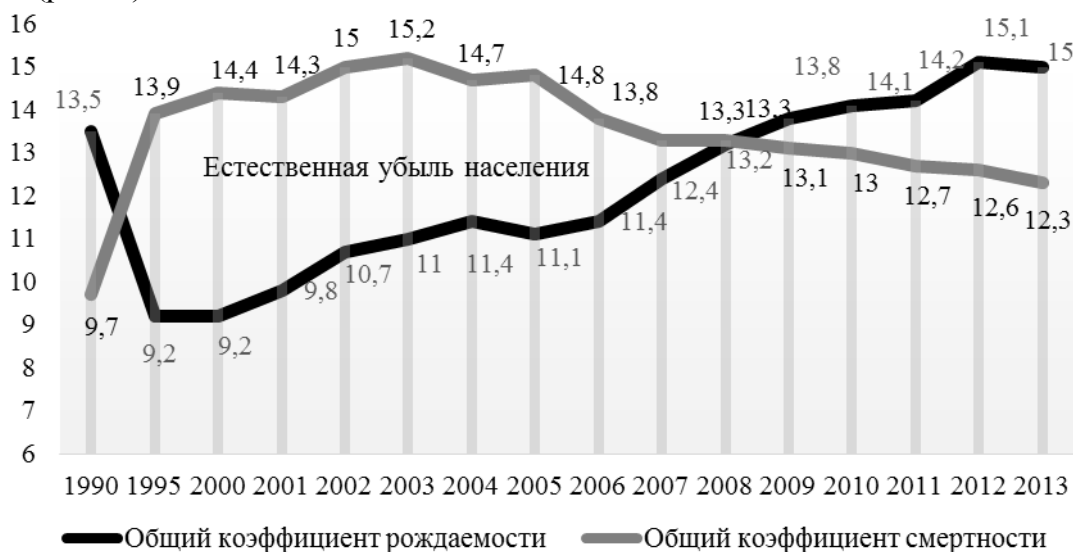

Рисунок 1. Динамика рождаемости и смертности в УрФО, (число родившихся и умерших на 1000 человек населения) [сост. по: 1, с. 50-53]

Для исправления демографической ситуации была принята Концепция демографической политики до 2025 г., утвержденная Указом Президента РФ от 9 октября 2007 года № 1351, дающая ориентиры и направления деятельности как федеральным, так и региональным органам власти по сбережению и увеличению населения. В соответствии с данной Концепцией, основными задачами демографической политики на перспективу определены: повышение уровня рождаемости, укрепление института семьи, формирование мотивации здорового образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений.

В этом контексте важное значение приобрели меры, принимаемые на региональном уровне.

Система предпринятых мер в совокупности с достижениями медицинских технологий, притоком мигрантов из стран СНГ, рядом других факторов обусловила благоприятные сдвиги в демографических процессах. Произошли позитивные изменения в рождаемости, смертности, миграции населения (рис. 2).

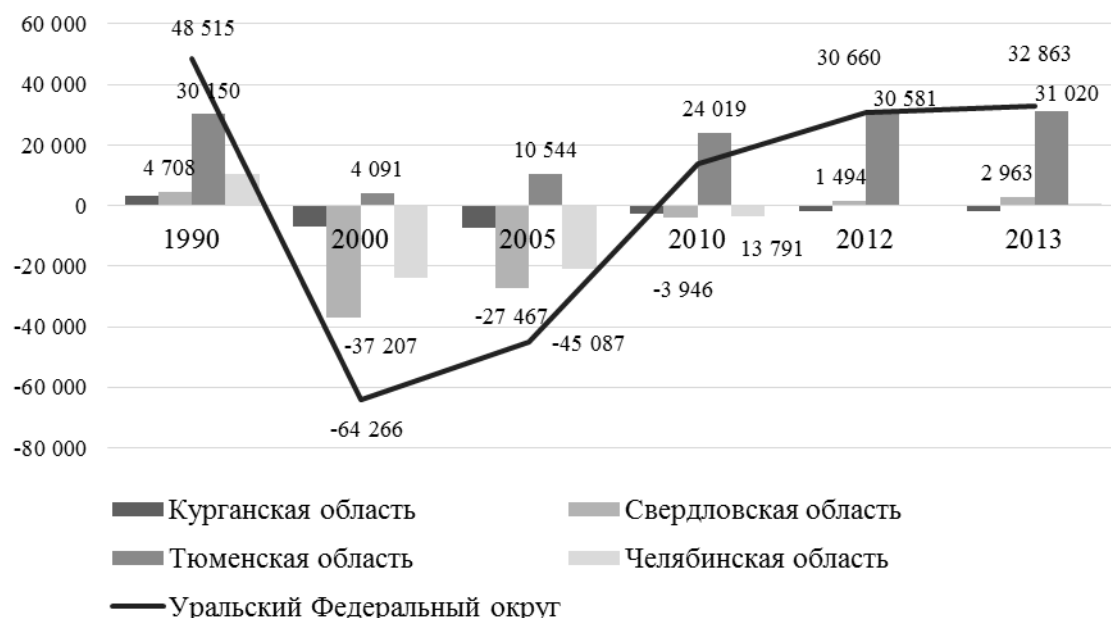

Рисунок 2. Естественный прирост населения регионов УрФО (чел.)
[сост. по: 1, с. 50-53]

Динамика рождаемости и смертности в УрФО (число родившихся и умерших на 1000 человек населения). Прослеживается рост коэффициента естественного прироста населения, в результате чего в настоящее время снижение численности населения в некоторых регионах УрФО замедлилось и даже отмечается ее рост.

Так, приведенные на рис. 3 данные по УрФО свидетельствует о смене, начиная с 2009 г., отрицательных значений сальдо естественного движения на положительные при устойчивом миграционном приросте населения в целом по федеральному округу.

Анализ возрастного состава населения городского и сельского населения на примере Свердловской области методом демографических пирамид по пятилетним возрастным группам в 2014 г. обнаруживает значительное накопление трудового потенциала. На рис. 4 (слева) трудоспособный возраст представлен зеленым цветом. Резкое сокращение численности мужского населения за пределами 60 лет (выделено желтым цветом слева от оси пирамиды) и связано с высокими рисками смертности и относительно низкой продолжительностью жизни. Подавляющая часть населения в возрастах старше трудоспособного возраста представлена женщинами. Позитивно обнадеживает тенденция увеличения основания пирамиды, особенно в группе населения 0-4 года (представлено розовым цветом).

Рисунок 3. Показатели естественного и миграционного движения УрФО в период 2000-2013 гг. [сост. по: 1]

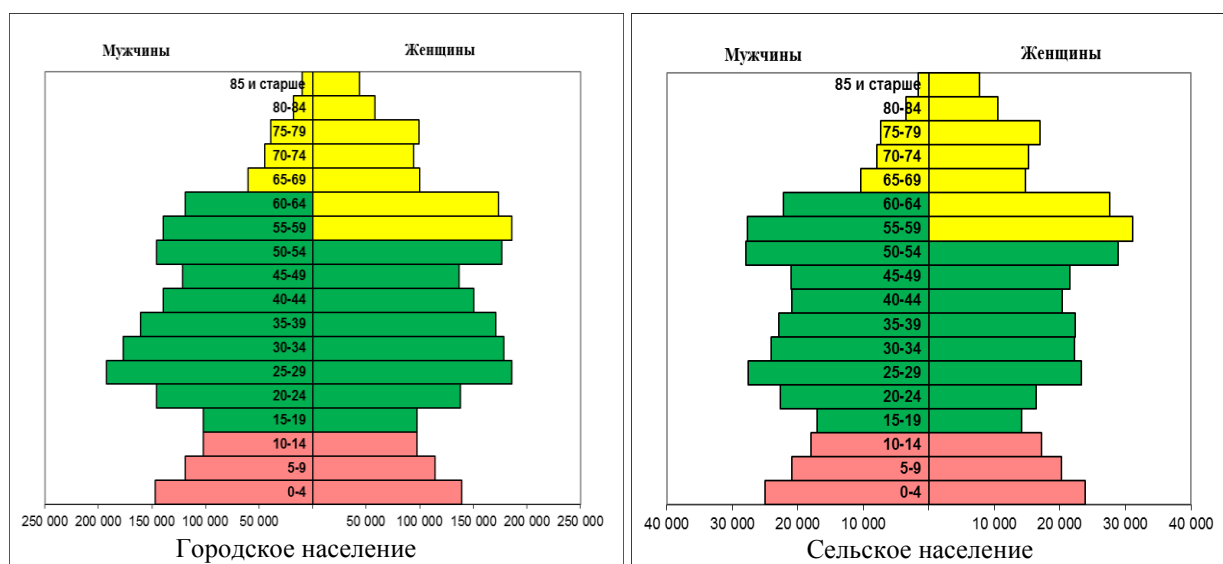

Рисунок 4. Возрастная пирамида мужского и женского населения в Свердловской области в 2014 г, чел.

Что касается сельского населения, то здесь ситуация заметно хуже. Резко выражен дефицит численности рабочих поколений мужской части населения. Особенно заметен недостаток мужчин трудоспособного возраста в структуре «ядра рабочей силы» из-за факторов смертности и миграционного оттока мужчин на заработки в города.). В результате численность возрастных групп 20-летних и 60-летних у сельского мужского населения практически одинакова. В то же время сельское население демонстрирует «дефицит невест» в группе 20-24 лет. В городах картина противоположная.

Тем не менее, несмотря на общую позитивную тенденцию в демографических процессах, ситуация не может быть значительно улучшена только лишь за счет мер демографической политики. Например, ряд федеральных законов, принятых в последнее время и направленных на защиту интересов семьи и

детей, несмотря на свое определенное положительное воздействие, недостаточно результативны и не могут в корне изменить демографическую ситуацию.

Негативные демографические тенденции имеют длительный и инертный характер и на получение в коротком периоде устойчивых положительных результатов и тенденций от проводимых в настоящее время мер демографической политики рассчитывать не стоит. Но на некоторые факторы мы можем влиять сегодня для того, чтобы улучшить демографические процессы в нашей стране и ее регионах в будущем.

Каковы основные факторы, которые поддерживают процессы депопуляции в современном российском обществе?

1. Прежде всего, это сохраняющийся низкий уровень жизни населения. Здесь можно подискутировать, приводя пример западных стран, где при высоких стандартах жизни проблема депопуляции стоит также достаточно остро. Однако в условиях российской действительности данный фактор содержит значительный потенциал негативного воздействия на демографические процессы через ухудшение состояния здоровья россиян.

Основным источником дохода населения нашей страны является заработная плата (90% занятого населения – это люди наемного труда). Наиболее реальную оценку роста заработной платы можно получить через величину доли оплаты труда в валовом внутреннем или региональном продукте (ВВП или ВРП). Для повышения производительности труда до уровня экономически развитых стран доля оплаты труда в ВВП должна приближаться к значениям, близким для этих стран – не менее 60% ВВП. В России она меньше 50% официального ВВП. Если учесть скрытые доходы бизнеса, исключенные из объема ВВП, фонд оплаты труда фактически (по имеющимся расчетам) составляет порядка 40%. Чтобы оценить влияние этого фактора на демографические изменения, была предпринята попытка выяснить зависимость коэффициента общей смертности от фактической доли оплаты труда в российском ВВП¹.

В течение последних 19 лет доля оплаты труда в ВВП РФ чуть превышала или была на уровне 50 % лишь дважды (в 1996-1997 гг. и в 2009-2010 гг.). В оба эти периода (с учетом обычного годового временного лага) коэффициент общей смертности снижался и не превышал 14 промилле. Таким образом, для «сбережения народа» доля оплаты труда в ВВП должна составлять, как минимум, 50%, а чтобы она была достаточной для приобретения всех жизнеобеспечивающих товаров и услуг – не менее 60% (рис. 5).

Существенным фактором, формирующим негативные социальные и демографические процессы в обществе, стала постоянно растущая дифференциация населения по доходам (рис. 6).

Социальное неравенство населения как один из ключевых социально-экономических факторов, влияющих на состояние здоровья населения, в той или иной степени характерно для всех стран мира. В современной России это также одна из важнейших проблем, требующих решения как с точки зрения обеспечения социально-экономического развития страны, так и с точки зрения улучшения медико-демографической ситуации в российских регионах.

¹ В исследовании были использованы официальные данные Росстата.

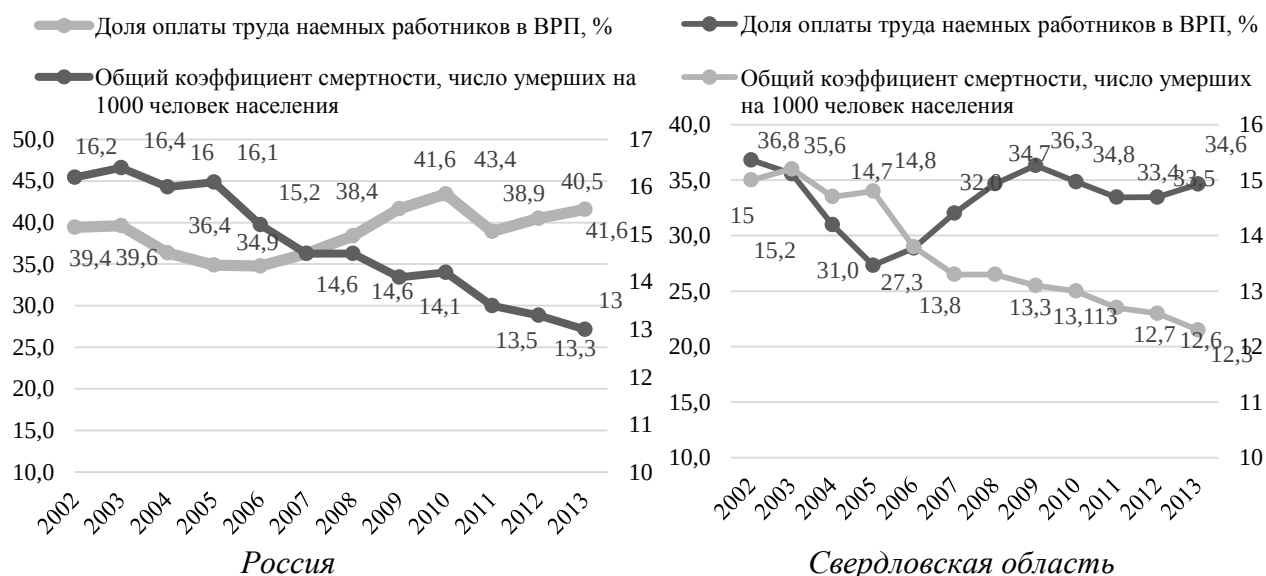

Рисунок 5. Зависимость коэффициента общей смертности населения от доли оплаты труда в ВРП [сост. по: 1, с. 50-53, с.134-135, с. 347-348]

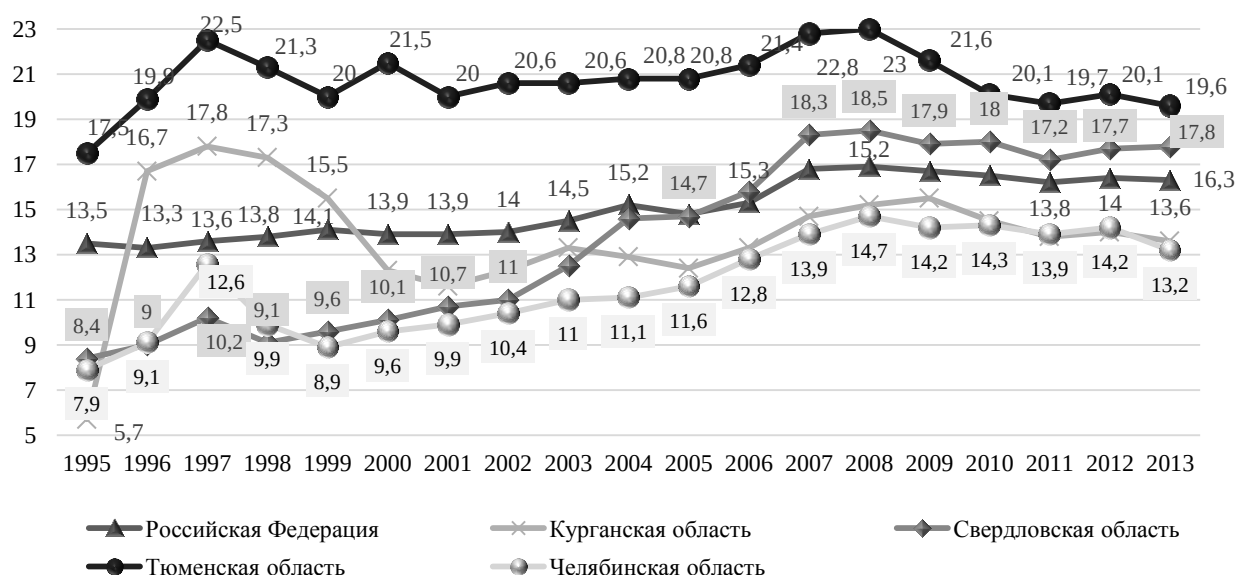

Рисунок 6. Динамика социальной дифференциации населения РФ и регионов УрФО (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения, раз [сост. по:1, с. 50-53, С.134-135, С. 347-348]

Децильный коэффициент – традиционный индикатор социального неравенства, показывающий во сколько раз минимальные доходы 10% наиболее обеспеченного населения, превышают максимальные доходы 10% наименее обеспеченного населения. В скандинавских странах децильный коэффициент составляет 3-4 раза; в Евросоюзе 5-6; Южной и Восточной Азии, Японии и Северной Африке – 4-6; в США – 9; в Южной Африке – 10; в Латинской Америке – 12. В СССР децильный коэффициент колебался на уровне 3, в современной России он составляет 13 раз.

2. *Алкоголизация населения.* По данным НИИ МВД России, всего за десятилетний период (1995-2005 гг.) жертвами злоупотребления алкоголем стали

около 1 млн. россиян. В том числе: умерло от алкогольной болезни около 100 тыс. чел., отравилось алкоголем 335 тыс. чел.; убито лицами, находившимися в состоянии алкогольного опьянения, 230 тыс. чел.; погибло по вине водителей, находившихся в нетрезвом состоянии, около 250 тысяч человек. По УрФО за период с 1990 по 2013 г. только от случайных отравлений алкоголем погибло около 67 тыс. чел. (рис.7).

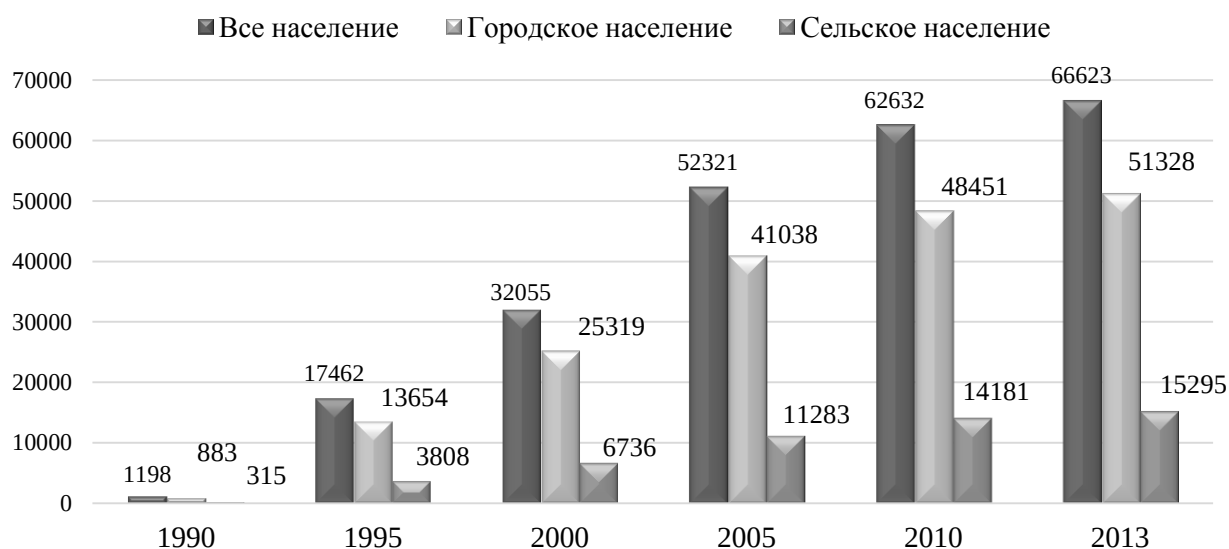

Рисунок 7. Число умерших от случайных отравлений алкоголем в Уральском федеральном округе (нарастающим итогом с 1990 г., чел.) [сост. по: 2]

Становление рыночных отношений в определенной степени обострило необходимость изучения социальных аспектов этой проблемы, поскольку привнесло ряд негативных новаций: снижение контроля за объемами производства и распространения алкогольной продукции, контрафактность, фальсификацию спиртного, мощное рекламное стимулирование рынка потребления, развитие пивного алкоголизма, более раннее приобщение к потреблению спиртных напитков подростков и молодежи и т.п.

Существует законодательная инициатива – утвердить термин «алкогольная единица», чтобы покупатель как минимум знал о количестве этилового спирта в бутылке. Ведь 8 бутылок пива – это то же, что бутылка водки. С точки зрения алкоголя, который окажется в крови, разницы никакой. Правительство России в декабре 2009 г. одобрило Концепцию по профилактике и снижению уровня алкоголизма в стране. Согласно ей, потребление алкогольных напитков на душу населения не должно превысить к 2020 году 8 литров в год. И главными инструментами для достижения этой цели названы:

- усиленная пропаганда здорового образа жизни;
- привлечение к решению проблемы различных общественных организаций и оказание им помощи от государства;
- законодательное ограничение розничной продажи алкоголя;
- запрет на скрытую рекламу алкоголя;
- запрет на проведение винных и пивных фестивалей.

С начала 2013 г. вступил в силу запрет на торговлю спиртными напитками в нестационарных торговых точках – киосках, на рынках и вокзалах. Однако решать

проблему нужно прежде всего начиная с воспитания и разъяснения подрастающему поколению того вреда, который может причинить алкоголь.

3. *Снижение доступности медицинских услуг в лечении сложных заболеваний для всех категорий населения.* Конституция Российской Федерации, в соответствии со ст. 41, гарантирует право на бесплатную медицинскую помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения. Однако право граждан на бесплатное лечение сердечно-сосудистых и других сложных заболеваний в целом ряде случаев не обеспечивается из-за отсутствия или необходимых лекарств, или современных технологий. Например, среди основных причин смертности в России наибольший удельный вес занимают болезни системы кровообращения (53,5% всех умерших в 2013 г.).

4. *Глубокий кризис института семьи* является одной из основных проблем современной России. Утрата семейных традиций, сокращение количества многодетных семей способствуют усилению демографического кризиса. Сегодня можно часто услышать о том, что семья скоро отомрет. Многие исследователи говорят, что за последние годы институт брака в западных странах ослаб, и в качестве доказательства этого они называют увеличение числа людей, которые никогда не состояли в браке, вступление в брак в более позднем возрасте, легкость оформления и частоту разводов, возрастание количества незарегистрированных браков, рассматривая эти факторы как силы, которые подтачивают основу семьи и сводят на нет ее главную функцию – продолжение рода. Институт семьи переживает кризис, об этом можно судить по значительному росту количества разводов, неполных семей; увеличению числа матерей-одиночек.

Например, на Среднем Урале насчитывается около миллиона семейных пар, при этом 17 % из них состоят в незарегистрированном браке. Если средний размер семьи составляет 3,2 чел., то в семьях проживает минимум 3200 тыс. человек. Следовательно, численность одиноких домохозяйств, а это в основном женщины старших возрастов) находится в пределах миллиона человек или *четвертой части населения Среднего Урала.*

5. *Урбанизационные процессы, определяющие характер изменений в размещении населения, его социально-профессиональной структуре, демографическом поведении, образе жизни, культуре и т.д.* Демографическая ситуация в Уральском регионе находится под значительным влиянием процессов урбанизации и модернизации общественной жизни. Например, почти треть жителей Свердловской области проживает в г. Екатеринбурге, в недалеком будущем ожидается, что это будет уже половина. Влияние урбанизации на демографические процессы во многом негативное и проявляется в зависимости от территориальной дифференциации городской среды, прежде всего от различия городов по их размеру и экономическому потенциалу. По мере усиления процесса урбанизации уровень рождаемости городского населения по сравнению с сельским падает. Например, в 2013 г. по УрФО коэффициент рождаемости в городской местности составлял 14,7, в сельской – 16,3 (рис. 8). В дальнейшем, как правило, происходит падение рождаемости и в сельской местности.

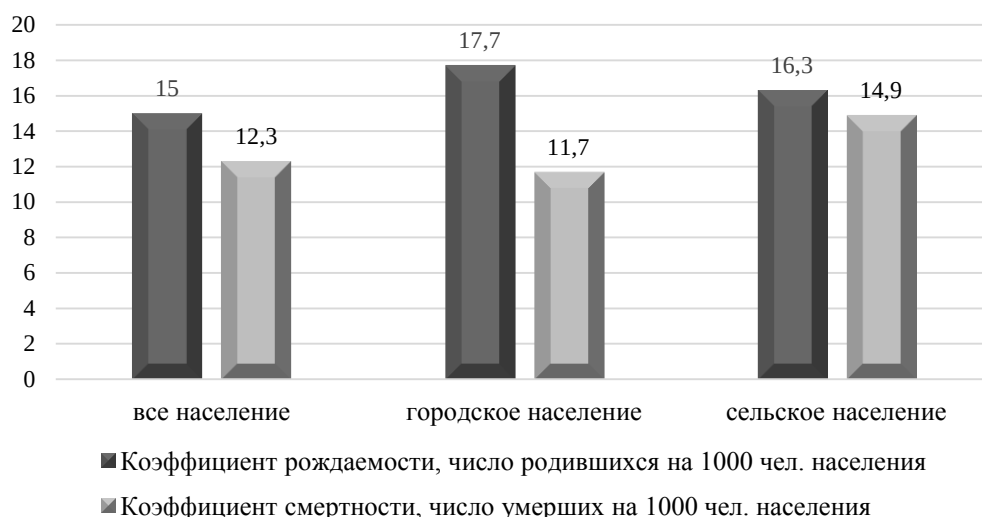

Рисунок 8. Коэффициенты рождаемости и смертности в УрФО, 2013 г.

6. *Отсутствие контроля и инструментов регулирования внутренней миграции населения.* Данный фактор тесно связан с предыдущим. При этом внутренняя миграция населения России практически выпала из поля зрения как исследователей, так и органов власти. В основном у нас постоянно пишется и говорится о внешней трудовой миграции, однако, если посмотреть на рисунок 9, можно убедиться, что более существенную долю в миграции составляют граждане России, мигрирующие либо внутри своего региона, либо между регионами внутри страны. И эта доля с каждым годом растет, одновременно снижается доля мигрантов, прибывших из других стран. В целом по УрФО в 2013 г. их было уже менее 5%. Данные, приведенные на рисунке, заставляют задуматься о том, что проблемы внутренней миграции у нас стоят намного острее, чем миграции внешней. Человек стремится туда, где ему кажется лучше, и этого нельзя ему запретить.

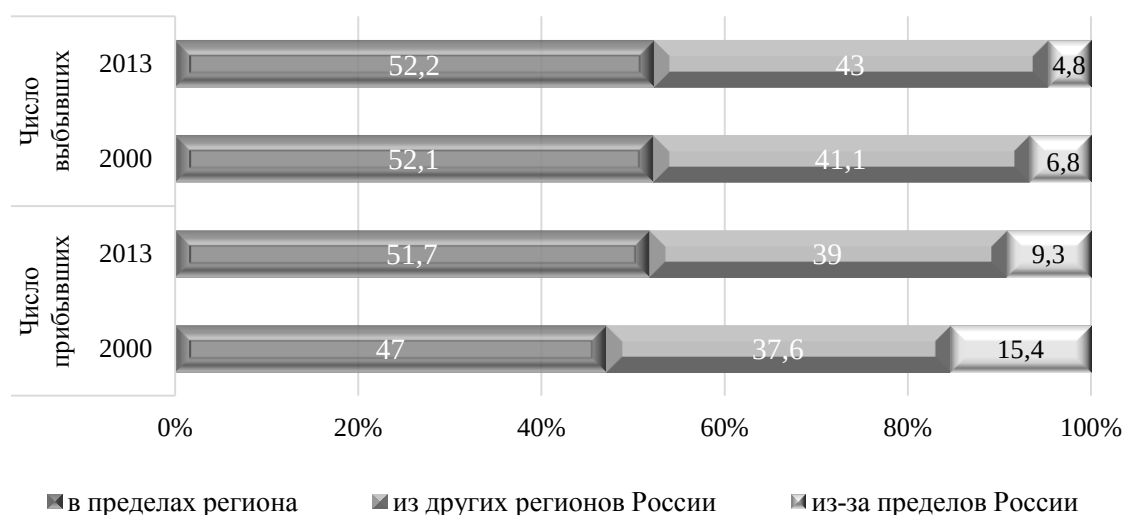

Рисунок 9. Распределение числа мигрантов по направлениям передвижения по УрФО (в % от общего числа прибывших и выбывших) [сост. по: 1, с. 50-53]

Как свидетельствуют результаты проведенного сотрудниками нашего Института в 2013-2014 гг. по четырем регионам Урала – Свердловской, Челябинской, Курганской и Оренбургской областям – социологического исследования миграционных установок молодежи как наиболее подвижной части населения, основными причинами миграционной активности являются поиск лучших условий работы (49%), а зачастую – просто работы (63%), стремление получить профессиональное образование (62%), отсутствие спортивно-досуговых учреждений (более 50%).

Результаты данного исследования наводят на мысль о необходимости мер экономического стимулирования проживания на родных территориях: наделение земель крестьян и хозяйств с гарантией государства по закупке продукции по установленным ценам; создание предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции в регионе; принятие госпрограмм поддержки молодежи; создание сети профтехучилищ для получения дефицитных рабочих специальностей с распределением по приоритетным стройкам и предприятиям страны.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы еще раз отметить, что причины современной депопуляции лежат не только в материальной сфере, они являются следствием глубинных изменений в ценностных ориентациях, мотивационных установках населения, характере расселения, а также самосохранительного поведения людей.

Условием стабильного развития современного российского общества становится необходимость принятия актуальных, оперативных и эффективных решений на основе оптимального сочетания экономических, социокультурных, организационных инструментов с формированием единой системы управления демографическими процессами в стране и ее регионах, и важнейшую функцию в этом должно выполнять научное сообщество. Задача современной науки – найти единое логичное начало для формирования стратегии комплексного социально-демографического развития российского общества.

Библиографический список

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 990 с.
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система/ Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (дата обращения: 01.06.2015).

© Татаркин А.И., 2015. Текст.

Информация об авторе

Татаркин Александр Иванович (г. Екатеринбург, Россия) – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор ФГБУН Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: tatarkin_ai@mail.ru).

Tatarkin A.I.

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE URALS: STATE AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT

Abstract. *The modern demographic situation in the Urals and in Russia is analyzed in the report, basic factors of depopulation are revealed, results of application the Population Poli-*

cy Concept till 2025 are presented, ways of formation of complex social and demographic development strategy in Russian society are outlined.

Keywords: population policy, public administration, depopulation, concept, strategy, social disparity, migration, family.

Information about the author

Tatarkin Alexander Ivanovich (Yekaterinburg, Russia) – Academician of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: tatarkin_ai@mail.ru).

УДК 314:30

Ноженко Д.Ю.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

Аннотация. В своем докладе министр экономики Свердловской области раскрывает основные текущие и перспективные направления региональной социальной и демографической политики. Подчеркивается значимость Концепции повышения качества жизни населения Свердловской области до 2030 г., разработанной по поручению губернатора Свердловской области. Показана реализация основных мер данной Концепции.

Ключевые слова: демографическое развитие, качество жизни населения, нормативная база, региональная политика, концепция, народосбережение

Демографическое развитие является одним из приоритетных направлений региональной экономической политики. В Свердловской области сформирована нормативная база демографического развития, обеспечивающая региональную стратегию в области демографии, выстроена система мониторинга, разработаны прогнозы до 2050 года. Приняты «Концепция сбережения населения Свердловской области», «Программа демографического развития Свердловской области на период до 2025 года», Концепция повышения качества жизни населения Свердловской области на период до 2030 года», комплексная программа «Новое качество жизни уральцев» до 2018 года, «Дорожная карта» по реализации Указа Президента Российской Федерации от 07 мая 2014 года № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», разработан и утвержден план мероприятий по увеличению рождаемости до 2018 года, разработаны Комплексные планы мероприятий, направленных на снижение смертности и увеличение рождаемости в Свердловской области на 2015 год.

В рамках проводимых Правительством Свердловской области мер по формированию законодательной базы демографического развития, в 2001 г. принята «Концепция сбережения населения Свердловской области» (одобрена постановлением Правительства Свердловской области от 06.06.2001 № 393-ПП). Она определяет задачи и перспективы развития долгосрочной региональной политики, направленные на сохранение и развитие человеческого потенциала, а также улучшение качества жизни населения Свердловской области. Приоритетной задачей является снижение темпов сокращения численности населения Свердловской области.

Для закрепления положительных тенденций в демографическом развитии Свердловской области, достигнутых благодаря реализации этой Концепции, в 2007 г. принята «Программа демографического развития Свердловской области на период до 2025 года» (одобрена постановлением Правительства Свердловской области от 27.08.2007 № 830-ПП). Данная программа предусматривает реализацию приоритетных мер, направленных на стабилизацию демографической, экономической, социальной, экологической ситуации, минимизацию факторов, негативно влияющих на формирование личности и общества в целом.

7 мая 2012 года Президент Российской Федерации подписал ряд указов, закрепляющих основные параметры развития страны и определяющих новый вектор развития в образовании, здравоохранении, социальной политике. В самостоятельный указ выделены вопросы демографического развития. «Майские» указы ориентированы на коренное улучшение качества жизни россиян.

Поручения и целевые показатели «майских» указов Президента Российской Федерации, а также основных стратегических документов Российской Федерации, Уральского федерального округа, Свердловской области заложены в основу *Концепции повышения качества жизни населения Свердловской области на период до 2030 года – «Новое качество жизни уральцев»*, разработанной по поручению Губернатора Свердловской области. Целевой ориентир Концепции – вхождение Свердловской области в первую пятерку регионов Российской Федерации по качеству жизни.

В Концепции предусмотрена система мониторинга и контроля реализации Концепции с участием гражданского общества, предусмотрено информационное сопровождение Концепции.

Особенности Концепции повышения качества жизни населения:

- активное вовлечение самого человека в повышение качества своей жизни, повышение его ответственности за свою жизнь и жизнь своей семьи, общества в целом;
- территориальный аспект реализации комплексной программы.

Поскольку основной идеей Концепции, ее новизной является активное участие самого человека в повышении качества своей жизни, жизни своей семьи и общества в целом, еще на стадии разработки программы каждому человеку была предоставлена возможность принять участие в работе над проектом: был проведен соцопрос в сети Интернет (в общей сложности поступило порядка 3 тыс. анкет, средний возраст респондентов 31-50 лет (64,5 % от общего числа). Среди условий жизнедеятельности, которые необходимо улучшить в первую очередь, 26 % респондентов назвали медицинское обслуживание, на необходимости повышения доступности и качества услуг ЖКХ настаивают 23 % участников социологического опроса, качество дорог не устраивает 16% респондентов. Каждый седьмой житель Свердловской области обращает внимание на необходимость улучшения условий для организации досуга, занятий спортом.

Российское рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» ежегодно, начиная с 2012 года, проводит исследование и вычисляет рейтинги, показывающие достижения субъектов Российской Федерации с точки зрения их способности обеспечить своим жителям благоприятные условия жизни.

В 2012 г. Свердловская область находилась на 19-м месте среди регионов России по индексу качества жизни. По итогам 2014 г. мы поднялись сразу на

девять позиций, и сейчас мы на 10-м месте. Из шести регионов Уральского федерального округа Свердловская область по качеству жизни занимает второе место (первое место – Тюменская область).

Повышение рейтингового балла было обеспечено за счет повышения рейтинга Свердловской области по отдельным направлениям: уровень доходов населения; безопасность проживания; демографическая ситуация; здоровье и образование; уровень экономического развития; развитие малого бизнеса.

Остановлюсь на реализации основных мероприятий Концепции.

Выполнение Концепции предусмотрено осуществить в три этапа.

В целях реализации первого этапа разработана *Комплексная программа повышения качества жизни населения Свердловской области на период до 2018 года*, утвержденная постановлением Правительства Свердловской области от 01.07.2014 г. № 552-ПП.

Комплексная программа содержит *4 основных направления* повышения качества жизни, имеющие цели, задачи, целевые показатели и план мероприятий. Основные направления включают в себя *развитие гражданского общества; повышение качества человеческого капитала; повышение уровня жизни населения; обеспечение безопасности жизнедеятельности.*

В 2014 г. 134 социально ориентированных некоммерческих организаций (НКО) получили государственную поддержку на реализацию 222 социально значимых проектов.

В целях социальной поддержки семьи и детей некоммерческими организациями в октябре 2014 года проведен «Форум замещающих семей» с участием более 500 человек, в том числе около 200 представителей замещающих семей из Свердловской области. Активно развивается волонтерское движение и другие мероприятия, направленные на активизацию участия общества в решении социально значимых вопросов.

Реализация подпрограммы «Повышение качества человеческого капитала» направлена на выполнение мероприятий по улучшению состояния здоровья населения Свердловской области, развития физической культуры и массового спорта, организации здорового питания, организации системы здравоохранения и образования и другие.

Несомненные позитивные перемены происходят в сфере здравоохранения. В 2014 году в Екатеринбурге было завершено строительство комплекса зданий противотуберкулезного диспансера, открыт территориальный центр медицины катастроф; организована трехуровневая система здравоохранения; первичная и скорая медицинская помощь максимально децентрализованы; специализированная медицинская помощь оказывается преимущественно в межмуниципальных медицинских центрах; оказывается высокотехнологичная медицинская помощь; выстроена система оказания кардиологической помощи. В ближайшее время (до 1 июля) будет принята комплексная Программа «Здоровье уральцев».

Активно пропагандируется здоровый образ жизни. Утвержден Комплексный план мероприятий по формированию здорового образа жизни населения Свердловской области на 2014-2018 годы.

В области работают 25 центров здоровья (19 для взрослых и 6 для детей). За I квартал 2015 года обследовано 48434 человека, из них 13267 детей.

Проводится диспансеризация населения, развиваются реабилитационные технологии, позволяющие снизить количество осложнений. Санаторно-курортное лечение ежегодно проходят до 180 тыс. уральцев в 71 санатории и профилактории области. В 2014 году обследовано 728 750 человек. С начала 2015 года охвачено диспансеризацией 255528 человек.

Особое внимание уделяется здоровью пожилых граждан: ежегодно проводятся комплексные медицинские осмотры ветеранов Великой Отечественной войны, вдов погибших и умерших инвалидов и участников ВОв, работают «школы здоровья», школы по уходу за пожилыми людьми.

Развиваются реабилитационные технологии, в том числе на ранних этапах заболеваний, позволяющие снизить число осложнений после перенесенных острых заболеваний и уровень инвалидизации.

99,8 % от общей численности выпускников выпускников государственных общеобразовательных учреждений в 2014 г. сдали единый государственный экзамен.

Охват горячим питанием учащихся общеобразовательных школ в 2014 г. составил 94,8 процента от общего количества обучающихся, общий охват питанием – 97,8 процента.

68,5 % работающих на промышленных предприятиях охвачены питанием.

За 2010-2014 годы введено более 63 тысяч дополнительных мест в дошкольных образовательных учреждениях. В 2015 году планируется ввести 17545 мест. Потребность в местах для детей в возрасте от 3 до 7 лет к 2016 году будет полностью закрыта.

Реализация подпрограммы 3 «Повышение уровня жизни населения Свердловской области» направлена на повышение уровня благосостояния населения.

Средняя заработная плата по области за январь-декабрь 2014 года составила 29600 рублей. В январе-апреле 2015 г. прогнозное значение этого показателя в экономике Свердловской области – 29620 рублей.

С момента реализации указов рост заработной платы составил:

- среди педагогических работников ДООУ, работников учреждений культуры, педагогических работников дополнительного образования – более чем два раза;
- у младшего медицинского персонала, преподавателей и мастеров производственного обучения – 1,8 раза;
- у педагогических работников общего образования и среднего медицинского персонала – более 1,5 раз;
- у врачей и социальных работников – почти 1,5 раза.

В сфере жилищного строительства в прошлом году в эксплуатацию сдано 2 миллиона 428 тысяч квадратных метров жилья, что в 1,4 раза больше, чем годом ранее. По данным за пять месяцев 2015 года сданы 1 миллион 68 тысяч квадратных метров жилья. В первом квартале 2015 года Свердловская область вышла на четвертое место в России по вводу жилья.

В 2014 году было построено около 30 километров новых дорог, свыше 160 километров отремонтировано.

На территории Свердловской области функционируют 66 филиалов многофункциональных центров (МФЦ) по приему заявителей – в 57 муниципальных образованиях Свердловской области, 641 «окно».

Функционирует 7 мобильных офисов МФЦ, обслуживающих 118 отдаленных населенных пунктов. 40,5 % граждан используют механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме. 64,1 % граждан Свердловской области имеют доступ к получению государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна» по месту пребывания.

Реализации подпрограммы 4 «Обеспечение безопасности жизнедеятельности населения» направлена на выполнение мероприятий по общественной безопасности и в сфере охраны труда.

В результате активной профилактической работы удалось достигнуть положительных результатов в борьбе с преступностью и в обеспечении общественного порядка. За 2010-2013 годы снижение криминальной активности было зарегистрировано практически по всем видам преступлений и составило 10 процентов. На уровне Российской Федерации за аналогичный период времени снижение криминальной активности составило 4 процента.

По итогам 2014 года оперативная обстановка на территории Свердловской области характеризовалась незначительным увеличением числа зарегистрированных преступлений (на 0,6% (69647)). При этом наблюдается снижение числа совершённых разбойных нападений – на 16,2% (430), грабежей – на 21,5% (2313), краж – на 4,6% (27250). В 2007 году несовершеннолетними было совершено 5220 преступлений, в 2014 году – 2680, что почти в 2 раза ниже уровня 2007 года.

Количество тяжелых несчастных случаев на производстве в 2014 году на 4 случая меньше показателя 2013 года (305 случаев). Количество погибших на производстве в 2014 году на 17 случаев меньше показателя 2013 года и составляет 70 случаев.

Эффективность комплексной программы в 2014 году составляет 106,8% (высокая эффективность).

За 2014 год почти 90 % установленных целевых показателей и мероприятий выполнены.

Как результат действия региональной стратегии в области демографии с начала 2000-х годов в области фиксируется рост рождаемости, по итогам 2012 года была преодолена естественная убыль населения. В 2014 году естественный прирост составил 2 428 человек, а за 3 последних года – более 6,5 тысяч человек.

В 2014 году родилось 62875 человек (14,6 промилле), умерло 60447 человек (14,0 промилле). Естественный прирост составил 2428 человек (0,6 промилле).

В январе-апреле 2015 года в Свердловской области родилось 19629 человек (13,8 промилле), умерло 21425 человек (15,1 промилле).

За январь-апрель 2015 года естественная убыль сократилась на 0,2 промилле и составила 1796 человек (1,3 промилле).

В целях сохранения положительных демографических тенденций разработаны Комплексные планы мероприятий, направленных на снижение смертности (на 3020 человек) и увеличение рождаемости (на 4000 человек) в Свердловской области на 2015 год.

Также необходимо учитывать, что в регионе, как и в стране в целом, наблюдается уменьшение численности трудоспособного населения, сокращается доля в населении репродуктивно активных возрастов, что в перспективе приведет к сокращению числа родившихся, даже в условиях сохранения высоких показателей

интенсивности деторождений. По данным на 1 января 2014 года, число женщин фертильного возраста (15-49 лет) в Свердловской области составило 1057,7 тыс. человек. По сравнению с данными на 01.01.2013 г. их численность сократилась на 15,2 тыс. человек. За последние пять лет численность женщин в данной возрастной категории сократилась на 122,1 тыс. человек, а по сравнению с 2002 годом – почти в 2 раза.

Реализация комплексной программы продолжается и в 2015 году. За первый квартал 2015 года достигнуто выполнение более 20 % целевых показателей.

Учитывая указанные тенденции в последующие годы необходима реализация мер по:

- мягкому регулированию календаря рождений за счет предоставления более широкого круга возможностей для женщин и молодых семей;

- снижению уровня смертности населения, в том числе совершенствование организации медицинской помощи и повышение ее доступности, профилактика социально значимых болезней, предотвращение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий, смертности от онкологических заболеваний;

- сокращению уровня материнской и младенческой смертности, улучшению работы службы родовспоможения, развитию перинатальной (дородовой) диагностики и неонатальной хирургии, профилактике и снижению числа аборт, расширению объемов и повышению эффективности лечения бесплодия с применением репродуктивных технологий;

- снижению масштабов злоупотребления алкогольной и табачной продукцией, профилактике алкоголизма, табакокурения и наркомании, формированию здорового образа жизни населения, профилактике.

Реализация комплекса стратегических документов позволит достичь повышения рождаемости, улучшения качества жизни, даст возможность нивелировать негативные тенденции демографического развития.

© Ноженко Д.Ю., Текст.

Информация об авторе

Ноженко Дмитрий Юрьевич (г. Екатеринбург, Россия) – министр экономики Свердловской области (620031, г. Екатеринбург, пл. Октябрьская, 1; e-mail: econom@gov66.ru).

Nozhenko D. Yu.

QUALITY OF POPULATION LIFE AS A FACTOR OF DEMOGRAPHIC STABILIZING IN THE REGION

Abstract. *The Minister of Economy of Sverdlovsk region reveals the main current and perspective directions of regional social and demographic policy his report. The value of the Concept of quality of life improvement in Sverdlovsk region till 2030 developed by order of the Governor of Sverdlovsk region is emphasized. Realization of the main actions of this Concept is shown.*

Keywords: population development, quality of population life, regulatory base, regional policy, concept, population saving.

Information about the author

Nozhenko Dmitry Yurievich (Yekaterinburg, Russia) – Minister of Economy of Sverdlovsk region (1-2012, Oktyabrskaya Sq., Yekaterinburg, 620031, Russia; e-mail: econom@gov66.ru).

УДК 364:316.3/.4

Гладкова Т.В.

О МЕРАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Представлен прогноз возрастной структуры населения Свердловской области до 2050 года. Показаны основные направления социальной поддержки семьи и детства в контексте региональной социальной политики (содействие в обеспечении жильем, меры материального стимулирования, обеспечение доступности дошкольного образования, создание условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью, мероприятия по укреплению института семьи).*

Ключевые слова: Свердловская область, население, прогноз возрастной структуры, семья, материнство и детство, социальные выплаты.

В стране в целом и в Свердловской области в частности отмечается сокращение численности населения трудоспособного возраста (мужчин в возрасте 15-59 лет и женщин в возрасте 15-54 лет). В 2014 году доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения по сравнению с 2007 годом составила 58,3%, сократившись на 4,9 % и составила 220,4 тыс. человек, численность населения старше трудоспособного возраста – наоборот, возросла по сравнению с уровнем 2007 года на 3,0 % и составила 128,2 тыс. человек. Средний (медианный) возраст в области в 2010 году составил 38,1 лет, увеличившись на 5 лет по сравнению с 1989 годом.

Положительная динамика рождаемости в Свердловской области привела к росту численности населения моложе трудоспособного возраста. Численность данной возрастной категории в 2014 году увеличилась на 82,3 тыс. человек по сравнению с уровнем 2007 года, ее доля в общей численности населения составила 17,5%.

По данным на 1 января 2014 года число женщин фертильного возраста (15-49 лет) в Свердловской области составило 1 057,7 тыс. человек. По сравнению с данными на 01.01.2013 г. их численность сократилась на 15,2 тыс. человек. За последние пять лет численность женщин в данной возрастной категории сократилась на 122,1 тыс. человек, а по сравнению с 2002 годом – почти в 2 раза.

Перечисленные выше тенденции приводят к росту нагрузки на трудоспособное население и экономику в целом. Перед нами стоит необходимость увеличения рождений на одну женщину, необходимо развивать социальную систему поддержки молодых и многодетных семей.

Одним из приоритетных направлений деятельности региональной политики является социальная поддержка семьи и детства.

В 2014 году число многодетных семей в Свердловской области увеличилось на 14 % по сравнению с 2013 годом и составило 38 226, а за 5 лет – в 1,7 раза, в таких семьях воспитывается 124 991 ребенок,

В 2014 году в Свердловской области по сравнению с 2010 годом на 2,5 % увеличилось количество рождений вторых детей, третьих и последующих детей – на 5,3 %.

Остановлюсь подробнее на мерах поддержки семей в области. Это прежде всего содействие в обеспечении жильем, меры материального стимулирования, обеспечение доступности дошкольного образования, создание условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью, мероприятия по укреплению института семьи.

В рамках содействия в обеспечении жильем семей с детьми, повышения доступности жилья для молодых и многодетных семей предоставляются:

- социальные выплаты в размере 35 % от стоимости жилья – молодым семьям без детей; в размере 30 процентов расчетной стоимости жилого помещения – для многодетных семей, имеющих трех детей, дополнительно при рождении (усыновлении) одного ребенка в размере 10 % к ранее полученной социальной выплате;

- финансовая поддержка молодым семьям, на погашение основной суммы долга и процентов по ипотечному жилищному кредитованию в размере 35-40 %.

- социальные выплаты для компенсации части расходов по оплате процентов по ипотечному кредиту.

За весь период за 2011-2014 годы улучшили свои жилищные условия более 2500 многодетных и молодых семей.

За 2011 – 2013 годы предоставлено 1604 социальных выплат многодетным семьям на сумму 2 234,1 млн. рублей. В 2013 году 380 молодых семей получили свидетельства о праве на получение социальной выплаты на приобретение жилого помещения или строительство индивидуального дома.

За 2014 год предоставлены социальные выплаты 744 многодетным семьям на сумму порядка 1 млрд. рублей. В 2015 году планируется улучшение жилищных условий за счет предоставления социальных выплат 609 многодетных семей. На 1 июня 2015 года социальные выплаты были перечислены 331 многодетной семье.

В 2015 году запланировано предоставление до 220 социальных выплат на приобретение (строительство) жилья и 30 дополнительных социальных выплаты при рождении (усыновлении) одного ребенка молодым семьям.

Реализуется механизм бесплатного предоставления земельных участков под индивидуальное жилищное строительство. В 2014 году 2203 многодетных семьи получили участки. В 2015 году планируется предоставить не менее 1600 участков.

Для многодетных семей Свердловской области, имеющих трех и более детей в возрасте до восемнадцати лет, предусмотрены следующие меры социальной поддержки:

- 1) ежемесячное пособие на ребенка, (назначается лицам, имеющим среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, установленного в Свердловской области) в размере 1200 рублей;

- 2) ежемесячное пособие на проезд по территории Свердловской области на всех видах городского пассажирского транспорта и на автомобильном транспорте общего пользования пригородных маршрутов на каждого ребенка, обучающегося в общеобразовательной организации;

- 3) компенсация 30 процентов расходов на оплату коммунальных услуг (при отсутствии задолженности по оплате);

4) бесплатное обеспечение лекарствами детей в возрасте до 6 лет в фармацевтических организациях по рецептам врачей;

5) бесплатный проезд по территории Свердловской области на автомобильном транспорте общего пользования (кроме такси) междугородных маршрутов для каждого ребенка, обучающегося в общеобразовательной организации;

6) бесплатное питание (завтрак или обед) для каждого ребенка, обучающегося в общеобразовательной организации;

7) компенсация среднего размера платы, взимаемой с родителей (законных представителей), за присмотр и уход за детьми, посещающими дошкольные учреждения;

8) первоочередное предоставление мест в дошкольные образовательные организации;

9) освобождение от уплаты транспортного налога одного из родителей (законных представителей) многодетной семьи за один зарегистрированный на него легковой автомобиль с мощностью двигателя от 100 до 150 лошадиных сил;

10) бесплатное предоставление комплекта одежды (стоимостью до 2000 рублей), для посещения ребенком из многодетной семьи, имеющей среднедушевой доход ниже установленной в Свердловской области величины прожиточного минимума на душу населения, государственной или муниципальной общеобразовательной организации, расположенной на территории Свердловской области.

В области реализуются мероприятия по организации отдыха детей. В 2015 году отдыхом и оздоровлением будет охвачено не менее 330 239 детей. В 2015 году в областном бюджете на проведение детской оздоровительной кампании предусмотрено выделить 1 119 207,8 тыс. рублей

В 2015 году в Свердловской области будет продолжена реализация проекта «Поезд здоровья» по организации отдыха и оздоровления детей из Свердловской области на черноморском побережье, в котором примут участие не менее 1 500 детей. В 2015 году за счет средств областного бюджета на отдых и оздоровление в детские оздоровительные лагеря, расположенные на территории Республики Крым и г. Севастополя, планируется направить 429 детей.

В области установлена частичная компенсация расходов от 25 до 90 % стоимости путевки в санаторные оздоровительные лагеря круглогодичного действия, расположенные на территории Свердловской области, в зависимости от среднедушевого дохода семьи.

С 1 января 2015 года размер материнского (семейного) капитала составляет 453 026 рублей.

Количество свердловских семей, получивших сертификат на материнский капитал, превысило 178 тысяч. Из них более 30 % семей распорядились средствами МСК полностью. Основное направление использования МСК – улучшение жилищных условий.

В 2011 году в области установлен областной материнский капитал, выплачиваемый на третьего или последующих детей, родившихся (усыновленных) начиная с 1 января 2011 года.

В 2014 году начата выплата областного материнского капитала (116 тыс. рублей). При рождении одновременно трёх и более детей размер капитала увеличивается до 166 тыс. рублей. В 2014 году выдано 23 267 сертификатов.

По состоянию на 01.05.2015 г. (нарастающим итогом с 2012 года) подано заявлений на получение сертификата на областной материнский (семейный) капитал – 27468; выдано гражданам сертификатов – 25955; из них: в 2012 году – 92, в 2013 году – 13 444, в 2014 году – 9731, в 2015 году – 2688.

Распорядились (распоряжаются) средствами областного материнского (семейного) капитала 2652 семьи, в том числе на:

- приобретение (строительство) жилого помещения – 1500;
- строительство, реконструкцию объекта индивидуального жилищного строительства – 620;
- оплату платных образовательных услуг – 194;
- оплату иных, связанных с образованием расходов – 42;
- оплату платных медицинских услуг – 65;
- приобретение садовых, огородных, дачных земельных участков, дач, садовых домов – 231.

С 2015 года в соответствии с постановлением Правительства Свердловской области от 18.12.2014 № 1166-ПП граждане имеют право досрочно распорядиться средствами областного материнского (семейного) капитала на погашение основного долга и уплату процентов по кредитам или займам на приобретение (строительство) жилья.

С 2013 года за счет средств областного бюджета осуществляется ежемесячная выплата на третьего и последующих детей, родившихся после 31 декабря 2012 года, семьям со среднедушевыми доходами ниже прожиточного минимума в размере прожиточного минимума на ребенка.

На 01.05.2015 г. выплата произведена 8783 гражданам на 9145 детей.

К 2016 году в Свердловской области будет обеспечено 100 процентов доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет.

За 2010-2014 годы введено более 63 тысяч дополнительных мест в дошкольных образовательных учреждениях, из них в 2014 году введено 19104 дополнительных мест. Очередь детей в возрасте от 3 до 7 лет, поставленных на учет для предоставления места в дошкольных образовательных учреждениях, на данный момент составляет 9077 человек. В 2015 году планируется ввести 17545 мест, в том числе за счет строительства новых ДООУ – 13945 мест, за счет реконструкции имеющихся – 3600 мест. Уровень доступности дошкольного образования для детей в возрасте от 3 до 7 лет на 01.01.2015 г. составляет 97 %.

Создаются условия для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью.

Три года реализуются мероприятия по профессиональному обучению (переобучению) женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

С момента начала реализации Указа президента Российской Федерации № 597, число женщин, прошедших профессиональное обучение выросло в 5 раз, в 2012 году было обучено 175 женщин. В 2015 году планируется обучить 1100 женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им трех лет.

В 2014 году прошли профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование 878 женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им трех лет в 458 организациях Свердловской области разных форм собственности, по 35 профессиям/специальностям, в том числе делопроизводитель, бухгалтер, парикмахер, повар, швея и др.

Проводятся мероприятия по укреплению института семьи.

Ежегодно отмечаются знаком отличия Свердловской области «Совет да любовь» семейные пары, прожившие в браке более 50 лет. С 2012 года награждены более 64 тысяч человек. Знаком отличия Свердловской области «Материнская доблесть» за 8 лет отмечены более 2850 многодетных матерей. В I квартале 2015 года знаками отличия Свердловской области «Материнская доблесть» награждено 74 женщины.

В октябре 2014 года в Театре Эстрады прошла торжественная церемония подведения итогов областного конкурса «Семья года – 2014», которая была приурочена ко Дню матери. По итогам конкурса были награждены семьи-победители в номинациях «Счастливые родители – счастливые дети», «Семейные династии», определена «Семья года – 2014». Примечательно, что во всех номинациях в 2014 году одержавшие победу семьи являются многодетными.

© Гладкова Т.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Гладкова Татьяна Викторовна (г. Екатеринбург, Россия) – заместитель министра экономики Свердловской области (620031, г. Екатеринбург, пл. Октябрьская, 1, к. 2012; e-mail: econom@gov66.ru).

Gladkova T.V.

MEASURES OF FAMILIES ECONOMIC SUPPORT IN SVERDLOVSK REGION

Abstract. *The forecast of the population age structure in Sverdlovsk region till 2050 is submitted. The main directions of family and childhood social support in the context of regional social policy are shown (such as housing maintenance, incentive measures, preschool education availability, ensuring conditions for combination of motherhood and work, actions for family institute strengthening).*

Keywords: Sverdlovsk region, population, age structure forecast, family, motherhood and childhood, social payments.

Information about the author

Gladkova Tatyana Viktorovna (Yekaterinburg, Russia) – Deputy Minister of Economy of Sverdlovsk region (1-2012, Oktyabrskaya Sq., Yekaterinburg, 620031, Russia; e-mail: econom@gov66.ru).

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

УДК 314.17:331.5

Алексеева Л.В.

О ЧИСЛЕННОСТИ И СОСТАВЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В РЫБНОЙ ОТРАСЛИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на основе опубликованных и неопубликованных источников исследованы процессы формирования трудовых ресурсов Ямало-Ненецкого национального округа. Уточнена численность работников рыбной отрасли Ямала в годы войны, показывается состав трудовых ресурсов, приводятся сведения о количестве и размещении принудительно вселенных в округ спецпоселенцев, а также количественные показатели участия в рыбном промысле коренного населения.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, округ, немцы, калмыки, спецпоселенцы, рыбаки.

По оценке известного ученого Г.Е. Корнилова, процесс формирования населения указанной территории прошел несколько периодов. Военное время относится к первому периоду демографической модернизации Ямала (с к. XIX по конец 50-х гг. XX в.) [8, с.136].

За период войны численность населения в округе не сократилась. Наоборот, имелся его некоторый рост, за 1941-1945 гг. составивший 5,4 %. Рост населения достигался механическим путем. Еще В.Б. Базаржапов указывал, что только с мая по октябрь 1942 г. в рыбное хозяйство Сибирского Севера было направлено 74,4 тыс. эвакуированных и переселенцев из западных районов СССР [1, с. 69]. По исследованиям Н. Михалева, в 1943 г. на территории округа насчитывалось 3604 человека эвакуированных. Образование Красноселькупского района (10 августа 1944 г.), переданного из Красноярского края, увеличило население округа еще на 2 тыс. человек [9, с. 41]. Депортированные в округ в 1942-1944 гг. составили около 8 тыс. человек. Население Ямала по данным на август 1944 г. исчислялось 49 тыс. человек [7, с.151]. Доля экономически активного населения составляла в годы войны чуть более 50% (16-54 года). На долю некоренного населения приходилось почти 43%. В годы войны в ЯННО пришли на производство 2,5 тыс. женщин, ранее в нем не участвовавших [12, с.130]. Ю.П. Прибыльский указывал, что к весне 1942 г. численность работников в округе уменьшилась на 50% [12, с.131]. Учитывая, что рыбная отрасль являлась ключевой в экономике округа, важно рассмотреть обеспеченность ее рабочей силой.

Таблица 1

Количество рыбаков на промыслах Ямало-Ненецкого округа [2, Ф. П-135. Оп. 1. Д. 300. Л. 3; 3, Ф. Р- 1787. Оп. 1. Д. 4. Л. 5]

Год	Всего	Гослов	Колхозы
1941	3503	759	2744
1942	4675	1075	3600
1943	5280	1480	3800
1944	9573	4473	5100
1945*	4667	1801	2866

* Данные на июнь 1945 г.

Удельный вес занятых на рыбодобыче в 1942 г. в ЯННО составлял в рыболовецких колхозах – 51,4%, в сельхозартелях – 30,3% [2, Ф. П – 135. Оп. 1. Д. 300. Л. 3 об.]. В 1944 г. на лове в округе участвовали 2 500 женщин [3, Ф.Р – 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 48].

Участие коренного населения в общественном производстве расширилось по сравнению с предвоенным временем. Однако сведений об этом крайне мало, специальных исследований на этот счет не проводилось. Л. Шинкарев обращал внимание на особенности трудового участия представителей народов Севера. В частности он писал: «Им, с детства привыкшим к естественному быту среди природы, нужно было через многое пройти в обстоятельствах строгой регламентации действий» [18, с. 285]. Ю.П. Прибыльский подчеркивал, что женщинам коренных национальностей Севера пришлось идти работать на общественное производство, что до войны было редким исключением [13, с. 237]. По данным Ямальского окружкома ВКП (б) в 1944 г. на пяти рыбзаводах (Шуга, Новый Порт, Аксарка, Салехард, Кушеват) работали 61 человек из числа представителей народов Севера. К концу войны в Ямальском округе на предприятиях трудилось всего 130 человек из числа коренных народов [17, с. 22]. В 1943 г. на рыбодобыче трудилось 1 245 женщин коренных национальностей (в 1940 г. – 439 человек) [5, с.253]. В справке «О количестве работающих в рыбной промышленности националов» управляющий трестом А. Засыпкин (май 1944 г.) приводил сведения по 5 рыбзаводам, всего работали 56 человек из числа народов севера [2, Ф. П -135. Оп. 1. Д. 302. Л. 14]. К началу путины 1945 г. планировалось привлечь в рыбную промышленность еще 500 человек из числа коренного населения [2, Ф. П -135. Оп. 1. Д. 284. Л. 55]. Выполнить эту задачу оказалось крайне сложно. Тундровики неохотно шли на общественное производство.

В период путины распоряжениями окружных советов привлекались на лов рыбы все трудоспособное население. Так, решением Ямало-Ненецкого окрисполкома от 18 июня 1942 г. проводилась мобилизация трудоспособного населения. В период с 20 июня по 15 сентября объявлялась платная трудовая повинность для всего трудоспособного населения округа, не работающего в государственных предприятиях и учреждениях. Мобилизации подлежали мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. Освобождались женщины, имевшие грудных детей, а также детей до 8 лет в случае отсутствия других членов семьи, учащиеся средних учебных заведений [3, Ф. Р – 814. оп. 1. Д. 190. Л. 108].

Значительный процент в трудовой силе округа составляли спецконтингенты. 12 июля 1942 г. бывшие ссыльные крестьяне (трудпоселенцы) призывных возрастов были призваны на фронт, что усугубило ситуацию с трудовыми ресурсами в округе. Власть должна была принять срочные меры по обеспечению края новыми рабочими руками. Выход был найден за счет привлечения спецконтингента. Новые спецпоселенцы из Западной Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии и других прифронтовых территорий стали осваивать рыболовство в жутких климатических условиях. В секретном приложении к указанному постановлению от 6 января 1942 г. на НКВД возлагалось решение задачи по организации переселения на Север. Планировалось в низовья Оби, на Байдарацкую, Тазовскую, Обскую губу и Гыданский залив направить в 1942 г. 10 тыс. человек и в 1943 г. еще 3 тыс. человек [2, Ф. П – 107. Оп. 1. Д. 632. Л. 144]. Однако еще до принятия указанного

постановления, 5 января 1942 г. на совещании при исполкоме Ямальского окружного совета был заслушан доклад «О мероприятиях Обьрыбтреста в области развития рыбного хозяйства Ямальского округа». На основе доклада было принято решение об установлении пунктов размещения для вселяемых в округ 2 150 хозяйств спецпереселенцев. На объединенном заседании бюро окружкома ВКП (б) и исполкома Ямало-Ненецкого окрсвета 24 февраля 1942 г. приняли постановление «Об организации работ по расселению ввозимых в 1942 г. в округ переселенцев», ставшее главным документом, определившим все основные вопросы обустройства ссылки в округе в 1942 г. Мероприятия по организации приема новых спецпоселенцев окончательно были утверждены на Пятой сессии окрсвета (5-7 марта 1942 г.) [9, с. 115-116].

Таблица 2

География размещения поселков для вновь прибывших спецпереселенцев в ЯННО в 1942 г. [9, с.117-118]

Район	Рыбозавод	Общее количество трудоспособных рабочих	Итого по району
Ямальский	Ново-Портовский Пуйковский	1275 400	1675
Шурышкарский		750	750
Приуральский	Аксарковский Салехардский комбинат	350 350	700
Надымский	Шугинский	1000	1000
Пуровский			400
Тазовский			1475
Итого по округу		6000	

Как следует из графика движения спецпереселенцев от 7 июля 1942 г., которых доставлял пароход «Орджоникидзе», транспортировке в ХМНО и ЯННО подлежало 11 369 человек. Из них трудоспособные составляли 8588 человек [6, Ф. 118. Оп. 2. Д. 19. Л. 2-4]. По сведениям Омгосрыбтреста, на Ямал было завезено 6383 человека (данные на 29 сентября 1942 г.). Иждивенцы составляли 2064 человека. Прибывших разместили в уже существующих поселках в порядке уплотнения, на факториях и в землянках (Гыдоямо, Тамбей, Яптик-Сале) [9, с. 119]. Судя по спискам переселенцев, в ЯННО направлялись в Новый Порт 141 человек, в Юрибей – 37 человек. Но поскольку навигация уже закончилась, то, по-видимому, их оставили в Тундрино (Ханты-Мансийский округ) [6, Ф. 118. Оп. 2. Д. 18. Л. 12-36].

Приказом от 9 марта 1942 г. началась вторая депортация немецкого населения, преимущественно из Ленинградской области (26 тыс. человек). Те из них, что оказались сосланными в северные округа, оказались в наиболее тяжелых условиях для выживания. Местные органы власти и руководители хозяйственных предприятий оказались не готовы к принятию новой партии ссыльных. По обоим округам (ХМНО и ЯННО) в 1942 г. планировалось построить 577 домов, построили всего 40. Размещали прибывших, где придется, нары ставили нередко в три яруса [11, с.20]. В ЯННО немцев расселили в Ямальском, Приуральском, Тазовском районах. Э. Клаузер (Красноселькуп) оставил воспоминания о работе

бурлаков на р. Таз [19, с.45]. Обследование ссыльных немцев Тазовской и Обской губы, проведенное в июле-августе 1942 г. показало, что многие страдали цингой, хроническими и инфекционными болезнями. Туберкулез был выявлен у 50%. Ссыльные научились ловить рыбу, делать лепешки из ягеля, салат из лиственной хвои. Карточки на 614 немцев (Ямальская спецкомендатура) хранятся в Салехарде в окружном краеведческом музее [11, с.46-47].

Справка о количестве переселяемых в Ямальский округ (1942 г.) содержала сведения о распределении их по рыбозаводам округа: Кушеватский – 400 человек, Салехардский консервный комбинат – 318, Аксарковский -200, Пуйковский -300, Шугинский – 450, Ново-Портовский – 520, Северный – 144 [6, Ф. 118. Оп. 2. Д. 19. Л. 47]. Так, в Ямальский район в 1942 г. было завезено 1 675 человек [10, с. 35]. Как следует из сводки в Союзнаркомрыбпром, в 1942 г. в ЯННО было завезено 6589 человек, в т.ч. переселенцев – 4302. Для них построено 7358 кв.м. жилья (землянки – 3576 кв.м.) [6, Ф. 118. Оп. 2. Д. 24. Л. 130]. Необеспеченность жильем переселенцев 1942 г. привела к пересмотру планов завоза в округ на 1943 г. Планировалось завезти 3 тыс. человек трудоспособных рабочих. Н.А. Михалев считает, что в 1943 г. переселенцы на Ямал не завозились [9, с. 121]. В 1944 г. завоз переселенцев на Ямал был возобновлен – это были калмыки. Планировалось доставить для Ямальского госрыбтреста 1536 человек. Калмыки прибыли в Омскую область в результате операции «улусы» по обвинению их в сотрудничестве с оккупантами. Они прибыли в январе 1944 г. и были расселены в южных районах Омской области. 30 апреля 1944 г. по постановлению Омского обкома партии и облисполкома «О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбопромысловые районы области» было намечено к переселению на Север 11393 человек. Фактически отправили 8597 человек [4, с. 203]. Калмыки должны были быть размещены только в Шурышкарском районе и Салехарде. Трудоспособные из них составляли 60% [9, с. 121]. Всего завезли в 1944 г. на предприятия Ямалрыбтреста 624 семьи калмыков (1467 человек), трудоспособные составляли 876 человек. Эта партия ссыльных была размещена в Шурышкарском районе и в пределах Салехарда [3, Ф.Р – 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 159]. По другим данным в округ было завезено 8548 калмыков [15, с.249].

Всего, таким образом, с 1942 г. по 1944 г. в ЯННО было завезено 6281 человек, из них трудоспособные составляли – 4081. Их распределили следующим образом: в рыбную промышленность – 3022, в колхозы – 356, в другие организации – 495. Убыло по разным причинам – 208. По данным окружкома ВКП (б) на 1944 г. на основе полученного статистического материала от 9 предприятий, можно получить представление о количестве использованных переселенцев и применении их труда в рыбной отрасли: всего работало 2335 человек, непосредственно в рыбодобыче принимало участие 628 человек, а на обработке рыбы человек – 359 [2, Ф. П – 135. Оп. 1. Д. 302. Л. 14]. В 1945 г. из общего числа занятых в рыбной промышленности округа калмыки составляли 15%. Из числа прикрепленных к Ямальскому рыбному тресту доля трудоспособных калмыков составляла 59,2%. Среди трудоспособных, женщины и подростки от 14 до 16 лет составляли 70% [16, с. 69-70].

Выводы. Численность населения округа в годы войны превысила 50 тыс. человек. Доля депортированных народов составила 8 тыс. человек. Численность занятых на рыбопромыслах составляла в среднем 4-5 тыс. человек в год,

исключение составил лишь 1944 г., когда было учтено 9 573 человека. Основную рабочую силу на добыче рыбы составляли колхозники и члены их семей, ссыльные и коренное население. Доля женщин участвующих в рыболовстве, варьировалась и по отдельным колхозам, рыбозаводам составляла от 1/4 до 2/3 в числе занятых на рыбодобыче. Весьма широко применялся детский труд. Ежегодно в рыбодобыче, по нашим оценкам, принимало участие до 1 тыс. ребят школьного возраста. Нехватка трудовых ресурсов в отрасли сохранялась в течение всего военного времени. Попытка ее решения за счет принудительной миграции, безусловно, сняла напряженность в количестве рабочих рук, но не в качественном отношении.

Библиографический список

1. Базаржапов В.Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1981.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).
3. Государственный архив Тюменской области (ГАТО).
4. Иванов А.С. Принудительная миграция спецпереселенцев-калмыков на Югорскую землю в годы великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // История Сибири, 1583-2006. Проблемы и перспективы. Сб. материалов рег. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2006.
5. История Ямала. Т. 2. Ямал современный. Кн. 1. У истоков модернизации / Гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2010.
6. Казенное учреждение «Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа» (КУ «ГАХМАО-Югры»).
7. Краеведение. УМК. История Тюменского региона. Тюмень, 2006.
8. Корнилов Г.Е. Население Ямала в XX в.: процесс формирования // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43).
9. Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века. Историко-демографический анализ. Екатеринбург, 2010.
10. Очерки истории Яр-Сале. Тюмень, 1997.
11. Петрушин А. «Путина» НКВД // Ямальский меридиан. 2004. № 7.
12. Прибыльский Ю.П. Перевод рыбного хозяйства Сибири на военный лад (1941—1942 гг.) // В грозные годы: Тр. науч. конф. «Сибиряки — фронту» (Омск, 12-14 мая 1971 г.). Омск, 1973.
13. Прибыльский Ю.П. Подвиг рыбаков Обь-Иртышья. Тюмень, 1970.
14. Реусова В. Ямальский государственный рыбопромышленный трест // Ямал. Энциклопедия ЯНАО. Салехард, 2004. Т. 3.
15. Северная энциклопедия. М.: «Европейские издания», 2004.
16. Серазетдинов Б.У., Иванов А.С. Спецпереселенцы-калмыки Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): особенности использования принудительного труда в рыбной промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41. История. Вып. 38.
17. 30 лет Ямало-Ненецкому округу (историко-экономический очерк) / Под ред. Д.И. Копылова. Тюмень, 1960.
18. Шинкарев Л. Сибирь: откуда она пошла и куда она идет. Факты, размышления, прогнозы. Новосибирск, 1985.
19. Эйхельберг Е.А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень, 1999.

© Алексеева Л.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Алексеева Любовь Васильевна (г. Нижневартовск, Россия) – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Нижневартовский государственный университет» (628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56; e-mail: lvalexeeva@mail.ru).

Alekseeva L.V.

ABOUT THE NUMBER AND STRUCTURE OF LABOR RESOURCES IN FISH BRANCH OF YAMAL-NENETS AUTONOMOUS AREA IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. *Processes of labor resources formation in the Yamal-Nenets national district on the basis of published and unpublished sources are investigated in the article. The number of employees of fish branch of Yamal in the years of war is specified, the structure of labor resources is shown, data on quantity and placement of the special settlers who were forcibly installed to the district and quantitative indices of participation in fishery of indigenous people are provided.*

Keywords: labor resources, district, Germans, Kalmyks, special settlers, fishermen.

Information about the author

Alekseeva Lubov Vasilievna (Nizhnevartovsk, Russia) – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History of Russia, Nizhnevartovsk State University (56, Lenin St., Nizhnevartovsk, 628605, Russia; e-mail: lvalexeeva@mail.ru).

УДК 911.3:314 (476)+331.52:63

Антипова Е.А.

РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В XXI ВЕКЕ: ТРЕНДЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Аннотация. *В статье проведен экономико-географический анализ рождаемости населения Беларуси за период 1989–2013 гг., определены основные факторы, влияющие на процесс, выявлены тренды и различия между городским и сельским населением, проведено зонирование территории по уровню рождаемости.*

Ключевые слова: рождаемость городского и сельского населения, тренды, пространственные различия и закономерности.

Демографическое развитие Беларуси в XXI веке происходит под влиянием эволюционного изменения репродуктивных установок населения постиндустриального общества; социально-экономической трансформации после распада СССР; институционально-правовых реформ, связанных с реализацией государственной демографической политики. Данные факторы обуславливают специфику демографических процессов в Беларуси. С одной стороны, они отражают европейские тенденции, с другой, обладают отличительными свойствами [1].

Основным трендом рождаемости в Беларуси конца XX – начала XXI века является поступательное сокращение. За 1991 – 2003 гг. рождаемость сократилась на 30 % – с 13 до 9 ‰ и достигла рекордно низких значений в демографической истории страны. Это было обусловлено преимущественно социально-экономической трансформацией белорусского общества. В настоящее время рождаемость в Беларуси оценивается как низкая, сопоставима со

среднеевропейской, однако на нее оказывают влияние факторы второго демографического перехода. Индивидуализация сознания, расширение функций женщины, изменение функций ребенка в семье, снижение устойчивости браков и рост разводов, происходящие в современном белорусском обществе, являются отражением демографических теорий инноваций и регулирования рождаемости.

С 2004 г. в Беларуси происходит изменение тренда рождаемости в сторону роста. За 2004-2013 гг. рождаемость в стране увеличилась на 35 % и достигла 12,5 ‰. Несмотря на то, что данный уровень по-прежнему оценивается как низкий, он обусловлен преимущественно демографическим структурным фактором. В репродуктивный возраст в 2000-х гг. в Беларуси вступило последнее многочисленное поколение женщин, родившихся в конце 1980-х гг. при преобладании в обществе семей с двумя и тремя детьми. На рост рождаемости в стране в XXI веке оказывает влияние также проводимая демографическая политика в рамках Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь, которая направлена на социальную и экономическую поддержку семей, в том числе с тремя и более детьми, защиту материнства и детства и пр.

Развитие демографических процессов в Республике Беларусь в XXI веке характеризуется поляризацией, проявляющейся противоположными трендами у городского и сельского населения в характере естественного движения и территориальной дифференциацией, заключающейся в выделении на полимасштабном уровне регионов и административных районов с относительно более благоприятной и неблагоприятной демографической обстановкой.

При сохранении тенденции естественной убыли населения в Беларуси для естественного движения населения страны характерна еще более выраженная поляризация, которая заключается не только в естественном приросте среди городского населения (2,1 ‰, 2013 г.) и естественной убыли среди сельского (10,2 ‰, 2013 г.), но и десятикратным разрывом между показателями (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная динамика рождаемости населения Беларуси, ‰ [6]

Население	Годы			
	1989 г.	1999 г.	2000 г.	2013 г.
Все население	15,1	9,3	9,4	12,5
Городское население	16,5	9,5	9,8	12,5
Сельское население	12,3	8,7	8,5	12,4

На фоне общего низкого уровня рождаемости в Беларуси наблюдается пространственная дифференциация, которая характеризуется усилением различий: 1) между городским и сельским населением; 2) на более низких уровнях пространственной иерархии (мезо- и микро-) – на уровне административных областей и районов; 3) на локальном уровне – на уровне отдельных городов. Пространственная дифференциация имеет центрo-периферийные свойства и проявляется в преобладании периферийных пространств с низкой рождаемостью над центральными и переходными с более высокой.

При общем увеличении рождаемости в городской и сельской местности с 2004 г. среди городского населения Беларуси наблюдается как более высокая рождаемость, так и более интенсивный ее рост. На региональном уровне четко выделяются две зоны с усиливающейся поляризацией рождаемости – южная и

центральная с более высокими значениями и северная – с низкими. На микрогеографическом уровне рождаемость, наиболее благоприятная для простого замещения поколений, характерна для двух категорий районов: 1) находящихся в зоне влияния столицы и региональных центров и 2) южных Полесских районов с действием культурно-исторического и миграционного факторов. На локальном уровне рост рождаемости характерен в Беларуси для трех категорий городов: столицы, крупных городов с численностью населения свыше 100 тыс. человек из-за более высокого уровня социально-экономического развития и социальных стандартов, малых городов с численностью до 20 тыс. чел., где с 2007 г. реализуется Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений, способствующая притоку инвестиций, развитию малого бизнеса, созданию новых рабочих мест, строительства жилья и др.

Различия между рождаемостью и смертностью городского и сельского населения Беларуси неоднозначны и характеризуется сближением параметров рождаемости и расхождением параметров смертности. Сокращение разрыва в рождаемости (12,5 ‰ и 12,4 ‰ для городского и сельского населения соответственно) связано со схожими мотивами репродуктивного поведения как городской, так и сельской белорусской женщины в XXI веке.

Рождаемость в Беларуси характеризуется низкими значениями, которые находятся на одном уровне со странами Европы. Различия в рождаемости между городским и сельским населением на протяжении более полувековой демографической истории заключались в более высоком ее уровне в городе по сравнению с селом, начиная с 1950-х гг. Сглаживание различий стало происходить в начале 1990-х гг., и в настоящее время разница составляет 0,1 ‰.

Динамика рождаемости городского населения Беларуси характеризуется рядом отличительных свойств, одним из которых является колебание характера тренда. Вплоть до 2004 г. наблюдалось сокращение рождаемости, в результате которого общий коэффициент уменьшился на 43 % и достиг минимального значения в XX веке – 9,4 ‰. Самая низкая рождаемость была характерна для конца 1990-х гг., что было связано с политическими и социально-экономическими трансформациями белорусского общества и неуверенностью населения в завтрашнем дне. Начиная с 2004 г. рождаемость у горожан увеличивается и в настоящее время составляет 12,5 ‰, что сопоставимо с уровнем начала 1990-х гг. Данное явление объясняется двумя основными факторами: 1) законодательно-институциональными – разработкой специальных мер государственной демографической политики по поддержке молодых семей и многодетных матерей, созданием центров охраны материнства и репродукции; и 2) демографическим – вступлением в репродуктивный возраст многочисленного поколения детей, родившихся в конце 1980-х гг. Вместе с этим за период 1989 – 2013 гг. произошло общее сокращение уровня рождаемости в городах Беларуси, и она по-прежнему оценивается как низкая, соответствующая средневропейскому уровню [2].

Наибольшие значения показателей рождаемости, как в 1989 г., так и в 2013 г., характерны для городского населения двух регионов Беларуси – Брестской и Гродненской областей. В основе данного явления лежат исторические факторы формирования территории, традиции и конфессиональный состав местного населения [5]. Самая низкая рождаемость характерна для белорусского Поозерья – Витебской области, что обусловлено мелкоселенной структурой городского

расселения. Именно в этом регионе в конце 1990-х гг. наблюдалось самое значительное сокращение рождаемости. В столичном регионе – Минской области, г. Минске, а также в восточной части белорусского Полесья – Гомельской области – рождаемость близка к средним республиканским значениям. При выявленной пространственной дифференциации уровня рождаемости в разрезе регионов масштабы сокращения за 1989-2013 гг. во всех областях одинаковы и составляют в среднем 24 % (табл. 2).

Таблица 2

Региональная динамика рождаемости городского населения Беларуси [6]

Области	Годы			Сокращение за 1989 -2013 гг., %
	1989 г.	1999 г.	2013 г.	
Брестская	18	11,1	13,5	25
Витебская	14,9	8,7	11,2	25
Гомельская	16,9	10	12,6	25
Гродненская	17,9	10,1	13,5	25
Минская	17,1	9,6	13,3	22
Могилевская	15,9	9,6	12,1	24
г. Минск	15,9	8,5	12,0	25
Беларусь	16,5	9,5	12,5	24

В целом в урбанизированном пространстве Беларуси можно выделить три зоны рождаемости: 1) юго-западную зону относительно высокой рождаемости; 2) центрально-юго-восточную зону средней рождаемости и 3) северную зону низкой рождаемости.

В динамике рождаемости сельского населения Беларуси прослеживается главный тренд XX века – сокращение, различающееся темпами, обусловленными различным сочетанием эволюционных и трансформационных факторов. Однако в отличие от предыдущих десятилетий период 1999-2013 гг. характеризуется ростом рождаемости, что обусловлено двумя основными факторами: демографическим – вступлением в репродуктивный возраст многочисленного поколения девочек, родившихся в конце 1980-х гг., и институциональным – разработкой и реализацией государственных программ, нацеленных на решение демографической проблемы в Республике Беларусь [3, 4]. С середины 1990-х гг. для рождаемости городского и сельского населения Беларуси устанавливается тенденция сближения параметров, которая сохраняется и в настоящее время (см. табл. 1).

В среднем общий коэффициент рождаемости сельского населения за 1989-2013 гг. увеличился на 1 % – с 12,3 до 12,4 ‰, при минимальных значениях в первые годы XXI века (8,2 ‰). На региональном уровне области характеризуются противоположными трендами. Рост рождаемости сельского населения при минимальных значениях в начале 2000-х гг. характерен для Гомельской и Минской областей. Отрицательная динамика свойственна, прежде всего, наиболее демографически «постаревшей» Витебской области, а также Брестской и Гродненской областям (табл. 3).

Закономерности региональных различий исторически обусловлены, характеризуются действием локальных факторов и являются устойчивыми, начиная с 1950-х гг. [5]. В сельской местности Беларуси выделяются две зоны относительно высокой рождаемости, превышающей средние значения по стране.

Региональная динамика рождаемости сельского населения Беларуси [6]

Области	Годы			Сокращение/рост за 1989 -2013 гг., %
	1989	1999	2013	
Брестская	12,9	10,2	12,5	-3
Витебская	12,1	8,0	10,8	-11
Гомельская	13,1	9,0	13,4	+2
Гродненская	11,0	8,1	10,9	-1
Минская	12,3	8,1	13,3	+8
Могилевская	12,4	8,4	12,4	0
Беларусь	12,3	8,7	12,4	+1

Первую зону формируют Полесские регионы – Брестская и Гомельская области, где и в настоящее время прослеживается действие историко-культурных, этноконфессиональных и природно-хозяйственных факторов рождаемости. Вторую зону образует столичная Минская область, где более высокий уровень социально-экономического развития обуславливает более высокие показатели рождаемости. В Витебской и Гродненской областях, как и в конце XX века, наблюдаются самые низкие показатели. Могилевский регион характеризуется значениями, близкими к среднереспубликанскому уровню.

Таким образом, анализ рождаемости городского населения Беларуси позволил установить пространственную асимметрию, которая выражается в наличии двух основных зон – условно более благоприятной (Брестская, Гродненская и Минская) и наименее благоприятной рождаемости (Витебская, Могилевская и Гомельская области), граница между которыми имеет румбовый вектор и проходит с северо-запада и юго-восток. Рождаемость населения в сельской местности Беларуси за 1989-2013 гг. также пространственно неоднородна и характеризуется преобладанием регионов с отрицательной динамикой.

Библиографический список

1. Антипова Е.А. Динамика и пространственные сдвиги в демографической структуре мира // Вестник БГУ. Сер. 2. Химия, Биология, География. 2011. № 3. С. 110 – 113.
2. Антипова Е.А. Пространственная асимметрия демографического развития городов Беларуси // Країнознавство. Науковий збірник. Випуск 2. 2012. Київ, 2012. С. 85 – 96.
3. Антипова Е.А. Регионализация демографического развития сельской местности Республики Беларусь в начале XXI века // Экономический бюллетень, № 10, 2013. С. 23-34.
4. Antipova E., Fokeeva L. Demographic processes in rural areas of Belarus: geographical structure and spatial dynamics // Bulletin of Geography Socio-economic Series, No 17, 2012. P. 5-12.
5. Antipova E.A. Spatial differentiation of demographic development of Belarusian cities in the post-soviet period // ANALELE ȘTIINȚIFICE ALE UNIVERSITĂȚII „ALEXANDRU IOAN CUZA” din IAȘI. Tom LVIII, s. II – c, Geografie 2012, ISSN 1223-5334 (printed version); SCIENTIFIC ANNALS OF “ALEXANDRU IOAN CUZA” UNIVERSITY of IAȘI Vol. LVIII, s. II – c, Geography series 2012 (online version) e-ISSN 2284-6379. P. 223 – 236.
6. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник. Минск, Национальный статистический комитет, 2014. 414 с.

© Антипова Е.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Антипова Екатерина Анатольевна (г. Минск, Республика Беларусь) – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой экономической географии зарубежных стран, Белорусский государственный университет, географический факультет (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4; antipova@bsu.by).

Antipova E.A.

FERTILITY OF BELARUS POPULATION IN XXI CENTURY: TRENDS AND REGIONAL DIFFERENCES

Abstract. *The economic-geographical analysis of fertility of Belarus population for the period 1989 – 2013 years is presented in the article, the main factors influencing the process are identified, trends and differences between urban and rural populations are conducted, fertility zoning is developed.*

Keywords: fertility of urban and rural population, trends, spatial differences and patterns.

Информация об авторе

Antipova Ekaterina Anatolievna (Minsk, Republic of Belarus) – Doctor of Geographical Sciences, Full Professor, Head of Economic Geography of Foreign Countries Department, Belarusian State University, Faculty of Geography (4, Nezavisimosti Av., Minsk, 220030, Republic of Belarus, antipova@bsu.by).

УДК 930(470)"19":314

Баранов Е.Ю.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СССР В 1930-Е ГОДЫ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Аннотация. *На основе анализа современной историографии выявляются основные исследовательские подходы к изучению демографической истории СССР в 1930-е гг., рассматриваются ее интерпретации. Показано, что в российской исторической демографии получила распространение теория демографического перехода.*

Ключевые слова: историческая демография, демографическая история, демографическая модернизация, демографический переход, демографический кризис, историография.

За последнюю четверть века была создана достаточно обширная историография демографической истории СССР. Это связано, во-первых, с общественным и научным интересом к «запретным» для исследователей в советский период темам потерь населения вследствие репрессий, голода, войн и иных социальных катаклизмов, а также с возможностью снять гносеологические ограничения и выйти за рамки демографической парадигмы, основанной на сталинском тезисе о росте населения при социализме. Во-вторых, проведение историко-демографических исследований актуализировалось негативными тенденциями в демографической сфере России, прежде всего проявившейся в 1990-е гг. депопуляцией. Изучение текущих кризисных тенденций мотивировало обращение к историческому опыту подобных состояний.

Одним из объектов пристального внимания ученых стала социально-демографическая сфера 1930-х гг. – периода активной социально-экономической трансформации, обусловленной форсированной индустриализацией, сплошной

коллективизацией и репрессиями. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. были опубликованы первые отечественные исследования о «жертвах сталинизма» в 1930-е гг., основанные на анализе архивных материалов. Отечественные историки также обратились к изучению истории организации и проведения всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. Первоначально большая часть исследований демографических процессов и структур в 1930-е гг. строилась на основе сопоставления и анализа данных всесоюзных переписей 1926, 1937, 1939 гг.

В историко-демографических работах этого периода большое внимание уделялось, прежде всего, проблеме кризисов демографической сферы, их социальной обусловленности и последствий, а также вопросу достоверности советской статистики, который напрямую связан с задачей оценки потерь населения вследствие различных социальных катаклизмов. Е.М. Андреевым, Л.Е. Дарским, Т.Л. Харьковой в тот период была предпринята попытка восстановить динамику численности населения СССР, России, а также показатели демографического воспроизводства и миграционного движения населения, рассчитать людские потери в результате социальных катастроф (голода, войны) [1; 2]. При этом исследователи доказывали «нереальность» оценок Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР, говорили о недоучете населения, случайных искажениях и намеренной фальсификации статистики в 1930-е гг. Поэтому они проводили коррекцию, выравнивание демографических данных. Общие демографические потери СССР за период с 1927 по 1941 гг. были оценены демографами в 13,5 млн чел., а людские потери составили около 7 млн чел., то есть проведение «принудительной» коллективизации, голод 1933 г. и репрессии унесли жизни 7 млн чел. [2, с. 60–61].

На современном этапе историографии в рамках научной полемики о демографических кризисах и катастрофах в России в первой половине XX в. одной из широко дебатированных тем является тема голода 1932–1933 гг. [4], который вместе с сопутствовавшими ему эпидемиями стал основной причиной демографической катастрофы. Ведущий отечественный специалист по этой теме В.В. Кондрашин в предисловии к сравнительно недавно изданному третьему тому подготовленного под его руководством фундаментального документального издания «Голод в СССР. 1929–1934» констатирует наличие в историографии различных оценок числа жертв голода 1932–1933 гг., варьирующихся в пределах от 3 до 10 млн чел. Он приводит расчеты демографических потерь вследствие голода, произведенные С. Уиткрофтом, которые считает наиболее точными и реально отражающими масштабы и региональные особенности социального бедствия. При этом историк, ссылаясь на С. Уиткрофта, пишет об убедительности данных ЦУНХУ за этот период по регистрируемому в РСФСР, УССР и БССР населению. Так, сверхсмертность от голода на территории СССР, охваченной учетом ЦУНХУ (территория Украины, Северного Кавказа, Поволжья, ЦЧО, Урала, Сибири и др.), в 1933 г. по сравнению с предшествующим периодом (нормальным уровнем) составила 3,5 млн чел. Этот показатель в неохваченных учетом ЦУНХУ районах СССР (Казахстан, Средняя Азия, Дальний Восток и др.) находился в пределах 1,5 млн чел. Жертвами голода стали такие категории населения, как спецпоселенцы, заключенные Гулага и т.д., потери среди них оценены примерно в 600 тыс. чел. В целом от голода в СССР в 1933 г. могло умереть 5,6 млн чел. (избыточная смертность, прямые жертвы голода). Дефицит рождаемости в этом году в стране

составил примерно 3 млн чел. (косвенные жертвы голода). В результате общие демографические потери СССР исчисляются числом не менее 8 млн чел. [6, с. 43, 47].

Сегодня отечественными историками и демографами предпринимаются попытки обобщений демографической истории России. Самым существенным результатом стало трехтомное издание «Население России в XX веке», в первом томе которого дана характеристика численности населения, его репродуктивного, брачного поведения, семейной структуры, половозрастного, этнического состава в 1930-е гг., выявлены изменения в демографических процессах и структурах, обусловленные реализацией государственной стратегии форсированного социально-экономического развития страны. В монографии уделено внимание вопросам последствий для населения репрессивной политики, в связи с этим были проанализированы численность, состав, расселение спецпереселенцев, численность и состав заключенных, основные итоги массовых депортаций. По мнению авторов, «кризисная демографическая ситуация в первой половине 30-х годов надолго затормозила и деформировала естественный процесс демографического перехода к новому типу воспроизводства населения, развивавшемуся тогда в странах индустриального мира» [10, с. 392].

Теория демографического перехода получила достаточно широкое распространение в российской историко-демографической литературе. А.Г. Вишневский, будучи одним из родоначальников разработки данного теоретического концепта в нашей стране, в последних работах при характеристике трансформаций в демографической сфере России в XX в. использует термин «демографическая модернизация», содержание которой составляет комплекс перемен в матримониальном, прокреативном, сексуальном, семейном, жизнеохранительном, миграционном поведении людей. Демографическую модернизацию России, по мнению демографа, с одной стороны, следует рассматривать «в контексте общей модернизации страны, за исторически короткое время превратившейся из аграрной, крестьянской, сельской, малограмотной в промышленную, городскую и высокообразованную». С другой стороны, демографическая модернизация России является частью всемирной демографической модернизации, глобального демографического перехода [7, с. 9].

Российские демографы – авторы коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000», подготовленной под руководством А.Г. Вишневского, считают, что Россия в XX в. не смогла накопить «демографический запас» роста населения, упустила такую возможность, открывавшуюся вследствие асинхронной динамики рождаемости и смертности в период демографического перехода. Главной причиной такой ситуации стали «огромные» демографические потери, обусловленные экзогенными обстоятельствами (войны, голод, эпидемии, политические репрессии). Периоды демографических катастроф 1927–1939, 1940–1945, 1946–1953 гг., несмотря на различия в факторах и характере их действия, вследствие того, что ряд факторов действовал непрерывно, авторами книги рассматриваются единым блоком. Оценивая демографические потери, авторы условно предполагают, что к концу XX в. население России могло бы быть почти на 113 млн чел. больше, чем оно было в действительности, если бы стране удалось избежать демографических катастроф в первой половине столетия [7, с. 399–400, 446].

Историк-демограф В.Б. Жиромская, рассматривая особенности демографической модернизации в России, ее направления и этапы, пишет о прерывном характере демографического перехода. Она считает, что вследствие экзогенных, социальных причин в России первая фаза демографического перехода, связанная с понижением смертности, оказалась очень длительной, затянутой, низкие показатели смертности не могли установиться и стабилизироваться в течение длительного периода. Сверхсмертность в СССР в мирные годы (конец 1920-х – вторая половина 1930-х гг.) составила около 11 млн чел., в том числе в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) – более 4 млн чел. В.Б. Жиромская предпринимает попытку проследить влияние демографических потрясений начала 1930-х гг. на половозрастную структуру населения, а также делает выводы о господстве в советском обществе традиционного отношения к семье в это десятилетие и довольно медленном и постепенном процессе нуклеаризации семьи. Характеризуя демографические процессы в стране в 1930-е гг., она указывает на воздействие на них голода, насильственных переселений, репрессий, интенсивных добровольных миграций, связанных с привлечением населения на новые промышленные стройки. Следует отметить, что В.Б. Жиромская выявляет тенденцию снижения относительных показателей рождаемости, в том числе и в сельской местности. В деревне во второй половине 1920-х гг. суммарный коэффициент рождаемости (один из ведущих измерителей демографического поведения) составлял 5,4 рождений на одну женщину, а во второй половине 1930-х гг. – 4,4 [8, с. 15, 16, 22, 123].

В последнее время появились историко-демографические исследования городской и сельской семьи в России, реализованные на основе парадигмы демографического перехода, в отношении института семьи предполагающей осуществление перехода от патриархальной многодетной семьи к семье нуклеарной малодетной. По мнению О.М. Вербицкой, на рубеже 1920–1930-х гг. наступил новый этап трансформации российской сельской семьи, начавшийся с политики коллективизации и раскулачивания, и условно датируемый 1929–1959 гг. На этом этапе процесс обновления семейно-брачных отношений у жителей села заметно ускорился, и сельская семья вступила на путь постепенного перехода «от патриархальности к современности». Важнейшим фактором перемен стало «углубление урбанизационных процессов», вследствие чего усилилась миграционная активность жителей села, покидавших деревню. Однако в этих условиях сельская семья продолжала справляться с осуществлением репродуктивной функции, и до конца 1950-х гг. она обеспечивала простое, а в ряде районов и расширенное воспроизводство населения, устойчивое возобновление поколений [5, с. 14, 270, 273].

Н.А. Араловец считает, что для брачно-семейных отношений горожан в конце 1920-х – 1930-е гг. было характерно и ранее наблюдавшееся явление увеличения экономической и морально-психологической самостоятельности женщин, в мотивации вступления в брак и создания семьи значительно возросло «значение взаимных чувств», а урбанизация и атеистические настроения в обществе способствовали трансформации «традиционного сознания населения». Тем не менее, несмотря на относительное снижение ценностей брака и семьи, большая часть мужчин и женщин состояли в браке и имели семьи, причем в 1930-е гг. «нравственными» признавались только те брачные союзы, которые были

оформлены в загсах. В этот период в городах РСФСР преобладали малочисленные семьи (3–4 чел.), состоявшие из супругов и детей, также были зафиксированы неполные семьи из 2 чел. Величина городской семьи сокращалась в значительной степени в связи с понижением в ней числа детей, что было обусловлено изменениями в репродуктивном поведении населения, последствием которых было дальнейшее распространение внутрисемейного регулирования рождаемости [3, с. 241–244]. Исследования Н.А. Араловец и О.М. Вербицкой, свидетельствуют о трансформации института семьи в 1930-е гг.

Тема принудительных миграций (насильственных перемещений, депортаций) получила свое развитие в рамках изучения истории спецпоселенчества, «кулацкой ссылки», роли спецпереселенцев в формировании населения различных регионов страны. В.Н. Земсков реализовал фундаментальное исследование спецпереселенцев (в 1934–1944 гг. – трудпоселенцев) статистического характера, он охарактеризовал масштабы принудительных миграций, демографическое поведение, половозрастной и национальный состав спецпереселенцев, выявил географию их расселения. В 1930-е гг. раскулаченные крестьяне составляли подавляющее большинство находившихся на спецпоселении людей, поэтому спецпоселенческая система в тот период часто называлась «кулацкой ссылкой». По подсчетам ученого, через «кулацкую ссылку» прошли около 2,5 млн чел. [9, с. 281]. П.М. Полян предпринял попытку проанализировать направления принудительных миграций, изменения в географии зон вселения спецпереселенцев, «волны» депортаций. Он считает, что пик депортаций в 1930-е гг. пришелся на начало десятилетия (1930–1931 гг.), когда СССР находился в состоянии «необъявленной гражданской войны с собственным крестьянством» [11, с. 239].

В постсоветском научном пространстве исследования принудительных миграций первоначально несколько нивелировали изучение миграционного движения населения в целом. Однако в настоящее время история миграций изучается учеными, с одной стороны, с точки зрения выявления основных направлений миграционных потоков, анализа факторов, форм и объемов миграций, состава мигрантов в различных исторических условиях, также решаются задачи периодизации истории миграций, определения их роли в демографической трансформации России и ее регионов. С другой стороны, тема миграций рассматривается историками в контексте процесса урбанизации, как фактор этого процесса, действие которого в связи с проведением форсированной индустриализаций усилилось в стране в 1930-е гг.

Подходы к изучению демографической истории СССР прошли путь от закономерного в контексте осуждения сталинского режима в конце 1980-х – начале 1990-х гг. обращения к проблеме оценки «жертв сталинизма» и анализу демографических потрясений 1930-х гг. до реализации попыток фундаментальных обобщений, выявления исторических закономерностей демографического развития на основе теории демографического перехода. Региональные исследования на современном этапе развития историографии реализовывались, по сути, также в соответствии с этой закономерностью. Но именно в углубленном изучении демографического развития в региональном измерении мы видим перспективы дальнейшего изучения темы (на мезо- и микроуровне исторической действительности). При этом необходимо уделять особое внимание вопросу верификации статистики населения, проблеме демографического поведения

различных этнических общностей, матримониальному, репродуктивному поведению, семейному составу населения.

Библиографический список

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М.: «Информатика», 1998. 187 с.
2. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М.: Наука, 1993. 142 с.
3. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.
4. Баранов Е.Ю. Демографические последствия голода начала 1930-х годов в СССР (историографический аспект) // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 253–260.
5. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). Москва–Тула: Гриф и К, 2009. 296 с.
6. Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. / Отв. ред. В.В. Кондрашин. М.: МФД, 2013. Т. 3: Лето 1933 – 1934. 960 с.
7. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
8. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. 320 с.
9. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
10. Население России в XX веке: в 3-х т. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. Т.1. 1900–1939. 463 с.
11. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. 328 с.

© Баранов Е.Ю., 2015. Текст.

Информация об авторе

Баранов Евгений Юрьевич (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: eubaranov@yandex.ru).

Baranov E. Yu.

DEMOGRAPHIC HISTORY OF THE USSR IN THE 1930S: RESEARCH APPROACHES AND INTERPRETATIONS

Abstract. *Based on the analysis of modern historiography identifies the main research approaches to study the demographic history of the USSR in the 1930s, analyzes the historical interpretations of the demographic development. It was demonstrated that the theory of demographic transition has spread in the Russian historical demography.*

Keywords: historical demography, demographic history, demographic modernization, demographic transition, demographic crisis, historiography.

Information about the author

Baranov Evgenij Yurievich (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: eubaranov@yandex.ru).

ФАКТОРЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ЧИСЛА НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ НА УРАЛЕ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Аннотация. *Рост числа внебрачных рождений обусловили либерализация морали, брачные традиции коми-пермяков, дисбаланс половозрастной структуры горнозаводского населения, узость его брачного рынка, патернализм заводовладельцев, рекрутские наборы, статус солдатских жен, порядок регистрации рождений старообрядцев.*

Ключевые слова: внебрачная рождаемость, незаконнорожденные, сексуальное поведение, сводный брак.

Несмотря на то, что дети, рожденные вне юридического брака, практически всегда в процессе воспроизводства новых поколений рассматривались особо, и, как правило, их ожидало незавидное будущее, внебрачная рождаемость остается на периферии внимания специалистов по демографии. При анализе этого исключительно социального регулятора рождаемости видно, насколько может быть велика и значительна социокультурная составляющая такого биологического феномена, как воспроизведение на свет потомства. Обращение к истории народонаселения Урала – края, где проживали весьма отличные друг от друга группы людей, помогает осознать, что общие юридические основы незаконнорожденности могли корректироваться местными условиями, а сама она не исчерпывалась ощущением женщинами, допустившими внебрачное рождение и их детьми своей ущербности.

Термин «внебрачная рождаемость» вошел в обиход отечественных юриспруденции и общественного мнения в конце XIX – начале XX вв. и начал вытеснять постоянно употребляемые понятия «незаконнорожденные», «незаконноприжитые» дети (проступком в России признавалось само внебрачное зачатие). В течении XIX в. число таких младенцев постоянно росло. Причины «повреждения» нравов современникам виделись в появлении и развитии фабрик и заводов. Действительно, ситуация в горнозаводских районах Урала подпадала под это объяснение. Процент незаконнорожденных детей в заводских селениях постепенно возрастал. В 1800-1813 гг. при средних цифрах 0,65 незаконных родов в год у населения Верх-Исетского завода он составлял 0,6% от общей рождаемости. В Ирбитском заводе за период 1853-1861 гг. доля незаконнорожденных выросла до 2,53%, а ежегодно в среднем там набиралось 2,77 таких разрешений от бремени. В пореформенный период незаконная рождаемость росла более быстрыми темпами. Согласно данным по Чермозскому заводу, изменения наметились уже в последние дореформенные годы. В промежутке между 1855 и 1866 гг. заводскими жительницами ежегодно производилось на свет почти 23 незаконнорожденных, в общей рождаемости их доля повысилась до 8,2%. На других заводах, например, Ижевском, положение складывалось не столь критически. Хотя и там в 1860-1878 гг. данный показатель по сравнению с ирбитским чуть подрос, составив 3,03% от общего количества родов. Васильевско-Шайтанский завод в более позднее время – 1870-1889 гг. – демонстрировал вполне приличные 2,19% от общей рождаемости [2, с. 65].

Рост числа незаконных рождений дореволюционные авторы связывали именно с освобождением населения от крепостной зависимости, поскольку появление свободного рынка труда привлекло в горнозаводскую промышленность

женщин. Совместная с мужчинами работа якобы сильно «пошатнула» нравы. Священник Свято-Троицкого собора Кушвинского завода полагал, что незаконные сожителства порождаются «условиями самой заводской жизни, отхожих промыслов и приисков, в особенности последних, где молодые люди – мужчины и женщины спят в общих казармах» [10]. Проехавший в 1870-е гг. по Уралу журналист В.И. Немирович-Данченко воочию наблюдал проявления сексуальной свободы. «Целомудрие вовсе не считается здесь доблестью и супружеская ревность почти неизвестна», – писал он о «более деморализованном, чем мужик» жителе Кизеловского завода [7, с.70]. Среди журналистских зарисовок на этот счет верхом половой распущенности следует признать описание перерыва в работе коксовых печей в Луньве: «Бабыё, какое было при работах, воспользовалось отдыхом по-своему, прихватив с собой и мужиков. Смешение полов, а следовательно и легкость нравов, здесь беспредельны. Не говоря уже том, что никаким обычаем известные отношения не связываются, баба не имеющая «душеньки», считается здесь чем-то отверженным» [7, с.111].

Падение нравов наглядно иллюстрируют данные по Ижевскому заводу. До увольнения оружейников от «обязательных» работ в 1860-1866 гг. один незаконнорожденный приходился на 64,9 младенцев, в 1866-1872 гг. – на 28,68, в 1872-1878 гг. – на 23 [1, с.49]. За десятилетие произошло падение показателя более чем в два раза. Ситуацию с незаконнорожденными в конце XIX в. характеризует статистика по трем заводам Сысертского округа. В центральном, самом населенном Сысертском заводе за пятилетие 1888-1892 гг. на свет появлялся ежегодно 21 незаконнорожденный младенец, что прибавляло 3,6% к общей рождаемости. В Полевском заводе рождалось 11,2 таких детей, а их доля все равно составляла 3,54%. Падение уровня не происходило параллельно снижению количества незаконнорожденных из-за небольшого количества жителей. В Северском заводе, считавшимся селением захолустным, в среднем ежегодно происходило всего 7,6 незаконных рождений, доля же их в общей рождаемости являлась самой большой, достигая 4%. Возможно, вполне благополучный показатель внебрачной рождаемости в общей, составивший за последнее десятилетие XIX в. в Камбарском заводе 2,2%, зависел от значительной численности его населения [2, с. 65].

На первый взгляд Урал – целый промышленный регион неоспоримо доказывает связь незаконной рождаемости с эмансипацией женщин и демографического поведения в эпоху индустриализации. Однако на примере его истории наглядно видно, что незаконная рождаемость являлась весьма сложным феноменом, а источники увеличения численности подобных рождений коренились даже в наиболее патриархальном – сельском и инородческом населении.

На территории края действовала еще одна общероссийская причина повышения внебрачной рождаемости. Задолго до начала промышленного бума в стране широкую дорогу незаконным рождениям открыл Петр I, начав формировать вооруженные силы путем рекрутских наборов. Самая многочисленная в Европе русская армия, сделавшая в XVIII в. Россию ведущей европейской державой, способствовала формированию столь же представительной армии незаконно прижитых солдатками детей. Пожизненная армейская служба мужей автоматически присваивала потомству таких женщин, оставшихся на прежнем

месте жительства (а среди солдаток подобных «соломенных вдов» было подавляющее большинство), статус незаконнорожденных.

На протяжении XVII-XVIII вв. Урал стал раскольничьим регионом. Получившие в XIX в. широкое распространение у приверженцев нескольких старообрядческих толков сводные браки до указа о веротерпимости 1905 г., который уравнивал всех староверов при заключении браков в правах с лицами инославных исповеданий, не признавались властями. Поначалу супругов насильно разлучали, ссылали, даже заключали в тюремные замки. Однако количество сводных браков, как и разбирательств по ним, росло. В 1852 г. дело «о преданных суду за вступление в брак без повенчания крестьянина деревни Белоноговой Корнее Рыжкове и крестьянке Ирине Кочариной» дошло до Комитета министров, который высказался однозначно: «узаконить... брак... венчанием в единоверческой церкви, где совершается служение по старопечатным книгам, к коему они привыкли, объяснив им, сколь выгодно для них сие действие, согласное с общими государственными постановлениями, ибо они приобретут чрез то спокойную жизнь и дети их будут пользоваться покровительством закона» [3, с. 80-83]. Исключение из общего правового пространства не останавливало приверженцев «древлего благочестия», продолжавших заключать неофициальные брачные союзы. Челябинский уездный суд, с которого начались неприятности у супругов Рыжковых, постоянно рассматривал аналогичные случаи: 12 октября судьи заседали по поводу сводного брака крестьянина Петра Шалдина с девкой Лукиных, 1 ноября – крестьян Семкина и Белоногова с девками Никифоровой и Кривошековой. 3 декабря – крестьянина Алексея Мельникова с девкой Авдотьей Масловой, 10 мая 1857 г. – крестьянина деревни Песчанской Василия Белькова с девкой Федорой Дмитриевой, 28 сентября – крестьянина Михайлова с девкой Казанцевой, 14 октября – крестьянина Сергея Сеницына, 6 декабря – крестьянина Савелия Тельминова с девкой Марьей Весниной и крестьянина Луки Тельминова с девкой Акулией Масловой, 9 декабря – крестьянина Афанасия Тельминова с девкой Маремьяной Логиновских и крестьянина Логина Веснина с девкой Палагеей Благиной [11].

В пореформенное время власти перестали «простирать» к старообрядцам требования церковного «освящения» брака, однако потомство подобных сожительства официальной статистикой зачислялось в разряд незаконнорожденных, повышая число таковых в отчетности уральских губерний. Правила «о метрической записи браков, рождений и смертей раскольников» начала 1870-х гг. гласили: «дети подлежат записи в метрику, если в такой книге записан брак их родителей; записанные признаются законными» [8, с.836]. Игнорирование матерями и отцами формально-юридической процедуры регистрации брака и рождения порой самым ужасным образом сказывалось на судьбе их отпрысков. А. Чесноков рассказывает о кержаке деревни Монастырской Тулпанской волости Чердынского уезда Кононе Собянине, который оставил жену от сводного брака с четырьмя детьми. Та «билась, билась, как рыба об лед, собрала своих детей, увела их в Парму, в избушку, затопила ее, а детей заперла, – они были маленькими, – и ушла; хватились детей, пошли в избушку и нашли всех задохшимися от дыма». «Говорят, такие случаи нередки», – комментировал происшествие Чесноков, ссылаясь на беседу с еще одной местной жительницей: «А куда ж мне их девать-то? – говорила мне женщина уже бывшая в сожительстве и имевшая детей,

которые умерли». Далее его собеседница выразилась предельно жестко: «Я бы назло мужу сделала, – зажарила бы и я детей, – на, сволочь, жри их мясо – ты их наработал, а кормить не хошь!...» [9, с.60].

Новые веяния сочетались со старыми, даже архаическими практиками. Коми-пермяки поощряли добрачную рождаемость, свидетельствующую о хорошей фертильности невесты. Обрусевшее пермяцкое население, составлявшее значительную часть жителей северо-западного Урала, не отступало от прежних правил, внося свою лепту в повышение уровня незаконной рождаемости. «Понятие о чести слабее, на нравственность детей смотрят сквозь пальцы, незаконнорожденных больше», – указывал в 1859 г. на характерные черты жителей Чердынского уезда А.М. Луканин, отмечая, что они «происхождения пермяцкого, но обрусевшие». «В некоторых селах, – продолжал он, – крестьяне не отдают дочерей своих в замужество, пока они не забеременеют, – и это нисколько не считается зазорным для родителей или бесчестьем для невесты. Бывает даже, что родители изобидятся и останутся в претензии, если у них станет сватать кто-нибудь дочь, когда она молода и невинна... С другой стороны и женихи не оббегают таких невест» [5, с.24]. Традиции добрачной свободы молодежи обоего пола устойчиво сохранялись. Во время плавания по р. Косье Немировича-Данченко поражали взгляды бывшего пермяцкого населения села Филягино. «Что доброго, если никто девку не любит. Значит не стоит она!.. Из такой девки и бабы хорошей не будет», – заявляли ему местные жители. Из подобных представлений, по наблюдению путешественника, вытекало два следствия: «Девственность не ставится ни во что и теряется очень рано»; «Детей девка может иметь сколько хочет, от них прибыль в дом...» [7, с.208]. А. Чеснокова в начале XX в. также удивляло поведение юношей и девушек Чердынского уезда: «В свободное от работ время девушки уходят в гости в дальние деревни, и это гостевание происходит иногда целыми месяцами... И вот невеста ходит по деревням, отыскивая жениха, и при этом ведет совершенно свободный образ жизни, считая не позорным спать с парнями. Иногда это «гостевание» бывает удачным..., но иногда возвращается вдвоем с бьющимся под сердцем ребенком. Точно также парни ходят отыскивать невест» [9, с.60].

Спецификой горнозаводского Урала, повышающей уровень незаконной рождаемости, стало огромное число вдов фертильного возраста на заводах. В связи с ранним и быстрым вымиранием мужских поколений овдовевшие не могли рассчитывать на повторный брак. Однако сочетание нарушенной половозрастной структуры, затрудняющей женщинам вступление в повторный (и даже первый брак) с патерналистскими устремлениями ряда заводовладельцев и казны привело к тому, что внебрачным (вернее послебрачным) детям вдов помогали, тем самым способствуя выживанию такого потомства. Благотворительность владельцев и казны обеспечила высокую степень социальной и психологической независимости жительниц горнозаводских поселков, способствовала расшатыванию традиционных представлений о приемлемости только брачной рождаемости. Уже в последней трети XVIII в. девкам и вдовам, имевших незаконнорожденных детей на Нижнетагильских заводах выдавался провиант и молоко. К примеру, девка Агафья Надеждина получала помощь на незаконнорожденную дочь Марию. А вдова Екатерина Белякова на всех своих четырех незаконнорожденных детей [12]. Когда вдова мастерового Татарченкова объявила, что у нее незаконнорожденный сын, то управление Верх-Исетского завода «делало содержание по 1 пуду 10 фунтам в

месяц до 11 лет, а после взяло /ее сына/ в работу и тогда платили по 2 пуда». Со слов вдовы, мальчик был «усыновлен к Татарченкову первому моему мужу» по распоряжению заводууправления [12. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2011. Л. 19-19 об.].

Рассчитывать на материальную помощь владельцев Нижнетагильских заводов могли также жители, взявшие «на воспитание несчастнорожденных от вдов и девок, подкидышаемых к разным жителям мужеска и женска пола младенцев». В последней трети XVIII в. в Нижнетагильском заводе ее получали 44 подкидыша, в Нижнесалдинском – 2, в Черноисточинском – тоже 2, в Висимошайтанском – 1 и в Висимоуткинском – 3 [12. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 237-240]. Меры по призрению подкидышей (в первой половине XIX в. на казенных заводах получившие силу закона) привели к тому, что у родителей появились определенные стимулы выдать своего ребенка за найденыша. По данным врача И. Андржеевского, в дореформенное время в Ижевском заводе в число подкидышей попадала определенная доля законнорожденных детей. Причина крылась в снабжении населения льготным провиантом: «При казенном управлении, когда правительство выдавало паек на детей как законных, так и незаконных, многие бездетные оружейники принимали к себе чужих (законных) детей и записывали их подкинутыми». Сопоставление частоты подкидывания детей до и после увольнения оружейников от «обязательных» работ, показывает, насколько искусственным образом удавалось завышать цифровые данные. В 1860-1866 гг. на одно подкидывание приходилось 26,01 рождение, в 1866-1872 гг. – 64,95 рождений, в 1872-1876 гг. – 55,81 рождение [1, с.49].

Пример Урала показывает, что при анализе уровня незаконной рождаемости наряду с процессом либерализации нравов фабрично-заводского и городского населения следует учитывать устойчивость брачно-семейных традиций коми-пермяков и обрусевшего коми пермяцкого населения, значительные диспропорции возрастно-половой структуры горнозаводского населения по сравнению с сельским, большую узость брачного рынка в горнозаводских районах, особенности отношения заводовладельцев к матерям-девкам и прижитым ими детям, военную политику государства и статус солдатских жен, специфику правил и порядка регистрации рождений у раскольников. Здесь наблюдались добрачная, постбрачная рождаемость и, если так можно выразиться, параллельная брачной рождаемость в связи с прелюбодеянием замужних женщин и женщин, вынужденных находиться в длительной разлуке с законными мужьями. Открыто «допускали себя до позора деторождения» практически все статистически значимые категории женщин из народа: вдовы, солдатки, девки, «мужние жены». Обзорение Пермской губернии 1832 г. констатировало, что за минувшее десятилетие в разряд незаконнорожденных попало 9116 душ [13], следовательно, в среднем немногим менее тысячи в год. В обобщающем труде 1864 г. Х.И. Мозеля сообщается, что «число незаконнорожденных составляет по 15-тилетней сложности средним числом 2500 в год». Рост практически в два с половиной раза. Однако в отдельные годы в сумме действие перечисленных факторов могло поднять этот показатель до четырех тысяч и более [6, с. 335].

Различные группировки нескольких источников повышения незаконной рождаемости приводили к весьма неравномерному ее распределению по социальным группам и территориям края, которое на примере добрачной рождаемости доказал уже А.М. Луканин. По сказкам десятой ревизии Оханского

уезда Пермской губернии, из общего количества девиц он выделил тех, которые имели детей. В эту категорию представительниц прекрасного пола, судя по всему, им включались незамужние женщины бракоспособного и фертильного возраста. Полученное соотношение у государственных крестьян оказалось 1 к 9,7 девицам, у крепостных – к 8,3, у дворовых – к 5,9, у мастеровых – к 5,6. «Следовательно, – писал Луканин, – распутных девиц между крестьянами, как государственными, так и крепостными, меньше, чем между бывшими дворовыми и мастеровыми». В Оханском уезде находились крупные помещичьи владения, также различавшиеся по признаку целомудренности девиц. Наиболее благонравными были жительницы имений Лазарева, у которого в среде мастеровых одна девица с незаконнорожденным потомством приходилась на 28 девиц, а в среде крестьян – на 9,5. Неплохо обстояли дела у графини Строгановой: у ее крестьян одна такая девица приходилась на 16 беспорочных. Далее шли поместья Голицыных, степень развращенности девиц в которых характеризовалась следующими пропорциями: у крестьян одна девица с внебрачным ребенком на 11,6 девиц, у мастеровых – на 7,2, у дворовых – на 5,4. Аналогичный уровень нравственности наблюдался у графа Строганова: одна девица с детьми на 9,3 у крестьян, на 6,8 – у дворовых, на 4,1 – у мастеровых. Крепостные крестьяне Бутеро-Родали давали 7,6 девиц на одну порочную. Хуже всего сложилась ситуация в имениях братьев Всеволожских. В имениях Александра Всеволодовича число девиц на одну с детьми сократилось у крестьян до 6,8, у мастеровых – до 6,5. У Никиты Всеволодовича наблюдался максимум добрачной рождаемости, при чем у крестьян и мастеровых пропорция оказалась равной – 5,5 девиц на одну с незаконным потомством. «Отдельно по селам и обществам крайности еще больше, – отзывался о добрачной половой распущенности жителей уезда Луканин, – например, в Шерьинском обществе государственных крестьян только из 40 девиц одна (minimum) имеет детей, в селе Острожском Строгановой из 39 – одна, в селе Карагайском той же помещицы из 14 – одна, в Хохловском заводе г. Лазарева из 22 – одна; напротив того, в Очерском и Павловском заводах г. Н. Всеволожского даже из 3 – одна (maximum)». «При этом, – оговаривал обработчик данных, – мы считали только таких женщин, у которых дети живы и записаны при них по ревизским сказкам» [5, с.213-214.]. Замечание весьма уместное, учитывая более высокую смертность таких младенцев по сравнению с остальными новорожденными, и намекающее на то, что незаконных родов случалось заведомо больше, чем было выживших незаконнорожденных детей. Таким образом, в дореформенные и первые пореформенные десятилетия показатели незаконной рождаемости сильно варьировались по территориям края. Там, где появление детей до замужества было поощряемой нормой, таких младенцев холили и лелеяли, а там, где за девками смотрели строго, подобные случаи были редкими и жестоко наказуемыми уже обычным правом. Вдовы по уровню рождений незаконных детей могли составить конкуренцию солдаткам.

Весьма значительные нутрирегиональные различия, особенно на территории с таким социально-культурным разнообразием, каким являлся Урал к началу XX в. можно проиллюстрировать данными уже по всей Пермской губернии. Средний за три года (1911, 1912, 1914) процент незаконнорожденных свидетельствует, что первенство сохранял Оханский уезд (от 4,5 до 3,6%, чуть более 4% в среднем), вместе с Соликамским (3,9%) и Пермским (3,8%) входивший в группу с самыми высокими показателями. Эти три самых западных уездов имели промышленное,

старообрядческое, а также пермяцкое и обрусевшее население. К ним примыкал Верхотурский уезд (3,23%), в котором располагались крупнейшие горнозаводские округа, среди жителей которых было много раскольников. Следующая группа – два юго-западных уезда: Кунгурский (2,4%) и Осинский (2,26%). Практически одинаковый уровень незаконной рождаемости имели Чердынский (почти 2%) и Екатеринбургский (1,9%) уезды. Однако источники ее формирования были разными: в Чердынском ведущую роль играло пермяцкое и обрусевшее население, а также староверы, в Екатеринбургском – многочисленные фабрично-заводские рабочие. Самые низкие показатели имела юго-восточная, сельскохозяйственная часть губернии: Ирбитский (1,1%), Камышловский (0,8%), Шадринский (0,6%) уезды [14]. При всем многообразии ситуаций с внебрачной рождаемостью на уровне отдельных селений из поуездных данных можно выделить два устойчивых соотношения: высокая как законная, так и незаконная рождаемость и высокая рождаемость в браке в сочетании с низкой внебрачной.

Не все младенцы, зачисленные официальной статистикой в незаконнорожденные, являлись истинно внебрачными. Поэтому доля незаконной рождаемости в общей отражала скорее не сам этот феномен, а несоответствие законодательства и функционирующего на его принципах учетного делопроизводства социокультурному и экономическому контексту, властной конъюнктуре Урала изучаемого времени.

Библиографический список

1. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880.
2. Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII-XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001.
3. Горбушин М. К истории сводных старообрядческих браков // Оренбургские епархиальные ведомости. 1910. № 5-6. С. 79-83.
4. Луканин А.М. Население Оханского уезда по сословиям, возрасту и семейному составу // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению статистики. 1878. Т. 5. С. 157-214.
5. Луканин А.М. О движении народонаселения в Чердынском уезде в десятилетие 1841-1850 годов // Вестник Русского Географического общества. СПб, 1859. Кн. 5-6. Отд. II. С. 1-28.
6. Мозель Х.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, Пермская губерния. Ч. 1. СПб, 1864.
7. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал. СПб, 1904. Т. 2.
8. Об установлении метрических книг для записи браков, рождений и смерти раскольников // Оренбургские епархиальные ведомости. 1874. № 22. Отд. офиц. С. 832-840.
9. Чесноков А. Свадебные обряды и песни «кержаков» // Живая старина. 1911. № 1. С. 57-96.
10. ГАСО. Ф. 6.Оп. 2. Д. 658. Л. 11 об.
11. Ф. И-6.Оп. 1. Д. 521. Л. 34-37.
12. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 238.
13. Краткое статистическое обозрение Пермской губернии 1832 года // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губернией. Вып. 3. Пермь, 1891. С. 19.
14. Санитарный обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь, 1912. С. 4; Санитарный обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь, 1913. С. 6; Санитарный обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь, 1916. С. 6.

Информация об авторе

Голикова Светлана Викторовна (г. Екатеринбург, Россия) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: avokilog@mail.ru).

Golikova S.V.

FACTORS OF INCREASE IN NUMBER OF ILLEGITIMATE CHILDREN IN THE URALS IN XIX – EARLY XX CENTURY

Abstract. *Growth of number of illegitimate births was caused by liberalization of morals, marriage traditions of Komi-Permyaks, an imbalance of gender and age structure of the mining population, narrowness of the marriage market, a paternalism of plant owners, recruitments, the status of soldier's wives, an order of registration of births of Old Believers.*

Keywords: illegitimate birth rate, illegitimate, sexual behavior, summary marriage.

Information about the author

Golikova Svetlana Viktorovna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., 620990, Yekaterinburg, Russia, e-mail: avokilog@mail.ru).

УДК 930.1+314.02

Горбачев О.В., Мазур Л.Н.

ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ БАЗЫ ДАННЫХ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ РЕСУРС*

Аннотация. *В связи с проблемой координации усилий историков-демографов в статье обобщается отечественный и зарубежный опыт создания историко-демографических баз данных, анализируются принципы их организации и анализа. В контексте идеи общедоступных первичных данных Big Data Base характеризуются наиболее известные зарубежные проекты (IPUMS, NAPP, Mosaic и др.). Серьезное внимание уделено европейскому проекту сети демографических баз данных EHPS-Net. Рассматриваются достижения отечественных научных центров, занимающихся анализом историко-демографических данных. С учетом общего состояния дел в сфере создания и использования историко-демографических баз данных характеризуются программа и промежуточные результаты проекта «Уральский электронный исторический архив» при Уральском Федеральном университете.*

Ключевые слова: история народонаселения, первичная демографическая информация, историко-демографические базы данных, сравнительные демографические исследования, международное научное сотрудничество.

Информационная база исторических исследований стремительно меняется благодаря распространению технологий. Наиболее заметные сдвиги произошли в исторической демографии. Реализация международных проектов по созданию Big Data Base (IPUMS-USA, NAPP, Mosaic, Viennese Database on European Family History Church books, Demographic Database Umeå и др.) разрушает национальные рамки исследовательских практик и открывает возможности разработки кросс-

* Тема поддержана грантом РГНФ №15-21-01008 «Беларусь – Средний Урал: эволюция форм миграционного взаимодействия в XX веке».

национальных тем по истории семьи, процессов рождаемости и смертности, брачности, миграции. А поскольку демографический фактор является базовым для политических, экономических, этнических процессов, то историко-демографические базы данных будут актуальными и для других направлений исторической науки.

Возможность работы с Big Data Base в режиме удаленного доступа, использование различных режимов поиска, выборки, а также обработки данных с использованием статистических пакетов позволяет исследователю смоделировать на их основе собственный ресурс с учетом целей и задач своего исследования. Следовательно, можно говорить не просто о новой информационной среде историко-демографической науки, но и о появлении новых алгоритмов и технологий исследования, ориентированных на работу с массовыми первичными данными, представленными в сетевых ресурсах.

Наиболее масштабным проектом подобного рода является американский IPUMS (Integrated Public Use Microdata Series) [8]. Он реализуется Центром народонаселения при Университете штата Миннесота и опирается на первичные данные переписей населения, предоставляемые национальными статистическими управлениями. На сегодняшний день проект охватывает 76 стран, в том числе четыре страны постсоветского пространства (Армению, Беларусь, Киргизию и Украину).

При всех достоинствах глобальных баз демографических данных их издержки очевидны – унифицированный формуляр отсекает «лишнюю» информацию, несмотря на ее потенциальную исследовательскую ценность. Поэтому европейские историки-демографы пошли по пути «мягкой» унификации для сохранения вариативности доступных демографических сведений. С этой целью в июне 2011 г. под эгидой Европейского научного фонда (European Science Foundation, ESF) была создана исследовательская сеть, объединившая историков-демографов, работающих с первичной информацией (European Historical Population Samples Network, EHPS-Net [5]). Программа проекта рассчитана на пять лет, до июля 2016 г. Ее руководителем является профессор Кис Мандемакерс (Kees Mandemakers) из Международного института социальной истории (Нидерланды).

EHPS-Net призвана объединить ученых с тем, чтобы создать общий формат баз данных, содержащих неагрегированную информацию об отдельных лицах, а также семьях и домохозяйствах. На выходе предполагается получить формат промежуточных данных (Intermediate Data Structure, IDS). Он будет играть роль интерфейса между разрозненными европейскими базами данных для возможности выхода за пределы регионального или национального уровня.

С целью обеспечения разных видов исследований (например, по вопросам миграции и рождаемости) в тесном сотрудничестве исследователей и программистов разрабатываются специальные алгоритмы извлечения данных. Основными принципами работы будущей IDS являются открытость, масштабируемость и расширяемость. Заявляется, что каждый желающий имеет возможность добавить свой модуль работы с информацией, который пройдет независимую экспертную оценку и будет представлен в издаваемом Сетью электронном журнале “Historical Life Course Studies” [6].

В настоящее время на сайте EHPS-Net создан портал, предоставляющий доступ к европейским базам данных, а также к некоторым неевропейским, также

присоединившимся к проекту. Всего на начало 2015 г. представлено 22 БД, из них 7 неевропейских. В числе представленных – базы Кембриджской группы истории населения (Шотландия), Норвежского центра исторической информации при Университете Тромсё, проекта “Mosaic” (Институт Макса Планка, Германия), Международного института социальной истории (Нидерланды), Университетов Техаса и Юты (США), Квебека (Канада), базы “POPUM” Университета Умео (Швеция), база «Старая Карелия» (Karelia Database Foundation, Финляндия) и др. Самые ранние данные датируются 1430 г. (“Mosaic”). Наиболее поздние сведения содержат экономико-демографическая база данных Университета Лунда (Швеция) (до 2011 г.) и база данных Университета штата Юта, (США) (по настоящее время) [7].

Большой интерес представляет проект "MOSAIC", который реализуется с 2011 г. в Институте демографических исследований имени Макса Планка в Росток [9]. Проект обеспечивает доступ к унифицированным данным 250 переписей населения, а также специальных переписей из многих областей Европы, и других массовых источников (церковно-приходские книги; налоговые списки; похозяйственные переписи).

В качестве одной из целей проекта заявлено стимулирование создания новых историко-демографических баз данных, поскольку их сегодняшнее количество явно недостаточно. Сеть позволит объединить усилия тех ученых, которые до настоящего момента действуют разрозненно, в рамках национальных историко-демографических традиций. Это будет способствовать углубленному пониманию истоков проблем современного европейского и мирового демографического развития.

Наиболее очевидные возможности создания баз данных, совместимых с IDS, дают церковные метрические книги конца XIX – начала XX вв., а также «ревизские сказки» XVIII–XIX вв. В российской исторической науке первые опыты создания баз данных на основе массовых исторических относятся к началу 1980-х гг. С образованием в 1992 г. Ассоциации «История и компьютер» деятельность российских историков по разработке БД заметно активизировалась. В разработку данной проблемы активно включилась Лаборатория исторической информатики МГУ, на сайте которой сейчас представлены две полнотекстовые базы данных, выполненные Т. Измestьевой и Т. Валетовым. Серьезные усилия по обобщению опыта создания баз данных предприняла И. М. Гарскова.

Наиболее интересные результаты были достигнуты в области исторической демографии. В 1990–2000-е гг. было реализовано несколько крупных проектов: в Санкт-Петербургском государственном университете под рук. проф. С. Г. Кашенко в 1997–2005 гг. была создана БД по метрическим книгам Олонецкой губернии XVIII – нач. XX вв. [3]. Несколько позднее к этому же источнику обратились историки из Тамбовского Государственного технического университета под рук. проф. В. В. Канищева [4]. Ревизские сказки и подворные описи стали объектом для моделирования базы данных по нескольким уездам Пензенской губернии XVIII – XIX вв. [1]. Еще одним центром по созданию историко-демографических баз данных стал Алтайский государственный университет. Здесь были обнаружены сохранившиеся первичные материалы Первой переписи населения Российской империи 1897 г., послужившие основой базы данных, дополненной материалами церковно-приходского учета.

Все проекты носили локальный характер, т.е. охватывали отдельные поселения, уезды России XVIII–XIX в. Базы данных разрабатывались по конкретные исследовательские проекты и не стали общим достоянием историков, за исключением созданной под рук. проф. В. Н. Владимирова Информационно-справочной системы «Историческое профессиоведение», включающей базу данных «Население Барнаула в XIX – начале XX в.», основанной на использовании метрических книг, сводных результатов Переписи населения Российской империи 1897 г. и других массовых источниках.

Создание общенационального проекта пока не планируется, хотя предпосылки для этого уже существуют, как и потребность в нем. Так, например, в 2011 году был запущен исследовательский проект Высшей школы экономики «Разработка Базы данных демографических показателей по регионам России и странам мира», который преследовал цели объединения основных и известных демографических показателей по России и странам мира и предоставления доступа к накопленной информации в одной базе данных (БД) в едином, удобном формате через гибкий веб-интерфейс. Одной из задач исследования являлось описание источников демографической информации, анализ имеющихся БД, выявление особенностей их интерфейса, точности, форматов и других критериев [2]. Это один из первых проектов, ориентированных не на внутренние цели и задачи, а на внешнюю исследовательскую среду и ее информационное обеспечение.

Таким образом, в рамках исторической демографии в России сформировалось особое направление, представленное несколькими региональными центрами, которое можно обозначить как Digital Historical Demography. Его особенностью стало формирование электронных ресурсов на основе первичных исторических источников. Полученный в ходе реализации этих проектов опыт оказался весьма полезным для уточнения представлений о ресурсной среде для формирования баз данных. Все исследователи отмечают неполноту сохранившихся комплексов первичных документов, их фрагментарность, трудоемкость обработки. В большинстве своем первичные документы рассеяны по местным архивам в регионах России, сохранившиеся комплексы не всегда сопоставимы по технологиям учета и структурам записи. Тем не менее, был накоплен положительный опыт формализации сведений исторических источников и разработки алгоритмов их дальнейшей обработки.

С учетом имеющегося зарубежного и отечественного опыта создания общедоступных исторических баз данных в научной лаборатории «Международный центр демографических исследований» Уральского федерального университета в 2014 г. началась разработка регионального сетевого ресурса «Уральский исторический электронный архив». Его главной задачей стало формирование на основе сохранившихся в архивах массовых источников многопрофильного исторического электронного архива, представленного БД и полнотекстовыми массивами оцифрованных библиотечных и архивных документов, карт, фото, видеодокументов (е-архив) по региональной истории. На первом этапе (в 2014–2015 гг.) были созданы несколько баз данных: 1) по метрическим книгам нескольких приходов Екатеринбургской епархии за 1800–1918 гг.; 2) БД «Всесоюзная перепись населения 1959 г. Свердловская область»; 3) БД «Население городов и сельских поселений Среднего Урала XIX–XXI вв.»; 4) БД «Приполярная перепись 1926/27 гг. На следующем этапе (2016–2017 гг.)

планируется расширить доступные массивы за счет оцифровки и описания ревизских сказок Пермской губернии, похозяйственных описей и книг, а также сведений по миграции населения.

Следует выделить те базовые принципы, на которые опираются разработчики проекта: 1) ориентация на первичные массовые исторические источники (материалы переписей населения, метрического учета и другие варианты регистров населения), в которых содержится персональная информация; 2) сплошной охват всех сохранившихся документов и записей; 3) использование формата данных, обеспечивающего хранение, импорт, интеграцию разновременных ресурсов и их коллективное использование; 4) открытость и доступность создаваемых ресурсов для научного сообщества.

Создание общедоступных историко-демографических баз данных позволяет говорить о появлении сравнительной исторической демографии в ее синхронном и диахронном восприятии. Сопоставимые историко-демографические данные позволяют понять перспективы развития современного мира, истоки имеющихся различий в стратегиях брачности, семейного развития, миграционной мобильности, характере смертности. Новые возможности появятся в области миграционных исследований, в том числе изучения перспектив приживаемости мигрантов в крупных городах, особенностей жизненных стратегий мигрантов второго и третьего поколений.

Библиографический список

1. Арсентьев Н. М., Першин С. В., Щербаков В.В. Новые горизонты в исследовании ревизских сказок: из опыта создания банка данных «Регион» // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. М., 1997. С.139–145.
2. Винник М.В. Какой должна быть идеальная демографическая База данных?// Демоскоп. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit06.php>
3. Изучение исторической демографии Российской империи на кафедре источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 41, декабрь 2013. Барнаул, 2013. С. 137–141.
4. Канищев В.В. Кончаков Р.Б. Пути создания и обработки источниково-ориентированной базы данных на материалах метрических книг (приход с. Байкаловка Тамбовской губернии, 1810–1918 гг.) // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI в. М. – Чебоксары, 1999. С. 184–189.
5. European Historical Population Samples Network [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ehps-net.eu/>
6. European Historical Population Samples Network. Historical Life Course Studies [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ehps-net.eu/journal>
7. European Historical Population Samples Network. Database Map [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ehps-net.eu/content/database-map>
8. Minnesota Population Center [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipums.org>
9. Mosaic. Recovering Surviving Census Records to Reconstruct Population, Economic, and Cultural History [Электронный ресурс]. URL: <http://195.37.34.109/cgi-bin/index.plx>.

© Горбачев О.В., Мазур Л.Н., 2015. Текст.

Информация об авторах

Горбачев Олег Витальевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор исторических наук, профессор, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; e-mail: og_06@mail.ru).

Мазур Людмила Николаевна (г. Екатеринбург, Россия) – доктор исторических наук, профессор, Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; e-mail: lmaz@mail.ru).

Gorbachev O.V., Mazur L.N.

HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC DATABASES AS A RESEARCH RESOURCE

Abstract. *In the paper the Russian experience of creation of historical and demographic databases is generalized. The principles of their formation and the source base analyzed. In the context of the idea of Big Data Base the most significant international projects (IPUMS, NAPP, Mosaic, etc.) are characterized. Serious attention is paid to the project of European History Population Samples (EHPS-Net). The achievements of research centers in Russia involved in the analysis of historical and demographic data are considered. In the context of the Russian and global experience of electronic resources development the concept and intermediate results of implementation of the "Ural Historical Electronic Archive" project in Ural Federal University are submitted.*

Keywords: history of population, the primary demographic information, historical and demographic databases, comparative demographic studies, international scientific cooperation.

Information about the authors

Gorbachev Oleg Vitalyevich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Historical Sciences, Professor of the B.N. Yeltsin's Ural Federal University (51, Lenina Ave., 620075, Yekaterinburg, Russia); e-mail: og_06@mail.ru).

Mazur Lyudmila Nikolaevna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Historical Sciences, Professor of the B.N. Yeltsin's Ural Federal University (51, Lenina Ave., 620075, Yekaterinburg, Russia); e-mail: lmaz@mail.ru).

УДК 314:908

Дёмина Ю.В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДОВОК НА УРАЛЕ В КОНЦЕ 19-НАЧАЛЕ 20 ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Статья посвящена демографическим последствиям голода 1891-1892 гг. на Урале, демографической катастрофе в России. Приведены основные оценки потерь населения от голода.*

Ключевые слова: голод, Урал, смертность, демографическая катастрофа.

Голод 1891-1892 гг. оставил трагичный след в истории царской России. Голод охватил 27 губерний, включая Пермскую губернию, где особо сильно пострадало население Шадринского, Камышловского, Екатеринбургского уездов.

Историография темы довольно обширна. Впервые о голоде 1891-1892 гг. стали писать современники – государственные чиновники, деятели партий, писатели. Однако особый интерес для них представлялся в изучении причин и масштабов неурожаев в деревнях, а демографический аспект проблемы слабо изучен как дореволюционными, так и советскими и современными историками.

Что касается демографических последствий голода 1891-1892 гг., то впервые была названа цифра в труде 1923 года академика-демографа С.А. Новосельского – 350 тыс чел. [4, с. 117].

Советский демограф Б.Ц. Урланис называет более высокую цифру – 500 тысяч человек умерло от голода 1892 г. и добавляет, что значительная доля смертей приходилась на группу детей до 1 года, коэффициент смертности которых превысил 30% [9, с. 83]. В голодные годы коэффициент смертности в России превышал 40‰, а в отдельных губерниях, наиболее пострадавших от голода, коса смерти производила настоящие опустошения [9, с. 90-91].

А.Г. Рашин в своей очень богато документированной работе приводит составленную им таблицу естественного движения населения 50 губерний Европейской России. Данные из неё показывают, что серьёзный скачок смертности приходится на 1892-й — показатель смертности равен 41 на 1000 населения [8, с. 156]. Пониженный естественный прирост населения был в 1868 г. – 9,1, в 1872 г. – 8,8, в 1878 г. – 9,1, в 1892 г. – 5,0 [8, с. 156].

В книге имеется ссылка на «Отчёт о народном здравии за 1892-й»: «Отчётный 1892 г. по смертности и рождаемости, а также болезненности населения Российской империи является наиболее неблагоприятным из десятилетия с 1883 по 1892 год. Неурожаи двух предшествующих лет значительно усилили заболеваемость и смертность населения. В первой половине 1892 г. в губерниях по низшему и среднему течению р. Волги и её притоков упорно держался сыпной тиф, а затем во второй половине года ослабленное население поразила азиатская холера при особом её развитии главным образом в Среднеазиатских областях, на Кавказе и в губерниях по течению реки. Волги и Дона [8, с. 158]. От холеры в 1892 год умерло 300.324 чел [8, с. 208].

Повышение смертности и понижение рождаемости отмечалось почти по всем губерниям, но особенно резко было выражено в 18 губерниях Российской империи, в том числе и в Пермской губернии, где смертность в 1892 г. превысила рождаемость [8, с. 158]. Отрицательно неурожаем сказался и на воспроизводстве городского населения. Из 516 городов Европейской России в 207 городах абсолютное число умерших превышало число родившихся [8, с. 160].

Исследователь А. М. Анфимов писал, что «только за один 1892 г. в результате неурожая 1891 г. и последовавшего за ним голода с его обычным в то время спутником – холерой – смертность в России увеличилась на 5,5%, что при населении в 119 млн человек означало потерю 654,5 тыс. человеческих жизней сверх обычной смертности, которая и без того в России была очень высока» [2, с. 116].

Иностранные исследователи также уделяли проблеме голода в России внимание. Ричард Роббинс проанализировал статистику смертности в 17-ти наиболее поражённых голодом губерниях, сравнив показатели 1892 года со средним пятилетним значением (за 1888—1890 и 1893—1894 годы). Смертность в 1892 году составила 4,81 % при средней смертности за десятилетие 1881—1890 годов в 3,76 %, то есть повысилась на 28 % выше обычного уровня. Сверхсмертность 1892 года (от всех причин) в зоне голода составила 406 тыс. человек. Роббинс замечает, что часть этих смертей объясняется эпидемическими заболеваниями, но затрудняется назвать точную цифру; смертность от холеры он оценивает не менее чем в 100 тыс. человек [11]. Демограф С. Адамец

исчерпывающе характеризует ситуацию: «Голод 1892 г., усиленный эпидемиями холеры, оспы и тифа, вызвал последний острый кризис смертности в Российской империи. В годы таких кризисов продолжительность жизни опускалась до 26-28 лет у женщин и до 25 лет у мужчин. Однако в начале XX в. кризисы смертности стали слабеть. Неурожаи конца XIX в., 1906, 1909 и 1911 гг., так же, как и новая эпидемия холеры в 1910 г., слабо отразились на продолжительности жизни, которая у женщин не опустилась ниже 30, а у мужчин — ниже 28 лет» [1].

Голландский историк Эллман Майкл, профессор экономики Амстердамского университета, Нидерланды – в сравнении с голодом 1947 года тоже приводит данные, основанные на труде Новосельцева – «избыточная смертность в 1892 г. составила около 400 тыс. » [10, с. 197-199].

Что касается Урала, то историография темы очень бедна.

Весной 1892 г. началась эпидемия холеры, сыпного и брюшного тифа, дифтерита. В 1892 общая смертность превысила естественный прирост рождаемости (-1,44 %) [3, с. 44-45].

По данным екатеринбургского земства, в 22 неурожайных волостях только 4,6 % населения были обеспечены пропитанием до нового урожая, 5,3 % – до 1 апреля 1892 г., 12 % – до 1 января 1892 г., 64,3 % не имели его уже к 1 ноября 1891 г., а вместе с не имеющими пропитания и в обычное время в немедленной помощи земства нуждалось 78,1 % населения [6, с. 68-69].

Власова А.В. в одной из своих работ [3, с. 45] ссылается на газету «Пермские губернские ведомости 1894, № 98» и приводит следующие данные: по официальным данным, общее количество умерших от голода в четырех уездах (Шадринский, Камышловский, Екатеринбургский, Осинский) составило в 1892–1893 гг. до 40 тыс. человек.

Демограф Рашин А.Г. приводит динамику смертности населения Пермской губернии за период 1861-1913 гг. и показывает, что на 1000 чел. в среднем приходилось умерших 43,3 промилле. За период 1891-1895 гг. коэффициент смертности в Пермской губернии был равен 41, 8 промилле (табл. 1) [8, с. 188].

Таблица 1

Смертность населения в Пермской губернии по пятилеткам за 1861-1913 гг.
[8, с. 188]

Умерших на 1000 населения											
1861-1865 гг.	1866-1870 гг.	1871-1875 гг.	1876-1880 гг.	1881-1885 гг.	1886-1890 гг.	1891-1895 гг.	1896-1900 гг.	1901-1905 гг.	1906-1910 гг.	1911-1913 гг.	В среднем за 1861-1913 гг.
45,6	45,6	45,5	43,6	45,0	44,2	41,8	40,9	40,8	41,3	42,2	43,3

Из данных таблицы мы видим, что коэффициент смертности за период 1891-1895 гг. не самый большой, поэтому мы можем предположить, что голод 1891-1892 гг. являлся относительным и не оказал существенного влияния на демографическое развитие региона. Однако чрезмерно высокая смертность детей наблюдалась в 1892 году во всех регионах страны, в том числе в Пермской губернии (табл. 2) [8, с. 195].

Пермская губерния относилась к пятой группе по уровню смертности с показателем смертности от 30% и более [8, с. 197].

Высокая смертность детей связана не только с голодом, но и с отсутствием необходимой гигиены.

Таблица 2

Смертность детей в Пермской губернии

Пермская губерния	Умерло в возрасте до 1 года на 1000 родившихся		
	1867-1881 гг.	1886-1897 гг.	1908-1910 гг.
	438	437	320

Наиболее высокая смертность населения сосредотачивалась в промышленных регионах и коэффициент смертности равен 48 ‰ [8, с. 207].

Сверхвысокая смертность была связана, в первую очередь, с эпидемиями острозаразных болезней (брюшного, сыпного, возвратного тифов, натуральной оспы, холеры, дизентерии). Были широко распространены сифилис, трахома, туберкулез, малярия, возникали вспышки чумы. С 1891 г. по 1914 г. в 50 губерниях России от инфекционных болезней умерло 2,35 млн. человек. В период с 1902 по 1911 г. в России заболели холерой 321,6 тыс. человек и умерли от холеры 155,3 тыс. человек. В 1913 г. чумой заболело 423 человека из них умер 421 человек. На 100 тыс. населения было зарегистрировано: брюшного тифа – 266 случаев; сыпного тифа – 74; дизентерии – 314; дифтерии – 314; кори – 326; малярии – 2208 случаев. Натуральной оспой в этом году заболело 66 тыс. человек. Больных проказой насчитывалось около 4 тыс. Смертность от инфекционных заболеваний в России была значительно выше, чем в странах Западной Европы [7].

Голод 1891-1892 гг. оказал влияние на демографические и социально-экономические процессы в регионе. Влияние голода распространилось на все стороны жизни общества. Спутниками голода всегда являлись различные болезни, поэтому дети и старики были наиболее уязвимы перед этими бедствиями. Во время голода растет их смертность и падает рождаемость.

Подводя итог, нужно сказать, что в историографии существуют различные мнения о последствиях голода 1891-1892 гг. Так, историк Е.А. Носова пишет, что «голод 1891–1892 гг., положивший начало застою зернового хозяйства многих губерний Европейской России, как это не парадоксально, явился стимулом экономического развития южных районов Западной Сибири и алтайских округов (уездов) в частности. Рост спроса и переселенческое движение открывали новые возможности для расширения производства, предоставлялись льготные условия предпринимателям для вывоза зерна за Урал, повышение цен делало хлебный бизнес более рентабельным. С другой стороны, сибирское крестьянство, следуя общинным идеалам, охотно оказывало безвозмездную помощь голодающим. Этот исторический эпизод демонстрирует возможности социокультурной инверсии духовных основ эпохи капиталистического накопления (в их числе предприимчивость, инициатива, стремление разбогатеть оправданными способами) и традиционалистских ценностей крестьянского мира» [5, с. 48-53].

Однако активные и своевременные усилия государства и общества позволяли предохранять население от голодной смертности. Единственный всплеск смертности, имевший место в 1891-1892 гг., произошел в значительной степени под влиянием эпидемий.

Библиографический список

1. Адамец С. Кризисы смертности в первой половине XX века в России и на Украине // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/popul/popul10.html>.
2. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М., 1984.
3. Власова А.В. Милосердие и патриотическое служение Русской Православной церкви в годы стихийных бедствий на Урале (конец 19-начало 20 века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23.
4. Новосельский С.А. Влияние войны на естественное движение населения. Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны, 1914-1920 гг. М., 1923.
5. Носова Е.А. Голод 1891–1892 гг. В России и зерновой рынок Западной Сибири // Известия АлтГУ, 2007, № 3. С. 48-53.
6. Остроумов, И. Г. Неурожаи в Екатеринбургском уезде Пермской губернии в 1891 г. и его причины и последствия // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1893 г. Пермь, 1892. С. 68–69.
7. Прохоров Б.Б. Здоровье населения в зеркале модернизации // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_05.html
8. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913): статистические очерки. М., 1956.
9. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.
10. Эллман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 10. М., 2005.
11. Robbins R G. Famine in Russia, 1891-1892. Columbia University Press, 1975.

© Дёмина Ю.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Дёмина Юлия Викторовна (г. Екатеринбург, Россия) – аспирант Института истории и археологии УрО РАН (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: iia-history@mail.ru).

Dyomina Yu.V.

DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF HUNGER STRIKES IN THE URALS IN THE LATE XIX AND EARLY XX CENTURIES.: HISTORIOGRAPHY ASPECT

Abstract: *The article is devoted to the demographic consequences of the famine in 1891-1892s in the Urals, the demographic catastrophe in Russia. The basic assessment of population losses of hunger is quoted.*

Keywords: famine, the Urals, mortality, demographic catastrophe.

Information about the author

Dyomina Yulia Victorovna (Yekaterinburg, Russia) – Postgraduate student of the Institute of History and Archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Yekaterinburg, 620137, Russia; e-mail: iia-history@mail.ru).

МИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1920-Е ГГ.

Аннотация. В статье на основе статистического материала анализируется динамика миграционного движения масс в города Урала в 1920-е гг., определяются его периоды и факторы, влиявшие на перемещение населения. Автор приходит к выводу, что города региона пополнялись в основном выходцами из уральской деревни. Большинство мигрантов было в трудоспособном возрасте и имело самостоятельный доход.

Ключевые слова: историческая демография, городское население, Урал, миграционное движение населения.

В 1920-е гг. рост городского населения Урала осуществлялся не только за счет естественного прироста населения, но и вследствие миграционного движения масс в города или механического прироста. Развитие миграционных процессов в уральских городах в указанный период согласуется с концептуальными схемами урбанизации и миграционного перехода от малоподвижного («сидячего») образа жизни в условиях традиционной экономики к нарастанию территориальных перемещений масс населения по мере утверждения индустриального общества [6, с.16].

Исследование миграционного движения населения Урала берет свое начало в 1920-е гг., эту проблему активно разрабатывали статистики Ф. Лебедев и Р. Шубин. В работах современных ученых Г.Е. Корнилова, О.В. Павловой, А.В. Чащина и других также рассматривался этот вопрос. Вместе с тем до сих пор нет обобщающего труда по миграциям масс в уральские города. В данной статье делается попытка восполнить этот пробел. Исследование ведется в рамках Уральской области, образованной в 1923 г. на базе Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний.

Изучение миграционного движения горожан Урала в первой половине 1920-х гг. встречает серьезные трудности. Если учет естественного движения населения стал развиваться уже с начала 1920-х гг. и к середине этого десятилетия был поставлен достаточно хорошо в регионе, то регистрация миграций горожан долгое время находилась в зачаточном состоянии. Только 29 июня 1925 г. Уралоблисполком принял постановление «Об установлении в городах и поселениях городского типа уральской области точного учета механического движения населения», в котором в целях установления единообразного учета миграции горожан рекомендовал во всех городских населенных пунктах организовать адресные столы. Уралоблисполком установил и срок перехода на единую систему учета механического движения населения – 1 августа 1925 г. [1, л.12].

Уральское статистическое бюро приняло решение начать учет миграций населения в окружных городах, в которых имелись адресные столы, уже с 1 января 1926 г., а в остальных городах и городских поселениях края – не позднее 1 июля указанного года [2, л.32 об.]. Таким образом, Уралстатбюро располагало материалами по миграционному движению горожан с 1926 г., но только по 22 городам региона с населением свыше 10 тыс. человек, в том числе по Свердловску, Перми с Мотовилихой, Усолью, Ирбиту, Ишиму, Кунгуру, Кургану, Сарапулу, Тобольску, Троицку, Челябинску, Шадринску, Кизелу, Чердыни, Туринску,

Красноуфимску, Чермозу, Чусовой, Невьянску, Кыштыму, Верхнеуральску, Камышлову [5, с.152]. Однако и в последующие годы статистический материал по механическому приросту жителей городов имел целый ряд погрешностей [более подробно об этом см.: 3, с. 92-96].

В целом вплоть до первой четверти XX в. для уральских городов была характерна низкая миграционная активность, свойственная доиндустриальному обществу. В первой половине 1920-х гг. начальник сектора учета населения Уралстатбюро Ф.Н. Лебедев выделил два периода в миграционном движении горожан региона – 1920–1922 гг. и 1923–1926 гг. [5, с. 151].

В 1920–1922 гг. Урал оказался под воздействием Первой мировой и Гражданской войн, а также голода. В указанное время через его города прошло несколько потоков переселенцев. Во-первых, это значительные перемещения масс людей под влиянием Гражданской войны. Пик этой миграционной волны пришелся на 1919–1920 гг. В период переписи 1920 г. в состав общегражданского населения Урала были включены и военнослужащие, расквартированные по частным домам горожан края. Но к 1923 г. часть их была демобилизована из рядов Красной Армии и отправилась к месту постоянного проживания. Были ликвидированы и учреждения, обслуживавшие демобилизацию [7, с.63].

Во-вторых, это военнопленные I Мировой войны. Но к середине 1920-х гг. подавляющая часть их уже возвратилась на родину. В-третьих, как уже отмечалось ранее, в 1921–1922 гг. через Урал хлынул поток неорганизованных переселенцев из районов Поволжья и Казахстана, пораженных голодом. Точное количество их неизвестно, так как из-за сложной эпидемиологической обстановки учет их не производился. Среди переселенцев были и беспризорные дети – голодобеженцы из центральной и западной России и сельской местности Урала. Государство стремилось закрепить детей на определенной территории, чтобы пресечь их дальнейшие передвижения [4, с.49-50].

Все эти процессы отразились на изменении численности горожан Урала, зафиксированные Всероссийской переписью населения 20 августа 1920 г. и Всесоюзной городской переписью 15 марта 1923 г.

В 1923–1926 гг., как отмечал Ф.Н. Лебедев, массовые миграции были обусловлены уже другими причинами: во-первых, районированием края, во-вторых, восстановлением народного хозяйства Уральской области. Районирование, проведенное в 1923 г., вызвало наиболее мощные перемещения городского населения в начале указанного периода. Но данный фактор воздействовал только на города с управленческими функциями. При этом его влияние на ликвидированные и вновь образованные административные центры было прямо противоположным. В ряде бывших уездных городов, не ставших окружными центрами, и трех бывших губернских городах (Пермь, Тюмень и Челябинск) районирование вызвало отлив населения. Так, вслед за переводом некоторых учреждений из Перми в Екатеринбург туда перебрались и их работники с семьями [7, с.63]. В областном и окружных центрах, наоборот, произошел прирост жителей.

Восстановительный фактор воздействовал, прежде всего, на поселения промышленного или административно-промышленного типа. Он начал действовать в 1924–1925 гг. с оживлением промышленного производства и особенно проявил себя в 1925–1926 гг. [5, с.151].

Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г., несмотря на плохую постановку учета миграционного движения горожан в первой половине 1920-х гг., позволяют реконструировать миграционные связи уральских городов в предшествующие годы, так как программа переписи включала сведения о месте рождения и продолжительности проживания лица в месте переписи. Из 1 407 074 горожан Уральской области, в число которых входили 95 137 временно проживавших в городских поселениях, родились в границах СССР (без Бессарабии) 1 382 369 чел. или 98,2 %. Из них местными уроженцами были 830 883 чел. или 59 % ко всем горожанам, но среди них 6804 чел. временно проживали в городских поселениях края. Неместные уроженцы насчитывали 567 495 чел., но постоянно в уральских городах и городских поселениях проживали 480 433 чел. [8, с.100].

По продолжительности проживания осевшие в городах Уральской области мигранты делились на следующие группы: не прожившие еще и года, то есть перебравшиеся в города края в 1926 г., их было 57 644 чел. или 4,1 % ко всем горожанам; прожившие 1 год – 52 814 чел. или 3,8 %; 2 года – 51 547 чел. или 3,6 %; 3–5 лет – 89 802 чел. или 6,4 %; 6–9 лет – 52 588 чел. или 3,7 %; 10–12 лет – 34 613 чел. или 2,5 %; 13–19 лет – 44 788 чел. или 3,2 %; 20–29 лет – 41 978 чел. или 3 %; 30 лет и более – 35 744 чел. или 2,5 %. Таким образом, за 1921–1926 гг. в уральские города и городские поселения перебрались 251 807 чел. против 209 711 чел. за все предыдущие годы (18 915 чел. не указали, сколько времени они прожили в своем городе) или 52,4 % всех мигрантов [8, с.123].

Материалы переписи 1926 г. показывают, что в 1921–1926 гг. большинство новых пополнений составляли женщины – 131 841 против 119 966 мужчин. В итоге на 1000 приехавших в городские поселения мужчин приходилось 1099 женщин. В основном (180 755 чел. или 71,8 %) это были лица в трудоспособном возрасте (16–59 лет). При этом мигранты в возрасте 20–29 лет составили 31,3 % от новых контингентов горожан (78 770 чел.), 30–39 лет – 17,7 (44 644 чел.), 15–19 лет – 11,4 (28 694 чел.), 40–49 лет – 7,9 (19 915 чел.) и 50–59 лет – 3,5 % (8732 чел.) [8, с.100]. Пополнение уральских городов мигрантами в детородном возрасте активизировало демографические процессы росли брачность и рождаемость.

121 864 чел. или 48,4 % от прибывших на постоянное место жительства в города и городские поселения Уральской области в 1921–1926 гг. были самостоятельными [8, с.100]. Среди них было 45 954 рабочих или 37,7 % и 45604 служащих или 37,4 % [8, с.124-126], остальные относились к группам хозяев, одиночек и помогающих членов семьи.

Из проживавших постоянно в городских поселениях Уральской области 14 327 чел. или 1 % от всех горожан края родились за границей, из них 2328 чел. – за пределами бывшей Российской империи [8, с.115].

Анализ источников миграций в уральские города показал, что свыше половины вновь прибывших горожан (55,5 %) были внутренними мигрантами. При этом на каждую 1000 мужчин, перебравшихся в города из других районов Уральской области, приходилось 940 мужчин, переселившихся из других регионов СССР; на 1000 местных женщин – 696 приезжих извне. Таким образом, уральские города пополнились почти в одинаковых долях местными и приезжими мужчинами и преимущественно местными женщинами [8, с.115].

Материалы переписи 1926 г. позволяют определить, в каких регионах страны родились постоянно проживавшие в городах Урала. Основная часть внешних мигрантов прибыла из Вятского (14,0 % новых контингентов горожан ко всем постоянно проживавшим в городах Урала), Средне-Волжского (9,5 %) и Центрально-Промышленного (5,5 %) районов. Остальные регионы пока еще слабо участвовали в пополнении населения уральских городов. Даже из соседней Башкирии в городские поселения края переселилось всего 3,2 % мигрантов.

В целом первая фаза миграционного перехода в уральских городах, связанная с вовлечением огромных масс населения, была обусловлена не экономическими, а социально-политическими факторами, порожденными распадом Российской империей, войнами и их последствиями.

Вторая фаза миграционного перехода в уральских городах связана с процессами индустриализации, урбанизации, коллективизации, вызвавшими массовое движение населения из села в город. Она началась с середины 1920-х гг. и длилась до конца 1950-х гг. [4, с.51].

С 1926 г. миграции в города Урала были тесно связаны с ростом промышленности в условиях разворачивавшейся в регионе индустриализацией. Причем механическое движение стало играть значительную роль в увеличении уральских городов.

За 1926–1927 гг. в 22 города края, по которым в указанный период велась разработка материалов по механическому приросту горожан, по данным табл. 1, прибыли 348 274 чел., а выбыли 264 019 чел., число осевших или механический прирост составил 84 255 чел.

Таблица 1

Динамика миграций горожан Уральской области в 1926–1929 гг., чел. [сост. по: 9, с.42-45; 10, с. 22; 11, с. 50-51]

Движение горожан	1926 г.*	1927 г.*	1928 г.**	1929 г.***
Прибыло, всего	171 816	176 458	215 829	315 853
В том числе: мужчин	93 090	96 873	н. св.	182 433
женщин	78 726	79 585	н. св.	133 420
Убыло, всего	136 264	127 755	156 515	206 065
В том числе: мужчин	75 172	70 986	н. св.	121 042
женщин	61 092	56 769	н. св.	85 023
Механический прирост	35 552	48 703	59 314	109 788
В том числе: мужчин	17 918	25 887	н. св.	61 391
женщин	17 634	22 816	н. св.	48 397

* Данные по 22 городам Уральской области. (Свердловск, Пермь с Мотовилихой, Усолье, Ирбит, Ишим, Кунгур, Курган, Сарапул, Тобольск, Троицк, Челябинск, Шадринск, Кизел, Чердынь, Туринск, Красноуфимск, Чермоз, Чусовая, Невьянск, Кыштым, Верхнеуральск, Камышлов).

** Данные по 22 городам Уральской области (Свердловск, Пермь, Тюмень, Челябинск, Усолье, Златоуст, Ирбит, Туринск, Ишим, Кунгур, Лысьва, Чермоз, Чусовая, Сарапул, Оса, Невьянск, Кыштым, Тобольск, Троицк, Верхнеуральск, Шадринск, Камышлов).

*** Данные по 35 городам Уральской области (Свердловск, Пермь с Мотовилихой, Тюмень, Челябинск, Златоуст, Соликамск, Усолье, Кизел, Чердынь, Миасс, Ирбит, Туринск, Тавда, Ишим, Кунгур, Красноуфимск, Курган, Лысьва, Чусовая, Чермоз, Сарапул, Оса, Невьянск, Асбест, Кыштым, Карабаш, нижний Тагил, Кушва, Надеждинск, Тобольск, Троицк, Верхнеуральск, Шадринск, Камышлов, Воткинск).

За указанные два года перевес рождений над смертными случаями исчислялся 22 112 чел., что было почти в 4 раза меньше механического прироста

жителей 22 городов [5, с.153-154]. На фоне этих данных естественный прирост терял свое бывшее значение.

Из данных табл. 1 видно, что на 1000 мужчин прибыло в уральские города в 1926 г. 846 женщин, 1927 г. – 821 и 1930 г. – 731 женщина, а убыло соответственно – 813, 800, 788, то есть в указанный период соотношение полов, прибывавших в города региона и убывавших из них, все больше менялось в пользу мужчин. Мужчины оказались более подвижными, чем женщины. К тому же, сам характер развивавшейся на Урале промышленности требовал, прежде всего, мужских рук.

Сохранившиеся статистические данные о миграциях горожан по 22 городам региона за 1926–1927 гг. позволяют определить, какие возрастные когорты были наиболее подвижными. Самыми мобильными были лица трудоспособного возраста (16–59 лет). Их удельный вес среди прибывших в города Урала составил в 1926 г. 78,6 %, 1927 г. – 80,8 %; а среди убывших – 80,3 (1926 г.) – 85 (1927 г.) % [9, с. 42-45].

Среди перебравшихся на место жительства в уральские города преобладало самодеятельное население. В 1928 г. его доля составила 91,1 %. При этом среди имевших самостоятельный доход преобладали рабочие и личная прислуга (55,2 %), за ними шли служащие (34,3 %) и хозяева с помогающими членами семьи (10,5 %). Среди убывших в 1928 г. горожан было примерно равное число самодеятельных (29 990 чел.) и иждивенцев (29 324 чел.). Уезжали прежде всего рабочие и личная прислуга, их доля среди отбывших горожан, имевших самостоятельный доход, составила 68,6 %, далее шли служащие (24,2 %) и хозяева с помогающими членами семьи (7,2 %) [10, с.22].

Статистика второй половины 1920-х гг. позволяет определить, откуда прибыли в города Урала и куда отправились на место жительства горожане региона. В 1926–1927 гг. большая часть механического прироста (соответственно – 74,9 и 70 %) осуществлялась за счет внутриобластной миграции. Но в 1929 г. доля переселившихся из городов и сельской местности региона снизилась до 59,6 %. В 1929 г. 37,8 % механического прироста городов составили переехавшие из других регионов СССР и 0,1 % – из-за границы. В указанном году больше половины новых пополнений горожан (58,8 %) были выходцами из сельской местности, при этом на долю бывших селян края приходилось 35,7 %, а других регионов СССР – 23,2 %. 2,5 % мигрантов не указали, откуда они прибыли в города Урала.

В 1927 г. 74,3 % в 1926 г. и 63,2 % горожан Уральской области, покинувших свое прежнее место жительства, выехали в другие местности региона, в 1929 г. их доля снизилась до 54,3 %. В населенные пункты за пределы края отправилось 32,3 % эмигрантов, за границу – 0,1 %, а 13,2 % не указали пункт своего переезда. Из всех покинувших города Урала в сельскую местность отправилось 42,1 % [9, с.50-51].

Таким образом, в 1920-е гг. усилилась миграционная активность населения Урала, которая способствовала быстрому росту численности горожан региона. В указанный период выделяются две фазы миграционного перехода. На первой фазе действовали социально-политические факторы, на второй – прежде всего экономические, а также связанные с ними социально-политические процессы. В условиях возросшей миграционной активности горожан терял свое бывшее значение естественный прирост населения. В 1920-е гг. уральские города пополнялись за счет внутриобластной миграции в основном выходцев из сельской местности. На

постоянное место жительства в города перебирались трудоспособные лица, имевшие самостоятельный доход. При этом среди мигрантов постепенно увеличивалось количество мужчин, что было обусловлено характером уральской промышленности.

Библиографический список

1. Архив Златоустовского городского округа. Ф. Р–118. Оп. 1. Д. 230.
2. Государственный архив Курганской области. Ф. Р–13. Оп. 1. Д. 10.
3. Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. 219 с.
4. Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 4857.
5. Лебедев Ф. Механическое движение населения городов Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 89. С. 150-161.
6. Население Урала. XX век. История демографического развития / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. 212 с.
7. Шубин Р. Всесоюзная городская перепись 1923 г. Некоторые итоги переписи по Пермской губернии // Экономика. 1923. № 2–3. С. 61-63.
8. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XXXVIII: Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечные и психически больные. М.: Изд. Планхозгиза, 1930.
9. Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г.: кратк. стат. справочник. Свердловск: Уралоблстатуправление, 1928.
10. Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г.: кратк. стат. справочник. Свердловск: Уралоблстатотдел, 1929.
11. Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Свердловск: Изд. статсектора Уралплана, 1930. Вып. 1.

© Журавлева В.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Журавлева Вера Анатольевна (г. Златоуст, Россия) – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-правовых и гуманитарных наук филиала Южно-Уральского государственного университета в г. Златоусте (456209, г. Златоуст Челябинской области, ул. Тургенева, 16; e-mail: spign@zb-susu.ru).

Zhuravleva V.A.

MIGRATORY MOVEMENT OF URBAN POPULATION IN THE URALS IN 1920-S

Abstract. *On the basis of statistical data analyzes the dynamics migratory movement of masses in the cities of the Urals in 1920-s years its periods and factors influencing the movement of the population were determined. The author concludes that the cities of the region were replenished mainly by rural Urals population. Most of the migrants were in the working age and had an independent income.*

Keywords: historical demography, urban population, Urals, migratory movement of population.

Information about the author

Zhuravleva Vera Anatolievna (Zlatoust, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Socio-Legal Sciences and Humanities Department, The Zlatoust branch of South Ural State University (16, Turgenev's st., Zlatoust, Chelyabinsk region, 456209,

ЭВАКУАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ДИСКУССИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ РАЗМЕЩЕННЫХ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ РСФСР

Аннотация. Проанализирована историографическая ситуация по проблеме количества эвакуированных граждан СССР в период Великой Отечественной войны. На основе выявленных документов в статье приводятся данные о количестве эвакуированных и размещенных на территории РСФСР.

Ключевые слова: историография, Великая Отечественная война, эвакуация гражданского населения, восточные районы РСФСР.

В исторической литературе встречаются самые различные данные о количестве эвакуированных в восточные районы страны в годы Великой Отечественной войны. Сколько их было размещено на территории РСФСР? Впервые в 1963 г. И.И. Белоносов опубликовал данные о том, что в 1941-1942 гг. в СССР было эвакуировано 25 млн человек, из них около 17 млн было переведено на восток в июле-декабре 1941 г. [1, с. 115]. Через два года в сборнике «Эшелоны идут на восток» он уже утверждал, что общая численность населения, эвакуированного за все годы войны, составила примерно около 25 млн человек [14, с. 28]. Эта цифра получила широкое распространение, хотя во втором томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» было отмечено, что за первое полугодие войны было эвакуировано 10,4 млн человек [3, с. 548].

Ленинградский историк М.И. Лихоманов, посвятивший статью размещению эвакуированного населения, отметил, что только железнодорожным транспортом за вторую половину 1941 г. было эвакуировано свыше 10,4 млн человек, однако через четыре страницы он пишет, что к весне 1942 г. в восточных районах было размещено 7,4 млн эвакуированных [9, с. 183, 187]. В пятом томе «Истории социалистической экономики СССР» без ссылок на источник также утверждается, что в восточные районы было эвакуировано более 10 млн человек [4, с. 172]. В энциклопедии «Великая Отечественная война» отмечено, что в 1941-1942 гг. в тыл страны было эвакуировано более 20 млн человек [1, с. 803].

В ряде публикаций, касающихся проблем эвакуации населения, Г.А. Куманев пишет, что по данным Центрального справочного бюро, действовавшего при Совете по эвакуации, по предварительным результатам переписи эвакуированного населения (весна 1942 г.) и по ряду других источников, из угрожаемой зоны удалось переместить в тыловые районы различными видами транспорта примерно 17 млн человек. В статье, опубликованной в книге «Людские потери СССР в период Великой Отечественной войны» историк оставляет ту же цифру, но уточняет, что в нее вошло количество «участвующих во всех формах эвакуации, включая отселение из мест боевых действий» [6, с. 145; 7, с. 7-27].

Американский исследователь С. Максудов считает, что целью эвакуации было не спасение населения от угрозы уничтожения врагом, а обеспечение государства рабочей силой. Эвакуации подлежали главным образом промышленное оборудование и экономические ресурсы. Люди рассматривались в

первую очередь как рабочая сила, необходимая для использования этого оборудования. В соответствии с целями государственной эвакуации учет численности переселенцев был не полным. Согласиться с подобным заявлением невозможно, поскольку имеющиеся архивные материалы говорят о том, что большую часть эвакуированных составляли женщины и дети. Тем не менее, с мнением о завышенной оценке цифры в 17 млн человек нельзя не согласиться [10].

Таким образом, данные о количестве эвакуированных, которые встречаются в литературе, имеют большой разброс от 10 до 25 млн человек. На наш взгляд, эти данные преувеличены. Авторы часто не указывают места дислокации эвакуантов, их состав. Остается не ясным, включались ли историками в их состав насильственно перемещенные, депортированные народы на территории СССР, угнанное в Германию советское гражданское население. Необходимо также учитывать, что эвакуация населения и перебазирование заводов, фабрик, учреждений на восток, которые осуществлялись во второй половине 1941 г. и в 1942 г., не предусматривались советской военной доктриной, были вынужденной мерой. Они осуществлялись на первых порах стихийно. Верно заметили украинские исследователи А.Л. Перковский и С.И. Пирожков, что сторонники тезиса о многомиллионной эвакуации не учитывают того обстоятельства, что пропускная способность дорог, в первую очередь железных, была жестким лимитирующим фактором, поскольку нужно было не только осуществлять эвакуацию, но и производить военные и другие перевозки [12, с. 190].

Вопросы влияния эвакуации на промышленное производство анализировались английским историком М. Гаррисоном [16, с. 334]. Автор соглашается тем, что существенную роль сыграл труд эвакуированных граждан в развертывании советского военного производства. Влияние войны, и в том числе эвакуации, на демографические процессы освещено в работе П. Гэттелла [15, с. 793 – 802.], хотя масштаб исследования не позволил автору детально описать негативное влияние эвакуации на воспроизводство населения, его заболеваемость и смертность. Чаще всего в зарубежной историографии эвакуация населения трактуется как насильственная депортация населения СССР, героизм людей в тылу, как результат политики принуждения и террора [8]. Размах эвакуации зарубежными историками практически не затрагивается.

Более взвешено к вопросу об эвакуации населения подошел А.Д. Колесник [5, с. 94-99]. По его данным на территории тыловых районов РСФСР было размещено в весне 1942 г. 5,9 млн эвакуированного населения, а к началу 1943 г. – 5,5 млн. Автор, определяя общую численность эвакуированного населения, отметил, что между первым и вторым этапами перемещения производительных сил страны была осуществлена частичная их реэвакуация.

Следует отметить, что статус эвакуированного в СССР получал каждый прибывший из прифронтовой полосы, территории, временно занятой неприятелем. К эвакуированным относились граждане, первично эвакуированные в другие республики и области, но затем переехавшие на данную территорию. К эвакуированным причислялись также и граждане, прибывшие с эвакуированными домами заключения (тюрьмами), которые после переезда были освобождены. Не относились к эвакуированным прибывшие из рядов Красной Армии и Флота, кадровый военный состав, приехавший с военными учреждениями, но члены их семей считались эвакуированными. К эвакуированным не причислялись

освобожденные по амнистии польские граждане, репрессированные сталинским режимом 12 народов (немцы, крымские татары, калмыки, чеченцы, ингуши и др.).

Только поиск архивных документов позволил выявить источники, которые уточняют количество эвакуированного гражданского населения и размещенного на территории восточных районов РСФСР.

В справке об итогах выполнения постановления СНК РСФСР от 26 марта 1943 г. «О состоянии трудоустройства и бытового обслуживания эвакуированного населения» за 1943 г. указывается, что на 1 января 1943 г. на территории РСФСР было размещено 5514,8 тыс. эвакуированных, в том числе 1937,6 тыс. детей. К 1 января 1944 г. их количество уменьшилось до 4072,1 тыс., в том числе 1545,9 тыс. детей. Уменьшение за 1943 г. произошло на 1476,4 тыс. за счет возвращения в освобожденные районы (около 1 млн человек), а также, как отмечается в документе, в результате уточнения количества эвакуированного населения при переучете (около 500 тыс. человек). Из всех эвакуированных на 1 января 1943 г. насчитывалось трудоспособных 2600,0 тыс. человек, из них были трудоустроены 2073,4 тыс. (79,3%), на 1 января 1944 г. – соответственно: 1963,2 тыс. трудоспособных, из них 1699,5 тыс. имели работу (86,6%). Из трудоустроенных 25,7% работали в промышленности, 38,8 % – в сельском хозяйстве, 1,4% – на транспорте и 34,1 % – в учреждениях и организациях. В документе отмечалось, что эвакуированные, расселенные в колхозах, попали в тяжелые материальные условия, поскольку часто не получали сельскохозяйственные продукты на заработанные трудовые, они не имели личного хозяйства (приусадебного участка, скота, домашней птицы). В 1943 г. ситуация ухудшилась в связи с сокращением норм выдачи хлеба эвакуированным, проживавшим на селе, от 150 до 200 грамм на человека. Для оказания помощи нуждавшимся правительство выделило 1,17 млн штук носильных вещей из числа вещей и подарков, поступивших из заграницы (от общества Красного Креста и Красного Полумесяца); отпустило 22,12 млн рублей для оказания единовременной денежной помощи [17. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 411. Л. 45, 46, 52, 53].

В то же время начальник отдела СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения Л. Дмитриев сообщал, что всего размещено эвакуированного населения на 20 мая 1943 г. 5167,0 тыс. человек, из них трудоспособных 2382,3 тыс., трудоустроено 1939,7 тыс., не трудоустроено 442,6 тыс. человек. Детей насчитывалось 1918,1 тыс. человек. На территории РСФСР размещено около 2000 эвакуированных детских учреждений, в них 233500 детей [17. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 363. Л. 120, 121, 122]. Сравнение данных этих двух источников показывает, что за январь – середину мая 1943 г. количество эвакуированных сократилось на 347,8 тыс. человек.

В справке о работе по переселению, реэвакуации и по хозяйственному устройству эвакуированных за 1944 г., представленной Председателю правительства РСФСР в апреле 1945 г., сообщалось, что на территории РСФСР было размещено на 1 января 1944 г. 4072,1 тыс. человек, на 1 января 1945 г. – 2143,5 тыс., на 1 апреля 1945 г. – 1680,7 тыс. За 1944 г. возвратилось из эвакуации 1928,6 тыс. человек [17. Ф. Ф-327. Оп. 2. Д. 713. Л. 86], при этом сообщалось, что в связи с постановлением ГКО с 1 ноября 1944 г. и до 15 мая 1945 г. реэвакуация была прекращена [17. Ф. Ф-327. Оп. 2. Д. 713. Л. 87].

В письме Председателя СНК РСФСР А.Н. Косыгина в СНК СССР Н. А. Вознесенскому от 18 апреля 1945 г. высоко оценивалась работа отделов по хозяйственному устройству эвакуированного населения и сообщалось, что на 1 января 1943 г. по РСФСР было размещено более 5,5 млн. эвакуированных граждан. В течение 1943 – 1945 гг. проводилась работа по хозяйственно-бытовому устройству этого населения и его реэвакуации. По данным на 1 марта 1945 г. возвратились в освобожденные районы и города 3,7 млн человек и находилось в местах эвакуации 1,8 млн человек [17. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 1. Л. 22].

В записке А.В. Грищенко к заседанию Бюро СНК РСФСР в сентябре 1945 г. отмечалось, что на 1 января 1943 г. находилось эвакуированных в тыловых областях РСФСР свыше 5 млн человек. Наступление Красной Армии, освободившей территорию РСФСР и других союзных республик, в работе отделов по хозяйственному устройству эвакуированного населения выдвинулась задача постепенной реэвакуации населения в освобожденные районы. На 1 января 1944 г. реэвакуировалось в прежние места жительства около 1 млн человек и осталось эвакуированных по РСФСР 4072,1 тыс. человек; на 1 января 1945 г. реэвакуировалось около 2 млн человек, осталось эвакуированных 2143,5 тыс.; на 1 июня 1945 г. осталось эвакуированных около 1,5 млн человек, из которых значительная часть обжила в новых местах и не желает возвращаться, но ещё большое число подлежит реэвакуации [17. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 1. Л. 13].

Наконец ещё один источник сообщает цифру эвакуированных советских граждан и размещенных на территории РСФСР. Это – справка о работе по переселению, эвакуации и реэвакуации и репатриации граждан за 1941 – 1946 гг. от 28 марта 1946 г. В ней указывается, что за время войны в восточные области РСФСР было эвакуировано около 6 млн человек советских граждан, а за 1943 – 1945 гг. реэвакуировано 4507,7 тыс. человек. На 1 января 1946 г. в восточных областях РСФСР размещено 1007,8 тыс. эвакуированных граждан, в том числе работающих в промышленности 218,0 тыс., в сельском хозяйстве – 731,2 тыс. Из них прибывших из Украинской ССР 168,3 тыс. человек, Белорусской ССР – 54,0 тыс., Карело-Финской ССР – 31,4 тыс., города Ленинграда – 173,4 тыс., Ленинградской области – 80,1 тыс., города Москвы – 96,1 тыс., Московской области – 69,4 тыс., Смоленской области – 15,9 тыс. Осталось на постоянное жительство в местах размещения по эвакуации около 30 тыс. человек [17. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 721. Л. 79, 80].

Документы свидетельствуют, что значительные масштабы вынужденной миграции населения заставили власти провести организационные меры по руководству этим процессом. До войны переселение колхозников из малоземельных районов в многоземельные (так называемое «плановое переселение») осуществлялось Переселенческим управлением при СНК СССР, образованным по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП (б) 27 мая 1939 г. В ноябре 1941 г. при Совете эвакуации было образовано Управление по эвакуации населения, которое в январе 1942 г. было ликвидировано, и вместо него начал работать Отдел по хозяйственному устройству эвакуированного населения СНК РСФСР, аналогичные отделы были созданы на местах при СНК автономных республик и исполкомах областных советов, которые существовали вплоть до сентября 1945 г. В процессе деятельности эти органы собрали большой массив документальных материалов эвакуации гражданского населения, они хранятся в

ГАРФ (Ф. А-327. Оп. 1, 2). Эти исторические источники достоверны и репрезентативны.

Таким образом, сопоставление выявленных данных показывает, что количество эвакуированных из гражданского населения и размещенных на территории РСФСР в 1941 – 1943 гг. не превышало 6 млн человек. Полагаю, что уточнённые данные об эвакуированном гражданском населении, размещенном на территории РСФСР можно получить, проведя исследование по отдельным регионам страны.

Библиографический список

1. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. М., 1985.
2. Военно-исторический журнал. 1963. № 2.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т.2. М., 1961.
4. История социалистической экономики СССР. Т.5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938-1945 гг. М., 1978.
5. Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982.
6. Куманев Г.А. Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // Людские потери в Великой Отечественной войне. СПб., 1995.
7. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941 – 1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 6.
8. Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Ж.-Л. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. 2- изд. М.: Три века истории, 2001. 780 с.
9. Лихоманов М.И. Размещение и использование эвакуированного населения в Восточных районах. // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2. Трудовой подвиг народа. М., 1974.
10. Максудов С. К проблеме изучения потерь советских евреев в годы Второй мировой войны на материалах эвакуации //URL: <http://maksudovsergei.com/index.php/poteri/iiwar/33-2012-04-02-11-37-19>.
11. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т.2. 1940 – 1959. М.: РОССПЭН, 2001. С. 81.
12. Перковский А.Л., Пирожков С.И. Из истории демографического развития 30-40-х годов (на примере Украинской ССР) // Экономика. Демография. Статистика. Исследования и проблемы. М., 1990.
13. Швейбиш С. Эвакуация и советские евреи в годы катастрофы // Вестник еврейского университета в Москве. М.; Иерусалим, 1995. С.
14. Эшелоны идут на Восток: из истории преобразования производительных сил СССР в 1941- 1942 гг. М., 1966.
15. Gatrell P. The impact of war on Russian and Soviet development 1850–1950 // World Development, vol.9, issue 8, August, 1981.
16. Harrison M. Accounting of war: Soviet Production and Employment and the defence burden. 1940-1945// Cambridge university press, 1996.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Ф-327. А-327.

© Корнилов Г.Е., 2015. Текст.

Информация об авторе

Корнилов Геннадий Егорович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор исторических наук, заведующий сектором экономической истории, Институт истории и археологии УрО РАН (620137, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, ia-history@mail.ru).

EVACUATION OF THE USSR CIVILIAN POPULATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: DISCUSSION ABOUT EVACUEES IN THE EASTERN REGION OF THE RSFSR

Abstract. *The paper analyzes the historiographical situation on the problem of the number of evacuees in the Soviet Union during the Great Patriotic war. On the basis of the revealed documents the data on the number of evacuees located within the territory of the RSFSR is presented.*

Keywords: historiography, the Great Patriotic War, evacuation of the civilian population, eastern regions of the RSFSR.

Information about the author

Kornilov Gennady Egorovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Yekaterinburg, 620137, Russia; e-mail: gena-korn@mail.ru).

УДК 316.7(470.5)(091)

Кругликова Г.А.

УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ УРАЛА В 1920-Е ГГ.: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РАБОТНИКОВ

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы государственной политики в отношении музейных учреждений в 1920-е гг. Автором освещены проблемы кадрового обеспечения музеев Урала, изменения социального портрета работников культуры.*

Ключевые слова: культурная политика, музеи Урала, кадровое обеспечение.

В 1920-е гг. в стране была создана советская культура, отличавшаяся от предшествующей ей отечественной культуры тем, что это была подконтрольная, хорошо управляемая и послушная часть командно-административной системы. Исходя из задач «построения социализма», стремясь поставить должным образом «социалистическое воспитание» трудящихся, партийное руководство страны в любой сфере культурного строительства находило и поддерживало то, что служило укреплению создаваемого им общественного строя, и беспощадно искореняло то, что было опасно для режима большевистской власти. Поэтому советской культуре пришлось уживаться с тоталитарной диктатурой. Работники культуры были вынуждены «подгонять» свою деятельность под новые стандарты, предписываемые им политической системой.

Отметим, что в первой половине 1920-х гг. были приняты законы, обеспечивавшие развитие музейного дела на местах. Наркомпрос, как ведущий орган управления музейным делом, опирался на опыт и знания теоретиков и практиков музейного дела, привлеченных к выработке программы и ее реализации, к управлению музейным делом. Местные органы власти активно поддерживали краеведческие организации региона, что отражало политику государства по приобщению интеллигенции к участию в культурном строительстве. В этот период на Урале действовали крупнейшие краеведческие организации, организаторами и членами которых были известнейшие ученые дореволюционной

России. Продолжили свою научную и исследовательскую деятельность профессор М.О. Клер (УОЛЕ), профессор П.С. Богословский предложивший учредить в Перми краеведческий научно-исследовательский институт, проф. Б.Л. Богаевский (кружок по изучению Северного края при Пермском университете), антрополог и этнограф Б.Н. Вишневский, Н.Н. Серебренников.

В выдвинутой в 1919 г. формуле управления как «соединения политической власти и компетентной силы» второе слагаемое не было закреплено законодательно или организационно. На первых этапах деятельности органов руководства музейным делом компетенция управления обеспечивалась только личным участием музейных деятелей, привлеченных к работе в Музейном отделе. Это позволяло, в определенной мере, до середины 1920-х гг. поддерживать некоторое равновесие в борьбе с тенденциями администрирования и вульгарного идеологического диктата.

Наркомпрос, аппарат которого в своей деятельности реализовывал методы, формы и содержание просветительской работы, как они задавались партией, находился под бдительным наблюдением ЦК.

Самые широкие полномочия предоставлялись Агитпропу не только в партийной структуре; он выступал как координирующая и руководящая инстанция в сфере культурного строительства для всех государственных и общественных организаций. Одним из этапов складывавшейся системы тотального контроля стало укрепление в течение 1923-1925 гг. агитпропов на местах опытными идеологическими работниками с целью превращения их «в боевые центры борьбы за марксистскую идеологию и идейное влияние партии в массах» [6, с. 528].

Дело шло успешно, и к концу 1925 г. ЦК впервые отметил, что в большинстве губернских и областных комитетов партии уже имелись сравнительно устойчивые кадры агитпропарботников.

В постановлении ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (18 июня 1925 г.) [7, с.8-9] отмечалась недопустимость декретом или партийным постановлением легализовать монополию группы или партийной организации, содержался призыв к свободному соревнованию группировок и течений. Партия, осуществляя «тактичное» руководство, не должна была связывать себя приверженностью какому-либо направлению.

Однако это постановление стало и началом всеобъемлющей идеологизации и бюрократизации культуры. Одним из последствий его принятия стало назначение руководителями ведомств по делам культуры людей, профессионально далеких от этого, но хорошо себя зарекомендовавших в идеологическом отношении. Выдвинутая в декабре 1925 г. на XIV съезде партии И.В.Сталиным концепция социалистического строительства на основе форсированной индустриализации отражала изменение понимания места культуры в обществе, «отодвигала» ее развитие на второй план, и создавала предпосылку для переориентации культурной политики [8, с.320-323].

Перемена точки зрения на место культуры и отнесение ее в сферу классовой борьбы повлияли на отношение к накопленному опыту, а также на взаимоотношения с интеллигенцией, немало сделавшей для спасения и развития культуры в первые годы Советской власти. В 1928 году отчетливо проявился отход от сотрудничества к террору в отношении кадров старых специалистов. Уголовные

процессы в отношении известных музейных работников Урала (например, «Дело М.О. Клера») являлись ярким тому подтверждением.

В принятом на заседании Президиума ВЦИК постановлении № 71 от 20 августа 1928 г. «О музейном строительстве» были признаны значительные достижения в развитии музейного дела. Однако отмечались «рутинность и неудовлетворительное, с точки зрения стоящих в порядке дня задач социалистического строительства, идеологическое содержание, что объяснялось, главным образом, недостатком соответственно подготовленных музейных работников» [9].

Большое внимание уделялось необходимости подготовки новых молодых кадров на смену старым «немарксистским» специалистам музейного дела. Массовая просветительная работа музеев признавалась подчиняющей себе все остальные музейные задачи [10, с.130-160].

Подведению итогов и очередным задачам музейной работы был посвящен I Уральский областной музейный съезд, проходивший в Свердловске в декабре 1929 г. [3] В основном докладе Якубовского «Состояние и очередные задачи музейной работы» отмечалось, что в условиях развернувшегося гигантского строительства социализма роль музеев в системе политпросветучреждений приобрела исключительное значение. Проведенная проверка музейных учреждений показала, что повсеместно было выявлено отсутствие классовых установок в работе ряда музеев, крайне медленном темпе развития музейной сети (не были организованы музеи в районах сплошной коллективизации – Надеждинске, Лысьве, Чусовой и др.), недостатке подготовленных кадров музееведов-марксистов. Особо было выделено «отсутствие планового руководства и контроля со стороны Уралом и органов ОНО на местах» [4].

Внедрялась идея социалистического соревнования музейных работников. УралОНО, как центральный орган, должен был выделить специального работника для координации музейного дела на Урале, а также создать постоянно действующую комиссию из «квалифицированных» музейных кадров, которая могла бы осуществлять методическое руководство.

Наболевшим вопросом на съезде был вопрос о кадрах. Проводившаяся в стране кампания по чистке рядов партии затронула и музеи [2]. В результате учреждения оставались без квалифицированных специалистов, поскольку новая система подготовки музееведов-марксистов еще не дала результатов.

Привлечение к работе некомпетентных лиц приводило зачастую к парадоксальным случаям. Так, в заключении комиссии Пермского окрисполкома, обследовавшего работу Пермского государственного областного музея, в числе выводов значилось: «Полная реорганизация аппарата Госмузея и замена такого выдвигенцами от станка и развитыми рабочими» [5]. Не трудно представить, к чему приводило такое «руководство».

Проведенная реорганизация Наркомпроса, упразднение Главнауки в конце 1930 г. и создание в секторе науки лишь музейной группы [1, с.71], ясно и понятно продемонстрировали государственную политику в отношении музеев. Законодательно были закреплены центробежные тенденции в руководстве музейным делом, подборе кадрового состава и его развитие проходило в русле пропаганды идеологии административной системы.

Библиографический список

1. Бюллетень Наркомпроса. 1932. № 9.
2. ГАСО. Ф.Р-233. Оп.1. Д.874. Л.34.
3. ГАСО. Ф.Р-233. Оп.1. Л.874. Л.6 об.
4. ГАСО. Ф.Р-233. Оп.1. Л.874. Л.6.
5. ГАСО. Ф.Р-233. Оп.1. Д.882. Л.423.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2. М., 1970.
7. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.507. Л.4, 31-37; Правда. 1925. 1 июля; Известия ЦК РКП(б). 1925. № 25-26.
8. Сталин И.В. Сочинения. В 13 т. М., 1949. Т.10.
9. СУ РСФСР. 1928. № 116. Ст.726.
10. Труды первого музейного съезда. Т.1. М., 1931.

© Кругликова Г.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Кругликова Галина Александровна (г. Екатеринбург, Россия,) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» (620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26, e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru).

Kruglikova G.A.

CULTURAL INSTITUTIONS OF THE URALS IN 1920s: SOCIAL PORTRAIT OF WORKERS

Abstract. *The paper deals with the state policy on museum institutions in the 1920s. The author highlights the problems of staffing museums in the Urals, changes in the social portrait of cultural workers.*

Keywords: cultural policy, museums, staffing.

Information about the author

Kruglikova Galina Aleksandrovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the chair of Russian History, Ural State Pedagogical University, History Department (26, Kosmonavtov av., 620017, Yekaterinburg, Russia; e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru).

УДК 911.6+33

Литовский В.В.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И РОСТА НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ПРИ ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ*

Аннотация. *В работе моделируется численность населения и роста населенных пунктов на основе оригинальной модели пульсирующего развития населенного пункта со сложным двойным циклом освоения территории, учитывающем последовательное изменение вместимости населенного пункта для населения при переходах от стадии неравновесного состояния численности людей в поселении к равновесному и наоборот, а также стадии экстенсивного и интенсивного освоения прилегающего пространства. В модели*

* Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2015 г. №16 (№ ГР 01201361676, подпрограмма «Модели и механизмы эффективного структурирования экономического пространства регионов России).

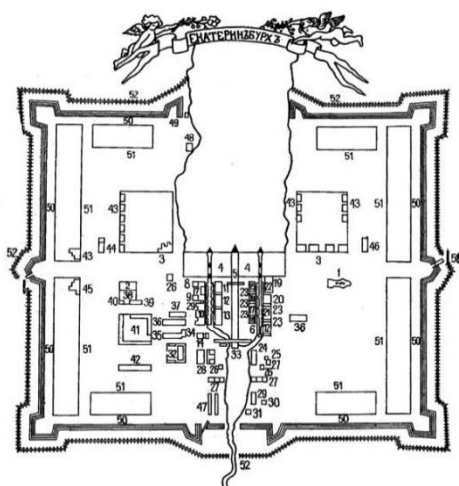
предложена зависимость численности населения от площади территории, а также прироста населения для самосогласованного развития населенного пункта или территории с учетом их площади и размера.

Ключевые слова: численность населения, населенные пункты, модель пульсирующего развития, связь численности населения с размером и площадью населенного пункта.

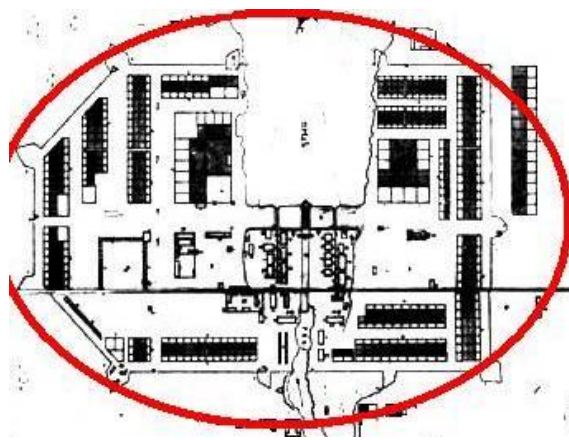
Проблема благополучного развития поселений является одной из ключевых проблем современности, так как их совокупное состояние характеризует устойчивость территориального каркаса расселения и социально-экономическое состояние региона.

Город Екатеринбург является одним из удобных примеров для анализа саморазвития городской территории, поскольку его история хорошо известна, а наличие планов города [1] на каждом из этапов его становления дает и должную базу для количественных оценок.

Важным моментом для избрания Екатеринбурга в качестве исходной модели теоретического осмысления развития уральских городов и поселений являлось и то, что он создавался как поселение со строгой регулярной планировкой, которая согласно [2] заложила «новый принцип русского градостроительства начала XVIII в. Такая система города-завода была предопределена прямоугольной крепостью и двумя перпендикулярными осями, определившимися расположением плотины и рекой Исетью. Эти оси явились и основой композиции центра современного Свердловска. Крепость, построенная «для безопасности от беспокойного народа», имела размер сторон 654 x 762 м» (рис. 1).

Екатеринбург, 1729 г.

Екатеринбург, 1743

Рисунок.1. Планы г. Екатеринбурга, 1729-1743 гг.

Можно отметить, что за первые шестьдесят лет существования города (1723-1783) помимо церквей, было построено всего несколько каменных сооружений разного назначения: горная канцелярия (1737-1743 гг.), пороховой погреб (1747 г.) и госпиталь (1749 г.), то есть город был одноэтажным. Тем не менее, в городе действовало 30-40 фабрик. К 1797 году в Екатеринбурге было 54 завода, из них 10 каменных и 44 деревянных.

Согласно тому же источнику, «к началу 1770-х годов в Екатеринбурге было около 1420 домов. Город с восьмьютысячным населением стал административным,

транспортным, торговым, военным и заводским центром Урала. В 1781 г. Екатеринбург официально получил название города, хотя именовался таковым с 1723 г. Границы его значительно раздвинулись, и в их пределах построена новая крепость. Планировка города утратила свою строгую прямоугольную форму».

Генеральный план города Екатеринбурга 1804 года определил основные принципы планировки и застройки на все предстоящее столетие. Он предусматривал прямоугольные кварталы, прямые продольные и поперечные улицы. В плане 1810 года впервые появились названия улиц.

Согласно [4], в 1808 году закрылся Екатеринбургский железоделательный завод, а его здание и оборудование были переданы Монетному двору, на основе которого в свою очередь в 1839 году была открыта механическая фабрика, выпускающая станки, турбины и др.

С начала XIX века Екатеринбург стал городом добычи золота и драгоценных камней, поскольку в 1817 году в нем на реке Мельковке была открыта золотая россыпь и там построена золотопромывальная фабрика (Мельковский прииск). Находился он на территории современного завода «Уралтрансмаш». Это событие в Екатеринбурге в целом на Урале породило «золотую лихорадку». В итоге к 1824 году в «Екатеринбургской золотой долине» действовало более 80 золотых приисков, а на Урале с 1745 по 1922 год было добыто 559 тонн рассыпного и 145 тонн коренного золота (около трети общего баланса России).

В 1830-1831 годы в районе Екатеринбурга в дополнении к золоту были найдены и изумруды, месторождение которых стало одним из крупнейших в мире (к 1862 году на коях добыли 142 пуда изумрудов). Благодаря этому, а также и другим камням в XIX веке Екатеринбург стал одним из признанных мировых центров художественной обработки цветного камня. Таким образом, смена технологического уклада в городе произошла в первом десятилетии XIX века и совпала с пятой генерацией его коренных жителей. Дальнейшее его развитие предопределило создание в 1878 году первой на Урале горнозаводской железной дороги, которая связала Екатеринбург с Пермью и Тагиллом. В 1886 году было налажено и железнодорожное сообщение с Тюменью, а в 1897 году – с Челябинском. В итоге ключевые гужевые дороги к началу XX века были дополнены железными. В это время в городе «работало уже более 350 предприятий, из них более 45 крупных промышленных заводов. Население превысило 50 тысяч человек» [4].

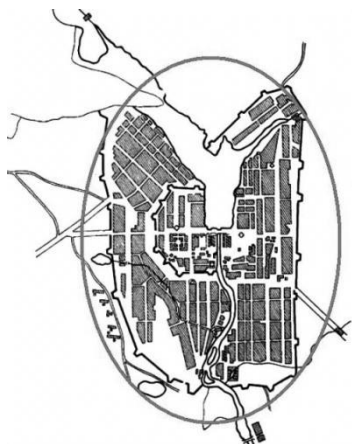
В первые годы советской власти численность населения города быстро росла. Если в 1923 году она составляла 93,4 тыс. чел., то в 1925 году уже 115,6 тыс. чел. Административно Екатеринбург стал центром обширной Уральской области. В городе появляются водопровод, новая электростанция, городская автобусная линия (1927), первый трамвайный маршрут (1929), налажено радиовещание. В 1930-х годах были построены крупнейшие машиностроительные и металлообрабатывающие заводы: Уральский завод тяжелого машиностроения («Уралмаш» и «Дормаш», 1933)», «Уралэлектромашина»(1935), Уральский турбомоторный завод (1939), Уральский завод тяжелого химического машиностроения («Уралхиммаш», 1940). Всего – 140 промышленных предприятий, 25 НИИ и 12 вузов. Население города приблизилось к 450 тысячам человек [4].

В послевоенный период город развивался как центр машиностроения, металлообработки, а также науки и образования.

Численность населения на этом этапе росла, главным образом, за счет миграции. Вдвое по сравнению с довоенным уровнем увеличились объемы капитального строительства.

В 1967 году по численности населения город стал миллионером.

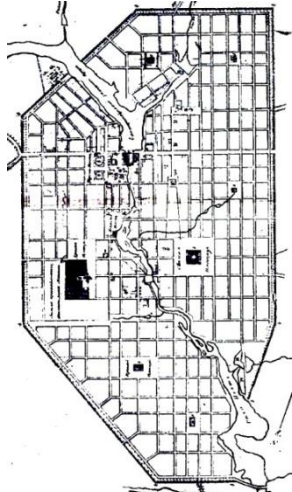
Планы города в период с 1785 по 1920 гг. представлены на рис. 2.

Екатеринбург, 1785

Екатеринбург, 1804 [5]

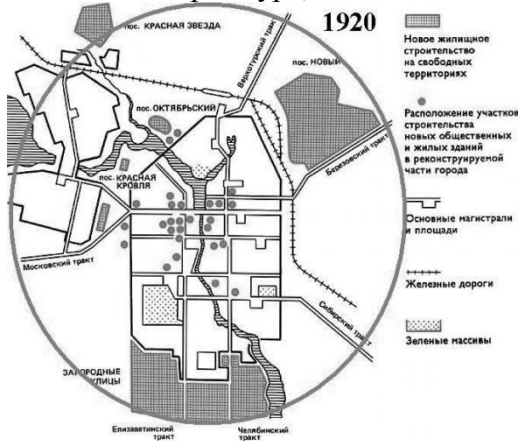
Екатеринбург, 1829 г.

Екатеринбург, 1856 г.

Екатеринбург, 1888 г. [7]

Екатеринбург, план застройки, 1920 г. [5]

Рисунок 2. Планы города Екатеринбурга в период с 1775 по 1920 гг.

Рост численности населения города дан в табл. 1 [8].

Таблица 1

Численность населения г. Екатеринбурга (Свердловска) (чел.)

1724 г.	1781 г.	1786 г.	1807 г.	1820 г.	1836 г.	1851 г.	1856 г.
4000	7969	9276	10 023	13 026	14 973	15 471	16 900
1861 г.	1877 г.	1887 г.	1897 г.	1913 г.	1917 г.	1920 г.	1923 г.
19 832	30 274	37 399	43 239	69 210	71 590	91 400	97 400
1926 г.	1931 г.	1939 г.	1956 г.	1970 г.	1986 г.	1989 г.	1990 г.
140 000	223 300	423 000	707 000	1 025 000	1 315 000	1 364 621	1 304 000
2005 г.	2006 г.	2014 г.	2015 г.				
1 304 300	1 308 400	1 412 346	1 428 262				

Это было использовано для построения модели роста поселения (территории) на примере моделирования роста Екатеринбурга. Модель представлена на рис. 3.

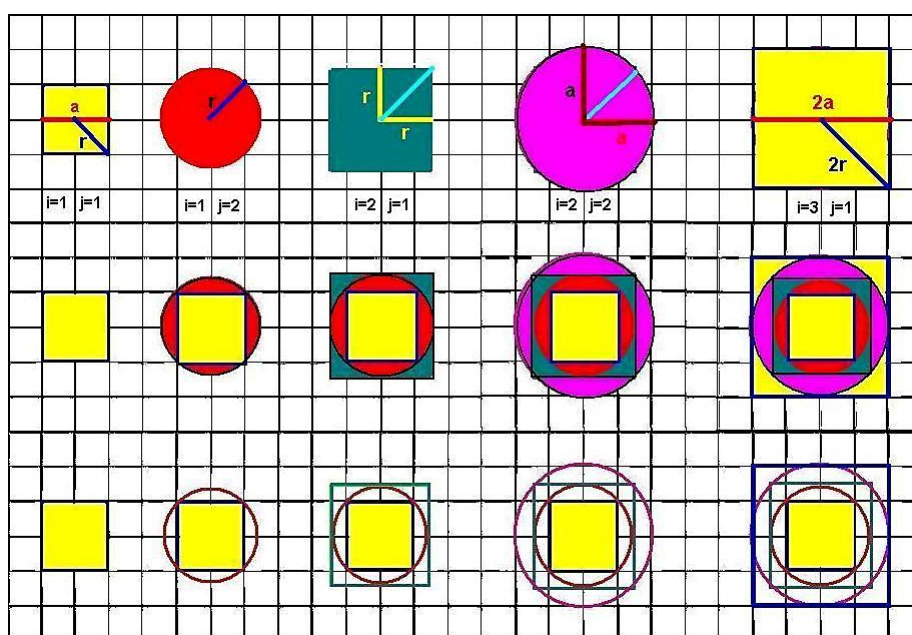

Рисунок 3. Модель пространственного освоения заселяемой территории

В представленной модели рост поселения начинается с неравновесной ситуации занятия территории. Далее расширение поселения представлялось последовательным чередованием заселения квадратной и круглой территории «со сглаживанием угла». Последнее было продиктовано условием обеспечения равнодоступности в исходном квадратном поселении по диагонали. Это привело к избранию диагонали на следующей стадии расширения поселения в качестве радиуса для формирования равнодоступной круглой территории. На завершающем этапе цикла расширения поселения (территории) круг в свою очередь заключался в квадрат со стороной равной диаметру круга и т. д. В модели принимался во внимание и способ расселения русского населения на восток посредством его первичного движения с юго-запада на северо-восток, а затем с севера-запада на юго-восток. Судя по всему, это было обусловлено, как меньшей занятостью территорий, так и их сравнительными преимуществами. В историко-географическом плане такой способ занятия территорий или экстерриториального развития цивилизаций известен как хождение «за тридевять земель», то есть за

пределы большого равностороннего треугольника, разбитого на 9 малых конформных с ним (рис.4).

Позже такая модель была использована для осмысления равноудаленного распределения очагов цивилизаций и построения так называемой икосаэдро-додекаэдрической системы Земли (ИДСЗ)» или «русской сетки». Последнее название связано с предложившими эту сетку русскими исследователями Н.Ф.Гончаровым, В.А.Макаровым и В.С.Морозовым [9-11] в 1970-е гг. В ней в качестве базовых использовались две фигуры: икосаэдр и додекаэдр, которые легко перестраиваются друг в друга, точно так же, как куб и октаэдр. В таком каркасе центр каждой грани одного многогранника становится вершиной другого многогранника [12]. Совместно эти взаимодополняющие фигуры образуют опорный «силовой каркас» сферических тел, например, Земли, определяющий отличительные свойства территорий, их сравнительные преимущества. В этом контексте отметим, что ранее додекаэдрической метрике разбиения земель соответствовала «пятина» или деление территории «на пять концов». Такая система административно-территориального деления использовалась в славянских государствах издревле, включая и Новгородскую республику, а с присоединением последней к Московскому государству распространилось и туда.

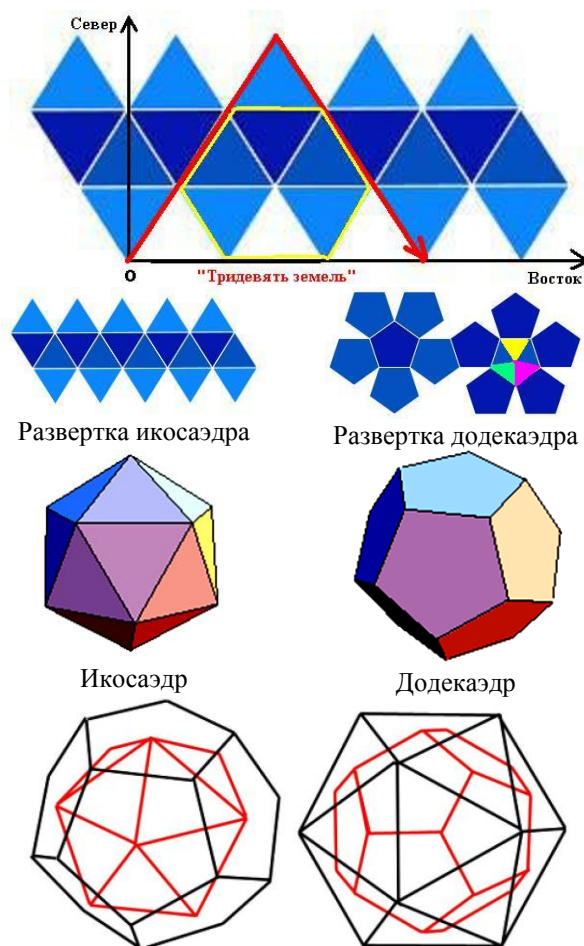
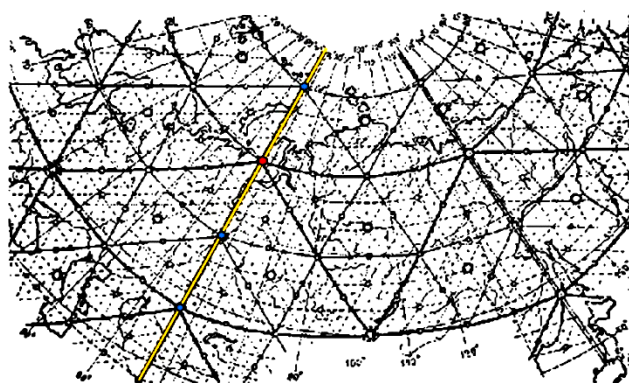
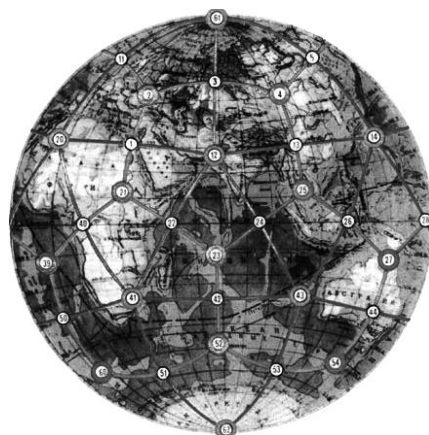

Рисунок 4. Икосаэдро-додекаэдрический каркас (ИДСЗ) [12]

Развертка сетки в модели деления по «тридевять земель» на территорию России и сопредельных территорий с уральской осью

Цивилизационный ИДСЗ: Третий узел ИДСЗ ($58^{\circ}16'57''$ с.ш., $67^{\circ}09'$ в.д.) соответствует «уральской арктической зоне» [9, 10]

Упраздниться пятинная система стала лишь в XVIII веке. В частности, на новгородской земле ее упразднили в 1775 году. Тем не менее, на практике в XVIII-

XIX вв. использование треугольной базы лишь усилилось из-за развития точного метода в землемерии – триангуляции. В частности, межевание территории современной Свердловской области на базе триангуляции набрало силу к 1850-1860 годам, благодаря деятельности французских инженер-топографов А. Аллори и Е.Бержье, а также Корпуса военных топографов. В целом же пятинная и «тридевятъземельная» система деления земель достаточно хорошо обеспечивала равнодоступность территорий в эпоху гужевого транспорта как ключевого средства. В идеальном варианте локального обеспечения равнодоступности пятиугольник – есть приближение к кругу. «Квадратно-гнездовой» способ освоения – дань «западничеству» и «петровской эпохе». Он был хорош для Европы с ее сглаженными морским климатом природными условиями. Все это было принято во внимание в предлагаемой модели.

Генеральным критерием при переходе от предыдущей схемы расселения к следующей, считалось условие неизменной плотности заселения территории $n_{i,j}$ при численности взрослого населения предшествующего этапа $N_{i,j}$ и исходной площади $S_{i,j}$ к следующим $n_{i,j+1}$, $N_{i,j+1}$, $S_{i,j+1}$:

$$n_{i,j} = \frac{N_{i,j}}{S_{i,j}} = n_{i+1,j} = \frac{N_{i+1,j}}{S_{i+1,j}} = \frac{N_{i,j+1}}{S_{i,j+1}} = n_{i,j+1} = const \quad (1)$$

$i = 1, 2, 3, \dots, k$, а $j = 1, 2$ (1 – соответствует квадрату, 2- кругу).

При исходной стороне a квадратного поселения ($i = 1, j = 1$) и его полудиagonали $r_{i,j}$, равной радиусу окружности поселения $r_{1,2}$ на следующем шаге ($i = 1, j = 2$), получаем для каждого шага ($i = 1, 2, 3, \dots, k$, $j = 1, 2$) следующие простые формулы.

полудиagonали (радиуса):

$$r_{i,j} = \frac{(\sqrt{2})^{+i}}{2} \times a \text{ или } r_{i,j} = a \times e^{0,3465 \times (i-2)} \quad (2)$$

площади поселения:

$$S_{i,j} = \begin{cases} 2^{i-1} \times a^2; j = 1 \\ 2^{i-2} \times \pi \times a^2; j = 2 \end{cases} \quad (3)$$

численности населения:

$$N_{i,j} = \begin{cases} 2^{i-1} \times N_{1,1}; j = 1 \\ 2^{i-2} \times \pi \times N_{1,1}; j = 2 \end{cases} \text{ или } N_{i,j} = \begin{cases} N_{1,1} \times e^{0,693 \times (i-1)}; j = 1 \\ \pi \times N_{1,1} \times e^{0,693 \times (i-2)}; j = 2 \end{cases} \quad (4)$$

изменения численности населения:

$$\Delta N_{i,j} = \begin{cases} 2^{i-3} \times (4 - \pi) N_{1,1}; j = 1 \\ 2^{i-2} \times (\pi - 2) \times N_{1,1}; j = 2 \end{cases} \quad (5)$$

Вторая форма записи уравнения (2) позволяет в явном виде показать ступенчатый рост диагонали (радиуса) поселения с их экспоненциальным увеличением через генерацию или поколение жителей. То же относится и к числу

жителей в каждой генерации при второй форме записи уравнения (4). Число жителей также изменяется экспоненциально, но со своим характерным множителем или мультипликатором. Анализ уравнения (5) выявляет в приросте численности населения колебаний. В частности, при каждом переходе от круглой конфигурации поселения к квадратной прирост населения сокращается. При переходе от квадратной формы расселения к круглой – наоборот увеличивается.

Из уравнения (2) также следует, что при исходном поселении размером 1 x 1 км на 25-й генерации ($i=13, j=1$) диагональ вырастает до 64 км, а на 27-й - ($i=14, j=1$) – до 128 км. В реальности это означает неизбежную дискретизацию системы расселения при самосоогласованном росте поселения в изолированных условиях. В противном – начнется агломерирование за счет слияния с близлежащими населенными пунктами. Это означает, что по данному критерию дефрагментация саморазвивающегося города требует 450-500 лет.

Из сравнения численности населения в Екатеринбурге с реальным, город должен находиться на 17-й итерации. Это в еще большей степени указывает на потребность в дефрагментации города: взрослое население уже на ближайших 18-м (2029 г.), 19-м (2047 г.) и 20-м шагах (2065 г.) составит 1607 тыс.чел., 2048 тыс. чел и 3216 тыс. чел., соответственно.

Из сопоставления реальной площади Екатеринбурга 491 км² с теоретической для $i=10, j=2$ и $a=0,5$ км² получаем 20-й шаг итерации или временной лаг каждой из итераций 15 лет. Полученное противоречие указывает, что прирост площади города делается с «запасом», а не из реальных потребностей прироста селитебной территории. Определенный вклад дают и проданные (отчужденные) территории, а также всякого рода «неудобицы» (болота и др.). Рост же населения объективно связан с притоком в город людей извне. Что касается сбалансированного саморазвития города, то при временном лаге появления следующей генерации в 20 лет совершеннолетнего населения должна составлять примерно 650 тысяч человек, а к 2023 году – 800 тыс. человек. При лаге в 18 лет настоящему периоду с 2011 года соответствует 17-й шаг итерации. В этом случае количество взрослого населения должно быть не менее 1 млн человек (1024 тыс. на 2011 г. и 1607 – на 2029 г.) (рис. 5).

Рисунок 5. Реальная [8] и теоретические зависимости численности населения с 1724 по 2015 гг. в Екатеринбурге

Библиографический список

1. Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2002. 728 с. Приложение: Оригиналы карт, планов и схем Екатеринбурга. 10 л.
2. Основание Екатеринбурга. [Электронный ресурс]. URL: <http://histrf.ru/ru/lenta-vremeni/event/view/osnovaniie-iekatierinburgha>
3. Алферов Н.С., Белянкин Г.И., Козлов А.Г., Коротковский А.Э.. Свердловск (строительство и архитектура). Екатеринбург – новый вид поселения в России XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1723.ru/read/books/sverdlovsk-1980/s-1980-2.htm>
4. Регионы и населенные пункты.Екатеринбург. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bankgorodov.ru/place/inform.php?id=147362>
5. Подборка схем и планов Екатеринбурга+Свердловска. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1723.ru/read/map/1982/ekb-1982-8.htm>
6. Подборка схем и планов Екатеринбурга+Свердловска. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1723.ru/read/map/ekaterinburg-1804.htm>
7. Карты Екатеринбурга+Свердловска. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1723.ru/read/map/map-1888-1.htm>
8. Екатеринбург – Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Екатеринбург>
9. Икосаэдрододекаэдрическая структура Земли по Н.Ф.Гончарову. [Электронный ресурс]. URL: http://merkab.narod.ru/hologram_universe2/hologram_universe8.html
10. Гончаров Н.Ф., Макаров В.А., Морозов В.С. Земля – большой кристалл? //Химия и жизнь, 1974. N3.
11. Гончаров Н.Ф., Макаров В.А., Морозов В.С. Закономерности строения и формирования планетарного рельефа и структур по икосаэдро-додекаэдрическому силовому каркасу Земли /Основные направления развития геоморфологической теории. Новосибирск, 1982. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lachugin.ru/science/idsz1_40.htm
12. Додекаэдр-Википедия. Икосаэдр-Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Додекаэдр> ; <https://ru.wikipedia.org/wiki/Икосаэдр>

© Литовский В.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Литовский Владимир Васильевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор географических наук, заведующий сектором размещения производительных сил и территориального планирования, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru).

Litovskiy V.V.

MODELING OF POPULATION GROWTH AND OF GROWTH HUMAN SETTLEMENTS ON THE TERRITORIES

Abstract. *In the simulated population size and growth of human settlements based on the original model development of pulsed with a complex double-cycle development. This cycle takes into account the changing capacity of people move from the stage of non-equilibrium state in the number of people in the equilibrium state and vice versa. Also take into account the stage of extensive and intensive development of the adjacent space. In the model proposed by the dependence of population from the territory, as well as the dependence of the population required for self-consistent development of settlement (territories) and the size of the settlement.*

Keywords: population, human settlements, model development, the dependence of the pulsating population size and area of the village.

Information about the author

Litovskiy Vladimir Vasilievich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Geographical sciences, Head of Sector for Production Forces Placement and Territorial Planning, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru).

УДК 314.062.2(98)

Логинов В.Г.

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы воспроизводства населения арктических районов страны на примере Срединного арктического региона. Подчеркнута роль миграционных процессов в формировании населения, как в советский, так и в постсоветский периоды.

Ключевые слова: арктические районы, воспроизводство населения, коренные малочисленные народы.

При исследовании процесса социально-экономического освоения и развития северных и арктических районов в нашей стране и за рубежом возникает проблема оценки демографического потенциала территории.

Общепринято северные и арктические районы страны рассматривать в законодательно установленных границах, в пределах которых Федеральная служба государственной статистики осуществляет сбор информации, обобщая ее по отдельным субъектам Федерации и муниципальным образованиям тех субъектов РФ, которые частично относятся к Северу и Арктике. При определении этих территорий приходится учитывать сложившиеся административные границы субъектов Федерации, а в рамках субъектов РФ, частично относящихся к Северу и Арктике, – границы муниципальных районов.

К Арктической зоне (АЗРФ) в дополнение к утвержденному Президентом РФ документу [1] согласно проекту Федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации», предлагалось отнести 4 субъекта Федерации: Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа и части 5 субъектов Федерации: республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Красноярский край и Архангельская область (площадью около 4,6 млн кв.км). Затем сухопутные границы Арктики были скорректированы Постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. и Указом Президента РФ от 2 мая 2014 г. [2-3]. В этих рамках арктические районы страны занимают около 3,7 млн кв. км, или 31,7% от площади Севера, с численностью населения 2,4 млн чел. (2014 г.).

АЗРФ включает территории различного уровня освоенности, хозяйственного развития и заселения. Ее экономика базируется на использовании потенциала невозобновимых (минеральных и топливно-энергетических), возобновимых (рыбных, охотничьих, дикорастущих) природных и рекреационных ресурсов. Основой жизнедеятельности коренного населения Арктики является традиционное природопользование с его главной отраслью – оленеводством. В ее составе

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке программы УрО РАН 15 «Арктика», проект №15-15-7-70 «Разработка схемы оптимально-эффективного развития и размещения производительных сил в Арктической зоне РФ с использованием экономического потенциала сопредельных территорий».

ведущее место по социально-экономическому развитию и природно-ресурсному потенциалу принадлежит арктическим районам Красноярского края и Ямало-Ненецкому автономному округу, занимающим срединное положение в Арктическом регионе страны, что дает основание для выделения их в Срединный арктический регион.

Промышленный потенциал территории, опирающийся на ресурсы крупнейшего Норильского медно-никелевого месторождения, на разведанные запасы нефти и природного газа Ямала и Таймыра, представлен отраслями горнодобывающего производства и предприятиями переработки сырья; компаниями, занимающимися добычей и транспортировкой нефти, конденсата и природного газа.

Основными отраслями традиционного сектора хозяйства остаются рыболовство, охота и оленеводство, являющиеся материальной базой сохранения и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера.

Население Срединного арктического региона представлено исторически сложившимися сообществами (коренные малочисленные народы Севера, старожильское и укоренившееся население и новопоселенцы) имеет свою специфику, связанную с социальными, демографическими, этническими и другими особенностями.

Наиболее значительные изменения количественных и качественных показателей человеческого потенциала и его структурные изменения происходили в 1970 – 1980-е гг., вызванные ростом производства в Норильском промышленном районе и освоением газовых и нефтяных месторождений в Ямало-Ненецком автономном округе (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения региона, чел.*

Территория	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2013 г.
Красноярский край	180173	200033	254567	379432	284361	229328	227493
в т.ч. городское	152892	174279	226161	333365	25846	207313	204746
Таймырский МР	33382	38060	44108	55803	39786	34431	34053
в т.ч. городское	20206	23590	28803	36717	26330	22850	23006
ГО Норильск	118375	135487	180358	277603	221908	176189	178586
Туруханский МР	14105	11284	13766	19518	12439	18708	17306
ГП Игарка**	14311	15202	16335	26508	10228	7196	6619
ЯНАО	62334	79977	157616	494844	507006	522798	539671
в т.ч. городское	21787	34247	79708	385614	422826	443043	452569
Всего	242507	280010	412183	874276	791367	752126	767164
в т.ч. городское	174679	208526	305869	718979	681292	650356	657315
Уд. вес город., %	72,0	74,5	74,2	82,2	86,1	86,5	85,7

* Рассчитано по данным Росстата и Ямалстата.

** ГП Игарка в 2006 г. вошло в состав Туруханского МР; Численность населения в 1926 г. составляла 26436 чел. (ЯНАО – 17703 и Красноярский край – 8733 чел.). В 1939 г. – 103408 чел. (соответственно – 47905 и 55504 чел.).

Все части региона имеют лучшие, чем в большинстве регионов России, показатели естественного прироста населения (табл. 2).

Таблица 2

Естественное движение населения, промилле

Регион	1985 г.	1990 г.	1995 г.	1996 - 2000 гг.	2001- 2005 гг.	2006- 2010 гг.	2011- 2013 г.
Коэффициенты рождаемости							
ЯНАО	21,1	16,4	13,2	12,4	13,5	14,6	16,3
Таймырский МР	20,7	16,4	12,6	12,0	15,2	16,6	17,0
ГО Норильск	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	11,4	11,6	14,5
Коэффициенты смертности							
ЯНАО	4,2	3,3	6,5	5,5	5,9	5,5	5,3
Таймырский МР	6,9	7,0	11,8	10,0	9,9	10,0	11,0
ГО Норильск	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	6,7	5,8	6,5
Коэффициенты естественного прироста							
ЯНАО	16,9	13,1	6,7	6,9	7,6	9,1	11,0
Таймырский МР	13,8	9,4	0,8	1,9	5,3	6,6	6,0
ГО Норильск	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	4,7	5,8	8,0

Рассчитано по данным Росстата и Ямалстата и Базы данных показателей муниципальных образований Федеральной службы статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/>.

В демографическом отношении Ямало-Ненецкий автономный округ является одним из благополучных районов страны, имеющим положительный естественный прирост и в отдельные годы положительное сальдо миграции. Арктические районы Красноярского края также имели на протяжении 1990-х и 2000-х гг. естественный прирост, но в результате более значительного оттока здесь шел процесс снижения численности населения, замедлившийся в последние годы. Положительный прирост населения был обеспечен благодаря сложившейся в предшествующий период более молодой половозрастной структуре населения ЯНАО, Норильска и Таймырского района, обеспечившей низкие коэффициенты смертности. В связи с идущим процессом старения населения в отдельных муниципальных образованиях в ближайшей перспективе может иметь место отрицательный естественный прирост. Этому будет способствовать сложившееся отрицательное сальдо миграции, так как в половозрастной структуре выезжающих превалирует население наиболее трудоспособных молодых возрастов (табл. 3).

Таблица 3

Механическое движение населения, чел.

Регион	2001 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Число прибывших								
ЯНАО	15414	15010	15422	13685	12282	11398	35839	44217
ГО Норильск	н.д.	н.д.	3459	4170	3591	4348	9661	10987
Таймырский МР	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	768	1644	н.д.
Число выбывших								
ЯНАО	15189	15079	16028	17699	14699	17874	44217	45344
ГО Норильск	н.д.	н.д.	7734	7872	6752	6996	8879	12198
Таймырский МР	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	1350	1827	н.д.
Сальдо миграции								
ЯНАО	225	-69	-606	-4014	-2417	-4953	6249	-1127
ГО Норильск	н.д.	н.д.	-4275	-3702	-3161	-2648	782	-1211
Таймырский МР	801	-569	-861	-952	-626	-582	-183	н.д.

Но с другой стороны, миграция, при ее положительном сальдо, может выступать в качестве одного из факторов, тормозящих процесс старения населения.

В случаях выезда по личной инициативе и при реализации федеральных или региональных программ преобладают лица старших возрастов, а в потоке прибывших в регион высока доля молодежи. В результате идет процесс увеличения молодых возрастов, особенно за счет когорты 20-24 лет, на долю которой устойчиво из года в год приходилось 22-28% мигрантов.

Миграционный отток из арктических районов Красноярского края, несмотря на снижение его сальдо в последние годы при увеличении суммарного оборота миграции за счет роста числа прибывших и выбывших, способствует сокращению численности населения. Это же наблюдается в Ямало-Ненецком автономном округе, но здесь при более высоком уровне естественного прироста населения идет постепенный процесс его увеличения.

Наметившаяся в 1990-е годы тенденция к снижению мобильности населения и миграционных потоков с северных территорий, которая продолжилась и в нулевые годы, в последние годы усилилась, сменив положительный вектор, характерный, за редким исключением, для 1970-х и 1980-х гг., на отрицательный показатель. На протяжении 2000-х гг. практически во всех субъектах Федерации Российской Арктики, за исключением отдельных лет, сальдо миграции имело отрицательное значение. Изменения в направлениях миграционных потоков и в их количественных показателях связаны в основном с экономическими причинами: реструктуризацией промышленного производства, сокращением объемов нового строительства, отработкой крупных месторождений полезных ископаемых, конъюнктурой мирового рынка. Динамике этого процесса способствует реализация федеральных, региональных и корпоративных программ по переселению лишнего населения (безработных, пенсионеров и др.) в среднюю полосу и более южные, районы страны, не имеющих резкого природно-климатического контраста по отношению мест выезда мигрантов.

В освоении арктических районов активное участие принимали народы всех союзных республик бывшего СССР, что обусловило их значительный удельный вес, несмотря на отток в 1990-е гг. Итоги последней переписи населения свидетельствуют о незначительном изменении национального состава рассматриваемой территории (табл. 4).

Устойчиво сохраняется доля русских, снизился удельный вес украинцев и белорусов, увеличилась доля коренных малочисленных народов Севера. В настоящее время общая численность коренных этносов превышает таковую других национальностей, за исключением русских и украинцев, причем со вторыми она уже сопоставима

Для территории Ямало-Ненецкого автономного округа основные изменения с 1989 по 2010 гг. были связаны с появлением отрицательного сальдо миграции с бывшими союзными республиками, внесшими наиболее значительную лепту в формирование населения ЯНАО. Высокая доля новопоселенцев в структуре населения ЯНАО при распаде СССР обусловила в силу различных причин их возврат на родину. Особенно это коснулось славянского населения – украинцев и белорусов, численность которых уменьшилась в 2010 г. по отношению к 1989 г. соответственно в 1,7 и 1,9 раза. К ним также относятся коренные народы прибалтийских республик.

Таблица 4

Национальный состав населения (перепись населения, 2010 г.)

Националь- ность	ЯНАО		Таймырский МР		ГО Норильск		Итого	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	312019	59,7	17224	50,0	129452	73,4	458695	62,5
КМНС	41415	7,9	10141	29,5	78	0,04	51634	7,0
Азербайджанцы	9291	1,8	-	-	5371	3,0	14662	2,0
Армяне	1605	0,3	-	-	351	0,2	1956	0,3
Башкиры	8297	1,6	-	-	1151	0,7	9448	1,3
Белорусы	6480	1,2	-	-	1023	0,6	7503	1,0
Казахи	1532	0,3	-	-	797	0,5	2349	0,3
Лезгины	1879	0,4	-	-	1564	0,9	3443	0,5
Немцы	1847	0,4	339	1,0	496	0,3	2682	0,4
Татары	28509	5,5	325	0,9	2951	1,66	31785	4,3
Украинцы	48985	9,4	1232	3,6	9164	5,2	59381	8,1
Чуваши	3471	0,7	-	-	1211	0,7	4682	0,6
Прочие	57574	11,0	5171	15,0	22643	12,8	85388	11,6
Всего	522904	100,0	34432	100,0	176252	100,0	733588	100,0

Освоение нефтегазовых и минерально-сырьевых ресурсов напрямую затрагивает интересы проживающих здесь коренных малочисленных народов Севера (КМНС), значительная часть которых ведет традиционный образ жизни, занимаясь оленеводством, рыболовством, охотничьим и другими промыслами. Несмотря на относительно небольшую численность, КМНС широко расселены по территории, и их родовые угодья зачастую совпадают с местами разработки природных ресурсов.

Общая численность КМНС в ЯНАО составляла, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 41415 чел. (удельный вес в населении 7,9%), на Таймырской территории – 10219 чел. (29,1%) (табл.5).

Таблица 5

Национальный состав КМНС, динамика численности, чел.

Национальность	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
ЯНАО	20974	25954	25597	29910	37164	41415
В т.ч. ненцы	13977	17538	17404	20917	26435	29772
Таймырский МР	6906	7769	7767	8648	9839	10141**
В т.ч. ненцы	1878	2247	2345	2446	3054	3494
Всего	27880	33723	33364	38558	47003	51556
В т.ч. ненцы	15855	19785	19749	23363	29489	33266
Уд. вес, %	56,9	58,7	59,2	60,6	62,7	64,5

Рассчитано по данным Красноярскстата и Ямалстата.

** В т.ч. прочие КМНС (37 чел.).

Среди народов Севера самые высокие темпы роста были характерны для ненцев, которые за 50 лет увеличили свою численность в 2,1 раза, в том числе в 2,13 раза в ЯНАО и в 1,9 раза в Таймырском районе. Это позволило повысить их долю среди КМНС с 57 до 65% и уже в начале 2020-х гг., если не изменится количественный ценз для коренных малочисленных этносов (не более 50 тыс.чел.), выйти из этой группы.

У вторых и третьих по численности народов – хантов и долган – эти показатели были ниже соответственно в 1,7 и 1,35 раза, у селькупов – в 1,6 раза. В целом в пределах рассматриваемой территории проживал каждый пятый представитель коренных малочисленных народов России.

Основная часть народов Севера (82,8%) проживает в сельской местности. Его характерной особенностью является наличие значительного числа кочующего населения. В ЯНАО к ним относится 36,5% от общей численности коренных этносов, в Таймырском муниципальном районе 20%.

За период с 1987 по 2012 гг. количество кочующих хозяйств в Ямало-Ненецком автономном округе увеличилось в 1,8 раза (на 1419 ед.), а населения в них в 1,6 раза (на 5,8 тыс. чел.). Наиболее быстро число кочующих субъектов росло в тундровых районах ЯНАО – основных районах развития оленеводства: в Тазовском районе число хозяйств увеличилось в 2 раза, населения – в 1,7 раза, в абсолютном отношении самый значительный рост – в Ямальском муниципальном районе – на 2,2 тыс. чел.

Кочующее население, за небольшим исключением (около 100 чел. коми), относится к КМНС, оно представлено в основном многодетными семьями и является носителем материальной и духовной культуры малых народов. Это наиболее здоровая в физическом и нравственном плане часть этих народов, воспроизводящая свою идентичность. Они сохранили традиционное репродуктивное поведение, для которого характерен высокий уровень рождаемости, а своевременное оказание медицинской помощи позволило снизить смертность населения, что в совокупности обеспечивало их расширенное воспроизводство. Все это обусловило отличие их демографической структуры от некоренных народов. В половозрастной структуре населения для них характерен высокий удельный вес детей до 16 лет. Это, с одной стороны, открывает большие возможности обучения следующего поколения, но, с другой стороны, создает проблему для системы образования, требуя быстрой адаптации к этим потребностям.

На социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Севера в XX столетии оказали значительное влияние коллективизация 1930-х годов, промышленное освоение 1960-1980-х и рыночные реформы 1990-х гг., которые явились стрессом для них и потребовали больших усилий для адаптации к изменившимся условиям.

В новом столетии промышленное освоение будет развиваться дальше вширь со сдвигом в арктические районы, охватывая новые ареалы традиционной хозяйственной деятельности КМНС. Это предопределяет столкновение интересов, конфликты между коренными сообществами и разработчиками природных ресурсов Арктической зоны. Необходима разработка социально-этнической и экологической экспертизы стратегии освоения Арктической зоны. Главная задача изучения территории с экологических и социальных позиций – выделение зон, допустимых и пригодных для хозяйственного использования.

В перспективе продолжится процесс оптимизации населения в регионе, связанный с экстремальностью природной среды, необходимостью социальной обустроенности и экологической емкостью территории, наличия факторов, удорожающих хозяйственную деятельность. Освоение природных ресурсов арктической зоны будет осуществляться как за счет привлечения трудовых ресурсов по межрегиональной вахте, так и за счет высвобождающейся рабочей силы при отработке месторождений полезных ископаемых в пределах северных территорий, адаптированной к природно-климатическим условиям региона.

Библиографический список

1. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Пр – 1969 от 18 сент. 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru>

2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» Пост. Правительства РФ №366 от 21 апр. 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/24/arktika-site-dok.html>

3. Об сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации. Указ Президента РФ №296 от 2 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/dokument/view>.

© Логинов В.Г., 2015. Текст.

Информация об авторе

Логинов Владимир Григорьевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор экономических наук, заведующий сектором, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, Московская, 29; e-mail: log-wg@rambler.ru).

Loginov V.G.

REPRODUCTION OF POPULATION IN THE ARCTIC: FEATURES AND TRENDS

Abstract. *Reproduction of population in the Arctic regions of the country on the example of the Middle Arctic are discussed in the article. The role of migration processes in population forming in both the Soviet and post-Soviet periods is emphasized.*

Keywords: Arctic regions, reproduction of the population, indigenous ethnic groups.

Information about the author

Loginov Vladimir Grigorievich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Economics, Head of sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: log-wg@rambler.ru).

УДК 314.011(470.5) "1920/1935"

Мирошниченко М.И.

К ВОПРОСУ О ВЫЯВЛЕНИИ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ ЖЕНЩИН НА УРАЛЕ В 1920-Х – СЕРЕДИНЕ 1930-Х ГГ.

Аннотация. *В статье освещено изменение численности женщин на Урале в 1920-е – середине 1930-х гг. Показан абсолютный рост женского населения с 1924 г. и постепенное снижение доли женщин в структуре населения края. Уменьшение женского населения в 1921-1923 гг. и замедление его прироста в 1930-1931 гг. были вызваны периодами голода и насильственными миграциями в ходе коллективизации.*

Ключевые слова: историческая демография, половая структура населения, женское население, демографический рост, перепись.

Исследование российского женского социума с развитием российской гендерной истории, исторической феминологии существенно активизировалось. Однако некоторые проблемы региональной женской истории остаются все еще малоизученными. К такому ряду тем относятся демографические аспекты развития женского населения Урала в 1920-е – середине 1930-х гг., характеризующие состояние социальной группы женщин как одной из относительно однородных

совокупностей населения, выделенной по признаку пола, который является одной из важнейших характеристик демографической статистики.

Цель статьи – по материалам переписей и данным, представленным в публикациях Уральского областного статистического управления (а позже Уральского областного управления народнохозяйственного учета), проанализировать динамику численности женщин в составе общей численности населения Уральского региона в период советской истории, последовавший по окончании Гражданской войны и предшествующий этапу зрелого тоталитаризма, эпохе «большого террора». Анализ демографических процессов ведется в основном в территориальных рамках Уральской области.

Отдельные данные, характеризующие женский социум Урала в исследуемый период, приводились Ф. Лебедевым [7, 8] еще в 1920-е годы. Ряд количественных показателей о составе женского населения в его соотношении с мужским по регионам края, а также на Ямале приведены Г.Е. Корниловым [4, 5]. Характеризуя половой состав сельского населения в период после Гражданской войны, он констатирует, что женщины и в 1929 г. и в 1939 г. составили 53,3% в составе населения. Г.Е. Корнилов установил сокращение количества женщин среди сельского населения в период от 1926 г. к 1939 г. на 3,0%, изменение соотношения в трудоспособном и нетрудоспособном возрастах среди селян и уменьшение удельного веса женщин в возрасте 15-55 лет: по переписям 1926 г. и 1939 г. этот показатель составлял соответственно 52,9% и 49,4% [6, с. 291]. Характеризуя долю людей, состоящих в браке, Г.Е. Корнилов также отметил, что если в 1926 г. в возрасте 15 лет и старше в Башкирии на 1000 женщин соответствующего возраста приходилось 606 женщин, то в 1939 г. – 633, в Удмуртии – соответственно 605 и 607, в Оренбуржье – 609 и 640 [6, с. 292]. Процент женщин среди различных категорий служащих городского населения края (среди делопроизводственного, культурно-просветительного и медико-санитарного персонала) в 1920, 1923 и 1926 гг. назвала В.А. Журавлева. Ею было подмечено преобладание численности женщин над численностью мужчин, установившееся среди работников связи в 1926 г. [3] Автор изучала также половую структуру группы хозяев среди горожан [2], анализировала численность женщин в составе городского трудоспособного населения Урала [1, с. 36]

Данные таблицы 1 показывают общий рост абсолютной численности женского населения Урала с 3 млн. 432,0 тыс. чел. в 1920 г. до 4 млн. 432, 6 тыс. чел., а также постепенное снижение доли женщин в структуре населения Уральской области с 55,43% (53,67%) в 1920 г. до 52,6% в 1932 г.

За 2 года – с 1 января 1920 г. по 1 января 1922 г. – женское население на Урале сократилось на 62,1 тыс. чел. Уменьшение за 1922 г. – к 1 января 1923 г. – составило почти вдвое больший показатель – 121,6 тыс. чел. Это привело к усилению женского перевеса с 55,43 % в 1920 г. до 53,83 % в 1923 г. С 1924 г. наблюдался прирост численности женского населения: в 1923 г. он составил 84,3 тыс. чел., в 1924 г. – 95,2 тыс. чел., в 1925 г. – 86,4 тыс. чел., в 1926 г. 102,4 тыс. чел., в 1927 г. 124 тыс. чел., в 1928 г. 120,8 тыс. чел., в 1929 г. 102,6 тыс. чел., в 1930 и 1931 г. соответственно 101,9 тыс. чел. и 167,2 тыс. чел. Некоторое снижение прироста, наблюдаемое в 1925 г. по сравнению с 1924 г., сменилось его увеличением в 1926-1927 гг. (соответственно на 18 и 20 тыс. женщин в год). С 1928 по 1930 г. наблюдается последовательное снижение прироста женского населения,

особенно резкое в 1929 г. Существенное, более, чем на треть, увеличение прироста в 1931 г., объясняется, вероятно, активным промышленным строительством в крае в ходе индустриализации и принудительными переселениями. Набиравшая с начала 1927 г. силу тенденция к сокращению диспропорции полов уже к началу 1930 г. стала ослабевать: увеличение прироста женского населения в январе 1930 г. оказалось почти равным с его приростом в январе 1927 г. (соответственно 102,6 и 102,4 тыс. женщин) и в январе 1931 г. пошло на спад, составив 101, 9 тыс. женщин. Наивысший пик прироста женщин (в 124 тыс. чел.) пришелся на 1927 г., наиболее глубокий пик убыли женщин (121,6 тыс. чел.) – на 1920 и 1921 гг.

Таблица 1

Численность женщин в структуре населения Урала в 1920 – середине 1930-х гг.*

Годы	Всего учтенного населения обоих полов (тыс. чел.)	Всего учтенного населения женского пола (тыс. чел.)	%**
1920	6 191,4	3 432,0	55,43 %
1922	6 263,7	3 369,9	53,78 %
1923	6 033,1	3 248,3	53,83 %
1924	6 207,3	3 332,6	53,68 %
1925	6 394,5	3 427,8	53,60 %
1926	6 568,5	3 514,2	53,50 %
1927	6 784,4	3 616,6	53,3 %
1928	7 031,2	3 740,6	53,2 %
1929	7 280,2	3 861,4	53,0 %
1930	7 490,6	3 964,0	52,9 %
1931	7 694,5	4 065,9	52,8 %
1932	8 021,4	4 233,1	52,6 %
1937***	11 417,803 (8 461,025)	6 096,457 (4 523,591)	53,39 % (53,46 %)

*Сост. по: [14, с. 36; 15, с. 4-5 (данные за 1920, 1922-1926 гг., указанные вне скобок, приведены по состоянию на 1 января соотв. года); 16, с. 8 (данные за 1926 г., указанные в скобках, приведены по состоянию на 17 декабря 1926 г.); 17, с. 281, 292 (данные за 1927 – 1932 гг. приведены по состоянию на 1 января соотв. года); 18, с. 45].

** Подсчитано автором (за исключением данных по 1927-1932 гг.).

*** Подсчитано автором по данным о численности населения в Свердловской, Челябинской, Оренбургской областях и Башкирской АССР (в скобках приведены данные без Башкирской АССР).

Анализ материалов переписей по исследуемому периоду показывает отсутствие данных официальной статистики по общей численности женщин за 1921, практически за 1932 г., а также за 1933-1936 гг. В эти годы учет был затруднен периодами голода и крупными общественными потрясениями в процессе коллективизации сельского хозяйства, особенно насильственными миграциями, сопровождавшими раскулачивание. Поскольку данные за 1922 г. подсчитаны по состоянию на 1 января 1922 г., можно сделать допущение и условно считать, что почти такое же количество женского населения насчитывалось и в конце 1921 г. Отсутствие данных по 1933-1936 гг. связано с последствиями голода 1932-1933 гг. Демографическое развитие народонаселения СССР в 1920-1922 г. и в 1933-1934 гг. характеризовало состояние демографической катастрофы. Демографическая катастрофа наблюдалась и на Урале, она датировалась 1930-1933 гг. для Свердловска [12, с. 277], 1933-1934 гг. – для Перми [13, с. 274]. Приrost женского населения составил в 1937 г. (в границах Челябинской, Свердловской и

Оренбургской областей) 290,5 тыс. чел., что было в несколько раз меньше возможного прироста, судя по темпам прироста, отмечаемым в 1927-1928 гг. Женский перевес, постепенно стабильно уменьшавшийся (с 52,68 % в 1924 г. до 52,6 % в 1931 г.), начал снова расти. В 1937 г. он составил 52,39 % (с учетом населения Башкирской АССР) или 53,46 % (по данным по территории Свердловской, Челябинской и Оренбургской областей без Башкирской АССР).

Таким образом, в динамике численности женского социума на Урале отразились общие тенденции и процессы, присущие демографической ситуации в стране в целом. Устойчивость женского перевеса в пропорции полов и его очередное усиление во второй половине 1930-х гг. отражало нарушения в половой структуре населения, как результат непредвиденных последствий социально-экономических преобразований в условиях тоталитарной системы.

Библиографический список

1. Журавлева В.А. Численность населения в трудоспособном возрасте в городах Урала (по материалам переписей 1920, 1923 и 1926 гг.) // Проблемы демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность. X Междунар. науч.-практ. конф. Сб. ст. Пенза: РИО ПГСХА, 2012. С. 36-39
2. Журавлева В.А. Социальная группа «хозяева» среди горожан Урала (по материалам переписей 1920-х гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. №2. С. 29-32.
3. Журавлева В.А. Социальная группа «служащие» среди горожан Урала (по материалам переписей 1920-х гг.) // В мире научных открытий: Социально-гуманитарные науки. 2014. №1(49). С. 712-722.
4. Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. №2(35). С. 48-57.
5. Корнилов Г.Е. Население Ямала в XX веке: процесс формирования // Уральский исторический вестник. 2014. №2(43). С. 136-132.
6. Корнилов Г.Е. Трансформация демографических структур в уральской деревне в 1920 – 1930-е годы // Институты развития демографической системы общества: сб. мат-лов V Уральского демографического форума с междунар. участием / под ред. А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2014. С. 290-296.
7. Лебедев Ф. Население Уралобласти // Хозяйство Урала. 1925. №5-6. С. 121-129.
8. Лебедев Ф. Социально-экономическая структура населения Уралобласти // Хозяйство Урала. 1928. №7. С. 117-135.
9. Мирошниченко М.И. Численность женского населения в заводах Урала в 1923 г. (по материалам Всероссийской городской переписи) // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII-XX вв.): сб. науч. тр. / под ред. Г.Е. Корнилова, Е.Ю. Баранова. Екатеринбург: Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук; Изд-во АМБ, 2011. С. 45-51.
10. Мирошниченко М.И. Доля женщин в демографической структуре городского населения Урала в 1920 г. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: XII Международная научно-практическая конференция (г. Усть-Каменогорск): сб. науч. трудов. Усть-Каменогорск: Изд-во «ЛИБРУС», 2011. С. 362-369.
11. Мирошниченко М.И. К вопросу о численности женщин на Урале в 1920–1926 годах // Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы: сб. ст. / Отв. ред. А. И. Кузьмин. Екатеринбург: Ин-т Экономики Уральского отделения РАН, 2010.
12. Чашин А.В. Воспроизводство населения Свердловска в 1923-1940 гг. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2010. Т. 9. №1. С. 277-281.

13. Чашин А.В. Воспроизводство населения Перми в 1920-1940 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. №1 (81). С. 272-278.
14. Уральский статистический ежегодник. 1923-24 г.
15. Социалистическое строительство Урала за 15 лет. (Основные показатели). Свердловск. Издание Уралоблуправления НХУ. 1932.
16. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX Российская Социалистическая Федеративная Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: ЦСУ Союза ССР, 1929.
17. Уральское хозяйство в цифрах. 1931-1932. Свердловск: УралЦНХУ.
18. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. Численность населения СССР на 17. 12. 1926 и 6. 01. 1937 г. // Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М.: РОССПЭН, 2007.

© Мирошниченко М.И., 2015. Текст.

Информация об авторе

Мирошниченко Мария Ильинична (г. Челябинск, Россия) – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Южно-Уральского государственного университета (454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76; e-mail: admin@susu.ac.ru).

Miroshnichenko M.I.

SOME OBSERVATIONS UPON WOMEN POPULATION DYNAMICS IDENTIFICATION IN THE URALS IN THE 1920 – MID-1930S

Abstract. *The article highlights the change in the number of women in the Urals in 1920 – the mid-1930s. Absolute increase in the female population since 1924 and the gradual decline in the proportion of women in the population in province are shown. Reducing the female population in 1921-1923 and its growth slowdown in 1930-1931 were caused by periods of famine and forced migration during the collectivization.*

Keywords: historical demography, sex structure of the population, female population, population growth, census.

Information about the author

Miroshnichenko Maria Ilyinichna (Chelyabinsk, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of History, South Ural State University (76, Lenin Av., Chelyabinsk, 454080, Russia; e-mail: admin@susu.ac.ru).

УДК 314.614.1.(47),1890/1905”

Нефедов С.А.

МОЛОДЕЖЬ КАК ОДИН ИЗ АКТОРОВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Аннотация. *Причины массовых волнений, восстаний и революций в последнее время часто связывают с эффектом «молодежного бугра» («youth bulge») – значительного роста доли молодежи во взрослом населении. Молодежь была одним из акторов всемирного процесса модернизации и следовавших затем революционных всплесков. Однако в случае русской революции 1905 года вопрос о существовании «молодежного бугра» и о его роли остается дискуссионным. Используя данные переписи 1897 года и текущей демо-*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01625).

графической статистики, автор статьи показывает, что «молодежный бугор» в России действительно существовал.

Ключевые слова: акторы процесса модернизации, причины революций, Россия, революция 1905 года, «молодежный бугор».

Вопрос об анализе причин массовых волнений, восстаний и революций в последнее время часто связывают с эффектом «молодежного бугра» – значительного роста доли молодежи в общем (или взрослом) населении. Молодежь была одним из акторов всемирного процесса модернизации и следовавших затем революционных вспышек. Мысль о том, что численный рост не обеспеченной средствами существования молодежи может нарушить социальную стабильность, высказывалась многими авторами. Наиболее четко эта мысль была сформулирована в работах известного американского социолога Джека Голдстоуна. «Быстрый рост молодежи может подорвать существующие политические коалиции и создавать неустойчивость, – отмечает Дж. Голдстоун. – Большие молодежные когорты часто устремляются к новым идеям и неортодоксальным религиям, бросая вызов авторитетам. Поскольку большинство молодых людей менее связаны семейными или служебными обязанностями, то они относительно легко могут быть втянуты в социальные или политические конфликты» [11, с. 10-11].

Статистический анализ роли «молодежного бугра» в нескольких сотнях социальных конфликтов был дан в исследованиях Генрика Урдаля. Урдадь доказывает, что наиболее эффективной мерой «молодежного бугра» является процент молодежи в возрасте 15-24 лет во взрослом (а не в общем) населении. Результаты статистического анализа показывают, что увеличение этой доли на 1% увеличивает вероятность возникновения конфликта на 4% [14, с. 127]. Эта вероятность еще больше увеличивается с ростом доли молодежи, получившей среднее или высшее образование. В некоторых работах утверждалось, что расширение высшего образования во многих странах Ближнего Востока привело к появлению массы образованной молодежи, которую не мог поглотить рынок труда. Это привело к тому, что амбициозные выпускники вузов пополняли ряды экстремистских организаций [13, с. 145-146].

Известный российский востоковед А.В. Коротаев в своих работах объясняет египетскую революцию 2011 года, главным образом, эффектом «молодежного бугра» [5; 6]. Анализируя причины революции, А.В. Коротаев и Ю.В. Зинькина отмечают, что в предшествующие тридцать лет египетская экономика динамично развивалась, ВВП на душу населения вырос вдвое, безработица была примерно как в США, а уровень экономического неравенства был невысоким. Население жило небогато, около 20% египтян жили на два доллара в день – но это меньше, чем, в Китае (36%) или Армении (43%). От голода египтяне не умирали: население страны было обеспечено дешевым субсидируемым хлебом; среднее душевое потребление превышало 3000 ккал в сутки. В чем же причина революции? В эффекте «молодежного бугра». Уменьшение детской смертности при сохранении высокой рождаемости привело к резкому росту молодежных когорт. С середины 1990-х гг. численность египетской молодежи возросла почти вдвое, и огромное число этих молодых людей были безработными; вдобавок 43% безработных имели высшее образование. Эта безработная и образованная молодежь составляла костяк демонстрантов на площади Тахрир [5].

Таким образом, эффект «молодежного бугра» способен вызвать революцию даже в относительно благополучной стране. Разумеется, этот эффект становится намного более сильным в странах с низким уровнем потребления и высоким экономическим неравенством. «Молодежь играла видную роль в политическом насилии всюду на протяжении истории, и существование “молодежного бугра” было исторически связано с временами политических кризисов, – констатирует Дж. Голдстоун. – Большинство больших революций – Английская революция XVII века, Французская революция XVIII столетия и большинство революций XX века в развивающихся странах – произошли там, имели место «молодежные бугры»» [11, с. 10-11).

Под «большими революциями» в данном случае, конечно, имеется в виду и Русская революция начала XX в. Однако вопрос о наличии «молодежного бугра» в России конца XIX–начала XX в. остается неизученным. О росте численности молодежи, как одной из причин революции писал В. П. Булдаков [2, с. 17]; Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев и С. Ю. Малков утверждали, что перед революцией в России имелся «молодежный бугор» [3, с. 338]. Однако Б. Н. Миронов отрицал существование «молодежного бугра», отмечая, что до сих пор не предоставлено никаких доказательств этой гипотезы [8, с. 212].

Нашей задачей является проверка гипотезы Дж. Голдстоуна, доказательство существования «молодежного бугра» и исследование его динамики в 1885-1910 гг. Для этого необходимо определить долю молодежи (населения в возрасте 15-24 года) ко всему населению и взрослому населению (в возрасте 15 лет и старше) на указанном временном промежутке. За основу вычислений берется распределение населения по возрастам по данным переписи 1897 года [16], а для последующих лет они определяются методом передвижки когорт [1]. Итоговые результаты расчетов приведены в табл. 1.

Как видно из таблицы, «молодежный бугор» в России был весьма значительным. Для сравнения можно отметить, что в Египте в 2010 году процент молодежи ко всему населению был равен 19,7, а процент молодежи к взрослому населению – 28,8 [17], то есть меньше, чем в России в 1900 г. Расчеты показывают, что вершина молодежного бугра в России приходится на 1901-1902 гг., когда этот процент достиг 30,9. Затем начался спад, связанный с тем, что в молодежный возраст вступили менее многочисленные когорты, родившиеся в тяжелый для крестьян период 1889-1893 гг. Однако с 1894 г. естественный прирост существенно увеличился и, если бы не война, то после 1910 г. сформировался бы новый «молодежный бугор».

Таблица 1

Процент молодежи в возрасте 15-24 лет в Европейской России
конца XIX – начала XX в.

Годы	% к всему населению	% к взрослому населению
1885	17,8	29,3
1890	18,0	29,9
1895	18,5	30,7
1900	19,0	30,8
1905	18,8	30,5
1910	18,5	29,9

Каковы были последствия образования «молодежного бугра»? Расчеты показывают, что в 1886-1904 годах численность молодежи возросла с 14,4 до 19,9 млн. Между тем центральные области России страдали от аграрного перенаселения и малоземелья; наделение молодых семей могло производиться только за счет урезания крестьянских наделов, что вызывало сопротивление общины. Проблема аграрного перенаселения была предметом обсуждения нескольких правительственных совещаний, в том числе так называемой «Комиссии 1901 года». Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, эта комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн., а процент излишних рабочих к наличному числу их составлял 52%. Особенно высоким этот процент был в Центрально-Черноземном регионе, где он составлял от 64 до 67% [18]. Разумеется, к числу «излишних рабочих» относилась прежде всего не обеспеченная земельными наделами молодежь.

Как и во многих других странах, где крестьянство страдало от малоземелья, русские крестьяне отправляли своих сыновей на заработки в города. М. Е. Дементьев на основании статистических данных конца XIX века утверждал, что 92% фабричных рабочих – это пришедшие на заработки крестьяне, что около 15% из этих крестьян летом возвращаются в свою деревню на полевые работы [4, с. 17, 19]. Уже в 1897 г. молодежь в возрасте 15-24 лет составляла 28,7% всего мужского населения Петербурга и 35,8% взрослого мужского населения [19] – благодаря притоку отходников мужской «молодежный бугор» принял гипертрофированные размеры. Среди городских рабочих Европейской России было 59% одиноких, а в Петербурге число одиноких достигало 87%. Таким образом, подавляющее большинство рабочих составляли холостяки. По данным петербургского обследования 1908 года, 67% этих холостяков посылали деньги своим родным в деревню [10, с. 5,6,35]. Эти данные говорят о том, что большинство петербургских рабочих были попросту отходниками, которые, возможно, проживали в городе годами, но сохраняли связи со своими семьями в деревне. «Не состоит ли наш рабочий класс из холостой, покинувшей свои семьи молодежи?» – спрашивает С. Н. Прокопович [10, с. 6].

Не имея семей, большинство петербургских рабочих не имело и квартир. Около 70% одиноких рабочих и 43% семейных снимали «угол». «Угол» – это кровать, иногда (когда живет семья) отгороженная занавеской. Холостяки часто спали прямо на полу, в коридорах, на кухне и т.д. Наем комнаты обходился в 50-130 рублей, и лишь немногие могли это себе позволить. Что касается других параметров уровня жизни, то, по данным опроса, половина рабочих могла позволить себе покупку лишь поношенной одежды, и почти никто не мог позволить себе питаться в трактире. При такой экономной жизни на пищу, одежду, жилище уходило около 80% зарплаты, остальное отсылалось в деревню [10, с. 17, 40, 91].

В 1905 году специальная комиссия военного ведомства рассчитала, что минимальный заработок, который обеспечил бы «здоровое существование» одиноких рабочих, должен составлять 20 руб. в месяц. Однако, даже с учетом того, что эти расчеты подверглись сильной критике как занижавшие реальный прожиточный минимум, обследование рабочих Московской губернии в 1908 году показало, что 50% рабочих-мужчин и 90% женщин получали меньше указанного

минимума. Таким образом, зарплаты на «здоровое существование» не хватало даже одиноким рабочим, и тем более не хватало семейным. «Для большинства рабочих в Питере семья была недоступной роскошью», – подчеркивает С. Н. Прокопович [10, с. 6].

Важным фактором психологической эмансипации молодых рабочих был их высокий уровень грамотности. На рубеже столетий среди рабочих Петербургской губернии было 69% грамотных, в среднем по России – 54%, в то время как грамотность среди крестьян составляла 23% [10, с.5]. Многие современники, например, С.Ю. Витте и К.П. Победоносцев, отмечали, что рост грамотности способствовал росту среди рабочих и крестьян настроений недовольства своим приниженным положением. На роль образования как фактора, дестабилизирующего традиционное российское общество, указывают также и некоторые современные исследователи, в частности, Р. Уэйд [15, с. 4-9].

Нужно отметить также, что с переходом к всеобщей воинской обязанности большая часть крестьян получала навыки военной службы. Служба в армии, в особенности во время войн, способствовала повышению активности и агрессивности. По свидетельству местных властей, именно вернувшиеся с военной службы призывники часто выражали непочтение старшим и становились инициаторами семейных разделов [9, с. 224].

Служба в армии и рост грамотности способствовали психологической эмансипации молодых людей, неприятию ими традиционного образа жизни и традиционных авторитетов. Вместе с тяжелыми условиями жизни это отчасти объясняет, почему преступность среди рабочих в 19 раз превышала преступность среди крестьян. Большое значение имело и то, что молодые люди оказывались вырванными из привычной деревенской среды. «Освобожденные от контроля общины, не привычные к самоконтролю молодые люди легко давали волю агрессии, своим отрицательным импульсам и эмоциям», – отмечает Б. Н. Миронов [7, с. 96].

Среди условий жизни рабочих особое место занимает необеспеченность постоянной занятости, возможность в любой момент оказаться на улице без средств к существованию. В годы кризисов на улицах городов оказывались тысячи голодных, озлобленных и готовых к бунту безработных, большую часть этих безработных составляла молодежь. Сосредоточение этой недовольной молодежи в больших городах, в особенности в столицах, многократно увеличивало для правительства опасность восстаний.

Библиографический список

1. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история Российской Федерации, 1927-1959. М.: Информатика, 1998.
2. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М: РОССПЭН, 1997.
3. Гринин Л. Е., Коротаев А. Б., Малков С. Ю. История, математика и некоторые итоги дискуссии о причинах русской революции //О причинах русской революции/ Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ, 2009. С. 368-427.
4. Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М.: Изд. Т-ва И.Д.Сытина, 1897.
5. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. №2. С. 5-29.

6. Коротаев А.В., Халтурина Д.А. Арабская весна 2011 года: факторы, закономерности, механизмы и возможности использования результатов их анализа для развития методологии системного мониторинга глобальных и региональных рисков // Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков/ отв. ред. А.В.Коротаев, Ю.В. Зинькина, А.С. Ходунов. Москва: Либроком, 2012. С. 5-11.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. II. СПб: Дмитрий Буланин, 1999.
8. Миронов Б. Н. Страсти по революции. М.: Весь мир, 2013.
9. Носевич В. Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе. Минск: Тэхноложыя, 2004.
10. Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих. СПб.: типо-лит. Шредера, 1909.
11. Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict// Journal of International Affairs. 2002. 56(1): 4-22.
12. Korotayev A.V., Zinkina J. V. Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis // Entelequia. Revista Interdisciplinar. 2011. 13: 139-169.
13. Lia B. Globalisation and the Future of Terrorism: Patterns and Predictions. London and New York: Routledge, 2005.
14. Urdal H. Youth Bulges and Violence // Political demography : identity, institutions, and conflict / Edited by J. A. Goldstone, E. Kauffman, M. Duffy Toft. London: Paradigm Publishers, 2011. P. 98-116.
15. Wade R. The Russian Revolution. 1917. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод сведений по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. I. СПб: ЦСК МВД, 1905.
17. UN Population Division database. UPL: http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/panel_indicators.htm (дата обращения: 15.08.2014).
18. Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднестепных губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Часть. III. СПб.: МВД, 1903.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. I. СПб: ЦСК МВД, 1905.

© Нефедов С.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Нефедов Сергей Александрович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (620137, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: hist1@yandex.ru).

Nefedov S.A.

YOUTH AS ONE OF THE ACTORS OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Abstract. *The reasons for turmoil, social unrest and revolutions have recently been linked to “youth bulge” effect, the increase in the share of youth in the population pyramid. In particular, this youth bulge effect was one of the reasons for the revolution of 2011 in Egypt. However, in regards to the Russian revolution of 1905 the question of “youth bulge” phenome-*

non and its role remained a contentious issue. Using data from the 1897 census and routine demographics the author of the article proves the existence of the “youth bulge” in Russia.

Keywords: reasons for revolutions, revolution of 1905, Russia, “youth bulge”, seasonal work, students movement.

Information about the author

Nefedov Sergey Aleksandrovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Yekaterinburg, 620137, Russia; e-mail: e-mail: hist1@yandex.ru).

УДК 314:372.83: 372.894(47)

Огоновская И.С.

ОТРАЖЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Аннотация. Автор статьи рассматривает учебники истории как массовый исторический источник, содержащий принципиально верифицируемую информацию; анализирует демографические проблемы современной России, актуализированные авторами школьных учебников истории и обществознания; выявляет причины и последствия данных проблем; выделяет предлагаемые авторами учебников пути их решения.

Ключевые слова: Россия, исторический источник, история России, перепись населения, демографические проблемы, социальная стратификация, школьные учебники истории и обществознания.

Школьные учебники истории и обществознания — важнейший информационный источник, из которого юные граждане России черпают знания по истории российского государства, актуальным проблемам современности. Авторами проанализированных нами 12 учебников выступают известные учёные: доктора исторических наук О.В. Волобуев, А.А. Данилов, Д.Д. Данилов, В.С. Измозик, Л.Г. Косулина, С.В. Кулешов, С.В. Мироненко, А.И. Уткин, доктора педагогических наук Л.Н. Алексашкина, Л.Н. Боголюбов, доктор социологических наук А.И. Кравченко, доктора философских наук П.С. Гуревич, Л.В. Поляков и др.

В числе глобальных проблем человечества наряду с проблемами экологии, международного терроризма, сохранения мира, сырьевых ресурсов, продовольственной, энергетической и другими проблемами в учебных изданиях выделена и проблема народонаселения. Её актуальность определяется целым рядом параметров: перенаселением (восток и юг планеты, что обостряет проблему энергетических и биологических ресурсов человечества); значительным сокращением численности и старением населения Европы, включая Россию (к 2050 г. ожидается ситуация, когда на каждого ребёнка до семи лет будет приходиться по четыре человека старше 65 лет); изменением этнонационального состава населения ведущих стран (к примеру, по прогнозам некоторых специалистов, США перестанут быть страной западного типа и в этническом, и в культурном отношении) [1, с. 415-416]; ростом числа голодающих в мире (в 2001 г. их число достигло 826 млн человек); высокой смертностью детей (11 млн ежегодно) от причин, которые можно предотвратить [6, с. 325]; и др.

Многие из указанных проблем характерны и для современной России. Авторы учебников констатируют факт значительного сокращения населения России, начиная с 1990-х гг., и объясняют это прежде всего социально-экономическими причинами. В.А. Шестаков отмечает, что абсолютная убыль населения страны вследствие роста смертности и снижения рождаемости в 1992 — 1994 гг. составила 2,7 млн человек, что, в свою очередь, стало следствием высокой социальной цены реформ начала 1990-х гг. (кризис экономики, сворачивание системы социального обеспечения и здравоохранения). Значительное падение уровня жизни (из 148 млн жителей России за чертой бедности оказалось около 32 млн, то есть более 24 %) повлекло за собой сокращение средней продолжительности жизни [12, с. 360]. А.В. Кравченко пишет, что ценой бурных преобразований последних десятилетий при недостаточной социальной поддержке населения стали жизни почти 19 млн чел. (6 млн умерших и 13 млн неродившихся) [8, с. 218].

Авторы учебника под редакцией Л.Н. Боголюбова приводят данные о том, что в 2000 г. уровень смертности в России составил 15,3 человека на 1000 человек, причем уровень мужской смертности был в 4 раза выше женской и в 2-4 раза выше, чем в экономически развитых странах. Они же выделяют наиболее распространённые причины столь высоких показателей: болезни кровообращения, онкологические, сердечно-сосудистые заболевания, несчастные случаи, алкоголизм и наркомания [2, с. 198].

Л.Н. Алексахина и её коллеги А.А. Данилов, Л.Г. Косулина констатируют, что низкий уровень жизни привел к тому, что детское население России в 1997-2000 гг. сократилось на 4 млн и составило 39 млн человек, а также к повышению уровня заболеваемости детей: в 2001 г. процент здоровых детей среди младших школьников составлял 8-10 %, среди учащихся среднего школьного возраста — 6%, среди школьников старших классов — 5% [1, с. 390]. О значительном сокращении детей свидетельствуют данные из учебника Л.Н. Боголюбова, согласно которым в 1991 г. на одну женщину в России приходилось 1,73 ребёнка (при идеале — 2,02), а в 2000 г. — 1,21 (при идеале — 2,14) [2, с. 201].

Л.В. Поляков и его соавторы пишут, что в России возникло явление, известное демографам как «русский крест» (пересеклись две кривые — падения рождаемости и роста смертности) и с особой тревогой говорят о высокой смертности взрослого населения, прежде всего мужского. В качестве последствий сложившейся ситуации авторы учебника выделяют следующие: существенное ухудшение экономической ситуации (на рынке труда ощущается дефицит рабочей силы, предприятия вынуждены искусственно ограничивать своё развитие из-за нехватки рабочих, инженеров, управленцев); сокращение численности новобранцев, способных служить в Российской армии и негативные последствия этого для обороноспособности страны; усиление финансовой нагрузки на государственный бюджет из-за увеличения количества россиян старшего возраста при сокращении доли молодёжи (если раньше несколько работающих содержали одного пенсионера, то в недалёком будущем одному работающему придётся содержать нескольких пенсионеров); увеличение давления на систему здравоохранения со стороны стареющего населения; усиление конкуренции за рабочие места вследствие привлечения иммигрантов и возникновение проблемы культурной интеграции для новоприбывших; возможность колонизации страны со

стороны стран с избыточной численностью населения (соседи на юге и востоке) [10, с. 258-259].

В учебнике О.В. Волобуева и С.В. Кулешова представлены следующие данные: население РСФСР, по данным переписи 1989 г., составляло 147,4 млн человек, из них 120 млн русских. По переписи 2002 г. в России проживало несколько более 145 млн, из них русских — 115,9 млн человек; численность горожан составляла 106 млн чел.; средний количественный состав семьи — 3 человека; самый высокий прирост населения наблюдался у народов Северного Кавказа и южной части Сибири [4, с. 275-276]. В учебнике А.И. Кравченко приведены сведения о численности населения России на 1 декабря 2009 г. (141,9 млн чел.) и более подробно рассмотрен национальный состав России (1-7 место по численности): русские — 115,9 млн (79,8 %), татары — 5,6 млн (3,8 %), украинцы — 2,9 млн (2 %), башкиры — 1,7 млн (1,2 %), чувашаи — 1,6 млн (1,1 %), чеченцы — 1,4 млн (0,9 %), армяне — 1,1 млн (0,8 %) человек и др. [8, с. 196].

Л.Н. Боголюбов и его коллеги на основании той же переписи сообщают, что численность населения трудоспособного возраста (мужчины — 16-59 лет, женщины — 16-54 года) составила 61 %, моложе трудоспособного возраста — 18%, старше трудоспособного возраста — 21 % [2, с. 198]. Л.В. Поляков и его соавторы дополняют эту статистику данными о том, что в 2005 г. в России, по разным оценкам, находилось от 8 до 10 млн граждан стран СНГ (причем официально зарегистрированными были только 10 % из них) [10, с. 243].

По данным переписи населения 2010 г., численность постоянного населения Российской Федерации составила 142,9 млн человек, т.е. по сравнению с 2002 г. уменьшилась на 2,3 млн. Средний возраст россиян составил 39 лет (в 2002 г. — 37,7 года); 12,9 % жителей страны находятся в возрасте 65 лет и старше (между тем, согласно международным критериям, население считается старым, если доля людей этого возраста превышает 7 % населения); средняя продолжительность жизни женщин — 72 года (100-е место в мире), мужчин — 59 лет (134-е место) [3, с. 205; 8, с. 217].

В учебнике Л.В. Полякова приводятся данные демографических служб ООН о том, что в 2050 г. численность населения России составит чуть более 121 млн человек, в результате чего Россия переместится по численности населения с 8-го места в мире на 14-е [10, с. 259]. Есть и более печальные прогнозы: Л.Н. Алексашкина пишет о сокращении населения на 22 млн человек к 2015 г. и уменьшении его до 100 млн человек к середине века [1, с. 390, 415].

Такая ситуация не может не волновать руководство страны. В учебнике Л.Н. Алексашкиной приводятся слова президента России В.В. Путина из Послания Федеральному Собранию (2000): «Если нынешняя тенденция сохранится, выживаемость нации окажется под угрозой. Нам реально грозит стать дряхлеющей нацией. Сегодня демографическая ситуация — одна из тревожных» [1, с. 390]. О.В. Волобуев и С.В. Кулешов также обращаются к Посланию президента РФ (2006), который спустя шесть лет вновь актуализировал демографические проблемы России, «население которой ежегодно сокращается в среднем на 700 тысяч человек» [4, с. 311].

Перепись 2002 г. выявила и другие проблемы демографического плана: численность женщин на 10 млн превышала численность мужчин, и на 1000 мужчин приходилось 1147 женщин; из 1000 человек в возрасте 16 лет и старше 210 никогда

не состояли в браке (в 1989 г. – 161), 572 состояли в браке (в 1989 г. – 653), 94 разведены (в 1989 г. – 72); 114 – вдовы (в 1989 г. – 110) [2, с. 194]. По данным на 1 января 2010 г., гендерная диспропорция сохранялась: численность мужчин составляла 65,6 млн чел., женщин — 76,3 млн чел., что на 10,7 млн (16,2 %) больше, и на 1000 мужчин приходилось 1162 женщины [3, с. 206].

Л.Н. Боголюбов и его соавторы выделяют ряд проблем, связанных с данной статистикой: увеличение возраста вступающих в брак (связано со стремлением молодожёнов обрести финансовую и материальную основу для семейной жизни и получением образования); увеличение возраста родителей на момент рождения первого ребёнка (желание сделать карьеру, добиться материального благополучия); увеличение количества разводов: в среднем в России ежедневно регистрируются 3616 браков и 1534 развода, в результате чего без одного из родителей остаются 1288 детей (объясняется пьянством или наркоманией одного и супругов, конфликтами и скандалами, плохими отношениями с родственниками мужа или жены, изменами мужа или жены, сексуальной несовместимостью). Авторы учебника делают обобщающий вывод о том, что в указанных мотивах есть общая черта — отсутствие у супругов должной социально-психологической подготовки к браку, выполнению семейных ролей [2, с. 194, 195].

Одной из причин сокращения населения Л.Н. Боголюбов и его соавторы называют эмиграцию россиян в зарубежные страны. Приведённая в учебнике 2014 г. диаграмма позволяет подсчитать, что в 2000-2009 гг. из России в страны дальнего зарубежья эмигрировали 379,4 тыс. человек, в страны СНГ — 419,8 тыс. человек [3, с. 213]. В учебнике А.И. Кравченко представлены данные о том, что крупнейшая в мире российская диаспора насчитывает 25-30 млн человек и констатируется факт (без статистики), что в последние годы многие бывшие россияне возвращаются в Россию [8, с. 183].

Как утверждают П.С. Гуревич и Е.З. Николаева, падение рождаемости в России связано с тем, что семья перестала в достаточной мере выполнять свои социальные функции (иначе говоря, население полностью не воспроизводится). Среди определяющих факторов этого явления они выделяют следующие: рост бесплодия среди мужчин и женщин; изменение ценностных установок таким образом, что «семья и дети для конкретной личности имеют сегодня более низкую, чем во времена наших предков, «экономическую ценность». Следствием этого являются не только снижение рождаемости, но и увеличение количества разводов, случаев жестокого обращения с детьми и др. [5, с. 125]. Одновременно с этим можно обозначить и проблему снижения численности молодого населения России. В учебнике О.В. Волобуева приведены данные социолога М.В. Конкина относительно молодёжи возраста 14-30 лет, которая в начале 2000-х гг. составляла 26,7 % от населения России. Интересны данные и о том, что число безработных среди молодёжи, получившей профессиональное образование, составляет 37 % от общего числа, около 25 % из них — это выпускники вузов [4, с. 309].

В учебнике Л.Н. Боголюбова особое внимание уделено проблеме неполных семей (одиноким матери с ребёнком; один родитель после развода; один родитель после внешних событий: смерть одного из супругов, заключение в тюрьму и т. п.; семья как «пустая оболочка», в которой родители живут вместе, но поддерживают лишь номинальные контакты). Здесь же актуализирована проблема роста детей, родившихся вне брака (за 1994-2000 г. их доля возросла с 19,6 % от общего числа

родившихся до 27,9 %). В качестве последствий такой ситуации названы материальные проблемы в семье, дефицит полноценных семейных отношений, отсутствие у ребёнка положительного образца для освоения роли семьянина, а также невозможность неполной семьи выполнять репродуктивную функцию [2, с. 196, 197].

2008 год был объявлен в России годом семьи. Глава государства заявил: «Нам надо возвращать моду на яркую, многодетную, счастливую семейную жизнь, без которой, как правило, невозможны ни крупные личности, ни крупные достижения» [12, с. 385].

Особое место в учебниках истории и обществознания уделено проблемам социальной стратификации общества. В учебнике П.С. Гуревича приводятся данные социолога Т.И. Заславской, утверждавшей, что в процессе перехода от посттоталитаризма к политическому плюрализму и демократии, от командно-административной к многоукладной экономике в середине 1990-х гг. российское общество разделилось на следующие социальные слои: 1 % – верхний слой – правящий слой, основной субъект реформ (элитные и субэлитные группы, занимающие наиболее важные позиции в системе государственного управления, в экономических и силовых структурах, средние и крупные предприниматели); 24 % – средний слой – малочисленный слой, не обладающий капиталом и уровнем профессионализма, отвечающими требованиям постиндустриального общества (мелкие предприниматели, менеджеры средних и мелких фирм, среднее звено бюрократии, старшие офицеры, наиболее квалифицированные специалисты и рабочие); 68 % – базовый слой – многочисленный слой, усилия которого направлены на адаптацию к изменениям в обществе и выживание (основная часть интеллигенции, мелкие служащие, технический персонал, работники торговли, сервиса, большая часть крестьянства); 7-15 % – нижний слой – жертвы инноваций, которые не в состоянии приспособиться к социально-экономическим условиям переходного периода (пожилые, не слишком здоровые и сильные люди: пенсионеры, безработные, беженцы, вынужденные мигранты и др.); «социальное дно» – изолированные от общества, десоциализированные люди, связанные с криминальными и полукриминальными институтами (воры, бандиты, торговцы наркотиками, содержатели притонов, мелкие и крупные жулики, наёмные убийцы, бомжи, наркоманы, алкоголики, бродяги, проститутки и др.) [5, с. 95-95].

Данные Т.И. Заславской не противоречат исследованиям российско-европейского Центра экономической политики РАН, результаты которых приведены в учебнике О.В. Волобуева и С.В. Кулешова. Согласно им средним классом в 2002 г. можно было признать чуть больше 20 % россиян, имеющих соответствующее материальное положение и социальный статус [4, с. 289]. В целом же получается, что около 70-80 % населения России в начале 2000-х гг. находились в состоянии выживания и незащищённости, что не могло не привести к сокращению численности этой группы населения.

П.С. Гуревич и Е.С. Николаева выделяют также проблему расслоения общества по доходам и констатируют, что в России в конце 1990-х гг. соотношение доходов между 10 % самых богатых и 10% самых бедных составляло 1:15 при общепринятой мировой норме 1:10 [5, с. 69]. В учебнике Л.В. Полякова коэффициент Джини обозначен как 1:14 (для Москвы — 1:41) и констатируется,

что столь глубокое расслоение наблюдается только в самых отсталых странах Африки и Азии [10, с. 266].

Острота демографических проблем заставила руководство страны обратить особое внимание на качество жизни населения. Уже в 2005 г. президент РФ В.В. Путин предложил комплексную программу «инвестиций в человека», главными направлениями которой стали здравоохранение, система образования, жилье и сельское хозяйство. В конце 2007 г. президент выступил с новой инициативой — комплексным планом развития страны до 2020 г., одним из главных положений которого стало сбережение народа [9, с. 355, 356]. Целью финансируемых правительством национальных проектов «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье — гражданам России», «Развитие агропромышленного комплекса» была провозглашена активизация человеческого капитала [12, с. 384], главной приоритетной задачей государства на перспективу объявлено превращение России в самую привлекательную для жизни страну [12, с. 386]. А.И. Кравченко приводит доказательства реализации проекта «Здоровье» в 2006-2009 гг.: финансирование высокотехнологичной медицинской помощи было увеличено вдвое, а общая сумма финансирования здравоохранения составила около 76 млрд руб. [8, с. 221].

В школьных учебниках истории и обществознания можно встретить подробную информацию о Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. (2001 г.) [2, с. 200], упоминания и о других мерах, предпринимаемых властями для решения проблемы народонаселения России: государственной программе репатриации соотечественников, программе поддержки деторождения и многодетности, иммиграционной программе [10, с. 242, 275]. Авторы учебников сообщают, что в программе партии «Единая Россия (2008 г.) в рамках стратегии обновления задача сбережения народа (т. е. сокращение смертности и увеличение рождаемости) была поставлена на первое место среди других задач [4, с. 315].

Школьные учебники истории и обществознания позволяют обучающимся видеть и оценить усилия президента, органов законодательной и исполнительной власти, направленные на решение демографических проблем современной России. Среди предпринятых в 2000-2010-е гг. мер можно назвать увеличение ежемесячного пособия по уходу за ребёнком до 1,5 лет; введение компенсации затрат на детское дошкольное воспитание; увеличение выплат на содержание ребёнка в семье опекуна и приёмной семье; увеличение стоимости родовых сертификатов в женской консультации; выплату «материнского капитала» за рождение второго и последующих детей (в 2013 г. его сумма составила около 409 тыс. руб.); развитие специализированных перинатальных центров; диспансеризацию населения; повышение и индексирование пенсий и др. [3, с. 209; 4, с. 311-312; 7, с. 343; 11, с. 326].

В результате целенаправленной политики удалось достичь определённых результатов: в 2009 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 1,5 ребёнка на одну женщину репродуктивного возраста, что значительно меньше нормы, но все-таки выше, чем был раньше; показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении по сравнению с 2006 г. вырос у мужчин на 2,4 года, у женщин — на 1,4 года; снизился показатель младенческой смертности — 8,1 умерших в возрасте

до 1 года на 1000 родившихся; естественная убыль населения составила в 2011 г. 131 тыс. чел. (2000 г. – 949 тыс., 2010 г. – 241 тыс. чел.); и т. п. [3, с. 208].

Вместе с тем многие проблемы, влияющие на численность населения России, сохраняются. Л.Н. Боголюбов и его соавторы приводят данные о том, что от причин, непосредственно связанных со злоупотреблением алкоголем, в 2009 г. умерло 50,5 тыс. мужчин и 18,1 тыс. женщин [3, с. 208]. В учебнике Л.Н. Алексашкиной присутствуют данные о том, что за последнее десятилетие численность наркоманов в стране выросла почти в 20 раз и продолжает увеличиваться, причем абсолютное большинство страдающих ею составляет молодежь в возрасте до 20 лет [1, с. 417]. А.И. Кравченко приводит сведения о том, что ежегодные потери России от дорожно-транспортных происшествий составляют около 35 тыс. человек, что почти в два раза превышает потери Советского Союза в ходе всей войны в Афганистане [8, с. 220]. Он же предупреждает, что в ближайшее время предвидится новый «демографический провал», так как в детородный возраст вступит малочисленное поколение 1990-х гг.; прогнозирует соотношение 1:1 работающих россиян и иждивенцев; делает вывод о том, что «борьба за демографическое выживание и процветание России еще впереди» [8, с. 221].

В целом можно констатировать, что благодаря учебникам истории и обществознания обучающиеся могут иметь достаточно полное представление о демографических проблемах современной России. Авторы учебников оперируют достоверными данными Росстата, международных организаций, нормативно-правовых актов, посланий президента России, что позволяет рассматривать учебники в качестве вторичных исторических источников.

© Огоновская И.С., 2015. Текст.

Библиографический список

1. Алексашкина Л.Н., Данилов А.А., Косулина Л.Г. История. Россия и мир в XX – начале XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Л.Н. Алексашкина, А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. 4-е изд. М.: Просвещение, 2008. 431 с.
2. Боголюбов Л.Н. Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень [Л.Н. Боголюбов, Н.И. Городецкая, А.И. Матвеев и др.] / под ред. Л.Н. Боголюбова. 5-е изд. М.: Просвещение, 2010. 349 с.
3. Боголюбов Л.Н. Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый уровень / [Л.Н. Боголюбов, Н.И. Городецкая, Л.Ф. Иванова и др.] / под ред. Л.Н. Боголюбова. М.: Просвещение, 2014. 336 с.
4. Волобуев О.В. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений (базовый уровень) / О.В. Волобуев, С.В. Кулешов / под ред. И.Н. Данилевского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Мнемозина, 2008. 335 с.
5. Гуревич П.С., Николаева Е.З. Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: Мнемозина, 2008. 303 с.
6. Данилов Д.Д. История России и мира. Середина XIX – начало XXI в. (От мировой войны к глобальному миру. 1939-2011 гг.). 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений (базовый и профильный уровни): в 2-х кн. Кн. 2 / Д.Д. Данилов, В.Г. Петрович, Д.Ю. Беличенко, П.И. Селинов, В.М. Антонов, А.В. Кузнецов, Д.В. Лисейцев. М.: Баллас, 2013. – 400 с.
7. Измозик В.С., Рудник С.Н. История России: 11 класс: учебник для учащихся общеобразоват. учреждений / под общ. ред. Р.Ш. Ганелина. М.: Вентана-Граф, 2009. 384 с.
8. Кравченко А.И. Обществознание: учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. 3-е изд. М.: ООО «Русское слово — учебник», 2013. 376 с.

9. Левандовский А.А. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов, С.В. Мироненко; под ред. С.П. Карпова. 3-е изд. – М.: Просвещение, 2009. 384 с.

10. Поляков Л.В. Обществознание. Глобальный мир в XXI веке. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений [Л.В. Поляков, В.В. Фёдоров, К.В. Симонов и др.]. 2-е изд., доп. – М.: Просвещение, 2008. 288 с.

11. Уткин А.И. История России, 1945-2007 гг.: 11 класс: учеб. для учащихся общеобразоват. Учреждений / [А.И. Уткин, А.В. Филиппов, С.В. Алексеев и др.] / под ред. А.А. Данилова и др. М.: Просвещение, 2008. 367 с.

12. Шестаков В.А. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: профил. уровень / В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова; Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, изд-во «Просвещение». 6-е изд. М.: Просвещение, 2013. 399 с.

Информация об авторе

Огоновская Изабелла Станиславовна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарного образования Специализированного учебно-научного центра УрФУ (620137, г. Екатеринбург, ул. Д. Зверева, 30, e-mail: lyceum@urfu.ru).

Ogonovskaya I.S.

REFLECTING THE DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF MODERN RUSSIA IN SCHOOL TEXTBOOKS OF HISTORY AND SOCIAL SCIENCE

Abstract. *The author considers the demographic problems of modern Russia, updated by the authors of textbooks of history and social science; analyzes the causes and effects of these problems; singles out the solutions offered by textbooks' authors.*

Keywords: Russia, historical source, history of Russia, population census, demographic problems, social stratification, school history and social studies textbooks.

Information about the author

Ogonovskaya Isabella Stanislavovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of The Chair of Humanities, Specialised Educational Scientific Centre, B.N.Yeltsin's Ural Federal University (30, Russia, D. Zwereva str., Yekaterinburg, 620137, Russia, e-mail: lyceum@urfu.ru).

УДК 314

Сафиуллина Р.М., Сабанчина Л.С.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В статье анализируется демографическое развитие сельской местности Башкирии, поэтапно рассматриваются причины и факторы изменения в сельском населении, для которого характерны снижение рождаемости, повышение смертности, процесс старения. Демографическая эволюция является результатом длительных демографических изменений, сдвигов в характере воспроизводства населения, в рождаемости и смертности и их соотношении, миграции и имеет негативные перспективы.*

Ключевые слова: сельское население, демографические и миграционные процессы, урбанизация, рождаемость, смертность.

Республика Башкортостан – регион РФ с высокой долей сельского населения, более 4% (2014 г.) сельского населения России проживает в Башкирии. По удельному весу сельского населения в 2014 году республика заняла 3-е место – 38,6% в Приволжском федеральном округе после Оренбургской области (40,1%) и Чувашской Республики (39,8%). По состоянию на 1 января 2014 года численность населения республики составила 4069,7 тыс. человек; из них 2480,2 тыс. человек (61,4%) – городское население, 1569,7 тыс. человек (38,6%) – сельское население.

Таблица 1

Динамика численности населения РБ за 1959-2014 гг.[2, 3, 5, 7]

Годы	Все население, тыс.человек	в том числе		Доля в общей численности населения, %
		городское	сельское	сельское
1959	3335	1274	2061	61,8
1970	3815	1831	1984	52,0
1979	3844	2182	1663	43,2
1989	3943	2517	1427	36,2
1990	3956	2545	1411	35,7
1995	4072	2634	1439	35,3
2000	4119	2640	1479	35,9
2002	4103	2628	1475	35,9
2004	4092	2626	1466	35,8
2005	4078	2434	1644	40,3
2010	4069	2452	1617	39,6
2011	4072	2466	1606	39,4
2012	4064	2473	1592	39,2
2013	4061	2480	1581	38,9
2014	4070	2500	1570	38,6

В дореволюционные годы численность сельского населения постоянно росла. Максимальная численность сельского населения (2663 тыс. чел.) отмечалась в 1913 г. Затем оно стало несколько уменьшаться. К 1926 г. на селе проживало 2318 тыс. чел., что на 13% меньше, чем в 1913 г. Между переписями 1959-1970 гг. во многих сельских районах РБ еще наблюдался прирост численности населения. В 1959 году численность сельского населения составила 2061,2 тыс. чел., затем вплоть до 1990 г. оно постоянно сокращалось.

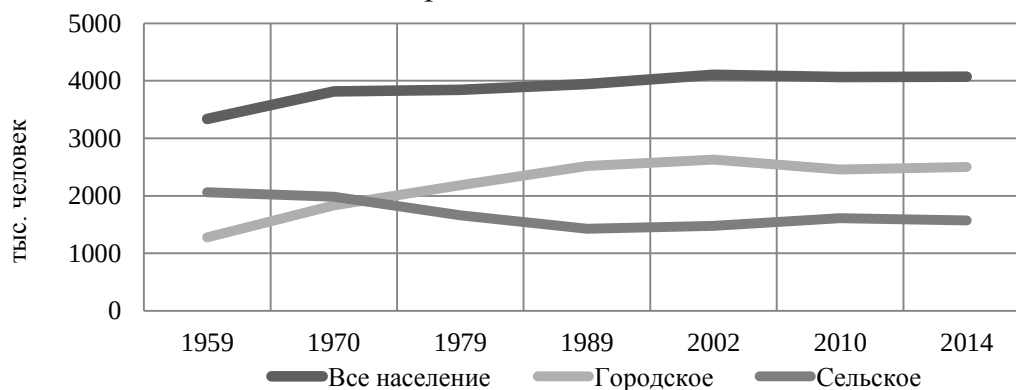

Рисунок 1. Динамика численности сельского и городского населения РБ за 1959-2014 гг., тыс. человек [2, 3, 4, 5]

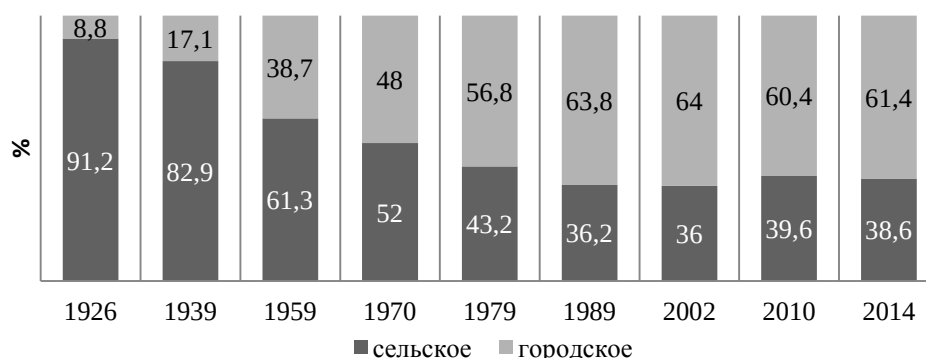

Рисунок 2. Динамика соотношения городского и сельского населения в РБ за 1926-2014 гг., % [2, 3, 5, 7]

Особенно существенным это сокращение было в 1970-1979 гг., когда село ежегодно теряло по 35,7 тыс. чел. своего населения, что объяснялось, прежде всего, интенсивным оттоком селян в города, миграцией в другие регионы РФ.

С 1990 по 2002 гг. годы численность населения в сельских поселениях стабилизировалась и даже несколько увеличилась – с 1411 тыс. чел. до 1474,7 тыс. чел. (1990-2002 гг.), то есть на 63,7 тыс. чел. Основная причина – не только резкое сокращение миграции сельского населения, но и приток части бывших селян из городов обратно в сельскую местность, а также беженцев и вынужденных переселенцев из стран СНГ. За этот период численность населения выросла в 44 районах (больше всего в северо-восточных, юго-восточных, западных) и сократилась в 12 районах. Это в основном связано с притоком бывших мигрантов из промышленных центров Свердловской, Челябинской, Оренбургской областей.

Итоги Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. уже не выделяются такими высокими темпами роста городского населения. К тому же нужно отметить изменения в административно-территориальном устройстве республики, которые произошли в 2004-2005 гг.: 39 поселков городского типа (ПГТ) поменяли статус с городского на сельский. В итоге произошло заметное увеличение сельского населения. Если эти 39 ПГТ не изменили бы свой статус, то рост общей численности городского населения в республике к уровню 2002 г. составил бы порядка 20 тыс. человек и, соответственно, доля сельского населения снизилась бы до 35%. С 2010 по 2014 гг. вследствие миграционной и естественной убыли сельская местность потеряла еще 1% своего населения в общей численности населения республики.

При исследовании воспроизводства населения большое значение имеет анализ его половозрастного состава: от соотношения мужчин и женщин и возрастных групп зависят уровень и темпы воспроизводства самого населения и трудовых ресурсов.

Если рассматривать соотношение между количеством мужчин и женщин в общей численности населения республики, то можно наблюдать значительную диспропорцию полов. Из данных следует, что как в городском, так и в сельском населении наблюдается перевес женщин. Если с 1959 по 1989 гг. удельный вес мужчин в общей численности населения возрастал с 44,7% до 47,0%, то с 1989 по 2013 гг. – сократился до 46,8%. Удельный вес мужчин в общей численности населения между сельскими и городским поселениями до 1979 года был почти одинаков. Но с 1979 года удельный вес мужчин в сельских поселениях больше, чем

в городских. Такое изменение обусловлено интенсивным оттоком женского населения из сельской местности в города, а также более значительными различиями в смертности сельских мужчин и женщин.

Одним из факторов убыли сельского населения является миграция в города. Миграционный прирост сельского населения, начавшийся в 1991 г., к 2001 г. сменился оттоком, хотя за последний период этот показатель начал снижаться. Тревожным фактом является то, что среди выбывших из села высока доля молодых людей: в 2010 г. по сравнению с 1998 г. она увеличилась почти в четыре раза.

При этом интенсивность миграции молодежи в возрасте до 30 лет почти в 2 раза выше среднего уровня. Молодежь уезжает и не возвращается в родные села. Такая тенденция характерна почти для всех регионов России.

Продолжает сокращаться численность мигрантов, прибывших в сельскую местность. Отток молодежи остается по-прежнему почти в 2 раза выше среднего показателя по сельскому населению.

Хотя миграционные процессы слабо влияют на снижение численности населения, миграции оказывают другое негативное влияние на жизнь села. Для сельских населенных пунктов характерен «промывной» миграционный поток. Местное население перемещается в города, а на их место приходит поток внешних мигрантов. В село приходят чужие люди. В результате состав поселения постоянно меняется, что приводит к разобщенности сельского социума. В традиционном сельском сообществе происходит разрушение социального поля.

Одним из признаков ухудшения демографической ситуации является изменение половозрастного состава сельского населения. Половозрастная структура сельского населения характеризуется сокращением доли детских возрастных групп и сохранением высокого удельного веса женщин. В сельской местности значительное превышение численности женщин над численностью мужчин наблюдается преимущественно в старших возрастных группах, начиная с 50-летнего возраста, что говорит об ухудшении пропорции между трудоспособными и нетрудоспособными возрастами населения (табл. 2, 3, рис.3).

Реформирование села вносит коренные изменения в формы хозяйствования, заменяя экстенсивное введение хозяйства – интенсивным. Если не принять предупреждающих социально-экономических мер, то имеющаяся огромная скрытая безработица на селе может перерасти в обвальную, открытую, что вызовет массовый отток населения.

Таблица 2

Распределение населения РБ по полу за 1959-2013 гг.[1, 2, 4]

Годы	Все население, чел.	тыс. чел.		% мужчин в общей численности		
		мужчин	женщин	все население	городское	сельское
1959	3335,0	1491,9	1843,1	44,7	45,5	44,2
1970	3814,9	1741,5	2073,4	45,7	45,9	45,4
1979	3844,3	1776,2	2068,1	46,2	46,2	46,2
1989	3943,1	1851,4	2091,7	47,0	46,9	47,1
2002	4102,9	1925,0	2177,9	46,9	46,2	48,2
2010	4068,7	1902,1	2166,4	46,8	45,8	48,2
2013	4069,6	1898,8	2162,1	46,8	45,7	48,3

Таблица 3

Динамика возрастного состав сельского населения РБ за 2000-2013 гг., % [1, 4]

Возрастные группы	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
От 0 до 14	24,1	20,0	19,0	19,2	19,2	20,7
От 15 до 54(59)	51,9	59,1	59,8	58,5	59,0	56,9
От 55 (60) и выше	24,0	20,9	21,2	22,3	21,8	22,4

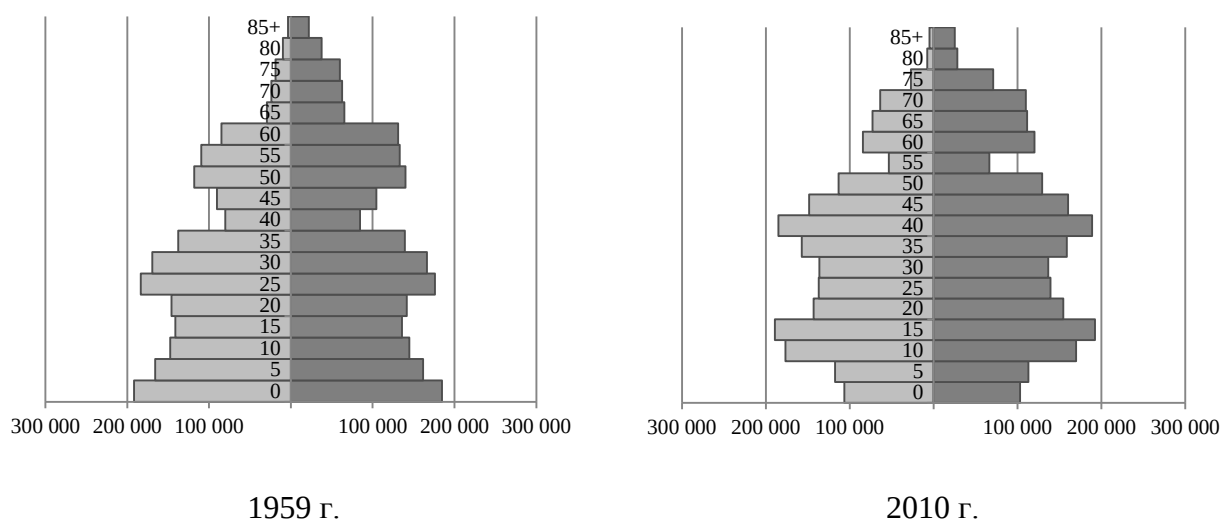

Рисунок 3. Половозрастная структура сельского населения РБ в 1959г. и 2010 г., чел. [1, 5]

Демографические показатели населения сельских районов Республики Башкортостан за 1959-2014 гг. потерпели сильные региональные изменения. Возникновению таких изменений в разное время способствовали разные причины (рис. 4).

Между переписями 1959-1970 гг. в 20-ти сельских районах РБ наблюдался прирост населения, особенно в юго-восточных, южных, западных и северо-восточных пограничных районах, при этом выявляется такая закономерность – снижение численности сельского населения наблюдается в тех районах, которые близко расположены к городам. В этот период самое большое количество сельского населения потерял Иглинский район.

Между переписями 1970-1979 гг. только по республике в целом и только в Уфимском районе наблюдался прирост сельского населения, что связано притоком населения из других районов РБ, население стремилось к центру республики. И лишь в Бурзянском районе численность сельского населения оставалась без изменения. Но в районах, близко лежащих к городам, наблюдалось более интенсивное снижение численности сельского населения районов, т.е. процессы урбанизации набирали хорошие темпы.

Между переписями 1979-1989 гг. сельских районов с положительным приростом населения становится больше: в их число входят Уфимский, Стерлитамакский, Абзелиновский. Прирост населения в этих районах связан с экологической обстановкой в близлежащих городах (г. Уфа, г. Стерлитамак, г. Магнитогорск, начался процесс рурбанизации (население из города переезжает в пригород). Но практически во всех остальных районах РБ численность населения убывает уже не так резко, особенно в Зауралье и на северо-востоке.

В следующий период между переписями (1989-2002 гг.) в 34 сельских районах республики наблюдался прирост численности населения, особенно быстро численность населения росла в Кушнаренковском, Уфимском, Кармаскалинском,

Стерлитамакском, Учалинском, Абзелиновском районах. Этот период в региональном отношении имеет такую же картину, как между переписями 1959-1970 гг. А между переписями 2002-2010 гг. только в 10 сельских районах происходил прирост населения.

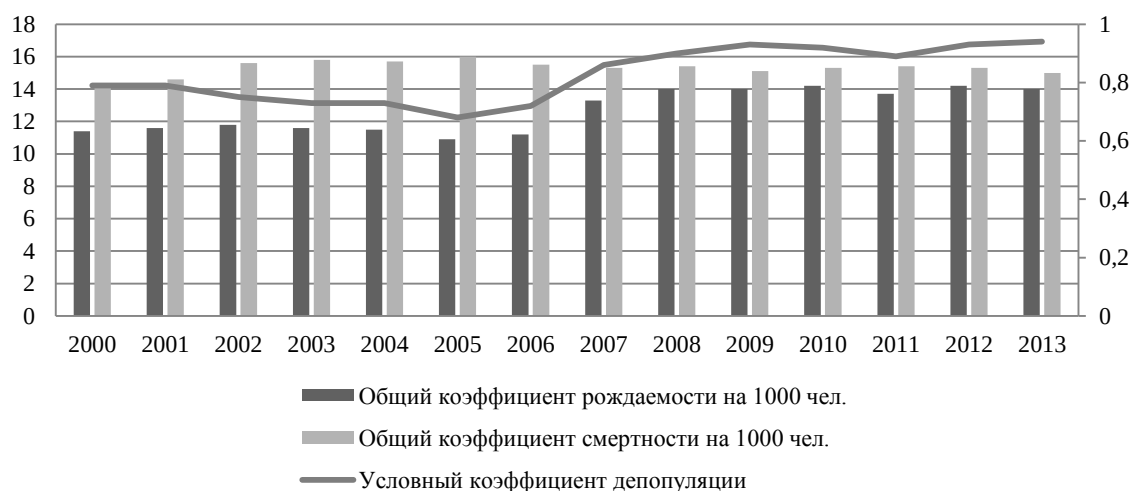

Рисунок 4. Динамика естественного движения сельского населения РБ в 2000-2013 гг. [2, 3, 4]

По прогнозным расчетам до 2025 г. (см. табл. 4) небольшой рост численности сельских жителей будет происходить только в 6 районах из 54 – в Бурзянском, Абзелиновском, Белорецком, Хайбуллинском, Дуванском, Зианчуринском районах. В это время вырастет число районов с численностью населения менее 20 000 человек (с 10 до 12) и с численностью от 20 000 до 25 000 человек. Если в 2010 г. их было 7, то к 2025 г. будет уже 15 районов. Уменьшится с 26 до 20 группа районов с численностью 25 000,1-35 000,1 чел. и с численностью 35 000,1-45 000,1 чел. (с 7 до 4 районов). Уменьшится и количество районов с численностью более 45 000 человек. В целом по прогнозным расчетам численность сельского населения будет сокращаться, что скажется на общей численности населения Республики Башкортостан.

Таблица 4

Прогноз численности сельского населения по районам РБ на 2025 г., чел.

Численность населения	Районы РБ	Итого
менее 20 000,0	Ермекеевский (13729); Благовещенский (13849); Давлекановский (15802); Зилаирский (16004); Бирский (16021); Белебеевский (17329); Федоровский (17475); Янаульский (17700); Кигинский (17748); Архангельский (18364); Стерлибашевский (18690); Бурзянский (19486)	12
20 000,1 – 25 000,0	Балтачевский (20067); Белокатайский (20584); Аскинский (21368); Ишимбайский (21872); Шаранский (21957); Татышлинский (22082); Бураевский (22105); Краснокамский (23457); Благоварский (23964); Мелеuzовский (23994); Бижбулякский (24011); Куюргазинский (24102); Мечетлинский (24304); Миякинский (24304); Караидельский (24344)	15
25 000,1 – 35 000,0	Мишкинский (25138); Нуримановский (25138); Кушнаренковский (25541); Калтасинский (25704); Чишминский (26363); Стерлитамакский (26431); Буздякский (27652); Кармаскалинский (28443); Чекмагушевский (28848); Дюртюлинский (28947); Бакалинский (29038); Салаватский (29156); Зианчурин-	20

	ский (29817); Илишевский (30521); Гафурийский (31295); Кугарчинский (31422); Дуванский (31743); Хайбуллинский (33210); Учалинский (34056); Аургазинский (34125)	
35 000,1 – 45 000,0	Альшеевский (37275); Баймакский (39987); Белорецкий (41918); Иглинский (42754)	4
более 45 000,1 и	Абзелиловский (45928); Туймазинский (55852); Уфимский (57960)	3

Если анализировать половозрастную структуру районов РБ и её изменение по вариантам прогноза, то можно отметить, что во многих из них самыми многочисленными поколениями являются поколение 1960-1965 гг. (45-49 лет в 2010 г.) и 1985-1990 годов (20-24 года в 2010 г.). Последнее из них уже вступило в фертильный возраст, с чем и связано повышение рождаемости в период 2010-2020 годов. В дальнейшем же в период 2020-2030 годов произойдёт снижение рождаемости из-за вхождения в фертильный возраст меньших по численности поколений, что приведет к уменьшению численности населения в большинстве районов республики.

Библиографический список

1. Возрастно-половой состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2013. 203 с.
2. Демографические процессы в РБ, 2001: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2001. 118 с.
3. Демографические процессы в РБ, 2013: стат. сб. .Уфа: Башкортостанстат, 2013. 108 с.
4. Демографические процессы в Республике Башкортостан: стат. сб. . Уфа: Башкортостанстат, 2014. 120 с.
5. Материалы переписей населения РБ 1959-2002 гг.
6. Сафиуллина Р.М., Территориальные прогнозы населения РБ до 2030 г. // Актуальные проблемы экономической политики. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С.89-98.
7. Численность населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010г.: стат. сборник Уфа: Башкортостанстат, 2013. 224 с.

© Сафиуллина Р.М., Сабанчина Л.С., 2015. Текст.

Информация об авторах

Сафиуллина Рауза Маратовна (г. Уфа, Россия) – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: rmsafiullina@yandex.ru).

Сабанчина Лилия Сагитовна – бакалавр кафедры экономической географии, Башкирский государственный университет (450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32).

Safiullina R.M., Sabanchina L.S.

THE MAIN TRENDS OF POPULATION HEALTH OF BASHKORTOSTAN IN THE CONDITIONS OF MARKET RELATIONS

Abstract. *The article analyzes the demographic development of rural areas of Bashkortostan, gradually address the causes and factors of changes in the rural population, which is characterized by birth rate decrease, increased mortality, the aging process. Demographic evo-*

lution is the result of long demographic changes, changes in the character of population reproduction, fertility and mortality and their ratio, migration and has a negative outlook.

Keywords: rural population, demographic and migration processes, rurbanizatsiya, births, deaths.

Information about the authors

Safiullna Rausa Maratovna (Ufa, Russia) – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Chair of Economic Geography, Bashkir State University (32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, , Republic of Bashkortostan, Russia; e-mail: rmsafiullina@yandex.ru).

Sabanchina Liliy Sagitovna – Bachelor of the Chair of Economic geography, Bashkir state University (32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, , Republic of Bashkortostan, Russia; e-mail).

УДК 314.9(470.54-21Н.Тагил)«1989/2002»(091)

Тараканов М.Ю.

ДИНАМИКА ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА НИЖНИЙ ТАГИЛ В 1989-2002 ГОДАХ

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в половозрастном составе населения города Нижний Тагил, произошедшие в период 1989-2002 гг. Автором выявлена тенденция старения населения города, а также усиление к 2002 г. диспропорции между полами из-за более высокой смертности мужчин.

Ключевые слова: население Нижнего Тагила, половозрастная структура населения, старение населения.

Важнейшими признаками населения, с демографической точки зрения, являются пол и возраст. Обычно они рассматриваются вместе как половозрастной состав (структура) населения.

Половозрастная структура не статична, она меняется под влиянием предшествующих демографических событий и сама, в свою очередь, активно влияет на все демографические показатели, прежде всего, на общие коэффициенты естественного движения населения. Рассмотрение изменений в половозрастной структуре населения Нижнего Тагила, происходивших в 1989–2002 гг., позволит глубже понять причины депопуляционной тенденции, начавшейся в городе с 1990 г. и сохраняющейся по настоящее время.

Основными источниками информации о половом и возрастном составе населения являются материалы переписей. За рассматриваемый в статье период было проведено две переписи – Всесоюзная перепись 1989 г. и Всероссийская перепись 2002 г.

Половозрастная структура тагильчан, сформировавшаяся к концу 1980-х гг., была зафиксирована Всесоюзной переписью населения 1989 г. (табл. 1). Согласно её данным, в Н.Тагиле проживало 207653 мужчины и 231504 женщины. Коэффициент маскулинизации, показывающий отношение числа мужчин к числу женщин, равнялся 90, т.е. на 100 женщин в среднем приходилось 90 мужчин.

Таблица 1

Половозрастная структура постоянного населения г. Н. Тагил по данным переписи 1989 г. [сост. по: 2, с. 121; 3, с.9]

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Число мужчин на 100

			женщин
0 – 4	17307	16521	105
5 – 9	16534	15883	104
10 – 14	15607	15316	102
15 – 19	13026	15187	86
20 – 24	14093	13801	102
25 – 29	20397	18165	112
30 – 34	21543	19566	110
35 – 39	20955	19457	108
40 – 44	11998	11655	103
45 – 49	11626	12078	96
50 – 54	13210	15833	83
55 – 59	11109	14525	77
60 – 64	10135	16052	63
65 – 69	3820	8646	44
70 – 74	2857	7219	40
75 – 79	2223	6339	35
80 лет и старше	1213	5261	23
Итого	207653	231504	90

По сравнению с 1979 г., когда на 100 женщин в городе приходилось в среднем 85 мужчин, диспропорция между полами уменьшилась [рассч. по: 3, с.9]. В составе постоянного населения «женский перевес» за 10 лет сократился с 33559 человек до 23851 человека, а удельный вес мужчин увеличился на 3,3% (до 47,3%).

Аналогичная тенденция была отмечена и на областном уровне. Если в 1979 г. «женский перевес» составлял в Свердловской области 343430 человек, то к 1989 г. он сократился до 315593 человек, а удельный вес мужчин вырос с 46,2 % до 46,6 % [рассч. по: 2, с. 3].

Важную роль в уменьшении разрыва между полами в 1980-х гг. сыграло повышение рождаемости. Поскольку мальчиков среди новорождённых всегда больше, чем девочек, то увеличение чисел родившихся, как и их сокращение, влияет на изменение доли мужчин в населении. Если в 1979 г. в Н.Тагиле в возрастной группе младше 10 лет мальчиков было больше, чем девочек, на 780 человек, то в 1989 г. – уже на 1437 человек [рассч. по: 2, с. 121; 3, с.9].

Перепись 1989 г. зафиксировала в Н.Тагиле преобладание мужчин в половозрастном составе населения до 45-летнего возраста (исключением являлась возрастная группа 15–19 лет – в ней преобладали лица женского пола). Особенно большой разрыв начинался с возраста 65-69 лет, который увеличивался вплоть до самых старших возрастов. Если в возрастной группе 65-69 лет женщин было в 2,3 раза больше, чем мужчин, то в возрасте 70-74 года – уже в 2,5 раза больше, а в возрастной группе от 80 лет и старше – в 4,3 раза. Таким образом, наиболее сильная диспропорция между полами отмечалась у поколений, на долю которых пришлась основная часть военных потерь в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, оказал свое влияние на соотношение между полами и более низкий показатель продолжительности жизни мужчин по сравнению с женщинами.

По своей возрастной структуре население Н.Тагила в конце 1980-х гг. было уже «старым». В соответствии со Шкалой демографического старения ООН население считается молодым, если в его составе доля лиц в возрасте 65 лет и старше менее 4%. Если доля составляет 4–7%, то население находится на пороге старости, а если равна 7% и более, то население считается старым. В г. Н.Тагил в 1989 г. в указанном возрасте находились 8,6% жителей. Молодежь до 30 лет в

городе составляла менее половины всего населения – 43,7% (в 1979 г. ее доля равнялась 49,2%).

Данные переписи населения позволяют определить тип возрастной структуры тагильчан, сложившейся к 1989 г. В демографии выделяют три типа возрастной структуры населения: прогрессивный, стационарный и регрессивный. Прогрессивная возрастная структура характеризуется резким перевесом возрастной группы 0–14 лет над группой 50 лет и старше, стационарная – небольшим перевесом группы 0–14 лет, а регрессивная – перевесом группы 50 лет и старше над группой 0–14 лет. Прогрессивный тип обеспечивает численный рост населения, причём каждый последующий год приносит всё большее число рождений. При стационарной структуре ежегодное число рождений равно ежегодному числу смертей, а в каждом последующем году рождаемость численно равна рождаемости предыдущего года. Регрессивный тип вследствие понижающегося из года в год уровня рождаемости и повышения уровня смертности в последующих поколениях приводит к постепенному уменьшению численности населения – депопуляции.

В Н.Тагиле в 1989 г. наблюдался перевес возрастной группы 50 лет и старше (её удельный вес равнялся 26,9%) над возрастной группой 0–14 лет (с удельным весом 22,1%), т.е. возрастная структура жителей города относилась к регрессивному типу, для которого характерна естественная убыль населения. К началу 1990-х гг. потенциал, накопленный в демографической структуре тагильчан, оказался полностью исчерпан. В 1990 г. уровень смертности в Н.Тагиле превысил уровень рождаемости. На смену естественному приросту пришла стабильная естественная убыль населения.

Вторая перепись, проведенная в рассматриваемый период – Всероссийская перепись 2002 г. – отразила как сохранение старых, так и появление новых негативных тенденций в изменении половозрастного состава тагильчан. В половой структуре жителей города было отмечено увеличение диспропорции между мужчинами и женщинами (табл. 2). Положительная тенденция по её уменьшению, зафиксированная переписью 1989 г., завершилась в начале 1990-х гг. К 1991 г. доля мужчин в составе населения города увеличилась до 47,4% и какое-то время держалась на этом уровне, но уже во второй половине десятилетия удельный вес лиц мужского пола в составе жителей города начал постепенно снижаться. К началу 1997 г. он уменьшился до 47,1%, к январю 1999 г. – до 47% [4], а к октябрю 2002 г. – до 46,1%.

Таблица 2

Половозрастная структура постоянного населения г. Н.Тагил по данным переписи 2002 г. [рассч. по: 2, с. 121]

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Число мужчин на 100 женщин
0 – 4	8122	7706	105
5 – 9	8170	7797	105
10 – 14	12275	11610	106
15 – 19	17005	16995	100
20 – 24	16494	16417	101
25 – 29	17197	16226	106
30 – 34	13981	13315	105
35 – 39	12745	13049	98

40 – 44	15525	17132	91
45 – 49	14936	17516	85
50 – 54	13431	16197	83
55 – 59	6420	8344	77
60 – 64	8172	12765	64
65 – 69	6179	11138	56
70 – 74	5248	11080	47
75 – 79	2714	7959	34
80 лет и старше	1198	5111	23
Неизвестный возраст	163	166	98
Итого	179975	210523	86

Тенденция увеличения диспропорции в половой структуре населения наблюдалась не только в Н.Тагиле, но и на областном уровне в целом. Среди городского населения Свердловской области удельный вес лиц мужского пола сократился за 1989–2002 гг. с 46,4% до 45,9%. Увеличение разрыва в удельном весе полов стало следствием более высокой смертности мужчин, особенно в трудоспособном возрасте.

К 2002 г. в Н.Тагиле был утрачен перевес мужчин в возрастах 35–39 лет и 40–44 года. Заметно сократился он и в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года. Единственным положительным изменением, по сравнению с 1989 г., стало восстановление равновесия между полами среди жителей города в возрасте 15–19 лет.

Перепись 2002 г. зафиксировала дальнейшее развитие процесса старения населения Н.Тагила. Удельный вес горожан в возрасте от 65 лет и старше вырос по сравнению с 1989 г. в 1,5 раза (до 13%). Доля возрастной группы 0-9 лет за период между переписями сократилась с 15,1% до 8,1%. Значительно вырос перевес лиц в возрасте от 50 лет и старше над возрастной группой 0-14 лет. Если удельный вес первых составлял 29,7%, то вторых – только 14,2%.

Такие изменения в возрастной структуре населения влекут за собой не только демографические, но и социально-экономические проблемы, в частности – сокращение численности трудовых ресурсов. За период 1989-2002 гг. численность жителей в трудоспособном возрасте в городе сократилась с 257855 человек до 247950 человек (на 3,8%) и, к сожалению, данный процесс имеет тенденцию к ускорению. Согласно семейно-демографическому паспорту города по состоянию на 1 января 2012 г. в Н.Тагиле численность населения в трудоспособном возрасте составляла уже только 218 тыс. человек, т.е. по сравнению с 2002 г. она уменьшилась на 12,1% [1].

Подводя итог, следует отметить, что оба тренда (старение населения и усиление диспропорции между полами) сохраняются в Н.Тагиле и в настоящее время, а радикальное исправление ситуации возможно только при условии изменения ценностных установок тагильчан. Для снижения смертности мужчин в трудоспособных возрастах необходимо формирование у них позитивных форм самосохранительного поведения, а для повышения рождаемости – установок на среднететность у женщин.

Библиографический список

1. Семейно-демографический паспорт города Нижний Тагил по итогам 2013 года // Официальный сайт города Нижний Тагил.
URL: http://www.ntagil.org/sozpolitika/info.php?ELEMENT_ID=21494.

2. Половозрастной состав населения Свердловской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Екатеринбург, 2004.

3. Население городов Каменск-Уральского, Н. Тагила, Первоуральска и Серова: по данным переписи населения. Екатеринбург, 1992.

4. НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 590. Л. 4; Д. 766. Л. 3 об.; Д. 822. Л. 3 об.

© Тараканов М.Ю., 2015. Текст.

Информация об авторе

Тараканов Максим Юрьевич (г. Нижний Тагил, Россия) – кандидат исторических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин, Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный университет путей сообщения» в г. Нижнем Тагиле (622013, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 4; e-mail: katar.mik@rambler.ru).

Tarakanov M.Yu.

DYNAMICS OF AGE AND GENDER STRUCTURE OF THE POPULATION OF NIZHNIY TAGIL IN 1989–2002S

Abstract. *The article deals with the changes in gender and age structure of the population which took place in Nizhniy Tagil within 1989 – 2002s. The author revealed the tendency of population ageing in the city and the intensification of disproportion between the genders due to a higher male mortality rate.*

Keywords: the population of Nizhniy Tagil, gender and age structure of the population, population ageing.

Information about the author

Tarakanov Maxim Yuryevich (Nizhniy Tagil, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of General Scientific Disciplines, Nizhniy Tagil Branch of Ural State University of Railway Transport (4, Krasnogvardeyskaya St., Nizhniy Tagil, Sverdlovsk region, 622013, Russia; e-mail: katar.mik@rambler.ru).

УДК 316.361.13(470.51)«19»

Уваров С.Н.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ БРАКОВ У УДМУРТОВ В XX ВЕКЕ

Аннотация. *В статье на основе преимущественно не опубликованных ранее материалов проводится анализ межэтнических браков, в которые вступали удмурты в XX веке. Увеличение удельного веса межэтнических браков у удмуртов на протяжении XX века способствовало их ассимиляции.*

Ключевые слова: межэтнические браки, население, удмурты.

Для понимания этнических процессов в нашей стране крайне важно изучение национально-смешанных браков. Однако трудов, в которых они исследуются, немного [3; 4]. Одна из причин заключается в недостатке источников. Во второй половине 1920-е гг. в СССР были изданы первые достаточно подробные разработки данных текущего учета населения по брачности с учетом национальностей вступающих в брак, но затем публикация аналогичных материалов прекратилась. Переписи населения учитывали лишь удельный вес

национально-смешанных браков в общем количестве заключенных семейных союзов по регионам. Поэтому исследование межэтнических браков является крайне актуальной научной задачей. Рассмотрим межэтнические браки, заключавшиеся в XX веке удмуртами – одним из крупных народов Российской Федерации.

Отдельные случаи вступления удмуртов в брак с лицами других национальностей отмечены еще в начале XVIII века; с массовой христианизацией смешанные браки участились, и в XIX веке уже встречались во всех волостях, хотя характер межэтнических отношений (а не только браков) был далеко не однозначным. Наряду с позитивными явлениями (усилением межэтнического взаимодействия, углублением влияния русской культуры на удмуртскую), процесс русской мирной колонизации сопровождался и негативными последствиями, в том числе – потерей обжитых мест, ассимиляцией [5, с. 317].

Первые данные о межнациональных браках, которыми мы располагаем, относятся к 1924 г., причем они характеризуют положение отдельно в Вотской автономной области (далее – ВАО, была образована в 1920 г., в 1932 г. переименована в Удмуртскую автономную область, а в 1934 г. – Удмуртскую АССР) и за ее пределами. В этом году в городской и сельской местности европейской РСФСР (без ВАО) из 412 удмуртов-мужчин, вступивших в брак, 7 выбрали русских невест и еще один – из «прочих», остальные – удмуртских. Доля межэтнических браков у мужчин составила 1,9 %. В следующем 1925 г., когда данные также были собраны отдельно, женилось 529 удмуртов, из них 506 – на удмуртках, 17 – на русских невестах, 2 – на татарках, еще 4 – на «прочих». Доля выросла до 4,3 %. Удмуртки в 1924–1925 гг. вышли замуж только за мужчин своей национальности [12, с. 80-83]. В 1926 г. женилось 2115 удмуртов мужского пола, включая бесермян (в том числе в ВАО), из них на представителях другой национальности – 126 (6%). Замуж вышли 2026 удмурток (в том числе бесермянок), из них не за удмуртов/бесермян – 37 (1,8 %) [13, с. 148-149].

В Вотской автономной области в 1924 г. доля национально-смешанных браков у мужчин-удмуртов равнялась 3,4 %, у женщин-удмурток – 0,9 %. В 1925 г. доля у мужчин выросла до 4 %, у женщин – до 1 %, в 1926 г. – соответственно 5,3 % и 1,4 %, в 1928 г. – 10 % и 3 % (табл. 1). Таким образом, за 1924–1928 гг. количество межэтнических браков выросло довольно быстро. По мнению Г.К. Шкляева, это случилось за счет горожан и среди удмуртов, живших вне пределов основной этнической территории.

Таблица 1

Национальный состав вступивших в брак в Удмуртской АССР, чел.*

Национальность жениха	Год	Городские поселения Сельская местность							
		Национальность невесты							
		удмур- ты	рус- ские	тата- ры	прочие и неизвест- ные	удмур- ты	рус- ские	тата- ры	прочие и неизвест- ные
Удмурты	1924	28	8	-	-	2239	71	-	1
	1925	13	9	-	-	2016	74	-	1
	1926	22	34	-	-	1557	54	-	-
	1927	47	31	-	-	1280	82	-	3
	1928	36	59	-	-	1176	71	-	5
	1936	184	75	1	-	843	101	1	-
	1937	206	101	1	5	667	100	-	7

	1939	264	89	-	1	1012	113	3	18
Русские	1924	1	877	-	4	17	2811	-	2
	1925	3	932	-	2	15	2955	-	1
	1926	3	1063	-	3	14	2334	-	1
	1927	4	1072	1	6	20	2460	-	6
	1928	8	1325	-	7	29	2138	-	2
	1936	64	1743	7	36	85	1421	4	9
	1937	27	2184	4	10	40	1446	3	35
	1939	19	2069	2	24	51	1608	3	45
Татары	1924	-	6	56	-	-	-	134	5
	1925	-	6	78	-	-	-	82	6
	1926	2	11	106	-	-	-	85	-
	1927	-	12	89	-	1	2	73	-
	1928	-	18	143	3	1	-	98	-
	1936	-	8	188	-	4	5	98	1
	1937	1	21	152	3	4	11	71	1
	1939	12	9	223	2	7	13	97	4
Прочие и неизвестные	1924	-	6	-	1	3	4	-	182
	1925	-	9	-	3	3	-	-	142
	1926	-	2	-	16	3	4	-	173
	1927	-	13	-	3	4	4	-	71
	1928	-	21	2	11	2	3	-	86
	1936	1	34	-	27	16	20	2	37
	1937	4	46	-	11	2	16	1	41
	1939	-	57	1	18	2	19	1	56

* [Сост. по: 14, с. 33; 15, с. 21; 16, с.21; 17. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 101. Л. 220–221; Д. 108. Л. 23, 30; Оп. 7. Д. 1. Л. 41об., 50 об.].

Если со вторым утверждением, как показано выше, никак нельзя согласиться, то первое является верным. Например, в 1924 г. в городах ВАО из всех заключенных удмуртами-мужчинами браков 22,2 % были с русскими женщинами, в 1925 г. таких было уже 40,9 %, а в 1926 г. – 60,7 %. Отрицательный этнический стереотип в отношении удмуртов был характерен в 1920-е – начале 1930-х гг. в большей степени для представителей старшего и среднего поколения русских, молодежь уже меняла взгляды на межнациональные отношения [11, с. 141]. В деревнях межнациональные браки были еще редкостью: сказывалось наследие прошлого, замкнутость индивидуальных хозяйств, отличия в быту и семейном укладе, слабые производственные контакты. Так, большая часть первых колхозов в Удмуртии строилась по национальному признаку [9, с. 358].

В 1930-е гг. удельный вес этнически смешанных браков у удмуртов продолжал увеличиваться, но данные по годам сильно отличались. Например, у мужчин-удмуртов он равнялся 19,7 % в 1937 г. и 14,9 % – в 1939 г. (см. табл. 1). Большая разница объясняется тем, что в 1939 г. резко увеличилось число браков между удмуртами, тем самым доля межэтнических браков сократилась. В среднем за 1936, 1937, 1939 гг. доля межэтнических браков у удмуртов равнялась 13,1 % (у мужчин 16,2 %, у женщин – 9,6 %). Таким образом, по сравнению с 1924 г. рост был весьма значительным, особенно у мужчин. У городских удмуртов процент национально-смешанных браков был выше, правда, они образовали гораздо меньше семейных союзов, чем сельские, но тенденция к количественному выравниванию прослеживается четко, что связано с урбанизацией титульной нации.

У подавляющего большинства удмуртов, вступивших в этнически смешанный брак, партнер был русским или русской. Например, в 1936 г. в сельской местности республики 101 удмурт женился на русской невесте (99 %) и

лишь один – на татарке (1 %). В городах в том же году 75 удмуртов женились на русских (98,7 %), и один – на татарке (1,3 %). В 1937 г. в сельской местности 100 удмуртов женились на русских (93,5 %) и 7 – на «неизвестных» (6,5 %). В 1936 г. в сельской местности удельный вес браков с русскими женихами в общем объеме этнически смешанных браков у удмуртских невест составил 81 %, в городах – 98,5 %. В 1937 г. он равнялся соответственно 87 % и 84,4 %, в 1939 г. – 85 % и 61,3 %.

При заключении межнациональных браков «вторую половину» русским составляли в основном представители титульной нации. Например, русские невесты в 1936 г. из 126 браков в сельской местности с нерусскими женихами в 101 случае (80,2 %) вышли замуж за удмуртов, в городах из 117 браков – в 75 случаях (64,1 %). В 1937 г. из 127 смешанных браков в сельской местности в 100 случаях русские невесты вышли замуж за удмуртов (78,7 %), в городах из 168 браков – в 101 случае (60,1 %). В 1939 г. из 145 браков в сельской местности с нерусскими женихами в 113 случаях (77,9 %) русские невесты вышли замуж за удмуртов, в городах – из 155 браков в 89 случаях (57,4 %). Получается, что русские девушки, образуя этнически смешанную семью, выходили замуж за удмуртов намного охотнее на селе.

Русские женихи при вступлении в межнациональный брак также в основном женились на удмуртках. В 1936 г. из 98 браков в сельской местности с нерусскими невестами в 85 случаях русские женихи взяли в жены удмуртских девушек (86,7 %), в городах из 107 браков – в 64 случаях (59,8 %). В 1937 г. из 78 браков в сельской местности в 40 случаях русские женихи женились на удмуртках (51,3 %), в городах – из 41 брака в 27 случаях (65,9 %). В 1939 г. из 99 браков в сельской местности в 51 случае русские женихи взяли в жены удмуртских девушек (51,5 %), в городах из 45 браков – в 19 случаях (42,2 %). Таким образом, русские чаще брали в жены удмурток также в сельской местности. Исключением явился 1937 г., но тогда национальность очень многих невест оказалась неизвестной. За татар удмуртки выходили замуж редко (исключение составил 1939 г.), а удмурты практически не брали замуж татарок.

Послевоенное укрупнение колхозов с объединением в них разнонациональных населенных пунктов, урбанизация, вызвавшая большую подвижность населения, расширили объективные возможности для увеличения межэтнических контактов: число смешанных браков стало быстро расти, охватив все социальные группы населения [9, с. 358].

Н.П. Павлов по данным похозяйственных книг о семьях колхозников шести сельсоветов Удмуртской АССР проследил тенденции увеличения количества национально-смешанных семей за 1946–1964 гг. По его подсчетам, в 1964–1966 гг. число семей, состоящих из представителей разных национальностей, в сравнении с 1946–1948 гг. выросло почти в 3 раза [6, с. 170]. Экстраполировать эту цифру на всю республику сложно, так как Н.П. Павлов проанализировал примерно 5% семей Удмуртской АССР. Но выводы, которые он сделал, представляются крайне важными. По его мнению, распространению межнациональных браков и образованию смешанных семей способствовали: ликвидация национальной обособленности народов, свобода и равенство наций и этнических групп, ослабление влияния религии, рост культуры населения, развитие средств общения

и хозяйственно-экономических связей, расширение сферы влияния иноязычной среды, распространение двуязычия и др. [6, с. 170].

В 1968 г. и 1979–1980 гг. в республике проводились обширные этносоциологические исследования, одной из целей которых было выяснение установок на межнациональные браки у представителей разных народов. Опросы показали положительное отношение к ним у всех опрошенных, причем со временем оно улучшалось. В 1968 г. доля удмуртов, позитивно настроенных на заключение браков с представителями других национальностей, в городах Удмуртской АССР составила 75 % [9, с. 359]. Во время опроса 1979–1980 гг. в городах республики 83,6 % удмуртов заявили, что национальность в браке не имеет значения [1, с. 120]. В сельской местности в 1979–1980 гг. 80,1 % опрошенных удмуртов считали, что национальность в браке не имеет значения [10, с. 47–48, 51].

К концу 1970-х гг. доля межнациональных браков выросла еще сильнее (табл. 2), возросло и их количество. Почти половина удмуртов в городах вступала в межнациональные браки, причем женщины делали это чуть чаще мужчин. Сельские удмурты были консервативнее: мужчины в среднем женились на удмуртках в 85 % случаев, женщины выходили замуж за удмуртов почти в 80 % случаев, т.е. и на селе женщины чаще мужчин образовывали этнически смешанные семьи. Напротив, в 1920–1930-е гг. мужчины-удмурты и в городах, и в сельской местности гораздо чаще вступали в межнациональные браки.

К сожалению, источники 1970-х гг. не содержат сведений о вариантах сочетаний национальностей жениха и невесты, но в них есть информация о вступивших в брак по возрастам и национальностям. У удмуртов, как впрочем, и у других народов республики, и на селе, и в городе прослеживается закономерность: с возрастом все предпочитали вступать в брак с партнером своей национальности. Особенно отчетливо эта тенденция наблюдается с 45-летнего возраста.

Таблица 2

Сведения о вступивших в брак удмуртах в Удмуртской АССР

Вступившие в брак	1978 г.		1979 г.		1980 г.	
	городские поселения	сельские местности	городские поселения	сельские местности	городские поселения	сельские местности
Всего, в том числе:	10924	5483	11357	6175	10483	5877
мужчины	2071	3133	2146	3492	1953	3383
из них с удмурткой (%)	1162 (56,1 %)	2661 (84,9 %)	1163 (54,2 %)	2984 (85,5 %)	1096 (56,1 %)	2897 (85,6 %)
женщины	2301	3273	2331	3720	2232	3590
из них с удмуртом (%)	1162 (50,5 %)	2661 (81,3 %)	1163 (49,9 %)	2984 (80,2 %)	1096 (49,1 %)	2897 (80,7 %)

[Сост. по: 17, Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 344. Л. 94, 94об., 96, 96об.; Д. 376. Л. 136, 136об., 138, 138об.; Д. 388. Л. 127, 127об., 128, 128об.].

Характерно, что в 1970-е гг. доля межэтнических браков, которые заключали лица старшего возраста, была меньшей, чем у младшего. На наш взгляд, это связано не с возрастными особенностями, а с традиционными представлениями рожденных в 1930-е гг. и ранее. Модернизационные процессы, разрушая традиционный уклад, формировали новые установки, способствовавшие

увеличению количества межнациональных браков. Это подтверждают и данные этносоциологических опросов. Чем выше была доля удмуртов в сельском поселении у опрошенных в 1979–1980 гг., тем больше предпочитался партнер своей национальности [1, с. 120; 10, с. 47–48, 51].

М.В. Сумачева, изучив этнические процессы на Урале во второй половине XX века, выделила несколько факторов, повлиявших на увеличение количества национально-смешанных семей. Она отнесла к ним этнокультурную близость, урбанизационные процессы (город является наиболее благоприятной средой для стирания или смягчения этнокультурных различий и развития «интернационалистской» ориентации при выборе брачного партнера); диспропорции половозрастного состава населения различных этнических групп; уровень образования и профессиональной квалификации [7, с. 128].

Возникновение национально-смешанных семей – это, с одной стороны, результат интенсивных межэтнических отношений. С другой стороны, такие семьи, вызывая определенные изменения в быту и сознании, выступают как фактор ассимиляции, которой оказались очень подвержены удмурты. Особенно активно ассимиляция у представителей титульной нации происходила в процессе урбанизации. За 1926–2002 гг. количество удмуртов в республике увеличилось в 1,2 раза, русских – в 2,9 раза, татар – в 6,4 раза (табл. 3).

В.Е. Владыкин и Л.С. Христолюбова на основе данных массового обследования 1979 г. отметили, что в этнически смешанных семьях городских удмуртов меньше детей, в них почти не говорят по-удмуртски, не придерживаются удмуртских обычаев и не приобщают к ним детей. В городских семьях лишь 13 % детей от смешанных браков при получении паспорта записывались удмуртами [2, с. 92]. Если в 1959 г. родной язык не совпадал с национальностью всего у 6,8 % удмуртов, то в 2002 г. – уже у каждого третьего удмурта (33,4 %). При этом родным его считали лишь 47,3 % в городе и 81,9 % в сельской местности [8, с. 117].

Таблица 3

Национальный состав населения Удмуртии по данным переписей, тыс. чел.

Национальный состав	1926 г.	1939 г.	1959 г.*	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Русские	327,5	679,3	758,8	809,6	870,3	945,2	944,1
в том числе в городах	69,2	260,8	401,0	577,1	678,8	762,8	756,4
Удмурты	395,6	480	475,9	484,2	479,7	496,5	460,6
в том числе в городах	3	36	66	135,9	180,1	221,9	204,3
Татары	17,1	40,6	71,9	87,2	99,1	110,5	109,2
в том числе в городах	4	17,7	42,9	69,2	83	94,5	93,1
Прочие	16	19,5	30,3	36,7	43,1	53,5	56,4
в том числе в городах	0,8	6,1	15,3	26,5	32,6	40,7	40,6

* Городское население учтено без поселков городского типа. [Сост. по: 18; 17. 1: Оп. 5. Д. 253. Л. 71–72].

Таким образом, если еще в середине 1920-х гг. в подавляющем большинстве браки на территории Удмуртии заключались между представителями одной национальности, то уже к концу 1930-х гг. доля межнациональных браков повысилась. Судя по имеющимся данным, в тот момент межэтнические браки чаще всего заключались между мужчинами-удмуртами и русскими женщинами, что было связано с индустриализацией, переездом в города значительного количества сельских жителей, прежде всего мужского пола. В дальнейшем процесс смешения

этносов нарастал, количество и удельный вес межнациональных браков увеличивались. В 1970-е гг. доля межэтнических браков достигала серьезных величин, правда, в силу специфики собиравшихся статистиками сведений уже невозможно определить варианты сочетания национальностей жениха и невесты. С уверенностью можно только сказать, что у удмуртов чаще вступали в межнациональный брак женщины. Увеличение удельного веса межэтнических браков у удмуртов на протяжении XX века способствовало их ассимиляции.

Библиографический список

1. Белорукова Г.П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР // Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы): сборник статей. Устинов: НИИ при Совете министров УАССР, 1986. С. 109–123.
2. Владыкин В.Е., Христюкова Л.С. Этнография удмуртов: Учебное пособие по краеведению. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.
3. Греус П.В. Межнациональные браки на территории Российской Федерации в 30-е гг. XX века // Историческая демография. Сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 94–106.
4. Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982. 303 с.
5. Никитина Г.А. Демографическое поведение удмуртов в конце XIX – начале XX века // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием / под ред. А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. С. 314–320.
6. Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии. 1946–1975. Историко-социологические очерки. Ижевск: Удмуртия, 1975. 244 с.
7. Сумачева М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX века: монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2009. 257 с.
8. Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / науч. ред. А.Е. Загребин. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2012. 288 с.
9. Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.
10. Шкляев Г.К. Характер межэтнических контактов в сельских поселениях разного типа // Вопросы этносоциологического изучения сельского населения: сборник статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1983. С. 43–64.
11. Шкляев Г.К. Межэтнические отношения в Удмуртии: опыт историко-психологического анализа. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 213 с.
12. Естественное движение населения Союза ССР. 1923–1925. М., 1928.
13. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929.
14. Статистический сборник за 1924–1926 гг. Ижевск, 1927.
15. Статистический ежегодник за 1927 г. Ижевск, 1928.
16. Статистический ежегодник за 1928 г. Ижевск, 1929.
17. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 101. Л. 220–221; Д. 108. Л. 23, 30; Оп. 7. Д. 1. Л. 41об., 50 об.
18. Перепись населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>

© Уваров С.Н., 2015. Текст.

Информация об авторе

Уваров Сергей Николаевич (г. Ижевск, Россия) – кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия» (426069, Россия, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11, e-mail: sergey.uvarov@mail.ru).

Uvarov S.N.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF INTER-ETHNIC MARRIAGES OF UDMURTS IN THE XXTH CENTURY

Abstract. *In the article on the basis of mostly previously unpublished materials, the analysis of inter-ethnic marriages, who joined the Udmurts in the twentieth century, is conducted. The increase in the proportion of interethnic marriages among the Udmurts throughout the twentieth century contributed to their assimilation.*

Keywords: inter-ethnic marriages, population, Udmurts.

Information about the author

Uvarov Sergey Nikolaevich (Izhevsk, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Izhevsk State Agricultural Academy (11, Studencheskaya, 426069, Izhevsk, Russia; e-mail: sergey.uvarov@mail.ru).

УДК 314.7.045(470.13)"19"

Фаузер В.В., Лыткина Т.С.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ХРОНОЛОГИЯ И МАСШТАБЫ*

Аннотация. *Принудительные миграции лежали в основе формирования населения и обеспечения отраслей народного хозяйства трудовыми ресурсами вплоть до конца 1950-х гг.; с 1946 г. одновременно применяется организованный набор рабочей силы; государство начинает применять меры экономического стимулирования.*

Ключевые слова: Республика Коми, миграция населения, государственная политика, система принудительного труда.

Введение. В статье рассматривается механизм управления миграционными процессами до конца 1950-х гг. В фокусе внимания – анализ элементов государственного управления миграцией населения: ее целей, приоритетных направлений, возможностей прямого и косвенного регулирования; миграция населения выступает как необходимый атрибут освоению природных ресурсов Севера.

В качестве объекта исследования выступила Республика Коми, где миграции населения наиболее полно отражают весь спектр государственного регулирования: от методов принуждения, до экономического стимулирования, от широкого патернализма до полного безразличия [1, с. 145]. На начало XX в. Коми край был слабо заселен. По переписи населения 1897 г. из 170,7 тыс. человек 97% приходилось на жителей сел и всего 3% на городское население. Средняя плотность населения составляла 0,5 человека на кв. км. Естественно, что с таким людским потенциалом освоить обширный по размерам край было невозможно.

* Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 15-15-7-8 «Города российской Арктики: среда жизнедеятельности и механизм обеспечения хозяйствующих субъектов человеческими ресурсами» и проекта № 15-19-7-2 «Миграционные процессы на Российском Севере: между ассимиляцией и мультикультурализмом».

Миграция населения (от лат. *migratio* – переселение) означает перемещение, переселение. Такой двойственный подход позволяет именовать миграцию населения разными терминами: в широком и узком смысле слова. Перемещение территориальное – более широкое толкование миграции. Многие исследователи относят к ней наряду с безвозвратной и другие виды миграции населения: территориальные перемещения, совершающиеся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности. В узком понимании термина, миграция населения представляет собой законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства, т.е. в буквальном смысле слова означает переселение [2, с. 27-28].

Миграция населения по способу реализации делится на организованную, осуществляемую при участии государственных или общественных органов и с их помощью, и неорганизованную миграцию населения (индивидуальную, самостоятельную), которая проводится силами и средствами самих мигрантов без материальной или организационной помощи со стороны каких-либо учреждений.

Особенности принудительных миграций населения 1920-30-х гг. После окончания гражданской войны для ликвидации разрухи и возрождения экономики молодому советскому государству нужны были надежные источники сырья, расположенные как можно дальше от границ и в то же время близко к промышленному центру. В этом плане территория Коми края являлась идеальным регионом для поставки необходимых природных ресурсов для экономики страны (лес, уголь, нефть).

Для реализации намеченных планов нужны были трудовые ресурсы. Проблему рабочих кадров не могли решить местные жители, из-за своей малочисленности. Рассчитывать на внешний приток населения тоже не приходилось. Выходцы из соседних областей не стремились приехать сюда, т.к. материальный уровень в Коми крае ничем не отличался от других районов страны. Следовательно, нужны были иные методы и формы привлечения населения в северные и восточные районы страны. В это время рядом руководителей страны высказывается идея колонизации и освоения колоссальных природных ресурсов Севера путем создания системы исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений. Предыстория их возникновения связана с возникновением и функционированием в первые годы существования Советской власти сначала концентрационных лагерей (места массового заключения с крайне жестокими условиями содержания политзаключенных, лиц, лишенных свободы по национальному признаку, военнопленных и т.д.), а затем лагерей принудительных работ, особое место среди которых занимал Соловецкий лагерь особого назначения, по образцу которого создавалась советская лагерная система. С конца 1920-х гг. в СССР начался процесс формирования новой системы исполнения наказаний, основу которой стали составлять образованные, «по типу Соловецкого», исправительно-трудовые лагеря, для руководства которыми в 1930 г. было создано Главное управление лагерей (ГУЛАГ).

Коми становится местом, где наиболее полно нашли применение гулаговские методы индустриализации края. Вот пример: в 1921 г. политбюро ЦК ВКП(б) под председательством В.И. Ленина принимает решение организовать концентрационный лагерь на р. Ухта на 10-20 тыс. человек. С этого момента

начинается советская политическая ссылка в Коми край, новая эпоха формирования трудовых ресурсов через принудительную миграцию в различных ее формах.

Форсированный вариант индустриализации в условиях острого дефицита внутренних источников обусловил использование со стороны государства преимущественно мобилизационно-насилованных методов его реализации. Сталинское руководство осознанно пошло по пути компенсации недостающих ресурсов сверхэксплуатацией так называемого «человеческого фактора», составной частью которой стало широкомасштабное применение принудительного труда спецконтингента, особенно в отдаленных, малообжитых, но богатых природными ресурсами регионах.

Первыми «мигрантами» в Коми край стали «раскулаченные крестьяне». Массовая депортация крестьянства на Север и Восток страны свидетельствовала о трансформации переселенческой политики государства. Сталинское руководство, отказавшись от традиционной, основанной на принципе добровольности, политики переселения и колонизации неосвоенных территорий, с весны 1930 г. перешло к спецколонизации, выразившейся в принудительном переселении различных «наказанных» властью категорий людей в периферийные, предназначенные для хозяйственного освоения, регионы. В Северном крае (до 1937 г. входили Коми АССР, Архангельская и Вологодская обл.) к 105832 лагерным заключенным, отбывавшим срок в Соловецком и Северных лагерях особого назначения (по состоянию на 1 июня 1930 г.) добавилось 230065 прибывших в регион в феврале-апреле 1930 г. «кулаков», что суммарно составило около 13% от численности населения края [7, с. 21-22, 25]. На начало 1931 г. в Коми крае было уже более 40 тыс. спецпереселенцев (кулацкая ссылка). Вторым источником пополнения трудовых ресурсов стали заключенные, их численность к лету 1930 г. достигла 23 тыс. человек. Численность собственных фабрично-заводских рабочих была незначительной: 1920 г. – 609, 1924/1925 – 404 человека [6, с. 334].

В целом динамика движения работников подневольного труда на территории республики была неустойчивой и постоянно менялась в ту или иную сторону. Она зависела от специальных решений ГКО и Указов Президиума Верховного Совета СССР, а также директивных органов Коми АССР, неоднократно обращавшимися в ЦК ВКП(б), СНК СССР, другие союзные наркоматы с просьбой о дополнительных завозах рабочей силы для реализации поставленных задач. Эти задачи были сформулированы в таких документах, как, например, Постановление Президиума ВСНХ «О развитии топливной базы в Северном крае» (20 апреля 1931 г.), развернутое Постановление Совета Труда и Оборона (СТО) «О развитии каменноугольной промышленности и о расширении геологических работ в бассейне Печоры (27 марта 1932 г.).

Резко возросший поток лагерных заключенных привел к значительному расширению сети лагерей лесозаготовительного профиля, что объясняется меньшими затратами, необходимыми для их организации, и преобладанием в данной отрасли физического, неквалифицированного труда, не требовавшего специальной профессиональной подготовки. Для заготовки леса в Коми АССР создается Усть-Вымский лесозаготовительный лагерь. Вместе с тем исправительно-трудовые лагеря создавались и в других отраслях промышленности: Воркутинский, Северный железнодорожный, Северо-Печорский ИТЛ. В 1938 г. на

основе действовавшего Ухто-Печорского ИТЛ были созданы четыре самостоятельных лагеря, подчиненных ГУЛАГу: 1) Воркуто-Печорский ИТЛ (центр – г. Воркута), предназначенный для сооружения шахт, добыче угля и строительству барж; 2) Ухто-Ижемский ИТЛ (центр – пос. Чибью) – разведка и добыча нефти, газа, асфальтитов и переработка радиоактивной воды; 3) Северный железнодорожный ИТЛ (центр – пос. Княжпогост) – строительство железной дороги Котлас – Воркута; 4) Усть-Вымский лесозаготовительный ИТЛ (центр – пос. Усть-Вымь).

Трансформация структуры принудительных миграций населения. На начало 1941 г. в Коми АССР было 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249,3 тыс. заключенных, всего 298,3 тыс. человек подневольного труда. При этом численность населения края в 1939 г. составляла всего 320,3 тыс. человек, а занятых в народном хозяйстве – 166,4 тыс. человек, в том числе в промышленности – 37,5 тыс. человек [3, с. 389].

В ходе депортации осадников, начавшейся 10 февраля 1940 г., было переселено 139596 человек. Наибольшее их число оказалось в Архангельской области – 8084 семей, в Вологодской области – 1586, в Коми АССР – 2191 семья. Летом 1940 г. к ним добавились 25682 семьи (76382 человека) депортированных, в том числе в Архангельскую область – 4584 (12838), в Вологодскую область – 1712 (4965), в Коми АССР – 2778 семей (8985 человек) польских беженцев. Депортированные поляки, также как и «бывшие кулаки», оказались не только прикрепленными к определенной территории, но использовались как дешевая рабочая сила в экономике принудительного труда.

По мере освобождения советской территории от немецко-фашистских оккупантов росла численность заключенных, осужденных как пособников фашистских оккупантов, шпионов и изменников родины. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., к данной категории применялась смертная казнь или осуждение к каторжным работам сроком от 15 до 20 лет. Вследствие этого в некоторых исправительно-трудовых лагерях, в том числе в Воркутинском ИТЛ, были организованы отделения каторжных работ. В 1944 г. в Воркутлаге содержалось 494, в 1945 г. – 9036, в 1946 г. – 18158 человек, осужденных к каторжным работам [7, с. 32].

Для военного периода было характерно свертывание лагерной системы. Если на 1 января 1941 г. в Архангельской, Вологодской областях и в Коми АССР действовали 18 исправительно-трудовых лагерей с суммарной численностью лагерных заключенных более 300 тыс. человек, то на 1 января 1946 г. продолжали функционировать 11 ИТЛ, в которых содержалось около 162 тыс. человек. Однако в Коми АССР продолжала функционировать обширная сеть исправительно-трудовых лагерей. В основном это были лагеря, выполнявшие работы долговременного характера: угледобыча (Воркутлаг), нефтедобыча (Ухтоижемлаг), лесозаготовки (Устьвымлаг), а также лагеря, задействованные на строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали (Севжелдорлаг, Печорлаг).

Среднесписочный состав заключенных, спецпереселенцев и ссыльных в 1942 г. составлял 216,9 тыс. человек, 1943 г. – 118,0, 1944 г. – 162,0, 1945 г. – 172,6 тыс. человек [5, с. 443].

Со второй половины 1946 г., лагерная система стала вновь разрастаться. Значительный рост численности лагерного контингента стал следствием

ужесточения советской карательно-репрессивной политики. С принятием 4 июня 1947 г. указов «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» увеличилось не только число осужденных за кражи и хищения, но и резко возросли применяемые за данные виды преступлений сроки наказания.

Постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР», в отдаленных районах страны (Колыма, Норильск, Коми АССР, Караганда и Мордовская АССР) создавалась сеть исправительно-трудовых лагерей нового типа – особых лагерей, предназначенных для содержания особо опасных преступников.

На территории Коми АССР в 1948 г. были образованы два особых лагеря: Особый лагерь № 1, получивший условное наименование «Минеральный», и Особый лагерь № 6 («Речной»). Основным производственным профилем новообразованных лагерей стала угледобыча. Уже к 1949 г. лагеря развернули свою хозяйственную деятельность в полном объеме. В 1952 г. к ним добавился лагерь № 12 («Водораздельный»), созданный для освоения лесных массивов в районе запланированного строительства железной дороги Айкино – Кослан. Появление в Коми АССР сети особых лагерей превратило республику в одну из самых насыщенных особым контингентом территорий страны, где в общем количестве содержащихся заключенных значительный удельный вес составляли осужденные за «контрреволюционные преступления», каторжники и «уголовно-бандитствующий элемент». Из более чем 267000 заключенных, отбывавших срок наказания в региональной лагерной сети (на 1 января 1953 г.), более 205000 человек (78%) находились в лагерях, дислоцировавшихся в Коми АССР. Однако в условиях разворачивавшейся НТР советская экономика все в большей степени нуждалась в свободном и высококвалифицированном труде. Руководство МВД и ГУЛАГа предпринимали попытки адаптировать лагерную экономику к новым хозяйственным условиям. Однако сделать это в рамках архаичной системы принудительного труда было невозможно. Труд заключенных, основанный на внеэкономическом принуждении, оказался плохо восприимчивым к техническому прогрессу и к новым формам хозяйствования [7, с. 35-36].

От принудительных к экономическим методам привлечения населения. Примечательно, что с середины 1950-х гг. с уменьшением масштабов привлечения работников подневольного труда, начинаются поиски возможностей закрепления тех, кто уже работает в крае и привлечения на территорию новых работников в качестве постоянного населения. Этому способствовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 года «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера». Он восстанавливал льготы, действовавшие до войны. Указом предусматривалось: выплачивать рабочим и служащим на Крайнем Севере по истечении 6 месяцев работы 10% надбавку к ставкам (окладам), общий размер надбавок не должен превышать 100% тарифной ставки (оклада). Предоставлять дополнительные отпуска сверх установленных действующим законодательством в местностях Крайнего Севера работникам с нормированным рабочим днем продолжительностью в 18 рабочих дней, а работникам с ненормированным рабочим днем – продолжительностью в 30 рабочих дней. Предприятия, учреждения

и организации обязаны предоставлять работникам и членам их семей жилую площадь по нормам, установленным для данной местности. За работниками, переводимыми и направляемыми на работу на Крайний Север, сохранить на весь период действия трудового договора жилую площадь по месту прежнего жительства и т.д. Действие Указа распространялось на лиц, которые заключили договоры о работе на Крайнем Севере на срок не менее 3 лет. Действие Указа способствовало закреплению освободившихся из системы ГУЛАГа и привлечению нового населения в Коми край.

В формировании постоянного населения в послевоенный период большую роль сыграл организованный набор рабочей силы на предприятия и стройки Коми АССР. За 1956-1960 гг. наблюдался пик оргнабора. Вот несколько подтверждающих данных. За 1956-1958 гг. по организованному набору прибыло 125 тыс. человек, из них более половины (свыше 65 тыс.) поступили на предприятия угольной промышленности и примерно одна треть – в лесные поселки (39179 человек). Оставшаяся часть рабочих поступила в остальные отрасли народного хозяйства Коми АССР. Лесозаготовительные предприятия за 1956-1960 гг. приняли на работу по оргнабору около 60 тыс. рабочих. В конце исследуемого периода оргнабор в таких отраслях, как нефтяная и угольная, постепенно начал уменьшаться и соответственно стала возрастать доля других форм комплектования кадров, и в частности, прием рабочих самими предприятиями. Основными районами, откуда привлекалась рабочая сила в Коми АССР, были Архангельская, Вологодская, Ярославская, Кировская и Московская области, Краснодарский край, Белорусская ССР [4, с. 497-498; 8, с.6].

Общая численность населения республики с 1897 по 1939 г. увеличилась с 170,6 до 320,3 тыс. человек или в 1,9 раза; с 1939 по 1960 г. она возросла с 320,3 тыс. человек до 827,6 тыс. человек, т.е. почти в 2,6 раза. Наиболее быстрыми темпами росло городское население, при одновременном увеличении сельского населения (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения Республики Коми за 1897-1960 гг., тыс. чел. [9, с. 57]

Год	Все население	Городское	Сельское
1897	170,6	4,5	166,1
1920	179,8	5,4	174,4
1926	225,6	10,0	215,6
1939	320,3	29,2	291,1
1945	277,2	76,8	200,4
1950	423,3	172,5	250,8
1955	600,5	283,6	316,9
1960	827,6	496,3	331,3

Наиболее заселенными оказались северо-восточные районы нового промышленного освоения, ранее слабо заселенные. Было образованно 5 городов и 30 рабочих поселков. Наряду с существовавшим ранее городом Сыктывкаром (бывший Усть-Сысольск) к 1960 г. выросли новые города: Воркута, Инта, Печора, Сосногорск, Ухта, вокруг которых сгруппировались рабочие поселки.

Заключение. Республика Коми оказалась в числе регионов, где принудительные миграции все годы играли существенную роль. После освобождения бывшие заключенные, спецпоселенцы оставались жить и работать в

Коми крае, внося тем самым определенный «колорит» во все социально-демографические структуры населения. К концу 1950 гг. становится ясно, что ГУЛАГовская экономика изжила себя: на смену ей приходят экономические методы привлечения и закрепления населения в суровых северных краях.

Библиографический список

1. Лыткина Т.С. Человек на севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2014. №3. С.144-151.
2. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: вопросы теории. М.: ИСПИ РАН, 2003. – 240 с.
3. Турубанов А.Н., Игнатова Н.М., Максимова Л.А., Рогачев М.Б., Сурков Н.И., Сметанин А.Ф. Индустриальный прогресс в Коми АССР // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Гл. 14, §2. С. 381-398.
4. Турубанов А.Н., Игнатова Н.М., Светопольская В.О. Особенности решения проблемы кадров в индустриальных отраслях народного хозяйства Коми АССР во II половине 40-х – 50-е годы // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Гл. 21. §2. С. 494-506.
5. Турубанов А.Н., Митюшев Е.Е., Игнатова Н.М. Развитие основных отраслей промышленности и транспорта Коми АССР в годы войны // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. Гл. 17. §2. С. 435-449.
6. Турубанов А.Н., Сурков Н.И., Киросова Т.А., Максимова Л.А., Сметанин А.Ф. Индустриальное развитие Коми АО в 20-е годы // История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: «Анбур», 2011. Гл. 12. С. 330-338.
7. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, функционирование, распад (1929-1960 гг.): Автореф. дис... докт. ист. наук. Архангельск, 2009. 44 с.
8. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Климочкина Н.И. Роль миграции в формировании населения северных территорий. Сыктывкар-Ухта, 2007. 34 с. (Б-ка демографа; Вып.8).
9. Республика Коми: Энциклопедия. Т. 1. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1997.

© Фаузер В.В., Лыткина Т.С., 2015. Текст.

Информация об авторах

Фаузер Виктор Вильгельмович (г. Сыктывкар, Россия) – доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru);

Лыткина Татьяна Степановна (г. Сыктывкар, Россия) – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН (167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: tlytkina@yandex.ru).

Fauzer V.V., Lytkina T.S.

FORCED MIGRATION DURING SOVIET PERIOD: CHRONOLOGY AND SCOPE

Abstract. *Forced migration were underlying the formation of the population and ensuring economic sectors workforce until the late 1950s; a set of organized labor was applied*

since 1946; the state began to use economic incentives.

Keywords: Komi Republic, migration, public policy, the system of forced labor.

Information about the authors

Fauzer Victor Vilgel'movich (Syktyvkar, Russia) – Doctor of Economical Sciences, Professor, Head of Department of Socio-economic problems and Laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian academy of sciences (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russia; e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru).

Lytkina Tatyana Stepanovna (Syktyvkar, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, senior researcher of Laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian academy of sciences (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russia Federation; e-mail: tlytkina@yandex.ru).

314/60.54

Фахрисламова Р. Т.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ БЕЗДЕТНОСТИ СРЕДИ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН 1970-1980 ГОДОВ РОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования факторов бездетности среди российских женщин 1970-1980 годов рождения. Несмотря на то, что говорить об окончательной бездетности по этим поколениям ещё рано, анализ позволяет разглядеть тенденцию и выявить некоторые причины бездетности.

Ключевые слова: бездетность, бесплодие, безбрачие, брачность, женское образование.

Изменения в матримониальном и репродуктивном поведении женщин, происходившие на рубеже последнего столетия, заметно повлияли на такой феномен, как бездетность. Бездетность, по определению демографов, может быть следствием как инфертильности, так и смерти детей. В свою очередь, инфертильность – отсутствие рождений – может быть следствием как бесплодия, так и намеренного отказа от рождения детей. Исследований, посвященных теме бездетности с точки зрения демографической науки, в нашей стране не проводилось, при том, что эта проблема активно и подробно изучается в других странах. Низкий интерес к ней был связан со спецификой демографической науки в нашей стране, где долгое время основное внимание посвящали макроэкономическим и социальным проблемам, и такая немногочисленная категория людей, как бездетные, оставалась вне исследовательского интереса социологов и демографов, кроме того, процент бездетных долго оставался примерно на одном и том же уровне. Однако в последние десятилетия, изменения в репродуктивном поведении женщин, особенно ярко выразившиеся в изменении возрастной модели рождаемости, и связанные, в частности, с откладыванием деторождения, делают эту проблему, несомненно, заслуживающей изучения.

Во всероссийской переписи населения 2010 года, женщинам в возрасте 15 лет и старше задавался вопрос «Сколько детей вы родили?». На основе распределения женщин по числу рожденных детей мы определяли долю бездетных в общей совокупности женщин определенного возраста. При дальнейшем анализе мы использовали такие социально-демографические характеристики женщин, как

регион проживания, тип поселения (городское, сельское), состояние в браке и уровень образования. Согласно гипотезе нашего исследования, поколение российских женщин 1960-1980 годов рождения наиболее ярко проявляет признаки влияния второго демографического перехода.

Ретроспективный анализ рождаемости показал, что бездетность среди предыдущих поколений женщин была ниже, и, скорее всего, незначительно превышала физиологический уровень бесплодия. Изменения стартовали в поколении женщин 1960 года рождения.

Для более детального анализа не окончательной бездетности, мы взяли поколения женщин 1970-1980 годов рождения, которым на момент переписи населения 2010 года было 30-40 лет.

1. В России увеличивается окончательная бездетность в молодых поколениях, еще не завершивших свой репродуктивный период. На рис. 1 представлена доля бездетных среди всех женщин 1960-1980 годов рождения к дате переписи 2010 года. Наблюдается отчетливая тенденция небольшого роста доли бездетных женщин от поколения к поколению. На момент переписи населения 2010 года среди женщин в возрасте 30-34 года были бездетными 18,75%, в возрасте 35-39 лет – 11,65%.

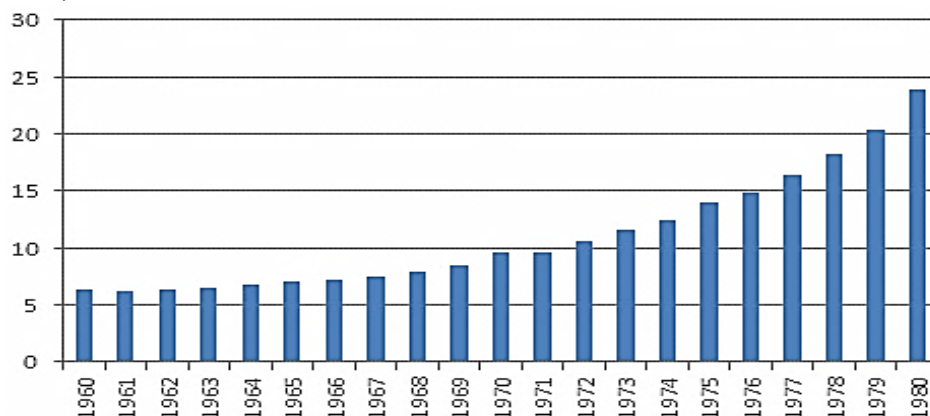

Рисунок 1. Доля бездетных женщин, среди женщин 1960-1980-х годов рождения (данные переписи 2010 г.)

2. Бездетность в городской местности выше, чем в сельской. Причем разница между показателями по городу и селу меняется не значительно, что, вероятно, отражает некоторые устойчивые различия в особенностях городского и сельского образа жизни, и половозрастной структуры населения. В городах в среднем несколько менее благоприятная для женщин половозрастная структура с точки зрения брачности, но, видимо, более распространено откладывание деторождения, что может перерасти в добровольную или вынужденную бездетность. Если среди 30-34 летних женщин в городской местности 20 % были бездетными, то в сельской – 14,6 %. Среди 35-39 летних женщин 12,5 % были бездетными в городе и 8,8 % – в сельской местности (рис. 2). В городе также больше женщин, вовлеченных в сферу образования, карьеру.

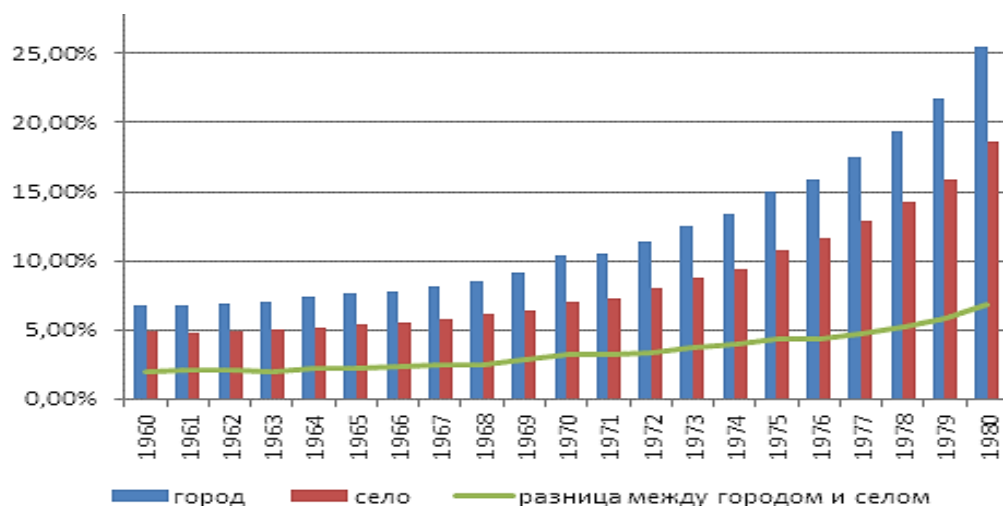

Рисунок 2. Доля бездетных среди женщин 1960-1980 годов рождения, %

3. *Большинство бездетных женщин никогда не состояло в браке.* Если среди бездетных женщин доля никогда не состоявших в браке колеблется от 40,9 до 49,6% (соответственно, среди женщин 1970-1980 годов рождения), то в генеральной совокупности таких 7,6 % среди женщин 1970 года рождения и 17,7 % – 1980 года рождения. В целом связь бездетности с безбрачием для этих поколений в России несомненна. Действительно, заметное отличие бездетных женщин заключается в тесной увязке с высоким процентом среди них женщин, никогда не состоявших в браке.

Соответственно, ключевая причина отсутствия детей, видимо, связана все же с отсутствием брачно-партнёрских отношений. Кроме того, среди бездетных женщин, состоящих в браке, доля тех, кто находится в зарегистрированном браке меньше, чем в генеральной совокупности. Среди бездетных женщин также больше и разведенных, разошедшихся.

4. *Существует региональная дифференциация в уровне бездетности.* Региональные особенности бездетности выражены в том, что их больше в Центральном и Северо-Западном ФО, что отчасти может быть объяснено распространенностью внебрачных союзов и сознательным принятием решения об отсутствии рождений. Кроме того, это регионы с высокой урбанизированностью, регионы максимальной концентрации культурного и образовательного капитала, где вовлеченность женщин в образование и карьеру выше всего. Соответственно распространено более позднее рождение первого ребенка.

Относительно бездетности в Северо-Кавказском ФО, здесь многое объясняет половозрастная структура, крайне неблагоприятная для брачности женщин именно изучаемых возрастов. Здесь бездетность одинаково распространена как в городе, так и на селе. Кроме того, в СКФО значимый процент женщин с послевузовским образованием, аналогичный существующему в ЦФО и СЗФО. Именно в СКФО в изучаемых поколениях самый большой процент бездетных, никогда не состоявших в браке. Для региона характерна низкая внебрачная рождаемость, а также высокая разводимость и смертность, в том числе мужчин.

Более детальный анализ бездетности женщин 1970-1980-х годов рождения по округам РФ можно видеть на рис. 3.

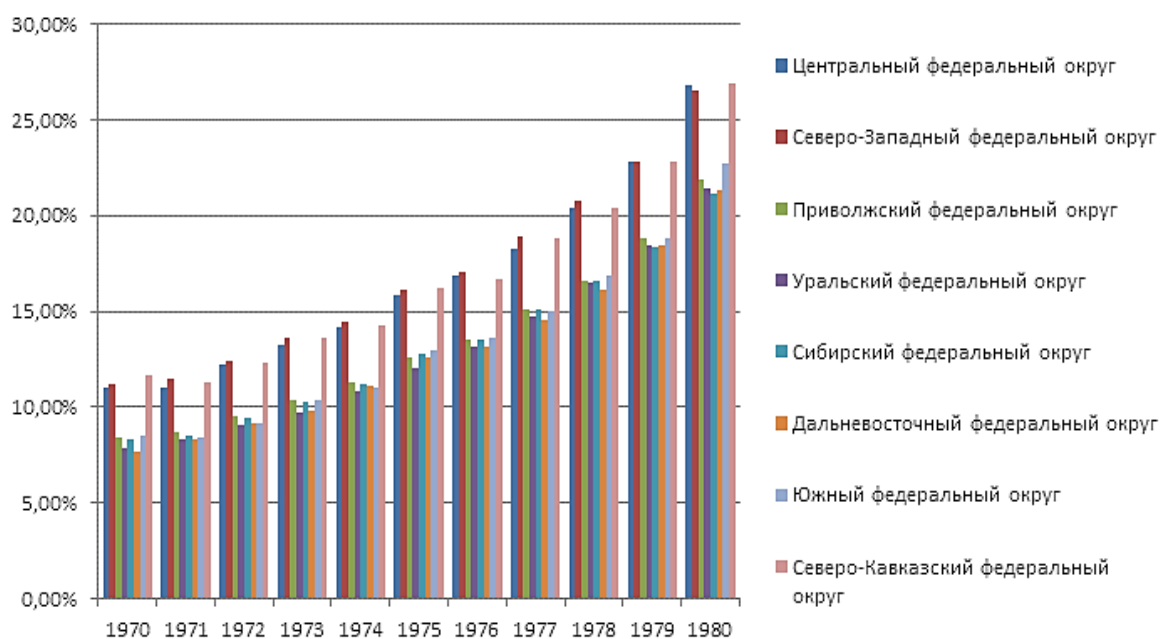

Рисунок 3. Доля бездетных среди женщин 1970-1980 годов рождения к 30-40 годам, %

5. В каждом из рассматриваемых поколений бездетные женщины по сравнению с женщинами с одним, двумя и тремя детьми в среднем более образованные. Среди бездетных женщин выше доля женщин с послевузовским образованием (в целом на 0,3-0,5%). Выше доля женщин с высшим образованием: если по сравнению с однопородными женщинами превышение небольшое, то для двухдетных оно очень заметно.

Стоит отметить, что среди женщин с двумя детьми во всех поколениях доля лиц с начальным профессиональным, средним (полным) общим, средним профессиональным (средним специальным) образованием заметно преобладает по сравнению с однопородными и бездетными женщинами. Более того, большинство двухдетных женщин 1970-1980 годов рождения имели среднее профессиональное образование. Что касается однопородных, то среди них большинство имело высшее образование, это наблюдается начиная с поколения женщин 1975 года, а среди однопородных женщин 1970-1975 годов рождения большинство имело среднее профессиональное образование, в то время как большинство бездетных женщин во всех изучаемых поколениях имеет высшее образование. Налицо однозначная зависимость между уровнем образования женщины и количеством рожденных ею детей.

Таким образом, исследование бездетности в рассматриваемых поколениях женщин выявило наличие интересных особенностей. Здесь мы практически не останавливались на динамическом ряде, а скорее углубили наш анализ в отношении изучения внутренних характеристик и структуры явления.

© Фахрисламова Р.Т., 2015. Текст.

Информация об авторе

Фахрисламова Розалия Таштимеровна (Россия, г. Москва) – аспирант Института демографии, НИУ ВШЭ (101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20, rfakhrislamova@gmail.com).

THE STUDY OF CHILDLESSNESS FACTORS AMONG RUSSIAN WOMAN BORN IN 1970-1980S

Abstract. *The article presents the results of a study of childlessness factors among Russian women born between 1970-1980s. Despite that the talk about the final childlessness to these generations is still too early the analysis allows to perceive the trend and identify some of the causes of childlessness.*

Keywords: childlessness, infertility, celibacy, marriage, female education.

Information about the author

Fakhrislamova Rozaliya Tashtimerovna (Moscow, Russia) – Postgraduate Student, Institute of Demography, NSU HSE (20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russia; e-mail: rfakhrislamova@gmail.com).

УДК 94(47):314

Фельдман М.А.

РАБОЧИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926 Г.

Аннотация. *В статье предпринята попытка дать комплексный анализ характеристик рабочих промышленности СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.; реконструировать с привлечением других источников образ «класса-гегемона современности» в конце 20-х гг. XX в.; сравнить характеристики промышленных рабочих СССР и Германии по переписи 1925 г., что позволит сопоставить количественные и качественные показатели промышленных рабочих стран на разных стадиях индустриального.*

Ключевые слова: Всесоюзная перепись, численность рабочих, занятость, квалификация, охрана труда, Россия, Германия.

Точность данных переписи 1926 г. не вызывает сомнения ни у нас в стране, ни а рубежом, Более того, перепись признана за рубежом эталоном, а у нас – классикой переписного дела. Но, как часто случалось в советской истории, полноценная статистическая база не сходилась с фундаментальным идеологическим постулатом, в данном случае – о наличии в СССР многочисленного рабочего класса, политически зрелого и готового к управлению великой страной, занимающего «ведущее положение в системе общественных отношений» [см.: 1, с. 424]. Подобные противоречия десятилетиями затрудняли аналитические исследования по указанной тематике.

В исторической литературе советского периода априори повествовалось о качественных отличиях рабочего класса страны Советов середины 20-х годов от дореволюционного пролетариата. Вместе с тем, материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. – одного из самых обширных опубликованных источников советского времени (56 томов) – историки рабочего класса СССР либо обходили стороной, либо приводили лишь отдельные цифровые показатели [см.: 1, с. 86, 90].

Прежде всего, следует отметить, что уникальность материалов переписи 1926 г. во многом определяется ее открытостью для исследователей и достоверностью. По материалам Всесоюзной переписи 1926 г. численность

рабочих цензовой промышленности СССР составляла 2291,1 тыс. человек [2, с. 2,3]. Как видно, к концу 1926 г. численность рабочих цензовой промышленности СССР (2291,1 тыс.) уступала численности дореволюционного пролетариата России (3114,9 тыс.) на 26,5%. Правда, следует отметить, что почти шестая часть российских рабочих до революции были заняты на предприятиях Польши и Прибалтики, ставших после 1917 г. «зарубежьем» [подсч. по: 3, с. 47-50]. Но даже с учетом сказанного, в декабре 1926 г. советский рабочий класс не достиг довоенного уровня численности (2,6 млн. на территории СССР). Приведенные цифры опровергают имеющийся в официальной советской литературе вывод о «завершении собирания сил рабочего класса к 1926 г.» [см.: 4, с. 2,3] и свидетельствуют о глубине социальных потрясений, в том числе в рабочей среде России за 1914-1922 гг.

Сопоставляя эти данные с численностью рабочих промышленности Германии (в июне 1925 г. – 9,781 млн. чел.) [5, с. 181], можно сделать вывод о том, что приведенные данные характеризуют два рабочих социума на разных стадиях индустриализации: рабочих промышленности СССР – на раннеиндустриальной стадии; рабочих промышленности Германии – на стадии завершенной индустриализации, однако также переживших и ужасы Первой мировой войны и разруху первых послевоенных лет. Справедливость подобного утверждения (и допустимость в принципе подобного сравнения) подтверждает и тот факт, к 1941 г. (т.е. после форсированной индустриализации в СССР) произойдет выравнивание численности промышленных рабочих двух стран. 11 566, 9 тыс. человек – в СССР [8] и 11 087,7 тыс. человек – в Германии [9, с. 79-93].

Перепись населения 1926 г. содержала материалы, позволяющие характеризовать место и роль рабочих в общей массе населения. Удельный вес фабрично-заводских рабочих в самодеятельном населении СССР составлял 2,7 % [2, с.2-3]. Для сравнения отметим, что аналогичный показатель (правда, всех промышленных рабочих, включая ремесленников) составлял в Германии в 1925 г. 21,8 % [5, с. 190; 9, с. 312]. Сравнение может показаться некорректным, если не учитывать важного обстоятельства: перепись 1926 г. фиксирует начальную точку бурной трансформации российских промышленных рабочих в последующие пятнадцать лет.

Что касается удельного веса фабрично-заводских рабочих в общей массе рабочих региона, то здесь на первом месте находился Ленинградско-Карельский район (55,7 %), заметно отличаясь от общесоюзного показателя (40,9 %) [2, с.2-3]. Относительно невысокий удельный вес фабрично-заводских рабочих объяснялся незавершенностью задач индустриализации в ряде регионов СССР.

Столь небольшой удельный вес рабочих цензовой промышленности СССР не мог не вызвать вопросов о самой возможности социума рабочих выступать гегемоном во всех областях государственной и общественной жизни. По нашим подсчетам, удельный вес рабочих цензовой промышленности в самодеятельном населении незначительно изменился в сравнении с показателями 1897 г. Это объяснялось не только последствиями эпохи революции и войн; не только несовпадением процессов демилитаризации и конверсии в экономике (явление, знакомое россиянам 90-х гг. XX в.), но и переменой самой парадигмы развития промышленности: в годы НЭПа оборонные заводы, которые со времени Петра (и по сей день) определяли и опережают темпы и характер индустриального

развития, перестали задавать главное направление и формы модернизации народного хозяйства.

Основная масса рабочих была сконцентрирована в европейской части СССР. Крупнейшими по численности фабрично-заводских рабочих регионами являлись Центрально-промышленный район (ЦПР) — 839,8 тыс., или 36,6 % союзных рабочих; Украинский — 509 тыс., или 22,2 %; Ленинградский (по материалам переписи 1926 г. — Ленинградско-Карельский) — 261,1 тыс., или 11,4 %; Уральская область — 150 тыс., или 6,5 % [подсч. по: 2. Т. LI. Отд. III. С. 134. Т. XXXVI. С. 2 - 17]. В четырех отмеченных промышленных районах было сконцентрировано 76,7% рабочих ценовой промышленности СССР. В 1913 г. этот показатель был ниже: примерно 65%. Как видно, при сохранении общей тенденции локального характера индустриализации в стране период войн, революционных потрясений, послевоенной разрухи вызвал однозначно негативное явление: сокращение численности промышленных кадров произошло прежде всего в провинциальной России.

При разработке материалов переписи 1926 г. за основу брался чисто профессиональный (а не производственный) признак. Анализ состава фабрично-заводских рабочих по профессиональному признаку показывает, что двумя крупнейшими отрядами советских рабочих оставались, как и до революции, металлурги (21,6 %) и текстильщики (20,8 %), при перемене за 1914-1926 гг. очередности мест указанных профессиональных отрядов. На долю горнорабочих в 1926 г. приходилось 8,6% численности всех рабочих. Сокращение в сравнении с довоенным временем доли рабочих кожевенной, пищевой, табачной отраслей, отнесенных к ценовой индустрии, в значительной степени объяснялось тем, что примерно равные по численности массивы рабочих указанных отраслей были отнесены и к крупной и к мелкой промышленности [10, с. 91]. Тот факт, что крупнейшей профессиональной группой среди промышленных рабочих СССР являлись металлисты, означал сохранение возможности продолжения индустриализации дореволюционной эпохи.

В Германии изменения занятости, связанные с отраслевой структурой, носили заметно меньший масштаб. Доля занятых в машиностроении и металлообработке составила 20,4 % в 1907 г. [11, с.374] и 21,7 % в 1925 г. Невелики были изменения и в легкой промышленности, где в 1925 г. в производстве одежды и обработке кожи было занято 13,5%, а в текстильной — 10,4 % промышленных рабочих [11, с.338], что отражало как стабильность отраслевой структуры промышленных рабочих на стадии завершенной индустриализации, так и особенности периода демилитаризации индустрии.

Результаты переписи 1926 г. позволяют увидеть различные аспекты социального состава рабочих СССР. Так, из всех рабочих ценовой промышленности только 41,5 % родились в городах и городских поселках [подсч. по: 2. Т. LI. Отд. III. С. 112]. Рабочий класс СССР в 1926 г. почти на 60 % оставался крестьянским по происхождению, но нельзя не видеть и весомые сдвиги за время, прошедшее с конца XIX в. Напомним, что по данным переписи 1897 г. примерно 20 % рабочих России происходили из семей рабочих. Среди остальных 80 % доминировали крестьянские пополнения [13, с. 107]. Удвоение рабочей прослойки по происхождению (с 20 % до 41,5 %) указывало на незавершенную, но,

тем не менее, очевидную динамику процесса формирования и воспроизводства постоянных кадров промышленного пролетариата советской страны.

Для сравнения отметим, что уже в довоенном 1913 г. 72 % рабочих промышленности Германии являлись выходцами из рабочих семей (к 1939 г. этот показатель изменился незначительно – до 80 %) [подсч. по: 9, с. 314]. Это позволяет говорить как о высокой норме самопополнения, так и о незначительности слоя маргиналов в составе промышленного рабочего класса Германии. Кроме того, очевидно было и устойчивое преобладание городских жителей среди промышленных рабочих, что также, в свою очередь, способствовало ускоренному формированию рабочих индустриальной эпохи.

Среди всех рабочих цензовой промышленности СССР 39,4 % были зарегистрированы как местные уроженцы, 28 % рабочих от числа «не местных» в декабре 1926 г. проживала в своих поселениях с довоенного времени, то есть 12 и более лет [подсч. по: 2. Т. LI . Отд. III. С. 134] – срок достаточный для того, чтобы перестать считать себя пришлыми, но зачастую малый для превращения, подобно местным рабочим, во владельцев жилищ и земельных участков. Таким образом, 56,4% всех рабочих цензовой промышленности СССР являлись либо местными уроженцами, либо прожившими вблизи предприятий не менее 12 лет. Это означало не только то, что костяк довоенного рабочего социума был сохранен, но выступало и проявлением прочности индустриального потенциала России.

По материалам переписи 1926 г. в СССР 51,9 % фабрично-заводских рабочих относились к категории квалифицированных (профессий со средней тарифной оценкой не ниже 6-го разряда); 25,6 % — к полуквалифицированным (тарифная ставка в границах 4-6 разрядов); 22,5 % — к неквалифицированным (тарифная ставка не выше 4 разряда) [10, с. 93]. Однако примечательна оговорка Л. И. Васькиной: к разряду квалифицированных были отнесены и рабочие, с профессиями «не требующими обучения, как например, саночники или вагонщики в горном деле, которые занимают высокое место в тарифной шкале, в силу особо тяжелых условий их труда» [10, с. 92].

В рассматриваемый период заметными стали изменения в демографической структуре рабочих. При прерывной динамике удельного веса женщин среди всех рабочих цензовой промышленности России и СССР: 27 % в 1900 г., 31 % в 1913 г., 27,3 % — в 1926 г. [2. Т. LI . Отд. III. С. 112], усиливалась специализация ряда отраслей в зависимости от пола рабочих.

Удельный вес женщин в промышленности Германии 1925 г. составлял 21,4 %, но только 14,4 % — среди рабочих основных профессий [5, с. 193], отражая объективные затруднения на пути к индустриальному труду для «слабого пола».

Возрастной состав рабочих цензовой промышленности в декабре 1926 г. показывал следующие закономерности. Во-первых, сокращение более чем в два раза в сравнении с 1913 г. удельного веса рабочих до 18 лет. Наличие только 5,7 % рабочих этой категории в 1926 г. объяснялось возросшей конкуренцией за рабочие места и положениями Кодекса о труде [3, с. 16-35].

Во-вторых, заметной разницей возрастных категорий 20-24 лет (21%) и 25-29 лет (17,7%), как следствие активного участия более старшей группы рабочих в Гражданской войне.

В Германии влияние Первой мировой войны также отчетливо просматривалось при сопоставлении категории рабочих-мужчин 20-24 лет (18 %) и

25-29 лет (12,8 %), но особенно у возрастных групп 20-29 лет (30,8 %) и 30-39 лет (16,9 %), также фиксируя «двойное неравенство» [5, s. 194].

В-третьих, сохранение крайне тяжелых условий индустриализации в большинстве заводских цехов, шахтах и рудниках определяло и быстрое вымывание из рядов рабочего класса пролетариев старших возрастов (50 лет и старше).

Для сравнения отметим, что в Германии по переписи 1925 г. рабочих старше 50 лет насчитывалось почти в два раза больше — 13,2 % [5, s. 192-193]. Различие в удельном весе рабочих старше 50 лет может рассматриваться и как отличие в цене различных стадий индустриализации для рабочих, в данном случае, более безопасных условий труда [14, с. 43].

С другой стороны, увеличение доли российских промышленных рабочих старше 40 лет за период 1897– 1926 гг. с 19,5 до 23% выступало как следствие медленного, но все-таки очевидного улучшения условий труда. В целом, изменения половозрастного характера указывают на тенденцию возвращения к традиционной для дореволюционной России половой и возрастной структуре рабочего класса.

Важное значение имели данные переписи, касающиеся семейного состояния рабочих ценовой промышленности. 68,6 % мужчин-рабочих СССР были женаты, но только 42 % женщин-работниц были замужем. В промышленности Германии 1925 г. эти показатели составляли соответственно 50,2% у мужчин и 20,2 % у женщин [5, s. 189].

Каждая шестая работница в ценовой промышленности СССР была вдовой, у рабочих-мужчин показатель вдовцов немногим превышал 1 % от числа всех рабочих. Отметим и непопулярность разводов в рабочей среде. В разводе состояли только 0,5 % рабочих-мужчин и 4 % женщин-работниц [подсч. по: 2. Т. LI. Отд. III. С. 30]. Как видно, испытания, выпавшие на долю рабочего класса в годы революций и войн не могли не сказаться на семейном состоянии рабочих ценовой промышленности страны, определяя и различия брачного статуса рабочих-мужчин и женщин-работниц. В Германии, избежавшей ужасов Гражданской войны, доля вдов среди работниц была существенно (почти вдвое) ниже, не превышая 9 % [5, s. 190].

Анализ общеобразовательной подготовки рабочих ценовой промышленности СССР в отраслевом разрезе в 1926 г. позволяет выделить три группы: печатников, уровень грамотности у которых был близок к 100 %; противоположную группу составлял многочисленный отряд текстильщиков — здесь грамотность составляла 75,4%. Немногим выше был потолок грамотности у горнорабочих — 77,4 %. Большинство же отраслевых отрядов рабочих имело достаточно близкий диапазон показателей грамотности: 94-85%, при среднем показателе грамотности для всех промышленных рабочих СССР 84,1% [подсч. по: 2. Т. XXXIV. С. 16 —35]. Рост грамотности промышленных рабочих СССР в сравнении с 1897 г. (48 %) [14, с. 179] представляется значительным, он превышал средний показатель для всего населения (40,7%) [14, с. 165], но вместе с тем технический уровень промышленности СССР допускал сохранение широких масс рабочих с низким общеобразовательным уровнем, позволял достигать квалификационных навыков не за счет образования, а за счет опыта и производственного стажа.

Проблема заключалась в том, что новый этап индустриализации требовал качественно иного рабочего – получившего школьную подготовку в объеме неполного среднего образования [16, с. 257, 259]. Отсутствие такого образовательного уровня у подавляющего большинства промышленных рабочих СССР становилось тормозом развития страны. Вместе с тем, следует отметить, что уже в 1920-е гг. в СССР шел «по нарастающей» процесс усложнения форм общей и профессиональной подготовки рабочих. Сложность соревнования с Германией по этому направлению заключалась в том, что всеобщность форм обучения не подкреплялась принципом обязательности.

Для успешного соревнования с промышленностью Германии советскому руководству требовалось существенно поднять планку общеобразовательного уровня индустриальных рабочих. По большому счету, за предвоенные пятилетки удалось существенно сблизить образовательные и квалификационные характеристики рабочих ведущих профессий СССР и Германии.

Результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г. дали комплексные данные о жилищных условиях рабочих всей страны. Подобных обследований до 1941 г. больше не проводилось. В декабре 1926 г. 25,6 % семей рабочих фабрично-заводской промышленности СССР жили в собственных домах [подсч. по: 2. Т. LIV. С. 324—325] (по материалам переписи 1918 г. — 30 %) [14, с. 121]. Это означало, что основной массив российских рабочих-владельцев своего жилья сохранился. Как и до революции, подобный показатель был ничтожен в столицах.

В фабрично-заводской промышленности СССР из общего числа рабочих ценовой индустрии и членов их семей (4 млн. человек) целый дом занимали 19,6 %; отдельную квартиру – 26,3 %, часть квартиры – 52 % (в том числе: более одной комнаты – 11,4 %; одну комнату – 27,7 %; часть комнаты – 15,9 %); нежилые помещения – 0,6 %, проживали в общежитиях — 0,8%. Таким образом, градация рабочих СССР на домохозяев, квартиросъемщиков, и не имеющих своего жилья, не только сохранилась, но и приобрела большую остроту, чем до революции. Средняя норма обеспеченности жильем у рабочих крупной промышленности СССР составляла 4,65 м² [подсч. по: 2. Т. LIV . С. 302-303, 306-307, 308-309], или вдвое ниже санитарной нормы. В целом к декабрю 1926 г. можно отметить некоторое улучшение жилищных условий рабочих СССР. Прежде всего, в отличие от дореволюционного времени, только небольшая доля семейных рабочих и в столицах, и в провинции проживала в общежитиях и в нежилых помещениях.

Сознавая условность сравнения, отметим: в 1926 г. в рабочих округах Парижа 85 % семей проживали в двух комнатах [17, с. 104]. В Москве аналогичный показатель не превышал 12,4 %. К 1927 гг. оставался невысоким (28%) удельный вес семей рабочих СССР, жилища которых имели водопровод; но (в сравнении с 1923 г.) возросла доля рабочих, пользовавшихся электричеством (с 52,6 % до 64,8 %). Правда, в отличие от столиц, рабочие поселки и города с населением до 150 тыс. человек практически не пользовались канализацией и центральным отоплением [18, с. 26-27].

Период НЭПа привел к восстановлению к концу 1926 г. социокультурного типа рабочего, существовавшего до 1917 г., весьма отличного от «классического, по Марксу» пролетария, но при уменьшении масштаба аграрного труда и связанных с ним социокультурных традиций.

Промышленные рабочие СССР (по официальной терминологии – «класс-гегемон») оставались низкооплачиваемой социальной общностью, что в 1926-1927 гг. еще открыто признавалось в научных и публицистических журналах. Показательна в этом плане статья Л.Забелина в журнале Наркомата труда «Вопросы труда» в «юбилейном номере» за октябрь 1927 г. Автор с беспокойством указывал, что степень расхождения между зарплатой в наиболее высоко и наиболее низко оплачиваемой отраслях промышленности значительно уменьшилась. В 1913 г. оно выражалось коэффициентом 2,1; в 1922/23 г. – 2,2; в 1923/24 г. – 1,9; в 1924/25 г. – 1,8; в 1925/26 г. – 1,6 [19, с. 86]. В той же статье Л.Забелин отмечал: реальная заработная плата в 1925/6 г. отставала от довоенной, составляя по всей промышленности (планируемой ВСНХ) 90,8 %; в добывающей – 73 %; в металлической (машиностроении и металлургии) – 81%. Только в химической, бумажной, легкой и пищевой промышленности наблюдалось превышение довоенного уровня оплаты труда [19, с. 84-85]. По сути, в косвенной форме журналом «Вопросы труда» давалась оценка политики Советского государства в области заработной платы. Ситуация в сфере заработной платы свидетельствовала: в тяжелом положении в первой половине 20-х гг. оказались рабочие всей промышленности СССР.

Бедность подавляющего числа рабочих определяла и подлинную картину культурных расходов рабочих семей. Удельный вес подобных культурно-просветительских расходов составлял: 1,7 % в декабре 1922 г.; 1,7 % – в ноябре 1926 г., 1,8 % – в ноябре 1927 г. [20, с. 28]. Таким образом, помимо констатации крайне небольшой доли культурно-просветительских расходов рабочих семей, следует отметить и консервацию этой доли в годы НЭПа. Важной чертой является и сокращение затрат рабочих на культурные потребности в сравнении с дореволюционной эпохой. Скромно смотрелись культурно-просветительские расходы рабочих семей СССР (1,8 % – в ноябре 1927 г.) на фоне аналогичных расходов США (4,7 % в 1918 г.) и веймарской Германии (5,4 % в 1926 г.) [20, с. 76].

Примечательная черта: ряд опубликованных источников в конце 20-х гг. в косвенной форме признавал тот факт, что рабочие промышленности СССР в 1927/28 г. могли приобрести меньше товаров и продуктов, чем в 1913 г. [21, с. 8-10]. Наши подсчеты подтверждают мнение Ю.М. Иванова о том, что жизненный уровень российского пролетариата в 20-е гг. оставался ниже того, который существовал в царской России, и это был факт, признаваемый до 1927 г. (по официальным данным, средняя месячная зарплата рабочих ценовой промышленности СССР в 1925/26 г. достигла 91,3 % уровня 1913 г.) [22, с. 28, 32].

Еще одним следствием уравнительной политики стало уменьшение удельного веса высокооплачиваемых рабочих. По всей стране доля рабочих, получавших зарплату в размере более двух средних заработков, сократилась за 1924-1928 гг. с 6,7 % до 5,8 % [23, с. 47], тогда как в июне 1914 г. она составила 9,7 % [подсч. по: 24, с. 312-313]. С точки зрения борьбы с «рабочей аристократией» результаты были налицо. В наибольшей степени такие идеологически выверенные результаты были «удачными» в металлопромышленности: в 1929 г. только 1,8 % рабочих-металлургов мужского пола получала зарплату в размере более двух средних заработков [подсч. по: 25, с. 275-276]. Как видно, выстроенная в 1920-е гг. система оплаты труда рабочих содержала весьма низкую мотивацию к труду.

Иллюзии советских лидеров в отношении квалифицированных рабочих крупных предприятий как авангарда самого революционного класса исчезали. В двух постановлениях ЦК ВКП (б) — «О регулировании роста партии» (декабрь 1926 г.) и «О партийной работе на крупных предприятиях» (август 1927 г.) — говорилось, что партийная прослойка на крупных предприятиях меньше, чем на мелких и средних; отмечены трудности привлечения в партийные ряды кадровых, квалифицированных рабочих [26, с. 504, 506, 514]. Характерно, что в последующих документах ЦК ВКП (б) вопрос о привлечении кадровых, квалифицированных рабочих отходит на второй план, уступив место, привлечению рабочих вообще [см.: 27]. Ситуация с привлечением рабочих в партию наводит на мысль о невысокой степени покорности власти (в данном случае к концу 20-х гг.) того слоя населения, именем которого каждодневно клялась власть.

Анализ материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. в совокупности с иными документами социологического характера позволяет сделать вывод как о тенденциях социального поведения промышленных рабочих СССР, так и о прозрении руководства Советского государства в отношении самого «передового класса». Если декларируемая социальная политика продолжала утверждать о диктатуре пролетариата, то реальная содержала совсем иные действия. Рубеж 1926-1927 гг. стал определенным водоразделом этапа относительно «мягкой» рабочей политики, и периода формирования курса сталинской пролетарской политики, известной историкам по трем предвоенным пятилеткам.

Публикация материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. и сопутствующих статей выявили подлинное лицо промышленных рабочих СССР. Лицо, далекое от классических схем марксизма; лицо относительно немногочисленного, бедного и низшего слоя общества; с весьма невысоким образовательным уровнем; к тому же не желающего покорно сносить эксплуатацию со стороны государства. Подобные выводы потенциально вытекали из статистических материалов переписи; они осознавались, но не афишировались специалистами; руководством страны. Больше на столь откровенные публикации о социальном положении советских людей лидеры СССР не решались. Отчуждение власти от рабочих промышленности в конце 1920-х гг. — начале 1930-х гг. вышло на принципиально новый уровень, подталкивая к переходу большевизма в стадию сталинизма, формируя предпосылки к утверждению тоталитарного государства; индустриального рывка за счет подавления и ограбления большинства населения страны Советов, включая промышленных рабочих.

Вместе с тем, для успешного соревнования с промышленностью капиталистических стран советское руководство было вынуждено заняться общегосударственными программами общеобразовательной и профессионально-технической подготовки индустриальных рабочих. Собственно говоря, в этом проявлялась двойственность большевизма, практики «социалистического строительства»: конкретная на каждом историческом этапе (по форме и результатам) история столкновений двух тенденций — прагматической и утопическо-террористической.

Будучи сама по себе уникальным источником информации о характеристиках рабочего класса, Всесоюзная перепись населения СССР 1926 г. (в контексте сравнения с данными Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г.) потенциально показывала возможность успешного рывка и сближения с

показателями промышленных рабочих высокоразвитого европейского государства – главного соперника советской державы.

Библиографический список

1. История советского рабочего класса. В 6-ти томах. Т.2. М., 1984.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1930-1932.
3. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900-1914 гг. М., 1976.
4. Очерки истории профессионально-технического образования в СССР // под ред. С.Я. Батышева. М., 1981.
5. Statistik des Deutschen Reichs. Band 408. Volks, Berufe – und Betriebszahlung vom 16. Juni 1925. Berlin, 1931.
6. РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д. 1475. Л. 39.
7. Фельдман М.А. Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941: сравнительный анализ // Российская история. 2009. № 6.
8. Statistik des Deutschen Reichs. Band 556, 1. Berlin, 1939. S. 34.
9. Веллер. Г.У. История развития немецкого общества. 4 том. 1914-1949 гг. Мюнхен. 2003.
10. Васькина Л.И. Рабочий класс СССР накануне социалистической индустриализации (численность, состав, размещение). М., 1981.
11. Воблый К. Третья профессионально-промысловая перепись в Германии. (Опыт аналитико-методологического исследования). Киев, 1911.
12. Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland seit dem Ende des 18. Jahrhunderts / hrsg. von Gerhard A Ritter.- Bonn: Dietz. Bd. 12.
13. Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861-1917. М., 1966.
14. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900-1941 гг. М., 2009.
15. Население России в XX веке. В 3-х т. Исторические очерки. Т.1. 1900-1939 гг. М. 2000.
16. Плановое хозяйство. 1929. № 3.
17. Вопросы труда. 1929. № 1. С.104.
18. Введенский А.С. Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата СССР. М.– Л., 1932.
19. Вопросы труда. 1927. № 10. С.86.
20. Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Быт рабочей семьи в 1922-1927 гг.
21. Рабочие Урала – рабочим Москвы. М., 1930. С.8,10.
22. Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 1920- начале 1930 – х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28, 32.
23. Вопросы труда, 1930. № 6. С. 47.
24. Россия: 1913 г. Статистически-документальный справочник. СПб., 1913.
25. Люстрых Е. Влияние образования и стажа на эффективность труда // Плановое хозяйство. 1930. № 7- 8.
26. Справочник партийного работника. Вып. 6. Ч.1. М., 1928.
27. РГА СПИ. Ф.17. Оп.69. Д. 677. Л. 63-65.

© Фельдман М.А., 2015. Текст

Информация об авторе

Фельдман Михаил Аркадьевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор исторических наук профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института – филиала Академии народного хозяйства и государствен-

ной службы при Президенте РФ (620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: feldman-mih@yandex.ru).

Feldman M.A.

INDUSTRIAL WORKERS OF THE USSR BY MATERIALS OF ALL-UNION POPULATION CENSUS – 1926

Abstract. *An attempt to give the complex analysis of industrial workers characteristics in the USSR by materials of All-Union population census – 1926 is made in the article. With attraction of other sources the author tries to reconstruct an image of "a present predominant force class" in the late twenties of the XX century, to compare characteristics of industrial workers of the USSR and Germany (census of 1925) allowing to compare quantitative and qualitative indicators of the industrial working countries at different stages of industrial development.*

Keywords: All-Union census, number of workers, employment, qualification, labor protection, Russia, Germany.

Information about the author

Feldman Michael Arkadievich (Yekaterinburg, Russia) – Professor, Doctor of Historical sciences, Professor of Public Administration and Political Technologies of the Ural Institute – the branch of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (66, 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: feldman-mih@yandex.ru).

УДК 314

Цхай Л.А.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВОЛНЫ В УЗБЕКИСТАНЕ (ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВА)

Аннотация. *Узбекистан находится в условиях, относительно благоприятных с точки зрения возрастного состава населения. Страна вступила в выгодный для нее период роста численности и доли наиболее активных групп населения – лиц в рабочих возрастах, женщин материнского возраста. Поэтому понимание как предшествующих, так и существующих демографических количественных и качественных изменений в республике чрезвычайно важно. Демографические тренды в прошлом непременно найдут свое отражение в перспективе, и могут нести в себе как позитивные тенденции, так и представлять определенные риски. Также актуальными становятся вопросы оценки и прогнозирования демографических процессов в республике, их дальнейшее влияние на экономическое развитие страны и эффективности мер в области развития человеческого капитала.*

Ключевые слова: демографический взрыв, коэффициент суммарной рождаемости, «бэйби-бум», смертность, долгосрочная перспектива.

Мировые тенденции. Наибольшее значение глубокого исследования демографического развития и его последствий приобрело в середине XX века в связи с демографическим взрывом, характеризующимся небывалым ростом населения во многих регионах мира. На этом фоне темпы прироста в 1960-е годы (пик демографического взрыва) оказались беспрецедентными (табл.1). Тогда и возникло понятие «демографический взрыв» — резкое увеличение прироста населения за счет увеличения рождаемости и снижения смертности.

Таблица 1

**Основные демографические показатели по регионам мира
за 1950-1960 и 2005-2013 гг.**

Регион	1950-1960 гг.	2005-2013 гг.	1950-1960 гг.	2005-2013 гг.	1950-1960 гг.	2005-2013 гг.	1950-1960 гг.	2005-2013 гг.	1950-1960 гг.	2005-2013 гг.
	Общий коэффициент рождаемости на 1000 населения		Число детей, приходящееся на одну женщину фертильного возраста (КСР)		Общий коэффициент смертности на 1000 населения		Сальдо миграции на 1000 населения		Среднегодовой темп прироста, %	
Мир	37	20	4,97	2,53	19	8	0,00	0,00	1,8	1,2
Африка	48	37	6,60	4,88	27	12	-0,49	-0,37	2,1	2,5
Азия	42	18	5,83	2,25	23	7	-0,03	-0,48	1,9	1,1
Европа	22	11	2,67	1,54	10	8	-0,45	2,52	1,0	0,2
Латинская Америка и Карибские острова	43	19	5,86	2,30	16	6	0,02	-1,84	2,7	1,2
Северная Америка	25	14	3,35	2,02	10	8	1,80	3,82	1,7	0,9
Океания	27	18	3,84	2,47	12	7	7,15	6,19	2,2	1,7

Источник: данные ООН, июнь 2013 г.

Демографический взрыв бывает двух видов: малый демографический взрыв и большой. Малый демографический взрыв имеет региональное значение. Такой процесс был типичен для большинства европейских стран т.е. не оказал большого влияния на изменение численности мирового населения. Надо отметить тот факт, что для Европы в тот период своеобразным амортизатором, снимавшим демографическое давление, служила эмиграция в Америку.

При большом демографическом взрыве наблюдается значительное превышение числа рождений над числом смертей, следовательно, возрастают и темпы прироста населения. Большой демографический взрыв характерен для большинства развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, и начало его относится к 1950-м годам. В настоящее время демографический взрыв в этих странах превратился в мировой и, по оценкам специалистов, сейчас им охвачено около 80% населения мира.

Таким образом, на разных континентах, в разных регионах и странах нашей планеты демографические процессы развиваются с разной скоростью, различна их структура и характер, различны и пути решения появляющихся проблем.

Демографические тенденции в Узбекистане. В динамике численности населения Узбекистана также прослеживается процесс пережитого «демографического взрыва», который охватил периоды конца 1960-х годов (1967 г.) и начала 1990-х годов (1992 г.), когда среднегодовой темп прироста составлял 2,8-3,0% (рис. 1). Это свидетельство того, что демографические процессы республики развивались в русле мировых тенденций (за исключением стран американского и австралийского континентов, рост численности которых, кроме высокого естественного прироста, проходил и за счет значительного миграционного притока и был, естественно, выше).

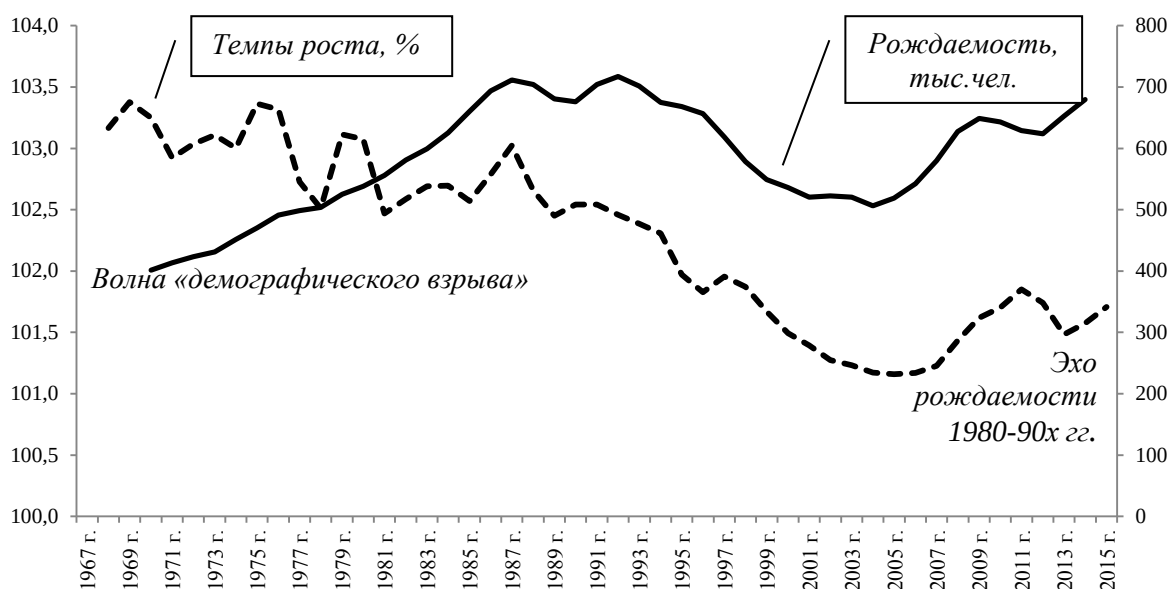

Рисунок 1. Среднегодовые темпы роста населения, % и уровень рождаемости, тыс.чел, 1967-2015 гг.*

* Рисунок выполнен по данным Госкомстата РУз.

Рассмотрим подробнее исторический аспект демографического развития республики, отразившийся на современной ситуации и дадим оценку на долгосрочную перспективу до 2035 г.

Демографический взрыв характеризуется резким повышением уровня рождаемости, который не наблюдался до этого периода и после. Последующее последствие «бэйби-бума» найдет свое логическое отражение в дальнейших периодах, когда данное поколение вступит в репродуктивный возраст, пусть не с такой интенсивностью рождений, приходящихся на 1 женщину репродуктивного возраста.

В случае с Узбекистаном, судя по динамике основных факторов естественного прироста, какими являются рождаемость и смертность, начиная с 1967 по 1979 гг. темп прироста численности населения республики составлял 3,0%, показатель рождаемости в то время находился на уровне 35 рождений на 1000 населения, смертность в то время, как и в настоящее, была незначительна – 5-6 случаев на 1000 населения, соответственно, естественный прирост составлял 29 промилле. С 1980 по 1992 гг. среднегодовой темп прироста составил 2,6%, уровень рождаемости сохранился, а показатель смертности повысился до 7,5 случаев на 1000 населения, естественный прирост составил 27 промилле. Можно с уверенностью сказать, что как в тот период, так и в настоящее время определяющим фактором воспроизводства населения, задающим темп роста, остается рождаемость. Можно подчеркнуть, что и механическое движение на тот период было относительно стабильно и особо не отразилось на темпах роста численности населения.

Начиная с 1993 по 2004 гг. в республике происходило непрерывное снижение темпов прироста численности населения, с 2,2% до 1,1% соответственно.

Тенденция замедления демографического роста в республике обусловлена достаточно ощутимым воздействием двух важнейших факторов: снижением уровня рождаемости и увеличением (по сравнению с 1970-1980-ми годами) миграционного оттока населения за пределы республики.

Наиболее значимым из них является снижение рождаемости. Период с 1993 по 2004 годы характеризуется резким снижением рождаемости. Общий коэффициент рождаемости в Узбекистане уменьшился за этот период с 34-35 до 19 – 20 промилле, т.е. в 1,8 раза. Суммарный коэффициент рождаемости, т.е. среднее число детей, приходящихся на 1 женщину репродуктивного возраста, снизился с 4,199 до 2,357 (в 1,8 раза). Тенденция снижения рождаемости наглядно проявляется и в динамике абсолютных показателей. Численность новорожденных сократилась с 710,5 тыс. в 1992 г. до 504,4 тыс. в 2004 г. – почти в полтора раза.

Кроме того, происходят глубокие преобразования демографической сферы. Это проявляется в рационализации демоовоспроизводства, росте продолжительности жизни людей, увеличении интенсивности миграционной подвижности населения. Эти изменения отражаются и одновременно обуславливаются процессами урбанизации и старением населения, изменениями в семейно-брачных отношениях.

С 2005 по 2008 г. темп прироста населения увеличился с 1,2% до 1,5% соответственно. А уже с 2009 г. по настоящее время среднегодовой темп прироста стабилизировался на уровне 1,7%. Прежде всего этот процесс связан с увеличением уровня рождаемости, т.к. в репродуктивный возраст вступило поколение 1980-90-х годов², когда рождаемость была свыше 700 тыс., а показатель коэффициента рождаемости имел значение 37 рождений на 1000 населения. Сейчас этот показатель составляет 22 рождения на 1000 населения. В связи с тем, что репродуктивные установки планирования семьи изменились в сторону уменьшения, т.е. если в 1980-90х гг. приходилось в среднем 5-6 детей на одну женщину репродуктивного возраста (15-49 лет), то в настоящее время это значение составляет чуть более двух детей, причем в городе - 1,9, а на селе – 2,4 ребенка. Это отразилось на оптимизации темпов роста населения.

В перспективе третья волна высокой рождаемости 2009-2014 гг. (эхо 1980-90х гг.) найдет свое отражение в начале 2030-х гг., но с наименьшей интенсивностью (всплеска увеличения темпов роста не будет наблюдаться), т.к. доля женщин в возрасте 20-29 лет в общей численности женщин репродуктивного возраста сократится с 36% в 2015 г. до 27%, число детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста, и в городе, и на селе сравняется на уровне двух, общий коэффициент рождаемости составит 16,6 рождений на 1000 населения. Среднегодовой темп прироста к 2035 г. снизится до 1,0% против 1,7% в 2014 г. (рис. 2).

² Имеется в виду возрастная когорта женщин 20-29 лет, на которую приходится наибольшая интенсивность 80% всех рождений.

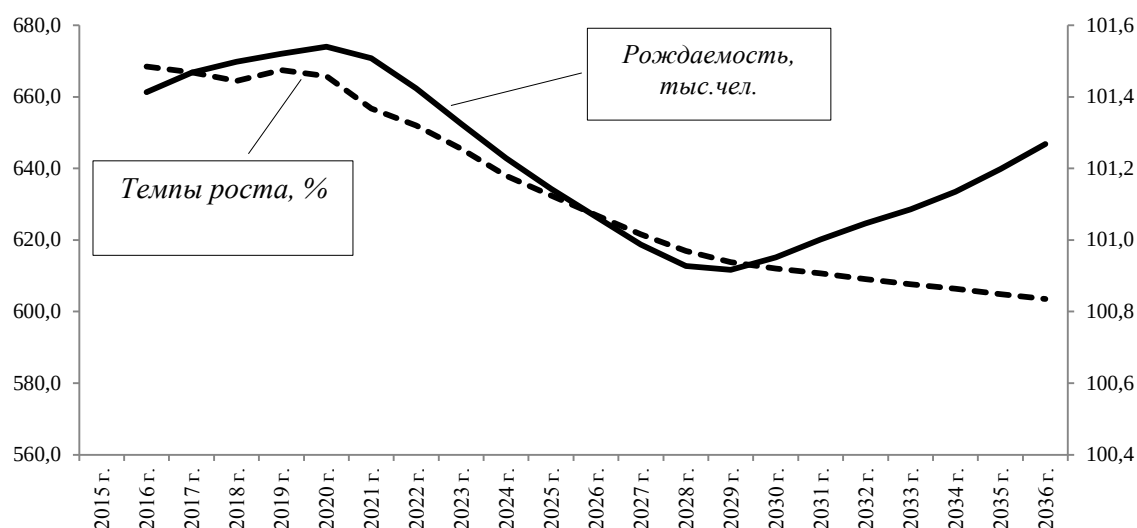

Рисунок 2. Среднегодовые темпы роста населения, % и уровень рождаемости, тыс.чел, 2015-2035 гг.*

* Рисунок выполнен по прогнозным оценкам автора.

В настоящее время демографические проблемы признаны в качестве важнейших ключевых проблем человечества. В частности, в Узбекистане на сегодняшний день, эти вопросы становятся особенно актуальными. Динамика численности населения, размещение, его структура нередко выступают стратегическими факторами экономического развития и формирования его параметров на перспективу.

Исходя из этого, в большинстве регионов мира и в нашей стране сформировались основные приоритеты в области количественного и качественного развития народонаселения. Среди них важнейшими являются детская и материнская смертность, здоровье и репродуктивное здоровье, планирование семьи, повышение уровня и доступности всех ступеней образования, уровень благосостояния населения, сокращение малообеспеченности. Решение этих задач имеет огромное практическое значение как со стороны деятельности правительств, так и международного сообщества.

Стоит подчеркнуть, что для нашей республики остаются актуальными проблемы, решение которых должно быть приоритетным в перспективе: отставание от развитых стран по уровню младенческой смертности; гендерный разрыв в продолжительности жизни; «омоложение» ряда заболеваний, недостаточная профилактическая помощь населению; проблемы со здоровьем в экологически неблагоприятных регионах; начавшееся демографическое старение; растущие масштабы трудовой миграции (внешней и внутренней); относительно низкая социальная мобильность и др.

© Цхай Л.А., 2015.Текст.

Информация об авторе

Цхай Лана Александровна (г. Ташкент, Республика Узбекистан) – научный сотрудник, Республиканский научно-практический центр «Оила», (Центр «Семьи») (Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул.Мустакиллик, 5; e-mail: oilamarkazi@umail.uz).

THE DEMOGRAPHIC WAVES IN UZBEKISTAN (PAST, PRESENT AND PROSPECT)

Abstract. *Uzbekistan is in relatively favorable conditions in terms of age distribution of its population. The country has entered a profitable period of growth of quantity as well as the proportion of the most active groups of population, such as people of working age and maternal age women. Therefore, understanding of both previous and existing demographic quantitative and qualitative changes is extremely important. Demographic trends in the past will undoubtedly have a reflection in the long term and may carry both positive trends and specific risks. In addition the questions of evaluation and prediction of demographic processes in the republic are becoming relevant as well as their further impact on the economic development of the country and the effectiveness of measures in the field of human capital development.*

Keywords: population explosion, total fertility rate, baby-boom, mortality, long-term perspective.

Information about the author

Tskhay Lana Alexandrovna (Tashkent, Uzbekistan) – Researcher, Republican Scientific Practical Center “Oila” (Center «Family»), (5, Mustakillik St., Tashkent, Uzbekistan; e-mail: oilamarkazi@umail.uz).

УДК 314.145

Цыдыпова Б.Д., Урантуул Б.

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В МОНГОЛИИ

Аннотация. *В статье представлен анализ демографической ситуации в Монголии за 2005-2014 годы. Население Монголии рассмотрено в разрезе его половозрастной структуры. При анализе возрастных групп населения Монголии рассчитан его средний возраст.*

Ключевые слова: демография, миграция, занятость, рынок труда, безработица.

Анализ численности населения в Монголии на современном этапе приобретает исключительно важное значение. В январе 2015 года в Монголии родился трехмиллионный гражданин.

В Монголии переход от централизованно планируемой экономики к рыночным принципам сопровождался значительным ростом в экономике, особенно за последние пять лет. Рост экономики, как правило, влечет за собой рост в демографии. Численность и состав населения являются ключевыми и базисными показателями демографической ситуации в стране. В связи с этим на данном этапе актуальным является изучение динамики и тенденций развития населения.

В данном исследовании был проведен анализ динамики численности населения за 2005-2014 годы. В 2014 году общая численность населения Монголии составила 2 995 949 чел. По сравнению с состоянием на 2005 год, абсолютный прирост составил 444 868 чел., а темп роста – 115,41%, т.е за последние 10 лет численность населения увеличилась на 15,41%. За этот период численность населения Монголии в среднем увеличивалась на 63 552 человек в год, средний темп прироста составил 1,80%, что связано с резким увеличением рождаемости и сокращением смертности. С 2005 года естественный прирост населения Монголии увеличился с 28846 чел. до 61685 чел. в 2012 году.

Если сравнивать рост сельского и городского населения, то можно сказать, что с каждым годом сельское население сокращается за счет переселения граждан из сел в города.

За последние 10 лет численность сельского населения уменьшилась на 30577 чел., а городское население резко увеличилось – на 347240 чел. Самое значительное перемещение населения можно увидеть в период 2010-2011 гг., когда темп прироста сельского населения составил -9,88%, в то время как темп прироста городского населения – 7,78%. В структуре населения Монголии 65% занимают городские жители. В 2005 году уровень урбанизации составлял 61,91%, в 2014 году – вырос до 69,21%, что свидетельствует об увеличении внутренней миграции населения.

Население Монголии также было рассмотрено в связи с половозрастным признаком. По данным на 2014 год на долю женского населения приходилось 52% от всей его численности. В целом за период 2005-2014 гг. средний темп прироста мужского населения составил 1,38%, а женского – 1,98%.

При анализе возрастных групп населения Монголии был рассчитан средний возраст населения. В начале рассматриваемого периода он составлял 28,62 года, а в конце – 29,94 лет. Такое изменение связано с увеличением средней продолжительности жизни населения. При изучении возрастов по половому признаку видно, что по состоянию на 2014 год средний возраст женщин составил 30,47 года, мужчин – 29,39 года. В целом можно сделать вывод, что Монголия является молодой нацией, с преобладанием численности населения до 28 лет.

По данным на 2012 год на территории Монгольского государства проживало 22 336 иностранных граждан, по сравнению с 2012 годом данное число сократилось на более чем 4000 человек. Среди иностранных граждан больше всего граждан Китая (44%), следом идут корейцы и русские. Такое преобладание мигрантов из Китая связано с географическим положением, а также с экономическим сотрудничеством стран.

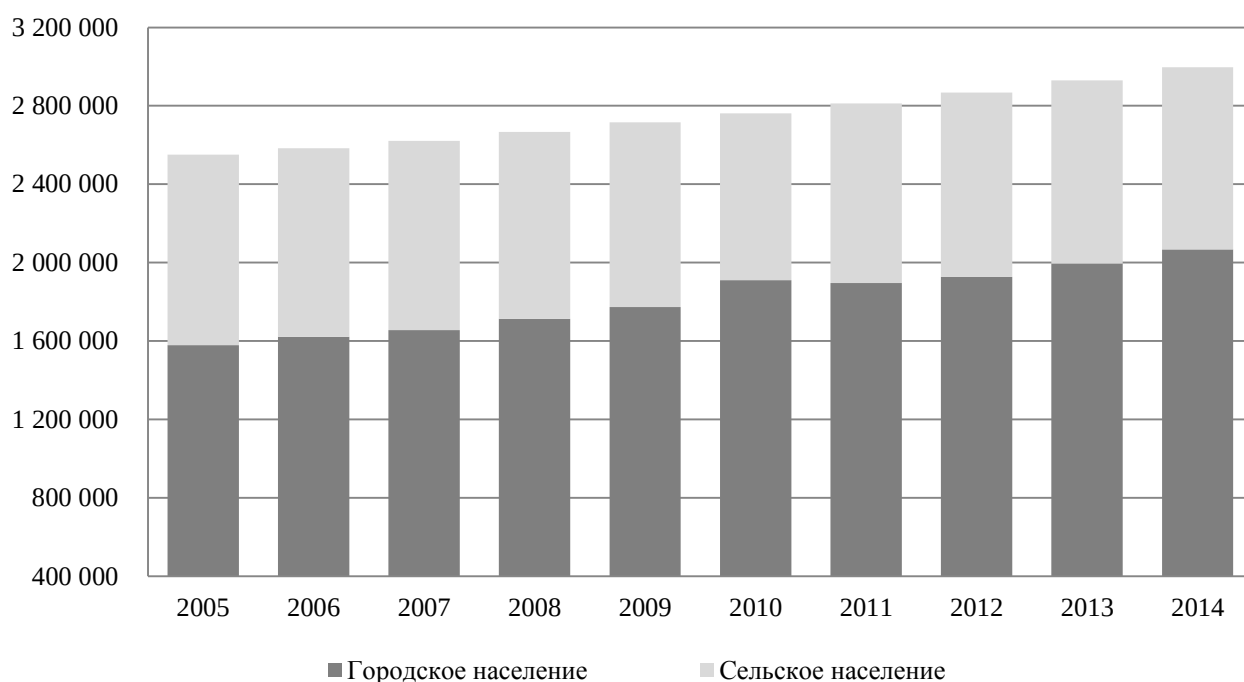

Рисунок 1. Динамика численности населения Монголии 2005-2014 гг.

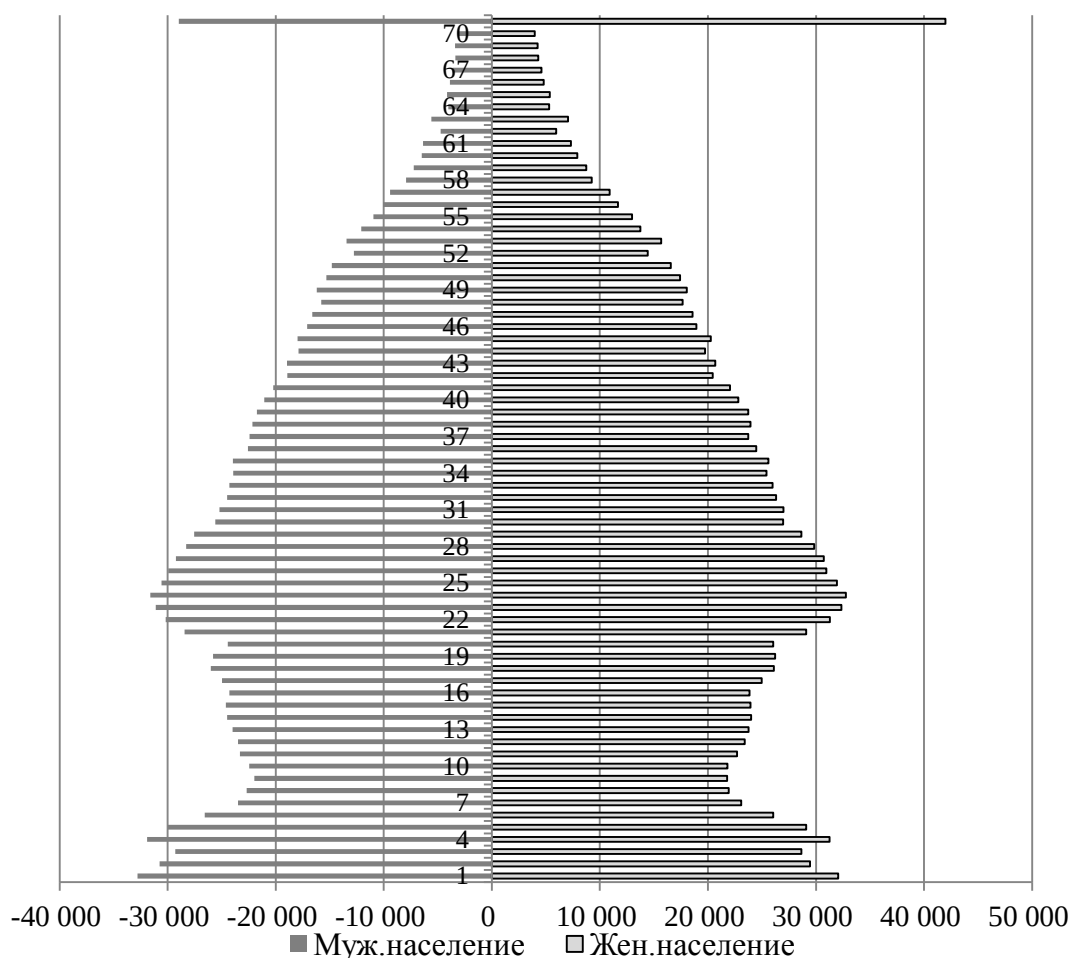

Рисунок 2. Половозрастная структура населения Монголии на 2014 г.

Следует упомянуть и уровень жизни в Монголии. По данным на 2015 год среднемесячная заработная плата составила 844 000 тугриков, у сотрудников женского пола – 782 800, мужского – 905 100 тугриков. Среди отраслей экономики самая высокая заработная плата у сотрудников горнодобывающей промышленности – около 1 479 200 тугриков, а наименьшая – у наемных работников – 476 600 тугриков, при минимальном размере оплаты труда в 192 000 тугриков.

Уровень безработицы в Монголии за последние 3 года уменьшился на 3%, что связано с реализацией правительством программы по предоставлению 150 000 новых рабочих мест, а также обучению и подготовке квалифицированных специалистов в таких областях, как легкая промышленность, коммуникация, программирование и горнодобывающая промышленность.

Одной из важных особенностей демографической ситуации в Монголии является рост численности населения, что сказывается на быстрых темпах омоложения населения в целом. Более 70% проживающих в Монголии лиц в возрасте менее 35 лет и более половины численности населения – лица трудоспособного возраста.

В настоящее время Монголия имеет относительно молодое население по сравнению с другими странами мира.

В современных рыночных условиях Монголии проблема занятости населения играет важную роль в экономике страны в целом и требует быстрого решения, что способствует снижению безработицы, улучшению уровня жизни населения и развитию экономики.

Для этого необходимо эффективно реализовать принятые законы и нормативные акты по занятости населения и в дальнейшем способствовать развитию рынка труда Монголии.

Библиографический список

1. Статистический сборник Монголии. Улаанбаатар, 2005-2012.
2. Занятость и рынок труда в Монголии. Улаанбаатар, 2014.
3. Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. 517 с.

© Цыдыпова Б.Д., Урантуул Б., 2015. Текст.

Информация об авторах

Цыдыпова Балма Дашиевна (г. Улан-Батор, Монголия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, начальник отдела научно-исследовательских работ Улан-Баторского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (210351, Монголия, г.Улаанбаатар, район Баянзурх, пр. Мира, 131; e-mail: tsydyanova@mail.ru).

Урантуул Болормаа (г. Улан-Батор, Монголия) – аспирант Улан-Баторского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» (210351, Монголия, г.Улаанбаатар, район Баянзурх, пр. Мира, 131).

Tsydyanova B.D., Urantuul B.

ANALYSIS OF DEMOGRAPHIC SITUATION IN MONGOLIA

Abstract. *The analysis of demographic situation in Mongolia for 2005-2014 is presented in the article. Mongolia's population is considered in section of its gender and age structure. In the analysis of age groups of the population of Mongolia its middle age is calculated.*

Keywords: demography, migration, employment, labor market, unemployment.

Information about the authors

Tsydyanova Balma Dashievna (Ulaanbaatar, Mongolia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Head of the research department, Ulaanbaatar Branch of Mongolia Plekhanov Russian University of Economics (131, Mira Ave., Bayanzurh district, Ulan Baatar, 210351, Mongolia; e-mail: tsydyanova@mail.ru).

Urantuul Bolormaa (Ulaanbaatar, Mongolia) – Postgraduate, Ulaanbaatar Branch of Mongolia Plekhanov Russian university of Economics (131, Mira Ave., Bayanzurh district, Ulan Baatar, 210351, Mongolia).

БРАКИ В ГОРОДСКОЙ МЕСТНОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950 -70-Е ГГ. XX В.

Аннотация. В статье на основе архивных статистических данных проанализирована динамика численности заключаемых браков и общего коэффициента брачности в городской местности Свердловской области 1950-70-х гг. XX в.

Ключевые слова: Свердловская область, городская местность, браки, коэффициент брачности, возрастная структура населения

В настоящее время в России наблюдается тенденция к снижению уровня брачности. Это связано с изменением установок семейного поведения, а также изменением возрастной структуры населения страны. Общий коэффициент брачности опустился до минимального значения в 1998 году – менее 6 зарегистрированных браков на 1000 человек постоянного населения (5,8‰). Затем его значение стало повышаться с некоторыми колебаниями, увеличившись до 8,9‰ в 2007 году и 9,2‰ – в 2011 году. В 2012 году оно вновь, как и в 2009-2010 годах, снизилось, составив 8,5‰ [4]. Это ниже, чем во второй половине прошлого века, хотя похожие тенденции прослеживались уже в то время. Повышается и средний возраст вступления в брак. Так в 2006 г. 45,7% женщин и 63% мужчин вступили в брак после 34 лет [3].

Попробуем рассмотреть, как выглядела динамика показателей брачности в 1950-70-е гг. – наиболее благополучный с точки зрения социально-экономической ситуации период, на примере городской местности Свердловской области – наиболее урбанизированной области региона.

Большинство исследователей отмечают сложность изучения браков из-за невозможности учета их фактической совокупности, т.к. статистика может учесть только юридически оформленные браки. А принятый в 1997 г. закон «Об актах гражданского состояния» фактически ликвидировал советскую систему продуманного текущего статистического учета браков и разводов [3]. Но статистика середины XX в. была достаточно подробной и полной, а количество незарегистрированных браков еще было не слишком велико.

Основным источником сведений о заключаемых браках того периода являются данные статистических отчетов, хранящиеся в областных архивах. Наиболее интересны для исследователя сводки «итоги регистрации актов гражданского состояния», которые, наряду с данными о числе родившихся и умерших, содержат сведения о числе заключаемых браков, а также сводки по форме №7 и №7-а – «Сведения о браках по возрастам брачующихся» и «Распределение числа браков по возрасту вступивших в брак», которые подавались отдельно по городской и сельской местности, а также общая сводка. Эти данные можно считать достаточно точными и объективными, т.к. своевременность и правильность подаваемых сведений регулярно проверялась. Естественно, что в них содержатся сведения об официально заключаемых браках.

Рост и сокращение числа заключаемых и расторгаемых браков, как и числа рождений, в определенной степени всегда связан с соответствующим движением «демографической волны», т.е. изменением численности определенных возрастных групп, связанным с последствиями колебаний уровня рождаемости.

Изменение числа заключаемых браков, как и уровня брачности в городской местности Свердловской области, в 1950-70-е гг. выглядит волнообразно [2, с.138-144]. Это, в принципе, и связано с изменением численности тех возрастных групп населения, на которые приходится наибольшее количество заключаемых браков. Если в 1950-е гг. в городах области заключалось от 61 тыс. браков в год в 1951 до 71 тыс. – в 1959 г. [Д. 10. Л.85, Д.83. Л.49], то в первой половине 1960-х гг. число заключаемых браков сократилось до 59-54 тыс в год [Д.367. Л.5, Д. 410. Л.15]. Во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. этот показатель вновь вырос и 60-72 тыс. заключаемых браков в год. [1.Д.59. Л.31, Д.701. Л. 30.]

Аналогично выглядит и динамика общего коэффициента брачности. Довольно высоким общий коэффициент брачности был во второй половине 1950-х гг., когда он составлял от 9,9‰ в 1956г. до 13,5‰ в 1959 г. [1. Д.56. Л.50; Д. 125. Л.20]. С начала 1960-х гг. показатель начал снижаться. В 1961 г. он составил 12,6‰, в 1963 – 10,3‰, а в 1964 г. – всего 9,5‰ [1. Д. 294. Л.5; Д. 367. Л.5; Д. 410. Л. 15]. Одновременно наблюдалось и снижение уровня рождаемости, что связано с вступлением в репродуктивный возраст малочисленного поколения военных лет рождения. Во второй половине 1960-х гг. общий коэффициент брачности начинает расти, и к концу десятилетия составляет 11,4‰, стабилизируясь на этом уровне в первой половине 1970-х гг. [1. Д. 545. Л.92, Д. 701. Л.30]. Это немного выше, чем в целом по стране: общий коэффициент брачности по России в середине 1960-х гг. составлял 8,7‰, в конце 1960-х – 1970-е гг. – 10,1-11,1‰. Интересно, что в сельской местности Свердловской области уровень брачности на протяжении почти всего периода оказывался ниже, чем в городской. Так, в 1956 г. общий коэффициент брачности на селе составлял 10,2‰, т.е. немного превышал городской показатель, в 1959 г. – уже 10,7‰, в 1964 – 7,4‰, а в первой половине 1970-х гг. – от 8,0 до 8,9‰ [1.Д. 56. Л 106б, Д. 410. Л.14, Д.701. Л.29, Д.664. Л.32]. В сельской местности традиционные установки семейного поведения должны сохраняться дольше, чем в городах, и показатель брачности тоже должен быть более высоким, тем не менее, этого не наблюдается. Можно предположить, что подобная ситуация связана, с одной стороны, с распространением на селе городских стереотипов семейного поведения, с другой – изменением возрастной структуры сельского населения и уменьшением доли селян молодых возрастов, на которые и приходится основная часть заключаемых браков.

Распределение числа заключаемых браков по возрастам выглядит следующим образом. Если с середины 1930-х гг. средний возраст вступления в первый брак имел тенденцию к повышению, то в послевоенный период четко прослеживается обратная тенденция. После Великой Отечественной войны и вплоть до 90-х гг. XX в. в стране прослеживалась тенденция к омоложению браков. Например, средний возраст вступления в брак по стране в 1975 г. у мужчин составлял 23,8 года, у женщин – 21,7 года [3].

В городах Свердловской области в данный период возраст, на который приходился пик брачности, также оказывается относительно невысок. Наибольшее число браков, как у женщин, так и у мужчин, приходится на возрастную группу 20-24 года, даже в те периоды, когда эта возрастная группа была относительно малочисленной вследствие падения рождаемости в военные годы. В 1950-е – 1970-е гг. в этом возрасте заключалось от 47 до 52% всех браков у мужчин и от 47 до 51% у женщин [1. Д. 18. Л.89, Д.147. Л.45, Д.629. Л.103]. На

втором месте по числу заключаемых браков у мужчин возрастная группа 25-29 лет. В этом возрасте заключалось от 30 до 21% всех браков; в 1970-е гг. – несколько меньше – 13-15%, что было связано с малочисленностью данной возрастной группы в эти годы [1. Д. 18. Л.89, Д.147. Л.45, Д.629. Л.103].

У женщин второе место по числу заключаемых браков на протяжении почти всего периода, за исключением начала 1950-х гг., занимала возрастная группа моложе 20 лет. В этом возрасте заключалось от 12 до 27 % всех браков (из которых около 1% – браки в возрасте моложе 18 лет) [1. Д. 637. Л37, Д529. Л. 103]. У мужчин на эту возрастную приходилось всего 5-6% браков и менее, что не удивительно, т.к. для юношей это возраст службы в армии. Соответственно, большинство браков заключалось после возвращения со службы. На возрастную группу 25-29 лет у женщин приходилось несколько меньшее число браков – от 8 до 12 % в разные годы. На каждую из остальных возрастных групп на протяжении рассматриваемого периода приходилось от 1 до 4% от всех заключаемых браков, как среди мужчин, так и среди женщин.

Таким образом, динамика общего коэффициента брачности и распределение браков по возрасту вступающих в городах Свердловской области в целом соответствует тенденциям, прослеживающимся в целом по стране в соответствующий период.

Библиографический список

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р1813. Оп.11.
2. Население Урала. XX век. Екатеринбург, «Екатеринбург», 1996.
3. Софронова Т.Г. Особенности и тенденции брачности в России// Инициативы XXI века: научный и общественно-просветительский журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ini21.ru/arhiv/3-10/1080.php> (дата обращения 10.05.2015 г.)
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: www.gks.ru. Дата обращения 24.04.2015 г.

© Черезова О.Г., 2015. Текст.

Информация об авторе

Черезова Оксана Геннадьевна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный лесотехнический университет (620032, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37; e-mail: okssch@mail.ru).

Cherezova O. G.

MARRIAGES IN URBAN AREAS OF THE SVERDLOVSK REGION IN 1950-1970S

Abstract. *The article based on archival statistical data analyzed population dynamics of marriages and the crude marriage rate in urban areas of the Sverdlovsk region in 1950-70-s of the XX century.*

Keywords: *Sverdlovsk region, urban areas, marriages, marriage rate, age structure of population.*

Information about the author

Cherezova Oksana Gennadyevna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural State Forestry University (37, Siberian highway, 620032, Yekaterinburg, Russia; e-mail: okssch@mail.ru).

ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ШКОЛАХ ВЗРОСЛЫХ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье анализируется возрастной состав обучающихся в школах взрослых Свердловской области. Называются причины формирования самых многочисленных возрастных групп учащихся в школах рабочей и сельской молодёжи в рассматриваемые периоды.

Ключевые слова: школы взрослых, школы рабочей и сельской молодёжи, возрастной состав обучающихся.

В документе – обращении «От народного комиссара по просвещению» 29 октября 1917 г. А.В. Луначарский заявлял, что «Борьба с неграмотностью и невежеством не может ограничиваться правильной постановкой школьного обучения для детей, подростков и юношей. Взрослые тоже захотят спастись из унижительного состояния человека, не умеющего читать и писать. Школа для взрослых должна занять широкое место в общем плане народного обучения» [9, с. 32]. Основными формами школьной работы среди взрослых и подростков были пункты ликвидации неграмотности, школы и курсы для малограмотных, школы взрослых повышенного типа (по аналогии с детской «единой трудовой школой» I и II ступеней, но с меньшим сроком обучения, школы политграмоты, народные дома, избы-читальни, библиотеки, красноармейские клубы, совпартшколы (давали общеобразовательную и политическую подготовку кандидатам для выдвижения на партийную, профсоюзную, хозяйственную организаторскую и управленческую работу), коммунистические университеты.

Школы повышенного типа для взрослых работали по утвержденному положению. В августе 1922 г. было принято «Положение о школе взрослых повышенного типа». На Урале всем уездным политико-просветительным подотделам письмом Губполитпросвета № 6444 от 13.10.1922 г. было выслано положение о школах и руководство по организации уездных опытных школ взрослых повышенного типа [3, л. 253]. В 1924 году вышло новое положение, заменившее прежнее. Согласно тексту нового положения: П. 1. В первую очередь в школу принимались рабочие, крестьяне, красноармейцы, командируемые парторганизациями. П.2. Во вторую очередь те же категории, но по личным заявлениям. П.3. В школы принимались лица не моложе 17 лет [4. Л.123].

3 ноября 1923 г., сессией ВЦИК было утверждено положение об Уральской области, а 12 ноября – проект границ отдельных округов Уральской области.

Таким образом, период административно-территориальных реорганизаций 1918/19–1923 гг. был завершен: вместо четырех губерний (1918–1919 гг.) – Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской – были образованы 15 округов Урала (1923 г.) в составе обширной Уральской области [7]. С 1923 г. работой в сфере образования в Уральской области руководил Отдел народного образования Исполнительного комитета Уральского Областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Уралоблоно). В Екатеринбургском округе – Отдел народного образования Исполнительного Комитета Свердловского Окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Окроно).

Учреждения, осуществляющие руководство делом народного образования в городах и районах, районные образованы в 1924 г., городские — с момента выделения городов в самостоятельные административные единицы — Отделы Народного образования Исполнительных комитетов городских и районных советов депутатов трудящихся [4. Д. 770. Л.182.].

Требования о соблюдении возраста (с 17 лет) зачисления учащихся в школы взрослых повышенного типа отражалось в документах, издаваемых Уралоблоно. Но всё же главное внимание должно было быть обращено на среднюю возрастную группу учащихся школ — рабочих от станка 20-25 лет. Именно представителей этой категории граждан прежде всего рекомендовали к обучению в школах взрослых повышенного типа. Агитационная работа проводилась через разъяснительную компанию по ознакомлению с целями и задачами школ, изучаемыми предметами, издание стенгазет, проведение собраний на предприятиях [4. Д. 542. Л. 16].

Таблица 1

Количество школ повышенного типа уральской области с 1924 по 1927 гг.
[4. Д. 770. Л.182]

Количество	01.10.1924 г.	1925-1926 учеб- ный год	1926-1927 [13, л. 22] учебный год	1927-1928 учеб- ный год [14, л.9]
Школ повышенно- го типа для взрос- лых	14	14	17 (город –14, село – 3)	34 (город – 28, село – 6)
Учащихся	1299	1343	3300 (включая курсы) (в школах взрос- лых повышенно- го типа: город – 1456 учащихся, село – 145 уча- щихся)	2242 (2060 уча- щихся в город- ских школах, 182 – сельских шко- лах)

Школы взрослых повышенного типа формировались по всей стране. В 1925 - 1926 учебном году по РСФСР было 248 таких школ, в 1926-1927 учебном году – 274 школы, а в 1927-1928 учебном году – 281. Общее число учащихся достигало 60 000 человек [11, с. 94-95].

Из доклада Главполитпросвета (отдел, созданный при Наркомате просвещения РСФСР) в 1920 г., подготовленного заведующим школьным отделом Главполитпросвета в 1927 г.: «Наиболее укрепившимся и организованным типом школ взрослых в настоящее время является школа взрослых повышенного типа. Учащиеся по возрастам распределены следующим образом: от 18 лет до 21 года – 50%, от 22 лет до 25 лет – 29%, от 26 лет до 30 лет – 14%, от 31 года до 40 лет – 5,6%, старше 41 года – 1,4% [4. Д. 542. Л.18].

Из отчета о работе Пермской школы взрослых повышенного типа за первый семестр 1926-1927 учебного года: «Состав учащихся по возрасту: от 17 лет до 23 лет – 127 человек – 64%, от 23 лет до 30 лет – 44 человека – 26%, от 30 лет и старше – 11 человек – 5%» [4. Д. 542. Л.151].

Из приведённых данных можно сделать вывод, что большая часть обучаемых в школах взрослых повышенного типа – это лица в возрасте от 17 до 23 лет. Эти граждане являлись активным трудоспособным населением. Из этой категории

граждан государство ставило задачу формировать новую социально ориентированную интеллигенцию. Обучение в школах взрослых повышенного типа поднимало общеобразовательный уровень трудового населения, обеспечивало социально-политическую ориентированность личности, освоение начальной и последующей политехнической грамотности и возможность продолжения образования в социально-льготных условиях [2, с. 41].

С началом Великой Отечественной войны сложилась ситуация, когда многие юноши и девушки не могли учиться в школах, поскольку уходили на производство, чтобы заменить ушедших на фронт родителей. Государство обеспечивало им возможность учиться. Но при этом сокращалось количество людей, получающих образование в рамках школы, что, в свою очередь, снижало возможность стать квалифицированными рабочими на производстве. Новая проблема, порожденная военными обстоятельствами, решалась государством.

Распоряжением СНК СССР от 30 апреля 1944 года «О переименовании школ для подростков в школы рабочей молодежи» школы для подростков, работающих на предприятиях, реорганизованы согласно постановлению Совнаркома СССР № 782 от 15 июля 1943 г. в школы рабочей молодёжи. Эти школы для подростков посещали и взрослые люди. Согласно «Положению о школах рабочей молодёжи», утверждённому данным распоряжением СНК РСФСР, создавалось два типа школ: семилетняя школа рабочей молодежи в составе V, VI, VII классов и средняя школа рабочей молодежи в составе VIII, IX, X классов. Школы открывались по решению областных, краевых исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся [6, с. 210-211]. Постановлением СНК СССР от 06 июля 1944 года «Об организации вечерних школ сельской молодежи» было положено начало созданию школ взрослых в сельской местности» [1, с. 20]. По указанным документам в школу принимались подростки с 14 летнего возраста и обучались без отрыва от сельскохозяйственных работ. Школы открывались двух типов – начальные в составе I, II, III и IV классов и семилетние в составе I-VII классов.

Так, в созданной в 1944 г. школе рабочей молодёжи № 47 г. Первоуральска при заводе № 521 на 01 января 1945 года обучалось 150 учеников. Для того чтобы улучшить посещаемость, администрация завода и завком выдали учащимся 30 свитеров, 24 пары ботинок, 5 женских платьев, 5 пар валенок, все получили чулки. Учителя и учащиеся получали двухразовое питание по выданным талонам. Возрастной состав учащихся школы был следующим: до 14 лет – 17 человек, 14 лет – 13, 15 лет – 14; 16-17 лет – 40; 18-23 лет – 34; свыше 23 лет – 2 человека. Было также два подготовительных класса, где обучались подростки от 14-15 лет – 16 человек, и седьмой класс, в котором обучалась молодёжь от 17 лет – 14 человек [5. Л. 22].

Рабочие военных лет имели общеобразовательную подготовку примерно в объеме 4-5 классов [8, с. 461-462]. Условия войны, отвлечение на производство большого числа учащихся молодёжи – все это задержало дальнейший рост общеобразовательного уровня рабочих. Поэтому активная работа в годы войны органов партии, руководителей народного образования, учителей, комсомольских организаций способствовала продолжению обучения взрослых и подростков. А получаемое ими образование в объеме семи- или десятилетней школы давало возможность проявлять себя в работе на предприятиях и повышать

квалификационный разряд, так как во время войны уровень квалификации рабочих снизился.

В конце войны на предприятиях большинство рабочих имели III и IV разряд [8, с. 461-462]. С победой возвращались тысячи солдат, многие из которых не имели начального, неполного среднего и среднего образования. Кроме того, как уже отмечалось, в годы войны многие юноши и подростки школьного возраста не могли сочетать учебу с работой и потому оставались вне образования.

Итог работы школ рабочей и сельской молодёжи подвел в отчёте за 1945-1946 учебный год заведующий сектором школ рабочей и сельской молодёжи Областного отдела народного образования Б.Н. Князев. Среди недостатков в работе школ был отмечен отсев обучающихся в течение учебного года. Одной из причин большого отсева учащихся была их неуспеваемость. Приём в школы в 1945-1946 учебном году был осуществлён неорганизованно. Комплектование школ осуществлялось на основе личного желания учащихся, но при этом не учитывалась академическая подготовка поступающих. Многие учащиеся имели перерыв в обучении от четырех до пяти лет и поэтому оказались неподготовленными, чтобы продолжать свое обучение в следующем классе [5. Д. 138. Л. 7,8,9]. После Великой Отечественной войны в областном отделе народного образования точных данных о количестве работающей молодёжи, не имеющей начального, семилетнего и среднего образования, не было, но, по приблизительным данным отчетов из районов, ее было около 150 000 человек. Был большой приток учащихся в школы рабочей молодёжи из школ ФЗО и ФЗУ.

При подготовке к 1948-1949 учебному году одно из мероприятий областного отдела народного образования было следующим: «Итоги работы школ рабочей и сельской молодёжи обсудить до 15 августа 1948 г. на бюро районных и городских комитетах ВЛКСМ» [15. Л.7, 8, 9, 10, 12, 17]. В дальнейшем городские и сельские районные комитеты ВЛКСМ области активно включались в комплектовании школ. Ответственные работники комитетов комсомола совместно с отделами народного образования производили учёт молодёжи в возрасте от 14 до 25 лет, не имеющей законченного начального и семилетнего образования.

При подготовке школ к новому 1949-1950 учебному году был проведен пленум Обкома партии – III пленум Свердловского Обкома партии 15-16 июля 1949 г. «О задачах комсомольских организаций в улучшении вечерних школ рабочей и сельской молодёжи» по вопросам участия комсомольских организаций в улучшении работы школ рабочей и сельской молодёжи [15.Д. 41. Л. 1]. На съезде, наряду с определенными успехами в решении задач обучения рабочей и сельской молодёжи без отрыва от производства, были названы недостатки. Одним из пунктов Постановления III пленума Свердловского Обкома партии 15-16 июля 1949 г. «О задачах комсомольских организаций в улучшении вечерних школ рабочей и сельской молодёжи» был следующим: 2) пленум обязал Областной комитет комсомола, районные и городские комитеты ВЛКСМ и комсомольские организации оказывать практическую помощь органам народного образования в выполнении народнохозяйственного плана по контингентам учащихся школ рабочей и сельской молодёжи, в выполнении учебно-воспитательной работы на 1949-1950 учебный год, для чего в) в интернатах и молодёжных общежитиях для учащихся выделять лучшие комнаты для занятий учащихся этих школ, обеспечив их учебными пособиями; г) оказывать помощь школам в заготовке дров, до первого

сентября подвезти до 50% запаса топлива; е) комсомольским организациям периодически обсуждать на комсомольских собраниях вопросы посещаемости учащимися школ рабочей и сельской молодёжи, своевременно принимать меры и предотвращать пропуски занятий [15. Д. 41. Л. 5-41].

Среди набора в школы в рабочей молодёжи в 1949-1950 учебном году – 69,4% были учащиеся в возрасте от 16 до 22 лет, в школы сельской молодёжи – 64,6%. Несколько меньше было учащихся в возрасте от 23-23 лет (табл. 2).

Таблица 2

Возрастной состав учащихся школ рабочей и сельской молодёжи на начало 1949-1950 учебного года [13. Л.106]

Школы	Возрастная группа				
	до 14 лет	14-15 лет	16-22 лет	23-29 лет	30 и старше
ШРМ	455	2803	14864	2506	781
ШСМ	158	1404	3896	284	284

Таблица 3

Возрастной состав учащихся школ рабочей и сельской молодёжи в течение 1950-1951 учебного года [15. Д. 118. Л.11].

Школы	Возрастная группа				
	до 14 лет	14-15 лет	16-22 лет	23-29 лет	30 и старше
ШРМ	435	2776	16505	3288	879
ШСМ	127	879	3799	385	190

В 1950-1951 учебном году группа учащихся в возрасте от 16 до 22 лет – снова наибольшая (табл. 3). Учащиеся в указанном возрасте составили 69,1% в школах рабочей молодёжи, 70,6% – в школах сельской молодёжи. В школы стали принимать больше учащихся из школ всеобуча, отчисленных из детских школ по причине неуспеваемости. Также выросло количество учащихся от 16 лет, имеющих перерыв в обучении от 2-10 лет. Подобная практика была приостановлена Приказом Министерства просвещения РСФСР от 9 ноября 1955 г. № 534, по которому районным отделам народного образования категорически запрещалось направлять в школы рабочей молодёжи юношей и девушек, отчисленных из массовых школ по неуспеваемости или за нарушения школьной дисциплины [10, с.133]. Из представленных данных видно, что возрастной состав обучающихся школ варьировался в возрасте от 14 до 30 лет. Значительная часть учащихся приходилась на возраст от 16 до 30 лет.

Представить половозрастной состав учащихся школ рабочей и сельской молодёжи РСФСР можно увидеть по данным табл. 4.

Таблица 4

Половозрастной состав учащихся ШРМ и ШСМ на начало 1949/50 учебного года в РСФСР

	ШРМ			ШСМ		
	Мужчины	Женщины	Итого	Мужчины	Женщины	Итого
До 14 лет	2104	1646	3750	560	3362	8922
14 лет	7278	5979	13207	9957	6674	16631
15 лет	17089	15716	32806	18553	12426	30959
16 лет	30757	31445	62202	23990	16657	40647

17 лет	42014	44097	86111	24366	16501	40867
18-22	79637	83888	163525	33386	22136	55522
23-29	32992	22218	55210	5216	4196	9412
30 и более	11534	2349	13883	2131	798	2929
Неизв. возраст		15	15	41	235	276
Всего	223355	207353	430708	122880	83285	206165

Представленные данные демонстрируют, что в возрасте до 14 лет было всего 0,87% учеников школ рабочей молодёжи, с 14 до 18 лет процент учащихся составлял 45,1%, на возраст от 18 лет и более приходилось 54,01%. По школам сельской молодёжи на возраст до 14 лет приходилось наименьшее количество учащихся – 4,3%, 62,7% составили учащиеся в возрасте от 14 до 18 лет, от 18 лет – 32,96% [12, с . 232-233].

Большая группа учащихся в возрасте от 16 до 30 лет – это молодёжь, которая в годы Великой Отечественной войны не могла продолжать обучение в школе. Одна часть учащихся оставила детские школы и ушла на производство, другая часть возвращалась в школы в течение несельских послевоенных лет, отслужив в рядах Вооружённых сил. Учащиеся указанных возрастных групп были слабо подготовлены, имели недостаточно знаний. И одним из главных направлений деятельности школ была ликвидация имеющихся пробелов в знаниях.

Библиографический список

1. Балов Н.Н. Развитие вечернего и заочного общего образования в РСФСР (1919-1967).: автореф. дис. ...канд. пед. наук. Москва. 1972. С. 20.
2. Вершинин В.Н. Вечерняя школа в инновационном поиске. От вечерней школы к модели открытого образования / Ульяновск: УИПКПРО, 2010. С. 41.
3. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 17Р. Оп. 1. Д. 726. Л.253.
4. ГАСО. Ф.Р – 233. Оп. 1. Д. 236. Л. 123. Д. 770. Л.182. Д. 542. Л. 16, Л. 18. Л. 151.
5. ГАСО. Ф.Р. – 233. Оп. 3. Д. 30. Л. 22. Д. 138. Л. 7. 8. 9. Д. 158. Л. 106.
6. Директивы ВКП (б) и Постановления Советского Правительства о народном образовании. Сборник документов за 1917-1947 гг. выпуск 1-й. Москва-Ленинград. 1947 г. С.210-211.
7. Краткий справочник по фондам Государственного архива Свердловской области. Екатеринбург. [Электронный ресурс]: база данных. Режим доступа: <http://uralarchives.ru/docs/archives/ga/gaso-spr.pdf>. С.204-205. (дата обращения 07.02.2015).
8. Митрофанова А.В. Рабочий класс в годы Великой Отечественной войны /АН СССР. Ин-т истории СССР. М., 1971. С.461-462.
9. Образование взрослых на рубеже веков: вопросы методологии, теории и практики. В 4-х томах. Том I. / Под ред. В.И.Подобеда, Н.П.Литвиновой. Книга 1. История развития образования взрослых в России/Под ред.Е.П.Тонконогой. СПб: ИОВ РАО, 2000. С. 32.
10. Сборник руководящих материалов по обучению молодёжи и взрослых. М., 1957. С. 133.
11. Фильштинский А.Общеобразовательные школы взрослых рабочих и крестьян. Москва. 1929 г. С. 94-95.
12. Фишева А.А. Общее образование взрослых на территории РСФСР в 1930-1950-е гг.: дис. ...канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2014. С.232-233.
13. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 6. Д. 423. Л. 22.
14. ЦДООСО Ф. 4. Оп. 6. Д. 423. Л. 9.

15. ЦДООСО Ф. 61. Оп. 5. Д. 953. Л.7.8. 9. 10. 12.17. Оп. 8. Д. 41. Л.1. Л. 5-41. Оп. 12. Д. 118. Л. 11.

© Чернышева И.И., 2015. Текст.

Информация об авторе

Чернышева Инна Ивановна (г. Лесной, Россия) – учитель истории и обществознания, МБВСОУ «Вечерняя (сменная) общеобразовательная школа № 62» (Свердловская область, г. Лесной, ул. Карла Маркса, д. 15; e-mail: sch62@edu.lesnoy.ru).

Chernysheva I.I.

AGE STUFF OF STUDENTS IN SVERDLOVSK SCHOOLS FOR ADULTS

Abstract. *The article analyzes the age stuff of students in schools for adults in Sverdlovsk region. The reasons for formation of various age groups of students in schools for working and rural youth in the discussed periods are called.*

Keywords: schools for adults, schools for working and rural youth, the age stuff of students.

Information about the author

Chernysheva Inna Ivanovna (Lesnoy, Russia) – Teacher of History and Social Science, Evening (Shift) comprehensive school No. 62 (15, Karl Marx St., Lesnoy, Sverdlovsk region, 624201, Russia; e-mail: sch62@edu.lesnoy.ru).

2. ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ В ВОСПРИЯТИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПОКОЛЕНИЙ

УДК 316.346.36

Павлов Б. С.

«ОТЦЫ И ДЕТИ» В СЕМЬЕ: К ВОПРОСУ О СОЛИДАРИЗАЦИИ И ОТЧУЖДЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы традиционных отношений «отцов и детей» в родительских семьях. Особое внимание обращается на диагноз и профилактику социально-экономических и педагогических рисков и девиаций в процессе социализации молодёжи, на непреходящую роль труда детей, подростков и молодых людей в процессе их взросления. Материал базируется на результатах социологических опросов, проведенных автором в 2008-2015 гг. в городах и поселениях Урала.

Ключевые слова: семья, социализация, подросток, студент, девианты, «отцы и дети», социальные риски, детский труд, Урал.

Непреходящий интерес к проблеме «отцов и детей» обусловлен прежде всего значимостью процесса социализации молодых поколений в воспроизводстве общественной жизни в России. В первую очередь, речь идёт о воспроизводстве трудового, культурного, нравственного и, естественно, демографического потенциалов общества, соответствующих текущим и перспективным целям и задачам его развития. Важнейшей целью, содержанием и результатом процесса социализации молодого человека выступает достижение им вполне определенного и устойчивого уровня социальной зрелости, предполагающей восприятие индивидом значимого социального опыта, формирование у него ценностных ориентаций и установок в базовых сферах (видах) жизнедеятельности. К ним, в первую очередь, относятся сферы труда и семейно-бытовой жизни [1].

Классики социально-экономической мысли в своё время отмечали, что семья даёт нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество [2, т. 21, с. 70]. Каждая конкретная семья – это своеобразная живая клеточка общественного организма. Общие социально-экономические «болезни», которые переживает сообщество в целом, не могут не сказываться на жизнедеятельности семей, составляющих это сообщество. «Болеет» общество – «болеет» большинство семей. Как помочь семьям в этих условиях? Как упрочить семейные мосты «преемственности поколений»?

Прежде всего, попытаемся посмотреть на проблемы, как «семья-дети», «отцы-дети» с позиций такого нежелательного для семьи явления, как социальные риски. Как справедливо считает известный уральский социолог Е.С. Баразгова, задача минимизации рисков переводит эту проблему из сферы математического исчисления в область системного анализа общества. «Оценка степени любого технического риска, – по её мнению, – зависит от адекватности представления о месте и роли объекта или процесса, несущего в себе потенциальную угрозу в системе общества» [3, с. 8]. Сегодня небезосновательно утверждается мнение, что социологический подход становится базовым в рискологии. На современном этапе развития общества сферой риска является и сфера производства каждого человека, и сам процесс воспроизводства социума в целом.

Попытаемся схематично соотнести различные виды и ситуации риска, сопровождающие процесс социализации нашего современника – молодого россиянина (схема 1).

Периоды, компоненты	Элементы, ситуации, условия, предметы риска
<i>А. Прохождение возраста первичной социализации</i>	
Преконцепционный период развития	- условия жизнедеятельности потенциальных родителей; - виртуально-биполярная вариабельность пола; - характер субъект-субъектного взаимодействия; - вероятность неблагоприятной генной наследственности; - вероятность генной несовместимости
Перинатальный период	- условия внутриутробного развития; - вероятность приобретения врождённых пороков; - условия родов; - условия жизни и характер ухода в роддоме
Дошкольный возраст	- жилищно-коммунальные и валеологические условия ухода за новорожденным в семье; - уровень врачебного педиатрического патронажа; - вероятность эпидемиологического заражения матери и ребёнка; - степень развития «культы здоровья» в семье; - решение о возобновлении матерью работы в общественном производстве; - характер приобщения отца ребёнка к уходу за ним и его воспитанию; - решение о степени привлечения к уходу и воспитанию ребёнка его бабушек и дедушек; - вероятность социально-бытового травмирования ребёнка; - качество воспитательно-педагогической среды в ДДУ; - направленность развития первичных социокультурных потребностей - целенаправленное развитие и сдерживание проявлений природного темперамента; - характер и условия проявления задатков, наклонностей, способностей; - степень приобщения к компьютеру
Младший школьный возраст	- принятие решения выхода семьи на второго ребёнка; - выбор школы; - выбор направленности учебных программ; - уровень культурного, профессионального и гуманистического развития первого школьного учителя; - опасность ДТП; - опасность физических и умственных перегрузок у ребёнка
Средний школьный возраст	- выбор дополнительных (к школьным) программ обучения, культурного и физического развития; - деформация межпоколенных отношений в родительской семье; - опасность стать жертвой насильника; - опасность стать жертвой маньяка, садистских проявлений, разбоя
Старший школьный возраст	- анония к учебной деятельности; - опасность приобщения к группам асоциального поведения; - опасность суицидальных настроений; - опасность закрепления паразитического образа жизни, «ненужности» и «необязательности» участия в общественно полезном труде; - опасность приобщения к спиртным напиткам и наркотикам; - система жизненных идеалов, образцов для подражания
<i>Б. Прохождение возраста вторичной (концептуальной) социализации</i>	
Профессиональное обучение	- выбор будущей профессии; - выбор конкретного вуза (учебного заведения) для профессиональной учёбы; - выбор средств (финансовых, организационных и т.д.) для достижения по-

Периоды, компоненты	Элементы, ситуации, условия, предметы риска
	ставленных целей; - направленность жизненных интересов и устремлений
Предбрачие	- риск формирования муже- или женофобии; - развитие половой импотенции; - опасность заражения венерическими заболеваниями; - возрастной ценз вступления в брак
Создание семьи	- деформации представлений об оптимальной и приемлемой модели семьи; - ориентация на определённый характер супружеских и внутрисемейных отношений; - ориентация на тот или иной уровень детности
Адаптация в сфере производства	- направленность, содержание и характер дополнительного образования, дополнительных профессий;
Ассимиляция в культуре	- характер предпочтения в сфере досуговых занятий; - уровень и направленность духовных потребностей, запросов

Схема 1. Современные риски социализации детей в российских семьях

Анализируя поведение подростков на фоне общества взрослых, нельзя не учитывать специфики физиологии тинейджера. Подростковый период характеризуется, во-первых, интенсивным физическим и физиологическим развитием тела в результате взаимовлияния гормонов роста и половых гормонов; во-вторых, особым состоянием нервной системы, когда процессы возбуждения часто преобладают над процессами торможения. Психологические трансформации, характерные для подросткового периода, происходят на фоне онтогенетических изменений в организме. В качестве проявлений подростковой психологии необходимо отметить также ненависть к своей личности и враждебность к окружающему миру, склонность к суицидальным настроениям, мыслям и поступкам. К этому присоединяется ряд новых внутренних влечений к тайному, запрещенному, необычному, к тому, что выходит за пределы привычной и упорядоченной повседневной жизни [4].

В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам внутрисемейных отношений в уральских семьях, проведённых автором в 2008-2015 гг. в Институте экономики УрО РАН.

В частности, под руководством и при личном участии автора были реализованы: комплексное социологическое исследование, связанное с анализом ресурсов инновационного развития высшего профессионального образования в регионе, включавшее, в частности, анкетные опросы представителей 2-х групп респондентов: а) – 1000 студентов IV-V курсов 7-ти уральских вузов (гг. Екатеринбург, Нижневартонск, Челябинск) – «СТ-3»; б) 600 молодых специалистов (выпускников вузов) с предприятий реальной экономики Урала – «МС» – «Семья-1» (2012 г.); социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области,

³ В выборку вузов были включены: Уральский федеральный университет (УРФУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС); Нижневартонский государственный гуманитарный университет (НГГУ), Челябинский государственный университет (ЧГПУ), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ) и др.

связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши – 46%, девушки – 54%) – «Семья-2» (2013 г.); по представительной выборке в Екатеринбурге и Челябинске были опрошены 150 экспертов системы общественного воспитания детей, подростков и молодёжи, в том числе 50 организаторов воспитательной работы в средних общеобразовательных школах, 50 преподавателей двух уральских государственных педагогических университетов (в двух указанных городах) и 50 научных работников, причастных к исследованию молодёжных проблем – «Семья-3» (2014 г.); по квотной выборке в семи институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 450 студенток старших курсов, готовящихся стать инженерами на предприятиях Урала – «Семья-4» (2015 г.).

Наряду с психофизиологическими особенностями молодёжного (подросткового) возраста есть объективное обстоятельство, провоцирующее отклоняющееся поведение сегодняшних молодых горожан. Речь идёт, прежде всего, о деформации в российском обществе «социалистической» морали и нравственности. Молодежь, как и «общество взрослых» в целом, переживает кризис ценностей. Информационно-культурное пространство, которое окружает сегодня молодого человека, насыщено пропагандой утилитарных ценностей потребительского общества, где агрессия и насилие выступают как «законные» средства достижения целей. Героем нашего времени выставляется «негативный лидер» – эгоистичный, циничный, но преуспевающий и добивающийся успеха, не считаясь со средствами [5].

В подтверждение этому обратимся к результатам наших исследований. 510-ти школьникам г. Екатеринбурга и 300 – г. Лесной («Семья-2») в числе других задавался вопрос: «Чего ты боишься больше всего в своей жизни?». Из перечня 20-ти различных опасностей и угроз для жизни респондентам предлагалось выбрать не более 10 вариантов ответа.

Вот как распределились ответы в двух группах наших респондентов (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбург, в знаменателе – из ЗАТО «Лесной»):

а) социально-матримониальные страхи

- боязнь потерять родителей	- 86 / 78
- боязнь болезни, травмы родителей	- 67 / 58
- боязнь потерять друзей	- 43 / 49
- боязнь не поступить в ВУЗ, колледж после школы	- 25 / 52
- боязнь потерять жилье, стать бомжом	- 18 / 34

б) эколого-валеологические страхи

- боязнь подвергнуться физическому насилию, быть изувеченным	- 46 / 40
- боязнь привыкнуть к наркотикам	- 31 / 26
- боязнь своей болезни, травмы	- 23 / 26
- боязнь привыкнуть к алкоголю	- 23 / 20
- боязнь привыкнуть к курению	- 27 / 24
- боязнь отравиться продуктами питания	- 19 / 21
- боязнь быть покусанным собакой	- 18 / 14
- боязнь отравиться воздухом	- 7 / 6
- боязнь отравиться водой	- 6 / 4

б) социально-стрессовые страхи

- боязнь попасть в тюрьму, колонию	- 39 / 32
- боязнь быть незаслуженно обвиненным в преступлении, обществе	- 38 / 35
- оказаться заложником в результате теракта	- 33 / 35
- боязнь быть ограбленным, обворованным в доме, квартире, саду	- 30 / 29
- боязнь быть наказанным Богом за грехи	- 24 / 16
- боязнь привыкнуть к азартным играм	- 15 / 16
- боязнь пострадать от пожара	- 9 / 21

Приведённые данные, несомненно, могут дать компетентному читателю богатую пищу для размышлений о социальном самочувствии школьной молодёжи в большом и малом уральских городах, о социальных ингредиентах, деформирующих ценностные ориентации и ожидания молодых людей, повседневные поступки, тактику и стратегию их жизненного поведения.

Учитывая ограниченность объёма статьи, обратим внимание читателя на три наиболее важных, по нашему мнению, обстоятельства. Во-первых, для подавляющего большинства уральских подростков в число приоритетных ценностей входит матримониальный фактор, проявляющийся, прежде всего, в благополучии родительской семьи и сопутствующих ей стабильности и надёжности материально-экономической среды, с одной стороны, и, с другой – комфортности социальной среды, ближайшего окружения молодых людей. Во-вторых, многочисленные рискогенные факторы городской среды уральских городов (впрочем, как и в большинстве других регионов РФ) формируют и поддерживают перманентные личностные страхи детей и подростков эколого-валеологического характера. С позиций должного такие страхи, в конечном итоге, составляют основу самосохранительного поведения личности, его стремления к сбережению собственного здоровья [6]. И, наконец, в-третьих, процесс социализации современной российской молодёжи сопровождается целым рядом асоциальных проявлений как в родительской семье, так и в анонимной среде городского сообщества. Отсутствие эффективных технологий взаимодействия семейного и общественного воспитания, на фоне несовершенства ювенального законодательства, провоцируют (а вернее, не препятствуют) широкому распространению противоправного и асоциального поведения не только несовершеннолетних горожан, но и когорт городской молодёжи, получивших юридические права взрослости (гражданства). Неуверенность в завтрашнем дне приводит к тому, что многие молодые люди, в том числе подростки, подражая примеру взрослых, стремятся «жить только сегодняшним днём», беря от жизни максимум того, что можно взять. Вспомним хотя бы «страстное признание» в песенке: «Нет, нет, нет, нет, мы хотим сегодня! Нет, нет, нет, нет, мы хотим сейчас!...». Взрослая жизнь – это не только возрастной период, но и участие в труде и выполнение семейных обязанностей. Однако без надлежащей подготовки к взрослой жизни, в том числе к семейной, или же в том случае, если сформировавшиеся позиции или модели поведения молодежи не могут быть адаптированы к изменяющимся социальным условиям, период юности может стать временем утраченных возможностей и повышенного, с медицинской точки зрения, риска.

Как показал опрос «Семья-2», в домашнем хозяйстве городские подростки на Урале особо «не перерабатывают». На вопрос анкеты: «Какую работу по дому и саду ты выполняешь регулярно (более или менее постоянно)?» ответы учащихся школ двух уральских городов распределились следующим

образом (% от общего числа опрошенных в по каждому городу; в числителе – ответы респондентов из г. Екатеринбурга (510 чел.), в знаменателе – из ЗАТО «Лесной» (300 чел.):

а) выполнение работ в квартире

- убираю пыль пылесосом	- 67 / 64
- мою, чищу посуду	- 65 / 66
- регулярно хожу в магазин за продуктами	- 49 / 51
- делаю влажную уборку, мою полы	- 46 / 46
- готовлю еду (суп, второе блюдо)	- 32 / 32
- глажу бельё	- 27 / 28

б) выполнение работ в саду, в огороде:

- поливаю овощи, цветы, ягоды	- 51 / 39
- собираю «трудоёмкие» ягоды (облепиху, смородину и др.)	- 37 / 33
- пропалываю грядки	- 33 / 26
- копаю землю, грядки	- 27 / 23
- топлю печь (в доме, в бане)	- 21 / 17
- отвечаю за приготовление еды	- 13 / 13

в) работы, которые выполняют или дома, или в саду:

- ухаживаю за домашней «живностью» (собакой, кошкой и др.)	- 59 / 55
- помогаю в ремонтных работах по дому, саду	- 35 / 36
- ухаживаю за младшими братьями, сестрами	- 32 / 33
- ухаживаю за пожилыми родственниками (бабушкой)	- 22 / 19
- высаживаю (ухаживаю) за рассадой, цветами	- 17 / 15
- ухаживаю за автомобилем, мотоциклом	- 12 / 10

«Интеллектуализм» современного подростка, большой объем усвоенных им знаний нередко достигается ценою полного освобождения его от трудовых обязанностей в семье и в процессе школьной учебы. А между тем проблема трудового воспитания органически связана с формированием социальной зрелости подростка, далеко не синхронной с ускорением физического развития и насыщением информацией. И здесь на первое место выступает трудовое воспитание, способствующее формированию уважительного отношения к материальным ценностям, к труду, воспитанию чувства долга и ответственности перед собой и окружающими представителями старшего поколения.

«Потребность труда, – писал К.Д. Ушинский, – врождена человеку, но она удивительно как способна разгораться или тухнуть, смотря по обстоятельствам, и в особенности сообразно тем влияниям, которые окружают человека в детстве и в юности... Но воспитание не только должно внушить воспитаннику уважение и любовь к труду: оно должно ещё дать ему и привычку к труду, потому что дельный, серьезный труд всегда тяжел...» [7, с. 156-157].

В исследовании «Семья-3» выяснялось мнение респондентов по поводу причин широкого распространения бездомности и беспризорности в российских регионах и путях (средствах) социальной реабилитации детского населения. Один из вопросов формулировался так: «Как Вы думаете, почему многие дети уходят из семьи, теряют связь с родителями, становятся беспризорными? Укажите главные 3-4 причины в каждом «диагнозе причин». Вот мнение наших экспертов (% от общего числа опрошенных – 150 чел.):

Диагноз I. «Виноваты» родители, семья:

- у них сложная обстановка в семье (родители пьют, скандалят)	- 78

- жестокое обращение родителей с детьми	- 66
- их не понимают родители, живут «как чужие»	- 56
- появление в семье мачехи, отчима	- 42
- потеря родителей (смерть или заключение)	- 44
- «заставляет» нехватка денег в семье, в том числе на нужды детей	- 27
- у многих отсутствуют дома родители из-за частых командировок	- 12
- переезд семьи из другой местности с потерей жилья, работы	- 13

Диагноз 2. «Виноваты» улица, школа, сами подростки:

- влияние на ребенка уличных приятелей	- 72
- приобщение к наркотикам, алкоголю	- 62
- желание пожить на свободе, без предписаний и правил	- 48
- виноваты сами подростки, их безволие, бесхарактерность	- 28
- хотят подражать «крутым» ребятам, умеющим «делать деньги»	- 37
- влияют преступные группировки подростков в городе, районе	- 34
- у них проблемы с учебой, испорченные отношения с учителями	- 15
- некорректная деятельность милиции, правоохранительных органов	- 13

Первые побеги подростков из семьи, по мнению психиатров, происходят в страхе наказания или как реакция протеста, а затем превращаются в условно-рефлекторный стереотип. В числе причин могут быть: а) следствие недостаточного надзора; б) в целях развлечения; в) как реакция протеста на чрезмерные требования в семье; г) как реакция на недостаточное внимание со стороны близких; д) как реакция тревоги и страха на наказания; е) вследствие фантазерства и мечтательности; ж) как следствие жестокого обращения со стороны товарищей; з) как немотивированная тяга к перемене обстановки, которой предшествует скука, тоска и др. [8].

Доминирование родительской семьи в формировании ценностных ориентаций в целом и, частности, в сфере приобщения молодых людей к физической культуре очевидно. «Какими видами деятельности из перечисленных ниже ты регулярно занимался с родителями в детстве?» – на этот вопрос («Семья-2») ответы екатеринбургских подростков распределились так (% от общего числа опрошенных – 510 чел.):

а) занятия вне города

- ездили на озёра, на море <i>отдыхать</i>	- 72
- ездили на озёра, на море <i>охотиться, рыбачить</i>	- 33
- собирали в лесу грибы, ягоды	- 63
- регулярно ходили в лес, «на природу»	- 44
- собирали в лесу лекарственные травы	- 6

б) занятия в городе

- катались на велосипеде, скейтборде	- 60
- играли в бадминтон, волейбол, баскетбол	- 42
- катались на мотоцикле, машине	- 27
- регулярно играли в футбол, хоккей	- 24
- регулярно делали физзарядку	- 15
- бегали кроссы	- 15

Судя по ответам юношей и девушек, в значительной части семей «отцы и дети» довольно активно совместно занимались теми или иными формами и видами физических занятий (упражнений). Вместе с тем, нельзя не учитывать,

что здесь велика вероятность преувеличения респондентами частоты и значимости этих занятий.

За последние пару десятилетий, в силу происшедшей существенной трансформации экономических и имущественных отношений «поколений отцов и детей» на уровне семейной общности, состояние «социальной незащитности» молодёжи на наших глазах превращается в свой антипод. Речь идёт о формировании воинствующей потребительской психологии значительной (если не большей) части молодых людей, в первую очередь, школьников и студентов. В исследовании «Семья-1» уральским студентам задавался вопрос: «Кто несёт (нёс в прошлом) основные расходы на Ваше обучение и содержание (питание, одежда, хобби и др. расходы)?» (% от общего числа опрошенных по каждому вузу; в порядке очередности ответы студентов Уральского федерального университета (УрФУ), Уральского государственного университета путей сообщения (УрГУПС); Нижневартковского государственного гуманитарного университета (НГГУ) и др.):

- по преимуществу за всё платят (платили) родители	51 / 59 / 60
- часть расходов родители, часть сам респондент	37 / 26 / 25
- за учёбу и своё содержание я плачу сам (а)	9 / 11 / 15
- другой вариант	3 / 4 / -

«Ну и что в этом плохого? – возразят многие. – На то они и родители, чтобы заботиться о будущем своих детей... дать им образование... вывести в люди». Трудно не согласиться с такой логикой. Однако забота родителей о профессиональной социализации своих сыновей и дочерей должна предполагать, очевидно, не только формирование чувства духовной благодарности детей своим родителям [9].

Наше исследование позволяет судить о направленности жизненных планов девушек – студенток старших курсов одного из технических вузов Екатеринбурга. На вопрос «Какие планы у Вас лично после окончания вуза (в течение последующих 3-5 лет)?» ответы будущих молодых женщин-инженеров («Семья-4») распределились так (% от общего числа опрошенных – 450 чел.):

Планы в сфере труда, профессии, материального обеспечения:

- найти хорошее место работы по специальности, полученной в вузе, которое бы устраивало меня по всем позициям	- 78
- материально «крепко встать на ноги» (купить квартиру, машину, хорошо зарабатывать и т.д.)	- 73
- продолжить учиться, освоить другую профессию	- 16
- уйти в науку, попытаться защитить диссертацию	- 3
- освоить другую профессию, какая требуется для устройства на работу	- 7
- сделать политическую (общественную) карьеру	- 7

Планы в сфере матримониальных отношений:

- выйти замуж, образовать семью	- 72
- родить ребёнка	- 30
- серьёзно заняться своим здоровьем	- 11

Планы в сфере культуры, досуга, социально-пространственной мобильности:

- поездить, повидать разные страны	- 55
- уделять больше внимания своему культурному развитию (чаще ходить в театры, на выставки, читать книги, слушать музыку и т.д.)	- 29
- постараться уехать работать и жить в другую страну	- 21

- остаться жить в России, в своём городе - 11
- другие планы (напишите, какие) - 0

Успешная социализация невозможна без повышения творческой активности самой формирующейся личности, как в жизненном самоопределении, так и в достижении выбранных ориентиров и позиций. При этом жизненное самоопределение предполагает не только сам факт устоявшихся ценностных ориентиров, позиций формирующейся личности, но и взвешенную оценку реальных возможностей осуществления этого – своеобразное реальное «планирование» и «проектирование» процесса прохождения собственного жизненного пути.

Подводя некоторые итоги данным, представленным в статье, возьмём на себя смелость утверждать, что в сегодняшней России семья, как институт социализации молодого поколения россиян (в нашем случае, уральцев), держит несомненный приоритет среди других факторов и институтов, обеспечивающих стабильность общества. Важно то обстоятельство, что в настоящее время мы имеем дело с поколением молодых людей в России (в частности, на Урале), которое не столь пессимистично (в отличие, о так называемых «потерянных поколений» Европы), Они верят и надеются, что в случае деформации их жизненных планов и возникновения острых жизненных проблем они не останутся в одиночестве. Подавляющее число из них надёются на помощь, поддержку соотечественников – россиян. «Только в свободном и справедливом обществе каждый законопослушный гражданин вправе требовать для себя надежных правовых гарантий и государственной защиты, – подчеркнул в своём выступлении В.В. Путин. – И, без сомнения, обеспечение прав и свобод человека является критически важным как для развития экономики, так и для общественно-политической жизни России» [10].

Библиографический список

1. Павлов Б.С. Трансформация института семьи на Урале в условиях социально-экономических деструкций // Экономика региона. 2013. № 3. С. 121-131.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
3. Система образования Свердловской области в 90-е годы: Риски развития / Баразгова Е.С., Баразгов К.Б., Козловская О.В., Лихачева Л.С., Рыбакова О.В – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001.
4. Павлов Б.С. Над опасным «социальным Придоньем» (о девиантной субкультуре подростков) // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 69-80.
5. Павлов Б.С. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. 2008. № 12. С. 109-122.
6. Pavlov B.S. Urban and rural students in the urals: socio-residential assimilation issues // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2015. № 1 (37). С. 88-98
7. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. М.: Просвещение, 1968.
8. Павлов Б.С., Королев Е.Г. Беспризорность детей как следствие неблагополучия родительской семьи // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 8. № 1. С. 64-69.
9. Павлов Б.С. Девиантная субкультура студенческой аудитории Уральского ВУЗа // Экономика региона. 2014. № 3. С. 110-118.
10. Рос. газета. 2005. 26 апр.

© Павлов Б.С., 2015. Текст.

Информация об авторе

Павлов Борис Сергеевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

Pavlov B.S.

GENERATION GAP IN A FAMILY: TO A QUESTION OF SOLIDARITY AND ALIENATION OF GENERATIONS

Abstract. *The actual problems of traditional generation relations in parental families are analyzed. Special attention is paid to the diagnosis and prevention of social, economic and pedagogical risks and deviations during youth socialization, for utmost role of children, teenagers and young people's work in time of their growing. Material is based on the results of sociological surveys conducted by the author in 2008-2015 in the cities and the settlements of the Urals.*

Keywords: family, socialization, teenager, student, deviant, generation gap, social risks, children labor, the Urals.

Information about the author

Pavlov Boris Sergeevich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

УДК 316.3

Амбарова П.А., Зборовский Г.Е.

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ*

Аннотация. *Проблема социального времени поколенческой общности интегрирует два методологических подхода – общностный и темпоральный, что позволяет определить новые подходы как к исследованию социального времени, так и к исследованию феномена поколения. Дана трактовка социального времени поколенческой общности.*

Ключевые слова: социальное время, поколение, темпоральная общность, время социальной общности.

Время социальной общности как проблема социологии. Социальное время всегда выступало фактором, детерминирующим многие стороны жизнедеятельности социальной общности. Сегодня оно вышло на одно из первых мест среди других социальных факторов и пропускает через себя их влияние на социальную общность.

Это обстоятельство заставляет объединить в изучении жизнедеятельности социальных общностей два методологических подхода – общностный и темпоральный. Суть общностного подхода заключается в том, что социальная общность рассматривается в качестве основного субъекта социального действия, который вступает в социальные отношения и формирует социальные связи как самостоятельный актор. Темпоральный подход представляет собой систему исследовательских принципов, согласно которым любые социальные субъекты,

* Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-03-00072 «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей».

процессы и явления рассматриваются сквозь призму их временных характеристик. Социальная общность, рассмотренная сквозь призму ее социального времени, для социологии представляет совершенно иной объект, нежели тот, каким она выступает в рамках традиционных общностных (социально-групповых) исследований.

Если понятие социальной общности получило определенное социологическое обоснование и трактовку в литературе, то этого нельзя сказать о понятии социального времени общности. Проблема темпоральной характеристики социальной общности (или социальной общности как субъекта социального времени), на наш взгляд, незаслуженно находится на периферии социологического интереса. Это становится тем более неприемлемым, потому что на фоне усиливающегося внимания к проблеме социального времени в литературе вновь встает вопрос о его субъекте.

С позиций социологического подхода социальное время может рассматриваться на уровне личности, социальной общности и социума как социальных субъектов. Историко-социологический анализ проблемы социального времени в зарубежной и отечественной социологии показывает высокую степень ее разработанности на индивидуальном уровне (время личности) и социетальном уровне (время общества, время культуры, время цивилизации) и немногочисленность работ, посвященных социальному времени социальной общности. Среди них отметим работы по социальному времени общностей В.В. Семеновой [8] и Ю.М. Резника [7]. Последний отмечает, что «время жизни человека интегрировано во время существования социальных групп, а его жизненный выбор зависит от коллективных представлений» и что следует рассматривать «отдельно социальное время человека, которое относится к характеристике времени жизни поколений, профессиональных и других социальных общностей» [7, с. 144].

Таким образом, основными причинами обращения к исследованию времени социальной общности, на наш взгляд, являются: *на теоретическом уровне*: 1) необходимость ликвидации разрыва между исследованием общества и личности и, соответственно, заполнения теоретико-методологической лакуны между макро- и микроуровнями изучения социального времени; 2) потребность в изучении трансформации жизнедеятельности социальной общности под влиянием фактора социального времени и его динамики, а также необходимость определения специфики времени общности как особого социального субъекта; *на эмпирическом уровне*: 3) потребность в социологическом знании о многообразии форм, качеств, функций социального времени, которые составляют темпоральные особенности жизнедеятельности конкретных социальных общностей; 4) необходимость иметь представления о конкретных условиях формирования темпорального сознания и поведения социальной общности для определения возможностей управления ею.

Время социальной общности представляет собой особую форму и способ ее жизнедеятельности, выраженные в хронологическом измерении и темпоральных качествах. Хронологическое измерение жизнедеятельности социальной общности включает в себя ее метрические параметры – продолжительность, длительность существования и функционирования, скорость процессов, протекающих в ней, последовательность этапов развития, событий, содержательно наполняющих каждый этап и формирующих «биографию» социальной общности. В этом смысле

мы можем говорить о времени как эпохе, в которой живут представители поколенческих, профессиональных и иных социальных общностей. Возраст и историю социальной общности также можно отнести к ее хронологическим параметрам.

Темпоральные особенности социальной общности трактуются как совокупность свойств, характеризующих ее отношение ко времени, его свойствам, динамике, влиянию и т.д. Темпоритмы, темпоральные ценности, способ эмоционального переживания времени и др. характеристики образуют темпоральность – темпоральные связи и отношения социальной общности [10, с. 263]. Рассматриваемое в хронологическом и темпоральном аспектах время социальной общности является системной характеристикой, охватывающей все уровни и виды ее жизнедеятельности, свидетельствующей о внутренних связях, состояниях, потенциале и встроенности во внешнее социальное окружение, синхронности с временем общества или способности его опережать (в этом случае мы говорим об авангардности) либо отставать.

Социальные общности изменяются во времени (хронологически) и через время (темпорально). Оставаясь важнейшим элементом общественной системы и замыкая на себе многие социальные процессы (организацию совместной жизни людей, социализацию личности, воспроизводство общественных отношений, социальный контроль и многие другие), социальные общности не только могут влиять в какой-то мере на состояние общества, они способны конструировать новый социальный порядок в нем. На наш взгляд, ресурсом, обеспечивающим реализацию данных функций социальных общностей, выступает социальное время, запускающее в них трансформационные и инновационные процессы. По мнению П. Сорокина и Р. Мертона, динамика социального времени обеспечивает ритмизацию и координацию социальной жизни общности и зависит от особенностей ее организации и функционирования, образа жизни [9, с. 115].

Поколение как темпоральная общность. Среди социальных общностей, для которых время является не внешним фактором, а внутренним, общностнообразующим началом, выделяются общности темпоральные, т.е. выделенные по тому или иному временному параметру, – возрастные, поколенческие, когортные.

Различные темпоральные общности включены в социальные процессы, имеющие ключевое значение для общества. Так, отношения между возрастными общностями (детьми, подростками, молодежью, взрослыми) предопределяют характер социальной стратификации и уровень социального неравенства в обществе. Они могут порождать эйджизм – дискриминацию одних возрастных общностей другими, асимметрию прав и обязанностей различных возрастных общностей. Формирование и изменение возрастной структуры общества напрямую связаны с вопросами социальной политики и трудовой занятости [6]. Функционирование возрастных общностей связано с целыми социокультурными комплексами (нормами, ценностями, стереотипами), которые И.С. Кон назвал «возрастным символизмом культуры» [5].

Не менее напряженными и противоречивыми являются отношения между поколенческими общностями, которые выделяются по признаку общности социально-психологических, идейно-нравственных характеристик, духовных ценностей, социального опыта. Социологические трактовки поколения

многочисленны и в своей основе имеют демографические, историко-культурные, позитивистски-натуралистические, романтико-гуманитарные критерии [2, 4]. Не вдаваясь в научную дискуссию по поводу понятия «поколения» и классификации поколений, обозначим свое понимание поколенческой общности как объединения сверстников или современников посредством символической солидарности, памяти и отношения к определенным историческим событиям.

Как верно пишет В.В. Семенова, «поколения представляют собой особые временные общности. Их жизнь рассматривается как целая локальность во временной протяженности движения обществ от прошлого к настоящему и будущему. Исходя из этого, складывается специфически узкий фокус отношения к социальной реальности и определенным событиям прошлого, что ведет к становлению схожих коллективных ориентаций относительно опыта своей жизни и формированию их отношения к своему времени. Это и является первичным основанием внутренней солидарности поколений или дифференциации взглядов разных поколений» [8, с. 29]. Отсюда следует, что интерпретация поколения как временной общности требует специального внимания, выходящего за пределы генерационной проблематики.

Работ в социологии, связанных с осмыслением поколений, особенно молодежных, их смены, роли многих из них в жизни общества и т.д. за историю этой науки накопилось немало. Среди тех, кто ставил и рассматривал эти проблемы, – все без исключения классики социологии, начиная с О. Конта, практически все крупные зарубежные и отечественные социологи XIX–XX вв. Многие посвятили анализу этих проблем специальные работы (как, например, К. Мангейм). Но крайне редко в них ставились вопросы, которые напрямую касались поколения как временной общности.

В контексте нашего исследования важно показать, какие социальные процессы, поля напряженности и социальные перспективы задает появление того или иного поколения. Прежде всего, это ценностные конфликты, возникающие на переломе эпох между поколениями, и процессы культурной преемственности, это проблемы социальной ответственности поколений перед будущим и накопления/использования социальной энергии того или иного поколения [3]. Для нас важно то, что эти процессы отражают социальные изменения, а, значит, динамику социального времени, воплощенную в жизненном пути, судьбе поколений, межпоколенческих разрывах и связях.

Темпоральные и другие виды социальных общностей не существуют изолированно, зачастую они пересекаются и накладываются друг на друга. Горожане как социальная общность состоят из представителей нескольких поколений жителей города. Научно-педагогическая и волонтерская общности являют собой пример разновозрастных образований. Студенчество, так же как и фрилансерство, включает в себя преимущественно молодых людей, а в возрастной структуре «устоявшихся» предпринимателей преобладает группа 35–54 лет [1, с. 31–32]. Принадлежность человека к той или иной темпоральной общности влияет на выбор жизненной и темпоральной стратегии поведения, поскольку темпоральная общность представляет собой «социокультурный ареал» (Ю.М. Резник), характеризующийся специфической картиной социального времени.

Трактовка поколенческой общности как темпорального объединения людей позволяет рассматривать социальное время как интегрирующее начало, «клей», связывающий людей в ее рамках, маркер, подчеркивающий ее границы, специфику. Темпоральный подход к поколенческой общности легко сочетается с ресурсным подходом к ее изучению. В таком контексте социальная общность может выступать носителем особого вида капитала – капитала времени.

Социальное время поколения. Темпоральные характеристики поколенческой общности (равно как возрастной и когортной) и ее конкретного представителя, несмотря на наличие совпадающих моментов, все же различаются. При такой постановке проблемы мы видим ряд схожих моментов и различий между временем человека – представителя конкретного поколения и поколенческой общности в целом.

И тот, и другой типы времени являются необходимым способом и столь же необходимой формой бытия обоих социальных субъектов – поколенческой общности и человека. Каждый из этих субъектов характеризуется в своей жизнедеятельности совпадающими (по крайней мере, по названию) этапами и фазами темпорального характера: рождение (зарождение), становление, функционирование, старение, смерть (исчезновение). Употребляются и иные понятия, которые по своей сути тоже являются темпоральными: детство, юность, зрелость, старость. Эти этапы характеризуют вертикальную структуру времени, показывают его вектор, направленность в соответствии с темпоральным «движением», «перемещением» социального субъекта.

Вместе с тем, следует отметить различную временную протяженность и различные временные «отметки» и границы каждого из названных этапов у рассматриваемых субъектов. У человека хронология его жизнедеятельности охватывает диапазон от мгновенного – почти в прямом смысле слова (не по Дж. Урри) – времени рождения и смерти до достаточно длительного, многолетнего времени «прохождения» всех остальных этапов. У поколенческой общности мгновенность (краткость) времени как таковая отсутствует, она в хронологическом отношении проживает более длительные этапы. Рождение же и исчезновение общности, в отличие от ее конкретного представителя, приобретает характер зарождения и исчезновения как более растянутого во времени и постепенного процесса.

В течение жизни человек может относиться к разным поколениям (как формам социальной общности), переходя последовательно от одного к другому и приобретая темпоральные характеристики каждого нового поколения (это же касается возраста и когорт).

Что касается социальной общности, то она включает в себя одновременно целый ряд поколений (равно как возрастных и когортных общностей). В этом случае время человека несет на себе особенности и того поколения, возраста, когорты, в которых он находится в какой-то период своей жизни, и той социальной общности (общностей), представителем которой (которых) выступает в этот период. Другими словами, происходит известное наложение на время жизни человека темпоральных особенностей и его конкретного поколения (возраста, когорты), и тех социальных общностей, в рамках которых он функционирует в данный хронологический отрезок.

Тогда справедлива и иная постановка вопроса: происходит ли подобное наложение темпоральных характеристик поколенческой жизни человека на время его социальной общности (социальных общностей)? Думается, что ответ на поставленный вопрос должен быть утвердительным.

Представим демографическую ситуацию, характеризующуюся резким численным ростом молодого поколения, будь то школьники, студенты или выпускники учебных заведений, в большем количестве, чем совсем недавно, заполняющие рабочие места, а также места в образовательных организациях. Первое следствие этого процесса сразу бросается в глаза: школы в этот период нуждаются в новом притоке учителей. Это означает для данной социально-профессиональной общности, государственных структур, связанных с образованием, необходимость ее пополнения и поиска ресурсов для такого процесса.

Но это далеко не все последствия поколенческих изменений. Мы затронули лишь их количественную характеристику. Однако каждое новое поколение несет в себе глубокие качественные особенности, связанные с мировоззренческими, ценностными, культурными и иными аспектами деятельности, приобретающими подчас стратегическую для данной общности направленность. Последняя не может не быть связанной с темпоральными проблемами поведения генерационной (поколенческой) общности, которые, как мы уже отмечали, накладываются на деятельность любой иной социальной общности. Ибо каждое новое поколение несет с собой не просто ветер перемен, это ветер нового времени, нового восприятия времени, нового отношения к нему. Время меняет поколения, а поколения меняют время, рожают новые темпоральные способы деятельности и взаимоотношений между людьми, новые способы его восприятия.

Библиографический список

1. Глобальный мониторинг предпринимательства: Национальный отчет. М.: ВШЭ, 2011. 62 с.
2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–49.
3. Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2002/04/17/474861/> (дата обращения 25.04.2015).
4. Исаева М.А. Поколение // Энциклопедия гуманитарных наук. 2011. № 1. С. 265–268.
5. Кон И.С. Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. 560 с.
6. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. СПб.: Речь, 2009. 163 с.
7. Резник Ю.М. Человек как субъект социального времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2012. № 3 (27). С. 144–150.
8. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 271 с.
9. Сорокин П., Мертон Р. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. 112–119.
10. Хасанов И.А. Темпоральность, темпоральный // Время как объективно-субъективный феномен: Словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 328 с.

© Амбарова П.А., Зборовский Г.Е., 2015. Текст.

Информация об авторах

Амбарова Полина Анатольевна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления, Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: p.a.ambarova@urfu.ru).

Зборовский Гарольд Ефимович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: g.e.zborovsky@urfu.ru).

Ambarova P.A., Zborovsky G.E.

SOCIAL TIME GENERATIONAL COMMUNITY

Abstract. *The problem of social time of a generational community integrates two methodological approaches – communities' and temporal that allows to define new approaches to both research of social time, and to research of generation phenomenon. The interpretation of generational community social time is given.*

Keywords: social time, generation, temporal community, time of social community.

Information about the authors

Ambarova Polina Anatolyevna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Management Technologies, Institute of Public Administration and Business, Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: p.a.ambarova@urfu.ru).

Zborovsky Garold Efimovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Institute of Public Administration and Business, Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: g.e.zborovsky@urfu.ru).

УДК 316.3

Берзин Б.Ю.

НАПРЯЖЕНИЕ И НАПРЯЖЕННОСТЬ ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ИСТОРИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием такого состояния массового и индивидуального сознания, как напряженность. Выделяются особенности напряженности, связанные с временными характеристиками, а также анализируется взаимодействие в состоянии «напряжения» времени между индивидуальным субъектом истории и коллективным субъектом.*

Ключевые слова: время, «напряженность», «напряжение» времени, субъект истории, состояния психики.

Категория «время» все чаще становится объектом интереса представителей гуманитарных наук – философов, социологов и психологов. Одних интересует время как форма бытия, выражающая длительность существования вещей, их сменяемость, другие исследуют социальное время как форму организации повседневной жизни общности или личности. Психологи сосредоточили внимание в основном, на проблемах восприятия и переживания времени индивидом,

возрастных особенностях присвоения ценностных ориентаций, социальных установок и норм, их влияния на поведение человека.

Но, как точно заметил профессор В.Е. Кемеров, «индивидуально-психологическое время, будучи фиксацией уникальных событий жизни человека, оказывается связью времени социального, той связью социальных времен, без которой они распадаются» [3, с. 130].

Исходя из тесной связи социального и индивидуально-психологического времени, можно говорить о роли времени в жизнедеятельности различных субъектов – отдельного индивида и социальных групп (социальных общностей). Причем речь идет как о взаимообусловленности и взаимовлиянии, так и о значении активности индивидуальных и коллективных субъектов в исторических процессах. С.Л. Рубинштейн особо подчеркивал, что «не только человечество, но и каждый человек является в какой-то мере участником и субъектом истории человечества и в известном смысле сам пишет историю» [6, с. 642].

Субъект пишет историю в той или иной конкретный период времени и, переживая это время, он испытывает те или иные состояния индивидуального или группового (массового) сознания. Это результат воздействия среды (обстановки, обстоятельств), которое переживается как непосредственная эмоциональная реакция на ситуацию (например, индивид находится в состоянии грусти, толпа – в паническом состоянии и т.п.), и выражается в конкретных действиях, поступках.

Именно поведенческие реакции позволяют судить о том, как реагирует индивидуальный субъект истории на значимое внешнее воздействие или на обусловленные его духовным миром внутренние факторы.

Все состояния личности имеют временные характеристики: длительность, последовательность, цикличность и т.п.

Индивидуальный субъект истории (личность) испытывает самые различные состояния, в том числе и состояние напряженности. Один из основоположников общей теории систем К.Л. фон Берталанфи отмечал, что живые системы для преодоления воздействия окружающей среды обладают свойством повышения напряжения, это дает им дополнительную энергию (К.Л. фон Берталанфи, 1968). В основу критериев классификации состояний могут быть предложены временные, пространственные, структурные и функциональные характеристики (Сосновикова Ю.Е., 1975).

При структурном подходе состояния личности различаются по степени напряженности, т.е. уровнями концентрации внимания, энергии, интеллектуальных способностей.

По напряженности состояния личности подразделяются на циклические, периодически повторяющиеся с примерно одинаковым уровнем напряженности – т.е. являющиеся нормой для конкретного индивида, и исключительными, редко возникающими, характеризующимися высокой степенью мобилизации всех интеллектуальных, волевых и эмоциональных ресурсов [7, с. 21].

Исключительный, предельный уровень напряженности существует до тех пор, пока действуют факторы, вызвавшие это состояние.

Точно также можно говорить о состояниях сознания коллективного субъекта, о массовидных явлениях психики (паника, слухи и т.д.).

К состояниям массового сознания относится и напряженность. К.Л. фон Берталанфи приводил в качестве примера Европу, «испытывшую в период войны и

после нее чрезвычайную физиологическую и психологическую напряженность» [2, с. 64].

Наиболее очевидной является степень (уровень) социальной напряженности той или иной группы, социальной общности. Кроме того, если взять в качестве критерия классификацию по сферам общественной жизни, то выделяются виды напряжения по этим сферам. Но для нас очень важна, прежде всего, социальная напряженность, т.к. она наиболее полно и обобщенно отражает концентрацию интереса коллективного субъекта к тем или иным проблемам жизнедеятельности общества. Последствием такого интереса, если совпадает вектор активной деятельности социальной группы (классов, этносов, конфессий), обладающей мощным ресурсом, и наиболее популярных общественных деятелей, являются социальные изменения. Особое значение приобретает совпадение уровня общей социальной напряженности с так называемым «напряжением» времени.

«Напряжение времени» – термин, предложенный уральским социологом П.А. Амбаровым для характеристики марксистского понимания социального времени, которое создается двумя факторами: скоростью экономических процессов и остротой социальных (классовых) противоречий [1, с. 40].

Коллективный субъект (та или иная социальная группа) своей активной деятельностью стремится к изменению или сохранению существующих общественных отношений [1, с. 43]. Мобилизация ресурсов субъекта приводит к росту «напряжения» времени, ускорению всех социальных процессов, повышению их интенсивности.

Сочетание, интеграция «напряжения» времени и напряженность коллективного субъекта и напряженность времени индивидуального субъекта могут привести к поразительным результатам, и те общественные деятели, политические лидеры, которые историей причислены к выдающимся людям, являются убедительным примером. Их жизненный путь дает примеры как высокой работоспособности, так и достижения поразительных результатов в преобразовании общества.

Еще в первой трети XX столетия Шарлотта Бюлер в своем исследовании «Жизненный путь человека как психологическая проблема» подчеркивала, что главной движущей силой развития является стремление человека к самоосуществлению (Ш. Бюлер, 1933). Успех зависит от способности индивида ставить цели, наиболее адекватные его внутренней сути, и, добавим, от учета и умелого использования внешних обстоятельств.

В жизни человека существуют поворотные моменты, которые вызывают большие изменения в его личной жизни, а иногда и в истории. Это так называемые «события жизни» – узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида [6, с. 643].

Н.А. Логинова называла эти моменты «биографическими событиями» и выделяла события среды, поступки и события внутренней жизни (события-впечатления) [5, с. 160-163].

Попытаемся проследить на примере творческой биографии основателя Советского государства В.И. Ленина сочетание «напряжения времени» и напряженности времени отдельной личности, а также большой социальной группы (класса), которое привело к величайшим изменениям в истории XX столетия. Основой для анализа послужило Полное собрание сочинений В.И. Ленина [4].

Анализ проводился по 54 томам, которые содержат основные произведения В.И. Ленина, его письма, записки и телеграммы. В 46-54 тома вошли письма, телеграммы, записки, примыкающие к опубликованным материалам с 1 по 46 том, том 55 содержит личную переписку.

Для иллюстрации были взяты следующие показатели – число произведений научной и общественно-политической проблематики, а также количество страниц, опубликованных за конкретный год. По нашему мнению, данный подход позволяет вычленить по годам публицистическую активность автора в виде отдельных биографических событий. Это характеристика научно-публицистической активности личности. Кроме того, точно так же по всем годам был проведен подсчет писем, записок, телеграмм, показывающих практическую работу по созданию партии, выпуску партийных газет, организаторскую деятельность по установлению Советской власти.

Начало научной и публицистической активности В.И. Ленина зафиксировано с 1893 года (т.е. с возраста 23 лет), когда вышли две публикации общим объемом 122 страницы. Последующие годы показывают нарастание количества публикаций. Особенно показателен 1899 год, когда была издана книга «Развитие капитализма в России». В том году было опубликовано 22 работы объемом 957 страниц. Следующий, более заметный всплеск деятельности, обусловленный «напряжением» времени, связан с созданием РСДРП и событиями первой российской революции (рис. 1).

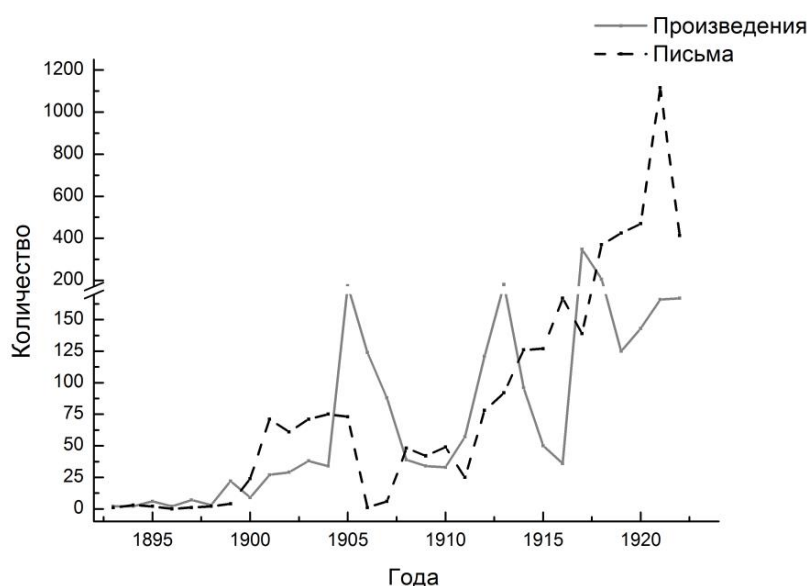

Рисунок 1. Показатели научной и публицистической деятельности В.И. Ленина в разрезе времени активной жизни

1903 год знаменуется вторым съездом РСДРП, на котором В.И. Ленин выступил 30 раз, в этом же году было написано 38 работ.

1905 год – это сочетание научной, публицистической и организаторской деятельности, вышло 174 работы объемом 1291 страниц, в том числе книга «Две тактики социал-демократов в демократической революции». В этот же год написано 73 письма, в основном по организационно-партийной работе; на III съезде РСДРП В.И. Ленин выступил со своими материалами 53 раза.

Следующий пик «напряжения» времени вызван революцией 1917 года и необходимостью строительства государства нового типа. В 1917 году было написано 710 статей, заметок, брошюр общим объемом 1806 страниц (рис. 2), отправлено 138 писем. Затем научно-публицистическая активность снижается, зато возрастает поток писем, служебных записок и телеграмм, вызванный гражданской войной, восстановлением экономики страны, необходимостью оперативного руководства, решения конкретных проблем. В 1919 году таких документов было подготовлено 424, в 1920 – 469, а в 1921 – уже 1115.

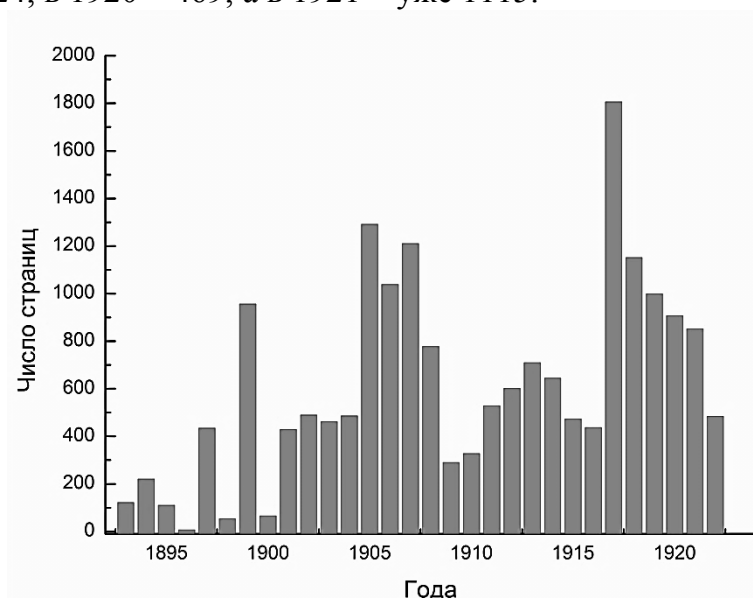

Рис. 2. Количество страниц в публикациях по годам

Такая напряженная жизнь и последствия ранения, естественно, сказались на состоянии здоровья, и уже в 1922 году после операции по извлечению пули в мае месяце наступил частичный паралич правой руки и правой ноги, расстройство речи. До октября месяца шло лечение, затем было разрешение приступить к работе, но в декабре 1922 года проявилось резкое ухудшение состояния здоровья.

В марте 1923 года – снова сильное обострение болезни, потеря речи и в январе 1924 года В.И. Ленина не стало.

«Напряжение» социального времени и напряженность жизненного пути уникальной личности привели к громадным изменениям истории не только России, но и всего человечества.

Библиографический список

1. Амбарова П.А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей: монография. Екатеринбург: УрФУ, 2015.
2. Берталанфи К.Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969.
3. Кемеров В.Е. Время социальное и пространство социальное // Современный философский словарь / Под общей ред. д.ф.н. профессора В.Е. Кеменова. 3 изд., испр. и доп. М., Академический Проспект, 2004.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений (5-е издание) в 55 т. М.: Издательство политической литературы, 1965-1975.
5. Логинова Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М.: Изд-во «Наука», 1978.

6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Спб.: Питер, 1999.
7. Чеснокова И.И. О тенденции исследований состояний личности в советской психологии // Психология личности и образ жизни. М.: Наука, 1987.

© Берзин Б.Ю., 2015. Текст.

Информация об авторе

Берзин Борис Юрьевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор философских наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: boris.berzin@uapa.ru).

Berzin B.Yu.

THE TENSION AND STRESS OF THE TIME IN THE SYSTEM OF ACTIVITY OF INDIVIDUAL SUBJECT OF HISTORY

Abstract. *In the article the issues related with influence of such state of mass and individual consciousness as tension are considered. The features of tension related to temporary characteristics are highlighted, also interaction in the state of «stress» time between the individual and the collective subject of history is analyzed.*

Keywords: time, «tension», «stress» of time, the subject of history, the state of the psyche.

Information about the author

Berzin Boris Yurievich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Philosophy Science, Professor of The Chair of Theory and Sociology of Management, Ural Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (66, 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: boris.berzin@uapa.ru).

УДК 173+37.018+ 371. 15

Дудина М.Н.

МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ НА ЦЕННОСТЬ ПАТРИОТИЗМА ВО ВРЕМЕННОМ КОНТИНУУМЕ

Аннотация. *В статье поставлена проблема устойчивости ментальной установки российской семьи на ценность патриотизма в меняющемся временном континууме. Историческая тенденция воспитания патриотизма как осознаваемой любви к Отечеству рассматривается в трансформации от императивной к нравственно ориентирующей этике.*

Ключевые слова: патриотизм как ценность, ментальные установки российской семьи, патриотическое воспитание, императивная и нравственно ориентирующая этика.

*Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.
За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила.*
(К. Симонов)

Актуальность проблемы воспитания патриотизма нарастает во временном континууме. Мировое сообщество пришло к 70-летию Великой Победы народов над фашизмом в самой кровавой войне XX в. в ситуации отчаянной «борьбы за историю». За ней стоит стремление многих политиков фальсифицировать историю, искажая факты и события, давая им необоснованные интерпретации, «поделить» победу, лишая поколения исторической памяти о подвигах миллионов, отдавших за нее свои жизни. В целом же мы видим, с одной стороны, мощные социокультурные трансформации, которые привели к определенному забвению, даже молчаливому отказу от решения проблемы патриотического воспитания, в том числе и в семье. С другой стороны, в российской семье не только сохраняется, но и усиливается ментальная установка на ценность патриотизма. Свидетельством этого стало грандиозное празднование 70-летия победы в Великой Отечественной войне в нашей стране и во многих странах мира. Особенно впечатляющим стал «Бессмертный полк» – народная инициатива 12 млн участников в России и еще в 14 странах. Это не длинные речи наставлений о необходимости исторической памяти и благодарности тем, кто отдал за победу свои жизни. Это не наставления детей, подростков и молодежи в необходимости любить родину, 12 млн человек просто несли фотографии своих предков – солдат и офицеров, блокадников, детей полков, тружеников тыла, усилиями которых и их ратным подвигом сохранили мир на земле и свободу нашей Родины. Вот такая «забота о будущности предков» (говоря словами русского философа Вл. С. Соловьева). Они были патриотами, и это лучший способ воспитать патриотов в уже значительно изменившемся временном континууме, для которого характерна реальная свобода выбора нравственных ориентиров, моральных и поведенческих норм, в их числе патриотизм и рефлексия по поводу собственных установок, ценностей и смыслов.

Определяя патриотизм как «любовь к отечеству, вытекающую из сознания солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации» [1, с. 434], мы акцентируем внимание на эмоциях и чувствах, несущих огромный заряд психической энергии, способной вызывать сильный отклик. И поскольку патриотизм – это приобретаемое благодаря воспитанию свойство личности, с ним не рождаются, его нет в инстинктах как во врожденных программах поведения, оно не передается по наследству, постольку поддерживается с помощью социокультурной традиции и инноваций. Это особенно актуально в усиливающейся «борьбе за историю», когда на государственном уровне встал вопрос об историко-культурном стандарте преподавания истории в нашей стране, о создании «единого учебника по истории» и проявилось негативное отношение как угроза плюрализму и неоднозначности оценок многочисленных фактов, явлений и личностей, разнообразных интерпретаций исторических событий.

Если говорить о современной российской семье в целом образованных людей, то, во-первых, встает вопрос об их патриотических чувствах, их ментальной установке воспитывать в собственных детях с самого раннего детства патриотические чувства. Во-вторых, понимая, как изменилась на постсоветском пространстве жизненная и образовательная ситуация, требующая от них, возможно, пересмотра своей позиции на основе осмысления ранее неизвестных исторических фактов, событий и их различных интерпретаций. В-третьих, рефлексировать самим и приучать детей к тому, что восприятие и представления разных поколений меняются во временном континууме, как и развивающиеся

тенденции семейных отношений, сохраняя при этом ментальные российские установки ценности патриотизма и его воспитания прежде всего в семье. Для этого у нее есть все основания, способы и средства, лишь бы жила и крепла историческая память.

Так трансформируется индивидуальное и массовое сознание, ориентированное на любовь к Родине. Корни патриотизма лежат глубоко в нашей российской истории и через века проросли в качестве важнейшей личностной и социальной ценности в семье. Ментальность (от лат. *mens, mentis*, «разум, ум, интеллект») – понятие, не имеющее точного аналога в русском языке. Главное отличие русского словоупотребления от европейского состоит в представлениях о данном феномене как не только запечатленном в сознании, но и в чувствах, переживаниях людей, воспитанных в различных социокультурных средах [3].

Ментальность формируется в процессе воспитания и обретения жизненного опыта, этим отличаются индивидуумы и социум. Понимая, что сознание — компонент ментальности, наряду с бессознательным в человеке, целенаправленное патриотическое воспитание подразумевает осознание мыслей и чувств любви к Родине, гордости за нее, умение разделить ее горькую судьбу, ее радостные победы, достигаемые миллионными жертвами и непосильным трудом. Понимая российскую ментальность как способ видения мира, в котором мысль не отделена от эмоций, мы не должны забывать о динамичности континуума, его значимости для понимания проблемы воспитания патриотизма в существующем российском демократическом социуме.

Это обуславливает отказ от императивной этики долженствования, характерной для дореволюционного российского и советского пространства, и признание необходимости утверждения осознанного выбора каждым в ситуации свободы. О том, что мы опоздали, свидетельствует статистика социокультурной динамики 2000-х годов, которая принесла горькие плоды за короткий исторический период в постсоветском пространстве. Согласно данным Левада-центра (2001), на вопрос о том, кто был противником и союзником СССР в годы Второй мировой войны, затруднились ответить соответственно 15 и 13% опрошенных, в 2004 году – 18 и 24%. Респонденты путали Великую Отечественную войну с Отечественной войной 1812 года, многие из школьников не смогли назвать имена полководцев и героев Великой Отечественной войны. Каждый десятый не смог назвать дату начала Великой Отечественной войны (10% респондентов не вспомнили год, а 3% не знали, участвовал ли в войне кто-нибудь из их родственников) [6].

Приведем еще не менее убедительные данные более позднего исследования. На вопрос «Что значит быть патриотом России?» получены такие ответы: «уважать и знать историю России» (68,6%), «испытывать гордость за свою страну» (58,4%), «уважительно относиться к участникам войны, людям пожилого возраста» (48,8%), «испытывать чувство ответственности за происходящее в стране» (33,9%), «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны» (28,5%), «принимать участие в общественной политической жизни страны» (16%), «не уклоняться от службы в армии» (12,4%), «честно и добросовестно трудиться» (10,3%). Однако исследователи отмечают, что в ответах была и растерянность: «сейчас Родина и государство – слишком разные понятия, непонятно, за кого отдавать жизнь, и отдавать ли» [2].

И все же оптимизм вселяет грандиозное по своим масштабам и содержательности, переживаемым эмоциям гордости за свою Родину празднование 70-летия Победы и многие акции, в числе которых «Бессмертный полк» (2015), что уже не позволит предать забвению великий подвиг нашего народа, как и имя – Великая Отечественная война.

Успешное зарождение и дальнейшее развитие с детских лет патриотических чувств в современных условиях мы связываем, прежде всего, с семьей, в контексте усилий образовательных учреждений всех ступеней обучения – с социумом. Для этого требуется сотрудничество (семья и школа – «не соперницы, а сотрудницы», говоря словами русского историка В.О. Ключевского). Патриотизм как духовно-нравственная основа нации и государства является укоренившимся свойством российской ментальности в отличие от понятий «гражданин», «гражданское общество», «гражданское воспитание». Они возникли значительно позже, страна веками была крепостнической с безраздельным господством самодержавия, потом тоталитарного режима. Это и есть убедительные «уроки истории», которые позволяют каждому подростку и взрослому определиться с выбором своей гражданской и патриотической позиции. Она начинается в семье, в которой доступными средствами поддерживается связь и преемственность поколений, когда жива память о предках, когда ухаживают за их могилами и задумываются о своей жизни в едином семейном контексте.

Здесь велика роль истории как научного познания и учебного предмета, освещающего факты и события. Они запечатлены в литературе, кинематографе, художественном искусстве, музыке – во всем, к чему так рано ребенок приобщается в семье, подросток обсуждает с родителями, задает вопросы, в том числе «неудобные», ответы на которые находят в совместном поиске. В нем необходим диалог поколений, построенный на понимании солидарности интересов государства и личности во взаимодействии со своей Родиной, ее ценностями и смыслами жизни, желании благополучия всем народам в прошлом, настоящем и будущем. При этом современная семья образованных родителей может привлечь внимание к своевременному пониманию детьми большой разницы между научными исследованиями и публицистикой, исторической беллетристикой. Доступность информации в ситуации «архивной революции» за последнее двадцатилетие открывает родителям проблему приобщения детей и подростков к поиску исторических сведений, сопоставлению разных точек зрения и толкований в контекста исторического исследования. Чтение достойных источников может вызвать непреходящую гордость у подрастающего поколения за своих предков, создавших оружие Победы, организовавших беспрецедентную эвакуацию предприятий, определить справедливое место и роль «ленд-лиза», вклад СССР и союзников в приближение разгрома фашистской Германии. Современные родители смогут в унисон со школьными уроками способствовать социокультурному и педагогическому преодолению традиционных постулатов императивной этики с ее призывами к долженствованию, морализаторству, тем более вызыванию к совести, долгу на основе использования средств авторитарной педагогики с лозунгом «патриотом быть обязан!».

Сказанное наводит на размышление о том, что патриотическое воспитание становится более сложным и противоречивым процессом, требующим пересмотра традиционных подходов, в том числе и в семье, дававших в прошлом более чем

убедительные результаты, но не в настоящее время и не в будущем. Временной континуум требует создания социальных, культурных и семейных условий для реализации нравственно ориентирующей этики, в основе которой лежит свобода выбора и ответственность за него. Это продиктовано качественными изменениями, обусловленными глобализацией. Как феномен она охватывает все сферы жизни, преодолевает государственные и национальные границы, усиливает миграцию, в том числе и духовных ценностей, к которым с полным основанием мы относим патриотизм.

Глобализация порождает новое отношение к пространству и времени, в котором происходит формирование новых структур, социокультурных механизмов и культурных инициатив. Современные поколения в разных странах испытывают ускорение темпов социального и культурного развития, усиливающиеся кризисы, затрагивающие семью, образование и воспитание подрастающих поколений. Глобализация характеризуется цельностью и нераздельностью происходящих процессов, поэтому требуются общие усилия по преодолению кризисных последствий для всех социальных структур и социальных слоев, в числе которых самыми незащищенными являются дети, подростки, молодежь в силу ценностно-смысловой диффузии.

В данных социальных и культурных условиях происходит децентрализация, ослабление национально-государственной и общественной организации, смешение культур, религий, образа жизни и норм поведения. И особенно стремительно происходит отказ от традиционных ценностей и неосознанное принятие новых. В глобализирующемся мире государство как форма организации жизнедеятельности людей теряет свои позиции. В обществе массированными способами и выверенными политическими технологиями планомерно подрываются этнические, национальные и государственные традиции, что осложняет процессы социализации и идентификации личности с самых ранних лет и на протяжении жизни поколений. Убедительный пример дают многие страны и народы, участвовавшие в самой жестокой войне за всю историю человечества, в том числе современная Украина, где идет отчаянная «борьба за историю», переписываются учебники, особенно истории, «переделываются» родители и учителя.

В условиях глобализации ослабевает влияние общества и государства, а с ними и системы образования, на личность. Значит, речь идет о необходимости исследования процесса успешного воспитания патриотизма в условиях продвижения человечества к единому целому, к развитию коллективного сознания.

Что касается системы образования на всех этапах – от дошкольного до послевузовского, то особый разговор о профессионализме и рефлексивной культуре воспитателя, учителя и преподавателя истории. Можно сказать, что он на переднем крае борьбы за умы и сердца наших детей, подростков, молодежи. Являясь целостным приобретением интегративных свойств, рефлексивная культура имеет смыслообразующей основой представление о необходимости гуманизации российского общества, не имеющего демократических традиций в отечественной истории. Наличие такой смысловой доминанты ориентирует на изначально существующие разные уровни, измеряемые по критериям и показателям профессионализма. Зная о неизбежной корреляции рефлексивной организации деятельности и рефлексивной культуры педагога как субъекта деятельности и общения, важно обратиться к инновационному потенциалу

личности и профессионала, чтобы переосмысливать собственный опыт, повышать готовность к профессиональному творчеству.

Личностно ориентированная модель современного образования как непрерывного («через всю жизнь») нацеливает на осознанный анализ профессиональной деятельности, выявление смыслов и мотивов, целей, в том числе творчества в проблемной ситуации. Как системообразующий фактор профессионализма рефлексивная культура предполагает стратегию осознания и переосмысления личного опыта в конкретной деятельности, в противном случае она беспредметна (В.А. Сластенин). Это касается не только предметной компетентности педагога, но и его коммуникативной культуры, реализуемой в межличностных отношениях «педагог-обучаемый», что требует понимания другого, компетентной интерпретации внутреннего мира другого, принятия его таким, каков есть и неконфликтного продуктивного взаимодействия. Адекватная критически-рефлексивная деятельность сознания педагога сопровождается позитивными и негативными эмоциями, переживаниями в трудных ситуациях. Развивая идею рефлексивной стратегии, современные авторы исследуют «конструктивную профессионально-педагогическую рефлексию», выделяют ее явное преимущество в сравнении со стихийно-ситуативной и предлагают проектирование модели развития рефлексии как основы рефлексивной культуры педагога (А.А. Деркач, Н.И. Выюнова, Е.В. Кривотулова, О.С.Копытина). При этом подчеркнем, что потенциально и реально значимый вклад в развитие рефлексивной культуры педагога-историка делает его методологическая и методическая компетентность [4, 5, с. 73-81].

Таким образом, не только не снимается, но усложняется задача воспитания в семье, в школе и вузе патриота, осознающего себя среди других, существующих в иных государственных и национальных границах мирового сообщества. Она требует совместных усилий, чтобы поддержать ментальные установки российской семьи на ценность патриотизма во временном континууме, чтобы слова К. Симонова, написанные в суровом «сорок первом», продолжали трогать сердца и души родителей и растущих поколений.

Библиографический список

1. Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь. Современная версия. М.: ЭКСМО, 2002.
2. Грошев И.Л., Грошева И.А. Трансформация идей патриотизма в молодежной среде: системный анализ//Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданской ответственности/ Под общ.ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2011. С. 107-135.
3. Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1., М., 1989, с.75-89.
4. Дудина М. Н. Зачем изучать историю? Или как я понимаю методику преподавания истории. Екатеринбург, 2002.
5. Дудина М.Н. Акмеология профессионализма: рефлексивная культура педагога-историка/Современный педагог – историк: актуальные проблемы профессиональной подготовки к профессиональной деятельности. Ежегодник. XIX всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. Ст. /ФГБОУ ВПО « Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2015. Ч. 1. 332 с.

6. Пресс-выпуск ВЦИОМ №1483 [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13446.html> (дата обращения 19 . 12.2014).

© Дудина М.Н., 2015. Текст.

Информация об авторе

Дудина Маргарита Николаевна (г. Екатеринбург, Россия) – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и социологии воспитания, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51; e-mail: m-dudina@mail.ru).

Dudina M.N.

MENTAL SETS OF RUSSIAN FAMILY TO THE VALUE OF PATRIOTISM IN TEMPORARY CONTINUUM

Abstract. *In the article the problem of stability of the mental set to the value of patriotism of Russian family in changing temporary continuum is posed. Historical tendency of training patriotism as perceived love for Fatherland in transformation from imperative to moral-ethical orientation is considered.*

Keywords: patriotism as the value, mental installations, Russian family, patriotic education, imperative and moral-ethical orientation.

Information about the author

Dudina Margarita Nikolaevna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Chair of Pedagogy and Sociology of Education, The first President of Russia B.N. Yeltsin's Ural Federal University (51, Lenin Ave., Yekaterinburg, 620000, Russia; e-mail: m-dudina@mail.ru).

УДК 316.74:37+159.922.736.4

Оконечникова Л.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ДЕТСКО- РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ МЛАДШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА)

Аннотация. *В статье представлены результаты эмпирического исследования межличностного восприятия в детско-родительских отношениях, описаны различия в восприятии отцов и матерей, дана интерпретация полученных результатов в соответствии с новообразованиями подросткового возраста.*

Ключевые слова: межличностное восприятие, детско-родительские отношения, восприятие взаимоотношений, отношение ребенка к родителям новообразования, подростковый возраст.

Как известно, большинство исследований подтверждают значимость межличностного восприятия во взаимоотношениях между людьми [1, 2, 4, 5]. Одним из факторов, определяющих специфику межличностного восприятия в детско-родительских отношениях, являются новообразования подросткового возраста [6, 7, 8]. Кроме того, существуют определенные различия в восприятии подростками образов отца и матери [8].

Все это обусловило цель нашей работы: исследовать особенности межличностного восприятия в детско-родительских отношениях на примере младшего подросткового возраста.

Объектом исследования стало межличностное восприятие, предметом – особенности межличностного восприятия в детско-родительских отношениях.

В соответствии с поставленной целью нами были использованы две методики: «Список личностных черт» А. М. Эткинда в модификации Ю. Е. Алешиной и А. С. Коноводовой, направленные на выявление особенностей межличностного восприятия в семье, и опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» (ВРР), позволяющий выявить представления о взаимоотношениях в семье, учитывая оценки обеих сторон взаимодействия.

В исследовании приняли участие подростки от 10 до 13 лет в количестве 132 человек.

Обзор результатов начнем с анализа данных, полученных по результатам обработки методики «Список личностных черт».

Сначала рассмотрим показатели, характеризующие отношение ребенка к родителям.

Процент подростков, называющих при описании себя и матери сходные черты (23,3%), несколько выше, чем процент подростков, называющих количество сходных черт при описании себя и отца (10%).

В то же время достаточно высок процент подростков, не называющих сходных черт с родителями (с отцом – 46,7%, с матерью – 30 %). Значительное число подростков не стремятся походить на своих родителей (на отца – 66,7 %, на мать – 56,7 %), то есть не описывают сходных черт между своим идеалом и представлениями о родителях.

Полученные результаты можно объяснить, на наш взгляд, тем, что для этого возраста характерно развитие самосознания, то есть подросток начинает осознавать свою индивидуальность. Появляется такое важное новообразование, как чувство взрослости [3, 6, 7]. Об этом свидетельствуют и те личностные черты, которые подростки называют при описании себя: зрелый, независимый. Некоторые дети нарушали инструкцию, называя подобные черты, не предложенные экспериментатором.

В целом, по результатам качественного анализа можно говорить о стремлении подростков быть умными, целеустремлёнными и творческими. При описании родителей подростки чаще всего называют такие черты, как добрый, умный. При этом доброту матери отмечают 63,3%, отца – 46,6 % детей. Отца считают умным 33,3 % подростков, а мать 40 %. Интересно, что при описании отца встречается такая личностная черта, как независимость (16,6 %), а мать описывают как творческую личность (20 %). Как властных оценили отцов 6,7% детей, как замкнутых – 3,3%. В то же время необходимо отметить, что подростки при описании родителей не используют такие черты, как агрессивный, гибкий, эгоистичный и безответственный.

Редко при описании родителей встречаются такие личностные черты, как чуткий, естественный, восприимчивый, объективный, тревожный, ранимый, то есть те прилагательные, которые характеризуют эмоциональные черты. По результатам качественного анализа можно предположить существование определённой неудовлетворённости в отношениях с родителями, это подтвердили также

результаты опросника «Взаимодействие родитель-ребёнок» (ВРР) по шкале: «удовлетворённость отношениями».

Далее проанализируем показатели, характеризующие восприятие подростком отношения родителей к нему. С точки зрения подростков, матери более точно воспринимают их личностные черты, чем отцы (20% и 10 %). По результатам качественного анализа интересно отметить, что 13,3% подростков считают себя безответственными. Часто такое представление о себе совпадает с представлением родителей. При описании себя подростки отмечают такие личностные черты, как тревожность (3,3%), ранимость (6,7%), агрессивность (6,7%) и замкнутость (10 %). Полученные результаты можно объяснить, на наш взгляд, тем, что в подростковом возрасте ребёнок начинает проявлять повышенный интерес к своему внутреннему миру. Подростки становятся замкнутыми, чувствительными к критике, склонны к перепадам настроения. Появляется чувство одиночества. [7].

Проанализируем такой показатель как степень соответствия нормативным ожиданиям родителя. Высокий процент подростков не считают себя удовлетворяющими требованиям родителей (отца – 70 %, матери – 63,3 %). Полученный результат подтвердился в беседах с родителями, которые считают, что требуют от детей невозможного. В целом, по результатам качественного анализа, можно сказать следующее. С точки зрения подростков родители хотят, чтобы дети были умными (56,6% отцов, 46,6% матерей), целеустремлёнными (26,6% отцов и 23,3% матерей). При описании нормативных ожиданий родителей часто встречаются такие черты, как творческий, энергичный, решительный. С точки зрения подростков, родители реже ожидают от них чуткости, естественности, доброты, гибкости, восприимчивости.

Далее проанализируем такой показатель, как степень соответствия между идеалом ребёнка и его представлениями о нормативных ожиданиях родителей, который характеризует ориентацию ребёнка на ожидания родителей, стремление им соответствовать. Различия между степенью ориентации на ожидания отца и матери статистически не значимы. В то же время высок процент подростков, не ориентированных на ожидания родителей (отца – 40%, матери – 43,3%). С нашей точки зрения, такую тенденцию можно объяснить тем, что в подростковом возрасте возрастает потребность подростка в поведенческой автономии от родителей, большое значение приобретает общение в группе сверстников [3, 7, 8].

Итак, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в младшем подростковом возрасте наблюдается большее взаимопонимание с матерью. Тем не менее данная методика дала возможность получить оценки только со стороны ребёнка, в то время как оценки родителей не учитывались.

В качестве дополнительного материала для исследования мы использовали опросник «Взаимодействие родитель-ребёнок» (ВРР). Исследуя особенности межличностного восприятия в детско-родительских отношениях, ограничимся следующими шкалами: «нетребовательность – требовательность родителя», «эмоциональная дистанция – эмоциональная близость ребёнка к родителю», «отвержение – принятие ребёнка родителем», «авторитетность родителя», «удовлетворённость отношениями».

Начнем анализ с результатов показателей по шкале «требовательность – нетребовательность». Большинство подростков оценивают родителей как менее требовательных. По предыдущей методике получились противоположные

результаты. Но, так как модифицированная методика «Список личностных черт» является полупроективной, то результаты по ней позволяют с большей точностью говорить о высокой требовательности родителей. Этот факт подтверждают результаты бесед с родителями и их оценки по шкале опросника ВРР: «нетребовательность – требовательность». Таким образом, можно предположить, что, отвечая на вопросы опросника ВРР, подростки дали социально желательные ответы по данной шкале.

Результаты по шкале «эмоциональная дистанция – эмоциональная близость» свидетельствуют о большей эмоциональной близости подростков к матери, чем к отцу ($\text{ср}=2,6$). При этом матери считают, что подростки более близки к ним эмоционально ($\phi^*=3,55$; $\phi^*=3,8$). Процент отцов, воспринимающих высокую эмоциональную близость ребёнка по отношению к себе, значительно ниже ($\phi^*=3,55$; $\phi^*=3,8$).

На наш взгляд, полученные данные можно объяснить большей эмоциональностью женщин, их способностью устанавливать доверительные отношения. В частности, это подтверждают исследования психологической близости в семье, проведённые А.А. Кроник, Е.А. Кроник, которые установили, что женщины вообще склонны к общению на более коротких дистанциях, чем мужчины [18]. Можно предположить, что в отношениях с ребёнком будет проявляться такая же особенность.

Интересные показатели получены по шкале «отвержение – принятие ребенка». Родители и дети не показали низких значений по шкале «отвержение – принятие ребёнка». При этом выявилась следующая тенденция: дети склонны считать своих родителей более принимающими, чем воспринимают себя родители. На наш взгляд, эта особенность связана с тем, что для ребенка недопустима мысль о том, что родители не принимают его личность. Подростки воспринимают принятие со стороны матери и отца практически одинаково (50% и 46,7%). Однако отца подростки воспринимают более принимающим, чем он себя ($\text{ср}^*=1,97$; $\text{ср}^*=1,98$). Возможно, причиной этого является построение регистрационного бланка для ответов, в котором оценки взаимоотношений с отцом и с матерью (по утверждениям опросника) находятся рядом.

По шкале «авторитетность родителя» очевидно, что авторитет матери для подростков, выше, чем авторитет отца. Интересен факт, что матери склонны воспринимать себя менее авторитетными, чем их оценивают подростки, в то время как отцы, наоборот, дают более высокие оценки своему авторитету у подростков, хотя достоверность различий подтвердилась только между оценками ребёнком авторитета матери и отца в интервале низких значений ($\text{ср}^*=2$). Не выявлено ситуаций, когда мать воспринимается ребёнком как не авторитетная, отца воспринимают не авторитетным 6,7 % детей ($\phi=2$).

Проанализируем результаты последней шкалы «удовлетворенность – неудовлетворенность». Они показывают, что родители больше удовлетворены отношениями с подростками, чем подростки – отношениями с родителями, но эти различия незначительны. При этом удовлетворённость отношениями матерей и подростков примерно одинакова и достаточно высока (80 и 83,3%). Удовлетворённость отношениями с отцом ниже. Стоит отметить, что мы можем говорить о достоверности различий только между оценками отца и матери в интервале низких значений ($\text{ср}^*=2,07$).

Подводя итог, стоит отметить, что проведенное нами исследование выявило ряд особенностей межличностного восприятия во взаимоотношениях подростков и их родителей.

В представлениях подростков о себе часто встречаются такие личностные черты, как зрелость, независимость. Большинство детей не стремятся быть похожими на своих родителей, высок процент подростков, не ориентированных на нормативные ожидания отца и матери. Подростки склонны оценивать своих родителей более принимающими его, чем те воспринимают таковыми себя. В оценке требовательности родителей по отношению к себе подростки противоречивы, так как, вероятно, подвержены социально желательным ответам, но однозначно большинство подростков не считают себя удовлетворяющими требованиям родителей. Существенны различия в восприятии образов отца и матери у подростков. Сходство с матерью встречается чаще, чем сходство с отцом. С точки зрения подростков, матери более точно воспринимают их личностные черты, чем отцы. При описании отца чаще используют отрицательные прилагательные: властный, замкнутый, а образ матери оценивают как творческую личность. Однако при описании как отца, так и матери подростки редко используют прилагательные, характеризующие эмоциональные черты: чуткость, естественность, восприимчивость. Это говорит о нарушении эмоционального контакта родителей с подростками младшего подросткового возраста. Однако полученные результаты свидетельствуют о большей эмоциональной близости подростков к матери, о ее большем авторитете для них. Полученные результаты, на наш взгляд, можно объяснить большим участием матери в воспитании ребёнка, что особенно характерно для нашей культуры.

В целом же подростки менее удовлетворены отношениями с родителями, чем родители – отношениями с ними.

Подводя итоги, необходимо отметить, что данная работа носит предварительный характер. Изучение половых различий в восприятии образов родителей, анализ межличностного восприятия в различных типах семей, а также расширение возрастного диапазона исследования составляет перспективу данной работы.

Библиографический список

1. Андереева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1999. 376 с.
2. Бодалев А. А. Проблемы формирования личности. М.: Просвещение, 1995. 274 с.
3. Божович Л. И. Проблемы формирования личности. М.: Просвещение, 1995. 352 с.
4. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. М.: МГУ, 1995. 174 с.
5. Кроник А. А. В главных ролях Вы, Мы, Он, Ты, Я. М.: Мысль, 1999. 204 с.
6. Клее М. Психология подростка. – М.: Педагогика, 1991. 176 с.
7. Кон И. С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. 253 с.
8. Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1995. 360 с.

© Оконечникова Л.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Оконечникова Любовь Викторовна (Россия, Екатеринбург) – кандидат психологических наук, доцент, департамент психологии, Уральский федеральный университет, (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: dokonechnikov@mail.ru).

THE STUDY OF INTERPERSONAL PERCEPTION IN CHILD-PARENT RELATIONS (ON EXAMPLE OF THE EARLY TEENAGE YEARS)

Abstract. *The article presents the results of an empirical study of interpersonal perception in parent-child relations, the differences in perception of fathers and mothers are described, the interpretation of obtained results in accordance with new formations of juvenile age is given.*

Keywords: interpersonal perception, parent-child relationships, perception of relationships, the child's relationship to parents, new formations, juvenile age.

Information about the author

Okoneshnikova Lubov Viktorovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: dokonechnikov@mail.ru).

УДК 314:172/179

Эйнгорн Н.К.

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕМОГРАФИИ. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ: ЧЕСТЬ И МУЖЕСТВО ПОМНИТЬ

Аннотация. *Важнейшим социокультурным основанием демографических процессов является культура исторической, родовой памяти, определяющая преемственность поколений через достойный и ответственный диалог и справедливое и благодарное отношение к прошлому своего рода, народа. Исследование такой актуальной проблемы предполагает междисциплинарный подход, соединяющий демографическую и культурологическую теории с теорией социальной этики.*

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, культурология, социальная этика, духовная культура демографических процессов, преемственность поколений, родовая память.

«Память истории священна»

(Д. С. Лихачев)

*«Люди! Покуда сердца стучатся, –
помните! Какою ценой завоевано счастье,
– пожалуйста, помните!»*

(Роберт Рождественский)

Временной континуум в восприятии и представлениях поколений – насущная теоретическая и практическая проблема, один из актуальнейших вызовов нашего времени. Континуум – от латинского *continuum* – означает *непрерывное, сплошное*. Как важно, чтобы не прервалась связь времен, поколений, течение жизни человеческого рода на планете Земля. Как важно, чтобы в изучении процессов изменений численности народонаселения, его состава, воспроизводства (рождаемости, смертности, продолжительности жизни), географического распределения и других математико-статистических, экономических, политических, социологических проблем демографии нашли достойное место антропологический, социо-культурологический и социально-этический подходы. Ведь населяющие определенные территории народы относятся к многообразному, но в то же время единому человеческому роду.

Чем сложнее объект и предмет изучения, тем более востребованы междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования. Современная демографическая теория опирается на многочисленные теории: математику, статистику, социологию, политологию и другие. И чем более развитыми становятся демографическая теория и демографическая практика, тем более проявляется в них дефицит антропологических, социо-культурологических, этических, социально-этических опор, оснований. В них – душа и дух современной демографии, ее гуманизм.

Гуманизм, гуманность очень часто отождествляют с человеколюбием. Но это ошибочное отождествление. Значение этого слова, происходящего от латинского «*humanus*», действительно переводится на русский язык как «человечный» и означает совокупность идей и практик, утверждающих ценность человека независимо от множественных различий по полу, возрасту, социальному статусу и т.д. Гуманизм основан на признании равных прав, свободы, справедливости, уважении человеческого достоинства. Гуманность – качество отношения одного субъекта к другому субъекту, будь то единичный субъект или субъект-общность.

Признавать права и уважать достоинство другого (индивида, этноса, нации) возможно и реально. А любить всех и каждого – весьма проблематично и сомнительно. Конструктивные мировые религии призывают всех и каждого к всеохватывающей любви: к Богу, к ближнему, к врагу и т.д. Этика ненасилия по замыслу ее приверженцев (Л.Н. Толстого, Махатмы Ганди, Мартина Лютера Кинга) должна трансформироваться в этику любви, высшим проявлением которой может и должна стать «этика благоговения перед жизнью» (Альберт Швейцер). Благородные, вдохновляющие идеи, но реальная жизнь далека от этого состояния человеческих взаимоотношений и спасительными оказываются именно гуманизм и гуманность. Не любя, и даже ненавидя, можно уважать и соблюдать права других (индивидов, этносов, наций) на жизнь, на безопасную жизненную среду, на труд, на продолжение рода. Чтобы не делать другому того, чего себе не желаешь («золотое правило морали»), не обязательно его любить.

Принудить любить что-либо или кого-либо невозможно. Это сокровенное, духовное отношение человека к себе, ближним, дальним. Любовь – не предмет рационального решения и выбора. Любовь сверхрациональна и сверхчувственна, она наделяет человека сверхволей и сверхвозможностями. Любовь не поработщает (как страсть), а вдохновляет и возвышает. Любовь – высшая энергия жизни.

И терминологически любовь к человеку или человеколюбие обозначается понятием «филантропия», возникшим в греческом языке от *phileo* – люблю и *anthropos* – человек. К филантропным практикам сегодня относятся деятельность многочисленных волонтерских общественных организаций, людей доброй воли, энтузиастов, разнообразные благотворительные акции, спонсорство, меценатство, акции милосердия. В их основе могут быть разные побуждения и мотивы, не всегда бескорыстные и основанные на любви к другим, но объективно – это благо, добро, польза, помощь другим.

Гуманистический потенциал демографии реализуется в социальной демографии, демографии семьи, практической демографической политике, направленных на нормализацию процесса жизнедеятельности народонаселения во всех его измерениях. Но главным в этом гуманизме теоретической и практической демографии является способствование сохранению жизнедеятельности малых и

больших этнических общностей, а значит, способствование жизни каждого представителя этих общностей, каждого индивида, являющегося органической частью родственной общности: семьи, семейного рода, народа, человеческого рода. *Сбережение народа, сбережение нации – благородная, гуманная, жизнеутверждающая миссия демографических практик.*

Непрерывность жизни, ее продолжение от века к веку, от народа к народу нуждаются в защите от реальных опасностей, угроз и рисков природного, социального происхождения. Одной из «болевых точек» является проблема связи, преемственности поколений. К вечным проблемам относится проблема так называемого конфликта «отцов и детей». Это конфликт психологический, возрастной, в основе которого разница знаний, жизненного опыта, приоритет возраста и полномочий старших. Это – общечеловеческое, естественное, закономерное. Тысячи лет назад старшее поколение жаловалось на беспечность, малообразованность и цинизм молодежи. Надпись на древневавилонском глиняном сосуде 3-его тысячелетия до н.э. гласит: «Молодежь растлена до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы». Похожая надпись найдена и на гробнице одного из египетских фараонов. В ней говорится о том, что непослушная и невоспитанная молодежь не может продлить великие деяния предков, создать великие памятники культуры и искусств.

Читая роман И.С.Тургенева «Отцы и дети», замечательную комедию Д.И. Фонвизина «Недоросль», трагедию А. С. Пушкина «Борис Годунов», комедию А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «... Судьба нас будто берегла; Ни беспокойства, ни сомненья... А горе ждет из-за угла», мы убеждаемся в том, что конфликт поколений актуален, многообразен, а литературные произведения лишь подтверждают вечность существующего конфликта и его неизбежность.

Противоречие старшего и младшего поколений, получившее название «конфликта отцов и детей» можно назвать естественным, стереотипным, традиционным. Это противоречие разрешается и одновременно возрождается со сменой статусов поколений по мере взросления младшего поколения и превращения его в старшее. Но современная социокультурная, мировоззренческая, идеологическая, да и демографическая ситуация характеризуется нетрадиционализмом, плюрализмом, релятивизмом. Ситуация выбора стратегических жизненных ориентиров и ценностей утратила одномерность, четкость и определенность границ добра и зла, чести и бесчестия, правды и лжи, верности и предательства, веры и неверия. Жизнь испытывает на прочность мировоззренческие, жизненные позиции всех поколений. Но труднее всего молодежи, младшим при естественном дефиците жизненных знаний и жизненного опыта: «Что в молодости нам дано? Одни соблазны да незнания!» (Франсуа Вийон).

Может быть, гуманистический потенциал демографии, демографической политики состоит не только в том, чтобы прирастало народонаселение, множилась поколение молодых, но и в том, какими будут эти сменяющие друг друга в потоке жизни поколения? Как бережно и ответственно они будут принимать эстафету жизни от предшествующих поколений и как достойно, с честью передадут эту эстафету следующим поколениям? Ответы на эти вопросы и решение этих задач предполагают междисциплинарный союз теоретической и практической

демографии с психологией, педагогикой, культурологией, теоретической и прикладной этикой.

Этика и культура исторической памяти обуславливают временной континуум, непрерывность, преемственность в современных представлениях о связи времен и о том, что каждый живущий сегодня, в настоящем времени, есть связующая нить, живой проводник между прошлым и будущим: «Память противостоит уничтожающей силе времени и накапливает то, что называется культурой» [2, с. 65].

Память способствует «ощущению себя в истории», «новому пониманию своих корней» и «обладает свойством преодолевать время, соединять прошлое, настоящее и будущее». [2, с. 64]. Русский философ Н.Ф. Федоров в работе «Философия общего дела» определял память как «Воскрешение прошлого», как «светлое и любовное отношение к минувшему и ушедшим».[4]. Как важно не утратить тип человека Ното темог – человек помнящий. Как важно уберечь молодое поколение от «манкуртизма», родового беспамятства, о котором предостерегал в начале восьмидесятых годов прошлого века наш соотечественник, киргизский писатель с мировой известностью и признанием Чингиз Торекулович Айтматов в своем произведении «И дольше века длится день...»[1].

Роман был опубликован в 1980 году в журнале «Новый мир». Позже издавался в «Роман-газете» под названием «Буранный полустанок». В 1990 году в журнале «Знамя» вышла «повесть к роману» «Белое облако Чингисхана», вошедшая впоследствии в состав романа. В название романа вынесена строка из стихов Шекспира в переводе Б. Пастернака. В предисловии Чингиз Айтматов писал: «Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем» [1, с.34].

«Манкурт» – пленник, раб, которому жуаньжуаны обривали голову наголо и приклеивали кожу молодой верблюдицы. Под палящими лучами солнца эта кожа ссыхалась, до невыносимых болей стягивая кожу головы. Результатом шоковых болей становилась утрата памяти. Раб сохранял физическую силу, способность понимать и выполнять приказы хозяина, но он навсегда терял родовую память, он не помнил, не узнавал своих родителей, родственников и по приказу хозяина мог их спокойно убить. Найман-Ана пыталась воскресить память сына-манкурта, но тот убил мать. А незадолго до этого она восклицала: «Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека?!» [1, с.153]

А покушение на историческую, родовую память человека, к сожалению, продолжается. И тем, кто не пережил трудные годы Отечественной, мировой истории в разные ее периоды, можно внушить что угодно, ведь так убедительно бывает знание понаслышке, поверхностное, искаженное по незнанию или специально. Да и страницы истории разные: одни порождают разочарование, скепсис, нигилизм, боль, стыд, угрызения совести. Другие, наоборот, вызывают гордость, уважение, благодарность, любовь. Как прав в своем утверждении И.А. Ильин: «Нельзя не любить Родину, какой бы она не была. Кто Родину не любит, у того нет Родины» («Путь духовного обновления»). Действительно опасно быть «без роду, без племени», без семьи, без народа, без Родины, ни в ком и ни в чем не

укорененным, никого и ничего не помнящим. И снова дает опору мудрость Д.С. Лихачева: «Культура личности формируется в результате деятельности памяти одного человека, культура семьи – как результат семейной памяти, культура народа – народной памяти» [2, с. 65].

Преемственность поколений – залог продолжения жизни, ее развития и совершенствования. Самим фактом принадлежности к человеческому роду, народу, семейному роду нам объективно дана *Честь помнить*. Честь – это социальное лицо индивида, его общественная ценность, она напоминает каждому, что он – часть целого: кровной семьи, этноса, народа, нации. Жизнь части всегда зависит от жизнедеятельности, жизнеспособности целого. Это объективная связь, а не чей-то субъективизм или произвол. Необходимо понимать и помнить об этой сопричастности многим социальным целым, многим общностям и не нарушать объективный закон соотношения части и целого. Иначе начинает проявляться атимия: патологическое бесчестие, патологический разрыв индивидуального и социального [5].

Мужество помнить необходимо потому, что память, памятование и связанное с ним забвение – это труд разума, чувств, воли, труд души и духа человека, это проявление его долга и ответственности, справедливости, труд совести. И во всем этом тоже должна быть культура памяти [6]. Ведь память может быть доброй и злой (злопамятство и памятозлобство), справедливой и несправедливой, благодарной и неблагодарной, сердечной и сугубо рациональной, расчетливо-корыстной и бескорыстной. Опасна индивидуальная амнезия, но еще более опасно социальное, историческое беспамятство, забвение того, что забывать нельзя. Счастье новых поколений, входящих в жизнь, выстрадано предшествующими поколениями: «ведь кроме желания выжить, есть ещё мужество жить!» [3] И не конфликт отцов и детей, а сознательный союз и взаимность в добре могут и должны определять отношения поколений: «Памяти павших будьте достойны! Вечно достойны!» [3].

Самой жизнью востребована сегодня одушевленная и одухотворенная демография, демография с человеческим лицом, с развитым гуманистическим потенциалом.

Библиографический список

1. Айтматов Ч.Т. И дольше века длится день... СПб: Азбука-классика. 2007. С.33-426; 448.
2. Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. Статьи и очерки. Л: «Наука», Ленинградское отделение. 1985. С. 575.
3. Рождественский Р.С. Реквием. Поэма. Минск, 1964. С. 24.
4. Фёдоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. С.709.
5. Эйнгорн Н.К. Атимия – патологический разрыв социального и индивидуального //Российский человек в «разломе эпох»: quo vadis?. Материалы XV Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета 26-27 апреля 2012 г. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2012. 724 с. Т. I. С. 152-154.
6. Эйнгорн Н.К. Память в культуре и культура памяти // Тезисы докладов международной научной конференции «Культурные трансформации в синхронии и диахронии: теория и практика» 24-27 сентября 2012г., г. Киев, Украина (к 20-летию кафедры культурологии Киево-Могилевской академии). Издательство «Стародавній Світ»; Київ – 2012. 184 с. С.100-101.

© Эйнгорн Н.К., 2015. Текст.

Информация об авторе

Эйнгорн Нонна Константиновна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат философских наук, профессор кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н.Ельцина» (620051, г. Екатеринбург, проспект Ленина, д. 51; e-mail: Nonna-077@mail.ru).

Eyngorn N.K.

HUMANISTIC POTENTIAL OF DEMOGRAPHICS.

GENERATIONS CONTINUITY: HONOUR AND COURAGE TO REMEMBER

Abstract: *The most important socio-cultural basis of demographic processes is the culture of historical, ancestral memory that determines generation continuity through honest and responsible dialogue, fair and grateful attitude to the past of the family, people. A study of so actual problem requires an interdisciplinary approach linking the demographic and cultural theory with the theory of social ethics.*

Keywords: interdisciplinary studies, cultural studies, social ethics, spiritual culture of demographics, generations continuity, generic memory.

Information about the author

Eyngorn Nonna Konstantinovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Ethics, Aesthetics, Theory and History of Culture, B.N.Yeltsin's Ural Federal University (51, Lenina Av., Yekaterinburg, 620051, Russia; e-mail: Nonna-077@mail.ru).

3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 314.06: 316.774

Банных Г.А., Костина С.Н.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Аннотация. В статье проанализированы результаты проведенного в Свердловской области социологического исследования в рамках проекта РГНФ. Приводится описание каналов получения и распространения населением информации в разрезе половозрастных особенностей и типов поселения. Делаются выводы о наличии информационного неравенства в рамках информационной культуры между данными социальными группами.

Ключевые слова: информационная культура, информационное неравенство, информация, тип поселения, возраст, пол, каналы получения и распространения информации.

Современный этап общественного развития характеризуется становлением информационного общества, который сопровождается как резким ростом объема имеющейся информации, так и увеличивающимися возможностями доступа каждого отдельного человека к получению информации и альтернативами ее использования и распространения. Во многом это связано с появлением новых Интернет-технологий в различных сферах жизни – начиная от личного общения и заканчивая получением услуг, покупкой товаров, взаимодействием с органами власти и самопрезентацией.

Однако появление информационного общества повлекло за собой не только положительные изменения, но и такие негативные феномены, как «информационное неравенство», связанное с различием в возможностях доступа к информации и современным информационным технологиям у отдельных социальных групп [1, 2]. Проведенное исследование своей целью имело выявление половозрастных и поселенческих особенностей населения Свердловской области в сфере получения, использования и распространения информации. В рамках исследования было опрошено 930 человек по репрезентативной выборке по двум параметрам – возраст и тип поселения.

Для оценки возможностей получения информации респондентам предлагалось выбрать несколько вариантов получения информации в том поселении, где они проживают. Наиболее часто опрошенные отмечали наличие в их поселении услуг Интернета (86,6 % ответивших), покупку газет и журналов в книжных магазинах, киосках (76,1 %). В наименьшей степени представлены возможности общения с представителями общественных организаций (партии, движения, церковь и т.д.) – 43,9 % и получения информации от представителей власти (31,5 %). Такие варианты получения информации, как просмотр нескольких

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-13-66013/15 «Информационная культура жителей Свердловской области: поселенческий и социально-демографический аспекты».

телевизионных аналоговых и цифровых каналов, посещение библиотеки по месту проживания были оценены практически равнозначно (примерно 65-66 % респондентов указали на наличие данных условий в их поселении).

Анализ показал, что на оценку респондентами условий получения информации большее влияние оказывают не их половозрастные особенности, а тип поселения (коэф. Крамера=0,05, коэф. Стьюдента и Спирмена также статистически значимы).

Жители Екатеринбурга – крупнейшего поселения, города-мегаполиса – указали на большие возможности просмотра нескольких телевизионных цифровых каналов, прослушивания нескольких радиоканалов, при этом они практически не уделили внимания возможностям приобретения печатной продукции в пределах города.

Жители малых городов и сельских поселений Свердловской области выше, чем жители других типов поселений, оценивают собственные возможности просмотра нескольких телевизионных аналоговых каналов и посещения библиотеки в месте проживания. Скорее всего, данный факт обеспечивается за счет гарантированного государством вещания основных федеральных каналов в малых поселениях.

В ходе исследования также выявлялись трудности с получением информации у жителей Свердловской области. Результаты показали, что почти у половины опрошенных не возникает трудностей с получением необходимой им информации. 29 % в качестве проблемы отмечают нехватку времени для поиска и изучения интересующей информации. Также значимой трудностью оказалась нехватка средств на приобретение технических устройств и плохое качество передаваемого сигнала в поселении. При этом необходимо отметить значимую статистическую зависимость между полом, возрастом респондентов, типом поселения и их оценкой возникающих трудностей при получении информации (коэф. Крамера значим во всех случаях).

В возрастных группах до 29 лет и 30-59 лет наиболее значимой оказалась трудность, связанная с нехваткой времени для поиска и изучения интересующей информации, в возрастной группе старше 60 лет – трудности с использованием технических устройств (17,3 %). С возрастом наблюдается и общий рост отмечаемых трудностей с получением информации (соответственно 35,1 %, 27,2 % и 17,3 % в возрастных группах). Также это трудности с использованием и обслуживанием технических устройств, где разница в ответах между молодыми и респондентами старше 60 лет составляет в первом случае 14 %, во втором – 6 %. Гендерный анализ показал, что мужчины чаще, чем женщины выбирали ответ «трудностей не возникает», а женщины – «не хватает времени для поиска и изучения интересующей Вас информации».

В поселенческом разрезе картина трудностей получения информации носит следующий характер: более трети жителей мегаполиса, крупнейших, крупных и средних городов отмечают отсутствие трудностей с получением информации (34-37 %), в малых городах такой ответ выбрал только каждый пятый, а в сельской местности – лишь 13,5 %.

Для четверти жителей мегаполиса, крупнейших и крупных городов, пятой части жителей средних и малых городов среди отмечаемых трудностей важнейшей оказалась нехватка времени для поиска и изучения интересующей информации.

Для жителей сельских поселений наиболее часто выбираемый ответ – плохое качество передаваемого сигнала (20,1 %). Практически не зависят от типов поселений такие трудности, как нехватка средств на приобретение технических устройств и на текущую оплату за использование источников информации, трудности с использованием и обслуживанием технических устройств.

Работа с информацией предполагает не только ее получение, но и распространение. Каждый человек может рассматриваться как источник выработки, передачи и распространения информации через различные каналы. Развитие информационно-коммуникационных технологий расширяет возможности каждого человека по распространению информации не только среди близкого круга общения, но и через каналы массовой коммуникации – СМИ, социальные сети и т.д. Возможность высказать свое мнение, представить широкой анонимной аудитории информацию самого разного формата и характера, как личного, так и профессионального и общественного, доступна практически каждому.

Абсолютное большинство опрошенных (89 %) отметили, что они являются распространителями информации, которой регулярно делятся с ближайшим кругом общения. Также почти треть респондентов указали, что являются источником информации в профессиональной деятельности и распространяют информацию через общение в социальных сетях. Анализ показал наличие статистически значимой зависимости выбора респондентами канала распространения информации с половозрастными и поселенческими особенностями (коэф. Крамера значим во всех случаях).

Закономерно, что среди респондентов старшего возраста наблюдается наибольшее количество тех, кто не считает себя источником информации (7,9 %). Среди женщин каждая пятая отметила, что является источником информации в профессиональной деятельности, что значительно больше, чем среди мужчин (13,9%). При этом мужчины чаще отмечали, что распространяют информацию через общение в социальных сетях (20,3 %), чем женщины (16,3 %).

Что касается поселенческих особенностей каналов распространения информации, то в целом выделенная выше иерархия из трех основных каналов актуальна и в данном случае. Основная особенность заключается в следующем – для жителей мегаполиса и больших городов на втором месте находится распространение информации через общение в соцсетях, а для всех остальных типов поселений – распространение информации в профессиональном общении. Также можно отметить, что для опрошенных в сельских поселениях общение с друзьями и родственниками оказалось значительно ценнее, чем для городских жителей.

Развитие информационного общества в качестве одного из важнейших аспектов включает широкий охват населения Интернет-технологиями. Всемирная паутина предлагает широкий спектр возможностей по использованию различных коммуникационных средств для получения и передачи информации. Как показали результаты исследования, абсолютное большинство опрошенных имеет электронную почту (83,3 % ответивших) и страницы в социальных сетях (74,2 %). Практически половина (45,2 %) опрошенных зарегистрированы в специальных приложениях для общения, треть – на портале госуслуг, четверть – на специализированных порталах покупок и получения услуг, 13 % – на тематических порталах.

Если рассматривать представленность в Интернете различных половозрастных групп, можно сделать вывод, что в целом иерархия ответов совпадает. Отличие заключается в том, что в группе молодежи до 29 лет по сравнению со старшими возрастами более значимую долю занимает участие в специализированных приложениях для общения, и меньшую – электронная почта и регистрация на портале госуслуг.

Более заметна специфика поселенческого аспекта для видов представленности в Интернете. Хотя иерархия ответов по всем типам поселений сохраняется такой же, как по массиву в целом, можно проследить несколько закономерностей. Во-первых, в малых городах и сельских поселениях больше доля тех, кто представлен в социальных сетях, и меньше тех, кто зарегистрирован на специализированных порталах покупок и получения услуг, тематических порталах, сервисах ведения блогов.

Распространение информации как коммуникативная сторона общения включает в себя как личный (частный), так и публичный (общественный) аспект. Личное общение в большинстве случаев носит более эмоциональный, важный для человека характер. В соответствии с этим представляют интерес предпочитаемые каналы общения с родственниками и знакомыми. Результаты исследования показали, что в настоящее время наиболее предпочитаемым для абсолютного большинства респондентов выступает личное общение (87,4 %), а также разговоры по телефону (81%).

Рассмотрим и эмоциональный фон такого общения. Для подавляющего количества респондентов информация, получаемая через общение с друзьями и знакомыми, является положительной. Только жители сел и малых городов отметили возможно негативный фон информации, получаемой подобным образом (2,4% и 2,9% соответственно). Однако при общении с родственниками эмоции жителей сел только позитивные или нейтральные (74,25 и 19,4% соответственно). Более позитивной информацию от друзей и знакомых находят жители крупных городов – единодушие здесь проявили 74% опрошенных. Следовательно, общение личного характера, будь то родственники или друзья, лично или по телефону, чаще доставляет жителям Свердловской области положительные эмоции.

Заметны и возрастные особенности личного обмена информацией. С возрастом увеличивается критичность в восприятии информации от друзей и знакомых: снижается позитивность, увеличивается нейтральность и негативность. Информация, поступающая от родственников, сохраняет позитивность в более старших и молодых возрастных группах и немного более негативно или нейтрально воспринимается в средней возрастной группе.

Второе место среди каналов получения информации занимают социальные сети и программы видеосвязи (скайп и др.) – их отметили более трети опрошенных. Практически четверть респондентов также используют СМС-сообщения и электронную почту. Информацию, получаемую посредством сети Интернет, большинство респондентов находят положительной (46,6%), т.е. вызывающей у них положительные эмоции. Однако при этом можно найти существенное различие по поселенческому признаку: жители Екатеринбурга в большинстве своем оценивают информацию, получаемую ими в Интернете, как нейтральную (68% опрошенных), и ни один житель мегаполиса не выбрал вариант ответа «негативные эмоции» (вызываемые информацией из Интернета). Наиболее позитивно настроены

жители сел – для 56,8% опрошенных информация из Интернета вызывает позитивные эмоции, наиболее негативно – жители больших городов (для 14,7% это верно).

Значимыми оказались и возрастные особенности эмоционального восприятия информации из Интернета. Так, если в группе молодежи до 29 лет информация из Интернета воспринимается положительно 60% опрошенных, то в возрастной группе старше 60 лет доля таковых уменьшается вдвое – до 31,5%. При этом существенно возрастает доля тех, кто затрудняется определить свое эмоциональное отношение к информации из Интернета (от 4,8 до 17,6% опрошенных) и доля воспринимающих такую информацию как негативную (от 3 до 13,9% опрошенных). Таким образом, чем старше респондент, тем более критично он относится к информации, поступающей к нему из Интернета, предпочитая не оценивать ее как исключительно позитивную.

Письма по почте как средство общения отметили только 7,5 % опрошенных. Среди половозрастных особенностей можно отметить только одно значимое различие – женщины больше, чем мужчины уделяют внимание разговорам по телефону. В возрастных группах иерархия предпочтений также сохраняется, но специфика более заметна. Молодежь чаще, чем другие возрастные группы, использует такие каналы общения как скайп и другие программы видеосвязи, соцсети и СМС. В старших возрастных группах более значимыми, чем у молодежи, остаются личное общение и разговоры по телефону.

Подводя итог, следует отметить значимые социально-демографические и поселенческие особенности получения и распространения информации жителями Свердловской области.

Во-первых, для получения информации жители различных типов поселений в Свердловской области обладают неравными возможностями, «информационное неравенство» проявляется в том, что жители мегаполисов имеют все разнообразие альтернатив получения информации, которыми они пользуются без особых затруднений. Единственное, что мешает получению информации – это нехватка времени и финансовый вопрос. Следовательно, жители мегаполиса в первую очередь могут быть отнесены к потребителям услуг «мобильного», «электронного» формата, позволяющим им экономить время и деньги. Жители сел и малых городов области имеют преимущества в получении услуг аналогового телевидения (государственная субсидия федеральным каналам) и больше других пользуются возможностями получения информации из библиотек и приобретенной печатной продукции. Закономерной является и возрастающая трудность в использовании технических средств и устройств в связи с увеличением возраста респондентов.

Во-вторых, большинство жителей области, вне зависимости от условий проживания и возраста, считают себя источником информации в личной и профессиональной жизнедеятельности. Однако для жителей мегаполиса и больших городов на втором месте находится распространение информации через общение в соцсетях, а для всех остальных типов поселений – распространение информации в профессиональном общении. Также можно отметить, что для опрошенных в сельских поселениях общение с друзьями и родственниками оказалось значительно ценнее, чем для городских жителей. Молодежь более интенсивно, чем другие возрастные группы, общается и делится информацией в социальных сетях. Также

среди этой группы наибольшее количество тех, кто ведет свой блог, живой журнал, сайт и наименьшее – тех, кто не считает себя источником информации.

В группах среднего и старшего возраста распространение информации через социальные сети находится на третьем месте, второе занимает профессиональная деятельность как канал распространения. При этом, если среди молодежи социальные сети отметил каждый третий, то в старшей возрастной группе – только 6,9 %. В малых городах и сельских поселениях больше доля тех, кто представлен в социальных сетях, и меньше зарегистрированных на специализированных порталах покупок и получения услуг, тематических порталах и ведущих свой блог.

В-третьих, в настоящее время для абсолютного большинства респондентов наиболее предпочитаемым источником получения информации выступает личное общение и разговоры по телефону, на втором месте – общение с использованием Интернета (соцсети, скайп, электронная почта и т.д.). При этом общение личного характера, будь то родственники или друзья, лично или по телефону, чаще доставляет жителям Свердловской области позитивные эмоции. С возрастом у жителей области увеличивается критичность в восприятии информации от друзей и знакомых: снижается позитивность, увеличивается нейтральность и негативность.

Большинство жителей г. Екатеринбурга оценивают информацию, получаемую ими в Интернете, как нейтральную и ни один житель мегаполиса не выбрал вариант ответа «негативные эмоции» (вызываемые информацией из Интернета). Наиболее позитивно настроены жители сел, наиболее негативно – жители больших городов.

Значимыми оказались и возрастные особенности эмоционального восприятия информации из Интернета. Так, если в группе молодежи до 29 лет такая информация воспринимается положительно 60% опрошенных, то в возрастной группе старше 60 лет доля таковых уменьшается вдвое – до 31,5%. Таким образом, чем старше респондент, тем более критично он относится к информации, поступающей к нему из Интернета, предпочитая не оценивать ее как исключительно позитивную.

Все это позволяет охарактеризовать особенности информационной культуры жителей Свердловской области: в ценностном аспекте сохраняется потребность в личном и эмоциональном общении, однако тенденция замещения его Интернет-суррогатами с возрастом или при условии расширения возможностей потребления информации (условия поселений) также присутствует. Можно отметить и сохранение информационного неравенства в получении и использовании информации жителями в зависимости от возраста и типа поселений в Свердловской области.

Библиографический список

1. Банных, Г.А. Цифровое неравенство в аспекте регионального развития / Г.А. Банных // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Международная НПК. Екатеринбург. 27-28 ноября 2013 г. Сб. ст. В 2 ч. Часть 1. Екатеринбург: УИ-Ф РАНХиГС, 2013. С.25-27

2. Банных Г.А., Костина С.Н. Информационное неравенство как фактор формирования информационной культуры жителей Свердловской области / Г.А.Банных, С.Н. Костина // Институты развития демограф. системы общества: сб. мат-в V Урал. дем.форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С.441-447.

Информация об авторах

Банных Галина Алексеевна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет» (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62; e-mail: gbannykh@gmail.com).

Костина Светлана Николаевна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: kostinasn@mail.ru).

Bannykh G.A., Kostina S.N.

SOCIO-DEMOGRAPHIC AND SETTLEMENT CHARACTERISTICS OF RECEIVING AND SPREADING THE INFORMATION IN THE REGION (ON EXAMPLE OF SVERDLOVSK REGION)

Abstract. *The results of sociological research within the project of RHF in Sverdlovsk region are analyzed in the paper. The description of channels of information receiving and spreading the in the context of age and gender characteristics and types of settlements is given. A conclusion about digital inequality in information culture among social groups of population has been drawn.*

Keywords: information culture, digital inequality, information, settlement type, age, gender, channels of information receiving and spreading.

Information about the authors

Bannykh Galina Alekseevna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Sociology and Psychology, Ural State University of Economy (62, 8March St., Yekaterinburg, 620144, Russia; e-mail: gbannykh@gmail.com).

Kostina Svetlana Nikolaevna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Public Administration, Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: kostinasn@mail.ru).

УДК 314.5

Гареева Я.Р., Онипченко А.В.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И БРАКА

Аннотация. *В данной статье раскрываются ключевые аспекты государственного правового регулирования института семьи и брака, рассматривается значение семьи для государства и общества, описываются государственные меры в отношении семьи. Оценивается их необходимость и эффективность.*

Ключевые слова: семья, брак, государство, демография, рынок труда, экономика, социология.

Будучи важнейшим социальным институтом, семья способна решать не только задачи отдельных индивидуумов, но и государства, такие как воспроизводство населения. Особо актуальной становится цель изучения семьи как отдельной системы, взаимодействия семьи и государства, основ семейной

политики и значения семьи с демографической точки зрения, что составляет основу государственной семейной политики.

В современном мире институт семьи переживает глубокий кризис, и данная проблема не обошла стороной и Россию. С качественной сменой положения института семьи связывают проблемы депопуляции, старения населения, рост смертности, происходящий одновременно с падением рождаемости, старение нации и снижение уровня жизни людей.

Приоритет семьи закреплен во многих нормативных актах. В основном все меры семейной политики направлены на преодоление данных негативных демографических тенденций и последствий глобализации. Причины этих проблем заключены не только в сложной экономической ситуации в стране, но и в падении значимости семьи в целом, сокращении роли института брака, в переосмыслении необходимости продолжения рода. Все чаще в отношении семьи звучат призывы о возвращении к ее традиционной модели, сохранению исконных традиций. Однако, с другой стороны, сейчас происходит необходимый переход от устаревшего типа семьи к новому, в соответствии с современным образом жизни. Семья постепенно перерождается, трансформируя свою форму, как делала это веками на протяжении своего существования.

Объектом государственной семейной политики является семья, она формируется на основе законов функционирования института семьи. Модернизация семьи и модернизация государственной семейной политики – это два неразделимых процесса. Это эффективный инструмент решения социально-экономических проблем общества. Однако всегда ли необходимо вмешательство государства в семейные отношения, оправдано ли влияние извне на систему, формировавшуюся столетиями и столь динамично меняющуюся?

Сложность государственного регулирования семейной политики заключается в сложности адаптации политики в отношении динамично меняющихся современных условий. Американский социолог Питер Макдональд связывает снижение рождаемости с «демографическими волнами». По его мнению, именно общественный либерализм и трансформация экономики привели к ключевым изменениям в жизни людей. Прежде всего, это гендерное равенство, которое привело к реальной возможности для женщин реализовать себя вне семьи и домашнего хозяйства, что в то же время явилось причиной роста рисков и конкуренции на рынке труда для обоих полов [2].

Демографическая политика в основном воздействует на общество с помощью административных, экономических и воспитательных мер. Первая группа мер подразумевает, к примеру, установление минимального возраста вступления в брак, легализацию абортов. Экономические меры включают в себя материнский капитал, денежное содержание во время декретного отпуска, введение ценза на разводы. Воспитательными мерами можно считать популяризацию многодетности, усыновления детей, повышение значимости института брака и семьи.

Необходимость государственного регулирования демографической обстановки обусловлена многими факторами. Уровень рождаемости, смертности, естественного прироста имеют прямое влияние на различные социально-экономические аспекты жизни общества. К примеру, рассмотрим взаимосвязь рынка труда и демографической ситуации. Формирование рынка труда включает в

себя аспекты взаимодействия экономических и демографических факторов, а потому его исследование нельзя отделить от анализа демографической ситуации в стране. Население страны является, с одной стороны, покупателями товаров и услуг, а с другой стороны – источником производства самих товаров и услуг. Демография является одним из аспектов социально-экономического развития. Для оценки воздействия динамики народонаселения на экономический рост необходимо учитывать не только общую численность и прирост населения, но также его половозрастную структуру, отраслевую занятость, уровень образования и профессиональной подготовки (качество рабочей силы).

Количество детей в семье всегда связывали с экономической ситуацией в стране и ее стабильностью. На сегодняшний день именно в наиболее развитых странах рождаемость стремительно сокращается, и демографическая ситуация в России постепенно приближается к западным образцам. В условиях экономической нестабильности граждане не стремятся надолго выпасть из рабочего процесса, поэтому требования родителей к приемлемым условиям продолжения рода усложняются с каждым днем. Законодательство предоставляет отпуск по беременности и родам, а также отпуск по уходу за ребенком до достижения им полутора либо трех лет любому из родителей, но для молодой семьи данный период времени является экономически сложным. Декретные пособия часто не позволяют должным образом обеспечить существование многих семей, вследствие чего родители вынуждены искать либо подработку, либо работу в «теневом» секторе экономики. Стремление выйти на работу как можно скорее, чтобы восстановить квалификацию и материальную обеспеченность, приводит к уходу от вопроса рождения следующего ребенка.

С точки зрения экономики крайне низкая рождаемость в будущем приведет к острой нехватке рабочей силы, в особенности молодых квалифицированных кадров при одновременном быстром старении населения, и, следовательно, к повышенной нагрузке на экономически активное население. Поведение нынешних поколений проецируется на будущее.

При анализе процессов воспроизводства населения необходимо помнить, что такие социально-экономические факторы, как социальная политика государства, законодательство в сфере семейной политики, уровень жизни населения определяют формирование того или иного типа воспроизводства населения. Немаловажно определение и формирование функций семьи не только для всего государства, но и для экономических и трудовых отношений как таковых. Экономическая функция семьи выполняется обоими родителями, если это полная семья, или одним родителем, при наличии неполной семьи. Воспроизводство рода не означает только выполнение функции деторождения в её социальном содержании, необходимо также воспроизводство средств к жизни. Эта функция вечна, поскольку она имеет природно-биологическую основу. Именно функция воспроизводства средств оказывает прямое влияние на рынок труда, стимулируя и направляя потоки внутри него, заставляя функционировать двухстороннюю систему обмена ресурсами и возможностями.

Понимание этой связи лежит на пути использования механизмов воздействия рынка труда на семью и семьи на рынок труда. Рычагом в налаживании связи является государство, а именно правовые механизмы.

Регулирование государством данной связи представлено как прямыми, так и косвенными методами: во-первых, активное стимулирование рождаемости в рамках государственных программ поддержки семьи, выделения материнского капитала, доступного жилья. Финансирование государства в сфере поддержки семьи не может не сказаться на уровне рождаемости, однако не менее важными являются механизмы правовой защиты родителей. Такие направления семейного законодательства, как усиленная защита и льготные условия труда для беременных женщин, родителей, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, родителей-одиночек прямо влияют на демографическую ситуацию в стране, создавая благоприятные условия для продолжения рода. Помимо этого, данные категории населения составляют немалый процент от экономически активного населения и влияют на формирование рынка труда.

Вышеописанные диспропорции в социально-экономическом развитии ведут к еще большему усугублению проблемы острой нехватки квалифицированных трудовых ресурсов в будущем. Кадровый дефицит проявляется, прежде всего, в недостатке рабочих высокого уровня квалификации, а также в профессиях, связанных с выполнением непривлекательных видов работ. Как отмечает в своей работе С. Волков, западная тенденция получения высшего образования как один из шагов улучшения уровня жизни в нашей стране привела к повсеместному низкокачественному высшему образованию и заполнению рынка труда работниками невостребованных профессий [1].

Основной проблемой трудовых ресурсов России являются изменения в возрастной пирамиде, приводящие к старению населения, и, как следствие, к сокращению трудовых ресурсов страны. Общее изменение численности населения ожидается в основном за счет миграционного прироста, а не естественного прироста. Помимо этого, вероятно повышение возраста выхода на пенсию вследствие увеличения продолжительности жизни населения, при опережающих темпах сокращения трудоспособного населения [4].

Рынок труда зачастую является одним из самых точных индикаторов положения населения в стране. Только лишь при мобильности, сбалансированности трудовых ресурсов возможен экономический рост. Демографический фактор в совокупности с качеством и количеством трудовых ресурсов определяют эффективность и производительность в экономике. Задача государственной власти в данном случае состоит в обеспечении положительного влияния демографических факторов на рынок труда, снижение негативных последствий экономического спада. Поддержание всей экономики страны заключено, прежде всего, в человеческих и, в частности, трудовых ресурсах, которыми необходимо грамотно распоряжаться и управлять.

Современная женщина вполне осознает, что с рождением ребенка ее возможности и достижения будут пересмотрены, особенно на тех рынках труда, где отсутствует система совмещения работы и семейной жизни, но которые являются чрезвычайно прибыльными. Таким образом, экономический аспект играет значительную роль, поскольку в результате рождения детей женщина зачастую теряет возможность достойно зарабатывать.

В таких условиях женщина старается контролировать ситуацию и откладывает брак, создание семьи на более поздний срок, предпочитая иметь меньше детей, что приводит к общему падению рождаемости. Основная проблема

заключается в том, что для женщины создание семьи сопряжено с большими рисками, чем для мужчины. Именно женщины подходят к вступлению в брак и рождению детей более осмотрительно, и если не чувствуют уверенности в своей способности совмещать семейную жизнь и достойно оплачиваемую должность и возможность карьерного роста, то предпочитают откладывать рождение или вовсе отказаться от детей.

Задачей государства видится обеспечение уверенности в том, что с рождением ребенка текущий уровень жизни в семье не упадет, а хотя бы сохранится на прежнем уровне. Так, например, не так давно рассматривалось предложение ввести «налог на развод», специальный федеральный сбор, при том, что не учитывалась масса негативных последствий. Столь радикальная мера вполне может привести к обратной реакции молодежи: сокращение числа браков, ввиду ощущения давления со стороны государства. Также ничего положительного не видится и в запрете бесплатных аборт, т.е. исключении их из медицинского страхования. Данный запрет может привести к созданию черного рынка оказания подобных услуг, предоставляемых с сомнительным качеством, а значит – угрозой жизни и здоровью. Столь категоричные меры напоминают попытку контролировать столь уязвимую и чувствительную сферу, как семья, пытаются вернуть семью и общество в прошлое, а не адаптировать к будущему [3].

Подразумеваемое увеличение выплат многодетным семьям, увеличение дотаций практически неосуществимо при нынешнем отсутствии требуемой для данных экономических мер инфраструктуры и необходимого объема бюджета. В стране наблюдается тенденция к коммерциализации детских садов, школ, здравоохранения, и при данном положении дел любых пособий будет мало для жизни и воспитания детей.

Под традиционной семьей понимается патриархальный тип семьи, что также не соответствует требованиям общества. Традиционная «многопоколенная» семья не отвечает ни экономическим, ни социальным тенденциям современного общества, не является реакцией на эволюцию гендерных отношений. Концепция семейной политики призывает отказаться от дальнейшей естественной трансформации в пользу консервативных и близких к тоталитарным методов решения проблем.

Семья оказывает основополагающее влияние на стратегии государственной политики и социально-экономическое развитие государства. Ее роли и функции ни в коем случае нельзя умалять или игнорировать. Вместе с тем, именно семья зачастую нуждается в защите и поддержке, но современные меры порой являются некорректными и излишними. В данном случае государственная политика должна адаптироваться к тенденциям семьи, а не внедрять насильственными методами пережитки прошлого. Развитие любой сферы жизни общества должно видеться на основе будущего, без стремления нивелировать значение событий современности. Ориентироваться следует на молодое и особо подверженное влиянию поколение. Именно молодежи предстоит определить курс развития современного общества, в особенности семьи, поэтому столь остро встает проблема вмешательства государства в жизнь семьи.

Библиографический список

1. Волков С. К вопросу о социальном делении общества РФ // Отечественные записки. №1, 2012.

2. Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики // Материалы международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы». Москва 14–15 сентября 2006 г. UNFPA, 2006.

3. О Концепции государственной семейной политики // Материалы интернет-интервью Информационного агентства «ГАРАНТ» с председателем Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей Е.Б. Мизулиной // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/action/interview/>

4. Федеральная служба государственной статистики // [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.gks.ru>

© Гареева Я.Р., Онипченко А.В., 2015. Текст.

Информация об авторах

Гареева Яна Ришатовна (г. Екатеринбург, Россия) – студентка (бакалавр) Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства, кафедра государственного и муниципального управления (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: gareeva_yana@mail.ru).

Онипченко Анастасия Валерьевна (г. Екатеринбург, Россия) – студентка (бакалавр) Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства, кафедра государственного и муниципального управления (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: joystasj@ya.ru).

Gareeva Y.R, Onipchenko A.V.

STATE-LAW ASPECTS OF FAMILY AND MARRIAGE INSTITUTION

Abstract. *The key aspects of state-law regulation of family and marriage institution are revealed in the article; the value of family to state and society is considered; the basic methods of state regulation in relation to family are described. The necessity and effectiveness of those ways are estimated.*

Keywords: family, marriage, state, demography, labor market, economics, sociology.

Information about the authors

Gareeva Yana Rishatovna (Yekaterinburg, Russia) – Bachelor, the First President of Russia B.N. Yeltsin's Ural Federal University, Institute of Public Administration and Business, the Chair of State and Municipal Administration (19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: gareeva_yana@mail.ru).

Onipchenko Anastasia Valerievna (Yekaterinburg, Russia) – Bachelor, the First President of Russia B.N. Yeltsin's Ural Federal University, Institute of Public Administration and Business, the Chair of State and Municipal Administration (19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: joystasj@ya.ru).

УДК 314.18:316.356.2

Грудина Т.Н.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Аннотация. *В статье рассматриваются структурные изменения института семьи под воздействием глобальных факторов. С развитием в обществе культуры потреб-*

ления образуются новые формы семейно-брачных отношений и их альтернатив, активное распространение которых ставит под угрозу существование традиционной семьи на мировой арене.

Ключевые слова: семья, рождаемость, депопуляция, малодетность, институт семьи, семейная структура

Являясь фундаментальным социальным институтом, семья обеспечивает воспроизводство и устойчивость человеческого общества. Через семью закладываются основы национальной культуры, транслируются традиции и образцы социального поведения, осуществляется как физическое, так и духовное воспроизводство [8, 13].

Рассматривая ситуацию прежних аграрных обществ, следует отметить, что семья выступала производственно-родственной общностью, где в основе взаимоотношений между членами семьи находятся экономические аспекты домохозяйства. Дети для родителей были главными помощниками, работниками в крестьянском труде, наследниками. Большое число детей во многом способствовало благосостоянию семьи, укрепляло семейно-родственные отношения, а также авторитет родителей. Через институт семьи также выполнялась важная посредническая (управленческая) роль между ее членами и обществом.

Развитие индустриальной эпохи способствовало цивилизационным изменениям и в институциональной семейной системе. После промышленной революции XVIII в. вышеперечисленные роли некоторым образом переходят от семьи и детей к другим институтам. В рамках происходящего процесса изменений в ценностно-нормативной составляющей общества большее значение приобретают внесемейные ценностные ориентации в противовес семейным; изменяется также и процесс жизнеобеспечения населения. Постепенно полезность детей для родителей уменьшается. Складывается и набирает обороты конфликт репродуктивных интересов семьи с интересами государства и общества.

В период индустриализации в семейных структурах наступают серьезные изменения [4, с.33-34]:

1) приходит в упадок семейная экономика, получают разделение дом и работа, усиливается занятость родителей в сфере наемного труда, исчезает совместная деятельность родителей и детей (кроме фермерских семей), семьецентризм уступает место развивающемуся эгоцентризму;

2) в процессе урбанизации население в основном перемещается в городскую среду обитания, утрачивается работа на земле, меняется смысл функционирования домашнего быта, развивается культура потребления;

3) в семье индустриального типа происходит отделение родственных и экономических связей, ценность родственных отношений утрачивается, усиливаются экономические отношения;

4) централизованная семейно-родственная система расширенного типа сменяется семьями нуклеарными, что ослабляет связи между поколениями и нивелирует авторитет старших, для выбора супруга уже не так значимо мнение родителей, «открыта» система брачного выбора при сохранении материальных интересов и прав наследования, начинается переход от запрета разводов к их допущению;

5) разрушается система норм высокой рождаемости, поскольку процесс смертности становится подконтрольным, теряет силу запрет на прерывание

беременности, нормы пожизненной и ранней брачности ослабевают, а также смягчаются нормы применения контрацепции, сексуального поведения до брака и вне брака.

Указанные выше структурные изменения института семьи в ходе исторического развития происходят в связи с бурным научно-техническим прогрессом, модернизацией ценностей и навязыванием всеобщей культуры потребления. Семья, выступающая как основной орган воспитания и как общая форма жизни личности, претерпевает существенные изменения в своем развитии, приближая нас к опасности практически полного ее разрушения [14, с.56].

Неравноправное функционирование института семьи относительно других социальных институтов привело к изменениям образа жизни в семейной структуре населения, отмиранию норм пожизненного брака, к престижности одиночно-холостяцкого существования, а также преобладанию социальных норм малодетности (1-2 ребенка в семье) над нормами многодетности, к конформистскому следованию им в разных странах и слоях общества.

В настоящее время меняется направленность демографической динамики в связи с замедлением темпов прироста мирового населения из-за повсеместного снижения рождаемости. Не только отдельные регионы, но и мир в целом оказался на пороге депопуляции – в последней четверти XXI века численность всего населения начнет уменьшаться [1].

В качестве главной причины депопуляции выступает процесс, при котором поколение детей не замещает полностью поколение родителей. По словам демографа В.Н. Архангельского, «в условиях сохранения массовой малодетности, «каким бы низким ни был уровень смертности, от поколения к поколению численность населения будет неизбежно сокращаться, ибо на смену родителям в среднем будет приходить меньше двух детей (на смену матери в среднем будет приходить меньше одной дочери). Неизбежной будет и естественная убыль населения» [6, с.262]. Собственно, данный процесс и запускает механизм депопуляции.

Процесс депопуляции развивается не только в России, но и во всем мире. Ему дают различные объяснения – социальные, экономические, забывая более существенное: депопуляция выступает итогом и результатом глобальных общественных трансформаций, изменения места и роли семьи в обществе и, вместе с тем, постепенного угасания ее социальных функций – в первую очередь, репродуктивной и социализационной. Потребность в нескольких детях перестает быть значимой, в качестве нормы выступает малодетность, создаются сообщества, пропагандирующие жизнь вообще без детей (движение чайлдфри⁴). Возникает угроза репродуктивного инкубатора [5].

В первом декаде 2013 г. численность родившихся в России не компенсировала умерших, в 2006-2013 гг. убыль населения временно сократилась, но после 2015 г. отрицательный прирост вновь начнет усиливаться. При этом в Центральном федеральном округе смертность превышает рождаемость на 24,5%, в Северо-Западном – на 17%, в Южном – на 15,5 %, в Приволжском – на 12,5%. В ряде областей число умерших почти вдвое превышает число родившихся. К таким

⁴ Child free (англ.) — свободный от детей, бездетный; childless by choice – добровольная бездетность.

регионам относятся, например, Тульская и Псковская области, где свидетельства о рождении выдаются на 47% реже, чем свидетельства о смерти [7].

Более чем в 76 странах мира в настоящее время суммарный коэффициент рождаемости опустился ниже уровня простого замещения поколений (2,15 детей на одну женщину), тогда как 60 лет назад таких стран было всего 5 [2].

Суть процесса депопуляции раскрывается через сверхнизкие показатели рождаемости и доминирование в семейной структуре населения малодетных семей, тогда как для простого воспроизводства необходимо иметь среди населения примерно 35% многодетных семей с тремя детьми и 23% — с четырьмя и более [3]. С точки зрения воспроизводства населения (замещения поколений) именно многодетная семья вносит весомый вклад в улучшение демографической ситуации в стране.

С середины 1960-х годов в развитых странах Запада, а несколько позднее и в других странах Европы стали отчетливее проявляться признаки трансформации института семьи, а именно «падение рождаемости и ее «старение» (когда на более поздний срок откладывается рождение первых детей); сокращение числа браков, их «старение», увеличение доли незарегистрированных браков (сожительств), а также активное распространение альтернативных форм браков (однополое, гостевые союзы и т.д.). Связывается это все с растущими в обществе тенденциями индивидуализма и рационализма» [12].

Происходят изменения структуры семьи и ее функций, о которых еще в 1916 году писал П. Сорокин: «Семья переживает острый перелом, старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают, уступают место иным формам, известным пока в общих чертах» [18].

Признаки трансформации института семьи к концу 1990-х годов охватили большинство европейских стран. Перечень важнейших перемен в состоянии семьи некоторым образом сформулированы голландским демографом Дирк Ван де Каа [19].

1. Переход от «золотого века законного брака» к сожительству (конкубинатному⁵ союзу) и многообразию сексуальных и партнерских структур;

2. Переход от эры, где в центре семьи были дети, к временам, когда центром семейной структуры становится супружеская пара, в большинстве своем воспитывающая единственного ребенка;

3. Переход от контрацепции в целях предохранения к контрацепции как самовыражению;

4. Переход от семейной структуры, включающую супружескую пару с детьми, к разнообразию семей и домохозяйств, значительное увеличение семей с одним ребенком.

С точки зрения Д.Ван де Каа, трансформация института семьи, в первую очередь, связана с изменениями системы ценностей.

Существует точка зрения, в основе которой низкая рождаемость является одной из специфических черт высокоразвитой цивилизации. Однако здесь нельзя не согласиться с В.Н. Архангельским, по мнению которого вряд ли возможно

⁵ «Конкубинат (лат. concubinatus, от con (cum) – вместе и cubo – лежу, сожительствую), в римском праве регулировавшееся законом фактическое сожительство мужчины и женщины (в отличие от полноценного брака) с намерением установить брачные отношения» (БЭС. 3-е изд., т.13, с. 28).

высоко оценить цивилизацию, которая не в состоянии себя воспроизвести [19, с.265].

В настоящее время исследователями чаще всего рассматривается два типа семьи – традиционная и нуклеарная. Семью традиционного типа также принято называть расширенной (многопоколенной). К указанной семейной структуре обычно относят мужа, жену, их детей, бабушек, дедушек, дядь, тетю и других родственников, которые, как правило, проживают все вместе. Таким образом, семья расширяется в силу 3-4 родственных поколений.

Ко второму типу относят нуклеарную⁶ семью, состоящую чаще из двух родителей и одного ребенка. Указанный тип семьи носит такое название, поскольку родители и их дети являются демографическим ядром, за счет которого осуществляется воспроизводство новых поколений граждан. Следует отметить, что нуклеарная семья в настоящее время во многом существует в «осколочной» своей форме в силу распространенности высокого уровня разводимости. Значительно упростились процедуры расторжения брака, в результате чего за последние сто лет число ежегодно расторгаемых браков увеличилось более чем в сто раз. Так, в России в 1913 году на 1000 браков приходилось 4 развода, а в 2013 году (по данным Росстата) – 545. В наше время расторгается более половины всех супружеских союзов [15]. Таким образом, если соединить статистику распада гражданских отношений со статистикой распадов браков, получается ужасающий результат: всё общество находится в состоянии развода [9].

Семьи имеют сейчас преимущественно только одного или двух детей, что является недостаточным для простого замещения поколений, почему этот тип детности и называется малодетностью. Контрацепция и аборты практикуются не только после рождения последнего ребенка, но даже до появления первенца, чтобы закончить образование, «встать на ноги» или просто «пожить для себя». Такое репродуктивное поведение во многом связано с неуверенностью в завтрашнем дне, в прочности брака и с желанием облегчить себе развод в случае, если брак не оправдает ожиданий. Малодетность обычно сочетается с высокой разводимостью и внебрачной рождаемостью, с широким распространением различных видов «осколочных» семей, активным включением женской части населения в процесс общественного производства [17].

Известный американский фамилист Аллан Карлсон считает, что причина упадка семейной структуры в большей степени основывается на разделении семьи и работы, которое происходит в силу падения ценности семейного образа жизни [10, 11]. По мнению ученого, «в силу сокращения объема домашних работ, рыночно-индустриальная экономика извлекает домохозяйку из сферы семейного производства, мотивируя их заработной платой и привлекательностью профессиональных ролей, рассчитанных на «развитие личности женщины». Тем самым создается конкуренция на рынке труда между женщинами и мужчинами. Вместе с тем происходит разрушение производственного уклада домохозяйства, поскольку семья в ходе описанного выше процесса превращается в потребительскую единицу. Утрачивается социальный потенциал семьи, постепенно она превращается в механическое объединение индивидов разного пола и возраста, которых государство группирует по категориям малоимущих, больных, инвалидов, престарелых, иждивенцев и др. Получается, что теперь личность, но не семья

⁶ От лат. nucleus – ядро.

становится объектом социальных и экономических воздействий» [10, с.87], тем самым заманчиво, «списать ослабленный институт семьи как исторического неудачника, осколок прошлого века и заменить старую концепцию свободы безграничной свободой индивида... Социальный порядок можно восстановить только через восстановление семьи, и этот вывод подтверждается данными о связи кризисной структуры семьи и социальной патологии. Даже в своем нынешнем ослабленном состоянии полная семья с двумя родителями всё еще остается действующей силой по воспитанию здоровых и надлежащим образом образованных детей, а также источником здоровья и счастья взрослых. Возьмите любую разновидность патологии и неизбежно окажется, что в основе лежит семейный беспорядок, отклонение от естественной семьи» [10, с.88].

Представители школы фамелизма, называя главные аксиологические причины семейного кризиса, указывают и направление выхода: в России демографический кризис, также как и развитых странах, «вызван не столько экономическими, сколько моральными проблемами – крайний индивидуализм ведет к отказу от брака и деторождения, разводам, нежеланию заботиться о детях и родителях. Для выхода из кризиса прежде всего необходимо изменение моральных норм» [16], переключение ценностных ориентаций в сторону создания семьи, укрепления брачно-семейных отношений, поддержания триединства «супружества-родительства-родства».

Библиографический список

1. Антонов А.И. Демография в эру депопуляции. Источник: «Демографические исследования», №1 (http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=19&idArt=78)
2. Антонов А.И. Институциональный кризис семьи и возможности его преодоления в России (часть 1). URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1882
3. Антонов А.И. Многодетная семья в эру депопуляции (результаты всероссийского исследования многодетных матерей) // Научный Интернет-журнал Демография № 8-9: URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=1473
4. Антонов А.И. Семья – какая она и куда движется. Семья в России. 1999. № 1-2. С.33-34.
5. Антонов А.И. Семья – краеугольный камень. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orthomed.ru/node/359>
6. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М., ТЕИС, 2006.
7. Белобородов И.И. «На российское население наслаивается инोकультурный элемент». Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». URL: http://ruskline.ru/news_rl/2013/07/19/na_rossijskoe_naselenie_naslaivaetsya_inokulturnyj_element/
8. Белобородов И.И. Трансформация семейно-брачного поведения. URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=2174
9. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии Международного съезда православной молодежи в Москве. <http://www.patriarchia.ru/db/text/3845271.html>
10. Карлсон А. Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Пер. с англ. под ред. проф. А.И. Антонова. М.: 2003.
11. Карлсон А. Шведский эксперимент в демографической политике. М. ИРИСЭН. Мысль. 2009.
12. Митракас А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы. <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0229/analit01.php>

13. Носкова А.В. Семья в России: тысячелетняя история глазами социолога. М.: Изд-во РГСУ, 2004.
14. Рубинштейн М.М. Кризис семьи как органа воспитания. Вестн. Моск. Ун-та. Сер.18. Социология и политология. 1997. №3.
15. Синельников А.Б. Антисемейная революция: Интернет-журнал «Семья и социально-демографические исследования», [Электронный ресурс]. URL: 2014. <http://riss.ru/demography/demography-science-journal/6182/>
16. Синельников А.Б. Трансформация типа семьи и проблема свободы личности//Социальная и демографическая политика. 2006. № 2.
17. Синельников. А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. Учебное пособие Серия «Спецкурс». М., КДУ, 2008;
18. Сорокин П. Кризис современной семьи//Ежемесячный журнал. 1916.
19. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition. W/DC. 1987.

© Грудина Т.Н., 2015. Текст.

Информация об авторе

Грудина Татьяна Николаевна (Москва, Россия) – кандидат социологических наук, научный сотрудник кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (119234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33; e-mail: tngrudina@gmail.com).

Grudina T.N.

GLOBAL INSTITUTIONAL CHANGES TO THE TRADITIONAL FAMILY

Abstract. *The article examines the widespread institutional changes in traditional family structure occurring around the world due to consumerist culture spreading. New forms of family and marriage alternatives threaten the traditional family system on the world arena.*

Keywords: family, birth rate, depopulation, small family, family institution, family structure.

Information about the author

Grudina Tatiana Nikolaevna (Moscow, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Researcher of the Chair of Family Sociology and Demography, Sociological Department of the M.V. Lomonosov's Moscow State University (MSU, 1, building 33, Leninskie gory, Moscow, 119234, Russia; e-mail: tngrudina@gmail.com).

УДК 314: 316.77

Заборова Е.Н.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ*

Аннотация. *Автор анализирует влияние информационной культуры на демографические процессы. На основе результатов социологического исследования выявлены некоторые тенденции в развитии современной информационной культуры населения Свердловской области.*

Ключевые слова: информационная культура, тенденции развития информационной культуры, выбор информации, информационные каналы.

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-13-66013 «Информационная культура населения Свердловской области: поселенческий и демографический аспекты».

Информация и культура принадлежат к такому классу социальных явлений, которые принято определять как базовые, фундаментальные, ключевые. Не требует доказательств тот факт, что успешность функционирования любого общества во многом определяется уровнем культуры его населения. В современную эпоху, которую называют информационной, важнейшим компонентом культуры населения можно с уверенностью считать информационную культуру.

Информационная культура оказывает влияние на все общественные процессы, в том числе на демографические. Если культура в целом как социальный феномен характеризует уровень развития сущностных сил человека [1, с.3], показывает меру продвижения человечества по пути цивилизационного развития, то информационная культура показывает меру овладения человеком информацией, уровень владения навыками по ее поиску, интерпретации, использованию. Информационная культура показывает, какую информацию ищет и «потребляет» актор, как ее распоряжается. Несомненно, что все сказанное приложимо и к демографическим процессам, развитие которых во многом определяется уровнем информационной культуры. Как отмечает А. Вишневский, «В организации семейной жизни, матримониальных правилах, семейных ролях мужчины и женщины и т.п. могли быть немалые различия, но некоторые базовые нормы, принятые во всех культурно-религиозных системах, были одинаковыми, что лишний раз свидетельствовало об их общем цивилизационном основании... Если бы все эти нормы не охранялись культурой и не соблюдались, в условиях высокой смертности население вымерло бы» [2, с. 64].

Результаты социологического исследования, проведенного в рамках научного проекта, позволили выявить ряд важных тенденций, характеризующих современное состояние информационной культуры населения Свердловской области. Выяснились приоритеты граждан в отношении содержания информации: большинство жителей интересуются развлекательной и политической информацией (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какая информация Вас обычно интересует?»

NN	Значения:	f	% ответов
1	Развлекательная	584	62,7
2	Политическая	580	62,2
3	Экономическая	375	40,2
4	В социально-духовной сфере	342	36,7
5	Спортивная	264	28,3
6	Рекламная	132	14,2
7	Бытовая	303	32,5
8	Другая	20	2,2
	Сумма	2600	279,0

Развлекательная и политическая информация интересует более 62% жителей, затем их интересует информация экономическая (40,2%) и информация, связанная с проблемами быта (32,5%).

Комментируя полученные данные, отметим, что выявленный приоритет в выборе политической информации еще раз подтвердил хорошо известный факт политизированности российского населения. Наши граждане интересуются

политикой, активно смотрят, слушают и читают информационные ресурсы на политические темы.

Более всего привлекает граждан развлекательная информация (шоу, концерты, викторины, фильмы и пр.). Анализируя полученные результаты, можно предложить несколько интерпретационных версий, которые нуждаются в углубленной эмпирической проверке.

Во-первых, предпочтение информации, связанной с развлечениями, может означать уход от чрезмерных сложностей повседневной жизни, от проблем, забот и противоречий современной российской действительности. Усложняющаяся, нестабильная экономическая ситуация, внешние и внутренние политические и социальные проблемы страны, несомненно, находят отражение в жизни каждого человека. В этой ситуации развлекательная информация выполняет компенсаторную функцию, заменяя негативную, тревожную экономическую и социально-политическую информацию на информацию более позитивную.

Во-вторых, приоритет развлекательной информации в интересах можно интерпретировать как характеристику уровня развития граждан. Согласно широко известной и общепринятой теории А. Маслоу, человек развивается от низших физиологических потребностей (еда, размножение, развлечения) к более тонким и сложным духовным потребностям, к самореализации и саморазвитию. Развлекательная информация, как правило, не требует от человека большого напряжения его умственных способностей, не нацелена на предоставление новых и развивающих знаний, но она доставляет удовольствие и успешно имитирует удовлетворение таких базовых потребностей человека, как потребность в безопасности, в самосохранении, сексуальная потребность, в целом создавая иллюзию адаптации к окружающей среде. Эти, несомненно, важные потребности должны быть удовлетворены, и информация развлекательного плана во многом способствует их удовлетворению.

В-третьих, приоритет в выборе развлекательной информации может означать способ переключения, форму отдыха, выполнять функции релаксации. В этом случае человек не столько стремится забыть тяготы жизни, сколько выбирает после напряженного трудового дня пассивный, малообременительный и эмоционально позитивный отдых.

Можно обозначить и другие функции развлекательной информации. Все они, как и названные выше, нуждаются в дополнительной проверке, требуют более углубленных исследований. Но, на наш взгляд, более близки к истине первая и вторая версии, что косвенным образом подтверждается ответами на вопрос о целях, которые население преследует в поисках информации.

Сопоставляя ответы респондентов на вопрос о целях с ответами на вопрос об интересующей информации, мы обнаружили явное противоречие: люди ищут информацию, прежде всего, для самообразования, саморазвития, расширения кругозора, чтобы быть в курсе происходящего, для работы и для быта, в то время как реальный интерес связан с развлекательной и политической информацией (табл. 2).

Конечно, можно сказать, что в определенной мере и политическая информация связана с расширением кругозора, работой, бытом, но вряд ли мы можем сказать то же самое относительно развлекательной информации.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «С какой целью Вы обычно занимаетесь поиском, сбором информации?»

NN	Ответы	f	% отв.
1	Для расширения кругозора, самообразования, саморазвития	624	67,0
2	Чтобы быть в курсе происходящего	617	66,2
3	Для поиска нужной в быту информации	371	39,8
4	Информация необходима для работы	422	45,3
5	Информация необходима для учебы	231	24,8
6	Для досуга, развлечения	303	32,5
7	Чтобы иметь темы для общения с родственниками, друзьями	140	15,0
8	Для совершения покупок, приобретений	242	26,0
9	Другая	2	0,2
10	Затрудняюсь ответить	10	1,1
	Сумма	2962	317,8

Данное противоречие требует определенных комментариев. Можно предположить, что здесь проявляется феномен завышенной самооценки – люди высказывают серьезные и важные цели поиска информации (самообразование, саморазвитие), в то время как на самом деле более склонны потреблять информацию развлекательного и политического плана. Другими словами, они хотят показаться в более выгодном свете. Но также возможна и другая интерпретация – население не получает из информационных источников того, на что они нацелены: они хотели бы получать информацию важную для их духовного роста, труда и быта, а интересной оказывается развлекательная и политическая информация. В этом случае можно поставить вопрос об эффективности работы средств массовой информации, о том, почему эфир и печатные издания заполнены развлекательными передачами, темами и сюжетами.

В научной литературе отмечается факт переизбытка информации, которая обрушивается на современного человека. Традиционные информационные каналы (газеты, журналы, книги, информация, поступающая по каналам межличностного общения), в настоящее время существенно расширены за счет появления такого канала как Интернет. Информация, несомненно, потенциально стала более доступной. Но доступна ли она в действительности, насколько удовлетворены жители объемом доходящей до них информации?

Основная масса респондентов считает, что «В целом информации достаточно» (68,0%), только 16,5% считает, что «Информации слишком много, избыточно». Эти данные свидетельствуют о том, что люди в своей жизни руководствуются принципом разумной меры: они, как правило, «поглощают» только такое количество информации, которое может быть усвоено, переработано. Люди стремятся к минимизации усилий и энергетических затрат, и в случае слишком большого информационного потока они выбирают только тот объем, который им необходим и достаточен.

Важнейшим показателем информационной культуры можно считать качество поступающей информации, которой располагает население – ее полезность и ее правдивость. Мы попытались выяснить, насколько население считает в целом полезной и правдивой информацию, получаемую из разных источников: местного и регионального телевидения, национального телевидения,

иностранных телеканалов, печатных СМИ, радио, интернета, специальной и художественной литературы, информацию, получаемую по каналам межличностного общения (от друзей, знакомых, коллег по работе), поступающую от органов власти и общественно-политических движений. Используя метод ранжирования, мы выявили следующее (табл. 3).

Таблица 3

Ранговые места источников информации по признаку «полезность информации»

Источник	Ранг	Источник	Ранг
Литература (специальная и художественная)	I	Печатные СМИ (газеты и журналы)	VIII
Интернет	II	Национальное (общероссийское) ТВ	IX
Информация от родственников	III	Местное и региональное радио	X
Местное и региональное ТВ	IV	Информация от органов власти	XI
Информация, получаемая в образовательных учреждениях (школы, вузы)	V	Национальное (общероссийское) радио	XII
Информация от друзей, знакомых	VI	От общественных и политических организаций	XIII
Информация от коллег по работе	VII	Иностранные телеканалы	XIV

Если подразделить все источники информации по критерию «институциональные» и «неинституциональные», то есть распространяемые через формализованные, официальные каналы (Интернет, телевидение, радио, печатные издания, учреждения и организации) и неформализованные (межличностное общение), то можно сделать вывод, что в современную эпоху люди получают информацию в первую очередь через формализованные каналы. Среди этих каналов с позиции «полезность» на первом месте стоят книга (специальная и художественная литература) и Интернет. Литература (как художественная, так и специальная) по-прежнему остаются важным каналом получения информации. Это означает, что наше исследование не подтверждает мнение тех авторов, которые считают, что сегодня граждане уже ничего не читают, что книга потеряла свое значение в жизни современного человека.

Несомненным лидером по предоставлению полезной информации является Интернет. Интернет опережает как телевидение, так и радио, оставляя далеко позади другие институциональные источники получения полезной информации. Вторым по важности среди институциональных источников является телевидение. Радио, как местное, так и общенациональное, не оценивается населением как полезный источник информации, еще менее значимой в этом контексте является информация, поступающая от органов власти, общественных организаций и иностранных СМИ.

Библиографический список

1. Коган Л.Н. Культура в социалистическом образе жизни // Культура и социалистический образ жизни. Свердловск, 1980.
3. Вишневский А.Г. Цивилизация, культура и демография // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 57-76.

© Заборова Е.Н., 2015. Текст.

Информация об авторе

Заборова Елена Николаевна (г. Екатеринбург, Россия) – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: ezaborova@yandex.ru).

Zaborova E.N.

INFORMATION CULTURE AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

Abstract. *The author analyzes the influence of information culture on demographic processes. On the basis of sociological study results some trends in the development of modern information culture of population in the Sverdlovsk region are revealed.*

Keywords: information culture, trends of information culture development, information selection, information channels.

Information about the author

Zaborova Elena Nikolaevna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Technologies of Management, Institute of Public Administration and Business of the Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: ezaborova@yandex.ru).

УДК 314.7

Канаева Л.В.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: ОБНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема вертикальной образовательной миграции с позиций демографических и экономических рисков для провинциальных территорий-доноров. Описывается нерентабельность образовательной миграции для принимающих территорий, вузов, семьи, студентов. Отмечается полезность опыта ЕС по организации в рамках Болонского процесса краткосрочной (горизонтальной) образовательной мобильности. Подчеркивается необходимость разработки региональных программ образовательной мобильности, сохраняющих интеллектуальный и квалификационный потенциал направляющих территорий.*

Ключевые слова: нерентабельность образовательных миграций, академическая мобильность, региональные программы мобильности.

Введение. Всеобщее миграционное возбуждение рубежа XX-XXI вв. как ответ на глобальные вызовы цивилизационных трансформаций потребовало от населения повышенной географической мобильности. Особенно она проявилась у молодежи, которая в силу возрастных особенностей стремится к освоению новых территорий, накоплению опыта и связей, поиску лучших возможностей для самореализации.

Наиболее удобным для этого является образовательный канал мобильности, воспринимаемый одними, возвращающимися на родину, как оптимальная возможность расширения мировоззрения и контактов, а другими – как пилотный проект приживаемости на более привлекательной территории.

Однако, при всей романтичности новых географических «завоеваний», социокультурных впечатлений и меркантильной оправданности переселения молодых в красивые мега-города, процессы миграции даже внутри страны несут

слишком много издержек и социальных рисков, чтобы не задумываться об их оптимизации.

Российская провинция, не получающая выравнивающей экономической, научной и образовательной поддержки регионального и федерального центров, уже многие годы безвозмездно отдаёт свою лучшую молодежь опережающим в развитии территориям, хотя сама страдает от «утечки перспективных умов» и испытывает острейший дефицит молодых специалистов, чтобы привлекать потенциальных инвесторов качественными человеческими ресурсами.

Мегаполисы за счёт мнимо выгодного притока мобильных абитуриентов обеспечивают себе высокие темпы экономического роста, и потому не спешат с исправлением ситуации, столь тревожной для сбалансированного расселения и социально-экономического развития страны.

Подобные коллизии между социально ориентированной политикой государства, призванной обеспечивать межтерриториальное выравнивание и либеральными подходами, прежде защищающими интересы наиболее развитых и успешных вузов, привели к противоречивой образовательной политике страны.

Отсутствие механизма распределения, адекватного интересам отдающих и принимающих территорий, закономерно отразилось в нерациональном использовании интеллектуальных молодежных ресурсов, когда ради приживаемости на высокоразвитой территории квалифицированные специалисты готовы работать на непрофильной и не престижной работе. Возникла крайне низкая эффективность использования интеллектуального потенциала России, которая по оценкам экспертов достигает не более 3,3% [5, с.160].

В проекте «Основных направлений деятельности правительства до 2017 года» [2] среди прогнозируемых экономических вызовов называется предстоящий период сокращения численности населения трудоспособного возраста с ежегодным снижением на 1 млн человек, что грозит ещё большим обострением никак не регулируемой конкуренции городов и регионов за молодежные трудовые ресурсы и требует комплекса мер по стратегическому и законодательному решению этой старой, но актуальной проблемы.

1. История и диверсификация идей образовательной мобильности. Ограниченное число вузов в СССР исторически закрепило практику миграций для обучения в других городах. Действовали два канала: вертикальной мобильности – обучения в более развитом городе и горизонтальной мобильности – в сходном по масштабу городе в случае отсутствия на родине выбранного образовательного профиля. Сегодня в стране активирован преимущественно вертикальный канал образовательной мобильности, а горизонтальный распространяется лишь на обучение за рубежом.

Ценность функции мобильности для развития страны и населения в полной мере осознавалась и в СССР, когда поощрялась мода на мобильность молодежи с целью воспитания отзывчивости на государственные призывы по освоению новых земель или готовности выпускников вузов ехать по распределению в любую точку страны. Эти механизмы казались целесообразными в рамках политики равномерного расселения квалифицированной молодежи на слабо развитых территориях или разбавления ею этнически однородных сообществ [4, с.39].

Тогда ещё не прививалось чувство патриотизма к малой родине, и вмешательство в «территориальную судьбу» выпускников при их

централизованном распределении не казалось авторитарным насилием. Напротив, молодежь воспринимала этот факт как романтический вызов и один из немногих шансов переехать на другую территорию. Естественно современная российская молодежь оценивает такую политику в основном негативно (за исключением нетрудоустроенных), а сохранившаяся в Беларуси практика двухлетней «отработки» за бюджетное образование (но преимущественно на своих территориях), воспринимается либерально ориентированными россиянами как покушение на свободу.

Как выявил опрос студентов выпускных курсов филиала ЮУрГУ в г. Златоусте (N=230 ноябрь 2014 г.), студенты, учившиеся за счёт государства, не считают нужным задумываться о способах возвращения своего долга (за образование и стипендиальную поддержку), считая нормальным и даже недостаточным, с позиций престижного трудоустройства, такое социальное иждивенчество.

Возрождать сегодня советский механизм централизованного распределения специалистов, конечно, бессмысленно. Должен быть найден какой-то другой формат, защищающий местно-региональные интересы, – более мягкий и превентивно регулирующий опасную для демографии и экономики провинции невозвратную миграцию абитуриентов. Например, объединенная Европа практику краткосрочных образовательных обменов (получившую популярность ещё в 70-х гг., в том числе и в СССР), привнесла в образовательное право и норму внутри ЕС. В рамках Болонского процесса развивались инструменты унификации образовательных систем, сопоставимости программ и дипломов. И студенты, получив право на мобильные перемещения в разные страны и вузы с целью лучшей адаптации в свободном евро-пространстве и гражданской интеграции нового союза, перестали массово выезжать за образованием в США.

Но найденный в стареющей Европе рецепт для удовлетворения внутренних потребностей своей молодежи, чтобы удержать её в стране, вскоре превратился в инструмент и внешнего притяжения молодых людей. Применялись уже не только краткосрочные образовательные программы, но и долгосрочные. Так, Германия стала осуществлять эффективную миграционную политику через образовательную мобильность, сделав высшее образование бесплатным, и даже англоязычным [3, с.136], привлекая тем самым огромные потоки иностранной молодежи.

Такая парадигма целенаправленного захвата чужих человеческих ресурсов недопустима внутри России. Успешный опыт ЕС по горизонтальной краткосрочной образовательной мобильности вполне приемлем для России, где полностью отсутствует практика внутрирегиональных и межрегиональных обменов студентами. Причём делать это можно на базе тех же управленческих подразделений при вузах, что работали на международные направления, но теперь в силу известных причин резко снизили активность. То есть некоторый опыт уже имеется, остаётся приложить его к национальным потребностям и разработать программно-законодательные документы, которые должны быть типовыми для всех регионов, чтобы использовать единые или сопоставимые механизмы реализации.

Как показывают опросы, абитуриенты провинции также массово мечтают о путешествиях, расширении мировоззрения, опыта и связей. Эту фундаментальную возрастную потребность нужно удовлетворять, чтоб снизить отток абитуриентов из

небольших городов, где есть свои вузы, обязанные расти и расширять количество направлений подготовки и качество образования.

Респонденты отмечают, что при выборе вуза они прежде всего выбирают перспективную для себя территорию, а потом уже ищут нужный профиль обучения. Так, в период подготовки Олимпиады в г.Сочи достаточно много южно-уральских абитуриентов устремилось за образованием в спортивную столицу страны, чтоб гарантированно быть там во время праздника.

Поэтому, чтобы остановить процесс «утечки умов» из отсталых регионов и провинции, нужно перестраивать образовательные программы и сервисные возможности вузов. Важно правильно продолжить начатую в 90-х гг. диверсификацию высшего образования, в том числе нацеленную и на обеспечение доступности высшего образования на местах. Увы, рыночный характер модернизации привёл к неуправляемому насаждению филиалов везде и без соблюдения рационального соседства. Поэтому выравнивания шансов провинциальной молодежи на качественное образование не произошло, скорее наоборот, произошла деградация авторитета старых вузов и профанация новых. Так, либеральная политика захвата абитуриентов проявилась и в другой форме – миграции филиалов на периферию.

Наступило время консервативного упорядочивания и исправления ошибок либерального периода, когда вместо укрепления слаборазвитых региональных и провинциальных вузов столичной поддержкой подрывались их перспективы конкурентным оттягиванием контингента. Сегодня в рамках политики сокращения иногородних филиалов необходимо ликвидировать бессмысленное дублирование на одной территории одинаковых направлений подготовки и поощрять профильное расширение местных вузов на партнёрских началах с известными университетами.

2. Нерентабельность вертикальной образовательной мобильности. Сегодня, переживая ситуацию геополитического обострения, страна нуждается в точной формулировке национальной стратегии по поводу равноправного и адекватного наращивания квалификационных потенциалов населения на деградирующих и депопулирующих территориях. В данном контексте особенно актуализируется проблема рентабельности внутренней образовательной миграции молодежи для территорий, вузов, семейных домохозяйств и самих иногородних студентов. Рассмотрим издержки и риски для каждой из сторон.

1. Для территорий отдающих и принимающих они, естественно, отличаются. Отдающие в силу своей отсталости «выталкивают» амбициозную молодёжь не только за качественным образованием, но и перспективным стартапом. При этом студенческая молодежь вывозит с родины и финансовые капиталы родителей на своё содержание, и чем они больше, тем выше вероятность хорошего бытового обустройства и долгосрочной приживаемости. Так, отдающие территории в связи с молодежной эмиграцией испытывают двойную экономическую нагрузку – от оттока населения и финансов, происходящих не только в текущий момент, но и в будущей перспективе.

У принимающих территорий дополнительная миграционная нагрузка отражается в следующих сторонах общественной жизни:

– социально-экономическая – оттягивание социальных ресурсов, распределяемых подушевым методом, увеличение транспортной нагрузки;

– культурная – разбавление иными культурными стереотипами, ориентация культурной жизни на молодых и снижение внимания пожилым поколениям;

– девиантная – молодежь априори обладает повышенным риском девиантного поведения, часто проявляющегося при недостаточной адаптации в новой среде;

– политическая – молодежь с двойной территориальной идентичностью склонна либо к политической пассивности, либо к повышенной активности, в том числе и радикального толка. В неизвестных местных условиях она неспособна делать рациональный политический выбор, и часто становится объектом избирательных манипуляций, то есть право избирать и быть избранным реализуется формально или игнорируется;

– трудовая – оттягивание у местного неквалифицированного населения временных рабочих мест (при массовых подработках студентов). Кроме того студенты, стремясь подработать, как и все мигранты, готовы на нелегальную занятость, увеличивая теневой сектор. По окончании вуза они усиливают конкуренцию за престижные рабочие места.

Таким образом, население принимающих территорий больше проигрывает от миграций интеллектуальной молодежи, чем выигрывает от ввозимых финансовых капиталов. Избыточные контингенты создают урбанистическое напряжение и неконтролируемый рост рынков жилья, торговли и услуг.

2. Для вузов возникает необходимость обеспечить иногородних студентов общежитиями, спортивными залами, местами для досуга, медицинскими услугами, воспитательным надзором и трудоустройством, что увеличивает непрофильную нагрузку на вузовское управление и бюджет. Кроме того для местных контингентов снижается эффективность услуг по трудоустройству, но возрастает конфликтность по другим социальным и образовательным поводам.

Стремление вузов притянуть иногородних студентов порождает избыточные расходы на самопиар, нечистоплотную конкуренцию с другими вузами.

3. Для семьи: *Ощущается разрыв семейно-бытовых связей, возрастает экономическое напряжение.* Студенты, живущие «на два дома», порождают двойную оплату жилья – дома и на новом месте пребывания, особенно ощущаемую при отсутствии общежития. Также родители несут издержки по регулярным транспортным расходам, постоянному финансированию или софинансированию детей, хотя сами в этот период лишаются поддержки взрослых и трудоспособных детей, которые, привыкая к такой опеке на расстоянии, закрепляют стереотипы дистанцированного иждивенчества и не формируют навыки заботы о родителях.

Особые сложности возникают в неполных семьях, из которых дети гораздо реже позволяют себе иногороднее образование. А если и пытаются, то вынуждены много подрабатывать, из-за чего снижают успеваемость, отчисляются и возвращаются на родину доучиваться в местном вузе.

4. Для студента риски связаны с переходом на новый уровень образования и бытовой адаптации. Неустроенный быт, конфликтность с соседями по общежитию, ослабление самодисциплины без родительского контроля, в результате чего появляются опоздания, прогулы, низкая успеваемость, девиантность, отвлечение на самоорганизацию и знакомство с новым городом.

Жажда экономической независимости многих подталкивает на подработку, которая не только снижает успеваемость, но и перепрофилирует образовательные

интересы. Примером тому служит типичный случай: отличник, получающий инженерную специальность, на 3-м курсе начинает подрабатывать риэлтором или промоутером, увлекшись, забрасывает учебу, успокаивая себя, а потом и родителей поступлением на заочную форму по новому понравившемуся профилю.

Выводы. Как видим, массовые миграции провинциальной молодежи содержат большие издержки и риски, оборачиваются неэффективным использованием интеллектуального потенциала страны и неравномерным наращиванием его в регионах. Поскольку очевидна нерентабельность образовательных миграций с точки зрения межтерриториального и межотраслевого баланса трудовых ресурсов, необходим поиск приемлемых форм образовательного и трудового обмена, целевого направления и возврата.

Пока в Челябинской области, как и многих других, нет программы молодежной миграционной политики, в рамки которой должна быть встроена и новая парадигма образовательной мобильности. Сегодня регионы обязывают формировать программы трудовой мобильности, но прежде нужно создать программы образовательной мобильности, чтоб на их основе закладывать механизмы распределения и создания рабочих мест.

В основе межтерриториального партнерства нового поколения должны быть строго договорные отношения, принципиально иной подход к формированию образовательных программ «под заказ», контроль эффективности образовательных услуг и студенческой успеваемости. В этом новом контексте предпочтительнее развитие студенческой краткосрочной мобильности не только академического, но и прикладного характера.

Должно быть предусмотрено и усиление институциональной мобильности [1, с.583] через интенсификацию профессиональных контактов профессорско-преподавательских сообществ, созданных по региональному и окружному принципам. Партнерский обмен образовательными продуктами и технологиями, научная интеграция и совместные проекты создадут необходимый синергетический эффект системного роста отрасли и её межтерриториального выравнивания.

Библиографический список

1. Канаева Л.В. Образовательная мобильность в России: исправление дефективности // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 21-22 августа 2014 г.: сборник научных трудов /И.Е. Фадеева, отв. ред.; В.А. Сулимов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. С. 581-595.
2. Основные направления деятельности Правительства: сокращение трудоспособного населения – вызов для экономики РФ. URL: <http://news2world.net/novosti-ekonomiki/ondp-sokrashchenie-trudosposobnogo-naseleniya-vizov-dlya-ekonomiki-rf.html>
3. Особенности системы высшего образования в Германии глазами российского профессора (интервью с Э.Патриком) // Высшее образование в России. 2014. №2. с.131-141.
4. Рыбаковский, Л.Л. Программа действий по улучшению демографической ситуации: Реализация концепции демографического развития РФ на период до 2015 года.- М.: МАКС Пресс, 2006. 168 с.
5. Шапарова И.П., Шапаров Е.П. Образование как фактор экономического развития // М.В. Ломоносов – великий сын России: материалы Международной научной конференции, посвящённой 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова /Отв. ред. В.А. Колосов. Архангельск: КИРА, 2011. С.160-163.

Информация об авторе

Канаева Лариса Васильевна (г. Златоуст, Россия) – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, ЮУрГУ НИУ, филиал в г. Златоусте (456209, Челябинская область, г. Златоуст, ул. Тургенева, д.16; e-mail: kanaevazlat@mail.ru).

Kanaeva L.V.

EDUCATIONAL MOBILITY: RENEWAL THE CONCEPT

Abstract. *The article considers the problem of educational vertical migration from the standpoint of demographic and economic risks to provincial territories-donors. Unprofitable educational migration to host territories, universities, families and students is described. The usefulness of EU experience in the Bologna process organization, short-term (horizontal) educational mobility is emphasized. The need of developing the regional programs of educational mobility, preserving intellectual and qualifying potential to directing territories is stressed.*

Keywords: unprofitability of educational migration, academic mobility, regional mobility program.

Information about the author

Kanaeva Larisa Vasilyevna (Zlatoust, Russia) – Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Chair of Social-legal sciences and humanities, Zlatoust Branch of the South Ural State University (16, Turgenev Str., Zlatoust, Chelyabinsk region, 456208; e-mail: kanaevazlat@mail.ru).

УДК 378:314

Мыслякова Ю.Г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ*

Аннотация. *Автор проиллюстрировал результаты оценки и прогноза динамики изменения численности исследователей научно-образовательной системы Свердловской области до 2024 года, актуализирующие решение вопросов, связанных с повышением ее креативного потенциала. На основе опроса студентов ведущих вузов были выявлены необходимые меры, способные повысить интерес молодежи к работе в научной сфере, даны рекомендации по минимизации «демографических ям» в научной среде.*

Ключевые слова: креативный потенциал, научно-образовательная система, привлечение молодежи в науку.

Креативный потенциал научно-образовательной системы напрямую зависит и определяется ее кадрами, носителями знаний и профессиональных компетенций. При этом наибольшей креативностью обладают кадры, не достигшие возраста 29 лет. Однако, согласно данным Российского фонда фундаментальных исследований о возрастном распределении кадров в 2005-2006-х годах, наблюдаются их возрастные пики – 26 и 52 года, а также 60 лет и 70 лет. Между пиками в 26 лет и

* Публикация подготовлена в рамках проекта №15-14-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения».

52 года – глубокий провал. За этой демографической ямой следует другая демографическая яма – современных подростков и молодежи, рожденных в 90-е годы прошлого столетия, которые к тому же проявляют низкий интерес к работе в научной среде. Получается, что демографические ямы – серьезнейшая угроза для обеспечения креативного потенциала научно-образовательной системы.

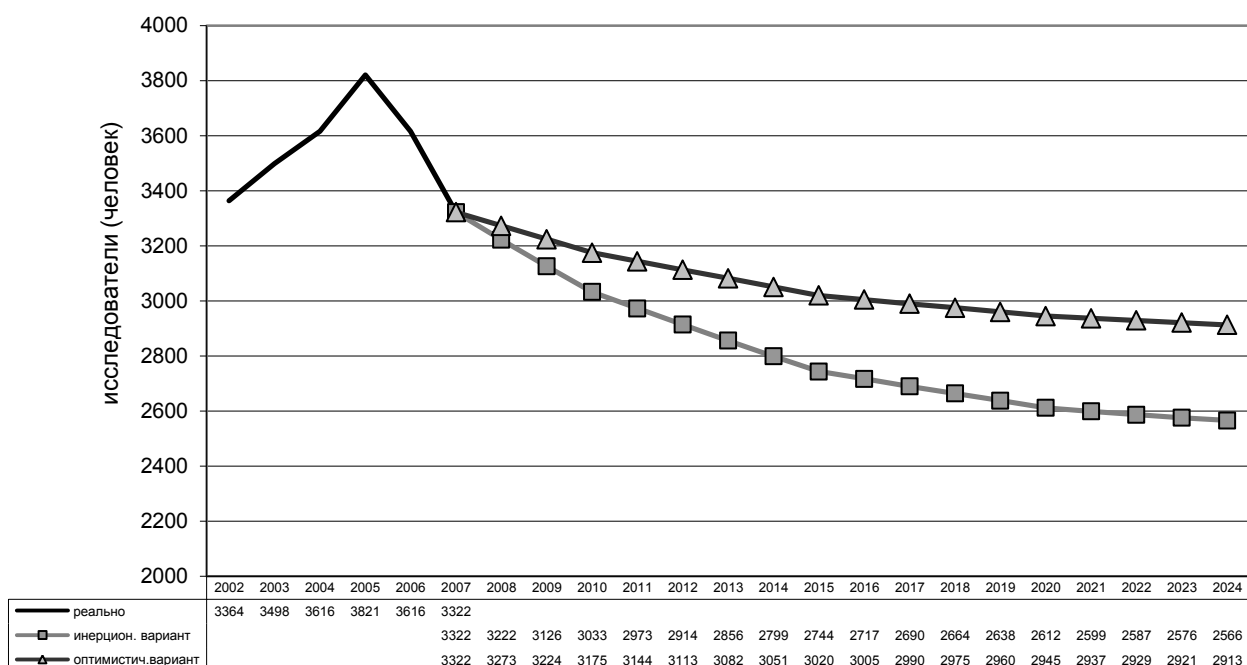

Рисунок 1. Изменение численности исследователей научно-образовательной системы Свердловской области за 2002-2024 гг.

На период 2009-2025 гг. прогнозируется⁷ снижение общей численности работников научно-образовательной системы. При инерционном варианте к 2024 году она сократится до 2566 чел., при оптимистическом – до 2913 чел. (см. рис.1.) При усилении реформирования научно-образовательной системы произойдет резкое ухудшение ситуации. При этом ожидается, что большую долю в возрастной структуре составят исследователи в возрасте 50-59 лет (22,2-23%). Доля лиц, занимающихся научными разработками, не достигших 29 лет составит не более 16,6%, что является катастрофическим показателем для формирования и наращивания креативного потенциала научно-образовательной системы (рис. 2).

На общем фоне снижения численности исследовательских ресурсов ожидается увеличение численности докторов наук. По результатам инерционного прогноза их число в 2024 году составит 665 человек (рис. 3).

⁷ Прогноз разработан на основе текущих тенденций с учетом влияния таких компонентов, как: рождаемость, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, рост средней заработной платы исследователей к предыдущему году, обеспеченность сотрудников жильем и обеспеченность аспирантов общежитием. Построение прогнозной численности исследователей базировалось на предположении о некотором улучшении показателей в социально-экономической и финансовой сфере.

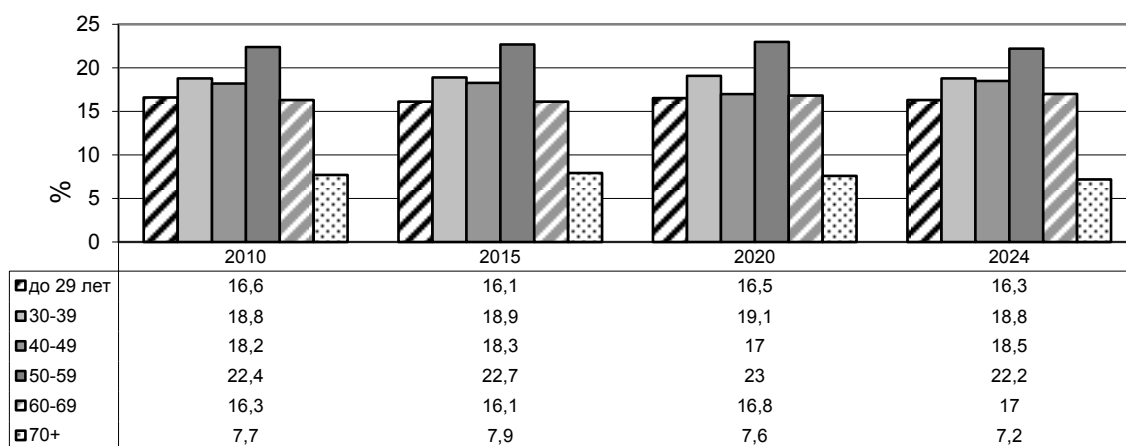

Рисунок 2. Возрастная структура исследователей научно-образовательной системы Свердловской области за 2010-2024 гг.

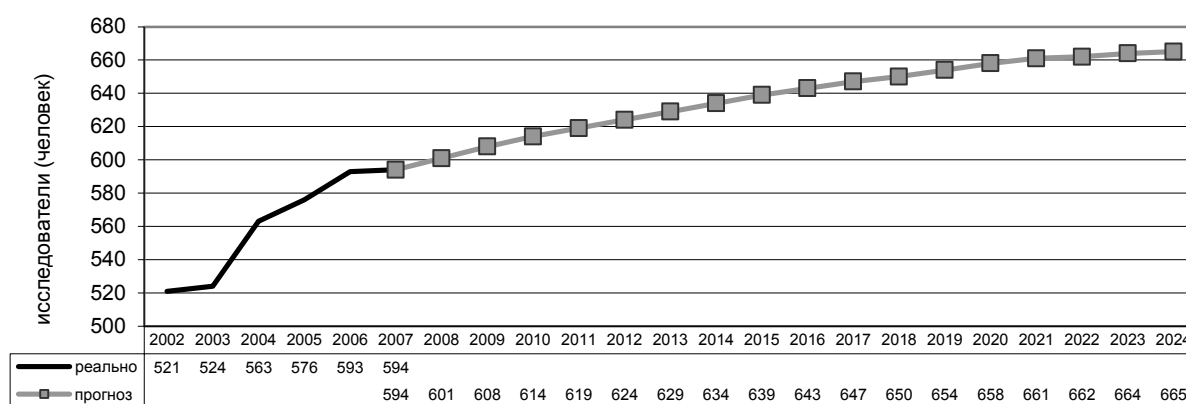

Рисунок 3. Ожидаемое изменение численности докторов наук в научно-образовательной системе Свердловской области за 2002- 2024 гг.

Кроме того, результаты прогноза свидетельствуют также о том, что возрастная группа (50-59 лет) остается наиболее стабильной и значимой (36% – 36,6%) по отношению к другим возрастным группам. При этом доля сотрудников (30-39 лет) будет незначительно изменяться (2010 год – 1,2%; 2015 год – 1,3; 2020 год – 1,5; 2024 год – 1,6%). Доля сотрудников в возрасте (70 лет и более) будет иметь тенденцию к сокращению (2010 год – 18%; 2015 год – 17,6; 2020 год – 17,2; 2024 год – 16,9%).

На общем фоне снижения численности исследовательских ресурсов ожидается, что численность кандидатов наук будет уменьшаться (к 2025 году по прогнозу их число составит 1397 человек; 2002 год – 1605 человек) (см. рис. 4).

Кроме того, результаты прогноза свидетельствуют о том, что возрастная группа 30-39 лет остается наиболее стабильной и значимой (22,8-23,7%) по отношению к другим возрастным группам. При этом доля сотрудников до 29 лет будет сокращаться (2010 год – 9,1%; 2015 год – 8,8; 2020 год – 8,7; 2024 год – 8,5%).

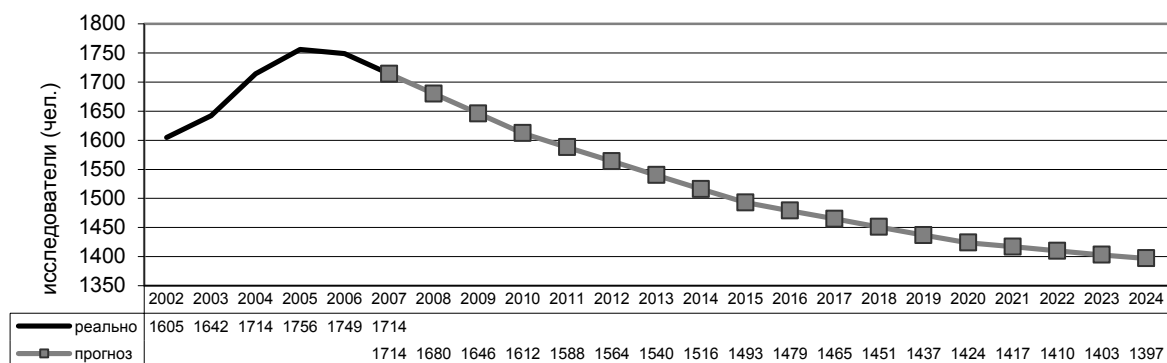

Рисунок 4. Ожидаемое изменение численности кандидатов наук в научно-образовательной системе Свердловской области за 2002–2024 гг.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодые кадры не идут работать в научно-образовательную систему. Их низкий приток в условиях перехода на новый тип индустриализации повлечет за собой увеличение нагрузки зрелых ученых. Таким образом, основная доля научной работы перемещается постепенно к сотрудникам более зрелых возрастов, что снижает способность молодых ученых предлагать новаторские, более смелые идеи в науке.

Существенно изменить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону можно путем повышения значимости науки как важнейшего ресурса современного социально-экономического развития, созданием в стране благоприятного климата для фундаментальных и прикладных исследований по приоритетным для страны направлениям науки, техники и технологий, повышением престижа научного работника и реализацией мер по привлечению молодежи в науку.

Для того, чтобы установить, какие именно меры необходимы, был проведен опрос 300 студентов таких ведущих вузов Свердловской области, как УРФУ, УрГЭУ, УГГУ, РГППУ, УрГЮУ, УИЭУиП, УрГАУ, УрГУПС, Уральский филиал РЭУ им. Плеханова, Гуманитарный Университет, ИМС, УГМУ (табл.1).

Таблица 1

Структура опрошенных студентов

Тип вуза	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс
Государственные вузы (Г), %	23,9	55,1	29,6	49,5
Негосударственные вузы (НГ),%	76,1	44,9	70,4	50,5

Самыми важными направлениями молодежной политики, реализуемой в рамках научно-образовательной системы, по мнению студентов первого курса должны стать строительство социального жилья (72,1% опрошенных), повышение стипендий для аспирантов и докторантов (71,55%) и расширение практики стажировок молодых ученых за рубежом (31,3%) (табл. 2).

По мнению студентов второго-четвертого курсов приоритетной мерой является повышение стипендий для аспирантов и докторантов, а потом уже строительство социального жилья и расширение практики стажировок молодых ученых за рубежом.

Кроме того, можно также порекомендовать повысить заработную плату в научной сфере до уровня выше, чем в среднем по промышленности; обеспечить сотрудников научно-образовательной системы жильем на льготных условиях

(льготные кредиты, строительство ведомственного жилья и т.д.); расширить практику научных стажировок за рубежом для всех исследователей; воссоздать сеть ведомственных учреждений социальной инфраструктуры (детских садов, медицинских учреждений, санаториев, баз отдыха, пансионатов и т.д.) и укрепить их материально-техническую базу; ввести надбавки не только за научный стаж, но и за количество значимых инновационных решений.

Таблица 2

Меры по закреплению молодежи в науке, на базе опроса студентов ведущих вузов Свердловской области

№ п/п	Меры	% опрошенных студентов:							
		1-го курса		2-го курса		3-го курса		4-го курса	
		Г	НГ	Г	НГ	Г	НГ	Г	НГ
1	Строительство социального жилья для молодежи	71,9	72,3	63,3	61,8	65,3	68,4	65,2	63,2
		72,1		62,55		66,85		64,2	
2	Повышение стипендий для аспирантов и докторантов	68,8	74,3	74,5	78,5	72,3	77,1	78,4	79,5
		71,55		76,5		74,7		78,95	
3	Расширение практики стажировок молодежи за рубежом	28,1	34,5	45,6	54,3	56,6	56,7	69,7	64,2
		31,3		49,95		56,65		66,95	
4	Погашение процентов по кредитам на приобретение жилья	15,6	13,3	12,8	10,3	36,8	23,5	34,6	27,9
		14,45		11,55		30,15		31,25	
5	Создание комфортных условий для культурного и спортивного досуга молодежи	3,1	4,4	10,2	9,8	13,8	11,6	12,3	11,8
		3,75		10		12,7		12,05	

Однако все эти меры касаются совершенствования научно-образовательной системы с позиции привлечения и удержания молодых кадров. Решить таким образом демографическую проблему кадровой наполняемости целиком не видится возможным, необходимо дополнительно и параллельно оказывать поддержку молодым семьям и повышать их образовательный уровень. Только тогда можно будет рассчитывать на то, что поколение, которое родится в таких условиях, станет потенциальными кадрами научно-образовательной системы, способными обеспечить рост ее креативного потенциала в условиях новой индустриализации.

© Мыслякова Ю.Г., 2015. Текст.

Информация об авторе

Мыслякова Юлия Геннадьевна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: jul_jul@inbox.ru).

Myslyakova Yu.G.

DEMOGRAPHIC ASPECTS OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SYSTEM'S CREATIVE POTENTIAL INCREASING

Abstract. The author illustrated the results of assessment and forecast of number change dynamics of researchers in scientific and educational system of Sverdlovsk region till 2024 foregrounding the solution of the questions connected with increasing its creative potential. On the basis of the poll of students from leading higher education institutions the measures capable to increase interest of youth to work in research sphere were revealed, recommendations to minimize demographic holes in research sphere are given.

Keywords: creative potential, research and educational system, youth involvement to science.

Information about the author

Myslyakova Yulia Gennadyevna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: jul_jul@inbox.ru).

УДК 316.356.2(470.5)

Певная М.В.

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье отражены аспекты информационной репрезентации семейной политики как исследовательского концепта, приведены результаты контент-анализа официальных сайтов органов власти, информагентств и региональных печатных изданий, формировавших поле информационной репрезентации семейной политики Свердловской области.

Ключевые слова: семейная политика, контент анализ, информационная репрезентация, региональная политика.

На институциональном уровне семейная политика как теоретическая категория, процесс и практические результаты реальной управленческой деятельности проявляет себя в идеологическом, политическом, культурном и экономическом контекстах. Обсуждаемые в политической сфере перспективы улучшения демографической ситуации в стране в целом воплощаются в стратегические документы федерального и регионального уровней, в программы, предполагающие реализацию отдельных мероприятий, курируемых или реализуемых различными субъектами государственной исполнительной власти. В повседневной жизни рядовых россиян государственная и региональная семейная политика затрагивает отдельные аспекты их жизни, определенные проблемы, с которыми им приходится сталкиваться. Сегодня очень многое начинает зависеть не только от того, насколько понятны населению приоритеты государственной семейной политики, но и ясны механизмы решения конкретных проблем российской семьи, прозрачны те возможности, которые предоставляет в этом плане общество и государство. С одной стороны, важна четкая артикуляция в информационном пространстве стратегически важных идей, работающих на «утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышение авторитета родителей в семье и обществе и поддержание социальной устойчивости каждой семьи» [1]. С другой стороны, пониманию каждого россиянина должна быть доступна дифференцированная система мер поддержки семьи, предоставляемая государством.

В современном обществе управление информационными потоками становится неотъемлемой частью управления социальными процессами. Степень развития информационного пространства во многом влияет на основные сферы

жизнедеятельности общества. От уровня развития информационного пространства зависят формирование общественно-политических движений, поведение людей, социальная безопасность. В этой связи информационная репрезентация семейной политики становится важнейшим механизмом распространения и популяризации информации, необходимой для осуществления семейной и демографической политики, стимулирования поведения населения в соответствии с заданными на нормативно-правовом и идеологическом уровнях принципами. Одна из основных ролей в обеспечении этого процесса отводится информационной прозрачности деятельности органов исполнительной государственной власти, грамотной информационной поддержке принимаемых на федеральном и региональном уровнях управленческих решений, затрагивающих ключевые проблемы демографической сферы. В частности, управление информационным пространством может стать эффективным инструментом доведения до общественности сведений о мерах поддержки семьи, обеспечения прав и законных интересов всех ее членов, об услугах, предоставляемых органами государственной власти, изменениях в законодательстве и деятельности институтов исполнительной власти.

Отдельные меры в рамках информационного продвижения идей семейной и демографической политики сегодня на различных уровнях уже предусмотрены и частично реализуются. Например, в Концепции государственной семейной политики РФ на период до 2025 года обозначены «пропаганда образа жизни семей, культивирующих здоровый образ жизни, через средства массовой информации; повышение уровня репродуктивной грамотности путем развития программ информированности населения; проведение информационной кампании по повышению общественного престижа семейного образа жизни, многодетности и многопоколенной семьи...» [1]. Выделяемые в нормативных документах федерального и регионального уровней каналы информационного продвижения идей семейной и демографической политики, безусловно, важны. Однако говорить о них целесообразно только в увязке с реальной практикой, а также с тем контентом, который формируется в границах определенных территорий. По нашему глубокому убеждению, этот контент необходимо формировать посредством системной информационной работы на основе результатов информационного аудита – мониторинга поля семейной политики, анализа его содержания и насыщенности. Под «полем семейной политики» на основе теоретического концепта П. Бурдые [2] мы понимаем социальное поле, которое объединяет – прямо или опосредованно – вовлеченных в процессы демографического воспроизводства агентов и институты, взаимодействие которых находит свое отражение в информационном пространстве. Агентами такого поля выступают население и отдельные социальные группы (объект семейной политики), органы государственной власти и их представители (субъекты семейной политики, продвигающие государственные интересы в демографической сфере), представители некоммерческого и коммерческого секторов экономики, средства массовой информации. Различия в степени и форме воздействия определяются индивидуальными особенностями и свойствами объектов управления, их уровнем значимости для целей и задач семейной политики.

Информационная репрезентация семейной политики динамична в пространственно-временном континууме. Она находится под влиянием ряда

факторов, зависит от активности в информационном пространстве органов государственной власти, обладающих ключевым властным ресурсом; идей и способов их реализации в рамках семейной политики; определяется позицией средств массовой информации, воспроизводящих информационный поток по конкретным проблемам на определенных территориях; отражает способности и желания населения в части информационного потребления. Именно поэтому спланированное и тщательно продуманное информационное сопровождение семейной политики является одним из ключевых направлений ее реализации. К особенностям репрезентации семейной политики в информационном пространстве следует отнести отсутствие в нем привычных границ, наличие определенной структуры, элементами которой выступают аттракторы (привлекающие к себе интерес определенных аудиторий) и барьеры (отталкивающие внимание «потребителей информации» от тех или иных точек информационного пространства). В частности, излишняя активность средств массовой информации относительно освещения отдельных проблем семейной политики может способствовать потере интереса населения, утрате его доверия к деятельности органов исполнительной власти, ответственных за реализацию тех или иных направлений этой политики.

Необходимо отметить, что мониторинг информационной репрезентации семейной политики наиболее эффективен в рамках отдельных регионов, так как позволяет учитывать специфику определенной территории, а также характеристики его населения. Приведем некоторые результаты исследования репрезентации семейной политики Свердловской области (в статье использованы обобщенные данные НИР Н.С. Каташинских, реализованной на кафедре СиСТУ ИГУП УрФУ). Его задачи включали оценку информационной активности органов исполнительной государственной власти по репрезентации проблем реализации семейной политики в информационном пространстве Свердловской области; оценку сегмента информационного пространства семейной политики, формируемого региональными масс-медиа; анализ активности СМИ региона и институтов гражданского общества по вопросам проводимой семейной политики. В качестве объекта контент-анализа были использованы информационные материалы с официальных площадок (интернет-сайтов) основных субъектов семейной политики Свердловской области: Правительства СО, Губернатора СО, Министерства здравоохранения СО, Министерства социальной политики СО, Уполномоченного по правам ребенка в СО, Уполномоченного по правам человека СО, Министерства общего и профессионального образования СО, Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики СО, Департамента по труду и занятости населения СО; с сайтов наиболее популярных информационных агентств Уральского региона («ИТАР-ТАСС Урал», «АПИ», «УралПолит.RU», «Интерфакс-Урал», «REGNUM»); с сайтов региональных печатных изданий («Областная газета», «Комсомольская правда-Урал», «Аргументы и факты-Урал»). Выбор объекта исследования обусловлен тем, что сегодня сеть Интернет является одним из доминирующих каналов распространения информации, который моделирует и существенно трансформирует информационное пространство. Интернет-контент во многом определяет «повестку дня» традиционных масс-медиа, так как информация, размещенная в сети, обладает большей мобильностью и появляется в сети раньше, чем в традиционных средствах массовой информации. В Интернет-

пространстве достаточно широко представлены традиционные средства массовой информации – газеты, телеканалы, радиостанции, а также официальные интернет-сайты органов государственной власти в соответствии с требованиями федерального законодательства, призванные стать для населения одним из основных источников получения необходимой информации. Выборка источников была сгенерирована с использованием основных поисковых систем (Yandex, Google), которые при формулировании поисковых запросов, содержащих выделенные нами ключевые слова, выдают весь объем упоминаний заданных смысловых категорий (семья, отцовство, воспитание детей, репродуктивное здоровье, младенческая смертность, материнская смертность, детская смертность, брачность, брак, разводимость, свадьба, государственная поддержка семей с детьми, материнство, детство, материнский капитал, рождение детей, службы родовспоможения, аборты, педиатрические службы, заболеваемость новорожденных, заболеваемость детей, дошкольные образовательные учреждения и т.д.), представленных в различных источниках и отражающих поле семейной политики. Временной отрезок исследуемого материала – 2012-2013 гг. Общее количество проанализированных интернет-страниц 547, из которых 31,4 % – это материалы с официальных интернет-сайтов региональных органов исполнительной власти, 38,3 % страниц с сайтов информационных агентств, 30,3 % – электронных версий статей печатных СМИ.

Анализ показал, что по содержанию представленной информации 57 % материалов являются информационно-ознакомительными. В основе их содержания лежат данные по определенным актуальным темам, направленные на освещение конкретных вопросов или проблем. Такие материалы могут включать в себя исторические справки, текущие сведения, справочную информацию и т.д. Отчетные данные о деятельности органов исполнительной власти по вопросу реализации основных направлений семейной политики содержат 13 % материалов. Различного рода управленческие решения (обозначение проблемы, комплексный подход к ее решению) описывают 12 % статей. Актуальные, еще не решенные проблемы (нехватка мест в детских садах, проблемы невыплаты алиментов, выделение ссуд и земельных участков многодетным семьям и т.д.) отражены в 9 % изученных материалов, в них ставятся конкретные задачи для деятельности субъектов государственной семейной политики. О тех или иных государственных услугах несут информацию 5 % статей, содержат статистические показатели и данные 4 % всех материалов. Информация, представленная на всех анализируемых информационных площадках сети Интернет, носит ознакомительный характер, в каждом третьем случае материалы отражают прогностические данные, тем самым отвлекая внимание читателей как «потребителей информации» от реальных проблем сегодняшнего дня. Субъектами информационной репрезентации семейной политики Уральского региона в большинстве исследуемых статей выступали органы исполнительной государственной власти, упоминание о них встречается в контенте 77 % материалов вне зависимости от типа информационной площадки размещения анализируемой информации. В 11 % случаев упоминаются конкретные персоналии (областные министры, Губернатор СО и т.д.). Лица или организации, не имеющие отношения к институтам власти, упоминались в 6 % статей, из числа этих материалов только треть (2 %) напрямую или косвенно имеет отношение к активности организаций некоммерческого сектора. Обезличенный характер носят

6% информационных страниц (например, исторические справки и т.д.). Результаты контент-анализа наглядно демонстрируют, что сегодня органы государственной исполнительной власти являются практически единственными субъектами информационной репрезентации семейной политики Свердловской области, СМИ самостоятельно не ставят проблемы, некоммерческий сектор также не проявляет здесь должной информационной активности. Наибольший объем информации, представленной в исследуемых источниках, по своему содержанию не позволяет проследить целевую аудиторию, для которой он предназначен и может быть потенциально интересен. Как правило, более половины материалов (53 %) направлены на все социальные группы, на общество в целом. Практически каждая четвертая статья (27 %) из анализируемых источников информации адресована многодетным семьям, а каждая пятая (20 %) обращена к лицам репродуктивного возраста. Если говорить о территориях, проблемы которых рассматриваются в исследуемых источниках, то следует отметить, что практически весь информационный материал (95 %) посвящен вопросам семейной политики в регионе в целом без акцентирования внимания на каком-либо конкретном населенном пункте области. Только 5 % статей освещают проблемы жителей отдельных территорий. С одной стороны, это может характеризовать единство проблем, затрагивающих все население страны, региона, отражать обобщающий «макровзгляд» сверху на все происходящее в регионе; но с другой – фиксировать невнимание региональных масс-медиа к локальным проблемам современной семьи, нежелание или неумение журналистов, сотрудников пресс-служб фокусировать интерес аудиторий на отдельных личностях, выдающихся семьях, частных проблемах, с которыми в повседневности сталкиваются конкретные люди. Практически во всех материалах (98 %) прослеживается информация о возможных, прогнозируемых, доступных способах и механизмах решения конкретных проблем. Условное разделение данных мер на четыре группы (экономические, воспитательно-пропагандистские, административно-правовые и социально-психологические) позволяет дать оценку приоритетам в реализации семейной политики региона через их отражение в информационной повестке. Анализ показал, что чаще всего (47 % случаев) проблемы семейной политики Свердловской области предлагается решать с помощью экономических мер. Такие информационные материалы описывают пособия на рождение детей, оплачиваемые отпуска, пособия на детей, зависящие от их возраста, количества, состава семьи, особые кредиты, ссуды, жилищные и налоговые льготы и т.п. На втором месте по частоте упоминания – социально-психологические меры, которые включены в содержание каждой пятой статьи (20 %). Эти меры связаны с формированием у населения необходимых паттернов демографического поведения, с реализацией программ по социальной защите отдельных социальных групп. Воспитательно-пропагандистские меры отражены в 19 % случаев. На четвертом месте по включенности в содержание информационных материалов (14 %) – административно-правовые меры. Результаты анализа отдельных аспектов репрезентации семейной политики региона демонстрируют, что в качестве основного механизма стимулирования населения к активному репродуктивному поведению органы исполнительной государственной власти видят и реализуют экономические меры.

Представим отдельные результаты сравнительного анализа информационной активности в репрезентации семейной политики органов власти и масс-медиа региона. Анализ заголовков информационных материалов показал, что абсолютное большинство названий напрямую отражают проблематику, затрагиваемую в статьях. Образные заголовки встречаются крайне редко и, что особенно интересно, только на официальных информационных площадках (4 % от общего числа статей). По содержанию материалы официальных информационных площадок органов исполнительной государственной власти, информационных агентств и традиционных СМИ имеют ряд отличий. Например, сугубо информационный тип материалов, имеющих обезличенный характер и несущих в себе информацию ознакомительного характера (чаще всего не применимую конкретным человеком на практике), встречается в 87 % статьях органов власти, в 94 % материалов информационных агентств, в 97 % заметок и публикаций электронных изданий официальных СМИ. Описание нормативно-правовых документов можно встретить только на официальных сайтах лишь в каждом десятом случае. Такие материалы, как правило, содержат выдержки нормативно-законодательных актов федерального и регионального уровней. Большинство материалов (75 %) с официальных сайтов содержат полные ссылки на определенные нормативные документы. На сайтах информационных агентств и печатных изданий упоминание нормативно-законодательных актов встречается гораздо реже (в 23 и 11 % материалах соответственно). Большое значение в восприятии информации имеет стиль изложения и характер, показывающий эмоциональное отношение журналистов к той информации, которую они представляют. На официальных площадках значительная часть информации (78 %) подается в позитивном ключе, материалы содержат демонстрирующие положительные оценки лексику, 22 % статей этих ресурсов нейтральны, безжизненны и безоценочны. Отсутствуют негативно нагруженные материалы и в электронных изданиях печатных СМИ, нейтральный стиль подачи информации на них встречается чаще, чем положительно нагруженный (66 и 34 % соответственно). На сайтах информационных агентств объемы положительных и нейтральных материалов практически равнозначны (53 и 43 % соответственно). Негативное авторское отношение можно проследить в 5 % материалов информационных агентств. Контент-анализ интернет-материалов позволяет дать не только оценку объективным характеристикам репрезентации семейной политики в Уральском регионе, но и открывает перспективы опосредованной оценки возможной реакции на представленную информацию со стороны населения. Анализ построения содержания информационных материалов (от позитивного-нейтрального к позитивному, от негативного к позитивному и т. д.), а также субъективные оценки исследователей показывают, что в 54 % случаев представленная в источниках информация может вызвать у населения положительные эмоции, в 43 % – нейтральные и только в 4 % отрицательные или негативные оценки.

Представленные данные исследования, по нашему мнению, демонстрируют, что сегодня в Свердловской области информационная репрезентация семейной политики в регионе во многом формируется благодаря доминирующей позиции органов исполнительной государственной власти. Информационная работа различных субъектов региональной власти в этом направлении в основном ограничивается доведением до общественности сведений о мерах поддержки

граждан в сфере обеспечения их прав и законных интересов, услугах, предоставляемых органами государственной власти, изменениях в законодательстве и деятельности на территории в целом. Формально соблюдаются требования законодательства к реализации информационной открытости органов власти. Проведенное исследование позволяет предположить, что отсутствие репрезентации взаимодействия исполнительной власти с иными потенциальными субъектами (некоммерческими организациями, общественными объединениями и др.) в демографической сфере влечет за собой не только проблемы формирования информационного пространства семейной политики региона, но и приводит к бездействию населения по многим направлениям ее реализации. Очевидно, что управленческий ресурс информационной работы, позволяющий моделировать репрезентацию семейной политики территории, сегодня не используется должным образом. Официальные информационные площадки демонстрируют признаки формального подхода к организации информационной работы в этом направлении, они ориентированы на одностороннюю безадресную коммуникацию. Большинство официальных информационных площадок не позволяют увидеть ответную реакцию на запросы населения, существующие форумы и иные способы «обратной связи» безжизненны, на ряде ресурсов висят вопросы и комментарии без ответа. Отсутствуют также признаки информационного взаимодействия исполнительной власти с институтами гражданского общества и некоммерческого сектора региона. Официальные сайты не отражают реальную и информационную активность организаций третьего сектора в сфере реализации семейной политики, в то время как именно в проблемном поле материнства и детства локализовано большее число гражданских инициатив населения Уральского региона. Информационная репрезентация семейной политики Свердловской области демонстрирует отсутствие стратегических целей и задач в ее реализации с учетом возможностей межведомственного взаимодействия. Тактика формального информирования населения по отдельным направлениям, без учета интересов целевых групп (например, молодых и многодетных семей, родителей детей-инвалидов, беременных женщин и т.д.) порождает отсутствие интереса со стороны населения к инициативам власти.

В качестве стратегически важных аспектов совершенствования информационной работы основных субъектов семейной политики Свердловской области сегодня можно предложить изменение не только содержания, но и форм представляемой населению информации, затрагивающей демографические проблемы. Необходимо целенаправленно и системно на разных уровнях коммуникации продвигать значимые идеи и смыслы региональной семейной политики. В информационной репрезентации семейной политики не должна преобладать информация, имеющая прогностический характер, дающая пустые надежды и обещания, направленная на будущие реформы и изменения. Публикационные материалы должны отражать реальную ситуацию, содержательно включать в себя истории людей, отдельных семей, раскрывать возможные пути решения насущных проблем сегодня, здесь и сейчас. В отношении решения проблем семьи и детства бюрократия в информационном пространстве должна приобрести «живое лицо». Для этого наряду с текущей информационной работой, которая сопровождает управленческие решения чиновников на различных уровнях государственного управления и наполняет информационное поле статистическими

данными, отчетными сведениями, необходимо разрабатывать, реализовывать и представлять в информационном пространстве справочные ресурсы для отдельных категорий населения с учетом их потребностей и возможностей.

Изменение характера информации, ее приближение к повседневным проблемам, актуальным для конкретных людей, по своему потенциалу способно побуждать население к диалогу. Задача субъектов государственной власти этот диалог поддержать, предоставляя для этого содержательные и технические возможности. Переход от тактики информирования населения к практикам двухсторонней коммуникации опосредованно может формировать у населения интерес к проблемам семейной политики, вызывать чувство сопричастности к их решению.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/14494/> (дата обращения: 30.04.2015).

2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. 576 с.

© Певная М.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Певная Мария Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002 г. Екатеринбург, ул. Мира 19; e-mail: a.m.v.pevnaya@urfu.ru).

Pevnaya M.V.

INFORMATIONAL REPRESENTATION OF FAMILY POLICY IN THE URAL REGION: MANAGEMENT CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Abstract. *The article is dedicated to informational representation of the family policy as a research concept. This paper includes the results of the research – content analysis of information from government websites, news agencies and regional publications, having shaped the field of informational representation of family policy in the Sverdlovsk region.*

Keywords: family policy, content-analysis, information representation, regional policy.

Information about the author

Pevnaya Maria Vladimirovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Management Technologies, Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru).

4. РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РОЖДАЕМОСТИ И АКТИВИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА

УДК 316.346.32-053.6:314.3

Акбюлов Р.И. Зараменских А.И. Казанцева К.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕПРОДУКТИВНОГО И МАТРИМОНИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ С ДИНАМИКОЙ РОЖДАЕМОСТИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье рассмотрена взаимосвязь репродуктивных, matrimониальных установок молодежи и динамики рождаемости. Проанализирована статистика рождаемости в Свердловской области на период 2005-2013 гг. В результате проведенных социологических исследований репродуктивного, matrimониального поведения молодежи в вузах г. Екатеринбурга в 2012 и в 2015 гг. выявлены особенности и динамика изменения демографических установок молодежи.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, потребность в детях, браки, рождаемость, тенденции изменения рождаемости.

Проблема формирования семейно-брачных отношений среди молодежи становится все более актуальной в наши дни. Все чаще на экранах телевидения и в обыденной жизни мы сталкиваемся с различными ее проявлениями, влияющими на благополучие общества в целом. Для изучения этого вопроса необходимо проследить взаимосвязь репродуктивного и брачного поведения молодежи. Следует акцентировать внимание на статистике рождаемости в Свердловской области, что поможет выявить новые тенденции. Для этого необходимо применить комплексный анализ с опорой не только на данные настоящего времени, но и на статистику прошлых лет.

Репродуктивное поведение – поведение личности, его физическое и психологическое состояние, которое направленно на продолжение рода или его отказ [1, с. 201]. В основе репродуктивного поведения заложены системы репродуктивных установок. Данные установки содержат мотивы репродуктивного поведения, другими словами – причины, которые оказывают влияние на отношение к рождению ребенка, и наоборот. Потребность в детях – это программы репродуктивного поведения, направленные на получение различных видов репродуктивных ресурсов [2, с.170].

В настоящее время наблюдается снижение рождаемости среди молодежи, так называемый «демографический кризис». В первую очередь это связано с преимущественно малодетными семьями. Опираясь на социологические опросы, можно предположить, что эта тенденция будет преобладать и в дальнейшем. Второй причиной является рост семей с одним родителем, что объясняется большим количеством разводов у женщин в возрасте 18–24 лет. Наблюдается такая тенденция, как «старение браков». По сравнению с 1995 г. в 2009 г. в брак вступили на 31,5 % меньше мужчин возрастной группы от 18 до 24 лет. У женщин этот показатель значительно меньше – 10,9 %. На основе исследования мы выявили, что смертность в этой возрастной группе среди мужчин растет в большей степени, чем у женщин.

Для более полного исследования данной проблемы рассмотрим определение брака. Брак – это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая

обществом форма отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их отношения друг к другу и детям [3, 4].

Таблица 1

Общие коэффициенты брачности на 1000 человек населения Свердловской области [5, с.57].

Регион	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Свердловская область	7,6	9,0	9,9	9,1	9,2

Из данных таблицы виден волнообразный характер коэффициентов брачности. Причиной для сложившейся ситуации могли послужить личные мотивы, жизненные проблемы, материальные трудности людей. Также на заключение браков влияют многочисленные политические, экономические, психологические факторы. Например, данная ситуация также может быть связана с предложением премьер-министра России увеличить размер госпошлины за расторжение брака до тридцати тысяч рублей. Семьи, которые не были уверены в прочности своих отношений, просто-напросто побоялись заключать брак. Акцентируем внимание на продолжении волнообразного характера динамики брачности после 2013 г. под влиянием «демографической ямы» 1993 г.

Безусловно, количество заключаемых браков влияет на рождаемость, поэтому следует обратиться к официальной статистике и выявить тенденции, которые прямым или косвенным образом могут влиять на количество родившихся.

Таблица 2

Общие коэффициенты рождаемости на 1000 человек населения Свердловской области [5, с. 52]

Регион	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Свердловская область	10,5	13,4	13,5	14,3	14,4

Наблюдается увеличение числа родившихся в Свердловской области за исследуемый период. Основопологающим фактором являлся введенный государством в 2007 г. материнский капитал, сумма которого с каждым годом увеличивалась. Соответственно, это и могло послужить стимулом к увеличению числа родившихся. Также эта тенденция связана с ростом заключения браков в 2010 г. (коэффициент брачности 9,0 на 1000 населения) по сравнению с 7,6 в 2005 г. Как правило, для многих людей является принципиальным заводить детей в официальном браке – 80%.

Для полного исследования данной проблемы необходимо также учитывать, что с каждым годом средний возраст женщины при рождении ребенка увеличивается. Это может быть связано с изменившимися ценностями общества, когда на первом месте стоит карьера, образование, самоутверждение. Немаловажным фактором является низкое материальное обеспечение, заработная плата, которая близка к минимальной, – все это и многое другое влияет на решение завести ребенка. К тому же помощи со стороны государства недостаточно, например, жителей мегаполисов материнский капитал в малой степени способен стимулировать к рождению детей.

Перейдем к сравнению результатов социологических опросов, которые проводились учеными Уральского института управления РАНХиГС в 2012 и в 2015 годах. В 2012 г. в исследовании в форме анкетирования приняло участие 415

человек, из них мужчин 38,4%, женщин – 61,6%. Практически все респонденты находятся в репродуктивном возрасте. Второй пилотный опрос проводился в 2015 г. в УИУ РАНХиГС среди студентов. В опросе приняло участие 30 человек, из них мужчин 47%, а женщин – 53%.

Основополагающими факторами, из-за которых молодежь не торопится создавать семью, детей являются: во-первых, проживание с родителями на одной жилой площади. Как утверждает 32% респондентов исследования 2012 г., наличие отдельного благоустроенного жилья является одним из основополагающих факторов для рождения ребенка, но для многих это невозможно, так как не позволяют финансовые возможности. В 2015 г. ситуация не изменилась, так как большая часть (87%) студентов живет с родителями и не имеет собственного жилья. Во-вторых, большинство опрошенных имеет совокупный доход 5-9 тыс. руб., а для рождения первого ребенка, по их мнению, оптимальным является доход в размере 30-40 тысяч рублей. Соответственно, молодежь не решается завести ребенка из-за низкого совокупного дохода. По результатам исследования, проведенного в этом году, статистика показывает, что только 13,3% имеют собственный доход, оставшаяся часть живет за счет родителей. В-третьих, выявлено, что для подавляющей части респондентов важна поддержка со стороны государства, заключающаяся в предоставлении жилья на льготных условиях, гарантированном трудоустройстве молодежи с детьми, льготным кредитовании молодых супругов с детьми. Но обратим внимание на то, что в 2012 г. 70% опрошенных были недовольны качеством предоставляемой помощи со стороны государства при создании молодой семьи, что также не способствует принятию решения о рождении детей молодыми людьми, вступившими в брак. В 2015 г. данный показатель повысился на 6%.

Под воздействием указанных факторов 58% молодежи в 2012 г. считали наиболее благоприятным возрастом для рождения ребенка 25-29 лет. В 2015 г. данный показатель повысился до 63%.

Главными мотивами при решении родить ребенка, по мнению респондентов, опрошенных в 2012 г., были: увеличение семьи – 30%, желание супруга – 35%, необходимость продолжения рода – 22%. При этом наиболее важными аспектами при выборе супруга являлись: внешность – 15%, личные качества – 30%, чувство любви к супругу – 32%. В 2015 г. данные показатели изменились и сгруппировались следующим образом: увеличение семьи – 21%, желание супруга иметь ребенка – 38%, необходимость продолжения рода – 35%. При выборе супруга основными факторами в 2015 г. были следующие: внешность – 12,0%, личные качества – 32% и чувство любви к супругу – 33%.

Опрос 2015 г. показывает, что большая часть опрошенных – 77% – в ближайшие 5-7 лет планирует завести собственную семью. В этот период к рождению одного ребенка готовы 45%, а при наличии всех необходимых условий респонденты предпочли бы за этот период родить 2 детей (45%).

В 2012 и в 2015 г. для молодежи наиболее ценным в жизни являлась семья – 26%, здоровье – 19%, материальный достаток – 14%. Если рассматривать образ успешного брака, то в первую очередь он ассоциируется у современной молодежи с такими ценностями, как: взаимная любовь (15,7%, что составляет подавляющее большинство ответивших), на второе место респонденты ставят согласие, лад в семье и верность друг другу (14,6%), на третьем месте располагается сексуальная

гармония, которую молодежь считает неотъемлемой и очень важной частью в жизни супружеской пары (12,4). Следует обратить внимание, что в 2012 г. 18% опрошенных ответило, что успешный брак невозможен без взаимной любви, на второе место респонденты поставили материальное благополучие – 13%, а в 2015 г., молодежь уже не придает столь большого значения материальному благополучию, ставя его лишь на 5 место (8% опрошенных). По результатам исследования 2015 г. молодежь стала более высоко ценить духовную и физическую совместимость брачных партнеров, нежели материальную сторону. Но можно выявить парадокс, который заключается в том, что люди откладывают создание семьи и рождение ребенка на более поздний срок из-за необходимости достижения материального благополучия.

В матримониальном поведении молодежи можно проследить тот факт, что наибольшая часть студентов, участвующих в социологическом опросе – 83% – отдают приоритет официальному браку. К «неофициальному» браку склоняются 17%. В основном ко «гражданскому» браку склоняются люди, которые боятся наступления негативных последствий в случае развода, которых можно избежать и легче пережить, не имея официально зарегистрированных отношений. Также «гражданский» брак предпочитают девушки с низким достатком, которые считают, что брак может оказаться для них бесперспективным. Существует мнение (3,3%), что заключение официального брака – это лишь дополнительная «волокита» с документами, которая никак не повлияет на улучшение отношений в паре.

Таким образом, на основании всех рассмотренных аспектов, полученных данных в результате проведенных исследований и их анализа можно сделать вывод, что для предотвращения ухудшения демографической ситуации в России государственная политика должна акцентировать внимание на следующих направлениях: государственная поддержка молодых семей, обеспечение доступности жилья для молодежи, политика эффективной занятости, политика, направленная на снижение социального и экономического неравенства, повышение эффективности социальных, государственных институтов, повышение качества и доступности социальных услуг – образования, здравоохранения.

Библиографический список

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. С. 201.
2. Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения. 2013. №1. С. 170.
3. Большая советская энциклопедия / Под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М;1970. Т. 3. С. 634.
4. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф.Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М; 1983. С. 60.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. М., 2014.

© Акьюлов Р.И. Зараменских А.И. Казанцева К.А., 2015. Текст.

Информация об авторах

Акьюлов Роберт Ишкалеевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор экономических наук, профессор, Уральский институт-филиал РАНХиГС (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: akyulov_ri@mail.ru).

Зараменских Ангелина Игоревна (г. Екатеринбург, Россия) – студентка II курса факультета экономики и менеджмента, Уральский институт-филиал РАНХиГС (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66).

Казанцева Ксения Алексеевна (г. Екатеринбург, Россия) – студентка II курса факультета экономики и менеджмента, Уральский институт-филиал РАНХиГС (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66).

Akyulov R.I., Zaramenskikh A.I., Kazanceva K.A.

THE INTERACTION OF REPRODUCTIVE AND MARITAL BEHAVIOR OF YOUTH WITH BIRTH RATE DYNAMICS IN SVERDLOVSK REGION

Abstract. *The article examined the relationship of reproductive and matrimonial attitudes of youth and the dynamics of fertility. Birth rate statistics in Sverdlovsk region for the period of 2005-2013 is analysed. The characteristics and dynamics of changes in demographic attitudes of youth as a result of sociological studies of reproductive and matrimonial behavior of youth in Yekaterinburg universities in 2012 and in 2015 are revealed.*

Keywords: reproductive behavior, the need in children, marriages, births, trends of birth rate.

Information about the authors

Akyulov Robert Ishkaleyevich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Professor, Ural Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: akyulov_ri@mail.ru)

Zaramenskikh Angelina Igorevna (Yekaterinburg, Russia) – 2-year student of Economics and Management Department, Ural Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia).

Kazantseva Ksenia Alekseevna (Yekaterinburg, Russia) – 2-year student of Economics and Management Department, Ural Institute – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 March St., Yekaterinburg, 620990, Russia).

УДК 364.08

Арпентьева М.Р.

ЗАМЕЩАЮЩАЯ СЕМЬЯ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ТРЕНД И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы замещающих семей, сами семьи как демографический тренд постсоветской России. В качестве основных перспектив и трендов социальной помощи семьям выступают технологии работы с семьями и лицами, попавшими в трудную жизненную ситуацию и/или стремящимися повысить качество своей жизни, в том числе подготовки семей и повышения социально-психологической компетентности членов семьи, а также персонала центров социального обслуживания населения, работающих с семьями и детьми.*

Ключевые слова: демографический тренд, замещающие семьи, обучение родителей, ответственное родительство, супервизия, взаимное обучение.

Теория демографического перехода («демографической революции» или, «демографической модернизации») описывает глобальные демографические тренды. Согласно ее постулатам тренд естественного воспроизводства населения определен увеличением продолжительности жизни (старение наций) и снижением уровня репродуктивности (малодетность и бездетность нуклеарных семей). Однако, помимо глобальных, важную роль играют, как их называют в фортсайд-

проектах, «джокеры» – менее глобальные тенденции, отраженные, например, в смене «первой демократии» «второй», «глубинной», технологизации отношений и «дигитальной» нравственности – углубленным, масштабным поиском «собственно человеческого». Человек как сложная и изменчивая система развивается не всегда в соответствии с «глобальными» тенденциями, важную роль играют и «неглобальные», вес которых не учитывается лишь потому, что теорий, описывающих их вклад в демографические процессы, еще не создано.

Одним из важнейших «джокеров» демографии можно назвать саму сущность человека: любовь, побуждающую его выходить за рамки не только концепций, но и самого себя. Так, видимо, произойдет и с институтом замещающих семей, созданном на «развалинах» традиционной нуклеарной семьи и приводящем людей к новому осмыслению ее «традиционных» ценностей. Новое начало – тренд сегодняшней России.

Феномен исчезновения населения в России, который все еще лидирует в описаниях демографов, имеет шанс также исчезнуть. Анализ итогов социально-экономического и социально-политического развития страны показывает, что реализуемый в течение последних десятилетий лет либерально-«демократический» социально-политический и экономический курс – главная причина демографического краха России: семья и люди оказались на грани вымирания.

Однако, по-видимому, общество не исчерпало своих ресурсов жить «вопреки» обстоятельствам, а не благодаря им, в действие вступают не экзогенные, а эндогенные факторы. Поэтому, наверное, одним из важных современных и даже модных трендов России стали замещающие семьи. Работа по их созданию и поддержке обеспечивает, помимо нужд самой семьи и детей-сирот, развитие технологий и понимания значимости поддержки семьи в целом. Современная замещающая семья в России – явление активно развивающееся и, вместе с тем, несмотря на социальную, обучающую и психологическую поддержку государства и общества, весьма неоднородное. Это связано с целым рядом проблем, локализованных как внутри, так и вне семьи. Основные социально-психологические проблемы замещающих семей лежат в следующих сферах: проблемы взаимоотношений семьи с обществом и государством; с ее непосредственным окружением; проблемы взаимоотношений внутри семьи, в частности, родительской и детской подсистем, между родителями, между детьми и т.д.; проблемы внутриличностные, связанные с нарушениями развития или состояния одного из членов семьи, отражающиеся на состоянии и развитии остальных. Однако выделение этих групп проблем во многом условно: каждая встающая перед семьей проблема сочетает в себе все четыре выделенных уровня и, кроме того, в ней могут быть выделены следующие аспекты [1]: ценностно-смысловой аспект – ведущий, определяющий как сложность проблемы, так и возможности ее разрешения: особенности отношения семьи, ее членов к миру, к себе и жизни в целом; поведенческий и интерактивный аспект – особенности общения и поведения членов семьи внутри и вне семьи, отражающие ценности и смыслы ее функционирования и развития [9].

Анализируя ту или иную проблему, встающую перед семьей, в первую очередь необходимо определить: каковы семейные ценности и ценности каждого из членов семьи: анализ может быть осуществлен как непосредственно обращением с вопросами к членам семьи, так и опосредованно, через анализ

поведения и общения в семье, продуктов ее деятельности. Чем отличается «проблемная» семья от гармоничной? Отвечая на этот вопрос, практики и теоретики пришли к выводу о том, что в гармоничной семье проблемы решают, опираясь на гармонизирующие жизнь семьи ценности: любви, принятия, заботы, уважения, терпения. Такая семья характеризуется жизнестойкостью: способностью противостоять негативным воздействиям, в том числе самым трудным жизненным ситуациям. В проблемной семье проблемы решаются, как правило, способом, который исследователи называют «полевое поведение»: по ситуации. Ситуация диктует поведение, поэтому, если ситуация воспринимается семьей как весьма агрессивная и трудная, то семья может распадаться, не выдерживая нагрузки, перекладываемой, как правило, на одного из членов семьи – «идентифицированного клиента». Если ситуация неоднозначна, как обычно и бывает, – то семья формирует роль «козла отпущения», на которую могут подойти либо родитель, либо приемный ребенок. Последний становится таковым в силу того, что он пришел в семью последним и, таким образом, все возникающие после его прихода события, оказываются, исходя из логики полевого, ситуативно-определенного поведения, связанными с этим приходом: его «негативным» воздействием. Именно поэтому родители могут внешне или внутренне отказываться от детей. Однако дистанцирование и настороженность по отношению к ребенку не менее опасны, чем его возврат в воспитательное учреждение [6].

Смысл помощи семьям открывается в связи с тем, что молодые и зрелые люди учатся ценить семью, быть партнерами. Вообще, центральный момент сопровождения как одной из ведущих технологий помощи семьям, – повышение их компетентности и того, что называется «искусство быть партнером. Становление партнерства – важный этап развития человека, с которым также связано становление профессионализма. В современном обществе это далеко не всегда происходит само собой. Среди молодых людей с течением времени в конце XX – начале XXI постоянно рос процент одиноких, в том числе – родителей-одиночек. Согласно теории поколений (Strauss-Howe generational theory), в систему ценностей этой группы уже включены такие понятия, как гражданский долг и мораль, ответственность, но при этом отмечается их наивность и умение подчиняться [10]. Это преимущественно «рецессивное» поколение «цифровых аборигенов», которое, однако, имеет прародителей – «героев». При этом в нашем мире одновременно сосуществуют представители шести поколений, и представители крайних поколений почти копируют друг друга. Так же выражена и тенденция, связанная с ростом одиночества другого рода: многие молодые семьи не могут или не хотят иметь детей. В любом случае это, помимо разного рода объективных обстоятельств, индивидуальных особенностей жизни, связано с несформированностью позиций взрослого человека, супруга (партнера), родителя (наставника), а также отсутствием специальных знаний и умений в данной сфере. В попытке решить проблемы одиночества, в том числе «одиночества вдвоем» (бездетности), молодые люди идут на самые различные шаги, в том числе те, что приводят, в силу несформированности позиции, знаний и умений, к еще большим проблемам: так, молодой человек (девушка и юноша) в поиске любви, найдя «подходящего» партнера, подчас не понимая как, оказывается опять один, с травмой в душе и ребенком на руках или, еще печальнее, с опытом аборта (ов). Молодые, часто несовершеннолетние, матери и отцы нередко отказываются от

детей, которых «нечем кормить»: они еще не стали самостоятельными и не знают сами, куда им идти. Юноши и девушки постарше «жертвуют» собой, партнером или ребенком «во имя» спокойствия в родительской семье, карьеры, «любви», «ребенка» и т.д. Самая взрослая группа молодых сталкивается нередко с тем, что, несмотря на налаженный быт и карьеру, ребенок в семье не появляется, и надежд на это с годами становится все меньше.

Как бы ни разнились эти ситуации, комплекс причин один и тот же: несформированность позиции взрослого, самостоятельного человека и партнера, способного сотрудничать и решать задачи, связанные с отношениями и самим присутствием партнера и детей. Молодежь нуждается в обучении и тянется к наставникам, обладающим знаниями и умениями, позволяющими ей повзрослеть, пройти через кризисы взросления (включающие инициации расставания с детством, с прошлой жизнью и инициации вхождения во взрослость, семейную жизнь). Особенно нуждаются в такой помощи те, кто решил или оказался в ситуации, когда в семью входит приемный ребенок или, что часто протекает сходным образом, ребенок нежеланный или желанный сверх всякой меры. Неинициированные юноши и девушки «проскакивают» эпоху взросления на опыте детских «хочу» и «надо», не осознавая сути желаний и их реальной важности («нужности»), а, постарев, оставаясь одинокими, перемещаются сразу в старость: «старые девы», «старые холостяки» и другие невостребованные другими и не востребовавшие других, пытающиеся заменить или скрыть одни проблемы созданием других – тот контингент, который составляет весьма немалую долю среди опекунов, приемных родителей и одиночек, посещающих клубы знакомств и «зависающих» на интернет-сайтах и т.п. в надежде что-то изменить. Конечно, школы для родителей с их подготовкой к приему ребенка в семью, клубы и сайты знакомств помогают научиться решать наиболее очевидные задачи хотя бы внешне, однако они не решают более сложных вопросов и проблем, связанных с тем, что жизнь человека в семье – не единовременный и неизменный результат использования имеющихся знаний и умений, реализации ценностей. Жизнь – постоянный процесс взаимного обучения, переосмысления, переформирования умений, ценностных трансформаций в процессе решения подчас не уменьшающихся, а возрастающих проблем: не каждый готов «надеть хомут» и жертвовать своей свободой и ресурсами ради других людей, не у каждого хватает любви, но – как показывает опыт – те, кто ощутил глубинную необходимость семьи, разобрался хотя бы в части ее возможностей и части задач, кто начал делать дела любви и ощутил в себе эту любовь хотя бы в самой малой мере – начинают относиться к супружеству и родительству иначе: ценя возможности и сознавая ограничения, идя на риск и получая опыт любви, становясь зрелым человеком и зрелым партнером [7].

Отдельный сложный пласт проблем замещающих семей – отношения с обществом, государством. Умение семьи гармонизировать отношения внутри самой себя проявляется и здесь, как умение быть независимой и гармоничной в своих отношениях с окружающими людьми, семьями, организациями, налаживать контакт с организациями, сотрудниками учреждений социально-психологического сопровождения, активно участвовать в работе семейных школ, клубов и т.д. Напротив, проблемная семья нередко «лелеет» рентные установки, пытается проецировать на организации своего недовольство собой, ребенком, или, напротив,

не умеет защититься от проекций недобросовестно выполняющих свои обязанности чиновников и специалистов системы социальной защиты, чрезмерно стремящихся вмешиваться в жизнь семьи из «добрых побуждений». Затяжные конфликты внутри семьи и/или семьи и курирующих ее общественных и государственных организаций показывают, что семье нужна поддержка, направлена на помощь в осмыслении ценностных основ ее функционирования и бытия, в их трансформации, направленной на развитии способности семьи и ее членов к автономному, гармоничному, сотрудничающему существованию. Это – основной модус социально-психологической поддержки семьи, обучения и воспитания родителей и детей.

Особое значение имеет воспитание и обучение детей: умению быть детьми и строить отношения с родителями. В существующих формах работы с семьями детей не учат этому: считается, что ребенок и сам знает, как быть ребенком и что это означает для него и семьи, программ обучения детей быть детьми нет, а неолиберальные проекты, нацеленные на то, чтобы предоставить детям возможность «выбирать воспитательную среду», обречены на провал именно потому, что ребенок, да и сами разработчики этих проектов, не знают, что есть «воспитательная среда», какой она должна быть, если отбросить все социальные и политические «игры». Ребенок не меньше родителей нуждается в информации о жизни, своей роли в семье, поэтому с ним также нужно работать, создавать аналогичные широко внедряемым в практику Школам для родителей Школы для детей (как это предполагает, например, модель разработанной нами Семейной академии) [2].

Однако проблемой является не столько желание и способность детей участвовать в этих школах, сколько общая закрытость российского общества по отношению к «угрозам вторжения» в частную жизнь семьи. Пример – волна возмущения граждан против введения ювенальной юстиции и редкостная молчаливость по отношению к другим проектам, в которых «ущемляются права» детей, а не взрослых. Конечно, не решив общих вопросов, связанных с огромным процентом российских семей на грани выживания, обращаться к повышению требований к родительской компетентности и повышению качества «воспитательной среды» для ребенка бессмысленно. Сначала нужно воспитать самих родителей и дать им возможность жить так, чтобы первая мысль о ребенке не начиналась с вопроса «чем его кормить?»; вместе с тем важно отметить, что воспитание нуждается в учете созревания, учете собственных нужд ребенка, удовлетворение которых может показаться иногда «проблемным» (пошалить, прогулять, попробовать запретное и т.д.). Убегать от воспитания не следует: это увеличивает дистанцию и разрушает психику ребенка. Также опасно играть в «либерализм»: ребенок нуждается в твердой и согласованной позиции родителей, а также – желательно в определенном и развернутом представлении о прародителях, их достоинствах и жизненном пути.

Кроме работы с ценностями семьи, необходимым аспектом является работа с представлениями о здоровье. Успех жизни связан с тем, насколько молодые родители мудры, сочетая в семейной жизни и воспитании свои нужды и нужды созревания ребенка: давали ли ему возможность самостоятельно решать свои проблемы, насколько поддерживали и подтверждали его значимость и ценность, его выбор в жизни, предоставляли ему слушать самого себя, уважали его интересы.

Страх остаться одним, без поддержки, без благодарности – один из важных аспектов в жизни замещающих родителей. Другая группа страхов, как отмечалось, связана с неумением или неготовностью быть родителями, любить и быть любимыми, быть близким кому-то и с кем-то, прощать и т.д. Третья группа страхов связана с прошлым: страхи неприятия себя и своей жизни, «семейных скелетов» и т.д. Все эти страхи так или иначе прорабатываются и либо «отпускаются», либо усиливаются и транслируются детям. Наличие страха означает засоренность внутренней территории человека: пока в человеке живет страх, в нем не может жить любовь [4]. Необходимо найти и понять, какой именно стресс возник в результате проблемной ситуации, а затем простить себя и участников ситуации и попросить прощения. Обычно же семья совершает целую серию серьезных по отношению к самой себе ошибок: 1) она пытается доказать обществу, что 2) она «хорошая» («нормальная»), 3) тем самым, пытается заслужить «любовь» сообщества и ее представителей [4]. Доказывая, семья понимает, что «доказать» что-то невозможно, процесс доказательства может, заняв всю жизнь, оказаться полностью бесплодным, если не вредным: поскольку становится источником огромного количества психологических игр, деформаций семейных отношений и даже – психических отклонений у членов семьи. Семья понимает, что она и каждый из ее членов – индивидуальны. Однако, чем больше человек приближается к сознанию своей неповторимости, тем больше в нем развивается осознание общечеловеческого, в каждой отдельной семье действуют абсолютно идентичные для людских сообществ и каждого человека в отдельности механизмы возникновения, развития, исчезновения и взаимного превращения «плохого» и «хорошего». Семья понимает, подчас пройдя через многие сложности, что любовь и принятие как внутри семьи, так и вне нее – со стороны общества – невозможно заслужить. Его можно достигнуть, строя гармоничные отношения внутри самой семьи, отношения любви и принятия внутри семьи, строя гармоничные отношения каждого человека с самим собой, тогда это во многом получается автоматически, достигается состояние принятия и любви (конгруэнтности, аутентичности) к окружающему миру. В данном процессе семья осознает сущность партнерских и родительских отношений, любви и того, что любовь не есть неизменный комфорт, она, напротив, предполагает и более или менее существенные испытания, трудности развития и совместного развития членов семьи. Не случайно в школах приемного родителя такой акцент делается на то, чтобы снять с родителей «розовые очки». Однако, приняв ребенка, семья пытается сохранить «очки», настраивая себя и ребенка на соответствие представлениям и моделям поведения, не имеющим никакого отношения к реальности данной семьи [5]. Когда ребенок начинает жить в замещающей семье, у родителей и ребенка нередко возникает психологический шок. Реализация собственных планов родителей подвергается коррекции, осуществление некоторых из них становится проблематичным или откладывается, при этом остаются неясными перспективы в отношении судьбы ребёнка и семьи в целом. Сами родители, как правило, несмотря на более или менее существенную теоретическую подготовку и даже уже имеющийся опыт приема ребенка в семью, часто оказываются не готовыми к новому испытанию. Это не удивительно, если учесть, что многие семьи берут ребенка не потому, что испытывают избыток любви, но, скорее, ее дефицит и стремятся «заполнить брешу» своей жизни ребенком, решить за счет его присутствия собственные

психологические и иные проблемы. Некоторые семьи, «заставляя» себя «сразу же» полюбить ребенка, которого они не могут даже понять, заканчивают сетованиями о том, что им «достался» «не тот» ребенок: терпя закономерное поражение в сражении со страхом родительской неуспешности и нелюбви, приемные родители делегируют ответственность за это социальным службам или самому ребенку. При этом более или менее активная или латентная агрессия, являющаяся мерой выраженности непонимания себя и ситуации, может проявляться как насилие по отношению к ребенку, конфликты с социальными службами или отказ от ребенка (вторичное сиротство); реже – как попытка понять, взглянуть на ситуацию со стороны и принять вызов требующихся от семьи изменений: развития любви, стремления и способности делиться ею. Ребенок также нуждается в восполнении имеющихся у него «брешей», однако парадокс ситуации в том, что это возможно лишь тогда, когда семья нацелена на то, чтобы давая ребенку любовь, развивать уже имеющееся у нее состояние или отношение любви. Данные установки и идеи отражают основное содержание подготовки родителей в специальных Школах и, в том числе, в Семейной академии.

Интегративные тренды в демографических процессах и в управлении ими – насущная необходимость. Поэтому сопровождение замещающих семей должно опираться на интегративные модели и формировать их. Как показал осуществленный нами анализ современных технологий помощи семьям и сиротам в России на 2014 год, все они работают в рамках системного, интегративного подхода к решению проблем профилактики, выявления и диагностики, коррекции сиротства, безбрачия, бездетности и помощи развития семьям на разных этапах их развития [8]. Поэтому цель программы Семейной академии также интегративна – способствовать гармонизации детско-родительских отношений в молодых и, в том числе, замещающих семьях, включая профилактику и помощь в период кризисов, профилактику и преодоление проблем в развитии ребенка, профилактику вторичного сиротства и разрушения семей, развитие служб сопровождения приемных семей и их взаимодействия с замещающими семьями.

Задачи программы: а) повышение родительской и супружеской компетентности, психологических ресурсов (психологического потенциала) родителей и супругов, б) налаживание детско-родительских отношений и развитие навыков преодоления и профилактики кризисных ситуаций в семьях, в) организация помощи в профилактике и преодолении проблем в развитии приемных детей, укрепление психологического потенциала детей, развитие представлений детей об их месте в семье. Данные цель и задачи осуществляются в системе образовательных и консультативно-психологических услуг через систему школ: Школы для родителей, основной целью которой является помощь родительской подсистеме, «воспитание родителей»; Школы для супругов, основной целью которой является помощь супружеской подсистеме, гармонизации взаимоотношений в супружеской паре как основного источника благополучия приемных и кровных детей; Школы для детей, основной целью которой является помощь детям в осмыслении и освоении ими своих места и ролей в семье, осмыслении их функций в гармоничных семейных отношениях; Школы психосоциальных работников (специалистов сопровождения молодой и, в том числе, замещающей семьи), целью которой является организация методической и супервизорской помощи специалистам центров социального обслуживания семей и

детей, центров содействия семейному устройству детей-сирот и т.п. Школа специалистов сопровождения выполняет функции супервизорско-методической и психолого-психологической помощи специалистам, работающим с замещающими семьями а) в режиме активного сопровождения и б) в режиме организации групп и форм самопомощи членов семей. В качестве дополнительного аспекта проекта предлагается организация курсов повышения квалификации специалистов, работающих в службах по сопровождению семей, а также осуществление «второго уровня» подготовки слушателей семейной академии – «Школы молодой (замещающей) семьи», развивающей позицию, знания и навыки, необходимые для профессионального родительства и супружества. В работе с целевыми группами целесообразно применение следующих методов:

- диагностика и мониторинг психологических характеристик участников Семейной академии (ценностных ориентаций, межличностных взаимоотношений, личностной целостности и развития), а также эффектов обучения в Семейной академии;

- лекционно-практические занятия с представителями разных групп, а также занятия, посвященные тренингу навыков: а) обучения и самообучения, поддержки и самоподдержки, б) общения и развития межличностных отношений;

- обобщающие конференции и телемосты, в ходе которых обучающиеся смогут обменяться опытом обучения и жизнедеятельности;

- консультации (индивидуальные, семейные, супервизорские), в том числе в рамках демонстрационных занятий со специалистами.

Семейная академия является логическим продолжением тренда развития школ (замещающих родителей), однако обладает рядом особенностей:

- фокусами работы Семейной академии являются психологические ресурсы и проблемы молодых, в том числе замещающих семей;

- программа Семейной академии сочетает работу с отдельными подструктурами семей, включая супружескую, родительскую, детскую, со специалистами сопровождения и всей системой в целом;

- тематическая насыщенность программ выводит их на уровень программ повышения квалификации;

- доступность и адресная ориентированность программ Семейной академии предполагает а) возможность адаптации содержания курсов под запросы конкретной аудитории, б) разработку программ Школ для семей с детьми с особыми нуждами, Школ детей-мигрантов, Школ неполных семей, Школы супервизии и самопомощи и т.д.;

- смысловые фокусы программ школ напрямую отражены в их содержании, отражают внутреннюю цель программ: обучение членов семьи навыкам самопомощи и самообучения как внутри, так и вне семьи.

Для родителей, желающих продолжить обучение, предлагается курс «Школа молодой (замещающей) семьи» – второй уровень подготовки к профессиональному родительству, по завершении которого родители могут принять решение о получении специального образования, включая то, что предлагают программы повышения квалификации и переподготовки специалистов.

Таким образом, развитие и поддержка замещающих семей, совершенствование технологий помощи замещающим, молодым, проблемным и т.д. семьям – важные тренды, свидетельствующие об изменении ценностно-

смысловых аспектов функционирования российского общества, его ментальности. Демография как наука и практика может предложить не только констатации, но и интегративные форсайт-технологии развития семьи и через нее – всего общества. Исследование и трансформация ценностно-смысловых установок, ментальности россиян в понимании себя, других людей, семейной и социальной жизни в сторону их гармонизации, сотрудничества, взаимопомощи – важное направление социальной политики, в которую должны внести вклад и демографические исследования.

Тенденции развития современной российской семьи таковы: повышение ценности, значимости семейной жизни, незначительная, но поддержка семей государством, обществом, организация взаимопомощи семей, семейных клубов и ассоциаций, направленных на повышение социально-психологической компетентности населения, разработка проектов привлечения населения к участию в жизни страны, отношений социального партнерства, пропаганда социального служения, взаимопомощи, замещающих семей и нравственности как основы выживания. Эти тенденции еще слабы, но при наличии событийных «джокеров», которых в избытке в современной России и мире, они усиливаются. Если сравнить их с трендами конца прошлого и начала нынешнего века, то можно сказать, что российская семья имеет все шансы на обновление, особенно если оно будет подержано государством, общественными и производственными организациями, если гражданское общество в России все же обретет реальные возможности не только подчиняться, но и сотрудничать с государством.

Библиографический список

1. Арпентьева М.Р., Рожкова Н.Г. Жизненные перспективы замещающих семей и их сопровождение в центрах социальной поддержки // Профессиональная библиотека работника социальной службы. М.: ООО Изд-во «Социальное обслуживание». 2014. №6. 256 с.
2. Арпентьева М.Р., Рожкова Н.Г. Проблемы и технологии сопровождения замещающих семей в центрах социальной поддержки. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. 530 с.
3. Бах Р. Иллюзии. Киев: София, 1998. 157 с.
4. Виилма Л. Прощаю себе. В 2 т. Т.1. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 720 с.; Т.2. 2007. 640 с.
5. Оптинские старцы: наставления, письма, дневники. М.: Лепта, 2012. 816 с.
6. Пономарева И.М.. Работа психолога в кризисных службах: учебное пособие. СПб.: СПбГИПСР, 2014. 197 с.
7. Роджерс К. Брак и его альтернативы. М.: Этерна, 2015. 320 с.
8. Ребенок должен жить в семье. Информационно-методический сборник / Под ред. А.В. Головашкиной, М.В. Гордеевой, М.Р. Минигалиевой и др. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, ООО «Малый бизнес», 2013. 120 с.
9. Руткевич, М. Н. Воспроизводство населения и социально-демографическая ситуация в России / М. Н. Руткевич // СОЦИС. 2005. №7. С. 22-30.
10. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning. New York: Broadway Books, 1997. 240 p.

© Арпентьева М.Р., 2015. Текст.

Информация об авторе

Арпентьева Мариям Равильевна (г. Калуга, Россия) – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и образования Калужского государственного

университета им. К.Э. Циолковского (248023, г.Калуга, ул. Разина, д.26; e-mail: mariam_rav@mail.ru).

Arpentieva M.R.

FOSTER FAMILIES: DEMOGRAPHIC TREND AND PERSPECTIVES

Abstract. *The article examines the problems of foster families and foster families themselves as the modern demographical trend in Russia. Technologies of working with families and people in difficult life situation and /or seeking to improve their life quality, enhancement of socio-psychological competence of family members and staff of the social services centers working with families and children perform as the main perspectives and trends of families' social assistance.*

Keywords: socio-psychological competence, family, foster family, social work with families, family Academy, responsible parenting, supervision, training, mutual learning.

Information about the author

Arpentieva Mariyam Ravilievna (Kaluga, Russia) – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Chair of Development and Formation Psychology, K.E. Tsiolkovsky's Kaluga State University (26, St. Razin str., Kaluga, 248023, Russia; e-mail: mariam_rav@mail.ru).

УДК 314.387

Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г.

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РОЖДАЕМОСТИ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: ОЦЕНКА НА ОСНОВЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ РЕАЛЬНЫХ И УСЛОВНЫХ ПОКОЛЕНИЙ*

Аннотация. *После начала реализации мер демографической политики в 2007 г. существенно вырос суммарный коэффициент рождаемости, особенно по вторым и последующим рождениям. Данные по Свердловской и Челябинской областям показывают стабилизацию среднего числа рожденных детей и повышение доли родивших второго и третьего ребенка, начиная с поколений начала 1970-х гг.*

Ключевые слова: рождаемость, реальные поколения, интергенетический интервал, демографическая политика.

Начавшееся в 2000 г. повышение показателей рождаемости существенно усилилось с 2007 г. после начала реализации в России новых мер государственной помощи семьям с детьми. К 2004 г. по сравнению с 1999 г., т.е. за 5 лет, суммарный коэффициент рождаемости в Уральском федеральном округе увеличился на 0,220 (с 1,185 до 1,405) и практически на такую же величину (0,226) он вырос за первые два года (2007-2008 гг.) осуществления демографической политики (с 1,393 в 2006 г. до 1,619 в 2008 г.). В 2013 г. суммарный коэффициент рождаемости в УрФО (1,907) был больше, чем в 2006 г. на 0,514. В 2014 г., по предварительным данным, он составил 1,960 (больше по сравнению с 2006 г. на 0,567 или на 40,7%). Среди регионов Уральского федерального округа наибольший прирост суммарного

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ №15-06-04731 «Социальные и экономические последствия возможных сценариев демографического развития России (на федеральном и региональном уровнях)».

коэффициента рождаемости в 2014 г. относительно 2006 г. был в Ямало-Ненецком автономном округе (на 0,691 или на 46,1%) и в Курганской области (0,667 или на 46,5%). В Свердловской области он составил 0,578 или 43,0%, в Тюменской области – 0,575 или 38,4%, в Ханты-Мансийском автономном округе–Югре – 0,573 или 37,8%, в Челябинской области – 0,519 или 38,8%⁸.

Конечно, неправомерно было бы рассматривать весь этот прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2007-2014 гг. только как результат демографической политики. Во-первых, его повышение, вероятно, продолжилось бы независимо от реализации мер помощи семьям с детьми. Во-вторых, эти меры ориентированы, прежде всего, на поддержку вторых и последующих рождений. Поэтому для корректной оценки результативности демографической политики на основе показателей рождаемости для условных поколений целесообразно, видимо, сравнивать среднегодовой прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождениям в 2000-2004 гг. (в 2005 г. его величина несколько снизилась) и в 2007-2013 гг. (за 2014 г. пока нет показателей рождаемости по очередности рождения).

Среди регионов Уральского федерального округа такую оценку можно сделать только по Челябинской области, так как по остальным регионам нет показателей рождаемости по очередности рождения за все эти годы. В 2004 г. суммарный коэффициент рождаемости по вторым и последующим рождением в Челябинской области составлял 0,562, а в 1999 г. – 0,459, т.е. прирост величины этого показателя за 2000-2004 гг. составил 0,103, а в среднем за год – 0,021. В 2013 г. величина этого показателя составляла 0,983 и была больше, чем в 2006 г. (0,559), на 0,424 и, следовательно, среднегодовой прирост за 2007-2013 гг. равен 0,061, т.е. на 0,04 больше, чем в 2000-2004 гг. Если бы в 2007-2013 гг. сохранялся бы такой среднегодовой прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождением, каким он был в 2000-2004 гг., то к 2013 г. суммарный коэффициент рождаемости по вторым и последующим рождением достиг бы уровня 0,706. В действительности же его величина составляла 0,983. Разность между двумя этими величинами – 0,277 – и можно, на наш взгляд, рассматривать как оценку результативности мер демографической политики в отношении вторых и последующих рождений для условных поколений⁹.

Прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождением в 2007-2013 гг. в Челябинской области (0,424) был больше, чем в целом по России (0,346). По Свердловской области показатели рождаемости по очередности рождения есть, начиная с 2010 г. (Курганская область – 2007-2008 и 2012-2013 гг., Тюменская область и Ханты-Мансийский автономный округ–Югра – 2012-2013 гг., Ямало-Ненецкий автономный округ – 2011-2013 гг.) В 2013 г. суммарный коэффициент рождаемости по вторым и последующим рождением в Свердловской области повысился по сравнению с 2010 г. на 0,217, что существенно больше, чем за тот же период в Челябинской области (на 0,135). Среди субъектов Российской Федерации, по которым есть данные о родившихся по очередности рождения за 2010-2013 гг., в Свердловской области прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим рождением в 2013 г. по

⁸ Рассчитано по данным Росстата (<http://cbsd.gks.ru/#>;
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html)

⁹ http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data

сравнению с 2010 г. был одним из самых больших. Больше он был только в республиках Коми (0,263) и Марий Эл (0,283), в Кировской области (0,240).

Отмечая несомненную связь между началом реализации мер помощи семьям с детьми и увеличением прироста показателей рождаемости по вторым и последующим рождениям, важно понять, что этот прирост имел место только в показателях для условных поколений или имело место изменение показателей рождаемости и в реальных поколениях женщин.

Показатели рождаемости для реальных поколений женщин рассчитываются по данным переписей населения. Использование базы микроданных переписи населения позволяет рассчитывать эти показатели отдельно для каждого года рождения женщин. Однако переписи населения проводятся сравнительно редко. Последняя из них проходила в октябре 2010 г. Для оценки результативности демографической политики и для демографического прогноза важно иметь характеристики рождаемости по реальным поколениям не только по результатам переписей населения, но и в межпереписной период.

По России в целом делать оценочные расчеты этих показателей позволяет The Human Fertility Database¹⁰, содержащая однолетние возрастные коэффициенты рождаемости, начиная с 1959 г., а также данные Росстата. На региональном уровне эти показатели есть в базе данных Центра демографических исследований Российской экономической школы¹¹, но начиная только с 1989 г. Кроме того, вызывает сомнение возможность корректного расчета оценочных показателей рождаемости для реальных поколений на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости на региональном уровне, прежде всего, в связи с тем, что из-за существенной межрегиональной миграции имеют место более значимые, чем на федеральном уровне, расхождения в совокупностях женщин, проживавших в данном регионе на момент переписи населения и входивших в число тех, для которых рассчитывались возрастные коэффициенты рождаемости в межпереписной период.

Однако можно попытаться совместить данные переписей населения и расчет показателей рождаемости для реальных поколений путем суммирования однолетних возрастных коэффициентов, т.е. прибавляя результат такого суммирования за послепереписной период к среднему числу рожденных детей по данным переписи населения. В этом случае существенно сокращается период времени, за который производится оценочный расчет, и, следовательно, может уменьшаться накапливаемая ошибка в расчетной оценке среднего числа рожденных детей в реальных поколениях.

Справедливость такого предположения и, следовательно, возможность использования однолетних возрастных коэффициентов рождаемости в сочетании с данными переписи населения для расчета показателей рождаемости в реальных поколениях оценим на основе сравнения данных переписей населения 2002 и 2010 гг. с результатами расчета по однолетним возрастным коэффициентам рождаемости за межпереписной период. Информация, имеющаяся в базах микроданных переписей населения 2002 и 2010 гг., позволяет корректно сделать обратный расчет от среднего числа рожденных детей по данным переписи

¹⁰ <http://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=asfr&t1=3&t2=4>

¹¹ Рассчитано по: данные Росстата и база данных Центра демографических исследований Российской экономической школы (http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data)

населения 2010 г. к результатам переписи населения 2002 г. путем вычитания соответствующих однолетних возрастных коэффициентов рождаемости за межпереписной период. При этом за 2002 г. используются официальные опубликованные данные по возрастным группам, а за 2010 г. – средневзвешенные средние числа рожденных детей в той же группировке по году рождения, что и официальные данные переписи населения 2002 г. Понятно, что при расчете однолетних коэффициентов рождаемости за 2002 и 2010 гг. берутся не за полный год, а только за его часть: в первом случае за период после даты переписи населения до конца 2002 г., а во втором – с начала 2010 г. до даты переписи.

Выше отмечалось, что из числа регионов Уральского федерального округа только по Свердловской и Челябинской областям есть показатели рождаемости по очередности рождения за период, начиная с 2010 г. Поэтому только для этих двух регионов в данном случае есть смысл оценивать корректность использования однолетних возрастных коэффициентов рождаемости в сочетании с данными переписи населения для оценки показателей рождаемости в реальных поколениях.

Таблица 1

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин в Уральском федеральном округе (переписи населения 2002 и 2010 гг., результаты расчета по однолетним возрастным коэффициентам рождаемости)¹²

Период	Год рождения									
	1943-1947	1948-1952	1953-1957	1958-1962	1963-1967	1968-1972	1973-1977	1978-1982	1983-1984	1985-1987
Свердловская область										
Перепись 2010 г.	1,79	1,86	1,90	1,83	1,68	1,55	1,41	1,11	0,80	0,55
Перепись 2002 г.	1,76	1,83	1,88	1,82	1,64	1,34	0,96	0,43	0,10	0,03
Расчет на 2002 г.	1,79	1,86	1,90	1,83	1,63	1,34	0,94	0,40	0,05	-0,02
Челябинская область										
Перепись 2010 г.	1,82	1,88	1,92	1,86	1,72	1,57	1,43	1,13	0,83	0,55
Перепись 2002 г.	1,81	1,87	1,92	1,86	1,69	1,39	0,99	0,43	0,09	0,01
Расчет на 2002 г.	1,82	1,88	1,92	1,86	1,67	1,38	0,98	0,41	0,05	-0,04

В Челябинской области только у женщин 1983-1987 гг. рождения разница в переписном и расчетном среднем числе рожденных детей составляет 0,04-0,05, а у всех остальных – не превышает 0,02. Немногим больше она в Свердловской области. У женщин 1953-1977 гг. рождения она не превышает 0,02, а у родившихся в 1978-1982 гг. – составляет 0,03 (но следует иметь в виду, что и у женщин 1943-1952 гг. рождения, у которых среднее число рожденных детей между переписями населения 2002 и 2010 гг. не менялось, эта разница составляет 0,03). Только у женщин 1983-1987 гг. рождения эта разница составляет 0,05 (см. табл.1).

Говоря о том, какая разница в среднем числе рожденных детей, полученном из разных источников, может считаться существенной, отметим авторитетное мнение С.В.Захарова, который отмечает, что «данные переписей населения 2002 и 2010 гг. хорошо согласуются между собой в отношении показателей для поколений

¹² Рассчитано по: База микроданных переписи населения 2010 г. (<http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>); результаты переписи населения 2002 г. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=30>; База данных Центра демографических исследований Российской экономической школы (http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data)

второй половины 1940-х – 1950-х годов» [2, с.319]. При этом он приводит величину этого показателя в целом по России, например, для женщин 1948-1952 гг. рождения по данным переписи населения 2002 г., равную 1,88, а по результатам переписи населения 2010 г. – 1,85; для женщин 1953-1957 гг. рождения – соответственно, 1,83 и 1,88, т.е. в первом случае разница составляет 0,03, а во втором – 0,05 [см. 2, с.321]. С.В.Захаров также отмечает, что «данные микропереписи 1994 г. дают не очень большое (*подчеркнуто нами – В.А., Н.Д.*), но систематическое занижение значений показателя в средних пределах 0,05–0,08 рождения на одну женщину при сравнении с результатами для одних и тех же когорт, полученными из других источников» [2, с.321-322]. Следовательно, можно предположить, что С.В. Захаров не считает очень большой разницу в 0,03-0,05 среднего числа рожденных детей.

Кроме того, следует, конечно, учитывать, что период времени, прошедший после переписи населения 2010 г., существенно меньше, чем между 2002 и 2010 гг. и, следовательно, возможная ошибка, связанная с использованием в расчете однолетних возрастных коэффициентов рождаемости за период после переписи населения 2010 г., будет, видимо, меньше, чем за межпереписной период.

Основанные на использовании данных переписи населения 2010 г. и однолетних возрастных коэффициентов рождаемости за 2010-2013 гг. результаты оценочных расчетов показателей рождаемости для реальных поколений жителей Свердловской и Челябинской областей представлены в таблице 2.

В Свердловской и Челябинской областях после неуклонного уменьшения среднего числа рожденных детей (более чем на 0,3 по сравнению с величиной этого показателя в поколении женщин 1955-1957 гг. рождения) произошла его стабилизация, начиная, примерно, с поколения 1972 г. рождения. При этом можно, видимо, говорить о стабилизации как минимум с вероятным небольшим повышением среднего числа рожденных детей.

Гипотетическое среднее итоговое число рожденных детей, рассчитанное при условии сохранения в каждом поколении женщин в оставшихся до окончания репродуктивного периода возрастах коэффициентов рождаемости на уровне 2013 г., составляет у женщин 1972 г. рождения 1,57 в Свердловской области и 1,58 в Челябинской области (т.е. на 0,01 больше, чем к началу 2014 г.), у женщин 1974 г. рождения – соответственно, 1,59 и 1,60, у женщин 1976 г. рождения – 1,62 и 1,63, у женщин 1978 г. рождения – 1,65 и 1,66, у женщин 1980 г. рождения – 1,69 и 1,66, у женщин 1983 г. рождения – 1,77 в Свердловской области и 1,72 в Челябинской области¹³.

Еще ярче стабилизация проявилась по среднему числу вторых рождений. В Свердловской области оно сократилось с 0,70-0,71 у женщин 1955-1958 гг. рождения до 0,50 у женщин 1971 г. рождения и дальнейшее сокращение величины этого показателя прекратилось. Скорее всего, итоговое среднее число вторых рождений у женщин, родившихся начиная с первой половины 1970-х гг., превысит уровень 0,50.

Аналогичная ситуация имеет место и в Челябинской области. У женщин 1955-1958 гг. рождения среднее число вторых рождений составляет 0,72. К поколению 1972 г. рождения оно сократилось до 0,51, а у женщин 1973-1974 гг.

¹³ Рассчитано по: таблица 2 и данные Росстата.

рождения уже чуть больше (0,52). При этом данная величина еще не является итоговым числом вторых рождений.

Таблица 2

Среднее число рожденных детей (в т.ч. по очередности рождения) в поколениях женщин 1955-1985 гг. рождения (Свердловская и Челябинская области; на начало 2014 г.¹⁴)

Год рождения	Свердловская область				Челябинская область			
	Всего	в том числе:			Всего	в том числе:		
		первые	вторые	третьи		первые	вторые	третьи
1955	1,90	0,95	0,70	0,18	1,93	0,95	0,72	0,19
1956	1,90	0,94	0,71	0,17	1,92	0,94	0,72	0,19
1957	1,89	0,95	0,71	0,17	1,93	0,95	0,72	0,19
1958	1,88	0,94	0,70	0,17	1,90	0,94	0,72	0,18
1959	1,86	0,95	0,69	0,16	1,88	0,94	0,71	0,17
1960	1,83	0,94	0,68	0,15	1,86	0,94	0,69	0,17
1961	1,81	0,94	0,67	0,15	1,85	0,94	0,69	0,16
1962	1,78	0,94	0,65	0,14	1,81	0,94	0,67	0,15
1963	1,73	0,94	0,62	0,12	1,78	0,94	0,65	0,14
1964	1,71	0,94	0,60	0,12	1,75	0,94	0,63	0,13
1965	1,68	0,93	0,58	0,12	1,71	0,93	0,60	0,12
1966	1,64	0,93	0,56	0,11	1,68	0,94	0,59	0,12
1967	1,63	0,93	0,54	0,11	1,66	0,93	0,56	0,12
1968	1,60	0,93	0,52	0,11	1,63	0,93	0,55	0,11
1969	1,58	0,92	0,51	0,10	1,62	0,93	0,54	0,11
1970	1,57	0,92	0,51	0,11	1,59	0,92	0,53	0,11
1971	1,56	0,92	0,50	0,10	1,58	0,91	0,52	0,11
1972	1,56	0,91	0,50	0,11	1,57	0,91	0,51	0,11
1973	1,56	0,90	0,50	0,11	1,57	0,90	0,52	0,11
1974	1,55	0,90	0,50	0,11	1,56	0,89	0,52	0,11
1975	1,54	0,89	0,50	0,11	1,54	0,88	0,51	0,11
1976	1,52	0,88	0,49	0,11	1,54	0,88	0,51	0,11
1977	1,49	0,88	0,48	0,10	1,51	0,87	0,50	0,11
1978	1,46	0,86	0,47	0,10	1,49	0,86	0,49	0,10
1979	1,43	0,85	0,45	0,09	1,44	0,84	0,47	0,10
1980	1,37	0,84	0,42	0,08	1,37	0,82	0,44	0,08
1981	1,32	0,83	0,39	0,08	1,34	0,81	0,42	0,08
1982	1,27	0,81	0,37	0,07	1,28	0,79	0,40	0,07
1983	1,19	0,79	0,33	0,06	1,20	0,77	0,36	0,06
1984	1,10	0,75	0,29	0,05	1,13	0,74	0,32	0,05
1985	1,02	0,71	0,25	0,04	1,01	0,69	0,27	0,04

Прекратилось и снижение числа третьих рождений. Если в отношении среднего числа вторых и третьих рождений в реальных поколениях женщин как об уже свершившемся факте можно говорить о стабилизации величины этих показателей после длительного периода сокращения, то доля женщин, родивших второго ребенка среди родивших первого, и доля тех, кто родил третьего ребенка среди родивших второго, не просто стабилизировались, а начали расти.

¹⁴ Рассчитано по: база микроданных переписи населения 2010 г. (<http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>) и данные Росстата

Таблица 3

Доля женщин, родивших второго ребенка среди родивших первого и родивших третьего ребенка среди родивших второго в поколениях женщин 1955-1985 гг. рождения (%; на начало 2014 г.)¹⁵

Свердловская область						Челябинская область					
Год рождения	Доля родивших второго ребенка среди родивших первого	Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго	Год рождения	Доля родивших второго ребенка среди родивших первого	Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго	Год рождения	Доля родивших второго ребенка среди родивших первого	Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго	Год рождения	Доля родивших второго ребенка среди родивших первого	Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго
1955	74,4	25,0	1971	54,2	21,0	1955	75,7	26,9	1971	56,9	20,7
1956	75,1	24,6	1972	55,0	21,8	1956	76,5	26,3	1972	56,7	21,1
1957	74,6	24,5	1973	55,6	21,4	1957	76,5	26,0	1973	57,7	21,3
1958	74,5	24,1	1974	55,6	21,4	1958	75,8	25,2	1974	58,1	21,4
1959	73,3	23,2	1975	55,8	22,2	1959	75,5	24,0	1975	58,0	21,9
1960	72,4	22,2	1976	55,9	22,1	1960	73,7	23,9	1976	58,6	21,8
1961	70,7	21,9	1977	54,5	21,2	1961	73,1	23,2	1977	57,7	21,7
1962	68,6	21,3	1978	54,2	20,9	1962	71,0	22,1	1978	56,8	21,3
1963	66,5	19,8	1979	52,3	21,0	1963	68,7	21,7	1979	55,9	20,4
1964	64,2	20,2	1980	50,2	19,0	1964	66,8	21,0	1980	53,4	19,2
1965	62,3	19,8	1981	47,8	19,1	1965	64,6	20,1	1981	51,6	18,8
1966	59,8	19,7	1982	44,9	18,2	1966	62,7	19,8	1982	49,8	18,0
1967	57,8	20,5	1983	42,1	17,2	1967	60,5	20,6	1983	46,6	17,1
1968	56,2	20,9	1984	39,3	16,5	1968	59,3	19,8	1984	43,2	16,0
1969	55,3	20,1	1985	35,5	16,5	1969	58,6	20,4	1985	39,0	15,4
1970	55,2	21,0				1970	57,6	20,6			

В Свердловской области доля родивших второго ребенка среди родивших первого возрастает, начиная с поколения женщин 1972 г. рождения, и у женщин 1976 г. рождения составляет 55,9%, что на 1,7 проц. пункта больше, чем у женщин 1971 г. рождения. Схожая ситуация в Челябинской области, где рост величины этого показателя начинается с поколения женщин 1973 г. рождения и у женщин 1976 г. рождения она на 1,9% проц. пунктов больше, чем у женщин 1972 г. рождения (см. табл. 3).

Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго в Свердловской области была минимальной у женщин 1965-1966 гг. рождения (19,7-19,8%). У тех, кто на 10 лет моложе (1975-1976 гг. рождения), она составляет уже 22,1-22,2%. В Челябинской области минимальная величина доли родивших третьего ребенка среди родивших второго имеет место у женщин 1966 и 1968 гг. рождения (19,8%), а максимальная после повышения – у женщин 1975 г. рождения (21,9%).

Свердловская и Челябинская области входили в число субъектов Российской Федерации, участвовавших в проводившемся под руководством Росстата в 2012 г. «Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения»¹⁶. Суммарно по

¹⁵ Рассчитано по: табл. 2.

¹⁶ Некоторые результаты этого исследования по Свердловской области уже были опубликованы [1].

двум областям было опрошено 982 человека (Свердловская область – 525; Челябинская область – 457).

У тех респондентов, у кого второй ребенок родился в 2007-2012 гг. (т.е. после начала реализации дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми), средний интервал, прошедший после рождения первого ребенка, составил 79,7 месяцев (N=84), а у тех, у кого второй ребенок родился в 2000-2006 гг. – 55,9 месяцев (N=49). Т.е. этот интервал не только не сократился (что могло бы служить индикатором тайминговых сдвигов, обусловленных реализацией мер демографической политики), а был существенно больше. Это произошло за счет значительно большей доли рождений вторых детей в 2007-2012 гг. с интервалом в 10 и более лет после рождения первых: 23,8% против 2,0%.

В большей степени увеличение среднего интервала между рождением первого и второго ребенка имело место в Свердловской области: у тех, у кого второй ребенок родился в 2007-2012 гг., интервал времени после рождения первого ребенка составляет в среднем 87,0 месяцев (N=38), а при рождении второго ребенка в 2000-2006 гг. – 50,3 месяцев (N=24). У респондентов из Челябинской области величины этих показателей составляют, соответственно, 73,7 (N=46) и 61,2 (N=25) месяцев.

В Свердловской области доля вторых рождений за 2007-2012 гг. с интервалом в 10 лет и более после рождения первого ребенка, по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», составляет 28,9%, а среди родивших второго ребенка в 2000-2006 гг. такого интервала между рождениями первого и второго ребенка не было ни у одного респондента. В Челябинской области доля вторых рождений с таким интервалом после рождения первого ребенка составила 19,5% в 2007-2012 гг. и 4,0% в 2000-2006 гг.

Представленные данные, видимо, позволяют говорить о сдвигах в календаре рождений. Только это не сдвиги в сторону сокращения интервала между рождением первого и второго ребенка, а наоборот – реализация откладывавшихся долгое время рождений, большинство из которых без реализации мер помощи семьям с детьми, вероятно, не состоялись бы.

Анализ наличия или отсутствия сдвигов в календаре рождений очень важен не только с точки зрения оценки результативности демографической политики, но и для определения прогнозных гипотез в отношении перспектив рождаемости. Если бы имели место тайминговые сдвиги в сторону более раннего рождения вторых детей, сокращения интервала между рождением первого и второго ребенка, то в дальнейшем следовало бы ожидать так называемого «таймингового провала», сокращения числа вторых рождений. Если же, как было показано выше, в нынешней ситуации, скорее всего, имеет место реализация откладывавшихся рождений, способствовавшая, по крайней мере, стабилизации показателей рождаемости в реальных поколениях и росту их в условных поколениях, то никакого снижения текущих показателей рождаемости в связи с этим ожидать не приходится.

Проведенный анализ показал наличие позитивных сдвигов в показателях рождаемости в регионах Уральского федерального округа в последние годы не только для условных, но и для реальных поколений. Большинство женщин, на репродуктивное поведение которых могли повлиять реализуемые с 2007 г. меры помощи семьям с детьми, еще не завершили процесс деторождения, и о степени

изменения числа рожденных у них детей по сравнению с предыдущими поколениями пока судить преждевременно. Однако уже сейчас можно говорить, по крайней мере, о стабилизации среднего числа вторых и третьих рождений в поколениях женщин, начиная с поколений начала 1970-х гг. рождения. При этом доли родивших второго ребенка среди родивших первого и родивших третьего ребенка среди родивших второго не просто стабилизировались, а уже возросли. Оценки показывают, что есть основания ожидать некоторого увеличения среднего числа рожденных детей в реальных поколениях, но, конечно, не в такой мере, как прирост суммарного коэффициента рождаемости.

Библиографический список

1. Архангельский В.Н. Репродуктивное поведение населения Свердловской области на современном этапе демографического развития // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013, с.142-150.

2. Население России 2010-2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад. М., Изд. дом ВШЭ, 2013.

© Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г., 2015. Текст.

Информация об авторах

Архангельский Владимир Николаевич (Москва, Россия) – кандидат экономических наук, заведующий сектором, Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (119991, г.Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, дом 1, ст. 46; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

Джанаева Наталья Георгиевна (Москва, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (119991, г.Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, дом 1, ст. 46; e-mail: njanaeva@gmail.com).

Arkhangel'skiy V. N., Dzhanayeva N.G.

PERFORMANCE POPULATION POLICIES OF FERTILITY IN THE URAL FEDERAL DISTRICT: MEASURED BY INDICATORS FOR COHORT AND CONVENTIONAL GENERATION

Abstract. *After the start of the implementation of measures of population policy in 2007 the total fertility rate significantly increased, especially in the second and subsequent births. Data on Sverdlovsk and Chelyabinsk regions show the stabilization of the average number of births and increasing the share of women given birth to the second and the third child, since the cohorts of the early 1970s.*

Keywords: fertility, cohort, intergenetic interval, demographic policy.

Information about the authors

Arkhangel'skiy Vladimir Nikolaevich (Moscow, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Head of Sector, Lomonosov's Moscow State University, Faculty of Economics, Center for Population Studies (1–46, Leninskiye Gory, GSP–1, Moscow, 119991, Russia; e-mail: archangelsky@yandex.ru).

Dzhanayeva Natalya Georgievna (Moscow, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Lomonosov's Moscow State University, Faculty of Economics, Center for

УДК 314.6

Балюра О.Е., Песляк А.В.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Аннотация. *В статье рассмотрены жилищные проблемы молодых семей в Российской Федерации. Проанализирована правовая база. На основе проведенного исследования выявлена проблематика помощи молодым семьям и развития программ, способствующим улучшению социальной политики.*

Ключевые слова: социальная политика, молодая семья, программа молодой семьи, субсидии, проблемы, собственное жилье, перспективы.

Сегодня программы поддержки молодых семей можно назвать стратегически важными. Эта тенденция является наиболее положительной для страны и населения в целом: ведь именно развитие социальной сферы является показателем современного, успешного и уверенно шагающего вперед государства.

Для начала дадим определение понятия «молодая семья». Н.А. Тырнова определяет молодую семью как субъект воспроизводства населения и объект социальной политики — «это супруги активного репродуктивного возраста (до 28 лет), проживающие совместно с момента фактического образования супружеского союза не менее двух лет, с родственниками или без них, с детьми или без них, с любыми ориентациями на детность» [2].

Опираясь на данное определение, можно сказать, что молодая семья является одним из основных субъектов репродуктивного поведения. В то же время ориентация на рождение детей встречает достаточно много препятствий в нашей стране, например, высокие цены на квартиры и зачастую низкие заработные платы у молодых специалистов и у студентов. Ведь студенческие семьи в наше время, стали появляться намного чаще чем, например, в СССР. Стоит заметить, что для многих молодых пар главенствующим фактором для принятия решения о рождении ребенка стоит квартирный вопрос. Зачастую он стоит настолько остро, что многие молодые семьи, откладывают рождение детей на 5, а то и на 10 лет, из-за чего уже не попадают в категорию «молодых семей», имеющую направленность на деторождение. Это и послужило для государства причиной задуматься о помощи молодым семьям и улучшении демографической ситуации в стране.

В настоящее время в РФ реализуются четыре программы, предназначенные осуществлять помощь молодежи в приобретении жилья и улучшении жилищных условий. С 2002 года реализуется государственная программа «Жилище 2011-2015». Цель программы – повысить доступность жилья экономкласса для широких слоев населения путем массового строительства недвижимости. С 2006 по 2010 год более 287 тысяч семей переехали в новые квартиры в рамках реализации данной программы. В 2010 году действие программы было продлено Министерством регионального развития РФ благодаря достигнутым в ее рамках высоким результатам.

«В программу «Жилище 2011-2015» входит подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей». Ее целью является поддержка молодых семей, которые

признаны нуждающимися в улучшении условий проживания» [3, с. 123-125]. «Данная подпрограмма реализуется во всей стране, но больше на ее поддержку могут рассчитывать те регионы, в которых еще не введены региональные программы, касающиеся этой проблемы. Подпрограммой запланировано, что по окончании ее реализации 172 тысячи молодых семей будут обеспечены жильем» [1]. Помимо данной программы, реализуется еще одна государственная программа – «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», сроки реализации которой предусмотрены до 2020 года. Одной из главных задач госпрограммы является предоставление государственной поддержки на приобретение жилья молодым семьям.

Также в этом году свою реализацию заканчивает программа «Молодая семья». Данный социальный проект позволяет решить сразу несколько важных задач: обеспечение молодых семей собственным жильем и улучшение демографической ситуации в регионах. По программе «Молодая семья» планируется продление сроков до 2020 года. В то же время можно выделить ряд недостатков реализации данной программы:

- финансовая помощь по федеральной программе составит не более 30%, при том, что для семьи, к примеру, из трёх человек она не сможет превысить 800 тысяч рублей;
- субсидию можно использовать только на приобретение квартиры в новом доме, или вступив в долю при строительстве нового жилья, но нельзя потратить на приобретение вторичного жилья;
- максимальная сумма ипотечного кредита не может превышать 2,2 миллионов рублей;
- программа ориентирована на молодые семьи с постоянным и достаточно высоким уровнем дохода, которые в состоянии ежемесячно выплачивать платежи по ипотеке.

Все перечисленные программы объединяет одна единственная цель – способствовать молодым семьям в приобретении собственного «гнездышка». Создание и реализация подобных программ окажут огромную помощь в решении главной проблемы молодых семей.

Кроме государственных программ поддержки приобретения жилья для молодых семей, направленных на неограниченный круг лиц, существуют еще специальные программы для целевых групп. К ним относится государственная программа «Ипотека для молодых учителей», которая действует с 2011 года и позволяющая молодым педагогам, в том числе в сельской местности, брать ипотеку под 8,5% годовых.

Кроме того, можно назвать несколько программ поддержки молодых семей, действующих в крупных государственных корпорациях. Например, в ОАО «Газпром» предоставляется социальная поддержка в виде беспроцентной ипотеки, что тоже благоприятно влияет на финансовое положение семей, особенно молодых. ОАО «РЖД» предоставляет корпоративную поддержку молодых сотрудников, которая в себя включает оформление и получение ипотечного кредита с целью приобретения квартиры в собственность на льготных условиях.

В настоящее время рано делать выводы о том, каково будет влияние данного вида поддержки молодых семей на демографическую ситуацию, но точно можно

отметить положительные тенденции. Развитие подобных программ в перспективе является одним из важнейших факторов для улучшения социальной политики.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Свердловской области от 11.10.2010 г. № 1487-пп Об утверждении областной целевой программы «Развитие жилищного комплекса в Свердловской области» на 2011-2015 гг.

2. Тырнова Н. А. Молодая семья в современной России: проблемы и тенденции развития: дис. канд. социол. наук. М., 2005.

3. Харчев А.Г. Современная семья и ее проблемы: учеб. для вузов/ А.Г. Харчев, М.С. Мацковский. 2-е изд. М.: Логос, 2007. 302 с.

© Балюра О.Е., Песляк А.В., 2015. Текст.

Информация об авторах

Балюра Олеся Евгеньевна (г. Екатеринбург, Россия) – студентка Института государственного управления и предпринимательства УрФУ (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13б; e-mail: Balyura.olesya@yandex.ru).

Песляк Александра Васильевна (г. Екатеринбург, Россия) – студентка Института государственного управления и предпринимательства УрФУ (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13б; e-mail: Peslyak.aleksandra@yandex.ru).

Balyura O.E., Peslyak A.V.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF STATE SUPPORT FOR YOUNG FAMILIES

Abstract. *The article deals with the problem of housing for young families in the Russian Federation. The legal framework is analyzed. On the basis of the conducted study the perspectives of young families support and social policy in this sphere are revealed.*

Keywords: social policy, young family, young family program, subventions, own housing problems, prospects.

Information about the authors

Balyura Olesya Evgenyevna (Yekaterinburg, Russia) – Student, Institute of Public Administration and Business of UFU (13b Lenin Av., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: Balyura.olesya@yandex.ru).

Peslyak Alexandra Vasilyevna (Yekaterinburg, Russia) – Student, Institute of Public Administration and Business of UFU (13b Lenin Av., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: Peslyak.aleksandra@yandex.ru).

УДК 316.35.62-058.833: 364-42

Быкова Д.Г.

СУПРУЖЕСКИЕ ПЕНСИИ КАК ИНСТРУМЕНТ АКТИВИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА*

Аннотация. *Изменения пенсионного законодательства стимулируют занятость населения пенсионного возраста в ущерб осуществляемому ими делегированному роди-*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 12-03-00073а «Мотивация родительского труда, стратегия и тактика регулирования репродуктивных установок населения в Уральском регионе».

тельскому труду, который обеспечивает занятость молодых трудоспособных членов семьи. В статье предлагается использовать механизм супружеских пенсий для активизации родительского труда.

Ключевые слова: супружеские пенсии, родительский труд, пенсия, пенсионный возраст, премиальные коэффициенты, отложенный выход на пенсию, семейное окружение.

В настоящее время повышается актуальность поиска новых эффективных механизмов решения демографических проблем. Это происходит параллельно с реформированием пенсионной системы.

К 2030 г. коэффициент пенсионной нагрузки (в соответствии с высоким вариантом прогноза) возрастет на 31 %, а коэффициент старения населения составит 18-19 ‰. Это позволит официально отнести Россию к разряду «демографически старых» государств [12]. Традиционно при увеличении коэффициента демографической нагрузки государство предпринимает меры по увеличению численности граждан трудоспособного возраста за счет населения пенсионного возраста, стимулируя занятость и постепенно отодвигая пенсионный возраст. В настоящее время в США идет «процесс постепенного увеличения пенсионного возраста до 67 лет, которое объявлено с 1983 г. как часть системы гибкого выхода на пенсию, включая сохранение возможности раннего выхода на пенсию» [3]. В Германии также предусматривается повышение пенсионного возраста до 67 лет, процесс начался с 2012 г. Каждый год пенсионный возраст повышается на один или два месяца в зависимости от года рождения гражданина. Параллельно повышению пенсионного возраста правительство Германии реализует широкий спектр индивидуальных мер (называемых «Программа 50+») для увеличения шанса пожилым рабочим оставаться активными на рынке труда [3]. В России многие эксперты также отмечали необходимость повышения пенсионного возраста. По мнению Е.Т. Гурвича, повышать пенсионный возраст необходимо еще и потому, что «у нас снижается предложение рабочей силы, и скоро это станет главным ограничителем роста экономики» [2]. Е.Т. Гурвич понимает, что эти предложения требуют непопулярных политических решений, но можно избежать негативного отношения населения за счет объединения непопулярных решений с популярными, можно предоставить выбор: выходить на пенсию в более позднем возрасте и получать большую пенсию или выходить на пенсию по действующим правилам, но с меньшим размером пенсии.

Именно такие меры и были приняты. В соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», если гражданин не будет обращаться за назначением пенсии в течение периода от года до десяти лет после возникновения у него такого права, то ему будут начислены коэффициенты повышения индивидуального пенсионного коэффициента для исчисления размера страховой пенсии по старости [5].

Действительно, увеличение численности населения трудоспособного возраста за счет пенсионеров – одна из мер, направленная на снижение демографической нагрузки. Однако такие меры оказывают влияние на снижение количественных и качественных результатов родительского труда, ухудшается связь поколений. В долгосрочной перспективе более эффективно стимулировать увеличение численности трудоспособного населения за счет увеличения рождаемости и повышения качества будущего человеческого капитала.

На прошлогоднем Демографическом форуме О.В. Кучмаева отмечала «ценность российской бабушки», которая заключается в обеспечении занятости молодых трудоспособных членов семьи почти половины всех городских домохозяйств [4, с. 201]. Кроме того, в случае, когда представитель старшего поколения посчитает полученные премиальные коэффициенты действительно выгодными и они послужат стимулом для продолжения работы после достижения пенсионного возраста, молодая семья может принять решение вовсе отложить рождение ребенка, либо сократить время своей работы по найму, либо понести дополнительные расходы на частный детский сад (если не удастся получить место в государственном детском учреждении).

Вместе с тем, старшее поколение, завершив свою трудовую деятельность по достижении пенсионного возраста, могло бы взять на себя часть функций по воспитанию и развитию внуков. Предложенные меры стимулирования занятости пенсионеров затрудняют участие бабушек и дедушек активного возраста в реализации делегированного родительского труда [7, с. 25]. Силы, здоровье, опыт, знания и умения, накопленные в течение десятилетий, могли бы быть переданы внукам, но чаще остаются невостребованной в семье частью человеческого капитала, поскольку продолжают использоваться в профессиональной деятельности. В рамках существующей системы это логично, так как способствует увеличению пенсионных выплат. В таблице для примера представлен расчет преимуществ выбора данной меры для мужчины 1990 года рождения, предполагаемый стаж работы которого составит 40 лет с учетом года службы в армии, а заработная плата равна средней начисленной заработной плате в РФ – 29 792 руб./месяц [13].

Расчеты показывают, что если в течение 10 лет не обращаться за назначением пенсии, то можно дополнительно получить 279076,92 руб. Следовательно, человеку оказывается экономически более выгодно использовать свой качественный человеческий капитал в профессиональной деятельности, нежели в делегированном родительском труде. При этом часть накопленного бабушками и дедушками человеческого капитала вынужденно останется невостребованной в семье. В долгосрочной перспективе это снизит качество будущего человеческого капитала регионов и страны в целом.

Рассмотрим две основные модели поведения бабушки:

1. Увольняется с работы, теряя заработную плату. Вовремя обращается за назначением пенсии, начиная получать пенсионные выплаты, исходя из начисленных пенсионных баллов (при этом ее пенсия с высокой долей вероятности будет ниже, чем у супруга, в связи с утерянными заработками и более низкими пенсионными баллами в период беременности, родов и ухода за ребенком). Осуществляет делегированный родительский труд, заботясь о внуках. Родители ребенка получают возможность работать и получать заработную плату. Родительский труд бабушки при этом не вознаграждается.

2. Продолжает работать, получая заработную плату и откладывая выход на пенсию. Получает премиальный коэффициент за более поздний выход на пенсию. Помимо заработной платы, продолжение профессиональной трудовой деятельности дополнительно вознаграждается. Родители ребенка вынуждены самостоятельно заниматься уходом за ребенком, отказываясь от дополнительного заработка или даже от возможности работать.

**Расчет размера страховой пенсии в зависимости от периода обращения
за назначением пенсии [6]**

Возраст обращения за назначением пенсии	Количество индивидуальных пенсионных баллов	Размер страховой пенсии, руб.	Общая сумма выплаченной страховой пенсии за 19 лет, руб.	Экономическая целесообразность отсроченной выплаты пенсии, руб.
60 лет	193,31	16326,4	3722419,2	-
61 год	206,85	17414,16	3761458,56	39039,36
62 года	222,31	18657,31	3806091,24	83672,04
63 года	239,71	20047,98	3849212,16	126792,96
64 года	259,04	21601,92	3888345,6	165926,40
65 лет	280,3	23319,13	3917613,84	195194,64
66 лет	307,37	25447,42	3969797,52	247378,32
67 лет	336,37	27778,33	4000079,52	277660,32
68 лет	367,3	30351,21	4006359,72	283940,52
69 лет	404,03	33374,52	4004942,4	282523,20
70 лет	448,49	37050,89	4001496,12	279076,92

Таким образом бабушка, занимаясь воспитанием внуков, фактически также продолжает трудовую деятельность, осуществляя делегируемый родительский труд. Однако в данном случае она не получает вознаграждение за труд и премиальные коэффициенты за продолжение трудовой деятельности

В существующих объективных условиях, когда пенсионные выплаты рассчитываются исходя из периода дожития, составляющего 19 лет, а ожидаемая продолжительность жизни мужчин при рождении намного ниже и составляет всего 65,29 лет [14], представляется возможным использовать механизм супружеских пенсий для вознаграждения родительского труда бабушки.

В США механизм супружеских пенсий применяется для компенсации затрат женщины в процессе реализации родительского труда, называемых именуемых «плата за материнство» («motherhood penalty») [8, с. 125]. «Плата за материнство» представляет собой потерю либо сокращение заработков в связи с пребыванием в отпуске по беременности и родам и по уходу за ребенком, а впоследствии с необходимостью работать неполный рабочий день или соглашаться на повременную оплату труда, а периодически использовать отпуск без сохранения заработной платы по семейным обстоятельствам. Вместе с тем работодатели предпочитают заключать срочные трудовые контракты с женщинами, имеющими детей, ограничивая их карьерный рост и повышение заработной платы. По отдельным оценкам, в начале XX века, плата за материнство составляла более 60% разницы в заработках мужчин и женщин [8, с. 125]. При этом такая плата в некоторой степени компенсируется благодаря объединению доходов и ресурсов обоих родителей. Традиционно матери сокращают время работы по найму в период беременности, родов и ухода за маленькими детьми, а отцы, в свою очередь, его увеличивают. Ведение общего хозяйства в семье подразумевает совместное распределение не только полученных, но и упущенных доходов. Именно эта идея была положена в основу механизма пенсионных выплат для супругов, которые были введены Законом о социальном обеспечении, принятом в США в 1935 г. [10, с. 10].

Первоначально женатый мужчина и его супруга, которая никогда не работала по найму, получали на 50 % больше, чем холостой мужчина с тем же уровнем заработной платы и объемом отчислений на пенсионное страхование. Таким образом, пенсионные выплаты супруги составляли половину первичной страховой суммы (PIA) супруга. Однако она начинала получать эти выплаты только после того, как ее работающий супруг обращался за назначением пенсии.

При назначении супружеских пенсий важное значение имел факт регистрации брачных отношений, усиливающий издержки развода для женщины. Со временем не только замужние, но и разведенные, а также потерявшие супруга женщины получили право на супружеские пенсионные выплаты в случае продолжительного брака. Так, в 1977 г. в США в Закон о социальном обеспечении были внесены поправки в связи с тем, что возросла занятость женщины в экономике, и получение супружеской пенсии стало рассматриваться как гендерная дискриминация [9, с. 198]. Начиная с этого времени, стабильность системы социального обеспечения увеличилась, а супружеские пенсии и пособия по случаю потери кормильца были сокращены на размер государственной пенсии, получаемой супругой, исходя из собственных заработков. Также было уменьшено требование продолжительности брака с 20 до 10 лет для разведенных супругов.

В настоящее время в США механизм супружеских пенсий продолжает действовать, и супружеские пенсии выплачиваются семьям после обращения в Органы социального обеспечения (Social Security). Предельный объем пенсионных выплат членам семьи не превышает 150-180 %% первичной страховой суммы плательщика налоговых отчислений [11].

Достижение пенсионного возраста супруги, состоявшие или состоящие в браке более 10 лет, имеют право выбрать пенсионное обеспечение, основанное либо на собственных заработках, либо составляющее до половины первичной страховой суммы второго супруга. Также в отдельных случаях возможно сочетание этих двух вариантов. Преимущество отдается пенсионным выплатам, основанным на собственных налоговых отчислениях, при их наличии, однако, если они меньше, чем супружеская пенсия, то производится доплата до размера супружеской пенсии. По достижении пенсионного возраста женщина также имеет право обратиться за назначением супружеской пенсии, продолжая аккумулировать средства на своем собственном пенсионном счете, что позволит ей в дальнейшем получить более высокие выплаты благодаря отложенному выходу на пенсию. Право на супружескую пенсию также имеют женщины, не достигшие пенсионного возраста, в случае если они осуществляют уход за ребенком в возрасте до 16 лет.

Механизм супружеских пенсий в России целесообразно применить для компенсации именно делегированного родительского труда, осуществляемого бабушкой в возрасте ребенка от года до трех лет, когда наблюдаются основные трудности с получением места в дошкольном образовательном учреждении, а молодые родители испытывают материальные трудности, и женщина вынуждена выйти на работу. В свою очередь, это позволит компенсировать родительский труд бабушки, укрепить связь поколений и семейственность, стимулировать брачность.

Благодаря механизму супружеских пенсий бабушке будет экономически выгодно сделать выбор в пользу следующей модели поведения:

3. Увольняется с работы, теряя заработную плату. Обращается за выплатой супружеской пенсии, откладывая свой выход на пенсию. Получает 50% от

супружеской пенсии в период от года до трех лет, осуществляя уход за ребенком. По истечении этого периода обращается за назначением пенсии и получает премиальные коэффициенты за более поздний выход на пенсию. Вместе с тем родители ребенка получают возможность работать и получать заработную плату.

Таким образом, механизм супружеских пенсий позволит учесть родительский труд старшего поколения и должным образом оценить его роль в обеспечении занятости молодых трудоспособных членов семьи почти половины всех городских домохозяйств [4, с. 201], а также будет выступать первой ступенью решения задачи «теоретического и концептуального переосмысления роли и места семьи не только в репродуктивном секторе, но и в экономике в целом» [1, с. 51].

Библиографический список

1. Багирова А.П. Семейные инвестиции в будущий человеческий капитал: актуализация проблемы окупаемости в российских условиях // Финансы и кредит. – 2010. №33 (417). С. 49-54
2. Гурвич Е.Т. Распутать узлы пенсионных компонент. URL: Экспертный канал «Открытая экономика». <http://www.opes.ru/1348128.html> (дата обращения: 05.05.2015).
3. Итоги пенсионной реформы и долгосрочные перспективы развития пенсионной системы Российской Федерации с учетом влияния мирового финансового кризиса: Аналитический доклад. URL: Официальный сайт Минздравсоцразвития. <http://www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/insurance/6> (дата обращения: 05.05.2015).
4. Кучмаева О.В. К вопросу о концептуальных подходах к разработке семейной политики в России // Институты развития демографической системы общества. V Уральский демографический форум: сб. статей. Екатеринбург, 5-6 июня 2014 г. С. 200-209.
5. О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. Пенсионный калькулятор. URL: Официальный сайт Пенсионного фонда РФ <http://www.pfrf.ru/eservices/calc/> (дата обращения: 10.05.2015).
7. Пшеничникова М.М. Родительский труд: содержание и особенности реализации в малых городах уральского региона. Дис. ... канд. эк. наук. Екатеринбург. 2012. 189 с.
8. Folbre N. Valuing Children: Rethinking the economics of the family. HARVARD UNIVERSITY PRESS, Cambridge, Massachusetts, and London, England. 2008. 235 p.
9. Folbre N. Who pays for the kids? Gender and the structures of constraint. Routledge, London and New York. 2003. 335 p.
10. Lathrop J.C. Laws relating to “mothers’ pensions” in the United States, Denmark and New Zealand // U.S.A. Department of Labor, Children’s bureau. Dependent children series, № 1. Washington Government printing office. 1914. 102 p.
11. Retirement Planner: Benefits For Your Spouse. Official Social Security Website. [e-resource] URL: <http://www.ssa.gov/planners/retire/yourspouse.html#a0=0> (reference date: 09.05.2015 г.).
12. Демографический прогноз до 2030 года. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 05.05.2015 г.).
13. Заработная плата. Официальная статистика. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/# (дата обращения 05.05.2015 г.).
14. Население. Официальная статистика. Федеральная служба государственной статистики.

Информация об авторе

Быкова Дарья Георгиевна (г. Екатеринбург, Россия) – помощник депутата, Екатеринбургская городская Дума (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 24а, каб. 407; e-mail: karavaev@egd.ru).

Bykova D.G.

SPOUSAL BENEFITS AS AN INSTRUMENT OF THE PARENTAL LABOR ACTIVATION

Abstract. *Amendment to the pension legislation stimulates employment of the retirement age population to the prejudice of their delegate parental labor, which provides employment for the young able-bodied members of family. The paper proposes the mechanism of spousal benefits to activate parental labor.*

Keywords: spousal benefits, parental labor, pension, retirement age, premium rates, deferred retirement, family environment.

Information about the author

Bykova Daria Georgievna (Yekaterinburg, Russia) – Local Councilor Assistant, Yekaterinburg Duma (24a Lenina Ave., Apt. 407, Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: karavaev@egd.ru).

УДК 314.07:34

Ветошкин С.А.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются российские демографические проблемы, связанные с необходимостью повышения рождаемости населения, и юридические меры по решению данных проблем с учетом религиозных обычаев и традиций, присущих гражданам, исповедующим ислам.*

Ключевые слова: шариат, мусульманский брак, демографический кризис, рождаемость, уровень жизни.

Современная Россия находится в глубоком демографическом кризисе, занимая по вымиранию населения одно из первых мест в мире. Как пишет независимый журналист Вадим Белоцерковский, в ближайшее десятилетие численность мужчин и женщин от 20 до 30 лет сократится вдвое, а к 2035 году вдвое сократится численность мужчин и женщин в возрасте от 20 до 40 лет, число 15-летних в настоящее время в два раза меньше, чем 25-летних [1].

По данным профессора Анатолия Ивановича Антонова, заведующего кафедрой социологии, семьи и демографии МГУ им. Ломоносова, с 1991 по 2008 год население страны уменьшилось на 28 млн чел., (со 148 до 120 млн), а в среднем население уменьшалось на 1250 тыс. чел. в год. Сегодня 65 % российских семей имеют одного ребенка, 28 % – двоих, и только 7 % – троих и более. А для того, чтобы население не убывало (не прибавлялось, но только не убывало), необходимо

35 % семей с тремя детьми, 14 % – с четырьмя, и 3 % – с пятью и более. По словам А.И. Антонова, повышение рождаемости в последние годы – это следствие событий 20-25-летней давности. После постановления советского правительства 1981 года, утвердившего ряд льгот для матерей, в 1980-е годы в России был взлет рождаемости. И теперь молодые люди, родившиеся в 1980-х годах, вступают в брак, и у них рождаются дети, но в основном первенцы. А для выхода из демографического кризиса необходимо увеличение рождения в семьях третьего и четвертого ребенка. Пока же, по данным социологических опросов, только 30 % семей с одним ребенком хотят второго, и только 7 % из семей с двумя детьми – третьего [2].

По мнению демографов, одной из основных причин демографического кризиса в России является высокая смертность и низкая рождаемость, определяющие убыль населения. Такое положение сложилось ввиду падения уровня жизни населения, низкого качества медицинского обслуживания, неудовлетворительной экологической обстановки, высокой смертности от суицидов, дорожно-транспортных происшествий, повышения уровня алкоголизма и наркомании и т.д. На сокращение численности населения влияет и увеличение оттока высококвалифицированных специалистов из России в другие страны с более развитой социально-экономической системой [3].

Естественная убыль населения в России уже не компенсируется и за счет мигрантов из стран СНГ, которые из-за экономического кризиса и дефолта рубля спешно возвращаются на родину.

С одной стороны, в России имеются огромные не обжитые территории с богатыми недрами, водными и лесными ресурсами, с другой стороны, – для их освоения не хватает людей. Речь идет не только об освоении природных ресурсов, но и о направлении развития экономики, напрямую связанной с демографией. Конечно, можно было бы оставить эти ресурсы для будущих поколений и не беспокоиться по поводу их освоения в настоящее время, если бы демографические прогнозы не были столь пессимистичны, а естественная убыль населения столь стремительна, что ставит под вопрос само существование будущих поколений. Очевидно, что без государственного вмешательства в демографические процессы проблема депопуляции населения в России сама собой не разрешится. На первое место при решении демографической проблемы следует поставить оздоровление экономики и устранение между различными слоями населения в государстве глубокого социально-экономического неравенства, сложившегося, в том числе, из-за несправедливого законодательства в данной сфере. Уровень коррупции среди чиновников достиг таких высот, что экономическое развитие становится невозможным, пока борьба с коррупцией не станет реальной и эффективной.

Несправедливое российское законодательство, противоречащее как общепризнанным принципам и нормам международного права, так и многим нормам Конституции РФ, само по себе является проблемой, так как дискредитирует понятие «правовое государство», подрывая веру людей как в государство, так и в право, основной задачей которого является установление и восстановление справедливости. Систематически нарушается часть 2 статьи 55 Конституции РФ, где сказано, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Разумное и взвешенное правовое регулирование общественных отношений должно

реально, а не декларативно основываться на принципах справедливости и гуманизма, так как от этого зависит решение основных проблем в сфере экономики, труда, образования и семьи, а также демографических проблем, поскольку они тесно связаны между собой.

Можно с большой долей вероятности предположить, что люди более охотно будут создавать семьи и желать рождения детей в случае обретения уверенности в завтрашнем дне, при решении проблем трудоустройства и получения достойного заработка, позволяющего решать жилищные проблемы, содержать и воспитывать детей и др.

Этот рецепт, что называется, лежит на поверхности, но его использование полностью зависит от политической воли руководства государства. Рано или поздно на катастрофическое положение в стране, связанное, в том числе с рождаемостью и смертностью, придется взглянуть трезво и со всей ответственностью, приняв необходимые решения, но сделать это желательно до вполне вероятных социальных потрясений.

Реальная материальная поддержка семей, особенно многодетных, несомненно, позволила бы снизить социальную напряженность, улучшив демографическую ситуацию, и разумные предложения на этот счет делались давно и неоднократно, начиная от предложения исчислять многодетным матерям трудовой стаж за воспитание детей и заканчивая предложением выплачивать на каждого ребенка деньги в размере минимального жизненного уровня.

Проблему можно было бы решить путем разумного перераспределения расходной части бюджета, но и этого не делается. Возникает вопрос, как решать демографические проблемы в условиях нежелания государства материально поддерживать рождаемость и существуют ли пути решения подобных проблем без соответствующего финансирования?

Отвечая на данный вопрос, необходимо учесть, что население Российской Федерации многонационально по своему составу и различается своими традициями, обычаями и религиозными предпочтениями. Например, численность народов России, традиционно исповедующих ислам, по разным оценкам составляет от 14,5 до 20 млн. чел., то есть от 10 до 15% населения страны.

Народы, традиционно исповедующие ислам, составляют большинство населения в семи субъектах Российской Федерации: Ингушетии (98%), Чечне (96%), Дагестане (94%), в Кабардино-Балкарии (70%), в Карачаево-Черкесии (63%), Башкортостане (54,5%), Татарстане (54%) [4].

Учитывая, что модель мусульманского брака, допускающего его полигамную форму, отличается высокими показателями рождаемости, то, по крайней мере, можно было бы увеличить рождаемость в данных регионах России, изменив федеральное законодательство и законодательство субъектов РФ в сфере семейных отношений.

Федеративное государственное устройство России подразумевает в том числе и учет в законодательстве традиций и обычаев различных народов. В свою очередь, данные традиции и обычаи во многом определяются религиозными нормами.

Следует заметить, что рождаемость в мусульманских странах, несмотря на определенное снижение в последнее время, остается гораздо выше, чем в других государствах. Население Ирана за 30 лет удвоилось, население Турции к 2050 году

по прогнозам составит 100 миллионов человек, увеличившись на 26 %, хотя в Турции в 20-е годы XX столетия после отмены халифата мусульманское право во всех отраслях, в том числе и в семейных отношениях, было заменено законодательством западноевропейской правовой модели. Однако сохранившиеся обычаи и традиции в семейной сфере продолжают влиять на рождаемость населения. Для сравнения: средний возраст населения в Йемене – 18,1 года, а в Германии – 43 года (а к 2030 году по немецким прогнозам составит 47-50 лет) [5].

Учитывая, что согласно статье 72 Конституции РФ семейное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, в Семейном кодексе РФ можно было бы предусмотреть возможность субъектов РФ осуществлять правовое регулирование семейных отношений, принимая во внимание сложившиеся религиозные традиции в регионах.

Пример прямого делегирования от федеральной законодательной власти субъектам РФ при регулировании семейных отношений содержится в части 2 статьи 13 «Брачный возраст» Семейного кодекса РФ, где сказано: «Порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации» [6]. Например, в Кабардино-Балкарии и Ингушетии такой возраст установлен в 15 лет, в Татарстане – 14 лет и т.д.

Отход от моногамного брака в отдельных субъектах Российской Федерации вполне может быть установлен законодательными собраниями данных субъектов на основе проведенных референдумов или предварительных социологических опросов, при условии делегирования им подобной законодательной инициативы федеральным законодательством.

Непременным условием разрешенного мусульманского брака должна быть свобода выбора жениха и невесты формы брака – мусульманского или светского. В данном случае необходимо учитывать, что в России мусульманские браки фактически имеют свое распространение и без правового регулирования федеральным законодательством, основываясь на Коране, в котором в положении 4:3 предусмотрено: «...женитесь, на тех, что приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех». Данное обстоятельство лишь свидетельствует о значительном отставании законодательства от реального положения в данной сфере.

По Корану мусульманин вправе заключить брак с любой женщиной, исповедующей другую религию, кроме атеистки (например, с иудейкой или христианкой). Подразумевается, что в соответствии с нормами шариата муж, используя свою власть в семье, сможет обратить жену в мусульманскую веру, хотя муж не должен требовать от жены иной веры, так как вопросы веры являются очень личными. При этом повсеместно признается, что для детей предпочтительнее воспитываться в одной религиозной культуре и одних традициях.

От мужа-многоженца требуется не только окружить женщин равной заботой, но и уделять им равное количество времени, исходя из принципа справедливости. Так, если муж не в состоянии соблюдать равенство между женами, то ему запрещено заключать второй договор брака. Обязательным условием

мусульманского брака является возможность мужа финансово обеспечить своих жен и детей.

Учитывая существенные различия между мусульманским браком и браком, основанным на действующем российском семейном законодательстве, возникает ещё вопрос: можно ли мусульманский брак автоматически перенести на «законодательную почву» России? Ответ может быть только отрицательным, так как в мусульманском браке правовое положение жены и правовое положение мужа не предусматривает равенства. Муж по шариату доминирует в семейных отношениях, подчинение мужу является главной обязанностью жены, а самое главное в семейных отношениях – это продолжение рода.

Необходимо понимать, что главенствующее положение в семье одного из супругов определяется внутрисемейными решениями и не может регулироваться законодательно. Внутрисемейный выбор главенствующего в семье вполне может быть основан и на религиозных обычаях и традициях. Законодательство не может детально регулировать подобные отношения. Лидерство и доминирование в семье зависят от личностных качеств и способностей одного из супругов, но равенство в семейных отношениях изначально должно быть закреплено законодательно, так как равенство субъектов права является основополагающим принципом во всех мировых правовых системах, за исключением мусульманского права, касающегося семейных отношений.

Также не приемлемо положение шариата, сохранившееся в некоторых мусульманских странах, согласно которому отец и дед невесты наделяются правом выдать замуж девушку против ее воли. Такое положение нарушает принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины, предусмотренный светским семейным законодательством.

Поэтому легитимизация мусульманского брака в России может быть осуществлена только в адаптированном варианте, учитывающем требование части 3 статьи 19 Конституции РФ, согласно которой мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

В настоящее время ни в одном государстве исламского мира мусульманское право не является единственным действующим правом, и семейные отношения регулируются в том числе нормами семейного и гражданского законодательства, которое дополняет и изменяет практику регулирования семейных отношений только нормами шариата. Исламские государства идут по пути синтеза своих правовых систем с иными правовыми моделями, общепринятыми в мире, осуществляя политику правовой конвергенции.

Правовая конвергенция в сфере семейных отношений для России имеет особую актуальность, учитывая многонациональный состав населения и необходимость поддержания социального порядка, исключая межнациональные конфликты.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным предусмотреть в российском законодательстве элементы мусульманского права, регулирующего семейные отношения, именно в тех субъектах РФ, где ислам имеет широкое распространение.

Данное изменение в законодательстве поможет решить в определенной степени не только демографические проблемы, связанные с рождаемостью, но и может повлиять на снижение в России социальной напряженности между

представителями различных этносов и религий. Подобная социальная напряженность возникает там, где нормы действующего законодательства входят в явное противоречие с обычаями и традициями, которые складывались у народов столетиями и тысячелетиями. В качестве примера правовой конвергенции можно привести Федеральный закон РФ «Об оружии» от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ, в статье 13 которого предусмотрено, что право на приобретение газового оружия, огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия самообороны, спортивного оружия, охотничьего оружия, сигнального оружия, холодного клинкового оружия, предназначенного для ношения с национальными костюмами народов Российской Федерации или казачьей формой, имеют граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет [7].

Синтез различных правовых систем в многонациональном государстве с разнообразными религиозными традициями представляется вполне разумным, обоснованным и необходимым.

Сфера семейных отношений вообще отличается закрытостью, а в мусульманских семьях, живущих по шариату, особенно, и как показывает практика, в мусульманских семьях для решения семейных проблем судебные органы используются гораздо реже, чем в иных правовых системах.

Возможно, было бы целесообразным, в случае законодательного разрешения мусульманского брака в России, предусмотреть для урегулирования семейных отношений шариатские суды (по обоюдному согласию супругов), а в случае возражения одного из супругов разбирать такие дела в гражданских судах. Шариатские суды могли бы организоваться по аналогии с мировыми судами, для чего потребуются изменения как в Конституции РФ, так и в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» и в других нормативно-правовых актах.

Подобные новшества в российском законодательстве, разумеется, потребуют тщательной проработки на правовом, социологическом и политическом уровнях и соответствующего государственного заказа, но такие расходы будут вполне оправданы, так как от решения поставленной задачи во многом зависит будущее нашего государства.

Библиографический список

1. Белоцерковский В.В. Что погнало Путина в тайгу. URL: <http://vestnikcivitas.ru/pbls/3554>
2. Многодетным матерям надо платить зарплату. Православный портал о благотворительности и социальной деятельности. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/mnogodetnym-materyam-nado-platit-zarplatu>
3. Причины демографического кризиса в России. Live Crisis.ru. URL: http://www.livecrisis.ru/demographic-krisis/list_item_page_363.aspx/
4. Ислам в России. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%F1%EB%E0%EC_%E2_%D0%EE%F1%F1%E8%E8.
5. Почему в мусульманских странах демография падает. URL: <http://otvet.mail.ru/question/88273284>
6. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 4.11.2014) URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165345>
7. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 31.12.2014). URL: http://www.consultant.ru/popular/weapon/40_1.html#p367

© Ветошкин С.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Ветошкин Сергей Александрович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор педагогических наук, профессор кафедры права факультета социологии и права Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; e-mail: ip-vetoshkin@rambler.ru).

Vetoshkin S.A.

DEMOGRAPHIC ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS

Abstract. *The article deals with the Russian demographic problems associated with the need to increase the birth rate and legal measures for solution these problems taking into account religious customs and traditions of citizens practising Islam.*

Keywords: shariah, muslim marriage, demographic crisis, birth rate, standard of living.

Information about the author

Vetoshkin Sergey Aleksandrovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Chair of Law, Institute of Sociology and Law, Russian State Professional and Pedagogical University (11, Mashinostroiteley St., Yekaterinburg, 620012, Russia; e-mail: ip-vetoshkin@rambler.ru).

УДК 314.172

Ворошилова А.И.

ФОРМИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЯ К РОДИТЕЛЬСКОМУ ТРУДУ: ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ

Аннотация. *Статья посвящена анализу многофакторного процесса формирования мотивации родительского труда на макро-, мезо- и микроуровне. Представлена схема взаимодействия факторов, формирующих отношение субъекта к родительскому труду, охарактеризована специфика влияния каждого из них.*

Ключевые слова: родительский труд, мотивация родительского труда, факторный анализ, диспозиционный подход.

В условиях сложной демографической ситуации в нашей стране выделение деятельности по уходу и воспитанию ребенка в особый вид родительского труда имеет большую практическую значимость. Это позволяет применять существующие в науке подходы к изучению мотивационных механизмов данного вида труда и разрабатывать адекватные инструменты его стимулирования.

Анализ мотивации родительского труда следует начать со сформированного в обществе отношения к этому виду труда в целом. Отечественные социологи А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов в монографии «Человек и его работа в СССР и после» выделили совокупность факторов, определяющих специфику отношения субъекта труда к трудовой деятельности. Согласно их концепции, отношение к труду в обществе в целом формируется в соответствии с экономической структурой общества и совокупностью производственных отношений [4]. Значимость того или иного вида деятельности в общественном сознании определяется тем экономическим эффектом, который данный вид деятельности производит в социально-экономической системе в целом.

По отношению к большинству видов трудовой деятельности исследователи говорят о том, что «идеология» в формировании отношения к труду вторична, первичным фактором являются все-таки материальные отношения. Однако родительский труд относится к особому виду труда, в котором материальные отношения не могут быть однозначно измерены. Применительно к родительскому труду можно сказать, что отношение к этому виду труда в обществе (престиж родительства, приписываемый социальный статус, образ родительства в массовом сознании, принятые нормы детско-родительских отношений) обусловлено тем социальным положением, которое гарантируется человеку через родительство.

Рассмотрим подробнее наиболее существенные факторы, которые формируют отношение к родительскому труду в обществе. Схема их взаимодействия изображена на рис. 1.

Факторы формирования отношения к труду в обществе следует анализировать с позиций уровня их существования: макро-, мезо- или микроуровня соответственно.

1. Факторы отношения к родительскому труду на макроуровне социологического анализа. Социологи выделяют несколько сфер общественной жизни, имеющих непосредственное влияние на формирование отношения к любому виду деятельности – это социально-экономическая система, политический строй и состояние общественного сознания.

Социально-экономическая система в широком смысле формируется производственными отношениями и схемой распределения социальных и экономических благ. Исходя из этого, можно говорить о том, что место родительского труда в иерархии различных видов деятельности неразрывно связано со значимостью развития человеческого капитала (как результата родительского труда) для экономики и общества в целом [2]. Политический строй координирует процессы, происходящие в социально-экономической системе и системе общественного сознания в соответствии с заданными им целями. На данном уровне целенаправленно или под воздействием объективных условий формируются эталоны поведения, цели и нормы деятельности, характерные для того или иного общества.

На макроуровне во взаимодействии социально-экономической, политической и культурной систем формируется одобряемая и поощряемая модель родительского труда, социально принимаемый образ родительства. Выявление параметрических характеристик образа родительства позволит в некоторой мере определить тренд, альтернативные траектории развития качественных и количественных характеристик человеческого капитала. Частично социально одобряемая модель родительского труда отражена в формальных документах, декларирующих принципы и нормы отношений в сфере родительства. Они задают и направления государственной политики в этой сфере.

Результаты анализа существующих нормативных документов государственного регулирования семейно-демографической сферы говорят о том, что основными действующими мерами поддержки государства на данный момент являются материальные выплаты и законодательная защита материнства и детства при решении каких-либо споров (трудовых, семейных и т.д.).

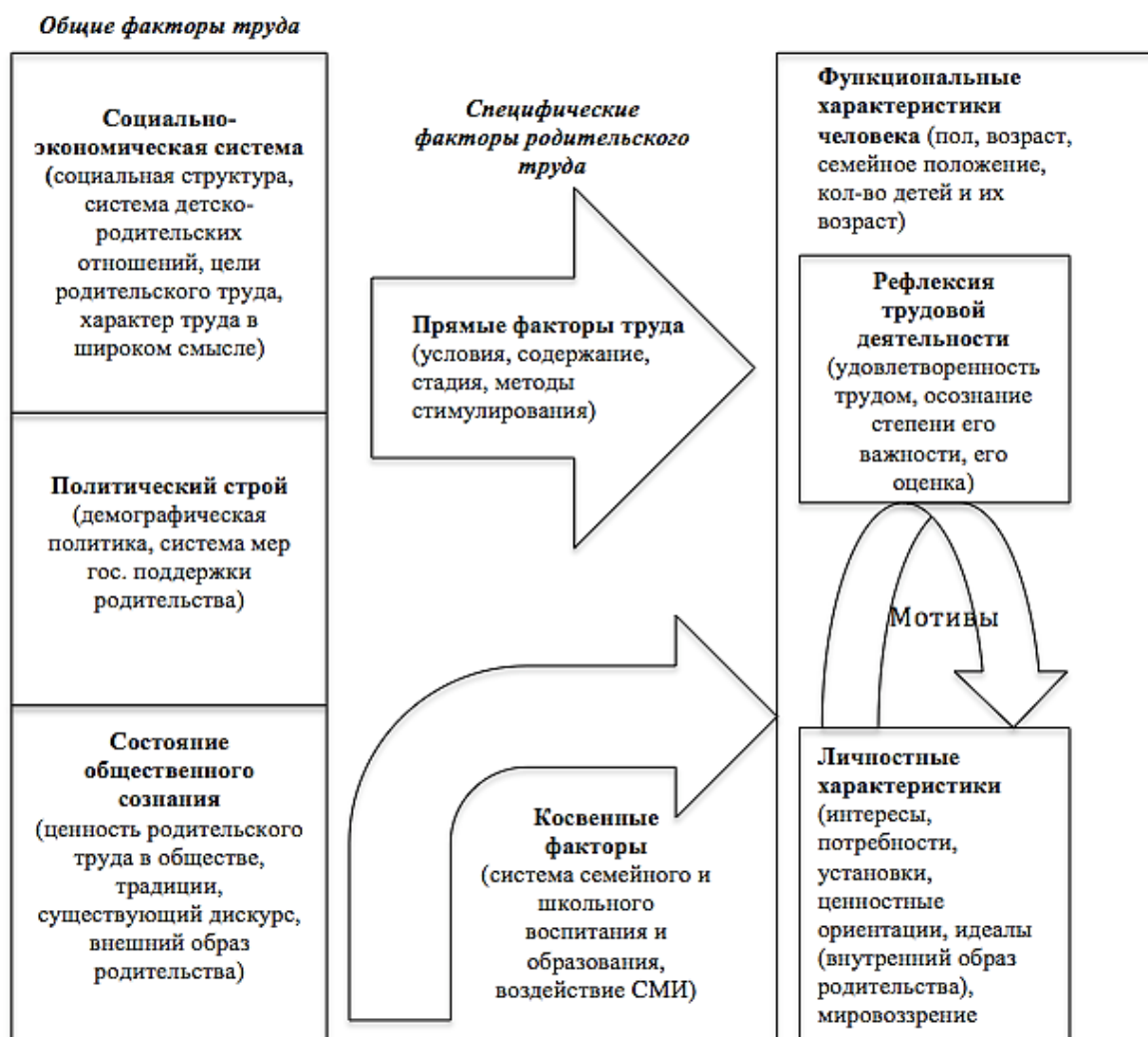

Рисунок 1. Общая схема взаимодействия факторов, формирующих отношение субъекта к родительскому труду

Система определенных выплат действует до достижения ребенком совершеннолетия, но не до окончания процесса его социализации. При этом уровень выплат с ростом ребенка резко снижается (в то время как затраты на него, напротив, возрастают). Поддержка матери на период временной нетрудоспособности по беременности и родам предполагает, что она получает лишь часть от своего заработка (если на момент зачатия ребенка она была трудоустроена), хотя после рождения ребенка потребности в заработной плате, наоборот, возрастают. И если с экономической точки зрения это обусловлено тем, что она перестает воспроизводить общественные блага, то с социальной подобный механизм имеет яркий негативный эффект. Он приводит к тому, что женщина на период беременности и родов оказывается не только стеснена в средствах, но и имеет ограничения по включенности в общественные экономические отношения, подвергая тем самым социальному риску себя и ребенка, так как другого источника существования, гарантированного государством, нет. Это вполне определенным образом влияет на принятие решения по поводу рождения ребенка:

компенсировать потенциальную материальную незащищенность в случае рождения детей потенциальные родители стремятся за счет откладывания рождений на более поздний срок, пытаясь сначала состояться в профессиональной сфере. Возрастание числа отложенных рождений, в свою очередь, ведет к усилению необходимости в специальной медицинской помощи (в связи с ухудшением показателей репродуктивного здоровья женщин с увеличением их возраста), при этом начинают сказываться факторы нарастающей несимметричности половозрастной демографической пирамиды и т.д. Данную систему выплат можно назвать скорее поддерживающей, а не стимулирующей рождаемость и гарантирующей определенный уровень жизни и возможности субъектам родительского труда. Таким образом, противоречие государственной политики в данной сфере заключается в декларативном характере заявляемой высокой ценности родительства и детства в противовес зауженным реальным мерам поддержки [3].

Политический и социально-экономический аспекты формирования отношения к родительству накладываются также на некий культурный пласт, сформированный в данном обществе. Поведение субъекта в труде во многом определено нормами, традициями, ценностями, системой взглядов и отношений, присущей той социальной группе, частью которой он является. Традиционный патриархальный уклад претерпел значительные изменения за последнее столетие. Исследователи российской культуры отмечают, что сложившаяся на данный момент путаница в супружеских, родительских, гендерных ролях приводит к формированию все той же путаницы в моделях поведения детей. Отсутствие в российской культуре внятных задач, правил в принятии моделей родительства и супружества выражается в дисфункциях семейных отношений. Помимо этого накладывается современная специфика усвоения традиционных моделей и образцов семейного поведения: при нынешнем темпе жизни естественный механизм передачи знаний о родительстве уже недостаточен [1].

2. Факторы отношения к родительскому труду на мезоуровне социологического анализа. Ценностный компонент восприятия того или иного вида труда прослеживается и на следующем уровне анализа – совокупности специфических условий и обстоятельств, характерных для конкретного вида трудовой деятельности. Он имеет двойственную природу: чем выше в обществе ценится тот или иной вид труда, тем лучшие условия его выполнения общество стремится обеспечить. Верно и обратное: чем лучше предоставляемые условия труда, тем престижнее род занятий. Мезоуровень охватывает область практической подготовки сознания людей к реализации себя в сфере родительского труда и содержит конкретные механизмы этой подготовки, начиная от системы образовательных учреждений и заканчивая каналами средств массовой информации.

Широкое распространение технических девайсов и Интернета существенно повысило роль информационного воздействия на отдельную личность и социальные группы и общности. У исследователей уже нет сомнений в том, что СМИ, наряду с другими, выполняет и аксиологическую функцию. Результаты исследований о роли масс-медиа в процессе формирования семейных ценностей фиксируют, что в современных СМИ вопросам семьи, воспитания детей и родительства уделяется недостаточно внимания. Так, на основании результатов

мониторинга более 8000 медиа-носителей В.В. Тучкова установила, что удельный вес материалов по семейной проблематике за период с 2008 г. по 2011 г. хотя и увеличивался с каждым годом, но не превышал ничтожно малых 1,96 %. При этом в большей степени материалы по исследуемой проблематике были представлены в региональных СМИ, преобладая в прессе (в сравнении с телевидением и радио) [5]. Кроме того, в исследовании отмечается формальный подход к освещению семейной тематики – преимущественно это материалы о льготах, о новых законодательных мерах в семейной политике и т. п. По замечанию автора, «подобного рода материалы не являются привлекательными и запоминающимися для молодежи, а значит, проходят фоновой, незамеченной информацией» [5, с. 162].

Таким образом, можно отметить, что наиболее широкие компоненты социальной среды, определяющие отношение в обществе к тому или иному виду деятельности, в отношении родительского труда представлены несколько противоречиво. Возможно говорить о подразумеваемой высокой ценности родительства в сочетании со слабыми инструментами поддержки данного вида деятельности. Такое несоответствие снижает престиж и ценность родительства как деятельности и сказывается на формировании отношения к нему в обществе. Чувство социальной незащищенности субъекта родительского труда порождает определенные «оборонительные» модели и образы родительства, когда стремление иметь детей сталкивается с необходимостью учета возникающих в этой связи социальных рисков. Помимо этого, несоответствие декларируемых ценностей жизненным реалиям на уровне восприятия провоцируют недоверие, сопротивление усвоению этих ценностей.

3. *Факторы отношения к родительскому труду на микроуровне социологического анализа.* Совокупность объективных условий реализации родительского труда (как и труда любого другого вида) вкупе со сформированным в обществе отношением к нему индивидуально преломляется в сознании каждого человека. Индивидуальное восприятие на этом уровне зависит от двух групп факторов – объективных характеристик индивида (биологические особенности – пол, возраст, психофизиологические характеристики, социальные особенности – собственный опыт родительской семьи, опыт родительства, стадия родительского труда, уровень образования, вовлеченность в социальные отношения и т. д.) и субъективных личностных характеристик (потребности, интересы, ценностные установки и ориентации, идеалы, мировоззрение). Преломление внешних условий через индивидуальные характеристики порождает мотивы трудового родительского поведения. Их структура и динамика индивидуальны и зависят от внутренних факторов и внешних условий. Из этого складывается отношение к труду, определяющее его результаты.

В.А. Ядов выделил две ключевые характеристики отношения к труду, которые применимы на микроуровне анализа. Условно они были названы «объективные» (дисциплина, ответственность, инициативность) и «субъективные» характеристики труда (удовлетворенность трудом, индивидуальная структура мотивов трудовой деятельности) [4, с. 106]. Поскольку родительский труд имеет двойственную природу, являясь одновременно и рациональной, и эмоциональной деятельностью, применительно к нему целесообразно выделить два аспекта объективного отношения к труду – эмоциональный и рациональный.

А. Рациональный аспект отношения к труду. Применительно к родительскому труду данный критерий может быть измерен через степень осознанности и ответственности в родительстве, объективно достигнутые результаты родительского труда, выраженные как в ребенке, так и в родителе. Степень осознания родителем своей роли, ответственности выражается в способности действовать наилучшим для ребенка образом и во имя его интересов даже в ущерб собственным. Результаты родительского труда, реализованные в ребенке – это уровень физического и психического развития ребенка с учетом исходного состояния здоровья; развитие различных аспектов человеческого капитала, достижения ребенка во внешнем мире – достижения в учебе, спорте, творчестве, социальной жизни и т.д. Результатами родительского труда, выраженными в родителе, могут быть уровень развития родительских компетенций, своевременность и полнота выполнения родительских обязанностей, количество детей, «продуктивность» ухода за ними и воспитания.

Б. Эмоциональный аспект отношения к труду. Инициативность в производстве определена вдохновением, в родительстве же сутью вдохновения является эмоциональная отдача от деятельности. Таким образом, любовь, эмоциональная близость с ребенком, уровень счастья от реализации родительских функций формируют уровень энергии, с которым родитель реализует себя в родительском труде.

Субъективные характеристики труда строятся в соответствии с индивидуальной структурой мотивов трудовой деятельности. Они содержат самооценку реализации человека в труде, удовлетворенность трудом, гордость за его результаты. Родительский труд является тем уникальным видом труда, о котором авторы, изучающие социологию труда, говорили как об утопии – это случай, когда трудовая деятельность является потребностью сама по себе. Вследствие биологических инстинктов и духовной потребности в любви процесс заботы о ребенке, выраженный в родительском труде, является потребностью сам по себе, вне зависимости от масштабности его результатов. В родительском труде нельзя отделить четко ориентацию на «результат» от ориентации на содержание труда. Это происходит, во-первых, из-за большой протяженности труда во времени, во-вторых, из-за сугубо условных показателей результативности этого вида труда, а в-третьих, из-за существующего отношения общества к выполнению родительских функций не как к виду трудовой деятельности.

Совокупность перечисленных факторов влияния на всех уровнях формирует круг мотивационных элементов, включающих в себя как установки на результат родительского труда, так и степень вовлеченности субъекта родительского труда в его процесс. Все факторы формирования мотивации родительского труда взаимосвязаны, поэтому изменения на одном из уровней так или иначе сказываются на остальных. Усиление одних компонентов многофакторной системы формирования мотивации родительского труда оказывает компенсаторное влияние на другие, не столь заметные элементы. Учитывая эти свойства системы факторов мотивации родительского труда, можно грамотно управлять ее организацией. Это, безусловно, окажет свое непосредственное влияние на результатах проводимой в обществе демографической политики.

Библиографический список

1. Алексеева Е. Н. Развитие представлений о семье и образе родителя в системе детско-родительских отношений // Электронный научный журнал «Теория и практика общественного развития», 2012. № 12. Режим доступа: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/12/psix%D0%BE%D0%B0/alekseeva.pdf (дата обращения 01.03.2015).
2. Багирова А. П. Семейные инвестиции в будущий человеческий капитал: актуализация проблемы окупаемости в российских условиях / Финансы и кредит, 2010. № 33 (417). С. 49-54.
3. Багирова А. П., Шубат О. М. Мотивация родительского труда: опыт теоретического и эмпирического анализа: информационно-аналитический отчет / А. П. Багирова, О. М. Шубат. Екатеринбург: УрФУ, 2012. 160 с.
4. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 64 с.
5. Тучкова В.В. Отражение семейных ценностей в российских СМИ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2012. № 150. С. 158-163.

© Ворошилова А.И., 2015. Текст.

Информация об авторе

Ворошилова Анжелика Игоревна (г. Екатеринбург, Россия) – ассистент кафедры социологии и социальных технологий управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19, a.i.voroshilova@urfu.ru).

Voroshilova A. I.

FORMING ATTITUDE TO THE PARENT LABOR: FACTORS OF INFLUENCE ON DIFFERENT LEVELS

Abstract. *The paper contains the analysis of multifactorial process of forming the parent labor motivation at the macro-, meso- and micro level. Also the article shows the specific formation of parent labor motivation in compare with other kinds of labor.*

Keywords: parent labor, motivation of parent labor, factor analysis, dispositional approach.

Information about the author

Voroshilova Anzhelika Igorevna (Yekaterinburg, Russia) – Assistant of the Chair of Sociology and Social Management Technologies, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru).

УДК 314.06

Галин Р.А.

МОЛОДЕЖЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются возрастные границы молодежи и их связь с социально-демографическими функциями. Исследована роль молодежи в воспроизводстве населения. В этой связи рассмотрены репродуктивность, смертность, мигра-*

ция, семейно-брачные отношения молодежи. Показана необходимость коррекции социально-демографической политики в условиях сокращения численности и удельного веса молодежи в составе населения.

Ключевые слова: молодежь, возрастные границы молодежи, социально-демографические и экономические функции молодежи, прогноз численности молодежи, молодежная политика.

В демографическом, социально-экономическом развитии общества особое место принадлежит молодежи. Наряду с социальными и экономическими функциями, она несет и демографические функции. Будучи основой формирования семьи, молодежь оказывает существенное влияние на воспроизводство населения. Вливаясь в состав трудовых ресурсов, она участвует в воспроизводстве валового внутреннего продукта страны. Она формирует научный и интеллектуальный потенциал страны. Молодежь представляет активную часть населения в политическом отношении. Поэтому можно говорить о том, что молодежь в значительной мере определяет экономическую и социально-политическую ситуацию страны.

Возрастные границы молодежи в зависимости от изучения тех или иных проблем, связанных с ней, могут быть разными и в то же время подвижными. Скажем, при исследовании проблем миграций, естественного движения возрастные границы молодежи будут одними, при изучении же семейно-брачных, трудовых отношений, – другими. Поскольку социально-экономические и демографические функции между собой тесно переплетены, то усложняется выделение каждой возрастной группы в «чистом» виде.

Среди исследователей нет единого подхода при определении возрастных границ молодежи. Несмотря на то, что молодежь охватывает короткий возрастной лаг в продолжительности жизни населения, эта группа неоднородна. С точки зрения репродуктивной, социальной и экономической ролей в общественном развитии страны возрастные границы молодежи гибки.

Хотя демографические аспекты молодежи социологами начали исследоваться только с конца прошлого века, тем не менее, к вопросам, связанным с ее возрастными границами, ученые обращались раньше. Начиная с древнегреческих мыслителей и завершая советскими учеными, предлагались различные возрастные границы молодежи. Современные исследователи также не имеют единого взгляда в отношении данного демографического показателя. Чаще в качестве нижней возрастной границы принимается 14 лет – завершение детского и начало подросткового возраста.

При исследовании молодежи как части трудовых ресурсов в качестве нижней границы принимается 16 лет – начало вступления трудоспособный возраст. Хотя, заметим, молодежь может начать трудовую деятельность как раньше, так и позже этого возраста. Исходя из целей исследования, за нижнюю границу молодежного возраста может быть принят и более старший возраст – 18 лет, т. е. возраст после завершения подросткового периода и получения конституционных гражданских прав и юридического права вступления в брак.

Нет единого подхода и в отношении верхней возрастной границы молодежи. Она также различается в зависимости от целей исследования. При изучении молодежи как части трудовых ресурсов верхняя возрастная граница часто ограничивается 30 годами. Нередко при анализе семейно-брачных отношений

возрастная граница поднимается до 35 лет. Иначе говоря, в зависимости от целей исследования возрастные границы молодежи могут быть подвижными.

По мере изменения возрастных границ молодежи происходит трансформация в ее социальном статусе. Эти границы дифференцированы в своем отношении ко всем своим демографическим, экономическим и социальным функциям: репродуктивности, занятости, в целом по уровню социализации. Именно многофункциональность молодежи препятствует установлению каких-то четко обозначенных возрастных границ. Таким образом, понятие «молодежь» с точки зрения демографических границ становится собирательным.

Важным этапом в реализации демографических функций молодежи выступает формирование семьи. Поэтому от подготовленности молодежи к семейным отношениям и возраста активного вступления в брак зависит брачное состояние всего населения и, в конечном счете, рождаемость. Скажем, 14-17-летние находятся в пубертатном возрасте, на начальном этапе социализации. Хотя данная возрастная группа практически не вступает в брачные отношения и не принимает непосредственного участия в воспроизводстве населения, тем не менее, от ее подготовленности к семейным ценностям зависит прочность семейно-брачных отношений и репродуктивность в будущем.

За последние годы в брачном возрасте наблюдаются некоторые сдвиги, которые находят отражение в повышении возраста населения, вступающего в брак. Изменения в возрасте формирования семьи связаны не только с социальными и экономическими факторами, но и в определенной мере с переоценкой молодежью семейных ценностей. Изменения в возрастном составе населения можно характеризовать следующими данными (табл. 1).

Таблица 1

Возрастная структура населения, вступающего в брак, по Республике
Башкортостан, %

Возрастные группы	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2013 г.
Мужчины всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
До 18 лет	0,6	0,4	0,2	0,1	0,1
18-24	53,3	48,4	43,3	37,2	29,2
25-34	33,3	33,9	37,5	44,6	50,6
35 и старше	12,8	17,3	19,0	18,1	20,1
Не указан	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Женщины всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
До 18 лет	3,5	3,4	1,9	0,8	0,8
18-24	64,6	61,8	59,3	52,6	43,8
25-34	20,8	21,8	25,3	33,9	40,5
35 и старше	11,0	13,0	13,5	12,7	14,9
Не указан	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0

Из данных табл. 1 видно, что в динамике показателей прослеживается устойчивая закономерность. С одной стороны, наблюдается тенденция сокращения удельного веса возрастных групп вступающих в брак до 25 лет как мужского, так и женского пола. С другой стороны, происходит увеличение удельного веса этой категории молодежи в относительно старших возрастах. Например, удельный вес мужчин, вступивших в брак в возрасте старше 25-34 года вырос с 33,3 % в 1990 г. до 50,6% в 2013 г., у женщин – с 20,8 до 40,5 %. Такой сдвиг в возрастном составе брачующихся свидетельствует о повышении среднего возраста вступления в брак

этой демографической группы населения. Несмотря на указанные сдвиги в возрастном составе населения, вступающего в брак, основная его доля приходится на молодежь.

Молодежь занимает заметное место среди разводящихся супружеских пар. В 2013 г. в составе распавшихся супружеских пар на долю мужчин в возрасте до 35 лет приходилось 34,3%, в т. ч. до 30 лет – 20,2 %. У женщин данный показатель оказался значительно выше, достигая соответственно, 49,3 и 34,3 процентов. При анализе браков и разводов, основанном на данных текущей статистики, следует иметь в виду два обстоятельства: во-первых, тенденцию увеличения числа незарегистрированных браков, во-вторых, несовпадение времени регистрации бракоразводных актов с фактическим временем их совершения, которое в статистике не отражается. В частности, растет доля молодежи, которая, официально не оформляя брачные отношения, сожительствует.

Поскольку за счет молодежи формируется основа репродуктивного контингента населения, то повышение возраста вступления молодежи в брак нашло отражение в показателях рождаемости. За последнее десятилетие возрастные коэффициенты рождаемости женщин имеют четкую тенденцию сдвига к старшим возрастам. Если в 1990 г. максимальный показатель коэффициента рождаемости (число родившихся на 1000 женщин) – 108,1 – приходился на возрастную группу 20-24 года, то в 2009 г., он, практически не изменившись (108,3), передвинулся в возраст 25-29 лет. В 2012 г. возрастной коэффициент рождаемости в этой группе вырос, оторвавшись от показателя рождаемости в возрасте 20-24 года (79,7), и составил 116,2 промилле. В остальных возрастах сложилась та же тенденция: повышение коэффициента рождаемости со сдвигом от молодых возрастных групп в старшие возрастные группы женщин.

За рассматриваемые годы общий коэффициент рождаемости уменьшился во всех возрастах до 20 лет. Наоборот, в возрастах 20 лет и старше данный показатель вырос. Несмотря на указанный возрастной тренд в показателе рождаемости, молодежь остается основным репродуктивным контингентом населения. Например, в 2013 г. в Республике Башкортостан на возрастную группу женщин до 30 лет приходилось почти четверти (66,3%) всех родившихся детей.

Что касается смертности молодежи, то она одна из самых низких среди остальных возрастных групп населения. Тем не менее, судя по динамике смертности молодежи, нельзя говорить о полном благополучии в этом важном показателе, влияющем на естественное движение населения. Во-первых, за 1990-2013 гг. во всех пятилетних молодежных возрастных группах, у мужчин от 20 до 40 лет, у женщин – с 25 до 40 лет, наблюдается повышение коэффициентов смертности. Во-вторых, среди молодежи сохраняется многократное превышение показателя возрастного коэффициента смертности мужчин по сравнению с показателем смертности женщин.

Молодежь была и остается одной из наиболее активных в миграционном отношении возрастных групп населения. В среднем за 2011-2012 гг. в совокупном притоке населения в Башкортостан на долю молодежи в возрасте 15-34 года приходилось 53,4%, в оттоке населения – 56,4 процента. За 2013 г. указанные показатели составили соответственно 54,1 и 56,7 процентов. Заметим, что среди населения покидающего республику удельный вес молодых возрастов выше, чем среди вселяющихся в нее мигрантов. Поэтому в условиях сохранения превышения

оттока населения по сравнению с его притоком молодые возраста из состава населения «вымываются».

Молодые возраста определяют не только общую миграционную подвижность населения, но и его потери. На молодежь приходится подавляющая часть потерь за счет миграционного движения населения. В общем показателе отрицательного сальдо миграции за указанные годы в Башкортостане молодежь занимает 84,7 процентов. За 2011-2012 гг. республика за счет миграции потеряла 19291 человека в возрасте 15-34 года. Наибольшая часть миграционных потерь молодежи республики приходится на Тюменскую область, Ханты-Мансийский автономный округ, Московскую область, Москву, Республику Татарстан.

За последние два десятилетия в миграционных потоках наблюдается сдвиг в западном направлении. Основными причинами миграции молодежи являются получение образования и поиск работы. Таким образом, если тренды в соотношении миграционных потоков не изменятся, то в будущем сокращение численности молодых возрастных групп будет более значительным, чем прогнозировалось. Такое положение может еще более ухудшить возрастную структуру населения и тем самым усилить процессы старения населения.

Молодежь занимает ключевое место в трудовом потенциале страны. С одной стороны, часть молодежи, выбирает сферу своей деятельности, получая общее и профессиональное образование, готовится к трудовой деятельности. С другой стороны, она выступает непосредственным участником в трудовой сфере. От профессиональной подготовленности молодежи во многом зависит эффективность ее занятости. Модернизация экономики может быть реализована только на основе получения молодежью качественного образования и соответствия профессиональной структуры подготовки специалистов и рабочих кадров отраслевой структуре и потребностям экономики.

Деформация в системе образования, распространившаяся как на баланс между уровнями образования (общее, среднее специальное и высшее), так и на профессиональную структуру специалистов и рабочих кадров, за последние два десятилетия стала одной из решающих причин высокой безработицы среди молодежи. Поэтому без серьезных мер, направленных на восстановление профессиональной ориентации школьной молодежи, гармонизацию подготовки профессионального состава кадров с перспективной отраслевой структурой экономики, преодолеть сложившуюся структурную безработицу не представляется возможным. Такое положение в условиях существенного сокращения трудовых ресурсов может стать фактором сохранения высокой безработицы среди молодежи и тем самым – торможения процессов модернизации экономики.

Молодежь оказывает большое влияние на состояние социально-политической ситуации в стране. Идеино-нравственная обстановка в стране формируется главным образом под влиянием молодежи. Современная молодежь, воспитанная в условиях рыночных отношений, по существу, свободна от прежней советской идеологии, поэтому она, с одной стороны, рациональна, больше адаптирована к современным общественным отношениям, с другой же стороны, она не получила той прочности морально-нравственных устоев, которая была характерна для прежней молодежи. Такое положение может заложить определенную конфликтную ситуацию между молодым и старшим поколениями. Поскольку молодежь выступает носителем определенной, пусть даже

неустойчивой, идеологии, то от ее численности и удельного веса в населении во многом будет зависеть социально-политическая обстановка в обществе.

На динамику и состав населения большое влияние оказало существенное снижение рождаемости и сокращение смертности, т.е. демографический переход. В прошлом веке падение рождаемости было столь значительным, что оно внесло серьезные изменения в возрастную структуру населения. На численность и состав населения оказали влияние огромные людские потери в годы Великой Отечественной войны. Следует заметить, что указанные потери главным образом охватили относительно молодые возрастные группы и в основном мужскую часть населения.

Несмотря на то, что с тех пор прошло достаточно длительное время, указанные перепады в естественном движении населения продолжают проявлять себя и в настоящее время, отражаясь на численности и возрастной структуре населения. Причем они сказываются не только в современном демографическом развитии населения, но и будут оказывать влияние на воспроизводство населения в будущем.

Показатели численности и удельного веса молодежи являются весьма динамичными. Они зависят от естественного движения и миграции населения не только в текущее время, но и от тех демографических процессов, которые происходили в прошлом, поэтому будущая численность данной возрастной группы во многом определяется численностью детей, которые постепенно пополняют молодежную возрастную группу, их смертностью, миграцией. С точки зрения организации работы среди молодежи в настоящее время, а также ее планирования в будущем, представляет определенный интерес представляет динамика численности и удельного веса молодежи в составе совокупного населения (табл. 2).

Из данных табл. 2 следует, что в демографическом отношении современная численность молодежи Башкортостана по сравнению с предыдущими годами, хотя и несколько сократилась, тем не менее, остается достаточно значительной. Как следует из данных таблицы, за рассматриваемые годы максимальная численность молодежи пришлась на 1979 г., когда она превысила 1 млн человек. По мере выхода многочисленных поколений 60-х гг. рождения из этой возрастной группы, численность молодежи к 1989 г. резко упала. Затем данная возрастная группа населения стала расти. За приведенные периоды 2010 г. стал вторым по численности молодежи годом. В последующем численность молодежи снова стала сокращаться. В 2013 г. она составила 898570 человек, или 22,1% ко всему населению. Обращает на себя внимание то, что на этот год приходится самая малочисленная группа и низкий удельный вес молодежной группы в возрасте 15-19 лет: в 2013 г. ее численность составила только 228909 человек, что намного меньше, чем за все приведенные в таблице предыдущие годы. Именно указанная возрастная группа молодежи в ближайшие 10-20 лет будет определять совокупный показатель рождаемости.

Судя по прогнозам, как численность, так и удельный вес молодежи и в перспективе будут продолжать сокращаться. До 2031 г. численность молодежи не достигнет 800 тысяч человек, а удельный вес во всем населении – 20 %. Такие изменения в возрастном составе населения скажутся не только на репродуктивности населения, но и возрастной структуре трудовых ресурсов.

Таблица 2

Динамика численности и удельного веса молодежи в Республике Башкортостан

Годы	Население РБ, чел	Численность, чел.			Всего 15-29 лет	Удельный вес молодежи в населении			Всего 15-29 лет
		15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет		15-19 лет	20-24 лет	25-29 лет	
1959	3341609	266139	333390	319342	918871	7,9	10,0	9,6	27,5
1970	3814926	364200	234585	278581	877336	9,6	6,1	7,3	23,0
1979	3844280	432188	367586	295311	1095085	11,2	9,5	7,7	28,4
1989	3943113	277002	287523	359578	924103	7,0	7,3	9,1	23,4
2002	4104336	381735	297908	276025	955668	9,3	7,2	6,7	23,2
2010	4065993	276598	391815	320636	989049	6,8	9,6	7,9	24,3
2013	4060957	228909	313448	356213	898570	5,6	7,7	8,8	22,1
2021	4035581	283712	248937	219904	752553	7,0	6,2	5,4	18,6
2026	3981510	255515	283816	249699	789030	6,4	7,1	6,3	19,8
2031	3914010	225671	259766	283704	769141	5,8	6,6	7,2	19,6

* Показатели за 2013 г. приведены по данным текущего учета; за 2021 и последующие годы – прогноз Росстата (средний вариант).

В среднесрочной перспективе трансформация возрастной структуры населения и сокращение численности и удельного веса молодежи охватит большинство регионов России. Такая ситуация потребует внесения коррективов в молодежную политику. В этих условиях особое внимание потребуется уделять проблемам совершенствования системы образования и оптимизации профессиональной структуры подготовки специалистов и рабочих кадров.

© Галин Р.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Галин Рифхат Асхатович (г. Уфа, Россия) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела социально-экономических исследований Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (450008, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40; e-mail: bagsu@rb.ru).

Galin R.A.

YOUTH IN CONTEXT OF SOCIO-DEMOGRAPHIC AND ECONOMIC FUNCTIONS

Abstract. *The article deals with the age limit of youth and their relationship with socio-demographic features. The role of youth in population reproduction is investigated. In this regard we consider fertility, mortality, migration, family and marriage relations of young people. Correction of socio-demographic policy in connection with the number and proportion of young people in the population reduction is implied.*

Keywords: youth, age limits of young people, socio-demographic and economic features of young people, forecast of the number of young people, youth policy.

Information about the author

Galin Rifhat Ashatovich (Ufa, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Social and Economic Studies, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of the Republic of Bashkortostan (40, Zaki Validy St., Ufa, 450008, Russia; e-mail: bagsu@rb.ru).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЬИ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции рождаемости на территории Свердловской области. Раскрыты количественные и качественные изменения различных аспектов формирования семьи. Выявлены основные факторы влияния на демографическую ситуацию области, сделан вывод об эффективности существующих государственных программ.

Ключевые слова: демографические тенденции, рождаемость, брачность, разводимость.

Демографическая ситуация Свердловской области характеризовалась снижением рождаемости и появлением признаков депопуляции с 90-х гг. прошлого столетия. Отсутствие у людей уверенности в завтрашнем дне, а также недостаточно активная социально-демографическая политика привели к резкому сокращению демографического прироста, снижению количества многодетных семей.

Правительство Свердловской области осуществляет ряд мер, стимулирующих создание условий для благополучия человека и улучшения социальной ситуации в регионе, в частности, постановление Правительства Свердловской области от 6 марта 2013 г. № 242-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 27.08.2007 № 830-ПП «О программе демографического развития Свердловской области на период до 2025 года («Уральская семья»)». В прогнозном периоде программы до 2050 г. в обоих вариантах демографического развития ожидается прирост населения области за счет факторов естественного движения населения и миграции. Однако в условиях активных мер по реализации комплекса мероприятий, направленных на народосбережение, естественный прирост станет основным источником формирования численности населения области. Общая динамика демографических тенденций в 2011–2050 гг. будет иметь волнообразный характер.

На сегодняшний день меры демографической политики являются достаточно эффективными, ситуация характеризуется тенденцией выхода из демографического кризиса. Позитивные сдвиги в демографической обстановке в Свердловской области наметились еще в 2005 г.: повысилась рождаемость и появилась тенденция к снижению уровня естественной убыли населения. По итогам 2014 года естественный прирост населения составил более 2,3 тыс. человек, таким образом наблюдается рост показателей рождаемости и снижение показателей смертности населения. В работе применен математический метод прогнозирования – построение полиномиальной линии тренда, согласно которой население Свердловской области продолжит увеличиваться (рис. 1).

Региональные программы демографического развития являются наиболее эффективными инструментами демографической политики государства, основными направлениями которой являются концентрация на решении актуальных проблем конкурентного субъекта, выявление ключевых проблем воспроизводства населения в регионе и определение наиболее важных направлений решения задач демографического развития. В последние годы в субъектах Российской Федерации значительно выросла деятельность по разработке и реализации региональных программ демографического развития.

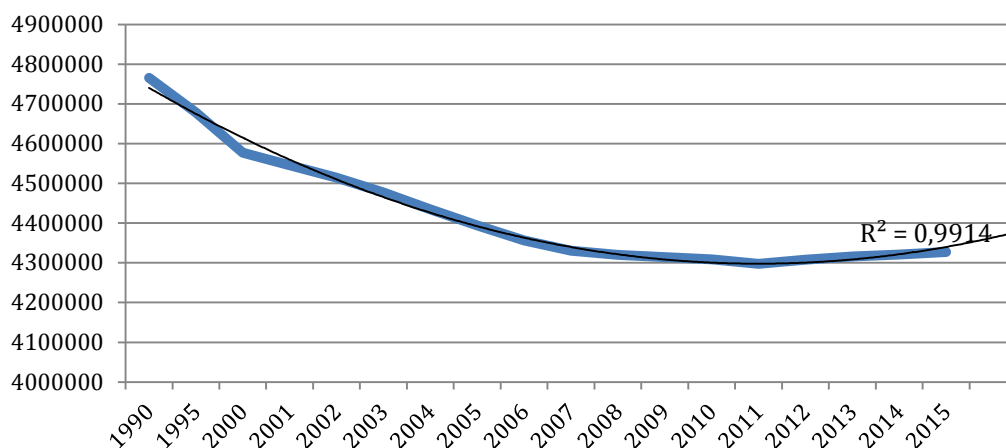

Рисунок 1. Численность населения Свердловской области 1990–2015 гг.

Согласно докладу Министерства экономики Свердловской области от 12.01.2015 г. «О демографической ситуации в Свердловской области», основными мерами, способствующими выравниванию демографической ситуации, являются улучшение репродуктивного здоровья населения, профилактика аборт, поддержка молодых и многодетных семей, содействие в улучшении жилищных условий семей с детьми, развитие социальной политики в области создания условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью.

На данный момент разрабатывается областная программа «Здоровье уральцев», составной частью которой является подпрограмма «Репродуктивное будущее Свердловской области: от детства к материнству». В данной концепции основной упор будет сделан на профилактику абортов, а также повышение качества оказания медицинской помощи, особенно в сельской местности. Несмотря на явные успехи в области поддержки репродуктивного здоровья, такие как снижение в три раза по сравнению с 2008 годом материнской смертности, спад младенческой смертности и количества искусственных прерываний беременности, данные проблемы по-прежнему сохраняют свою остроту: например, на 100 родов в Свердловской области приходится около 79 абортов. Введение медикаментозного и вакуумного способа прерывания беременности в программу обязательного медицинского страхования, как более безопасных и щадящих организм женщин, способствует сохранению репродуктивного потенциала.

Развивается дошкольное образование, что позволяет добиваться роста рождаемости. За четыре предыдущих года введено почти 49 тысяч дополнительных мест в детских садах, таким образом за 2 года фактическая очередь в дошкольные образовательные учреждения снизилась почти в 2,5 раза. В области создания условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью с начала 2014 года на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации направлено 876 женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, в текущем году планируется обеспечить данными мерами поддержки 1100 женщин.

Поскольку сердечно-сосудистые заболевания являются одной из основных причин смертности населения, выстраивается система оказания кардиологической помощи: создана сеть первичных сосудистых центров, развивается кардиохирургия, внедряются телекоммуникационные технологии.

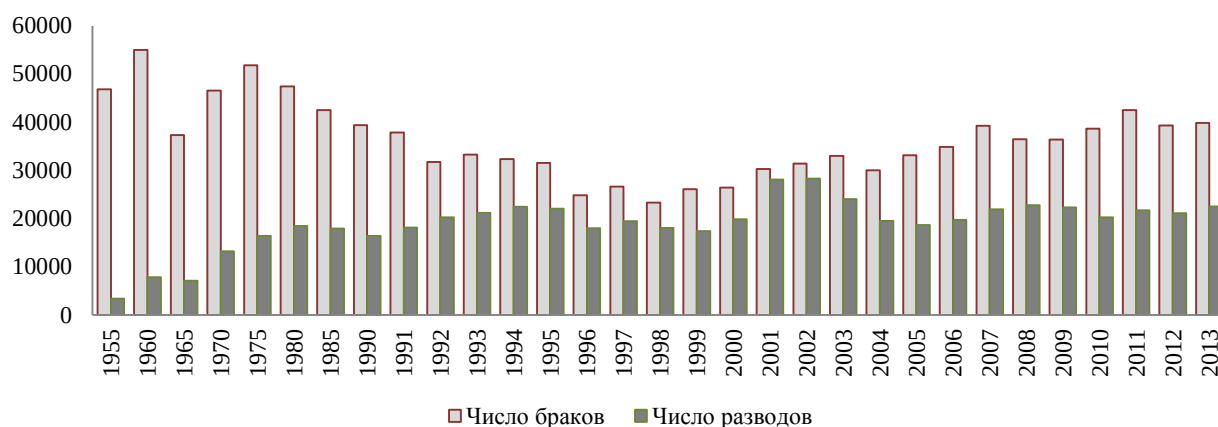

Рисунок 2. Соотношение числа браков и разводов на территории Свердловской области в 1955–2013 гг.

Происходят изменения не только в количественных показателях формирования семьи, институт семьи претерпел и качественные изменения. Например, в последние 50 лет отчетливо виден кризис института брака. Как мы видим на рис. 2, в области растет число разводов, ежегодно около 30000 пар распадаются. Согласно государственному выборочному обследованию «Семья и рождаемость», еще большую проблему составляют незарегистрированные браки – только 10,8% состоящих в незарегистрированном браке женщин собираются обязательно зарегистрировать брак. В случае же беременности каждая пятая в такой ситуации не собирается этого делать. И даже в случае рождения ребенка менее половины (43,9%) женщин обязательно собираются регистрировать свой брак. Такая ситуация грозит ростом родителей-одиночек, отказов от детей, что в конечном итоге ведет к социальной нестабильности.

Таким образом, несмотря на явное ухудшение демографической ситуации на территории Свердловской области в прошлом, на сегодняшний день намечаются тенденции к увеличению естественного прироста, росту многодетных семей, снижению смертности. Государственная политика в области демографической поддержки на данный момент является эффективным инструментом выхода из демографического кризиса. Однако поскольку в репродуктивный возраст вступает поколение 1990-х, поколение «демографической ямы», необходимо введение новых технологий и еще большая поддержка семьи для удержания этого спада. Перед региональными властями стоит первоочередная задача внесения изменений в муниципальные программы демографического развития в части учета дополнительных мер повышения рождаемости.

Библиографический список

1. О демографической ситуации в Свердловской области в 2014 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.midural.ru/sites/default/files/files/demografiya.pdf>.
2. Талалаева Г. В. Социальная демография: учебное пособие. Екатеринбург: УРФУ им. Б. Н. Ельцина, 2010.
3. Демографический ежегодник России. 2014: Стат. сб./ Росстат. М., 2014.
4. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014: Стат. сб./ Росстат. М., 2014.
5. Здравоохранение в России. 2013: Стат. сб./ Росстат. М., 2013.

6. Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oblgazeta.ru/society/16077/>

7. Информационно-аналитические материалы Губернатора Свердловской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gubernator96.ru/news/show/id/3108>

8. Официальная статистика Свердловской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sverdl.gks.ru>.

© Гареева Я.Р., Митягин А.М., 2015. Текст.

Информация об авторах

Гареева Яна Ришатовна (г. Екатеринбург, Россия) – студентка 3 курса Института го-сударственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13б; e-mail: gareeva_yana@mail.ru).

Митягин Александр Максимович (г. Екатеринбург, Россия) – студент 3 курса Института го-сударственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 13б).

Gareeva Ya. G., Mityagin A. M.

MAIN TRENDS IN THE FORMATION OF FAMILY IN THE SVERDLOVSK REGION

Abstract. *The article describes the basic trends of fertility in the Sverdlovsk region. The quantitative and qualitative changes in various aspects of family formation, basic factors influencing on the demographic situation of the region are revealed. The conclusion on efficiency of the existing state programs is drawn.*

Keywords: demographic trends, fertility, marriages, divorces.

Information about the authors

Gareeva Yana Rishatovna (Yekaterinburg, Russia) – 3rd year student of the Institute of Public Management and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (13B, Lenin ave., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: gareeva_yana@mail.ru).

Mityagin Alexander Maksimovich (Yekaterinburg, Russia) – 3rd year student of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (13B, Lenin ave., Yekaterinburg, 620014, Russia).

УДК 314.06

Ильвес Э.В.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД КАК ФЕНОМЕН ПРЕКАРИЗИРОВАННОЙ ЗАНЯТОСТИ

Аннотация. *В статье рассматриваются признаки прекаризированной занятости, проявляющиеся в родительском труде. Выделены особенности родительского труда, его объекты и субъекты. Методами сравнительного теоретического анализа показано, что родительский труд прекаризирован, субъекты родительского труда не защищены в социальном плане, не идентифицируют себя как субъекты труда, ограничены в своих правах. В то же время и сам родительский труд выступает фактором, определяющим будущую прекаризацию профессионального труда родителя.*

Ключевые слова: родительский труд, прекариат, прекаризированная занятость.

Нынешняя социально-экономическая ситуация в мире приводит к всеобщей коммерциализации труда. Эта система поощряет конкуренцию и гибкость как ключевые требования, присущие субъектам рынка труда. Под предлогом стремления к гибкости можно провести сокращение штата, заработной платы, поменять название должности и профессиональные обязанности сотрудников. Гибкость рынка труда ведет к росту численности людей с незащищенной формой занятости, к расширению слоя так называемого «прекариата». Проблемы прекаризации труда изучаются ведущими мировыми социологами и экономистами. Президент Международной социологической ассоциации Майкл Буравой отмечает, что растущая коммерциализация рынка труда непосредственно влияет на увеличение численности прекариата [5, с. 20].

Термин «прекариат» (англ. precarious – ненадежный, шаткий, неуверенный) сформировался в связи с распространением так называемых прекариальных условий труда, которые можно распознать по четырём признакам: отсутствие стабильной занятости, отсутствие гарантий и защищенности, отсутствие профессиональной самоидентификации, сужение, а часто отсутствие гражданских, политических и экономических прав.

Субъектам прекаризованного труда свойственны такие личностные характеристики, как недовольство социальной незащищенностью, утрата ориентиров в отношении профессиональной самоидентификации, беспокойство за рабочее место и отчуждение от труда.

Прекаризованная занятость мало зависит от сферы деятельности работника и может возникнуть практически в любом виде профессионального труда. Кто пополняет ряды прекариата? Можно сказать: на самом деле все, большинство из нас. От этого никто не застрахован, и оказаться в прекариате может едва ли не каждый – из-за несчастного случая или если кризис уничтожит все «подушки безопасности», на которые мы привыкли полагаться. При этом не следует забывать, что прекариат – это не только жертвы обстоятельств: одни попадают в прекариат, потому что отказываются от доступных альтернатив, другие – потому что это их в данный момент устраивает. Короче говоря, прекариат многолик», – заключает Гай Стэндинг [3, с. 109].

Прекариат неуклонно растет численно и включает в себя все новые страны и формы социальной жизни; его черты можно увидеть в труде временных рабочих-мигрантов, фрилансерской занятости, в творческих профессиях, родительском труде.

Родительский труд – это сознательная, целесообразная деятельность субъектов труда, с помощью которой они формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала детей, удовлетворяя в процессе этого труда как общественные, так и личные потребности [2, с.6]. Объектом родительского труда является личность и ее характеристики, а предметом (продуктом) – человеческий капитал [2, с.7]. Родительский труд включает в себя подготовку к рождению детей, рождение детей, уход за ними, а также их социализацию и обучение. Участниками этого процесса могут быть как родители, так и другие – понимаемые в широком смысле – субъекты родительского труда, а именно – родственники, специалисты сферы образования, здравоохранения, физической культуры и спорта, социальной защиты.

Характер родительского труда описывается через такие особенности, как свобода его реализации, сочетание в нем элементов личного и общественного труда. Родительский труд – это в основном самонаемный труд; он может быть как групповым, так и индивидуальным; сочетает в себе видимые и невидимые действия; это добровольный труд; труд с нематериальным результатом. Это значимый и важный для общества труд, но в то же время, непрестижный и низкостатусный; длительный, постоянный, практически неоплачиваемый [2, с.11].

Наряду с вышеперечисленными особенностями родительский труд обладает комплексом признаков, присущих прекаризованному труду. Учитывая недостаточную исследованность данного вопроса в российской науке, рассмотрим его основные характеристики.

1) *Отсутствие стабильной занятости (работа по срочному трудовому контракту, устным договоренностям, договорам подряда).* Рождение ребенка, необходимость ухода за малышом, его социализация, детские болезни, тревоги забирают у родителей силы и время, делают их уязвимыми в профессиональном плане. Отпуск по уходу за ребенком может стать началом прекаризации, роста вероятности сокращения на основном месте работы и перехода на другие условия занятости, на работу с неполным рабочим днем, работу по договору подряда.

2) *Отсутствие гарантий и защищенности у субъектов труда (пенсий, пособий по безработице, медицинской страховки).* Родительский труд не гарантирует качество его конкретного результата, благодаря которому родители были бы материально и психологически поддержаны в старости. Отсутствие достойно оплачиваемой работы влечет за собой отсутствие налогов, отчислений, пособий по безработице и помощи в пенсионном возрасте. Родительский труд не обеспечивает надежного положения в случае болезни самого субъекта родительского труда, болезни или смерти родителя.

Родительский труд связан с неопределенностью будущего. Каждый новый этап в развитии ребенка несет с собой новое, неопределенное. Ошибки в воспитании могут иметь различные последствия.

3) *Отсутствие профессиональной самоидентификации у субъектов труда.* Родителями, как правило, становятся в молодости, когда профессиональная карьера еще строится. Серьезный родительский труд мешает карьере, профессиональной идентификации в обществе. Кроме того, на сегодня отсутствует профессия «родитель», не существуют такие сопровождающие трудовую деятельность элементы, как должное обучение, нормирование и тарификация труда, социальный пакет, охрана труда.

4) *Сужение (отсутствие) гражданских, политических и экономических прав субъектов труда.* Родители в отношении самих себя (не своих детей) имеют не так много прав. Как правило, они не знакомы с принципами защиты (социальной, экономической, политической), и не имеют возможности защитить свои позиции и права.

Таким образом, родительский труд можно рассматривать в качестве прекаризованного, поскольку субъекты родительского труда (родители) не защищены в социальном плане, не идентифицируют себя как субъекты труда, ограничены в своих правах. В то же время, и сам родительский труд выступает катализатором будущего прекаризованного профессионального труда.

Тема прекаризации родительского труда является сегодня крайне актуальной. Это, в частности, связано с тем, что уровень занятости российских женщин, имеющих детей дошкольного возраста (0-6 лет), достаточно высок и находится в пределах 63-65%% [4].

Социологические исследования мотивации и стимулирования родительского труда в оценке будущих родителей, проведенные в Уральском регионе, зафиксировали противоречивость образа родительства: в сознании части респондентов присутствуют представления одновременно и о позитивных, и о негативных сторонах наличия детей. Среди негативных факторов большинство респондентов отмечают, что родительство является низкостатусным, экономически некупаемым и, как следствие, дающим мало преференций его субъектам в экономическом, социальном и психологическом аспектах [1, с.89].

Профессиональный и родительский труд решают важные задачи общества. Тем не менее, общественное отношение к этим видам труда существенно различается. Чтобы родительский труд не воспринимался как прекаризованная занятость, необходимо предусмотреть нормы, делающие его привлекательным, ввести систему выплат и надбавок за неустойчивость трудовых отношений, а также минимальные гарантии, обеспечивающие общественно приемлемое качество жизни.

Библиографический список

1. Багирова А.П. Государственная семейная политика в Уральском регионе: опыт и новые социальные практики: [монография] / А.П. Багирова, Ю.Ю. Антропова, А.И. Ворошилова, М.В. Певная, М.С. Предеина, О.М. Шубат / под общ. ред. проф. А.П. Багировой, О.М. Шубат ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. . Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 200 с.
2. Багирова А.П. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона: монография / А.П. Багирова, О.М. Шубат, А.И. Ворошилова, С.В. Витик, М.М. Пшеничникова, И.В. Полушкина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 271 с.
3. Стэндинг, Гай. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. . 328 с.
4. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gks.ru/> (дата обращения 10.05.2015).
5. Michael Burawoy. Facing an unequal world. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://csi.sagepub.com/> (дата обращения 15.04.2015).

© Ильвес Э.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Ильвес Эдгар Владиславович (г. Екатеринбург, Россия) – аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: edgar-ilves@yandex.ru).

Ilves E.V.

PARENTAL LABOUR AS PHENOMENON OF PRECARIOUS EMPLOYMENT

Abstract. *This article describes features of precarious employment from the perspective of parental labour. Properties and features, objects and subjects of parental labour were characterized. By using methods of theoretical analysis it is shown that parental labour is precarious,*

subjects of parental labour are not protected in social way and don't identify themselves as subjects of labour, they only have limited rights. At the same time, parental labour is a factor for increasing future precarisation of parent's professional labour.

Keywords: parental labour, precariat, precarious employment.

Information about the author

Ilves Edgar Vladislavovich (Yekaterinburg, Russia) – Postgraduate Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: edgar-ilves@yandex.ru).

УДК 314.3

Комбарова Т.В.

ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматривается динамика рождаемости в Тюменском регионе, включающем в себя три полноправных субъекта Российской Федерации. Делается попытка выяснить причины роста и последующего развития динамики рождаемости.

Ключевые слова: Тюменский регион, население, рождаемость, естественный прирост, семья.

Тюменская область – одна из крупнейших областей Российской Федерации – была образована в 1944 году, территория составляет 1435,2 тысяч квадратных километров. В ее состав входят два автономных округа – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. В ряду других субъектов Федерации, расположенных за Уральским хребтом, ее отличают не только богатые природные ресурсы, но и более выгодное географическое положение, близость к экономически развитым районам европейской части страны. Численность населения Тюменской области резко выросла во второй половине XX века, когда в связи с открытием крупных месторождений нефти и газа начал формироваться топливно-энергетический комплекс. Некогда сельскохозяйственная область приняла специалистов и рабочих многих национальностей, которые часто оставались жить в регионе. В настоящее время в Тюменском регионе проживают 3546,3 тысяч человек, что составляет 2,5% общей численности населения Российской Федерации [6].

Миграционный прирост населения Тюменского региона, характерный для XX века, с 2000 года сменился естественным приростом. Коэффициент естественного прироста в 2013 году составил 8,8 на 1000 чел. населения, что, конечно, меньше, чем например, в 1990 году, но в 7 раз больше, чем в 2000 году. Наибольший коэффициент естественного прироста населения дает население северных округов. На юге области только в 2007 году отрицательный коэффициент сменился положительным и быстрыми темпами вырос с 0,9 до 5,1. В Уральском федеральном округе Тюменская область стабильно держит первое место по показателю естественного прироста населения.

Увеличение рождаемости связано с вступлением в репродуктивный возраст многочисленного поколения, рожденного в 1980-х годах, после того как было принято Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 22 января 1981 г. №235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [3]. В настоящее время в этот возраст вступает поколение, рожденное в 1990-х годах, когда спад рождаемости был наиболее заметен, поэтому ожидать очередного

всплеска рождаемости или даже того, что она останется на том же уровне, что и в настоящее время, не приходится. «Закон о материнском капитале» [2] несколько поднял рождаемость в стране и в Тюменской области. Однако необходимо помнить, что в большинстве своем вторые дети – это «запланированные» дети, но их рождение по каким-либо причинам было отложено либо «до лучших времен», либо до той поры, когда подрастет первый ребенок. Для того, чтобы семьи были двух-, трехдетными, одних материальных поощрений матерям недостаточно. В Ханты-Мансийском округе рождаемость начала резко возрастать с 2001 года после того, как начала реализовываться Губернаторская программа «Молодой семье – доступное жилье», которая помогает молодой семье приобрести новое жилье с учетом льгот, окружной субсидии по рождению (усыновлению) ребенка [1]. На юге области стабильный положительный естественный прирост начался с 2007 года.

Таблица 1

Коэффициенты естественного прироста (на 1000 чел. населения) [7]

Регион	1990 г.	2000 г.	2002 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Тюменская область	9,6	1,3	2,5	3,9	5,4	6,1	6,7	7,1	7,6	8,8	8,8
в том числе:											
ХМАО – Югра	12,9	4,5	6,5	7,0	8,0	8,7	9,1	9,6	9,9	11,4	11,2
ЯНАО	13,1	6,1	7,3	7,7	9,1	9,4	10,1	10,3	10,2	11,4	11,5
Юг ТО	5,2	-5,1	-4,6	-0,9	0,9	1,8	2,9	3,0	3,8	4,8	5,1

Рост рождаемости, в принципе, должен отражать рост создания новых семей, т.е. рост брачности. Однако наблюдаемый с 2000 года рост брачности к 2013 году постепенно снижался. Это коснулось всех субъектов региона и этот процесс закономерен. Многочисленное поколение, рожденное в начале 1980-х годов в пору тогдашней демографической политики, уже либо вступили и живут в браке (первом или последующем, зарегистрированном), либо живут, не узаконивая отношений, либо остаются одиночками. Поколение, вступающее в брачный возраст, родилось в 1990-х годы, когда резко упала рождаемость.

Ситуация с разводами остается напряженной. В 2013 году несколько снизился коэффициент разводимости, но на юге области он остался таким же, как и в 2011 году, в ЯНАО – снизился незначительно. Это, может быть, и не связано со снижением количества заключенных браков, для достоверной оценки нужно знать количество лет, прожитых в браке до развода, что статистика не учитывает.

В рамках проекта «Социокультурный портрет региона» про поддержке фонда РГНФ в 2006, 2009, 2011, 2013 гг. были проведены социологические исследования во всех трех субъектах Российской Федерации, входящих в Тюменскую область [4, 5].

Как показали опросы, «законный» брак больше стимулирует рождение детей. В 2013 году в раздел «семейное положение» был включен пункт «живем вместе, но не зарегистрированы», ответы на который показали, что в таких семьях обычно рожают одного, редко двух детей, а в основном это бездетные пары. Очень много детей после развода остаются с одним родителем. В большинстве таких неполных семей остается один ребенок, таких семей даже больше, чем полных с одним ребенком. Неполных семей с двумя детьми также немало, с тремя детьми – уже значительно меньше.

Из данных опроса 2013 года можно увидеть, что в незарегистрированном браке предпочитают жить люди в возрасте от 18 до 35 лет, причем на юге области этот период растягивается до 44 лет, затем заметно идет на спад, в ХМАО – от 18 до 39 лет, в ЯНАО – от 20 до 29 лет.

В полных семьях чаще имеется 1-2 ребенка, причем семей с двумя детьми гораздо больше, как в северных округах, так и на юге области. Семьи с тремя детьми принадлежат более старшей возрастной группе от 50 лет. По трое детей воспитывается в полных семьях в возрастных группах от 35-39 лет и старше, в этих же возрастных группах находятся и двухдетные семьи. Но больше всего детей (трое и больше) в семьях людей возрастной группы от 50 и старше (они же чаще всего относятся к категории «вдовец/вдова»).

Увеличивается число внебрачных рождений, которые составляют 28% от из общего числа, причем данная тенденция сохраняется во всех субъектах Тюменской области. Большая часть внебрачных рождений приходится не на молодежь до 20 лет и женщин после 35 лет, а на людей в основных репродуктивных возрастах от 20 до 35 лет, что может говорить о сознательном выборе людей и трансформации института семьи и брака. Не последнюю роль в этом играет уменьшение значения института отцовства в целом. Стереотипы поведения, сложившиеся в неполных семьях, программируют женщин на рождение и воспитание ребенка вне брака, а также в общественном мнении статус матери-одиночки выше, чем незамужней женщины без детей и почти идентичен статусу замужней женщины или вдовы.

Таблица 2

Численность детей, родившихся в Тюменской области в браке и вне брака [7]

Регион	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
ЯНАО:											
в браке	4448	5086	5507	5228	5807	6011	6266	6449	6396	7053	6955
вне брака	1352	1514	1757	1808	1893	1881	1950	1814	1862	2017	1996
ХМАО:											
в браке	11606	14094	14966	15243	16561	17966	18738	19918	20192	22306	22386
вне брака	3994	4906	5411	5123	5326	5231	5102	5171	5201	5504	5375
Юг ТО:											
в браке	8500	10135	10924	11420	13006	14535	15384	15528	16091	17316	17660
вне брака	4300	4665	5173	5227	5435	5419	5552	5641	5463	5757	5477

Причины, приводящие к разрушению семьи, с 2009 года остаются неизменными. В 2006 году на первом месте были низкие доходы, которые не могли обеспечить нормальный уровень существования семьи. Но с 2009 года на первое место выходят «характер людей, их эмоции». Даже в разрезе округов этот показатель фактически одинаков – в 2013 году от 40% до 42% (табл. 3). Материальные проблемы остаются на втором месте и снижение количества ответов также не значительно (на прежнем уровне юг области – 38%; на 8% острота снизилась в ХМАО и на 9% – в ЯНАО).

Жилищные условия остаются на 3-м месте, их острота также снизилась, но незначительно. Вызывает большое беспокойство высокий ранг ответа «характер, эмоции», ведь именно здесь заложены проблемы воспитания и готовности к семейной жизни.

Таблица 3

Причины разрушения семей в Тюменской области (% от числа опрошенных) [4, 5]

Причины	Юг ТО			ХМАО			ЯНАО		
	2006 г.	2009 г.	2013 г.	2006 г.	2009 г.	2013 г.	2006 г.	2009 г.	2013 г.
Думаю, дело главным образом в характере людей, в их эмоциях	42	41	41	42	35	40	38	41	42
Многое зависит от нравственности людей, от приверженности нормам религии	12	15	18	13	13	19	9	13	13
Скорее, человек рассчитывает, что ему выгоднее: сохранить семью или покинуть её	9	16	15	15	16	15	12	15	14
Часто мешают плохие жилищные условия	42	34	30	43	32	29	43	36	29
У многих просто нет средств, чтобы нормально обеспечить семью	60	38	38	45	38	30	53	43	34
Не знаю, нет ответа	4	4	6	8	12	9	7	8	10

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, мешает росту рождаемости в нашем регионе?» (% по столбцу) [4, 5]

Ответы	Юг ТО			ХМАО			ЯНАО		
	2006 г.	2009 г.	2013 г.	2006 г.	2009 г.	2013 г.	2006 г.	2009 г.	2013 г.
Многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка	30	30	30	27	24	26	28	30	25
Государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми	39	18	22	29	15	20	38	16	17
Плохие жилищные условия	40	39	35	44	34	37	42	37	33
Низкие доходы	60	48	54	54	42	43	48	43	39
Плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах	7	6	4	7	7	3	6	6	5
Ничто не мешает, в нашем регионе благополучно с ростом численности населения	4	9	6	8	17	10	7	13	15

Интересные выводы можно сделать при сопоставлении данных о причинах разрушения семей и о том, что же мешает росту рождаемости. Росту рождаемости в первую очередь мешают низкие доходы, причем в гораздо большей степени, чем плохие жилищные условия. То есть семья может еще пережить неблагоприятные жилищные условия, но когда рождаются дети, то ухудшаются не только жилищные условия, но и доход семьи. По сравнению с 2009 годом возросла доля респондентов, считающих, что государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми. Этот вариант ответа весьма значим, и говорит он скорее о росте патерналистских ожиданий среди граждан, чем о реальной ситуации. Социальные выплаты населению стабильно растут, и достигли в 2011 году 14% в структуре доходов жителей региона.

Главная особенность Тюменской области, отличающая ее от других, – перспективность региона в плане занятости населения, политика администраций области и регионов по поддержке молодых семей с детьми, высококвалифицированных мигрантов из стран СНГ. Молодое население, привлекаемое в регион, не боится создавать семьи и рожать не одного ребенка, а двоих, реже – троих. Несмотря на то, что демографическую ситуацию в Тюменском регионе в настоящее время можно считать благополучной, не следует забывать о том, что в ближайшее время число женщин репродуктивного возраста сократится, а число людей старшего возраста увеличится, то есть нас опять ждет снижение рождаемости и увеличение смертности. Правительству региона необходимо сосредоточить внимание на создании условий для семей, имеющих детей, молодых семей, пенсионеров. Необходимо увеличивать число медицинских работников, знающих приемы работы не только с детьми, людьми среднего возраста, но и со стариками.

Библиографический список

1. О губернаторской программе МЖК Ханты-Мансийского автономного округа 2001-2010 годов «Молодой семье – доступное жилье»/ Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа от 3 октября 2000г. № 248.
2. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей /Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ.
3. О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей. /Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 22.01.1981г. № 235.
4. Социокультурная эволюция и динамика социально-экономического развития Тюменского региона /Коллективная монография/ Сост. и общ. ред. Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко. Тюмень, ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», Тюменская областная Дума, 2013. С.30.
5. Характеристика социокультурного развития Тюменского региона/ Информационно-аналитический сборник/ Сост. и общ. ред. Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Давыденко. Тюмень, Тюменский государственный университет, Тюменская областная Дума, 2013. С.24.
6. Статистический ежегодник: Стат. сб. в 4-х ч. Ч.1 (1) Тюменская область/Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014. 349 с.
7. Демографический ежегодник (2003-2013): Стат. сб. в 4-х частях. Ч.1., Ч.2., Ч.3., Ч.4. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2014.

© Комбарова Т.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Комбарова Татьяна Викторовна (г. Тюмень, Россия) – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный университет (625000, г. Тюмень, ул. Семакова, 10; e-mail: tvkombarova@mail.ru).

Kombarova T.V.

DYNAMICS OF BIRTH RATE IN THE TYUMEN REGION

Abstract. *In the article dynamics of birth rate in the Tyumen region including three full subjects of the Russian Federation is considered. The attempt to find out the reasons of growth and the subsequent development of birth rate dynamics is made.*

Keywords: Tyumen region, population, birth rate, natural increase, family.

Information about the author

Kombarova Tatyana Viktorovna (Tyumen, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Tyumen State University (10, Semakov St., Tyumen, 625000, Russia; e-mail: tvkombarova@mail.ru).

УДК 314.3

Ласточкина М.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Аннотация. *Изменение модели рождаемости происходит таким образом, что рождение первенца откладывается на несколько лет, за это время молодые женщины стремятся получить хорошее образование и сделать удачную карьеру. Низкий уровень жизни большинства семей отражается на числе детей, которых оказывается меньше желаемого.*

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивное здоровье, желаемое число детей, заболеваемость, регион.

В задачах повышения социально-экономического развития страны вопросы развития социальной и непроеизводственной сферы становятся весьма актуальными, поскольку все больше значение придается таким аспектам, как развитие здравоохранения, образования, культуры, состояния окружающей среды и т.п., то есть того, что определяет достойные условия жизни людей. Между демографическими и социально-экономическими процессами существует система взаимодействий, которую необходимо учитывать при определении перспектив экономического и социального развития страны и ее регионов. Следовательно, в первую очередь необходимо иметь полную и правдивую информацию о демографической ситуации, характеризующейся прежде всего тенденциями таких показателей, как рождаемость, смертность, миграция, продолжительность жизни, половой и возрастной состав населения, браки, разводы.

Изменение модели рождаемости – откладывание рождения детей на все более поздний возраст, отказ от регистрации брака – стало отмечаться в Вологодской области, как и в целом по России, уже с середины 1990-х гг. [1]. Как

* Статья написана при поддержке гранта РНФ № 14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России».

свидетельствуют данные статистики, в 1992-1998 гг. произошла резкая смена возрастной модели рождаемости. За эти годы в 1,5 раза сократилось число детей, рожденных матерями в возрасте 15–19, 20–24 года. При этом как видно из рис. 1, когорта последних вносила максимальный вклад в уровень рождаемости. Спустя 5 лет, в 2003 г. был отмечен рост рождаемости у женщин старше 25 лет, подобная тенденция стала результатом реализации рождений, отложенных в 1990-е гг. В 2009 г. можно наблюдать уже качественно новую картину, в которой максимальный возрастной коэффициент рождаемости – среди женщин 25–29-летнего возраста. То есть экстремум рождаемости переместился с возрастной группы 20-24 года в группу 25-29 лет. Об изменении модели рождаемости также свидетельствует и увеличение длины женского поколения: в Вологодской области за 5 лет средний возраст женщины при рождении детей увеличился с 25,4 года в 1998 г. до 26,2 года в 2003 г. и до 27 лет в 2013 г.

Чтобы более детально разобраться в происходящей динамике, обратимся к суммарному коэффициенту рождаемости (СКР) и очередности рожденных детей по возрасту матери. СКР по Вологодской области в 1991 г. перестал соответствовать уровню простого воспроизводства населения, и после 10-летнего падения его значение равнялось 1,1. Поднять его уровень позволила стабилизация социально-экономической обстановки и принятые Правительством РФ меры демографической политики, а также вступление в активный репродуктивный возраст многочисленной когорты женщин. В результате этих факторов с 2001 г. отметился рост рождаемости, при котором реализовались отложенные ранее рождения. Как свидетельствуют данные территориальной статистики, в сельской местности Вологодской области падение СКР было не таким существенным, как в городах, поэтому уже в 2011 году на селе восстановилось простое воспроизводство населения (табл. 1).

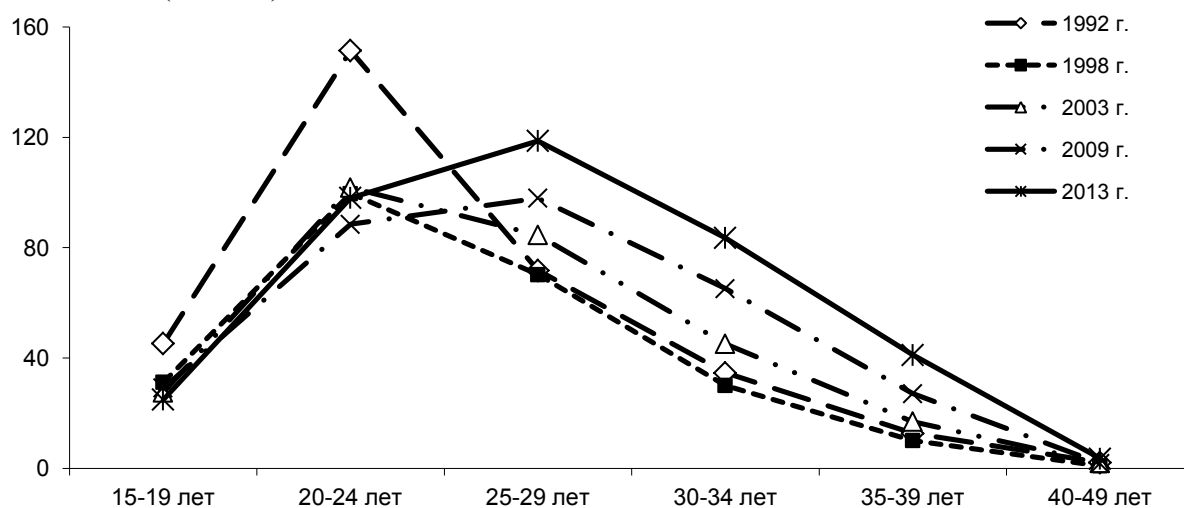

Рис. 1. Возрастные коэффициенты рождаемости в Вологодской области [4, 5]

Снижение суммарной рождаемости с начала 1990-х годов сопровождалось изменениями в распределении рождений по возрасту матери, а именно за счет сокращения рождаемости в старших возрастных группах. В переломный момент (2001 г.) стал наблюдаться процесс увеличения рождаемости, когда реализовывались отложенные рождения. Таким образом, можно наблюдать увеличение среднего возраста матери при рождении ребенка. В результате за 21

анализируемый год почти в 1,5 раза сократилась доля рождений среди матерей 20–24 лет, и на столько же она выросла в когорте 25–29 летних. Ранних родов стало в 3 раза меньше, доля женщин, рожаящих в возрасте 30–34 лет, увеличилась с 15% до 24% (табл. 2), позднородящих также стало в 2 раза больше.

Анализируя данные демографической статистики, можно отметить, что репродуктивные планы населения Вологодской области ориентированы на двух и трех детей. Доля вторых детей в 2013 г. составила 40% от общей численности родившихся живыми, что на 10 проц. пункта больше, чем в 1992 г. (табл. 3).

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости в 1989–2008 гг., число детей [5]

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1989 – 1990	2,1	1,9	2,6
1991	1,8	1,6	2,3
1992	1,6	1,4	2,1
2000	1,1	1,1	1,3
2001	1,3	1,3	1,4
2002	1,3	1,3	1,5
2003	1,4	1,3	1,8
2008	1,5	1,4	2,0
2009	1,6	1,4	2,0
2010	1,6	1,5	2,0
2011	1,7	1,5	2,3
2012	1,8	1,6	2,6
2013	1,9	нет данных	нет данных

Таблица 2

Родившиеся живыми по возрасту матери и очередности рождения по Вологодской области, в 1992 и 2013 гг., % [4, 5]

По порядку рождения	15–19 лет		20–24 лет		25–29 лет		30–34 лет		35–39 лет		40–44 лет	
	1992 г.	2013 г.	1992 г.	2013 г.	1992 г.	2013 г.	1992 г.	2013 г.	1992 г.	2013 г.	1992 г.	2013 г.
Всего	14,9	4,1	40,1	22,4	24,2	36,4	14,5	24,4	5,1	11,0	1,0	1,7
в том числе:												
первые	25,0	8,4	51,6	35,8	15,4	39,5	5,7	12,3	1,7	3,5	0,3	0,4
вторые	2,7	0,7	32,3	13,5	39,0	38,0	20,4	33,6	4,8	12,8	0,7	1,4
третьи	0,2	0,2	13,2	6,5	32,2	23,6	35,0	38,1	16,1	27,1	3,2	4,3
четвертые			5,8	4,5	27,0	18,9	39,8	31,2	24,0	34,6	3,3	10,2
пятые и более			0,6	2,4	10,5	15,7	45,7	32,4	31,2	32,9	11,4	15,2

Таблица 3

Родившиеся живыми по очередности рождения по Вологодской области, % [4, 5]

По порядку рождения	Городское и сельское население		Городское население		Сельское население	
	1992 г.	2013 г.	1992 г.	2013 г.	1992 г.	2013 г.
первые	56,2	45,1	62,8	45,9	44,6	43,1
вторые	30,4	40,2	28,9	41,3	33,1	37,5
третьи	8,5	11,1	5,9	10,2	13,0	13,2
четвертые	2,6	2,3	1,3	1,7	4,9	3,7
пятые и более	2,3	1,3	1,1	0,8	4,4	2,5

Увеличение рождаемости произошло также и в связи с рождением третьих детей, в особенности среди городского населения (их доля выросла с 6 до 10%). По данным социологических опросов изучения репродуктивного потенциала населения Вологодской области¹⁷, проведенных в 2005 и 2014 гг., число желаемых детей снизилось с 2,20 до 2,02 ребенка, при этом незначительно возросло планируемое количество детей в семье – с 1,77 до 1,81 [3]. Подобная тенденция свидетельствует о том, что жители области стали теснее соотносить свои желания и возможности, все более ориентируясь на социально-экономическую обстановку и свои материальные возможности. Также отметим, что их репродуктивные планы отвечают суженному воспроизводству населения, поэтому повышение репродуктивных установок является основной задачей демографической политики региона. Сложность формирования репродуктивных установок у женщин под воздействием имеющихся социокультурных и гендерных факторов, практическое отсутствие полового воспитания среди подростков определяют необходимость поиска резервов расширения воспроизводства населения. К основным следует отнести разработку мероприятий, направленных на социально-гигиеническое просвещение населения о методах контрацепции и вреде абортов, улучшение репродуктивного здоровья женщин фертильного возраста, повышение эффективности работы акушерско-гинекологической службы.

Кроме роста рождаемости, для Вологодской области характерен рост удельного веса детей, родившихся в зарегистрированном браке. В 2013 г. 72% детей родились в полных семьях, что на 8 проц. пункта больше, чем в 2003 г. Сократилось и относительное число разводов: так, если в 2003 г. на 10 браков приходилось 8,5 разводов, то в 2013 г. их стало 5,3. Еще одним положительным моментом в демографической обстановке является сокращение числа прерываний беременности: в 2013 г. на 100 родов приходилось 83 аборта, а 10 лет назад этот показатель был равен 175. Заканчивают беременность абортом жительницы сельской местности значительно чаще (в 1,5-4 раза), чем городской.

Что касается самого периода беременности и родов, то данные официальной статистики Вологодской области [6] констатируют рост заболеваемости, связанной с осложнениями беременности и родов, – с 43,4 в 2000 г. до 70,4 в 2012 г. (на 1000 женщин фертильного возраста). Подобная ситуация свидетельствует об ухудшающемся здоровье женщин репродуктивного возраста, а также накладывает негативный отпечаток на здоровье детей. Также отметим рост и высокие показатели первичной заболеваемости населения области (868 случаев на 1000 человек населения в 2012 г.), которые выше, чем в среднем по России, на 7%. Заболеваемость среди детей и подростков (0–17 лет) значительно выше, чем среди взрослых. Таким образом, наблюдается неблагоприятная ситуация с соматическим здоровьем населения в целом и в особенности – подрастающего поколения.

Основой современных тенденций рождаемости является поиск оптимальной модели жизненного пути человека, отвечающего складывающейся реальности, а именно: высоких требований к образованию, уровню материального благосостояния, возросшей роли женщины в формировании дохода семьи. Кроме того люди выстраивают важнейшие события в своей жизни, все более опираясь на

¹⁷ Анкетные опросы населения Вологодской области (г. Вологда, г. Череповец и 8 районов области) были проведены ИСЭРТ РАН в 2005 и 2014 гг. Объем выборки 1500 респондентов репродуктивного возраста.

социально-экономическую и политическую обстановку в стране, и все менее учитывая традиционные представления и нормативные ограничения. Базовыми изменениями происходящих перемен представляются: расширение свободы выбора семейных отношений, трансформация моральных принципов поведения, появление новейших репродуктивных технологий.

Ситуация такова, что рождение ребенка откладывается молодыми женщинами, которые стремятся получить хорошее образование и сделать удачную карьеру, что приводит к повышению среднего возраста матери. А низкий уровень жизни большинства семей отражается на числе детей, которых оказывается меньше желаемого.

В данной обстановке меры социальной политики, которые могут повлиять на уровень рождаемости, можно разделить на две основные группы:

- меры непосредственного финансового стимулирования рождаемости, что, собственно, было сделано введением материнского капитала с 2007 г., но теперь требуется подобные эффективные шаги для стимулирования рождения третьего (или последующего) ребенка;

- меры опосредованного влияния, среди них наиболее актуальны для Вологодской области: обеспеченность детей детскими садами с полутора-двухлетнего возраста, оплата отпуска по уходу за ребенком до 3 лет, квалифицированное медицинское обслуживание, оздоровление детей в лагерях и санаториях, система пособий семьям с детьми.

Одним из важных резервов для повышения уровня рождаемости является снижение числа аборт, что требует не только повышения уровня культуры населения в вопросах планирования семьи, методах контрацепции и информированности о вреде абортов, но и создания таких условий, что бы женщины хотели и имели возможность рожать и растить детей [2]. Многочисленные исследования факторов, влияющих на репродуктивное поведение населения, обнаруживают неоднозначность эффективности мер социальной политики. Однако первостепенным шагом демографической политики является ориентация семей на многодетность, воздействие на репродуктивные установки. Формирование законодательства в сфере социальной и семейной политики должно быть направленно на создание условий, в которых население может без затруднений ответственно решать, сколько и когда иметь детей, а семья с детьми станет почетным лозунгом и гордостью.

Библиографический список

1. Борисов В.А. Демография. М., 2001. 272 с.
2. Копейкина М.А. Экономико-математическое моделирование репродуктивного поведения населения региона // Проблемы развития территории. 2006. № 1 (32). С. 55–63.
3. Ласточкина М.А. Моделирование репродуктивного поведения населения региона // Проблемы прогнозирования. 2007. № 4. С. 146–152.
4. Численность, естественное движение и миграция населения Вологодской области в 1992 году (статистический бюллетень) 1994: стат. сб. // Волупрстат. Вологда, 1994. 36 с.
5. Демографический ежегодник Вологодской области 2014: стат. сб. // Вологдастат. Вологда, 2014. 84 с.
6. Статистический ежегодник Вологодской области 2013: стат. сб. // Вологдастат. Вологда, 2013. 371 с.

© Ласточкина М.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Ласточкина Мария Александровна (г. Вологда, Россия) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территории РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56А; e-mail: mashkop@mail.ru).

Lastochkina M.A.

TRANSFORMATION OF MODEL OF BIRTH RATE IN SOCIAL AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE VOLOGDA REGION

Abstract. *Model of birth rate changes so that the birth of the first-born is postponed for some years, during this time young women seek to get a good education and to make successful career. The low standard of living of the majority of families is reflected on children number less than desirable.*

Keywords: birth rate, reproductive health, desirable number of children, incidence, region.

Information about the author

Lastochkina Maria Aleksandrovna (Vologda, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Social and Economic Development of the Territory of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorkogo st., Vologda, 160014, Russia; e-mail: mashkop@mail.ru).
УДК 314.3(571.6)

Мостахова Т.С.

РОЖДАЕМОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ): ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу одного из главных процессов воспроизводства населения – рождаемости – в Республике Саха (Якутия) в аспекте демографической безопасности региона. Дана общая характеристика показателей естественного прироста населения, общего и суммарного коэффициентов рождаемости, внебрачной рождаемости.*

Ключевые слова: воспроизводство населения, рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, внебрачная рождаемость, структурный анализ рождаемости.

Эффективное воспроизводство населения выступает одним из ключевых условий, которое позволяет любому государству реализовывать свои национальные стратегии. Для Российской Федерации, имеющей естественную убыль населения, проблема улучшения демографической ситуации закономерно относится к проблемам государственной безопасности. Наличие кризисных или, по крайней мере, негативных явлений в сфере воспроизводства населения актуализирует внимание – и общественное, и научное – к вопросам демографической безопасности. Демографы предлагают рассматривать программу демографической безопасности как основную форму реализации государственной политики в области народонаселения в условиях трансформации экономики.

В Республике Саха (Якутия) одной из существенных современных тенденций демографического развития является сокращение численности населения, начавшееся впервые с 1991 г. Свертывание горнодобывающего производства, которому принадлежала градообразующая роль, привело к переселению из неперспективных поселений и, соответственно, к интенсивному миграционному оттоку. В формировании населения республики произошла смена составляющих

роста; миграционный фактор уже не играет ту главенствующую роль, которая была характерна для предыдущего периода. Сокращающийся естественный прирост не компенсирует миграционный отток населения за пределы республики.

Тем не менее естественный прирост населения имеет положительную величину; сохранение такого положения выступает в качестве отличительной особенности региона. В 2000 г. он составил 3,9 на 1000 человек населения, в 2014 г. – 9,2‰ (для сравнения в России – только 0,2‰). И тем не менее, в исторической ретроспективе современные показатели естественного прироста, безусловно, гораздо ниже предыдущих периодов 20 века. Хотя к 2013 году коэффициент естественного прироста увеличился по сравнению с 2000 годом в 2,2 раза, однако по сравнению с 1950 г. сокращение составило более 2,6 раз.

В Российской Федерации осталось немного регионов, где еще отмечается положительный естественный прирост населения; в их число входит и Республика Саха (Якутия) благодаря сохранению традиционного режима рождаемости. По общему коэффициенту рождаемости Якутия находится в первой десятке субъектов Российской Федерации и занимает 1-е место в Дальневосточном федеральном округе. Предварительные итоги 2014 года показали дальнейшее увеличение рождаемости, как в абсолютных, так и в относительных показателях. Число родившихся составило 17 074 чел, что на 2,2% больше, чем в 2013 году (16704 ребенка). Коэффициент рождаемости соответственно возрос с 17,5 до 17,8‰.

Последние годы в динамике рождаемости отмечены позитивными изменениями; происходит рост абсолютного числа родившихся и общего коэффициента рождаемости. В 2000 г. общий коэффициент рождаемости в РС(Я) был в 1,57 раза выше, чем в целом по Российской Федерации, а по сравнению со средним коэффициентом рождаемости в Дальневосточном федеральном округе – в 1,41 раза. К 2011 г. разница сократилась до соответственно 1,36 и 1,3 раз. Иными словами, происходит сближение показателей рождаемости в республике Саха, России и на Дальнем Востоке.

Несмотря на рост рождаемости, проявляющийся в последние годы, долговременной тенденцией все-таки остается снижение рождаемости. Об этом свидетельствует показатель, не подверженный прямому влиянию возрастной структуры населения, – суммарный коэффициент рождаемости.

В Республике Саха (Якутия) суммарный коэффициент рождаемости практически на всем протяжении 2000-2013 гг. возрастал. Исключением стали только 2005-2006 гг. Предпринятые меры стимулирования рождаемости оказали непосредственное воздействие на динамику суммарного коэффициента, который за 2006-2013 гг. увеличился на 22,6%. Несмотря на рост в последние годы, суммарный коэффициент рождаемости как интегральный показатель демографической безопасности в сфере рождаемости в республике едва превышает границу простого замещения поколений, хотя по сравнению с показателями по Российской Федерации и Дальневосточному федеральному округу он гораздо выше (соответственно 1,707 и 1,810).

На протяжении последних лет отмечается рост интервальных показателей рождаемости практически у всех возрастных групп женщин. За 2007-2011 гг. в связи с принятием мер по стимулированию рождаемости на них откликнулись все возрастные группы. Наибольший прирост был достигнут в возрастных группах 45-49 (в 1,5 раза) и 40-44 года (в 1,28 раза). Вместе с тем следует отметить отмечаемое

в последнее время снижение коэффициентов рождаемости у самых молодых женщин.

Существенным моментом тенденций современной рождаемости является рост показателей внебрачной рождаемости. Изучение внебрачной рождаемости позволяет косвенно оценить отношение женщин к новым формам брачных отношений. Число детей, рожденных вне зарегистрированного брака – это тот показатель текущей демографической статистики, который опосредованно отражает распространение новых, неофициальных форм брака (сожительство, гражданский, гостевой, консенсуальный брак и т.п.).

Как показывают статистические данные, внебрачная рождаемость у женщин нашей республики также росла. Если в 2000 году доля внебрачной рождаемости составляла 32,7%, то к 2010 году она возросла до 37,8%. Только последние годы отмечаются снижением этого показателя. Безусловно, есть различные причины внебрачной рождаемости, например, целенаправленное желание женщин иметь детей, но не иметь семью. Возможной причиной может быть отсутствие возможности вступления в брак. Внебрачная рождаемость имеет определенную значимость для дальнейшего развития рождаемости, поскольку рождаемость у женщин, воспитывающих детей в неполной семье, как правило, существенно ниже. Число детей у одиноких матерей зачастую ограничивается только одним. В этом аспекте рост внебрачной рождаемости означает ограничение рождаемости в целом.

На динамику общего коэффициента рождаемости оказывают влияние колебания доли женщин репродуктивно возраста в общей численности населения и повозрастных коэффициентов рождаемости, а также возрастные сдвиги в структуре женщин репродуктивного возраста. Первый и третий факторы обусловлены возрастной структурой населения, изменения второго определяются репродуктивными установками населения, на которые воздействуют в числе прочих и осуществляемые меры демографической политики.

Индексный метод анализа структуры общего коэффициента рождаемости позволяет выявить роль каждого из факторов, обусловивших изменение рождаемости. Этот метод, используемый в отношении общих коэффициентов рождаемости, позволяет определить, в какой степени изменение общих коэффициентов рождаемости в динамике или отличие величины этого показателя для одного населения от его величины для другого связано с изменением или различием собственно интенсивности деторождения, а в какой степени – с изменением или различием возрастной структуры населения.

Расчет компонентов изменения общего коэффициента рождаемости показал, что увеличение рождаемости с 2007 года происходило не за счет изменений в возрастной структуре женского населения, а именно за счет роста интенсивности рождаемости. Ситуация оказалась отличной от положения дел в 80-х годах, когда рост рождаемости был в большей степени обусловлен структурным фактором. Такая динамика компонентов рождаемости свидетельствует о достаточной результативности мер стимулирования рождаемости и их действенности.

Наряду со структурным фактором значимое влияние на процессы рождаемости оказывает этнический фактор [3].

Говоря о роли отдельных компонентов в формировании общего уровня рождаемости, необходимо отметить следующее. Хотя в России в целом к концу 90-

х гг. структурные факторы практически исчерпали свое влияние на рождаемость, в Республике Саха (Якутия) их роль достаточно ощутима. Снижение рождаемости не столь заметно именно за счет относительно благоприятной структуры женщин репродуктивного возраста и их более высокой доли в общей численности населения [5, с.35].

Таким образом, анализ динамики процессов рождаемости в Республике Саха (Якутия) показал, что современный период выделяется установлением устойчивой тенденции увеличения числа родившихся. За 2000-2011 гг. число родившихся возросло в целом по РФ на 41,6%, по ДФО – на 24,85%, по РС(Я) – на 24,88%. Вместе с тем резерв повышения рождаемости в республике сокращается; причем скорость сокращения в республике выше, чем в России в целом и в других субъектах Дальнего Востока. В 2000 г. общий коэффициент рождаемости в РС(Я) был в 1,57 раза выше, чем аналогичный в целом по Российской Федерации; по сравнению со средним коэффициентом рождаемости в Дальневосточном федеральном округе – в 1,41 раза. К 2011 г. разница сократилась до соответственно 1,36 и 1,3 раз. Несмотря на отмечаемые тенденции в динамике рождаемости, Республика Саха (Якутия) остается регионом с относительно высоким уровнем рождаемости по сравнению со среднероссийским уровнем и многими другими российскими субъектами.

Республика Саха (Якутия) является самым крупным в территориальном плане субъектом Российской Федерации, занимая более 3 млн. кв. км. Располагая столь большой территорией, регион имеет существенные территориальные особенности демографических процессов, в том числе и в рождаемости.

Проблемы демографической безопасности особенно актуальны для арктических районов республики, имеющих особую значимость в геополитическом смысле и для республики, и для всей Российской Федерации.

В отношении рождаемости ситуация здесь достаточно благополучная. Число родившихся, как и в целом по республике, возрастало, за исключением 2012 г. Коэффициенты рождаемости в большинстве арктических районов были выше среднереспубликанского уровня. Например, в 2011 году коэффициент рождаемости в арктических районах республики превышал среднереспубликанский показатель на 12,9%, в 2012 году – на 11,2%. Высокие показатели рождаемости обусловлены в основном особенностями национального состава населения этих районов. Арктические районы являются основным ареалом расселения коренных малочисленных народов Севера. По этой же причине выше рождаемость в других сельских районах Якутии, где проживают в основном представители коренного населения Республики Саха.

С 2007 г. в регионах Российской Федерации начал действовать достаточно обширный комплекс мер, цель которых – улучшение положения семей с детьми, мотивация к рождению детей, особенно высоких очередностей рождения, и в итоге – улучшение демографической обстановки в стране. Аналитический обзор мер государственной политики в сфере поддержки семей с детьми и стимулирования рождаемости показал, что спектр реализуемых мер очень разнообразен.

К числу наиболее популярных мер стимулирования рождаемости относится материнский капитал. В последние годы во многих регионах приняты нормативные документы, учреждающие региональный материнский капитал. В субъектах Дальневосточного федерального округа его размер варьирует от 30 тыс. руб.

(Приморский край) до 300 тыс. руб. Однако следует учитывать, что результативность мер демографической политики имеет достаточно ограниченный срок воздействия на процессы рождаемости. Как правило, после 2-3 лет наступает эффект «привыкания», который выражается в замедлении темпов прироста или вообще в их остановке. В связи с этим необходимо постоянное совершенствование мер демографической политики, в том числе и в сфере стимулирования рождаемости.

Политика в области рождаемости должна быть направлена на снижение рисков для тех, кто стремится создать семью или уже создал ее, кто хочет иметь или уже имеет детей. Все это необходимо для того, чтобы не ставить в крайне невыгодное положение тех людей, кто так или иначе участвует в воспроизводстве демографического потенциала, так необходимого обществу и государству. «Решение проблемы низкой рождаемости заключается в предоставлении молодым мужчинам и женщинам чувства уверенности в том, что в случае, если они вступят в брак и решат завести детей, общество поддержит их в этом важном как для них самих, так и для общества решении. ... Фактически это означает перераспределение государственных средств в пользу тех, кому приходится заботиться о маленьких детях. Участие в этом процессе должны принимать и другие структуры – особенно те, что связаны с занятостью» [2, с.39]. А потенциал для увеличения рождаемости хотя бы до уровня 1,5-1,6 ребенка на женщину, по уверениям демографов, определенно есть [1].

Необходимо развивать систему социальной поддержки семей с детьми, с тем, чтобы создать условия семьям с детьми как для более полной реализации сложившихся установок на рождение второго и последующих детей, так и для стимулирования рождаемости, изменения системы ценностей, повышения престижа семьи с несколькими детьми. В этом аспекте вполне действенными мерами могли бы стать такие, как, например, субсидирование процентной ставки по ипотечным кредитам для семей с детьми (например, в размере 0,5 ставки рефинансирования ЦБ РФ).

Для стимулирования матерей полностью использовать отпуск до 1,5 лет, что может положительно сказаться на здоровье ребенка и матери, целесообразно ввести небольшую дополнительную выплату (бонус) тем, кто использует отпуск до достижения ребенком 1 года и существенный бонус тем, кто не прервет отпуск до 1,5 лет. В качестве дополнительной меры стимулирования рождаемости можно предложить продление выплаты пособия на период отпуска по уходу за ребенком с 1,5 до 3 лет. Можно расширить спектр размеров пособия по уходу за детьми в зависимости от очередности рождения детей. Например, для работающих женщин: в размере 40% среднего заработка по уходу за первым ребенком, 50% – по уходу за вторым ребенком, 60% – по уходу за третьим ребенком и следующими.

На наш взгляд, привлекательной была бы такая мера, как увеличение стандартного налогового вычета до размеров прожиточного минимума детей и планки дохода, дающего право на налоговую льготу, что позволит значительной части родителей пользоваться налоговой льготой не несколько месяцев в году, как сейчас, а практически весь год.

В целях сохранения демографической безопасности политика в области рождаемости и поддержки семей с детьми должна включать комплекс минимальных социальных гарантий, обеспечивающих всем семьям, и особенно

молодым, доступную и реально обеспеченную систему мер поддержки, реализуемых при рождении и воспитании детей (оплачиваемые отпуска, пособия, налоговые, пенсионные и жилищные льготы, доступность дошкольных учреждений и т.д.), а также меры, направленные на подготовку к семейной жизни, сохранение и укрепление репродуктивного здоровья. Меры демографической политики по стимулированию рождаемости должны, кроме того, содержать меры адресной социальной поддержки семей с детьми, находящихся в особо трудных обстоятельствах (многодетные и неполные семьи, семьи с детьми-инвалидами, семьи с безработными или нетрудоспособными родителями и т.п.). Безусловным компонентом политики должны стать специальные меры, которые могли бы стимулировать рождение 2-го и 3-го ребенка, без чего невозможно сохранение на должном уровне такого индикатора демографической безопасности, как суммарная рождаемость.

Библиографический список

1. Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М., 2006.
2. Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики // Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы (Материалы международного семинара). М.: Права человека, 2006.
3. Мостахова Т.С. Этническая специфика демографического развития в Республике Саха (Якутия) // Этническая демография: Сборник статей. М., МГУ им.М.В.Ломоносова, 2010.
4. Мостахова Т.С., Туманова Д.В. Демографическая безопасность региона (на примере Республики Саха (Якутия)) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. №14(107).
5. Сукнёва С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. Новосибирск: Наука, 2010.

© Мостахова Т.С., 2015. Текст.

Информация об авторе

Мостахова Татьяна Семеновна (г. Якутск, Россия) – доктор экономических наук, научный сотрудник Отдела региональных экономических и социальных исследований Якутского научного центра СО РАН (677000, г. Якутск, ул. Петровского, 2; e-mail: mostakhovats@mail.ru).

Mostakhova T.S.

BIRTH RATE IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA): TRENDS AND FEATURES

Abstract. *The article is devoted to analysis of birth rate as a main reproduction process in the Republic of Sakha (Yakutia) from the viewpoint of region demographic security. General characteristics of natural increase of the population, general and total coefficients of birth rate, extramarital birth rate are given.*

Keywords: reproduction of the population, birth rate, total fertility rate, extramarital births, structural analysis of birth rate.

Information about the author

Mostakhova Tatyana Semenovna (Yakutsk, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Researcher, Department of Regional Economic and Social Research, Yakut Scientific Center SB

УДК 316.356.2

Новоселова Е.Н.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (НА ПРИМЕРЫ МОСКВЫ)*

Аннотация. *Статья посвящена анализу новых тенденций в репродуктивном поведении жителей крупного российского города (на примере Москвы). Опираясь на данные демографической статистики и выборочных исследований, автор описывает, как жизнь в мегаполисе отражается на репродуктивных установках жителей столицы России, выявляет связь между городским образом жизни и такими явлениями, как снижение и постарение рождаемости, увеличение доли добровольно бездетных и т.д.*

Ключевые слова: депопуляция, кризис семьи, репродуктивное поведение, малодетность, добровольная бездетность.

Сегодня российское государство, казалось бы, стало уделять внимание демографическим вопросам, которые по праву заняли в его социально-экономической повестке одно из первых мест. Власть признала ценность семьи и ее роль в общественном развитии. Приоритетными задачами государственной политики России объявлены укрепление института семьи, повышение рождаемости, снижение смертности, пропаганда ценности института семьи.

В конце XX – начале XXI века ситуация с воспроизводством населения в Российской Федерации оказалась хуже некуда. В новое столетие наша страна вступила с чрезвычайно низким уровнем рождаемости, который «в решающей степени предопределял как абсолютное сокращение численности населения страны, так и деформацию ее возрастной структуры – постарение возрастного состава населения в целом и особенно его трудоспособной части» [2]. Прежде всего такая ситуация спровоцирована тенденцией к преобладанию малодетных, а зачастую однодетных семей в структуре населения России.

В российской столице процесс снижения рождаемости начался раньше, чем по России в целом (рис. 1), что вполне предсказуемо и объяснимо, Москва – своего рода демографический новатор; являясь культурным, деловым и жизненным ориентиром, она всегда идет на шаг впереди, задает моду, которой потом следуют остальные города, а затем и села; нормы, в том числе репродуктивные, во многом завязаны на столицу. При этом демонстрируемые Москвой нормы и установки репродуктивного поведения весьма негативны с точки зрения воспроизводства населения.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №13-03-00546 «Социальные проблемы развития городских агломераций (на примере Москвы)».

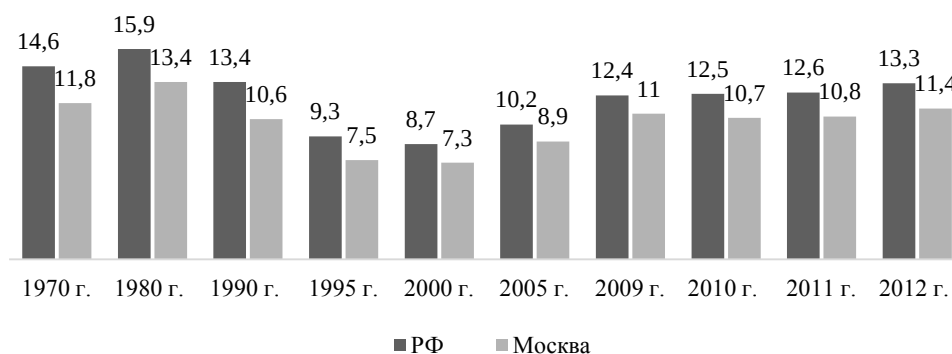

Рисунок 1. Динамика общего коэффициента рождаемости в РФ и Москве (число родившихся на 1000 человек населения) 1970-2010 гг.

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Малодетность уже довольно продолжительное время является в Москве социальной приемлемой: более половины детей живут в однодетных семьях, средний размер московской семьи – 2,8 человека [8], что, несомненно, прогностически неблагоприятно с точки зрения возможности увеличения рождаемости.

Однодетность родителей, как правило, проявляется в однодетности их потомков. Более того, женщины каждого нового поколения обычно рожают меньше детей и делают это в более позднем возрасте по сравнению с женщинами предыдущего поколения. Так, в среднем на каждую женщину, родившуюся в 30-х годах, приходится по 2,39 ребёнка, для матерей, родившихся в 60-х, этот показатель равен 1,91, а на каждую женщину, родившуюся в 80-х, приходится всего 1,03 ребёнка [4]. Количество бездетных женщин также увеличивается, в настоящее время в России их около 8%, но в ближайшее время этот показатель может приблизиться к среднеевропейскому уровню в 15% [7].

Важным моментом в формировании представлений о подобающем размере семьи, который усваивается в качестве определенной нормы, является число детей в том первичном семейном окружении, где вырастает ребенок. Доминирование однодетной семьи уже сегодня не лучшим образом влияет на желаемое число детей у молодых женщин в сравнении с более старшими возрастами, при этом инерционность процесса может обусловить и дальнейшее снижение рождаемости.

Как уже было сказано выше, основная модель семьи в Москве – однодетная, создание которой откладывается за пределы активного репродуктивного возраста, вследствие чего даже существующие невысокие репродуктивные намерения нередко не реализуются полностью. Проблема постарения рождаемости в РФ наиболее остро стоит именно в российской столице, где по причине особенной социальной структуры (например, наибольшее количество женщин, имеющих высшее образование) смещение возраста рождения первого ребенка приближается к 30 годам, что, бесспорно, негативно сказывается на динамике уровня рождаемости в целом, ведь чем позже женщина рождает первого ребенка, тем ниже вероятность того, что она родит второго и последующих.

Несколько «омолаживают» рождаемость в Москве иногородние жители столицы, которые рожают детей в более молодом возрасте, чем москвичи. Кроме того, репродуктивные установки в целом у людей из регионов несколько выше,

среди них больше желающих иметь троих и более детей, и они могут внести довольно существенный вклад в рождаемость в столице [9], однако и они рожают здесь меньше, чем их земляки в провинции, так как Москва по сути своей антисемейна.

В связи с изменением административных границ столицы статистическое наблюдение за демографическими процессами в Москве несколько усложнилось [5] и, тем не менее, по данным Росстата, рождаемость в Москве потихоньку начинает карабкаться вверх. Это рост в российской столице – один из самых низких по стране: за период действия материнского капитала рождаемость в Москве увеличилась на 8%, т.е. показатели рождаемости не столько выросли, сколько вернулись на уровень начала девяностых, и главный вопрос – возможно ли хотя бы удержать эти показатели, не говоря уже об их росте.

Росстат не считает устойчивыми результаты проводимой демографической политики [3]. Рост рождаемости сегодня во многом связан со вступлением в репродуктивные возраста многочисленного поколения 1980-х, когда активная демографическая политика привела к тому, что детей родили раньше запланированного срока, а за этим последовал спад рождаемости, и именно это немногочисленное поколение, рожденное в период демографического провала, уже в нынешнем десятилетии вступит в активный репродуктивный возраст. К середине 2020-х годов число потенциальных матерей в нашей стране сократится почти в два раза, причем практически одновременно с этим пенсионный порог переступят наиболее многочисленные поколения. Соответственно, в самые ближайшие годы неизбежно начнется новый виток демографического спада, и мы снова станем падать в демографическую яму, которая, возможно, будет еще глубже предыдущей.

Для реального роста рождаемости в Москве нужно радикальное изменение норм, ценностей, мотивов, необходимы комплексные изменения всей социально-экономической реальности проживания в городе. Пока же мы наблюдаем совершенно иные тенденции – представительницы прекрасного пола всё чаще стали сознательно откладывать деторождение и ставить перед собой совершенно другие задачи: образование, карьера, эксперименты с образом и стилем жизни [5]. Исчезает потребность в нескольких детях, становится нормой малодетность, однодетность и даже бездетность, которая в России в целом пока еще остается «вынужденным явлением, связанным с бесплодием, возрастом и одиночеством» [6], а в столице РФ она уже во многом добровольная, бездетность москвичек во многом объясняется не биологической неспособностью иметь детей, а структурой родительской семьи, уровнем образования и дохода, а главное – уверенностью в том, что ребенок не является необходимым элементом личного счастья.

Бездетность в Москве является вопросом не медицинского, а социального характера. Так, по данным исследования «Москва и москвичи» в 2013 году 17% москвичей, не имеющих детей, на вопрос о том, сколько всего детей они хотели бы иметь при всех необходимых условиях, дали ответ «ноль» (рис. 2) [2]. При этом, по данным ФОМ, лишь 50% жителей столицы считают наличие ребенка необходимым условием семейного счастья¹⁸. Бездетность, по мнению жителей мегаполиса, имеет массу неоспоримых преимуществ, как-то: свобода, независимость, время на себя, больше возможностей построить успешную карьеру, благополучие в финансовом плане [4].

¹⁸ Бездетность и нежелание иметь детей. ФОМ. 24-25 мая 2008 г.

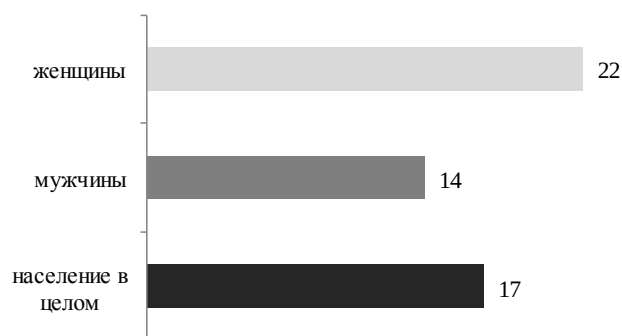

Рисунок 2. Доля москвичей, не желающих иметь детей (среди бездетных), %

Источник: Комплексное мониторинговое обследование благосостояния и условий жизни населения «Москва и москвичи» (МиМ) [1].

Появление в городской среде людей, объявивших себя «свободными от детей» – это неизбежные последствия социальных процессов, эти люди – дети своего урбанизированного века, эпохи победившего гедонизма и навязанных потребительских стандартов. Общество потребления трансформирует идеалы и реальные притязания, оно пропагандирует то, что «нормальная» жизнь должна быть сытой и красивой. Нежелание возлагать на алтарь семьи и детей свои сиюминутные удовольствия, комфорт, время и успех исключает создание семьи как таковой.

Социологический портрет российского гражданина, «свободного от детей»: 88,44% родились в Москве, 61,22% были единственными детьми в семье, 61,9% имеют высокое и очень высокое материальное положение и 63,95% получили высшее образование¹⁹. Средний возраст исповедующего взгляды чайлдфри – 20-35 лет, у 75% есть постоянный партнер, около половины из них живут вместе с этим партнером на одной территории, соотношение мужчин и женщин среди добровольно бездетных – один к четырем.

Добровольно бездетные не отодвигают деторождение на будущее, они четко решили – ребенок, а тем более дети, им не нужны, с их точки зрения это помеха всей жизни: карьере, хобби, самосовершенствованию и даже любви.

Семья – это огромное количество проблем и обязательств, которые несовместимы с жизненным укладом «прогрессивного» городского жителя. Одинокому, свободному от семьи и обязательств человеку значительно проще соответствовать современному городу, который также сориентирован на него, на одиночку, ибо только такая свободная и мобильная личность может угнаться за тем темпом жизни, который он задает. Активно работающая, занятая самосовершенствованием москвичка, выбирая между детьми и карьерой, делает ставку на карьеру, как на более выгодный и окупаемый «проект», а общество, главной ценностью которого все чаще становится нескончаемое удовольствие и комфортная жизнь, все с большей охотой поддерживает этот её выбор, что дает

¹⁹ Европейская экономическая комиссия ООН, исследование 2010 года. Исследование «Москва и москвичи», которое прошло в 2013 году. В нем приняли участие 3102 человека. 815 из них — фактически бездетные, то есть на момент опроса не имели детей. 147 человек – не планируют иметь детей вообще.

основания предполагать, что доля бездетных в последующих поколениях будет лишь нарастать.

Библиографический список

1. Малева Т., Тындик А. Потенциал роста рождаемости в Москве // Демоскоп Weekly. №585-586. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0585/tema06.php>
2. Малева Т.М., Тындик А. Потенциал роста рождаемости в России: уроки мегаполиса // Журнал Новой экономической ассоциации, № 1 (17), с. 137–158.
3. Материнского капитала на всех не хватит // Интерфакс. 30 сентября 2013 года.
4. Новоселова Е.Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета: Сер.18: Социология и политология, 2012. № 1.
5. Селивинова Е. Чайлдфри: без паники. Социологический взгляд. «Работа для меня — более интересная игрушка, чем ребёнок» // Частный корреспондент, 21 мая 2010 года. http://www.chaskor.ru/article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_17446
6. Соболевская О. Бездетность все чаще определяют убеждения // Демоскоп Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0609/gazeta011.php>
7. Соловьева О. Доля бездетных женщин в стране увеличивается, несмотря на государственное стимулирование рождаемости // Независимая газета. 19 августа 2014 года.
8. Танина М. О человеческом тепле // Интернет газета Север Москвы. <http://www.severmos.ru/life.asp?num=15>
9. Тындик А. Московский фантом бэби-бума // ОРЕС.ру Экспертный сайт Высшей школы экономики. 07.03.2013.

© Новосёлова Е.Н., 2015. Текст.

Информация об авторе

Новоселова Елена Николаевна (Москва, Россия) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (119234, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33; e-mail: alena_n_@mail.ru).

Novosyolova E.N.

NEW TENDENCIES IN REPRODUCTIVE BEHAVIOR AMONG RUSSIAN URBAN POPULATION (CASE OF MOSCOW)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of new tendencies in reproductive behavior among large Russian cities population (case of Moscow). Using demographic statistics and research studies the author describes how life in megalopolis is reflected in reproductive patterns among residents of Moscow, reveals communication between an urban way of life and such phenomena as decrease of birth rate, spread of childfree, etc.*

Keywords: depopulation, family crisis, reproductive behavior, first birth age, childfree.

Information about the author

Novosyolova Elena Nikolaevna (Moscow, Russia) – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Family Sociology and Demography, Department of Sociology, Moscow State University (Build. 33, 1, Lenin gory, MSU, Moscow, 119991, Russia; e-mail: alena_n_@mail.ru).

УРАЛЬСКАЯ МОЛОДЁЖЬ В ПРЕДДВЕРИИ МАРША МЕНДЕЛЬСОНА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы предбрачного поведения различных категорий уральской молодёжи. Анализируется распространённость в молодёжной среде тех или иных форм жизнедеятельности несемейной молодёжи, их несогласованность с канонами традиционной морали россиян старшего поколения. Эмпирической базой для анализа заявленной проблемы и выводов для автора служат результаты ряда социологических опросов, проведенных им в 2003-2015 гг. в Институте экономики УрО РАН в различных городах и поселениях субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ.

Ключевые слова: социализация, поколение, обязательство, сексуальное поведение, ценности, семья, дети, труд, образование, семейная политика.

Семья и дети. Эта тема вновь и вновь объединяет всех нас независимо от того, в какой стране мы живём, какой мы национальности, какую исповедуем веру. Все мы родом из детства, из семьи. Благодаря ей не кончается круг жизни. В последнее время можно услышать, что «институт семьи» изжил себя, а «быть супругами стало не модно». Но если спросить любого человека, куда он идет с бедой и радостью, то почти все скажут – «в семью!» Семья – оплот любого государства. Ведь именно она, в конечном счёте, обеспечивает его роль в мировом сообществе, социальное благополучие и стабильность или, другими словами, «крепка семья – крепка держава».

В обыденном сознании непреложной аксиомой является положение о том, что дети нуждаются в родительской семье, в мамах и папах, в братьях и сёстрах... Гораздо реже мы задумываемся и, соответственно, подвергаем анализу такой аспект матримониальных отношений, как процесс формирования потребностей, интересов, ценностных ориентаций у самих детей (по мере их взросления) к созданию собственной семьи, рождению собственных детей. Другими словами, речь идёт об естественном процессе воспроизводства непосредственной жизни. В общественном сознании устоялось и поддерживается мнение, что этот процесс традиционно незыблем, что в новых, нарождающихся поколениях «автоматически» воспроизводится тяга к семейному образу жизни, к рождению и воспитанию потомства, «извечной заботе о воспроизводстве рода». Укреплению этой позиции служит, например, утверждение о природно-биологической сущности «материнского инстинкта» и его обязательном воспроизводстве в новых женских поколениях.

В то же время, в тени у исследователей находится проблема целенаправленной деятельности как родителей, так и их детей, к подготовке (самоподготовке) к «обязательному» жизненному этапу каждого нормального человека – созданию и нормальному социально-биологическому развитию собственной семьи [1, 2].

Мы остановимся на одном из аспектов обозначенной выше проблемы, а именно состоянии и особенностях добрачного поведения российской молодёжи. Не составляют здесь исключения молодые люди, живущие в городах и сельских поселениях Урала. В представленной статье использованы материалы ряда комплексных региональных исследований по проблемам добрачного поведения молодых уральцев, проведённых автором (под его

научным руководством и с личным участием в проектах) в 2003-2012 гг. в Институте экономики УрО РАН, в частности:

2003 гг. – опрос 2900 молодых супругов в пяти регионах РФ, в том числе 1850 респондентов из семей Свердловской области – «Урал-1»;

2004-2005 гг. – в Уральском институте ГПС МЧС России (УрИ ГПС МЧС – г. Екатеринбург) был реализован опрос 500 абитуриентов («Абит») и 250 курсантов старших курсов («КЕП»). Выяснялись позиции молодых холостых мужчин относительно профессиональной учёбы и образования собственной семьи – «Урал-2»;

2005 – в г. Екатеринбург, опрошены 880 молодых супругов по проблемам стабилизации отношений в молодых семьях (362 мужчины и 518 женщин) – «Урал-3»;

2007–2008 гг. – в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел. в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) с 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей – 570 чел. – «Урал-4»;

2010 г. – опрос 680 студентов старших курсов Уральского государственного университета (УГТУ-УПИ) на технических и гуманитарных факультетах. Предмет исследования – уровень и характер причастность молодых людей к религиозной культуре – «Урал-5»;

2014-2015 гг. по квотной выборке в семи институтах Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) проведены опросы 950 студенток младших и старших курсов, готовящихся стать молодыми специалистами на предприятиях и в организациях Урала – «Урал-6».

«Что сказали бы вы об архитекторе, который, закладывая новое здание, – спрашивал К.Д. Ушинский, – не сумел бы ответить вам на вопрос, что он хочет строить?...» [3, т.3, с. 17]. Естественно, подобная ситуация вызвала бы, по крайней мере, недоумение у мало-мальски компетентного в строительстве человека. Однако наше обращение к такому, казалось бы, самоочевидному факту, не беспредметно. Успех подготовки молодых людей к семейной жизни предполагает в первую очередь выбор основных параметров оптимальной модели семьи, к строительству которой должен быть готовым и стремиться каждый взрослеющий молодой человек. В качестве таковых, мы предлагаем выбрать, по крайней мере, три:

во-первых, – это обязательность для нормального человека семейного образа жизни;

во-вторых, – выбор оптимального возраста вступления в брак и образования семьи;

в-третьих, – стремление к рождению и воспитанию в собственной семье, как минимум, 2-3 детей [4].

Выбранные нами параметры обусловлены прежде всего социально-биологически. Период воспроизводства собственного потомства для каждого человека должен быть «вписан» в его ограниченный природой жизненный

цикл²⁰. При этом важно соблюсти условия, при которых процесс рождения и воспитания (социализации) детей, с одной стороны, наиболее благоприятно обеспечивался бы природно-валеологическими ресурсами их родителей, с другой стороны, эти условия по возможности, максимально полно способствовали решению двух противоречивых обстоятельств. Во-первых, они позволяли бы учитывать тактические и стратегические социально-биологические интересы общества и семьи и, во-вторых, сложные и во многом противоречивые интересы родителей и их потомства, по крайней мере, в последующих двух поколениях.

Попытаемся ответить на поставленный выше первый, корневой, вопрос: «Нужно ли вообще молодому человеку создавать собственную семью?». Согласимся, что практически весь спектр социально-биологических потребностей современного человека (равно как мужчины, так и женщины) можно удовлетворить и не имея семьи, ведя внесемейный образ жизни. Общественная сфера услуг (в первую очередь, в большом городе) при желании потребителя и при наличии у него соответствующих средств, как говорится, «накормит», «напоит» и «спать уложит», были бы деньги.

А каково отношение к институту семьи и к семейному образу жизни самих молодых людей? По данным социологических опросов, проведенных в крупных городах России (в том числе и результаты наших исследований), свидетельствуют, что среди важнейших жизненных приоритетов и целей первые-вторые места респонденты отдают семье. На вопрос «Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас» («Урал-4») нами были получены следующие ответы респондентов из четырех обследованных групп (табл. 1).

Таблица 1

Приоритетные жизненные ценности у различных групп уральского населения
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся		Родители в городе	Молодые рабочие
	город	село		
Хорошая семья и дети	87	88	86	91
Хорошее здоровье	68	70	80	76
Любимая работа, успешная карьера	68	67	72	62
Материальное благополучие	58	46	65	79
Хорошие жилищные условия	42	46	27	52
Сознание того, что ты полезен людям	23	25	16	11
Содержательный, интересный досуг	27	20	23	11
Порядочность, доброе имя	23	23	40	17
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	47	37
Чувство безопасности от насилия, грабежа, разбоя, воровства	21	16	22	13
Другие	3,0	3,4	2,8	1,2

²⁰ В настоящее время жизненный бюджет среднестатистического россиянина колеблется в пределах 65-75 лет.

Нетрудно видеть, что такие четыре жизненные ценности, как «семья», «здоровье», «работа» и «материальное благополучие» лежат в основе понимания жизненного благополучия у различных социальных групп населения, в том числе у подростков и их родителей. Небезынтересно и другое: иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, молодых людей, живущих в городе и в сельской местности, практически, идентична. Сегодня стремление к росту уровня жизни, потребительскому обогащению, повышению социального статуса зачастую исключает из представления о благополучии подлинную ценность человеческого бытия – семью с несколькими детьми [5, 6].

Обратимся к результатам одного из наших опросов. «Можете ли Вы сказать, сколько будет детей в вашей семье? Ваши семейные планы?» – на этот вопрос анкеты («Урал-1») ответы молодых уральских супругов из однодетных и двухдетных семей распределились следующим образом: 20 % респондентов, представителей однодетных (на момент опроса) родителей планируют «остановиться» в своей детородной деятельности и оставить своего единственного сына (дочь) без младших братьев и сестёр. Более половины опрошенных из этой же группы респондентов (51 %) посчитали, что в их семье будет двое детей, а в каждой четвёртой (24 %) – «трое и более». Другими словами, сегодня речь идёт не о расширенном воспроизводстве российского населения и даже не его простом воспроизводстве. В настоящее время воспроизводство населения находится в депопуляционном режиме [7]. Только специальное воздействие способно возродить потребность молодой семьи в нескольких детях, поэтому на повестке дня – просемейная политика государства и, что во многом синонимично, – политика в отношении молодой семьи, преобразования в экономике в интересах семьи с детьми.

С позиций подготовки и готовности молодёжи к браку и семейной жизни попытаемся охарактеризовать и оценить некоторые аспекты предбрачного поведения юношей и девушек.

Основным ключом, позволяющим ответить на вопрос «что такое хорошо и что такое плохо», являются нравственные позиции формирующейся личности. В обыденном сознании, феномен понимания и нравственного различия «что такое хорошо и что такое плохо» наиболее отчётливо ассоциируется с известными традиционными и отчётливыми для восприятия, понятиями: «грех» – «не грех». В исследовании «Урал-5» с 680 студентам Уральского государственного технического университета (УрГУ-УПИ)²¹ задавался вопрос: «Что из перечисленного ниже, на Ваш взгляд, является грехом?». Респондентам предлагался список из 21 вида поведения, которое с позиций широкого общественного мнения относится к разряду «неблаговидного», «асоциального», «греховного». Распределение мнений будущих молодых инженеров представлено в табл. 2.

Условно поделив все представленные виды поведения на три группы (от особо осуждаемого к сравнительно лояльному отношению), мы хотели подчеркнуть довольно существенные разночтения юношами и девушками канонов традиционной морали. Проиллюстрируем некоторые позиции. Лишь каждый пятый студент-юноша считает недопустимым («грехом») «употребление

²¹ В 2011 г. этот вуз был переименован в Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина.

в разговоре матерных слов» – 22 %. Несколько строже к оценке допустимости «мата» относятся их сокурсники – 28 %. Ничего «греховного» не видит подавляющее большинство студентов в «половых отношениях до вступления в брак для девушки» (их считают возможными 87 % опрошенных студентов), 88 % респондентов не осуждают «нарушения правил дорожного движения» [8].

Таблица 2

Мнение уральских студентов о степени «греховности» причастности студентов к тем или иным видам и формам поведения (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Неблаговидные, асоциальные «греховные» поступки (поведение)	В целом	Группы	
Убийство		в том числе по мнению:	
Самоубийство		мужчин	женщин
I. «Это – грех»			
Убийство	90	86	93
Самоубийство	80	77	83
Аборт	72	66	78
Проституция	64	59	69
Измена (жене/мужу)	61	57	65
Гомосексуализм	52	64	41
II. «Грех, но небольшой»			
Употребление легких наркотиков	50	45	55
Пьянство	43	37	48
Ложь в личных интересах	43	42	44
Обращение к экстрасенсам, гадалкам	29	27	31
Распространение сплетен	25	26	25
Употребление в разговоре матерных слов	26	22	28
Курение	25	22	28
Развод в семье	25	22	28
Убийство на войне	21	17	25
III. «Практически не грех»			
Посещение стриптиз-бара	13	10	16
Половые отношения до вступления в брак для де- вушки	13	13	13
Соккрытие доходов от налоговой инспекции	12	11	13
Нарушение правил дорожного движения	12	7	16
Половые отношения до вступления в брак для юно- ши	9	6	12

Есть и ещё один аспект оценки полученных данных. Кардинальные различия в нравственных позициях молодых людей в предбрачии – это своеобразная «мина замедленного действия», способная «взорвать» внутренний мир и спокойствие в их будущей молодой семье, привести к распаду семейной ячейки. Представьте, например, ситуацию, когда молодой муж считает «тяжким грехом» измену своей жены, а та, в свою очередь, относится к такому повороту супружеских событий лояльно, объясняя свою позицию стремлением к демократизации, независимости, эмансипации и равноправию в отношениях мужчины и женщины. Впрочем, немногим отличается от описанной и другая «зеркальная» ситуация, когда в роли «подлого изменщика» выступает мужчина – муж, отец семейства [9, 10].

Культура межличностных отношений семьи невозможна без взаимной любви членов этой первичной ячейки общества. Попытаемся ответить на вопрос, какое место в матримониальном поведении молодых уральцев занимает феномен любви.

Молодым уральским отцам и матерям (840 чел.) в анкетах задавался ряд вопросов, касающихся чувства любви, которое они испытывали перед заключением брака – «Урал-3». Ниже помещены результаты ответов молодых супругов на пять вопросов, затрагивающих интересующую нас сферу предбрачного поведения молодых людей (% от общего числа опрошенных по каждой группе респондентов: мужчин – 362 чел. и женщин – 518 чел.):

А. «Верите ли Вы в «настоящую любовь»?»

	<i>да</i>	<i>нет</i>	<i>трудно сказать</i>
Мужчины	67	7	26
Женщины	69	7	24

Б. «Была ли в Вашей жизни такая любовь?»

	<i>да</i>	<i>нет</i>	<i>трудно сказать</i>
Мужчины	63	9	26
Женщины	60	12	26

В. «Верите ли Вы в любовь «с первого взгляда?», от общего числа опрошенных (840 чел.)

Да	54
Нет	28
Трудно сказать	18

Г. «Каково Ваше отношение к браку без обоюдной любви?»

Допускаю	35
Не допускаю категорически	41
Трудно сказать	24

Д. «Какой вариант замужества (женитьбы) Вы бы предпочли? (только один ответ, третьего не дано)»

«Он (она) любит Вас, а Вы не любите»	79
«Вы любите его (её), а он (она) не любит Вас»	21

Нетрудно видеть, что подавляющее большинство молодых людей в предбрачии (как будущих женихов, так и невест) предпочитают «передать право и труд любить себя» своему (ей) избраннику (це). Как тут не вспомнить известную русскую поговорку: «Своя рубашка ближе к телу...»! [11].

Послабление половой морали весьма существенно коснулось характера предбрачного поведения молодых людей, изменения общественного сознания в отношении половых внебрачных связей. Выше мы уже приводили результаты опроса студентов-политехников: лишь 6 % молодых мужчин (будущих женихов) осуждают «половые отношения до вступления в брак для юноши». Среди девушек сторонников целомудренного добрачного поведения их возможных женихов-сокурсников несколько выше – 12 %. Менее лояльны к добрачным половым связям детей, подростков, молодёжи их родители. Судя по данным опроса

(«Урал-3»), подавляющая часть отцов и матерей (около 65-80 %), не видит ничего предосудительного в том, что их сыновья и дочери получают или будут получать «первые уроки любви» до вступления в официальные брачные отношения. Лишь 4 % родителей юношей и 14 % родителей девушек считают добрачные половые отношения половой распущенностью, которую допускать нельзя «ни в коем случае». Как показывает практика, подобные запретительные позиции этой части родителей, как правило, остаются благими пожеланиями на фоне самостоятельных решений и поступков их сыновей и дочерей.

О том, в какой мере деформировались семейно-брачные отношения россиян к началу XXI века, можно судить по состоянию общественного мнения относительно распространения в российском обществе так называемых «новых, непривычных для российской традиционной морали, форм брака. «Как Вы относитесь к нетрадиционным формам брака, имеющимся в настоящее время?» – такой вопрос задавался нами различным категориям несемейной и семейной уральской молодёжи, в том числе в опросах: «Урал-1» и «Урал-2». Мнения молодых неженатых мужчин («Абит» и «КЕП») с одной стороны и, с другой, молодых супругов, уже «прослушавших» свой марш Мендельсона и имеющих одного или двух малолетних детей («МС»). Распределение ответов респондентов на этот вопрос анкеты представлено в табл. 3.

Таблица 3

Отношение несемейной и семейной уральской молодёжи к нетрадиционным формам бракам (% от общего числа опрошенных по каждой группе: в числителе – «не осуждаю»; в знаменателе – «осуждаю»)

Формы нетрадиционных браков	Группы		
	«Абит» 500 чел.	«КЕП» 250 чел.	«МС» 2900 чел.
Гражданский брак (без оформления в ЗАГСе)	83 / 13	90 / 10	87 / 13
Визитный, гостевой брак (супружеские отношения без ведения общего хозяйства)	36 / 55	41 / 58	46 / 54
«Шведский» брак (обмен партнёрами)	12 / 79	15 / 85	15 / 85
Двоежёнство (материальное содержание мужчиной отдельно живущих женщин)	18 / 73	26 / 72	24 / 76
Открытый брак (каждый из супругов свободен в своих отношениях с третьим лицом)	15 / 77	17 / 82	22 / 78

Основной вывод, который можно сделать из полученных данных, мы формулируем следующим образом: удовлетворение сексуальных потребностей у молодых мужчин (именно они составляют контингент курсантов военизированных вузов) в современных условиях может осуществляться довольно значительный период индивидуальной жизни (скажем, до 30-35 лет) вне собственной семьи, вне официально зарегистрированного брака в так называемом «гражданском браке» (его не осуждают 83-90 % курсантов) [12].

Небезынтересным будет привести здесь мнение и ценностные ориентации по поводу семейно-брачных отношений девушек – потенциальных подруг, невест, жён будущих офицеров МЧС. Вот некоторые данные опроса 950 преимущественно незамужних студенток УрФУ (кстати учебные корпуса указанных двух вузов в Екатеринбурге расположены в радиусе не более 300-400 метров, т.е. в шаговой доступности для возможных свиданий). Ниже

приводятся «выжимки» из ответов студенток на ряд вопросов нашей анкеты – «Урал-6».

На вопрос: «Обязательно ли каждому человеку заводить свою семью, когда он повзрослеет?» вариант ответа «да, обязательно» собрал 26 % голосов; вариант «всё зависит от желаний самого человека» – соответственно 70 % (здесь и в последующих вопросах), остальные голоса респондентов были отданы другим вариантам ответов).

На вопрос: «Бытует мнение, что молодым людям, прежде чем жениться необходимо какое-то время пожить в гражданском браке, чтобы лучше узнать друг друга? Вы согласны с этим суждением?» варианты «да, согласна» и «скорее согласна» в сумме набрали 57 % голосов.

На вопрос: «Какие из перечисленных ниже нетрадиционных форм брака Вы считаете недопустимыми?» посчитали недопустимым для себя вести отношения с брачным партнёром в форме «визитного, гостевого брака» 79 % студенток; в форме «шведского брака» – 96 %; в форме «двоежёнства» – 90 %.

На вопрос: «Как Вы считаете, будет ли брак молодоженов крепче, если они пройдут обряд венчания в церкви?» варианты ответов «не будет» и «крепость брачного союза зависит от других факторов» в сумме набрали 82 % голосов.

На вопрос: «Как Вы думаете, когда молодой семье следует заводить «первенца?» вариант ответа «Только тогда, когда будет создана материальная база, хорошие жилищно-бытовые условия семьи» набрал 71 % голосов.

На вопрос: «Сколько детей Вы хотели бы иметь в своей семье, если бы для этого были все необходимые условия?» ответы респонденток распределились так: «одного» – 9 %; «двух» – 65 %; «трёх» – 19 %; «четырёх и более» – 6 %.

На вопрос: «Как Вы считаете, в каком возрасте девушкам (молодым женщинам) сегодня «пора» выходить замуж?» ответы распределились так: «19-20 лет» – 4 %; «21-22 года» – 38 %; «23-25 лет» – 48 %; «старше 25 лет» – 9 %.

На вопрос: «Как Вы считаете, в каком возрасте молодым мужчинам сегодня «пора» жениться?» ответы распределились так: «19-20 лет» – 0 %; «21-22 года» – 7 %; «23-25 лет» – 44 %; «старше 25 лет» – 49 %.

Репродуктивная функция является основополагающей функцией семьи. Она реализуется в процессе репродуктивного поведения этой малой социальной группы. Особенностью формирования и реализации демографической культуры семьи (в качестве синонима – культуры демографического поведения) является то, что, будучи поливариантной и многофункциональной, она не представляет собой социальную организацию или систему социальных институтов, т.е. не имеет институционального закрепления. Важно здесь подчеркнуть и другое. Многоаспектность феномена культуры демографического поведения семейной группы детерминирует и многоаспектность исследовательского поиска путей и средств облагораживания и развития этой составляющей семейной культуры [13].

Культура демографического поведения семьи может быть представлена как степень соответствия потребностей, интересов, мотивов, ориентаций, установок семейной группы основным потребностям общественного развития в сфере производства человека.

В качестве составляющих культуры демографического поведения в процессе онтогенетического развития индивидуальной семейной группы,

обеспечивающих её стабильность и выполнение основных социальных функций, можно выделить следующие:

- культура воспроизводства семейных традиций и обычаев²²;
- педагогическая культура родителей и старших членов семьи;
- культура взаимоотношений (сотрудничества) и преемственности поколений на уровне семейной группы;
- культура консолидации родства и воспроизводства родственных связей;
- культура сохранения здоровья и разумного использования жизненных сил;
- культура миграционной подвижности;
- культура старения индивида и его доживания («культура смерти»);
- культура предбрачного поведения, включающего адекватное сексуальное поведение [14].

Особого внимания в предбрачном поведении требует сохранение репродуктивного здоровья. Отмечающееся в последние годы в России омоложение возраста начала сексуальной жизни и более позднее вступление молодежи в брак привели к увеличению периода, когда молодые люди ведут добрачную половую жизнь без намерения рождения детей. В этих условиях чрезвычайно важной является сохранение репродуктивного здоровья молодежи до ее вступления в брак, а также здоровья тех, кто, вступив в брак, сознательно откладывает деторождение, что позволит им в последствии иметь здоровых желанных детей. Этого можно достичь только тогда, когда будут незамедлительно реализованы программы охраны репродуктивного здоровья подростков и молодежи, в том числе программы полового воспитания, формирования здорового образа жизни, оказания помощи молодежи по предупреждению нежелательных беременностей, профилактике абортот и защите от инфекций, передаваемых половым путем [15].

В своё время, замечательный русский педагог К.Д. Ушинский мудро и ёмко обозначил основные принципы воспитания детей, подготовки их к трудовой жизни. «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, – писал он, – должно воспитывать его не для счастья, а приготавливать к труду жизни... зажечь в нём жажду серьёзного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой... Чтобы человек искренне полюбил серьёзный труд, прежде всего, должно внушить ему серьёзный взгляд на жизнь...» [3, т. 2, с. 335, 360]. Если глубже вдуматься в эти слова педагога, то речь идёт здесь и о таком важном и ответственном виде труда каждого нормального человека, как создание и сохранение собственной семьи, рождение и воспитание собственного потомства. Ну а непременным атрибутом начала такого периода жизни человека является «Марш Мендельсона»... Горько ?!!!

Библиографический список

1. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. М.: Сов. Россия, 1984. 192 с.

²² Следует учитывать, что формирование демографической культуры семьи как в филогенезе, так и в онтогенезе – плод долговременного взаимодействия традиционности и новаций.

2. Тараданов А.А. Социальные параметры семейного благополучия общества//Вестник Челяб. гос. ун-та. – Серия 8.- Экономика. Социология. Социальная работа. Челябинск. 2004. № 1. С. 57-62.
3. Ушинский К.Д. Собр. соч. в 11 т. М.-Л. Изд. АПН РСФСР. 1950.
4. Павлов Б.С. Социология: проблемы семьи. Часть I, II. Учеб. пособие. Челябинск: Вып. Академэкоцентра УрО РАН, 1992.
5. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. 2010. № 3.
6. Татаркин А.И., Павлов Б.С. Проблемы развития социального партнерства на муниципальном рынке труда (на примере Урала). М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2009. 436 с.
7. Павлов Б.С., Белкин В.Н., Козлов В.Н. Методологическое и организационно-методическое обеспечение работы над концепцией развития народонаселения Челябинской области до 2010 года. Свердловск-Челябинск: Труды ИЭ УрО АН СССР, 1990.
8. Павлов Б.С. Профессор вуза в интерьере студенческих девиаций // Академический вестник. 2014. № 2 (28). С. 382-388.
9. Павлов Б.С., Зверева Г.Л., Петрова В.А. Родители и дети в большом городе: проблемы социального отчуждения. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН. 2009.
10. Тараданов А.А. Семейное благополучие: от теории к практике. Челябинск: Челяб. гос. ун-т. 2002.
11. Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала 2013, № 12. С. 90-94.
12. Миронов М.П., Павлов Б.С., Попов В.Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, УрАГС. 2005.
13. Павлов Б.С. Деструкции семейных отношений в зеркале социологического анализа Социум и власть. 2013. № 4. С.27-35.
14. Талалаева Г.В., Павлов Б.С. Демографические аспекты самосохранительного поведения молодежи. Екатеринбург, ИЭ УрО РАН. 2008.
15. Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. Особенности культуры демографического поведения молодых семей на Урале // Дискуссия. 2012. № 6. С. 85-93.

© Павлов Б.С., Анисимов С.А., 2015. Текст.

Информация об авторах

Павлов Борис Сергеевич (г. Екатеринбург, Россия) – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

Анисимов Сергей Алексеевич (Москва, Россия) – доктор социологических наук, профессор, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Москва, пр. Вернадского, 84).

Pavlov B.S., Anisimov S.A.

THE URAL YOUTH ON THE EVE OF MENDELSSOHN'S MARCH

Abstract. *The article deals with actual problems of premarital behavior of various categories of the Ural youth. We analyze the prevalence of various non-familial forms of life among young people, their inconsistency with of traditional morality canons of the older generation. The results of several polls conducted by the authors in 2003-2015 in the Institute of Economics UB RAS in various Ural Federal District settlements serve as empirical basis for the analysis of stated problem and conclusions.*

Keywords: socialization, generation, engagement, sexual behavior, values, family, children, labor, education, family policy.

Information about the authors

Pavlov Boris Sergeevich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: pavlov_boris@mail.ru).

Anisimov Sergey Alekseevich (Moscow, Russia) – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Russian academy of national economy and public service at the Russian President (84, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia).

УДК 314.146:314.15(470.13)

Попова Л.А.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОСЕМЕЙНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ*

Аннотация. *Раскрываются современные тенденции рождаемости населения Республики Коми, изменения в ее структуре по очередности рождения, возрасту и брачному состоянию матери. На основе социологических обследований оценивается влияние демографической политики на трансформацию репродуктивных установок населения.*

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, материнский капитал, репродуктивные установки, Республика Коми.

В 2010-2011 гг. в России исчерпал свое действие структурный фактор повышения рождаемости: вследствие достижения репродуктивных возрастов малочисленными поколениями 1990-х годов рождения количество женщин основного детородного возраста (до 35 лет) перешло в фазу снижения. В этих условиях поддерживать рождаемость на относительно высоком уровне может только ее интенсивность. Поэтому вопросы, связанные с возможностью управляющего воздействия на интенсивность рождаемости и с оценкой последствий государственной демографической политики последних лет, имеют большое значение. Эффективности федеральных мер демографической политики 2006-2007 гг. посвящено уже значительное число работ, которые в основном достаточно скромно оценивают их результативность как по статистическим показателям, так и на основе данных социологических обследований [1, 2, 3, 6, 7]. Поэтому особый интерес вызывает оценка влияния на процессы рождаемости и уровень репродуктивных установок населения регионального материнского капитала на третьего (последующего) ребенка, введенного в регионах в 2011 г.

Федеральные мероприятия демографической политики 2006-2007 гг. позволили продлить позитивные тенденции рождаемости начала 2000-х годов, которые в 2005-2006 гг. уже проявили признаки стагнации. Это видно по динамике всех показателей второй половины нулевых годов. Введение региональных мер несколько увеличило в 2012 г. прирост рождаемости, значительно сократившийся в

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

2009-2011 гг., то есть уже в условиях ухудшения возрастной структуры репродуктивных контингентов в 2010-2012 гг. продолжал сохраняться позитивный тренд рождаемости. В 2013 г. в целом по стране зафиксировано некоторое снижение ее уровня – до 13,2 рождений на 1000 человек населения по сравнению с 13,3‰ в 2012 г. [9, с. 163].

В Республике Коми, где утвержден один из самых значительных по размеру материнских капиталов на третьего ребенка, рост рождаемости пока сохраняется. В соответствии с республиканским законом № 45-РЗ от 29.04.2011 г. «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми», вступившим в силу с 1 июля 2011 г., размер семейного капитала на третьего ребенка составляет 150 тыс. руб. Средства могут быть направлены на улучшение жилищных условий, получение детьми образования и платных медицинских услуг по истечении шести месяцев со дня рождения третьего или последующего ребенка, рожденного в период с 1 января 2011 г. по 31 декабря 2016 г. Проанализируем влияние регионального капитала на текущий уровень и структуру рождаемости в республике, а также попробуем оценить его долговременные последствия.

В целом за период роста рождаемости ее общий коэффициент увеличился в Коми более чем в полтора раза: с 9,1‰ в 1999 г. до 14,2‰ в 2014 г. (на 56,0%). Во многом это было обусловлено улучшением возрастной структуры репродуктивных контингентов. Однако суммарный коэффициент вырос за это время еще существенней: с 1,174 детей на одну женщину в течение репродуктивного периода до 1,968 (т.е. на 67,6%). До 2006 г. более значительными темпами увеличивался общий коэффициент. В целом за 1999-2006 гг. он вырос на 25,3% по сравнению с ростом суммарного коэффициента на 17,9%. После введения федерального материнского капитала наблюдается опережающее возрастание суммарного коэффициента рождаемости: за 2006-2013 гг. он увеличился на 42,2% против роста общего коэффициента на 24,6%. Таким образом, развертывание государственной демографической политики, безусловно, содействовало подъему интенсивности рождаемости.

В сельской местности Республики Коми еще в 2008 г. был преодолен психологически важный рубеж простого воспроизводства населения. Для условного поколения 2008 г. суммарный коэффициент составил 2,305 детей на одну сельскую женщину. По данным официальной статистики, в 2012 г. его величина превысила отметку 4 [9, с. 44], а в 2013 г. составила 4,601 [9, с.40]. Правда, пересчет по возрастным коэффициентам рождаемости, опубликованным в этих же источниках [8, с.40, 48], дает более скромные цифры. Но и согласно нему, в 2013 г. в сельской местности уровень суммарного коэффициента рождаемости составляет 4,076; в городе он достиг 1,647.

В то же время рост суммарного коэффициента рождаемости в значительной степени является следствием изменений в календаре рождений. Если в уровне показателя 1999 г. во всей полноте отражается откладывание рождений, практиковавшееся населением на всем протяжении 1990-х годов и очень заметно проявившееся после кризиса 1998 г., то на уровень последних лет повышающее влияние оказывает реализация отложенных рождений старшими поколениями, а также уплотнение графика рождений у молодых когорт населения под влиянием федеральных и региональных демографических инициатив. За 1999-2013 гг.

произошел заметный сдвиг рождаемости в старшие группы населения. Темп прироста возрастных коэффициентов, отрицательный в целом за 1999-2013 гг. в группе 15-19 лет, нарастает от возраста к возрасту, достигая максимума в группе 40-44 лет. До 2007 г. наибольший прирост возрастного коэффициента рождаемости приходился на группу 35-39 лет, после этого он устойчиво перешел в более старший возрастной интервал. В 2010 г. возрастная мода рождаемости, как и в целом по стране, в Коми переместилась из группы 20-24 года в группу 25-29 лет. После этого прослеживается некоторый обратный сдвиг: за 2010-2013 гг. возрастной коэффициент в группе 20-24 увеличился на 19,1% по сравнению с 17,1% в группе 25-29 лет, что позволяет предположить, что материнский капитал на третьего ребенка оказывает позитивное влияние на уровень рождаемости не только тех когорт, которым он непосредственно адресован, но и более молодых поколений, для которых рождение третьего ребенка может быть только еще в планах.

В годы действия регионального материнского капитала в республике закономерно наблюдается опережающее увеличение процента рождений высокой очередности. В 2011 г. общий коэффициент рождаемости составил 13,1‰ против 12,9‰ в 2010 г. (т.е. вырос всего на 1,6‰), а удельный вес рождений третьего и более порядка увеличился при этом на 7,3% (с 10,9% до 11,7%). В 2012 г. общий коэффициент вырос на 6,9% (до 14,0‰), доля детей третьей и выше очередности – на 21,4% (до 14,2% от общего числа рождений). В 2013 г. уровень рождаемости увеличился на 1,4% (до 14,2 рождений на 1000 человек населения), доля детей высокого порядка – на 12,7% (составив 16,0% всех рождений). Несомненно, что стимулирование рождений высокой очередности способствует возрастанию интенсивности рождаемости не только в результате изменения календаря рождений, но и вследствие более полной реализации репродуктивных планов населения.

В качестве бесспорного позитивного результата просемейной демографической политики 2000-х годов следует оценить также повышение семейной рождаемости, т.е. удельного веса рождений в официально регламентированных семьях. После двух с лишним десятилетий роста процент внебрачных рождений снизился в Коми с 42,3% в общем числе рождений в 2005 г. до 31,9% в 2013 г. В городской местности с 39,0% до 27,6%, в сельской – с 53,5% до 42,9%. При этом в составе внебрачных рождений в последние годы устойчиво растет доля рождений, зарегистрированных по совместному заявлению обоих родителей, которое свидетельствует о наличии отношений между родителями ребенка, возможно, даже фактического или визитного брака, который впоследствии может быть официально зарегистрирован. В 2013 г. доля совместно зарегистрированных внебрачных рождений достигла в Коми 59,2%.

Таким образом, государственные демографические инициативы дали достаточно заметные положительные результаты. Они позволили продлить позитивный тренд рождаемости уже в условиях ухудшения возрастной структуры, реализовать ранее отложенные старшими поколениями рождения, повысить детность семей, усилить семейный компонент рождаемости. Но, с другой стороны, они привели к уплотнению календаря рождений и досрочной реализации репродуктивных планов поколений, которые в момент введения новых мероприятий были в наиболее активных фертильных возрастах. А это, по сути,

самые многочисленные в последнее время поколения начала-середины 1980-х годов рождения. Негативное влияние возрастной структуры фертильных контингентов в самое ближайшее время также обусловит снижение уровня рождаемости в Коми, которое в целом по стране уже проявилось в 2013 г. При этом структурное понижение будет усилено досрочным исчерпанием итоговой детности старшими поколениями, в том числе и многочисленными когортами 1980-х годов рождения. Кроме того, есть основания полагать, что негативную роль может сыграть также недостаточная репродуктивная активность поколений начала 1990-х годов. По данным обследования репродуктивных установок населения, проведенного нами в 2008-2009 гг. (основной массив был опрошен в 2008 г., результаты подробно описаны в [4]), у многочисленного поколения родившихся под влиянием мер демографической политики 1980-х годов сложились наиболее высокие репродуктивные ожидания (2,07 детей). У следующего за ним уже малочисленного поколения 1989-1993 гг. рождения репродуктивные планы на уровне 1,92 детей, как и у родившихся в 1974-1983 гг., то есть федеральные меры, ориентированные на второго ребенка, оказались адресованы главным образом поколениям 1980-х годов рождения, а поколений начала 1990-х годов их стимулирующий эффект не достиг.

Введенный в 2011 г. региональный материнский капитал на третьего ребенка, по логике, также адресован старшим поколениям, в том числе и когортам 1980-х годов рождения, которые ранее откликнулись на мероприятия по стимулированию вторых рождений. И переход максимальных темпов прироста возрастных коэффициентов рождаемости в группу 40-44 года это подтверждает. Иными словами, региональные демографические меры также способствуют уплотнению календаря рождений и еще более полному исчерпанию итоговой детности относительно многочисленных старших когорт. Соответственно, в ближайшие годы эти поколения практически не будут вносить вклад в уровень рождаемости, и он преимущественно будет определяться моделями репродуктивного поведения малочисленных когорт конца 1980-х – 1990-х годов рождения. С другой стороны, как уже отмечалось, в течение 2011-2013 гг. рождаемость в группе 20-24 лет (а это родившиеся после 1987 г.) выросла несколько значительней, чем в группе 25-29 лет, то есть прослеживается воздействие стимулирования рождений высокой очередности на уровень рождаемости также и на те поколения, которые эти мероприятия напрямую не затрагивают.

Еще больший интерес вызывает влияние регионального материнского капитала на репродуктивные установки населения в целом и особенно молодых реальных когорт, поскольку именно они определяют интенсивность рождаемости в перспективе. Мы попытались оценить его в ходе проведенного в 2013 г. обследования «Отношения между поколениями», в котором было опрошено 922 человека старше 15 лет, из которых 795 человек относятся к репродуктивному возрасту (выборка подробно описана в [5]). Прежде всего, необходимо отметить некоторый рост всех основных видов репродуктивных установок по сравнению с обследованием 2008-2009 гг. Среднее идеальное число детей увеличилось за 5 лет с 2,35 до 2,50. Среднее желаемое при всех необходимых условиях – с 2,48 до 2,67. Среднее ожидаемое число детей практически достигло уровня простого замещения поколений: выросло с 1,98 до 2,13. Иными словами, усиление просемейной

демографической политики способствует не только уплотнению календаря рождений и более полной реализации репродуктивных планов населения, но и повышению уровня репродуктивных установок.

Логично было предположить, что в максимальной степени увеличился уровень репродуктивных ожиданий старших поколений, которым региональный материнский капитал позволил реализовать имевшуюся потребность в третьем-четвертом ребенке, которая в отсутствие мер демографической политики, стимулирующей рождаемость высокого порядка, могла остаться неудовлетворенной. В то же время молодые возрастные группы влияние стимулирования рождений старших очередностей на свои репродуктивные планы должны были испытать в меньшей мере.

Анализ уровня ожидаемого числа детей по пятилетним возрастным группам с переходом на реальные когорты по годам рождения показывает следующую картину. Материнский капитал на третьего ребенка оказал влияние на репродуктивные планы всех без исключения реальных когорт населения. В наибольшей степени повышение уровня репродуктивных ожиданий, как и предполагалось, характерно для поколений второй половины 1970-х годов – начала 1980-х годов. У когорты 1979-1983 гг. рождения ожидаемое число детей увеличилось по сравнению с обследованием 2008-2009 гг. на 11,5%, у родившихся в 1974-1978 гг. – на 9,9%. В этом, на наш взгляд, нашло отражение то, что представители указанных поколений, которые смогли реально удовлетворить существующую потребность в многодетности, пересмотрели и переформулировали свои репродуктивные ожидания. Достаточно значительно (на 7,8%) увеличилась к 2013 г. и величина ожидаемого числа детей у когорты 1989-1993 гг. рождения, которые, согласно результатам обследования 2008-2009 гг., не получили стимулирующего влияния федеральных мер демографической политики. Но в то же время обращает на себя внимание, что это поколение, как и в 2008-2009 гг., характеризуется заметно более скромными репродуктивными планами, чем поколение 1984-1988 гг. рождения. Более того, в 2013 г. репродуктивные планы когорты 1989-1993 гг. были ниже, чем у всех остальных поколений. Это, безусловно, окажет свое негативное влияние на уровень рождаемости ближайших лет.

Но самый интересный и, на первый взгляд, неожиданный результат состоит в том, что репродуктивные ожидания самой молодой возрастной группы, участвовавшей в обследовании 2013 г., – поколения 1994-1998 гг. рождения – оказались не только выше планов поколения начала 1990-х годов, не только выше среднего по массиву опрошенных (2,22 детей против 2,13), но и выше ожидаемого числа детей всех старших реальных поколений, которые в момент опроса относились к репродуктивному возрасту и часть из которых имела возможность реально воспользоваться и федеральным, и региональным материнским капиталом. Очевидно, что поколения второй половины 1990-х годов рождения, стандарты демографического поведения которых формировались в благоприятных условиях устойчивой активизации внимания государства к демографическим проблемам, носящей не декларативный характер, а являющейся претворением в жизнь масштабных мероприятий, направленных на улучшение экономических возможностей семьи, получили достаточно мощный позитивный импульс для своих репродуктивных планов.

Более того, только у этого поколения не наблюдается превышения желаемого при всех необходимых условиях числа детей над уровнем идеального числа детей, характерного практически для всех обследований мнений о числе детей в семье в пореформенной России. Такую инверсию, с одной стороны, можно интерпретировать как признак ущемления индивидуальных репродуктивных свобод в условиях значительного влияния материальных факторов. С другой стороны, в ней находит свое отражение весьма скептическое отношение населения к вопросу о необходимости повышения рождаемости в современной России. В своей семье при благоприятной ситуации люди желают больше детей, чем считают необходимым и возможным в обществе, которое, на их взгляд, не имеет достаточных условий для высокой детности. В 2008-2009 гг. превышение желаемого над идеальным числом детей было характерно для всех опрошенных реальных когорт [4]. В 2013 г. для возрастной группы 15-19 лет (т.е. для когорты 1994-1998 гг. рождения) и тот, и другой показатель составляет 2,53 детей. Это, на наш взгляд, также результат позитивного влияния последовательности государственной демографической политики и постепенного наращивания ее мер.

Таким образом, хотя региональный материнский капитал на третьего ребенка был адресован прежде всего поколениям 1980-х годов рождения и более старшим когортам, которые ранее смогли воспользоваться материнским капиталом на второго ребенка, эффект региональных мер демографической политики оказался более универсальным. Он способствовал не только увеличению уровня рождаемости, продолжающемуся уже в условиях начавшегося ухудшения возрастной структуры фертильных контингентов, не только опережающему возрастанию доли рождений высокого порядка, свидетельствующему о повышении уровня реализации репродуктивных установок населения, но и возрастанию репродуктивных планов населения, в том числе и самых молодых возрастных когорт.

Иными словами, последовательное наращивание мер просемейной демографической политики способно повлиять не только на текущую ситуацию в области рождаемости, но и на ее перспективы. При этом крайне важно, чтобы невысокие репродуктивные ожидания малочисленных поколений конца 1980-х – начала 1990-х годов могли удовлетвориться в максимальной степени и репродуктивные планы еще более малочисленных поколений второй половины 1990-х годов, сформировавшиеся на довольно высоком уровне, могли реализоваться полностью. Чтобы следующие за ними тоже малочисленные поколения, которые только-только вступают в репродуктивный возраст, запланировали для себя не меньшее число детей. Для этого необходимо, по меньшей мере, пролонгировать действие и федерального, и региональных материнских капиталов. Эффективность и того, и другого имеет не только характер изменения календаря рождений. Они реально способствовали и увеличению детности семей, и повышению уровня репродуктивных установок населения, которое сыграет свою роль в перспективе. Их отмена приведет к разочарованию населения в государственной демографической политике. В условиях предстоящего длительного структурного понижения уровня рождаемости это чревато новым витком демографического кризиса, более глубокого, чем в 1990-е годы. Только поступательное, последовательное проведение государственной просемейной демографической политики, углубление ее мер и расширение их спектра может в какой-то степени нивелировать предстоящий структурный спад

рождаемости.

Библиографический список

1. Архангельский В.Н. Оценка демографической результативности мер помощи семьям с детьми в России // Демография и социальная экономика (Демография та соціальна економіка). 2014, № 1. С. 108-120.
2. Захаров С.В. Рост числа рождений в России закончился? URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0453/tema01.php> (дата обращения 12.01.2015).
3. Зверева Н.В. Действенность мер демографической политики в области рождаемости: оценки населением // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2013, № 9. С. 15-27.
4. Попова Л.А., Бутрим Н.А. Современные стандарты репродуктивного поведения населения и задачи просемейной демографической политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011, № 2 (14). С.73-85.
5. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. Сыктывкар, 2014.
6. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Эффективность политики России в области рождаемости // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Вып. 1. М., 2013. С. 92-101.
7. Синельников А.Б. Влияние семейной и демографической политики на брачность и рождаемость // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Вып. 1. М., 2013. С. 127-135.
8. Демографический ежегодник Республики Коми. 2013: стат.сб / Комистат. Сыктывкар, 2013.
9. Демографический ежегодник Республики Коми. 2014: стат.сб / Комистат. Сыктывкар, 2014.

© Попова Л.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Попова Лариса Алексеевна (г. Сыктывкар, Россия) – доктор экономических наук, доцент, зам. директора по научной работе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: popova@iespn.komisc.ru).

Popova L.A.

EFFICIENCY OF PRO-FAMILY DEMOGRAPHIC POLICY IN THE KOMI REPUBLIC

Abstract. *The trends of fertility in the Komi Republic, its structure by birth order, age and marital status of mother in recent years are disclosed. Based on two sociological researches using the cohort method the impact of modern demographic measures on reproductive plans of the population is assessed.*

Keywords: fertility, demographic policy, maternity capital, reproductive attitudes, the Komi Republic.

Information about the author

Popova Larisa Alekseevna (Syktyvkar, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science of the Institute for Social Economic and Energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russia, e-mail: popova@iespn.komisc.ru).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ ЖИЗНИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП НА ЖЕЛАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ

Аннотация. *Статья основана на результатах выборочного обследования населения г. Троицка Челябинской области по признаку желаемого числа детей и ориентации респондентов на основные жизненные ценности (стратегии жизни). Авторы используют в исследовании десятибалльную шкалу дифференциации оценок ценностных ориентаций, что позволяет интерпретировать высокую степень аффилиции к той или иной ценности как стратегически значимой для демографического и социального поведения личности. В результате обследования была установлена низкая степень ориентации на трех и более детей при выборе респондентом трудовой карьеры, влечения к политике, ориентации на общение вне семьи с друзьями и подругами, максимальной реализации своих способностей. Высокую ориентацию на желаемое число детей проявили такие стратегии жизни как семья, ценность детей, вождение автомобиля, достижение успехов в жизни.*

Ключевые слова: семья, ценность, стратегии жизни, поведение, личность, уровень детности, стратегии жизни.

В условиях сокращения численности населения Российской Федерации и обозначения Президентом РФ одним из приоритетных направлений государственной политики возобновления населения страны, актуальным становится вопрос о стимулировании репродуктивного поведения и воздействии стратегий жизни населения на демографическое поведение.

Стратегии жизни являются комплексным феноменом и связаны с категориями, характеризующими жизнь человека в целом и его поведение. Понятие «стратегии жизни» активно исследуется в зарубежной и отечественной научной литературе, изучается в области социальной психологии, философии, экономике, социальной антропологии, социологии, демографии.

В проведенном социально-демографическом исследовании в 2013-2014 гг. в городе Троицке Челябинской области респондентам были предложены вопросы о степени влечения к основным жизненным ценностям. В свою очередь, квалификация ценностных ориентаций позволяет выделить ориентации по десятибалльной шкале групп опрошенных в г. Троицке на стратегии трудовой, семейной карьеры (рождение детей), влечение к предпринимательству, политике и власти, отдыху и развлечениям, общению вне семьи, материальному и духовному благополучию, здоровью (телесному и экологическому), к постоянной перемене мест и миграции. При этом основная масса респондентов ориентируется на несколько основных выше названных стратегий жизни, связанных с различным уровнем желаемого числа детей (потребностью в детях).

Стратегии жизни относятся к числу сложных и интересных явлений человеческой жизни. Они выражают целостность жизненного мира человека, его устремленность в будущее и способность к изменению собственной жизни во имя этого будущего. Следует уточнить, что мы придерживаемся точки зрения, согласно которой стратегия жизни относится к числу сознательных проявлений деятельности человека, связанных с изменением и преобразованием его собственной жизни. В выборочном обследовании в г. Троицке в 2014 г. распределение опрошенных относительно основных жизненных ценностей по 10-

ти балльной шкале выявило сосредоточение абсолютного числа ответов в основном в 9-10-ти балльной группе. Это позволило предположить, что оценки, расположенные в пределах 10-ти балльной группы, принадлежат лицам, считающим материальное и духовное благополучие стратегически важным. Сочетание дисперсии ответов о желаемом числе детей и влечении к наиболее желаемым порогам благополучия является убедительным примером дисперсии пронатальных предпочтений вокруг идеалов двухдетной модели семьи не только в приграничном Троицке, но и в России в целом. Идеалы 3-4-детной модели в целом не противоречат высоким порогам предпочтений материальному и духовному благополучию в группах респондентов, давших высокие 9-10-балльные оценки этой ценности, включая достижение успехов в жизни, что характерно для устремлений предприимчивых людей.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов относительно желаемого числа детей по степени влечения к материальному и духовному благополучию (десятибалльная шкала, V Крамера=0,191)

Шкала	Нет ответа	Ни одного	Одного	Двоих	Троих и боле	Сумма строки
Нет ответа	4	0	3	6	3	16
1	2	0	0	5	1	8
2	1	1	0	1	1	4
3	0	2	0	2	2	6
4	0	0	0	3	2	5
5	0	1	3	14	8	26
6	0	1	0	7	5	13
7	0	0	0	12	8	20
8	1	1	4	31	16	53
9	3	0	2	22	17	44
10	4	5	24	141	84	258
Сумма ответов	15	11	36	244	147	453

Вопрос о желаемом числе детей также предполагал оценку детности в семье в ситуации «если бы для этого были созданы все условия». В результате создания всех условий и стремления к материальному и духовному благополучию как стратегически важной ценности и сильного влечения к таковой у личности, среднее число желаемых детей оказалась не столь уж высоким и составило в расчете на 1000 опрошенных 2,329 или всего 2,3 на женщину.

Основная доля населения мотивирована на стратегии жизни (стремление к семейному кругу, поддержанию здоровья, материальному и духовному благополучию, потреблению качественных товаров и услуг, рождению и воспитанию детей, миграции и т.д.).

Группе респондентов, выражающих самую высокую приверженность к ценности семьи и рождения детей, соответствуют и самые высокие доли желающих иметь трех и более детей («если бы для этого были созданы все условия»). Процент таковых достигает, соответственно, 35 и 41 %. Среднее желаемое число детей составляет в этих группах 2,4 и 2,5 в расчете на женщину. В свою очередь, ориентация на труд и миграцию (охота к перемене мест) сопряжена с самыми низкими репродуктивными предпочтениями, 21-28% желающих иметь трех и более детей, среднее число детей – 2,2. Влечение к власти и политике и того

меньше – 21 %. Низкими показателями обладает ярко выраженная внесемейная ориентация, связанная с высокой степенью влечения к общению в кругу друзей и подруг – 31 %.

Таблица 2

Влияние основных жизненных целей на желаемое число детей при условии наличия всех желаемых условий, % к итогу

Основные жизненные цели личности	Желаемое число детей				Среднее желаемое число детей
	ни одного	один	двое	трое и более	
Семейный круг, поддержка родителей	0,7	8,0	55,8	35,4	2,400
Поддержание здоровья	2,1	9,5	55,6	32,8	2,321
Материальное и духовное благополучие	2,0	9,4	55,5	33,1	2,329
Общение с друзьями, подругами	2,3	9,9	57	30,8	2,286
Потребление качественных товаров и услуг	2,0	10,2	52,9	34,8	2,344
Смена места жительства	1,9	11,7	54,3	32,1	2,295
Стремление к труду	3,3	10,6	58,5	27,6	2,194
Стремление к личной безопасности	2,1	7,9	56,6	33,3	2,345
Стремление к политике	0	14,7	64,7	20,6	2,193
Свободное время	2,5	10,3	53,7	33,5	2,316
Рождение и воспитание детей	0,9	7,5	50,7	41,0	2,481
Реализация своих способностей	2,2	10,8	56,1	30,9	2,282
Отдых, восстановление сил	2,4	9,3	55,1	33,2	2,322
Желание водить автомобиль	0,5	8,6	56,8	34,1	2,379
Достижение успехов в жизни	1,2	9,4	56,7	32,7	2,351

Отметим, что самосохранительная ориентация (здоровье, безопасность, восстановление сил и отдых и даже рациональное проведение свободного времени) не противоречат пронатальной направленности личности (доли желаемых детей у носителей данных ценностей достигает в среднем трех, а среднее желаемое число детей – 2,3-2,4 (чего не скажешь о стремлении личности к развитию своих способностей). Повышенной пронатальной ориентацией обладает группа лиц, стремящихся к повышению качества жизни (качеству потребляемых товаров и услуг). Автолюбители Троицка обладают высоким пиететом к ценностям семьи и детей (в отличие от жителей крупных и столичных городов), что отражается положительно на их репродуктивной ориентации. В дальнейшем, в ходе реализации программы исследования социокультурных факторов маятниковой миграции, опрос был распространен на жителей Кургана и Курганской области, пригородов Екатеринбургского мегаполиса (Первоуральск, Заречный). Это позволило увеличить базу наблюдений до 740 респондентов и уточнить ряд эмпирически гипотез, возникших в ходе обследования в Троицке.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни /К.А. Абульханова-Славская. М., 1991.

2. Зырянов, С.Г., Семья в крупном промышленном городе: Монография [Текст] / С.Г.Зырянов, Н.А. Баскова. Челябинск: Центр анализа и прогнозирования, 2009 г. С. 200.
3. Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа) /Ю.М. Резник, Е.А. Смирнов. М., 2002.

© Кузьмин А. И., Примак Т.В., 2015. Текст.

Информация об авторах

Кузьмин Александр Иванович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследования социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: kuz53@list.ru).

Примак Татьяна Владимировна (г. Екатеринбург, Россия) – консультант Чкаловского районного суда Управления судебного департамента Свердловской области (620130, г. Екатеринбург, ул. Авиационная, 65А; e-mail: primak79@inbox.ru).

Kuzmin A.I., Primak T.V.

RESULTS OF EMPIRICAL RESEARCH OF IMPACT OF LIFE STRATEGIES CHOICE (BY VARIOUS SOCIAL-DEMOGRAPHIC GROUPS) TO DESIRED NUMBER OF CHILDREN

Abstract. *The article is based on results of a sample survey of the population of Troitsk, Chelyabinsk Region by characteristic of desirable number of children and orientation of respondents to the basic values of life (life strategies). The authors use a ten-point scale for differentiation of estimates of valuable orientations that allows interpreting high degree of adherence to particular value as strategically significant for demographic and social behavior of individual. In result of survey a low degree of orientation to three or more children at a choice by respondent of labor career, tendency to politics, communication out of a family with friends, the maximum realization of the abilities. High orientation to desirable number of children was shown by such strategies of life as family, value of children, driving, and life success.*

Keywords: family, value, life strategies, behavior, personality, desirable number of children.

Information about the authors

Kuzmin Aleksandr Ivanovich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Economics, Professor, Leading Researcher, Centre for Socio-Economic Dynamics, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: kuz53@list.ru).

Primak Tatyana Vladimirovna (Yekaterinburg, Russia) – Consultant of Chkalovsky district Court of the Judicial Department of the Sverdlovsk region (65A, Aviatsionnaya St., Yekaterinburg, 620130, Russia; e-mail: primak79@inbox.ru).

УДК 314 (075.8)

Симагин Ю.А.

ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА В ЮГО-ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. *Рассмотрены региональные особенности рождаемости населения в староосвоенной части Уральского федерального округа – Свердловской, Челябинской и*

Курганской областях. Динамика показателей рождаемости за последнее десятилетие проанализирована в связи с проводившейся муниципальной реформой.

Ключевые слова: рождаемость, регионы Урала, муниципальная реформа, поселки городского типа.

В современной Российской Федерации очень велика дифференциация между регионами по большинству значимых социально-экономических показателей, в том числе отражающих демографические процессы. Во многих случаях ситуация значительно различается даже в пределах одного федерального округа, что обусловлено как природно-географическим положением, современными социально-экономическими процессами, так и историческими особенностями развития территорий. Не является исключением в этом отношении Уральский федеральный округ, который можно довольно четко разделить на юго-западную и северо-восточную части.

Юго-Запад округа, состоящий из Свердловской, Челябинской и Курганской областей, можно считать староосвоенной территорией с относительно благоприятными для жизни людей и ведения хозяйства природными условиями. В частности, показатель плотности населения здесь составляет примерно 25 человек на 1 км², что в 3 раза превышает среднероссийский показатель и считается достаточным для развития современных видов экономической деятельности. Современной специализацией экономики на юго-западе округа являются обрабатывающая промышленность и сфера услуг. Северо-восток округа (Тюменская область) является слабозаселенной территорией (около 2 человек на 1 км²) со специализацией на добывающей промышленности.

Юг Тюменской области также можно считать староосвоенной территорией с относительно благоприятными природными условиями, но официальная статистика представляет основные социально-экономические показатели только по области в целом, поэтому выделить эту часть для анализа оказывается практически невозможным. В итоге дальше речь пойдет только о юго-западе Уральского федерального округа, территория которого отличается сравнительно большой однородностью основных социально-экономических характеристик.

Воспроизводство населения определяется как процессом рождаемости, так и смертности. Сверхвысокая смертность населения, не соответствующая уровню социально-экономического развития – одна из острейших проблем современной России. Но расширенное воспроизводство населения на долгосрочную перспективу может обеспечить не низкая смертность, а только относительно высокая рождаемость. Критическим значением здесь считается размер суммарного коэффициента рождаемости 2,1 ребенка на одну женщину. Только такое значение позволяет обеспечить хотя бы простое воспроизводство населения той или иной территории при любых показателях смертности, что приведет в конечном итоге (без учета миграций) к стабилизации или росту численности населения. Поэтому анализ показателей рождаемости позволяет более ясно выявить особенности демографической ситуации в региональном разрезе.

За последние 10 лет (период 2004-2013 гг.) показатели рождаемости населения в староосвоенной юго-западной части Уральского федерального округа (Свердловская, Челябинская и Курганская области) значительно улучшились (табл. 1).

Таблица 1

Показатели рождаемости в юго-западных регионах Уральского федерального округа в 2004-2013 гг. [7, 8]

Регион	Общий коэффициент рождаемости, промилле			Суммарный коэффициент рождаемости		
	2004 г.	2013 г.	Δ, %	2004 г.	2013 г.	Δ, %
Свердловская область	10,7	14,4	+34,6	1,175	1,871	+59,2
Челябинская область	10,4	14,1	+35,6	1,189	1,802	+51,6
Курганская область	10,7	14,0	+30,8	1,212	2,115	+74,5

При этом формально (по общему коэффициенту рождаемости) лучше всего ситуация в Свердловской области, где с 2012 года отмечается положительный естественный прирост населения, а хуже всего – в Курганской. Тогда как фактически (по коэффициенту суммарной рождаемости) лучше всего ситуация именно в Курганской области, где в 2013 г. удалось выйти на значение выше 2,1, которое необходимо для обеспечения простого (при высокой смертности) или даже расширенного (при низкой смертности) воспроизводства населения.

Десять лет назад суммарный коэффициент рождаемости в Курганской области был выше, чем в Челябинской и Свердловской областях, что можно было объяснить меньшей степенью урбанизированности Курганского региона. Среди сельских жителей рождаемость, как правило, выше, чем среди городских. Но динамика показателей обнаруживает другую картину. В Курганской области показатель суммарного коэффициента рождаемости вырос намного больше, чем в остальных двух регионах, что и позволило ему превысить значение 2,1 ребенка на женщину. В то же время доля городского населения наоборот, заметно выросла за рассматриваемый период именно в Курганском регионе (с 56% до 61%), тогда как в Свердловской и Челябинской областях она несколько сократилась (с 84-85% до 82-83%). Таким образом, объяснить имеющиеся различия в показателях рождаемости и ее динамики соотношением городского и сельского населения в регионах нельзя.

В Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН на основе данных официальной статистики Росстата была разработана база данных «Муниципальная Россия», которая позволяет проводить сравнение первичных демографических показателей на уровне муниципальных образований всех регионов России, а не только на уровне федеральных округов или субъектов Российской Федерации. Некоторые результаты анализа данных этой базы по муниципальным образованиям Свердловской области уже были представлены ранее [1, с. 58-62; 2, с. 128-132; 3, с. 146-150; 4].

Анализ данных на уровне муниципалитетов верхнего уровня (городских округов и муниципальных районов) юго-западной части Уральского федерального округа (табл.2) показывает, что низкая рождаемость наиболее распространена именно в Свердловской области, где она охватывает почти 1/4 муниципалитетов. В Челябинской области таких почти нет, а в Курганской их доля находится на среднероссийском уровне. Муниципалитетов с высоким уровнем рождаемости (более 15 промилле в 2010 г.) примерно одинаковая доля во всех рассматриваемых регионах – 15-20%.

Таблица 2

Муниципалитеты с низким уровнем рождаемости в юго-западных регионах Уральского федерального округа (12,5 промилле и менее в 2010 г.) [6]

Регион	Количество, единиц	Доля муниципалитетов, по которым есть данные, %
Свердловская область	16	23,5
Челябинская область	1	2,6
Курганская область	4	15,3

Отсутствуют данные по закрытым административно-территориальным образованиям (ЗАТО), которых нет в Курганской области, но доля таких муниципалитетов невелика и в других рассматриваемых регионах. В итоге можно сказать, что в территориальном разрезе наиболее проблемной в аспекте рождаемости является Свердловская область, где муниципалитеты с низкой рождаемостью наиболее распространены. Наиболее благоприятна ситуация в территориальном разрезе в Челябинской области.

Последнее десятилетие отмечено масштабной реформой управления на местном уровне, которая существенно повлияла на все условия жизни людей, особенно за пределами больших городов. Это муниципальная реформа, которая началась после принятия в 2003 году закона ФЗ №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Несомненно, повлияла муниципальная реформа и на процессы воспроизводства населения.

В разных регионах страны эта реформа имела совершенно различные масштабы, как это видно и на примере юго-западной части Уральского федерального округа (табл. 3): в Свердловской области количество муниципалитетов верхнего уровня (городских округов и муниципальных районов) выросло, в Челябинской – сократилось, в Курганской – не изменилось. Различия связаны с тем, что в Свердловской области большинство районов было разделено на городские округа, а в Челябинской области, наоборот, многие города областного подчинения вошли в состав муниципальных районов.

Таблица 3

Число единиц внутреннего деления в юго-западных регионах Уральского федерального округа на 1 января 2004 и 2014 гг. [9, 10]

Регион	Города областного подчинения / городские округа		Районы / муниципальные районы		Городские, поселковые и сельские советы / городские и сельские поселения	
	2004 г.	2014 г.	2004 г.	2014 г.	2004 г.	2014 г.
Свердловская область	36	68	29	5	539	21
Челябинская область	24	16	24	27	293	270
Курганская область	2	2	24	24	433	432

В Свердловской области очень большие изменения произошли также на нижнем уровне административного деления. Городских и сельских поселений, органы власти которых непосредственно взаимодействуют с населением, в регионе стало в 25 раз меньше, чем было городских, поселковых и сельских советов до начала реформы. Сокращение управленческих структур ведет за собой уменьшение учреждений обслуживания населения, деятельность которых должны контролировать структуры управления, – это учреждения здравоохранения, общего

образования, жилищно-коммунального хозяйства. Сокращение числа таких учреждений существенно ухудшает условия жизни людей, снижает территориальную доступность соответствующих услуг, способствует миграционному оттоку населения, росту смертности и снижению рождаемости. Отрадно, что в Челябинской области подобные преобразования имели небольшие масштабы, а в Курганской области их практически не было.

Очень существенны региональные различия в ходе муниципальной реформы по изменению количества населенных пунктов такой категории, как поселки городского типа (ПГТ) (табл. 4): в Свердловской области их количество сократилось более чем в 3 раза, в Челябинской – более чем в 2 раза, тогда как в Курганской области – не изменилось. В Свердловской области в сельские населенные пункты были преобразованы даже некоторые ПГТ с населением более 10 тыс. человек – Баранчинский, Буланаш, Троицкий. Между тем, численность населения менее 10 тыс. человек имеет около 150 городов Российской Федерации (около 15% общего количества городов в стране). Именно малые города и поселки городского типа являются основой системы обслуживания сельского населения на большей части территории России. В итоге разрушение системы малых городских населенных пунктов ведет к обезлюдению сельской местности и, соответственно, снижению рождаемости среди всего населения ниже уровня, необходимого для простого или расширенного воспроизводства.

Таблица 4

Количество поселков городского типа в юго-западных регионах Уральского федерального округа [9, 10]

Регион	2004 г. (начало)	2014 г. (начало)
Свердловская область	97	27
Челябинская область	30	13
Курганская область	6	6

Уменьшение количества ПГТ и численности населения в них в последние десятилетия характерны для многих регионов страны [5, с. 47]. За период 1991-2013 гг. в России около 3 млн человек превратились из городских жителей в сельских, не меняя места своего жительства. В целом административно-территориальные преобразования ПГТ в сельские населенные пункты были более характерными для национальных автономий и южных аграрных регионов России, где система городского расселения в советский период развития страны формировалась в значительной степени искусственно, исходя из идеологических соображений. Урал на этом фоне является исключением, поскольку здесь система городского расселения сформировалась исторически по мере освоения и промышленного развития территории, и массовое преобразование ПГТ в сельские населенные пункты нельзя считать закономерным явлением.

Выявилось, что стабильная система внутрирегионального управления территорией, что можно наблюдать в Курганской области, сопровождалась за последние 10 лет положительной динамикой показателей рождаемости населения, что в перспективе может привести к расширенному воспроизводству. Радикальная муниципальная реформа в сторону усиления городского расселения (Свердловская область) показывает формально хорошие результаты (естественный прирост населения), но в основном за счет областного центра и его пригородов при

быстром сокращении населения окраинных территорий области. Изменения муниципального устройства региона в направлении развития сельского расселения (Челябинская область) сопровождаются незначительным улучшением показателей рождаемости населения, несущественно меняющим демографическую ситуацию.

Таким образом, для обеспечения роста численности населения страны необходимо прекратить имеющуюся практику ликвидации муниципалитетов, особенно нижнего уровня – городских и сельских поселений. Их слияние или присоединение к городским округам фактически ликвидирует структуры органов власти на местах, ломает сложившиеся системы сферы обслуживания населения, способствуют увеличению смертности и миграционного оттока жителей, снижению рождаемости и численности населения.

Библиографический список

1. Коленникова О.А. Роль миграции в расселении населения на Среднем Урале. // Институты развития демографической системы общества. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. 517 с.
2. Пациорковский В.В. Демографические процессы на Среднем Урале. // Институты развития демографической системы общества. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. 517 с.
3. Симагин Ю.А. Демографические процессы и особенности расселения на Среднем Урале // Институты развития демографической системы общества. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. 517 с.
4. Симагин Ю.А., Пациорковский В.В., Коленникова О.А. Демографические проблемы Среднего Урала и пути их решения // Народонаселение, 2015, №1. С. 17-26.
5. Симагин Ю.А. Динамика численности населения малых городских поселений // Народонаселение. 2012, №2. С. 47-51.
6. База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. (№ ГР RU 2014620760 от 27.05.2014 г.).
7. Демографический ежегодник России. 2006: Стат. сб. М.: Росстат, 2006. 561 с.
8. Демографический ежегодник России. 2014: Стат. сб. М.: Росстат, 2014. URL: www.gks.ru.
9. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2004 года. – М.: Росстат, 2004. 198 с.;
10. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 года. М.: Росстат, 2014. URL: www.gks.ru.

© Симагин Ю.А., 2015.Текст.

Информация об авторе

Симагин Юрий Алексеевич (Москва, Россия) – кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник, лаборатория социально-экономических проблем территориального развития, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: yas63@yandex.ru).

FEATURES OF BIRTH RATE AND MUNICIPAL REFORM IN SOUTHWEST REGIONS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

Abstract. *Regional characteristics of birth rate in the old part of the Ural Federal district – the areas of the Sverdlovsk, Chelyabinsk and Kurgan are considered. Dynamics of birth rate for the last decade in connection with the carried-out municipal reform is analyzed.*

Keywords: birth rate, Ural regions, municipal reform, settlements of urban type.

Information about the author

SimaginYuriyAleksseevich (Moscow, Russia) – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Socio-Economic Problems of the Territorial Development of the Institute of Socio-Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences, (32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russia; e-mail: yas63@yandex.ru).

УДК 314.3

Скрябина Я.А.

КОНЦЕПЦИИ РОЖДАЕМОСТИ В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *В статье рассматриваются динамика рождаемости за период 2008-2014 годы, демографические и социально-экономические факторы рождаемости и репродуктивного поведения. Исследована роль этих факторов в снижении рождаемости. Оценена эффективность мер стимулирования рождаемости.*

Ключевые слова: репродуктивное поведение населения, репродуктивный потенциал, рождаемость, факторы рождаемости и репродуктивного поведения, потребность в детях, демографическая политика.

Активно проводимая в последние годы в Республике Башкортостан демографическая политика дала заметные положительные результаты: выросла рождаемость, несколько снизилась смертность, соответственно, выросла продолжительность жизни. Однако параметры демографического развития как в целом в стране, так и в республике все еще весьма далеки от оптимальных.

Для закрепления позитивных сдвигов и если мы действительно хотим улучшить демографическую ситуацию, необходима корректировка приоритетных направлений и мер, определенных в Концепции демографической политики Республики Башкортостан на период до 2025 года. Прежде всего, необходим комплексный, углубленный анализ демографической ситуации в республике. Без анализа, например, факторов рождаемости и изучения причин снижения потребности в детях невозможно разработать эффективную демографическую политику в отношении рождаемости, направленную на ее повышение.

С 2000 г. в Республике Башкортостан начался новейший этап снижения рождаемости. Причины снижения рождаемости многочисленны – это и материальные, и жилищно-бытовые, и социальные, и политические, и медицинские, и собственно демографические, и многие другие. Отметим, что снижение рождаемости в сельской местности республики происходит более быстрыми темпами, чем в городской.

Решение задачи в области стимулирования и укрепления семьи согласно Концепции предполагает повышение уровня рождаемости в 1,5 раза путем постепенного перехода к среднедетному типу репродуктивного поведения за счет рождения второго ребенка и последующих детей. Таким образом, если в 2008 г. в Республике Башкортостан суммарный коэффициент рождаемости (СКР) равнялся 1,708 детей на одну женщину, то к концу третьего этапа реализации Концепции он должен достичь значения 2,562. Значение СКР ниже 2,1 характеризует воспроизводство населения как суженное, при котором поколение детей не замещает поколение родителей и численность населения снижается.

За период 2008-2013 гг. СКР увеличился в 1,1 раз, в 2013 г. он равнялся 1,887. За последние 8 лет рождаемость выросла, но по-прежнему не обеспечивается простое воспроизводство населения. В 2009 г. впервые за последние почти два десятка лет сложился естественный прирост населения, хотя и не очень большой. Указанные позитивные сдвиги, с одной стороны, стали результатом реализации мер государственной политики материального стимулирования рождаемости, с другой, – сложившейся благоприятной половозрастной структуры населения.

Потенциал рождаемости в Республике Башкортостан достаточно высок, но степень его реализации низкая. Выполненные по итогам переписи населения 2010 г. расчеты гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) показали, что в условиях фактической возрастной и брачной структуры населения степень реализации рождаемости для всего населения республики составила только 35% от биологически возможного уровня, для городского – 34%, для сельского – 37%. Как видим, социально-биологический потенциал рождаемости в Башкортостане реализуется менее, чем на треть.

По данным за 2013 год по значению общего коэффициента рождаемости муниципальные образования Башкортостана условно можно разделить на три группы: I группа – уровень рождаемости выше 16,0‰ (3 города, 4 сельских поселения и 8 муниципальных районов); II группа – уровень рождаемости выше среднереспубликанского, т. е. выше 14,6‰ – 6 городов, 2 сельских поселения и 11 муниципальных районов; III группа (самая многочисленная) – уровень рождаемости ниже среднереспубликанского – 11 городов, 7 сельских поселений, 35 муниципальных районов и 2 поселка городского типа.

Расчет, выполненный по данным переписи населения 2010 г., показал, что в тех муниципальных образованиях Башкортостана, где более высокая рождаемость, не приступали еще к деторождению в среднем 55,0% женщин в возрасте 20-24 года и около 20,0% в возрасте 25-29 лет. Там, где наименьший показатель рождаемости, удельный вес женщин, не имеющих детей, выше: порядка 62,0% женщин в возрасте 20-24 и 32,0% в возрасте 25-29 лет не имеют ни одного ребенка. В г. Уфе еще выше – 82,0% женщин в возрасте 20-24 года и 44,0% женщин в возрасте 25-29 лет не имеют ни одного ребенка.

Анализ факторов рождаемости, которые можно разделить на демографические, экономические и социальные, позволил нам сделать следующие выводы.

Демографические факторы, оказавшие влияние на снижение рождаемости, следующие:

- повышение возраста вступления в первый брак, что сокращает период возможного (брачного) зачатия – на протяжении последних 20 лет в республике

прослеживается тенденция к росту среднего возраста вступления в брак: если в 1990 г. средний возраст вступления в первый брак у мужчин составил 24,1 лет, у женщин – 22,1, то в 2012 г., соответственно, у мужчин – 27,1 лет, у женщин – 24,9 лет;

- увеличение возраста матери при рождении первого ребенка – в начале 1990-х гг. в Башкортостане началось откладывание рождения детей на более поздние сроки: в 1990 г. средний возраст матери при рождении первого ребенка составил 23,10 лет, в 2012 г. – 25,11 лет. В республике рожают в несколько более позднем возрасте, чем в среднем в России, но различия невелики. Основная причина откладывания рождения детей на более поздний срок – приоритетность профессионально-карьерного роста для женщин с высоким уровнем образования;

- изменения в брачной структуре населения, оказавшие негативное влияние на состояние семьи и выразившиеся в росте юридически неоформленных брачных союзов, пробных браков, недолговечности и непрочности брачных союзов, что подтверждается данными Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Башкортостан. Например, в период между переписями населения 1989 и 2010 гг. в расчете на 1000 взрослых мужчин и женщин в республике сократилось число состоящих в браке, зато выросло число вдовцов, вдов и число разошедшихся и разведенных среди мужчин и женщин. А если учесть распад юридически не оформленных браков, то реальный показатель распавшихся семей значительно выше. Вполне естественно, что чем меньше будет заключено браков и чем больше распадется супружеских пар в текущем году, тем меньше родится детей в будущем году;

- рождаемость очень сильно зависит от соотношения количества мужчин и женщин в определенных возрастах. Если в половозрастной структуре населения число женщин в репродуктивном возрасте превышает число мужчин в данном возрасте и удельный вес населения в младших возрастах (0-14 лет) низкий, а удельный вес в старших возрастах (50 лет и старше) высокий, то происходит нарушение половозрастных соотношений, что усложняет процесс формирования брачных пар. В период 2007-2013 гг. половозрастная структура населения республики была благоприятной, но постепенно она ухудшается. Диспропорции в половозрастной структуре населения приводят к низкой рождаемости и сокращению численности населения;

- сверхсмертность населения в репродуктивном возрасте, которая наблюдается в республике с начала 1990-х гг. Так, смертность мужчин в наиболее активном репродуктивном возрасте 25-29 лет в 2013 г. по сравнению с 1990 г. выросла в Башкортостане в 1,3 раза, женщин – в 1,6 раза; в возрасте 30-34 года – у мужчин выросла в 1,8 раза, у женщин – в 1,9 раз;

- на протяжении всего XX в. наблюдалось существенное снижение уровня младенческой и детской смертности, высокий уровень которой выступал одной из причин многодетности, когда родители стремились высокой рождаемостью обеспечить себя потомством, чтобы дети оказывали помощь престарелым родителям, а также в случае болезни или инвалидности родителей. Сегодня необходимость в многодетности по этой причине отпала.

Среди социально-экономических факторов рождаемости выделим следующие:

- стремительный процесс урбанизации стал одним из катализаторов демографических изменений, способствуя трансформации репродуктивного поведения

из многодетного типа в среднететный, а затем в малодетный. В настоящее время урбанизация – это не только рост числа городов и сосредоточение населения в крупных городах, но и изменение образа жизни сельских жителей за счет проникновения городских отношений в деревню и все большее распространение малодетного типа репродуктивного поведения в сельской местности. Поэтому с середины 1960-х гг. остро стоит вопрос, насколько уровень рождаемости в сельской местности, в малых и средних городах приблизится к уровню рождаемости в крупнейших и крупных городах. За период 1990-2012 гг. СКР в городской местности Республики Башкортостан снизился на 13,0%, в сельской – на 25,0 процентов;

- по мере роста уровня образования разрыв между желаемым и имеющимся числом детей увеличивается как у мужчин, так и у женщин. Социологические опросы, проведенные автором в г.Уфе, городской и сельской местности Республики Башкортостан показали, что среднее желаемое число детей у мужчин с высшим образованием 2,8, у женщин – 2,6, а имеющееся почти в два раза меньше;

- высокий уровень профессиональной занятости женщин, т. е. массовое вовлечение женщин в общественное производство, их активное участие в политической и общественной жизни страны, активизация женского предпринимательства привели к тому, что сегодня женщине очень трудно совмещать одновременно трудовую деятельность и выполнение семейных обязанностей, что препятствует реализации их репродуктивных ориентаций;

- число детей в родительской семье формирует представление детей и подростков о будущей семье: чем больше число детей в родительской семье, тем выше идеальное, желаемое, ожидаемое и, самое главное, имеющееся число детей. Наши исследования подтвердили, что однодетность родителей, как правило, проявляется в однодетности их детей, двухдетность – занимает промежуточное положение между однодетностью и двухдетностью, а значительное число респондентов из многодетных семей стремится к трехдетности;

- эффективность системы здравоохранения играет значительную роль в повышении уровня рождаемости. Низкий уровень отечественного здравоохранения приводит к тому, что люди имеют детей меньше, чем они хотят в действительности. На наш взгляд, в общей системе медико-социальных мероприятий, направленных на диагностирование, лечение, профилактику, раннее выявление патологий у детей, охрану здоровья детей в нашей республике, имеется ряд серьезных проблем. С одной стороны, данные статистики не свидетельствуют о существенном росте заболеваемости среди детей, с другой стороны, современное качество и доступность медицинской помощи не способны «на сто процентов» удовлетворить потребности пациентов в получении медицинской помощи.

Изучив мнение родителей, имеющих детей в возрасте до 18 лет, о степени удовлетворенности, доступности и качестве медицинской помощи с использованием таких методов социологического исследования, как неформализованное интервьюирование, экспресс-опрос и наблюдение, мы выявили следующие негативные моменты: большинство опрошенных родителей не удовлетворены качеством оказываемых их детям медицинских услуг в муниципальных поликлиниках, поэтому вынуждены пользоваться услугами платного педиатра и узких специалистов, но многие родители не имеют материальной возможности пользоваться услугами платной медицины; очень трудно записаться на прием – чтобы дозвониться до регистратуры детской

поликлиники, родителям в среднем требуется порядка двух-четырех часов, к врачу по записи можно попасть в лучшем случае через 2 недели; отсутствуют необходимые лабораторные методы исследования; постоянно предлагают платные приемы; врачи-педиатры неквалифицированные, грубые, равнодушные, часто меняется расписание врачей, много случаев, когда после осмотра ребенка педиатром и неправильного диагноза дети по скорой помощи попадают в больницу. Врачи, в свою очередь, обвиняют родителей в недостаточной медицинской активности, проявляющейся в поздней обращаемости в поликлинику при заболевании ребенка, невыполнении рекомендаций медицинских работников, в отсутствии мотивации здорового образа жизни у родителей и, соответственно, непривитии его своим детям.

В целом, неудовлетворительное состояние российского здравоохранения, выступает одной из причин, сдерживающих реализацию репродуктивных установок. По мнению экспертов, в настоящее время проблемы в отечественной медицине связаны с тем, что, модернизацию отечественного здравоохранения проводят неквалифицированные и не имеющие достаточного опыта люди; уровень затрат на систему здравоохранения низкий; высокие медицинские технологии для лечения сложных заболеваний практически недоступны; нет эффективной системы контроля качества медицинской помощи; отсутствует ответственность со стороны самих врачей. В развитых странах минимальный уровень затрат на систему здравоохранения составляет 6-9% ВВП, в России – 3,6% (2012 г.), в Республике Башкортостан – 2,7% от ВРП (2012 г.) [1, с.114]. В свою очередь, низкий уровень доходов основной части населения и отсутствие во многих населенных пунктах республики платных клиник ограничивают возможности пользоваться платными медицинскими услугами.

Несмотря на разнообразие факторов, влияющих на процессы воспроизводства населения, основными определяющими эти процессы факторами, являются экономические: уровень денежных доходов, обеспеченность жильем, статус на рынке труда и др.

Денежные доходы населения как один из важнейших экономических факторов влияет на репродуктивное поведение: снижение благосостояния семьи может снизить репродуктивные намерения, потому что для рождения ребенка необходимы определенные материальные условия и вряд ли семейная пара решится на рождение ребенка, если испытывает материальные трудности, т. к. рождение каждого ребенка сокращает доход семьи и увеличивает расходы. При опросе почти 70,0% респондентов отметили, что материальные трудности мешают им иметь большее (желаемое) число детей.

Необеспеченность жилой площадью является одним из основных факторов, сдерживающих рождаемость, но особенность влияния жилищных условий на рождаемость проявляется в том, что характер этой связи зависит от того, какой по счету ребенок рождается в семье. Так, рождение первого ребенка практически не зависит от жилищных условий, а вот рождение второго или третьего ребенка уже сдерживается отсутствием нормальных жилищных условий. В 90-е гг. государство переложило финансирование жилищного строительства на само население. Среднемесячная номинальная заработная плата по Республике Башкортостан в 2013 г. равнялась 22377,4 руб., средняя цена 1 кв. м на первичном рынке жилья – 49558,0 руб., на вторичном – 53174,0 рублей [2, с. 585]. Размер среднемесячной

номинальной заработной платы намного ниже, чем средняя стоимость одного квадратного метра как на первичном, так и на вторичном рынках жилья региона. Таким образом, высокие цены на квартиры и дома, высокий процент по ипотечному кредитованию с нереальной суммой для первоначального взноса при современном уровне заработной платы делают бесперспективным приобретение жилья для большинства населения, имеющего доходы, несравнимые со средней стоимостью жилья. Следовательно, высокая стоимость жилья, особенно в крупных и крупнейших городах, сдерживает решение жилищных проблем молодых семей, которые, не видя перспектив улучшения жилищных условий из-за низких доходов, не желают иметь детей.

Как бы нам ни хотелось, навряд ли величина СКР поднимется выше значения 1,9-2,0 ребенка на одну женщину. Более того, в перспективе следует ожидать сокращения рождаемости. Существует несколько концепций, в которых делается попытка объяснить изменения, происходящие с рождаемостью. На наш взгляд, снижение рождаемости соответствует, с одной стороны, концепции «социальной капиллярности» французского социолога А. Дюмона, суть которой состоит в стремлении индивидов добиться продвижения вверх по социальной лестнице, что побуждает ограничивать число детей в семье. С другой стороны, многое объясняет теория второго демографического перехода, выдвинутая бельгийским демографом Р. Лестейгом и его голландским коллегой Д. Ван де Каа, в основе которой лежит распространение индивидуального контроля над рождаемостью. Главное в этой теории то, что в постиндустриальном (информационном) обществе расширилась множественность выбора индивидуальных стратегий формирования семьи за счет развития индивидуального контроля над рождаемостью; расширения свободы выбора индивидуальных стратегий поведения во всех сферах жизни (в т. ч. свободы выбора брачного партнера и форм совместной жизни); контрацептивной революции. Таким образом, универсальная модель формирования семьи и обзаведения потомством в раннем возрасте постепенно уступает место более позднему родительству с более широким спектром возможных календарей демографических событий.

Для определения приоритетов в области стимулирования рождаемости и укрепления семьи, путей их реализации, необходимо понять, что в целом в основе каждой концепции рождаемости лежит то, что сокращение рождаемости является результатом принятия новых форм репродуктивного поведения, характеризующихся преднамеренными действиями супругов по ограничению деторождения после того, как в семье появилось определенное количество детей, и что снижение рождаемости – закономерный процесс, который определяется конкретными социально-экономическими условиями общества. В настоящее время у большинства населения имеется потребность в одном – максимум двух детях. Для того, чтобы республика, как и страна в целом, вышла из депопуляции, нужно, чтобы по крайней мере 50,0% семей были с тремя детьми. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Башкортостан удельный вес семей, имеющих трех детей в возрасте до 18 лет, составляет 5,5% от всех семей данной категории; удельный вес однодетных семей – 62,7%, двухдетных – 30,4%.

Таким образом, анализ количественных и качественных целей в области воспроизводства и динамики населения Республики Башкортостан, определенных в республиканской Концепции демографической политики на период до 2025 г.,

показал, что в основе решения демографических проблем должен быть комплексный подход, что позволит снизить вероятность возникновения критической ситуации в воспроизводстве населения и добиться положительной динамики. В свою очередь, программы демографического развития и России и ее регионов должны опираться на научно обоснованные выводы, а меры по повышению рождаемости должны разрабатываться на основе углубленных исследований демографических процессов.

Библиографический список

1. Россия и страны – члены Европейского союза. 2013.: Стат.сб./ Росстат. М., 2013. С. 95.
2. Здравоохранение в России. 2013: Стат.сб./Росстат. М., 2013. С. 335
3. Здравоохранение в Республике Башкортостан: ст.сб. Уфа: Башкортостанстат, 2014.
4. Российский статистический ежегодник. 2008 : стат. сб. М., 2008.

© Скрыбина Я.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Скрыбина Яна Альбертовна (г. Уфа, Россия) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела социально-экономических исследований Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (450008, г.Уфа, ул. Заки Валиди, 40; e-mail: skryana67@mail.ru).

Skryabina Ya.A.

CONCEPTS OF BIRTH RATE IN STATE DEMOGRAPHIC POLICY ELABORATION AND IMPLEMENTATION

Abstract. *In the article dynamics of birth rate during 2008-2014, demographic and socio-economic factors of birth rate and reproductive behavior are considered. The role of these factors in birth rate decrease is investigated. Efficiency of measures of stimulation of birth rate is estimated.*

Keywords: reproductive behavior of the population, reproductive potential, birthrate, factors of the reproductive behavior, necessity in kids, demographic policy.

Information about the author

Skryabina Yana Albertovna (Ufa, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Department of Social and Economic Research, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the President of Republic Bashkortostan (40, Zaki Validi str., Ufa, 450008, Russia; e-mail: skryana67@mail.ru).

УДК 314.6

Субхонов А.И.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МНОГОЖЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Аннотация. *В данной статье анализируется влияние социально-экономического развития Республики Таджикистан на брачно-семейные отношения населения в условиях рыночной экономики в контексте демографического развития. На основе результатов демографических исследований описываются факторы и мотивы многоженства.*

Ключевые слова: демография, многоженство, брак, дети, население, факторы.

Низкий уровень социально-экономического развития является «вынужденным» регулятором демографического поведения населения, в силу чего в Республике Таджикистан наблюдаются отрицательные тенденции в некоторых демографических процессах, особенно сильно отразилось это на стабильности брачно-семейных отношений. Поэтому в целях выявления изменений в матримониальном поведении женщин было проведено социологическое обследование женщин, вступавших браки в качестве второй или третьей жены.

В демографической истории республики имеет место многоженство, которое после образования СССР стало редким явлением из-за высокого уровня жизни, но с переходом республики на рыночную экономику, которая подорвала стабильность брака, тенденции многоженства начали нарастать. «Спустя сто лет в Таджикистане вновь открыто появляется многоженство. В принципе для республики это явление не ново. Оно сохранялось в преимущественно мусульманских сельских районах даже на протяжении тех 70 лет, когда Советский Союз установил в стране строгую правящую светскую идеологию, которая остается законом и по сей день. Но тогда многоженство все же встречалось достаточно редко, и такие браки заключались втайне людьми, которые вели двойную жизнь» [6].

Экономическая, социальная и политическая ситуация в стране очень сильно отрицательно повлияли на благополучие семьи и имели следующие негативные последствия: расторжение брака в ранние года супружества, повышение числа нерегистрируемых браков и разводов, внебрачная рождаемость и много других демографических явлений, которые препятствуют социально-экономическому развитию.

Отношение к многоженству в Таджикистане не является однозначным. Из числа опрошенных 87,3% считают, что надо иметь одну жену (одного мужа), женщины во всех 100% случаях предпочитают моногамный брак – это воспринимается в обществе как само собой разумеющееся. Вместе с тем, 4,5% опрошенных отметили, что у мужчины должно быть, по крайней мере, две жены, 1,6% мужчин считают, что мужчина должен иметь трех жен, а 3,1% респондентов желали бы иметь четырех и более жен.

Таблица 1

Мнение респондентов о числе жен (мужей) (опрос 2013 г., 250 респондентов, %)²³

Желаемое число жен (мужей)	Согдийская область	Хатлонская область	ГБАО*	РРП**	г. Душанбе	По республике
1	86,6	81,4	100,0	92,0	90,8	87,3
2	3,5	6,9	-	2,7	3,6	4,5
3	2,8	1,6	-	0,3	1,5	1,6
4 и более	2,5	7,0	-	3,0	2,6	3,1
Нет ответа	4,6	3,1	-	2,0	1,5	3,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Горно-Бадахшанская автономная область; ** районы республиканского подчинения.

²³ Все таблицы рассчитаны на основе результатов социально-демографических исследований по изучению факторов многоженства в Республике Таджикистан, 2013 г.

В разрезе регионов Горно-Бадахшанская автономная область стопроцентно высказалась за моногамный брак, наибольший процент желающих иметь 4 и более жен – в Хатлонской области (7%). Представляет большой практический и научный интерес с позиции формирования типов семьи и укрепления брачно-семейных отношений определение мотивов полигамии.

Таблица 2

Процентное распределение возраста респондентов женщин, вступивших в брак в качестве второй и третьей жены (опрос 2013 г., 250 респондентов, %)

Возрастная группа, лет	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50 и более	Итого
%	1,6	8,2	20,7	27,2	18,5	16,3	6,5	1,1	100,0

Анализ данных табл. 2 показывает, что в качестве второй (третьей) жены вступают в брак в основном женщины от 20-24 лет (8,2%), в возрасте 25-29 лет (20,7%), 30-34 года (27,2%) и до окончания репродуктивного возраста – 45-49 лет (6,5%).

Можно предположить, что основными мотивами могут служить отсутствие детей в начале супружеской жизни; экономические причины; психологическая несовместимость; изменение поведения супругов.

Из данных табл. 2 видно, что основная причина вступления в повторный брак – «возникшие отношения любви и взаимного уважения», которая составила 29,9 %, хотя брак второй. Это еще раз подтверждает интенсификация повторного брака среди женщин, которая начинается в 20-25 и 25-29 лет.

Второй по степени важности причиной вступления в повторный брак послужило отсутствие собственного жилья (12,0%). Эта проблема остра для Республики Таджикистан из-за низких темпов строительства жилых домов и высокой стоимости жилья. Еще одна важная причина – неудавшийся первый брак, которая занимает третье место (10,3 %).

Таблица 3

Факторы и мотивы вступления в повторный брак женщин (опрос 2013 г., 250 респондентов, % к итогу)

Факторы и мотивы вступления в брак	Доля, %
Возникшие отношения любви и взаимного уважения	29,9
Отсутствие собственного жилья	12,0
Неудавшийся первый брак	10,3
Появление новых отношений и уважение к друг другу	9,2
В целях улучшения экономических сторон жизни	8,2
Отсутствие отца	7,6
Влияние родителей и родственников	7,6
Во избежание одиночества	6,0
Отсутствие мужа на длительный срок	3,3
В целях получения или улучшения жилплощади	2,7
Другие причины	3,2

Следующие причины вступления в повторный брак играют очень важную роль: появление новых отношений и уважения друг к другу – 9,2%, в целях улучшения экономического статуса – 8,2%, отсутствие отца у ребенка – 7,6%, влияние родителей и родственников – 7,6%, во избежание одиночества – 6 %. Не-

смотря на то, что на практике в республике наблюдается усиление тенденции вступления в брак между родственниками по согласию родителей, основной причиной вступления в повторный брак среди женщин-респондентов были «возникшие отношения любви и взаимного уважения»; сами же респонденты не одобряют легализации многоженства: по данным социологического опроса на этот вопрос отрицательно ответили 48,4 %, положительно – 18,5 %, не знают 25,5 %, не ответили – 7,6 %.

Существует значительная дифференциация при вступлении в первый и повторный брак по мотиву «возникшие отношения любви и взаимного уважения». Первый брак отличается тем, что при вступлении в него имеет место приемлемый социальный статус: молодой возраст, отсутствие детей, образование и т.д.; при вступлении в повторный брак – наличие детей, отсутствие жилья, старший возраст. Все эти факторы кроются под мотивом «возникшие отношения любви и взаимного уважения».

В отношении браков и разводов в исламе существует серьезные высказывания, например, «Ваши жены – одеяние для вас, а вы – одеяние для них» (Коран, 2: 187). Вескими основаниями для развода считаются рукоприкладство, унижения и оскорбления. Если один из супругов становится грубым и издевается над другим физически и морально, это основание для начала развода, ибо исламский принцип гласит: «никто не должен причинять или терпеть вред». Ислам не терпит несправедливость, кем бы ни был нарушитель прав другого человека. Другие причины для развода – невозможность реализовать те цели, ради которых состоялся брак, из-за полной несовместимости между супругами, например, непреодолимых различий в их характерах, симпатиях и антипатиях. Супружеская неверность – серьезная причина для развода, поскольку брак строится на целомудрии и скромности обоих партнеров. Если же этот фундамент разрушен и нет шансов его восстановить, развод становится единственным выходом из положения. Неспособность мужа обеспечить семью. Если мужчина, который считается кормильцем в семье, не может выполнять свою обязанность, и жена не может с этим смириться, она может потребовать развода. Все эти причины считаются в исламе серьезными основаниями для развода. Если муж не соглашается дать жене развод добровольно, она может обратиться за разводом в суд, и если основания для развода признают вескими, то суд разведет эту пару. (Шейх Ахмад Кутти) [7].

Еще один из важным фактором, способствующим распространению многоженства – это количество детей от предыдущего брака (в большинство случаев от первого). Количество детей играет важную роль в стабильности супружеских отношений в Республике Таджикистан: чем больше их количество, тем семья стабильнее, чем ниже – тем выше вероятность расторжения брака. В трансформационный период суммарный коэффициент рождаемости снизился до 3,28 на одну женщину репродуктивного возраста, что также способствовало увеличению многоженства.

Как показывает табл. 4, почти 59,6% женщин – респондентов, согласившихся быть вторыми и третьими женами, имеют 1-2 детей. В Республике Таджикистан этот момент совпадает с ранним этапом супружеской жизни, «проверкой на прочность». Но к сожалению, большинство женщин не выдерживают «супружеский экзамен», который заканчивается расторжением брака.

По мере увеличения количества детей супружеская жизнь становится стабильнее и прочнее. Среди женщин-респондентов имеющие 3-4 детей составили 30,8% – меньше, чем в малодетной семье, что объясняется тем, что среднететная семья более стабильна, а также тем, что семья, имеющая 3-4 детей, может прокормить себя сама, поскольку дети в ней физически более способны к труду. Среди женщин, не имеющих детей, соглашаются на супружескую жизнь в условиях многоженства 15,2%, поскольку в условиях Республики Таджикистан они могут прокормить себя сами, а также вернуться в первому мужу и т.д., а среди многодетных – всего 9,6%, что можно объяснить тем, что вероятность вступить в повторный брака снижается из-за большого количества детей, дети становятся кормильцами семьи и т.д.

Количество детей в семье до некоторой степени зависит от уровня образования. Среди женщин-респондентов, которые согласились быть вторыми и третьими женами, 25% имеют среднее профессиональное и 16,3 – высшее образование, что влияло на снижение количества детей в их семье и ухудшало стабильность супружеских отношения, меняя традиционные семейные ценности.

Таблица 4

Количество детей от предыдущего брака у женщин-респондентов (опрос 2013 г., %, 250 респондентов)

Количество детей	1-2	3-4	5-6	Всего
%	59,6	30,8	9,6	100,0

Таблица 5

Факторы и мотивы вступления в повторный брак женщин по уровню образование (опрос 2013 г., 250 респондентов, % к итогу)

Причины вступления в брак в качестве второй и третьей жены	Уровень образования			
	Среднее неполное	Среднее полное	Среднее специальное	Высшее
Возникшие отношения любви и взаимного уважения	24,3	23,3	36,2	31,6
Отсутствий собственного жилья	16,2	15,7	2,1	13,3
Неудавшийся первый брак	13,5	2,9	21,3	6,7
Появление новых отношений и уважение друг к другу	8,1	2,9	8,5	26,7
В целях улучшения экономической стороны жизни	16,2	10,0	2,1	3,3
Отсутствие отца	2,7	12,9	2,1	10,0
Влияние родителей и родственников	8,1	8,6	6,4	6,7
Во избежание одиночества	5,4	5,7	8,5	3,3
В целях получения или улучшения жилплощади	2,7	1,4	4,3	3,3
Отсутствие мужа на длительный срок	-	4,3	4,3	3,3
Другие причины	2,7	4,3	4,2	-

Анализ факторов и мотивов вступления в брак в качестве 2-й и 3-й жены в зависимости от уровня образования женщин показал, что чаще первостепенным мотивом вступления в брак у женщин с высшим образованием является возникшие отношения любви и взаимного уважения; в целях улучшения экономического

статуса чаще соглашаются на полигамную семью женщины с неполным средним образованием.

Также в целях изучения более важной причины вступления в повторный брак респондентам был предложен вопрос «Ваше нынешнее экономическое положение», при ответе на который 78,8% отметили, что их экономическое положение стабильное, а 16,3 % – неудовлетворительное. Таким образом, можно заключить, что женщины, обосновавшие вступление в повторный брак «возникшими отношениями любви и взаимного уважения» скрывали под этим мотивом другой – «улучшение экономического благополучия семьи».

Данные рис. 1 показывают, что ежемесячные доходы женщин ниже относительно доходов мужчин. По мере увеличения размера доходов дисбаланс снижается для обоих полов. К примеру, среди респондентов женского пола высший пик дохода составляет 30-60 сомони (36,4 %), мужчин он ниже и составляет 31,5 сомони.

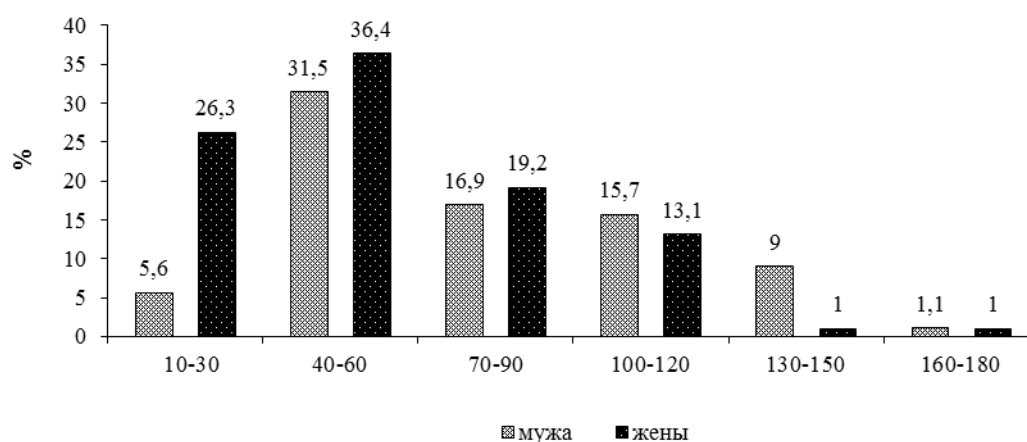

Рисунок 1. Ежемесячные доходы мужа и жены (опрос 2013 г., 250 респондентов, %) (сомони, 2012-2013 гг., 1 долл. США = 3,5 сомони)

Выше было показано, что экономическое положение женщин, состоящих в повторном браке, достаточно хорошее, поскольку большинство женщин, вступивших в повторный брак, относятся к малодетным, что способствует повышению вероятности развода и облегчает вступление в повторный брак. Вступая в повторный брак, женщины, желая, чтобы брак был стабильным, в новом браке имеют 1-2 детей (73,2 %), 3-4 (18,8 %) и 5-6 детей (8 %). Респондентами было отмечено, что их мужья имели детей от предыдущего брака: 1-2 детей имели 35,1%, 3-4 – 42,2 % и 5-6 детей – 15,6 %.

Можно заключить, что в Республике Таджикистан распространение и увеличение числа случаев многоженства неизбежно на основе нижеследующих причин:

- начавшаяся в Таджикистане в 1990-е годы после распада СССР гражданская война унесла 100 тыс. жизней, преимущественно мужчин;
- брак между родственниками, без согласия молодоженов, повышает вероятность расторжения брака;
- причиной распада семьи в подавляющем большинстве случаев становится психологическое напряжение между супругами, отсутствие взаимопонимания на базе накопленных экономических, психологических и других проблем.

Учитывая социальную, экономическую, религиозную основу населения, можно сделать несколько выводов об увеличении числа «неофициальных» случаев многоженства: к нему ведут экономические причины; снижение ценности брачно-семейных отношений; низкий уровень демографической грамотности населения; половозрастной дисбаланс населения в активном брачном возрасте из-за усиления внешней трудовой миграции.

В целом по республике распространение многоженства среди населения в бракоспособном возрасте можно слегка приостановить путем повышения экономического благосостояния населения, в противном случае данное явление будет иметь серьезные отрицательные экономические, социальные последствия, а также стать психологической травмой для будущих поколений.

Библиографический список

1. Исламов С.И. Семья и быт. Душанбе: «Ирфон», 1988 г.
2. Исламов С.И. Акрамова Х. Социально-демографические проблемы женщин в переходной экономике Таджикистана. Душанбе, 2000 г.
3. Исламов Ф.С. Тенденции демографического развития Таджикистана. – Душанбе, 2005 г.
4. Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: Сборник статей/под ред. М.Б.Денисенко, В.В.Елизарова; Экономический факультет МГУ имени М.В.Ломоносов. М.: МАКС Пресс, 2014. 380 с. («Демографические исследования», Вып. 23).
5. Субхонов А.И., Исламов Ф.С. Демографические аспекты брачности и разводимости населения Таджикистана. Душанбе, «Эр-граф», 2012. 119 с.
6. Спустя сто лет в Таджикистане вновь открыто практикуется многоженство // Все новости. URL: <http://txt.newsru.com/religy/13nov2006/polygamia.html>
7. Открытый православный форум «Слово». URL: <http://forum-slovo.ru/index.php?topic=3531.30;wap2>

© Субхонов А.И., 2015. Текст.

Информация об авторе

Субхонов Акбар Идрисович (г. Душанбе, Республика Таджикистан) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан (734024, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Айни, 44; e-mail: a-subkhonov@list.ru).

Subkhonov A. I.

MODERN PROBLEMS OF POLYGAMY IN TAJIKISTAN

Abstract. *In the article the influence of social and economic development of the Republic of Tajikistan on matrimonial behavior of population in the conditions of market economy in context of demographic development is analyzed. On the basis of demographic researches factors and motives of polygamy have been described.*

Keywords: demography, polygamy, marriage, children, population, factors.

Information about the author

Subkhonov Akbar Idrisovich (Dushanbe, Tajikistan,) – Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economy and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Aini Ave., 44, Dushanbe, 734024, Tajikistan; e-mail: a-subkhonov@list.ru).

ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА*

Аннотация. *Рассматриваются тенденции рождаемости населения в Республике Саха (Якутия). На основе анализа структуры рождаемости по очередности рождения раскрываются основные закономерности ее изменения. Особое внимание уделяется рассмотрению компонентов изменения рождаемости городского и сельского населения.*

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), рождаемость, население, очередность рождения, компоненты рождаемости.

Республика Саха (Якутия) относится к группе регионов России со стабильным положительным естественным приростом населения. Для республики характерно сохранение относительно высоких показателей рождаемости по сравнению со среднероссийским уровнем и многими другими российскими субъектами. По данным за 2013 год, Якутия занимала 7-е место по общему коэффициенту рождаемости [4, с. 255].

Высокий уровень рождаемости сохраняется в республике за счет высокой доли сельского населения (34,8% на начало 2014 г.) [4, с. 13], где проживает преимущественно коренное население, отличающееся более высокими репродуктивными установками. По данным переписи 2010 г., 60,4% якутов, 73,9% эвенков и 66,5% эвенов проживало в сельской местности республики, составляя 89,3% от всех жителей села [8]. Для сельского населения характерно сохранение традиционной модели рождаемости с высокой долей рождений в младших возрастных группах и высоких порядков, что способствует сохранению показателей рождаемости на уровне расширенного воспроизводства. Как показали результаты социологического обследования населения республики, проведенного в 2008 г. [11, с. 105], заметная дифференциация среднего желаемого и ожидаемого числа детей отмечается у респондентов разной национальности, а также респондентов одной национальности в зависимости от проживания в городской или сельской местности. Среднее желаемое и ожидаемое число детей больше в сельской местности у якутов (3,23 и 2,67, в городской местности – 2,94 и 2,31) и русских (2,68 и 2,08, в городской местности – 2,34 и 1,78), у народностей Севера, наоборот, в городской местности среднее желаемое и ожидаемое число детей выше, чем у проживающих в селе (5,0 и 3,1 против 3,0 и 2,7). Различия между желаемым и ожидаемым числом детей у якутов (0,63) и народностей Севера (2,0) больше в городской местности, у русских и представителей других национальностей – в сельской (0,6 и 0,53 соответственно).

В начале 1990-х гг. сформировался неблагоприятный возрастной состав женского населения – в возрасте наибольшей репродуктивной активности находилось малочисленное поколение, родившихся в 1970-е гг. Сложная социально-экономическая ситуация в стране вынуждала семьи откладывать рождение детей, поэтому влияние структурного фактора дополнилось снижением интенсивности рождений [12, с. 37]. Рост рождаемости в 2000-е гг. отчетливо

* Статья подготовлена при финансовой поддержке МОиН РФ в рамках выполнения проекта «Экономико-демографические факторы сбалансированности рынка труда в трансформируемых условиях социально-экономического развития Северо-Востока России» (№ 01201460077).

показал повышение интенсивности рождений. В динамике данного компонента рождаемости в 2007 г. отмечался резкий скачок, как ответная реакция на дополнительные меры материальной помощи семьям, стимулирование повторных рождений детей (материнский капитал, увеличение размеров пособий, оплата пребывания детей в детских дошкольных учреждениях и пр.). Эффект демографической волны вскоре себя исчерпает, а активный отклик на меры демографической политики, как отмечают демографы, проявляется в первые 2-3 года [1]. Свидетельством тому стало снижение величины ежегодного прироста числа рождений. В городской местности республики в 2010-2011 гг. рост числа рождений сменился убылью: так, если в 2010 г. число рождений уменьшилось на 1,8%, то в 2011 г. это снижение составило уже 7,8% от показателя 2010 г. В сельской местности, напротив, падение рождаемости в 2008 г. сменилось ростом в 2009-2014 гг. Лишь в 2012 г. в сельской местности республики отмечается снижение числа рождений, в то время как в городской абсолютное число рождений в 2012 г. увеличилось на 7%. В последующие годы падение рождаемости в городской местности возобновилось, и весь прирост числа рождений в республике с 2010 по 2014 г., за исключением 2013 г., обеспечивается сельским населением (рис. 1).

Рисунок 1. Ежегодный прирост (убыль) числа рождений в Республике Саха (Якутия), %

Выявить причины изменений в динамике рождаемости населения позволяет анализ суммарных коэффициентов рождаемости по очередности рождения детей у женщин (табл. 2).

Снижение суммарного коэффициента по первым рождениям со второй половины 1990-х гг., а также в 2007-2013 гг. свидетельствует об откладывании или отказе от рождения первенца. По вторым и рождением высокой очередности отмечается повышение суммарного коэффициента, что свидетельствует о росте рождаемости как отклика на меры демографической политики.

Существенные различия наблюдаются в динамике суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения. В городской местности республики снижается суммарный коэффициент по первым рождениям, что свидетельствует об откладывании рождения первенца, в том числе в связи с более поздним вступлением в брак (рис. 2).

Таблица 2

Суммарный коэффициент рождаемости населения Республики Саха (Якутия)
по очередности рождения, 1990-2013 гг.*

Годы	Суммарный коэффициент рождаемости	В том числе рождения:			
		первые	вторые	третьи	четвертые и последующие
1990 г.	2,374	1,107	0,752	0,306	0,209
1995 г.	1,993	0,909	0,613	0,27	0,201
1998 г.	1,786	0,797	0,551	0,256	0,182
2007 г.	1,911	0,817	0,650	0,273	0,171
2008 г.	1,913	0,820	0,622	0,286	0,173
2009 г.	1,988	0,854	0,650	0,302	0,178
2010 г.	2,011	0,816	0,686	0,325	0,178
2011 г.	2,065	0,796	0,702	0,340	0,181
2012 г.	2,173	0,835	0,713	0,395	0,199
2013 г.	2,175	0,808	0,722	0,399	0,230

* Рассчитано автором по данным ТО ФСГС по РС(Я).

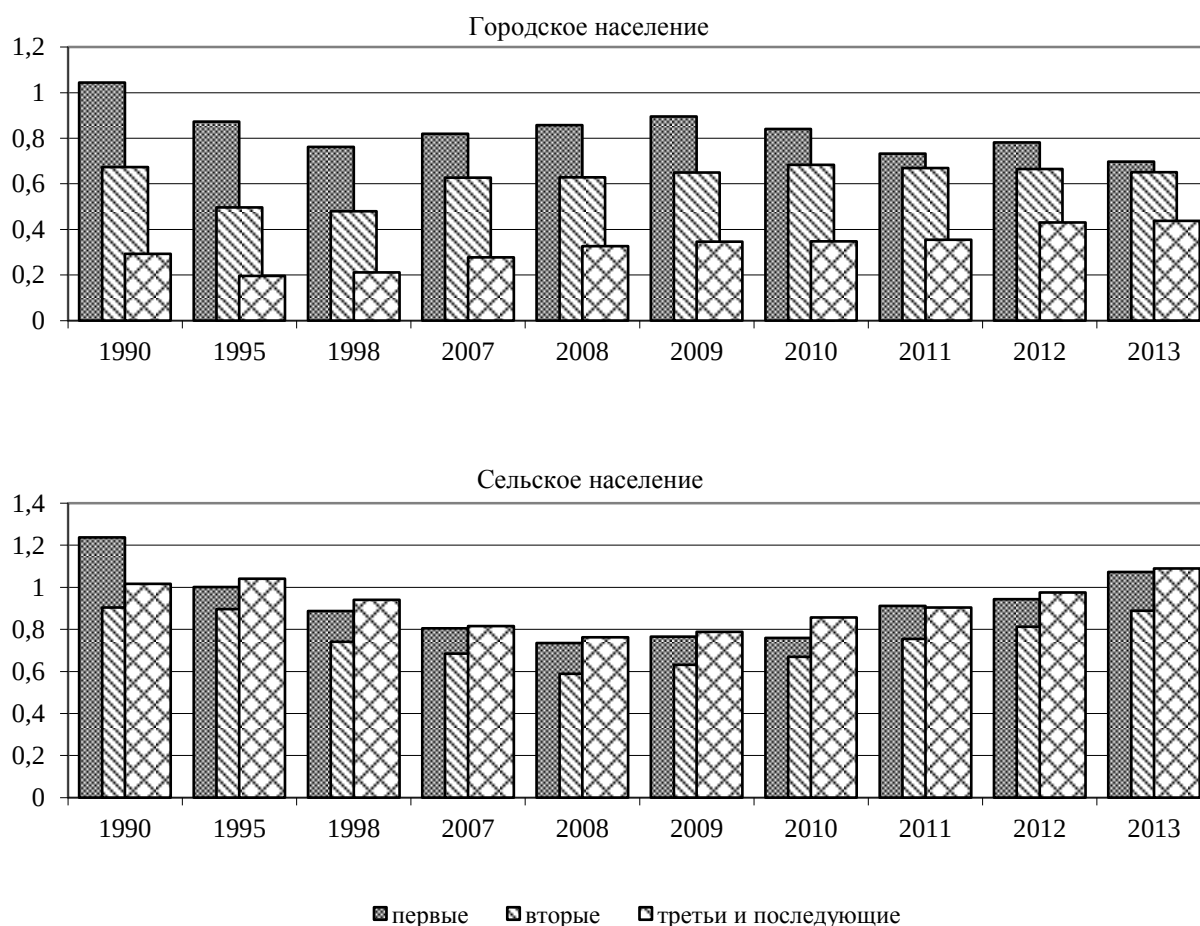

Рисунок 2. Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения в Республике Саха (Якутия), 1990-2013 гг.

В сельской местности отмечается устойчивый рост рождаемости всех очередностей, в результате чего суммарный коэффициент рождаемости в 2013 г. составил более 3 рождений в расчете на 1 женщину репродуктивного возраста.

Оценить влияние возрастной структуры, т.е. сформировавшегося демографического потенциала и интенсивности рождений как следствия принимаемых мер демографической политики позволяет структурный анализ рождаемости. На динамику общего коэффициента рождаемости оказывают влияние колебания доли женщин репродуктивно возраста в общей численности населения и повозрастные коэффициенты рождаемости, а также возрастные сдвиги в структуре женщин репродуктивного возраста. Первый и третий факторы обусловлены возрастной структурой населения, изменения второго определяются репродуктивными установками населения, на которые воздействуют, в числе прочих, и осуществляемые меры демографической политики. Индексный метод анализа изменения общего коэффициента рождаемости позволяет выявить роль каждого из факторов, обусловивших эти изменения (методика представлена в работе [2]).

С начала 2000 г. отмечается благоприятное влияние на рождаемость всех трех факторов: увеличение доли женщин репродуктивного возраста в составе населения, омоложение самого репродуктивного контингента женщин, повышение возрастных интенсивностей рождений. В 2000-2004 годах общий коэффициент рождаемости увеличился на 17%, причем 63% этого увеличения произошло за счет повышения возрастных коэффициентов рождаемости. В 2005 г. произошло падение рождаемости, причиной которого стало снижение повозрастных показателей рождаемости. В 2007 г. увеличение рождаемости на 88% определялось повышением возрастных коэффициентов рождаемости. В 2008 г. увеличение коэффициента рождаемости определялось структурой женщин репродуктивного возраста, в 2009-2012 гг. отчетливо прослеживается вклад повышения интенсивности рождений. Таким образом, рост числа родившихся детей, начиная с 2000 года, можно объяснить несколькими причинами (рис. 3).

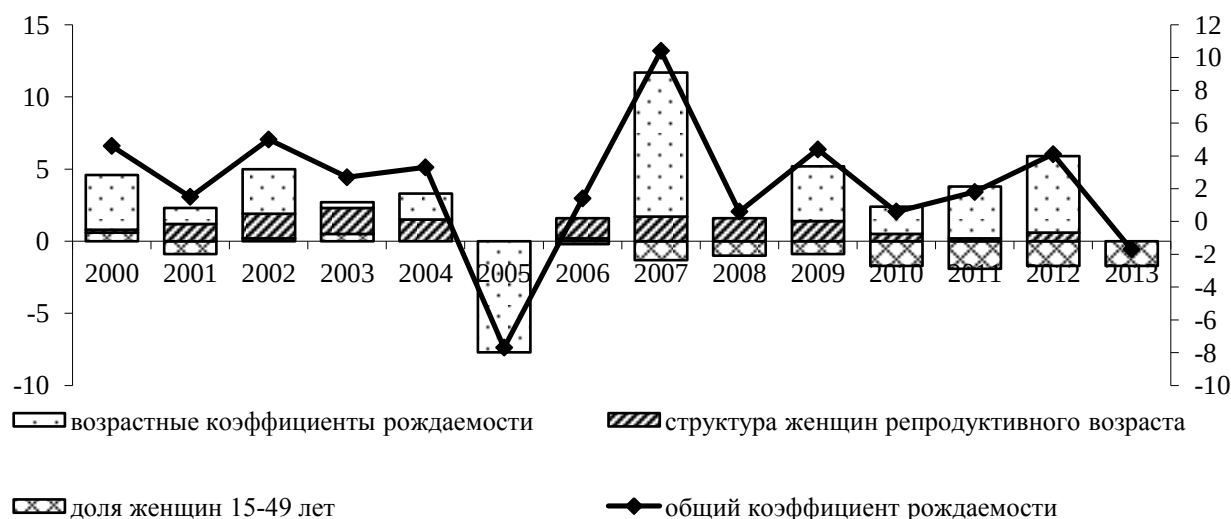

Рисунок 3. Структура изменений общего коэффициента рождаемости в РС (Я), %

Во-первых, это улучшение социально-экономического положения в стране и реализация отложенных рождений, во-вторых, меры региональной и федеральной

демографической политики по оказанию помощи семьям с детьми. Кроме того, значимым фактором увеличения рождаемости стали благоприятные изменения в возрастной структуре женского населения Якутии. Со второй половины 2000-х гг. наблюдается сокращение доли женщин репродуктивного возраста в общей численности населения республики, вместе с тем структура женского населения сохраняется благоприятной, с высокой долей женщин в активном репродуктивном возрасте, вклад данного фактора положителен до 2013 г. Резкие всплески интенсивности рождений, связанные с мерами демографической политики, происходят в 2007 г. и 2012 г. после введения региональных мер стимулирования рождаемости.

На изменения рождаемости оказывают влияние происходящие трансформации демографического поведения населения. Снижение уровня официально зарегистрированной брачности и рост числа юридически не оформленных брачных союзов ведет к снижению рождаемости. В республике отмечается повышение возраста вступления в брак, увеличивается число мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, в наиболее активном репродуктивном возрасте 25-29 лет. Так, если по переписи 1989 г. их доля среди мужчин составляла 26,4% и 15,9% среди женщин [10, с. 10], то к 2010 г. количество мужчин, никогда не состоявших в браке, к данному возрасту возросло до 37,6% и женщин – до 25,3%. По данному показателю республика приблизилась к среднероссийскому уровню, составившему в 2010 г. соответственно 38,9% и 25,4% [3, с. 460]. В республике все больше становится незарегистрированных браков. Если по данным переписи 2002 г. их было 13,1%, то к 2010 г. доля незарегистрированных браков выросла до 17,8%, что почти на треть превышает среднероссийский уровень (13,3%) [3, с. 461]. Одним из показателей современной модели репродуктивного поведения является также рост внебрачных рождений. Их доля в республике увеличилась с 17,9% в 1990 г. до 36,6% в 2013 г., причем удельный вес внебрачных рождений неодинаков в городской и сельской местности [4, с. 89]. В городской местности наблюдается снижение доли внебрачных рождений – до 33,7%, в то же время в сельской местности данный показатель заметно вырос и составляет около 40%. Превышение доли внебрачных рождений в сельской местности отмечается также и по Российской Федерации в целом, составляя 27% от общего числа родившихся в 2013 г., соответствующий показатель в городской местности – 21,4% [5].

Для улучшения демографической ситуации, необходимо не только создавать благоприятные условия для реализации имеющейся потребности в детях, но и повышать сами репродуктивные установки через формирование общественного мнения о семье с двумя-тремя детьми как общественно одобряемой модели. Этому будут способствовать принимаемые в республике меры поддержки многодетных семей, в том числе выделение земельных участков семьям, имеющим трех и более детей [6]; республиканский материнский капитал «Семья» [7], размер которого с 1 января 2015 года составляет 125888,8 руб.; предоставление субсидий на улучшение жилищных условий семей, имеющих пять и более несовершеннолетних детей; с 1 января 2013 года – предоставление социальной помощи на основе социального контракта о взаимных обязательствах и др.

Негативное влияние возрастной структуры фертильных контингентов, начавшееся в 2013-2014 гг. в самое ближайшее время обусловит снижение

рождаемости. Даже в условиях дальнейшей активизации демографической политики стране предстоит длительный период снижения рождаемости по причине сокращения числа потенциальных матерей. Поэтому при разработке новых мер демографической политики следует акцентировать большее внимание на улучшении качественной структуры рождаемости, на укреплении института семьи, возрождении и усилении духовно-нравственных традиций семейных отношений. Отметим, что самой просемейной мерой демографической политики можно считать приоритет вторых и третьих рождений. Сегодня требуется переориентация мероприятий демографической политики именно на рождения высокой очередности, тем более что адресатом обновления и усиления мер, ориентированных на стимулирование вторых рождений, в настоящее время окажутся поколения 1990-х годов рождения, активизация репродуктивного поведения которых отвечает долгосрочным целям демографического развития страны [9].

Библиографический список

1. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.
2. Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: Демографический анализ. М.: НИИ семьи, 1996.
3. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги ВПН 2010: в 11 т. Федер. служба гос. Статистики. Том 2. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012 г.
4. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Статистический сборник /Саха(Якутия)стат. Якутск, 2014.
5. Демографический ежегодник России, 2014. [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_16/Main.htm (дата обращения 10 мая 2015 г.).
6. Закон Республики Саха (Якутия) от 10.11.2011 года 969-З N 847-IV «О внесении изменений в Земельный кодекс Республики Саха (Якутия)».
7. Закон Республики Саха (Якутия) от 16 июня 2011 года № 951-З № 803-IV «О республиканском материнском капитале “Семья”».
8. Итоги ВПН 2010. Т.4. Национальный состав и владение языками, гражданство. [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 10 мая 2015 г.).
9. Попова Л.А. Демографические вызовы XXI века // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 1. С. 39-44.
10. Состояние в браке и рождаемость населения Республики Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. / Саха(Якутия)стат. Якутск, 2006.
11. Сукнёва С.А. Демографический потенциал развития населения Северного региона. Новосибирск: Наука, 2010.
12. Сукнёва С.А. Демографическое развитие Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 33-40.

© Сукнёва С.А., 2015. Текст.

Информация об авторе

Сукнёва Светлана Александровна (г. Якутск, Россия) – доктор экономических наук, первый заместитель директора по науке, Научно-исследовательский институт региональной экономики Севера, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (677891, г. Якутск, ул. Петровского, 2; e-mail: ire2000@mail.ru).

TRENDS OF BIRTH RATE IN NORTHERN REGION

Abstract. Trends of birth rate in the Republic of Sakha (Yakutia) are considered. On the analysis of birth rate structure by birth order the main regularities of birth rate change are revealed. The special attention is paid to the components of the changes in birth rate for urban and country people.

Keywords: Republic of Sakha (Yakutia), birth rate, population, order of birth, birth rate components.

Information about the author

Sukneva Svetlana Aleksandrovna (Yakutsk, Russia) – Doctor of Economic Sciences, the Deputy Director of the Institute of Regional Economy of the North, the M.K. Ammosov's North-Eastern Federal University (2, Petrovsky St., Yakutsk, 677891, Russia; e-mail: ire2000@mail.ru).

УДК 314.3

Тельнов В.И., Третьяков Ф.Д.

ДИНАМИКА ВОЗРАСТНЫХ КОЭФФИЦИЕНТОВ РОЖДАЕМОСТИ В АТОМГРАДЕ ОЗЕРСКЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Полученные в исследовании данные о динамике возрастных коэффициентов рождаемости, отражающие повышение среднего возраста матерей при рождении детей в г. Озерске и России, свидетельствуют о том, что о долгосрочном повышении рождаемости можно говорить в случае одинаковых тенденций повышения СКР как в условном, так и в реальном поколениях женщин, а основной вклад в суммарный коэффициент рождаемости вносит рождаемость в старших возрастных группах женщин.

Ключевые слова: суммарный коэффициент рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости, интенсивность рождений, поколения женщин.

Введение. Одним из наиболее распространенных показателей рождаемости является так называемый суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Он равен сумме возрастных коэффициентов рождаемости (ВКР) во всех возрастных интервалах женщин фертильного возраста и показывает, сколько детей родила бы женщина в период от 15 до 49 лет. СКР не зависит от половозрастного состава населения, интегрально отражает интенсивность рождений во всех возрастных группах, является наиболее точным показателем рождаемости в условных поколениях женщин (то есть у женщин 15-49 лет в данном году) и позволяет охарактеризовать рождаемость одним числом.

В целом снижение рождаемости в России и Озерске отражает общемировую тенденцию снижения числа детей в семье. Направленность динамики рождаемости во всем мире одинакова – в сторону снижения интенсивности рождений [1]. При этом в большинстве развивающихся государств рождаемость снизилась в большей степени, чем в большинстве развитых стран, т.е. дифференциация между странами постепенно сокращается, причем уже на более низком уровне. Все больше стран имеют интенсивность рождений, недостаточную даже для простого замещения численности предыдущих поколений ($СКР < 2,12$).

В настоящее время в России, так же как и в Озерске, СКР один из самых низких в мире. СКР, который считается обобщающим показателем, сводящим разнонаправленные изменения возрастных коэффициентов к одной цифре, в последние годы демонстрирует заметный рост в России, что как будто говорит о росте рождаемости. С 2000 по 2011 год он вырос на 0,05 ребенка в расчете на одну женщину в Озерске и на 0,22 ребенка – в России. Хотя даже и в 2013 году по этому показателю для городского населения (1,55) было далеко до минимального показателя советских лет (1,89 в 1980 и 1990 годах), рост все же налицо. Проблема, однако, заключается в том, что СКР, при всех его положительных характеристиках, – недостаточно информативный показатель. Он относится, как отмечалось выше, к так называемому «условному поколению», неплохо работает, когда в демографическом поведении людей не происходит быстрых изменений, но может дать искаженное представление об уровне рождаемости и его динамике, когда это поведение резко меняется, что и наблюдается в России на протяжении последних 20 лет. Главный недостаток СКР заключается в том, что он не позволяет учесть так называемых тайминговых (временных) изменений, или особенностей «календаря» рождений разных поколений женщин. СКР в данном году может снизиться или повыситься не потому, что женщины стали рожать меньше или больше детей, а потому что, при том же конечном количестве детей, что и прежде, изменилось «расписание» их появления на свет, увеличились или уменьшились интервалы между рожденьями и т.п. По сути, этот показатель отражает лишь текущую конъюнктуру формирования возрастной рождаемости, тогда как итог каждого женского поколения формируется, главным образом, на протяжении 25-30 лет, и за это время конъюнктура может несколько раз измениться [2].

Цель исследования. Для оценки динамики последовательных показателей ВКР, а также очередности рождений и их влияния на СКР проводился анализ сопутствующих изменений ВКР и СКР в популяциях женщин г. Озерска и РФ в период с 1995 по 2010 годы.

Материалы и методы. Расчеты ВКР проводили по общепринятой методике [3]. Для сравнительной оценки динамики ВКР и среднего возраста рождений и последовательных рождений детей использовали материалы Базы данных по рождаемости [4].

Результаты исследования. Как видно из таблицы 1, в целом динамика ВКР в Озерске и России в возрастных группах женщин 15-24 лет характеризуется существенным снижением после 1987 года и повышением в возрастных группах 25+ лет после 2002 года.

Наиболее наглядно эти данные для Озерска и России представлены на рисунках 1 и 2, из которых видно, что в рассматриваемый период существенное снижение ВКР наблюдается у женщин в возрасте 15-19 и 20-24 лет и, напротив, повышение после 24 лет. В результате после 2002 года, как в Озерске, так и в России, сумма ВКР у женщин 25+ лет преобладала над суммой ВКР у женщин до 25 лет (рис. 3, 4).

Анализ динамики вклада очередности рождений в России в суммарный коэффициент рождаемости показал, что начиная с 2007 года вклад вторых-четвертых рождений был сопоставим, а после 2011 года превосходил вклад первых рождений (рис. 5).

В целом средний возраст матерей при рождении всех детей повысился на 2,8 года. При этом повышение возраста матерей отмечалось при всех очередных рождениях детей: от 2,65 года при рождении 2-го ребенка до 0,85 года при рождении 5+ ребенка (табл. 2).

Заключение. Ранее нами было показано, что наблюдающееся в последние годы увеличение СКР (а также прогнозное) в условных поколениях женщин обусловлено, главным образом, повышением рождаемости в старших возрастных группах (≥ 25 лет), а уменьшение СКР в реальных поколениях женщин – снижением рождаемости в младших возрастных группах (< 25 лет) [5]. В целом, при одинаковых тенденциях рождаемости в возрастных группах женщин (монотонная, повышающаяся или снижающаяся) СКР в условных и реальных поколениях будут также иметь те же самые тенденции, на что указывают результаты модельных исследований (табл. 2).

В случаях же тайминговых изменений в разных возрастных группах женщин СКР в условных и реальных поколениях будут иметь противоположенные тенденции (табл. 1).

Таблица 1

Динамика изменения возрастных коэффициентов рождаемости в Озерске и России (городское население)

Годы	Возрастные коэффициенты рождаемости (среднегодовые)						
	Возраст, лет						
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45+
г. Озерск							
1958-62	84,2	209,3	169,8	99,9	123,9	57,7	9,4
1963-67	51,5	226,3	161,5	65,7	48,6	12,9	2,7
1968-72	33,2	208,0	139,5	55,9	39,0	8,8	2,5
1973-77	39,3	181,2	109,9	67,4	33,0	7,0	1,3
1978-82	48,3	175,0	98,4	81,6	24,0	5,5	0,4
1983-87	75,3	253,7	120,4	61,7	24,9	6,7	0,7
1988-92	55,6	184,1	83,9	37,6	15,3	0,3	0,3
1993-97	41,1	107,8	65,2	24,9	7,9	1,8	0,3
1998-02	27,4	87,7	63,4	35,2	10,1	1,8	0,2
2003-07	23,5	82,5	70,4	42,9	16,0	2,2	0,1
2008-12	25,5	65,3	70,2	50,5	22,1	4,8	0,3
2013-	24,9	60,4	73,4	52,8	23,1	5,1	0,3
Россия							
1958-62	28,4	157,9	156,4	101,9	57,7	19,9	3,0
1963-67	24,3	149,6	119,3	77,3	37,8	12,5	1,4
1968-72	28,4	148,3	110,6	69,9	32,6	9,2	1,0
1973-77	33,7	157,3	110,7	60,0	28,5	7,3	0,6
1978-82	41,5	157,0	103,7	54,9	20,1	5,3	0,4
1983-87	46,6	166,1	116,3	62,4	24,7	4,4	0,3
1988-92	52,8	153,8	93,2	48,2	19,5	4,3	0,2
1993-97	43,9	111,9	66,4	30,1	10,9	2,3	0,1
1998-02	28,9	94,4	68,5	36,0	12,4	2,4	0,1
2003-07	27,9	94,3	79,2	45,0	16,3	2,8	0,1
2008-12	21,2	75,9	92,4	63,6	28,2	5,3	0,2
2013-	20,2	72,4	102	75	36,6	7,4	0,3

Таблица 2

Динамика среднего возраста матерей при рождении детей в 2010 году
относительно 1995 года в России

Годы	Средний возраст при рождении ребенка:					
	Всех детей	1-го	2-го	3-го	4-го	5 и более
1995	24.80	22.67	26.91	29.84	31.54	34.28
2010	27.60	24.80	29.56	32.22	33.45	35.13
Прирост в 2010, лет	2,80	2,13	2,65	2,38	1,91	0,85

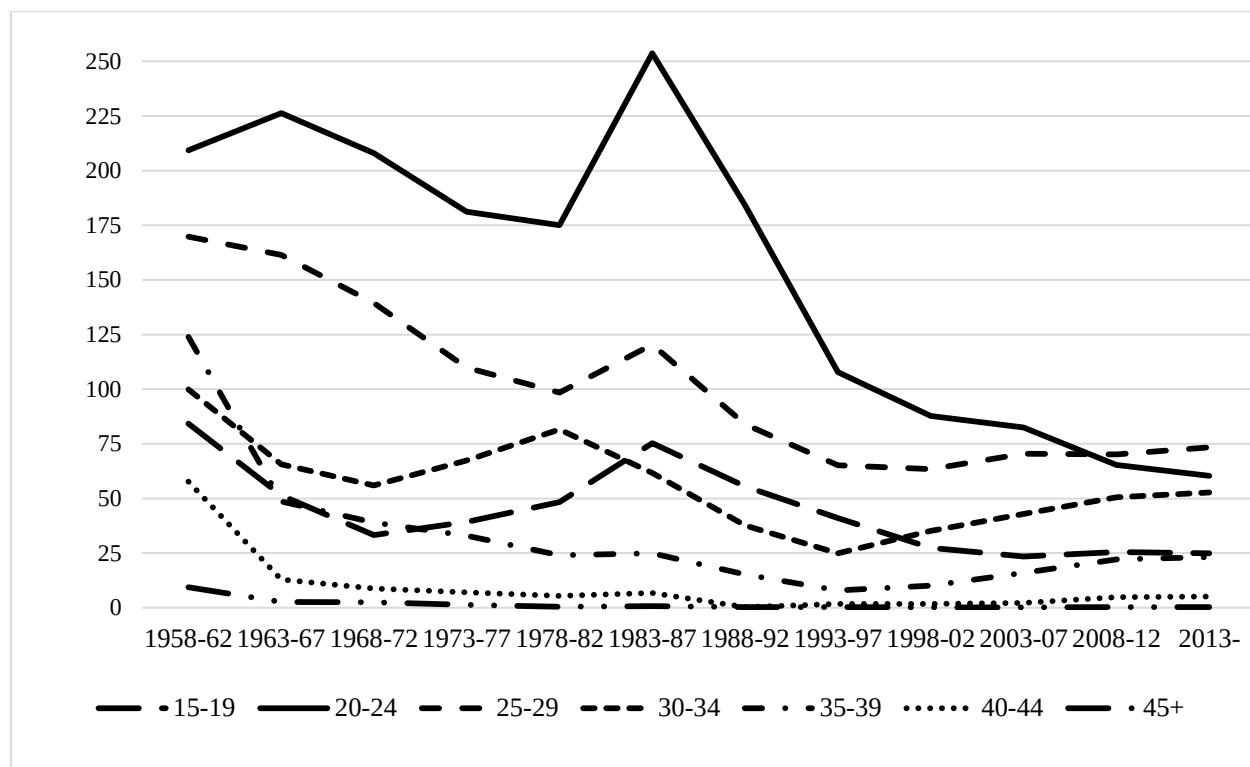

Рисунок 1. Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в г. Озерске

Следовательно, о долгосрочном повышении рождаемости можно говорить в случае одинаковых тенденций повышения СКР как в условном, так и в реальном поколениях женщин. Например, если наблюдающееся в последние годы повышение СКР в условных поколениях женщин будет подкреплено повышением СКР в реальных поколениях женщин, то данный процесс можно рассматривать как более устойчивый и долгосрочный. При этом для сокращения периода наблюдения вполне допустимо рассчитывать СКР в реальном поколении женщин в возрасте от 15 до 39 лет, так как вклад в СКР возрастных коэффициентов рождаемости в более старших возрастных группах не превышает 5%.

В демографической литературе, посвященной динамике рождаемости в нашей стране, отмечается, что этот процесс в ближайшие годы, с одной стороны, покажет, насколько устойчива тенденция ее повышения в условиях возможного воздействия различных факторов (того или иного характера изменений в экономической ситуации в стране и в демографической политике, накопленного и потенциального результата действующих мер и др.), а с другой — даст возможность

точнее и полнее оценить изменение показателей рождаемости в реальных поколениях [6].

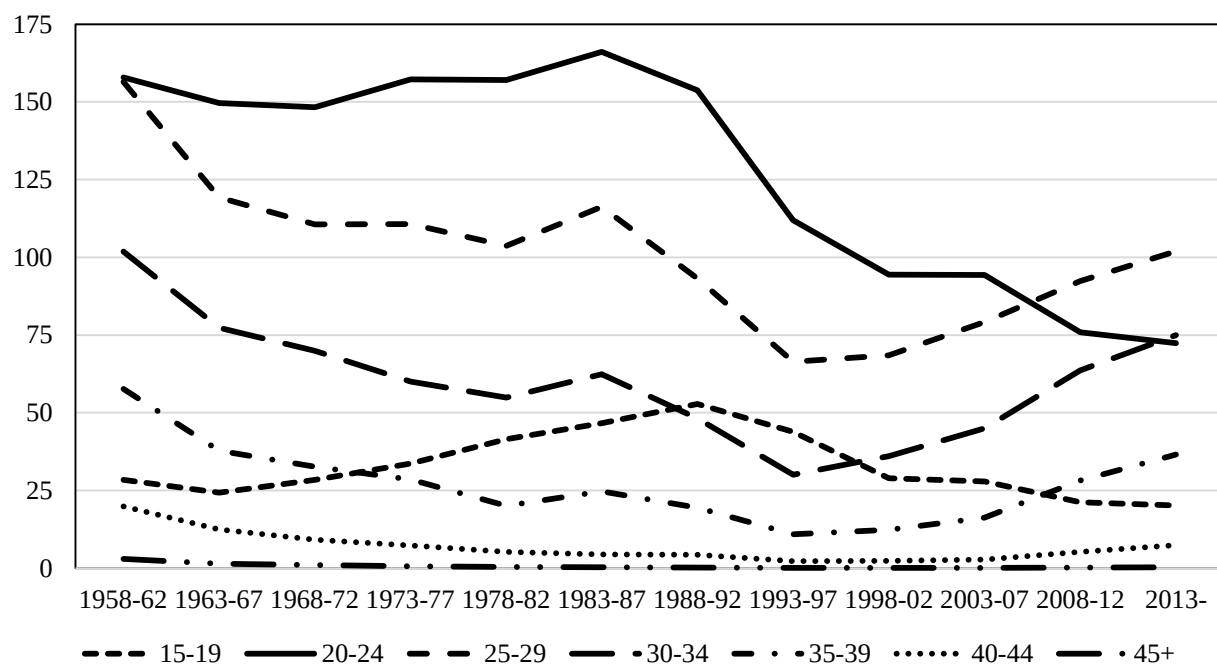

Рисунок 2. Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в России

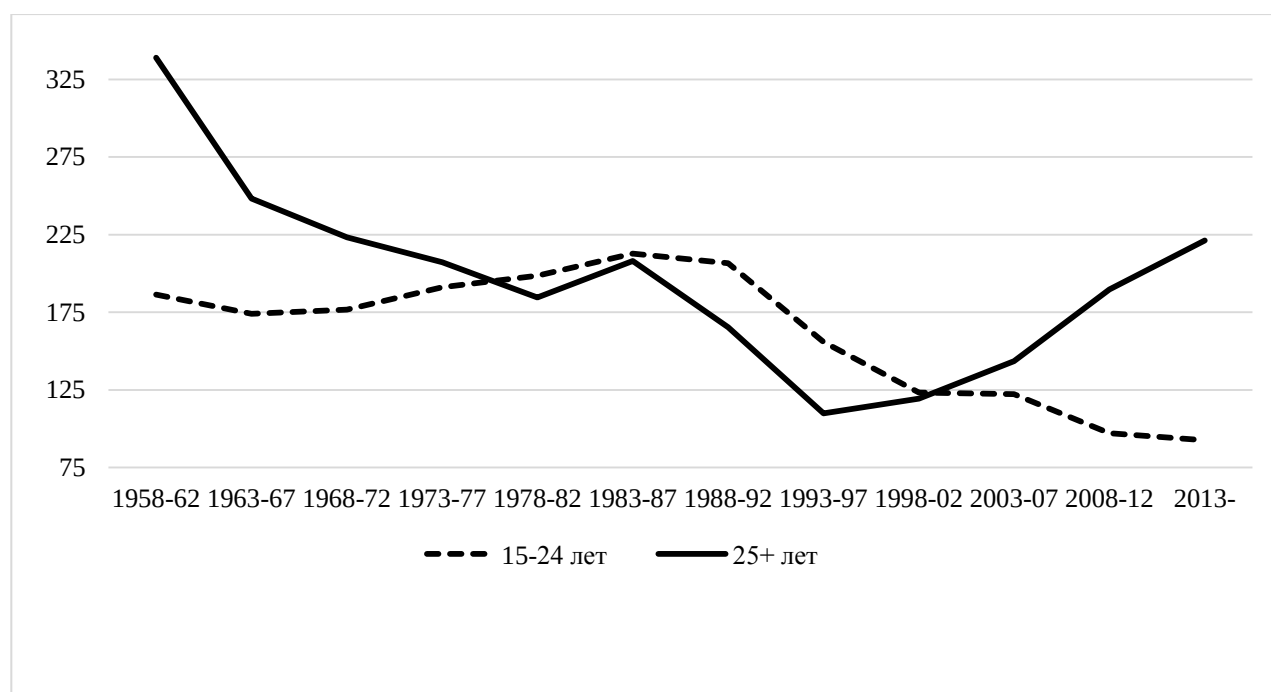

Рисунок 3. Сравнение динамики возрастных коэффициентов рождаемости у женщин до и после 24 лет в Озерске

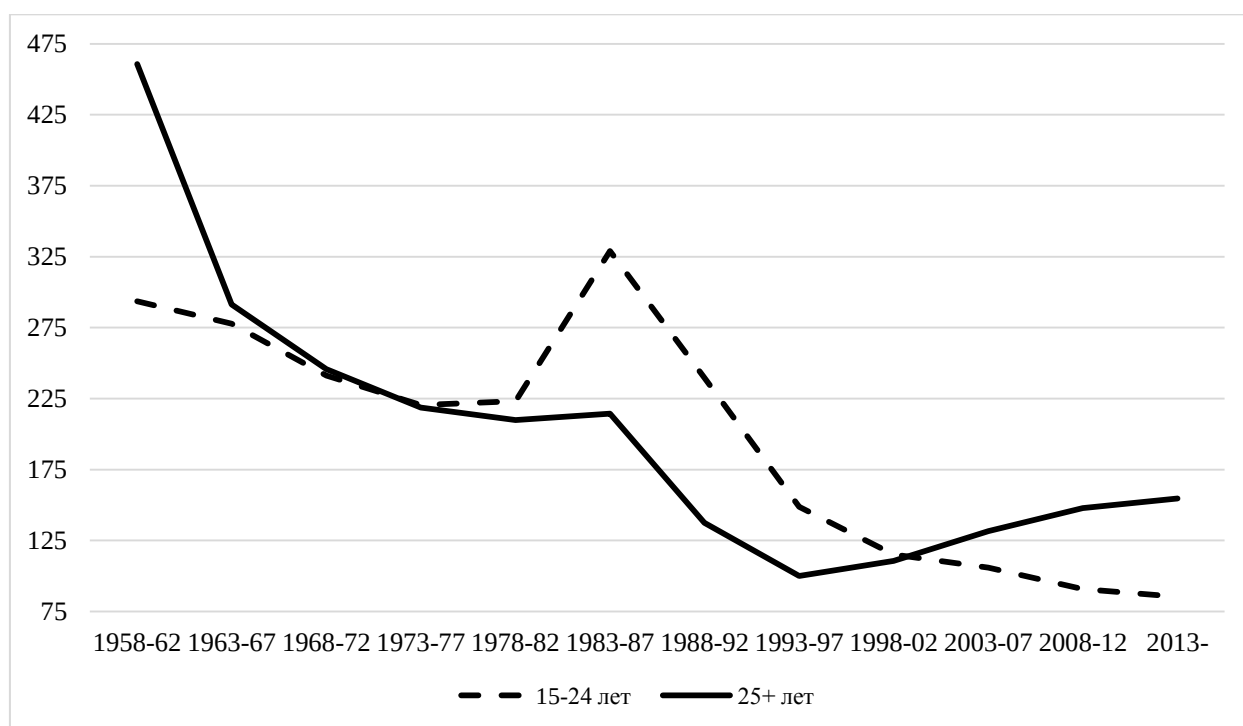

Рисунок 4. Сравнение динамики возрастных коэффициентов рождаемости у женщин до и после 24 лет в России

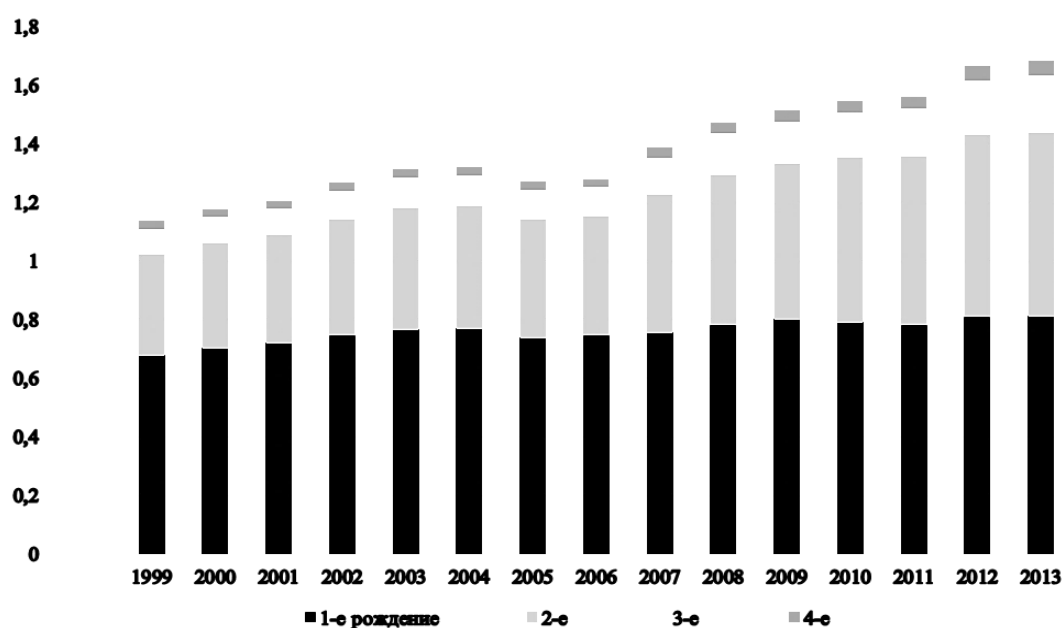

Рисунок 5. Динамика вклада очередности рождений в России в суммарный коэффициент рождаемости

Полученные в настоящем исследовании данные о динамике ВКР, отражающие повышение среднего возраста матерей при рождении детей в Озерске и России в целом, свидетельствуют о том, что основной вклад в СКР вносит рождаемость в старших возрастных группах женщин. Поскольку данный процесс не может развиваться до бесконечности, то, нельзя исключить того, что возможность повышения СКР в реальных поколениях женщин, в отличие от условных поколений, не вполне очевидна. По крайней мере, об этом

свидетельствуют полученные ранее прогнозные оценки суммарных коэффициентов рождаемости в реальных поколениях женщин до 2022 года [5].

Библиографический список

1. Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии: Учебник для вузов. М., Академический Проект; Альма Матер, 2011. 592 с.
2. Вишневский А.Г. Демографический прорыв или движение по кругу. Ч.1. Что показывает коэффициент суммарной рождаемости // Демоскоп Weekly (Электронный журнал), 2013, № 533 – 534.
3. Практическая демография /Под редакцией Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. 280 с.
4. The Human Fertility Database. URL: <http://www.humanfertility.org>.
5. Тельнов В.И. Сравнительная характеристика динамики и прогноза суммарного коэффициента рождаемости в реальных и условных поколениях женщин // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 426-431.
6. Архангельский В.Н. Анализ рождаемости в реальных поколениях в современной России: подходы к оценке итогов и перспектив // Междисциплинарные исследования населения: 50 лет университетской демографической школе: Восьмые Валентеевские чтения: Сборник докладов / Ред. В.В.Елизаров, И.А.Троицкая. М., 2015. Т.1. С.9-33.

© Тельнов В.И., Третьяков Ф.Д., 2015. Текст.

Информация об авторах

Тельнов Виталий Иванович (г. Озерск, Россия) – кандидат медицинских наук, зам. директора по научной работе, ФГУП Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России (456780, Челябинская область, г. Озерск, Озерское шоссе, 19; e-mail: tvi@subi.su).

Третьяков Федор Давыдович (г. Озерск, Россия) – кандидат медицинских наук, заведующий отделом радиационной безопасности, ФГУП Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России (456780, Челябинская область, г. Озерск, Озерское шоссе, 19; e-mail: apen87@mail.ru).

Tel'nov V.I. , Tretyakov F.D.

DYNAMICS OF AGE-SPECIFIC BIRTH RATES IN OZYORSK ATOM CITY AND IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The data on dynamics of age-specific birth rates obtained in research reflecting increase of average age of mothers at the birth of children in Ozyorsk and Russia shows the possibility to speak about long-term increase of birth rate in case of the same tendencies of increase of total fertility rate both in relative and in real generations of women. The main endowment to total coefficient of birth rate is made by birth rate in the senior age groups of women.*

Keywords: total fertility rate, age-specific birth rates, births intensity, generations of women.

Information about the authors

Tel'nov Vitaliy Ivanovich (Ozyorsk, Russia) – Candidate of Medicine, Deputy Director of the FSUE Southern Urals Biophysics Institute of FMBA of Russia (19, Ozersk Highway, Chel-yabinsk region, Ozyorsk, 456780, Russia, e-mail: tvi@subi.su).

Tretyakov F.D. (Ozyorsk, Russia) – Candidate of Medical Sciences, Head of Radiation Safety Department, FSUE Southern Urals Biophysics Institute of FMBA of Russia (19, Ozersk Highway, Chelyabinsk region, Ozyorsk, 456780, Russia; e-mail: apen87@mail.ru).

УДК 34.03: 314.335.044

Усольцев А.И.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАВСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ НЕРОЖДЁННОГО РЕБЕНКА В РОССИИ

Аннотация. *На основе анализа нормативно-правовых актов, Конституции РФ, этических христианских норм автор предлагает дополнить отечественное законодательство новыми нормами, предусматривающими правовую защиту и социальную помощь для ребенка не только после рождения, но с момента зачатия.*

Ключевые слова: ребенок, право на жизнь, православная этика, аборт, убийство, равенство прав и свобод человека и гражданина.

Мера цивилизованности общества во многом определяется именно тем, как строятся отношения между полами, брачные и семейные отношения людей, как люди относятся к появлению новой жизни, к сохранению жизни вообще, и как все эти отношения регулируются религиозными, нравственными и правовыми нормами.

Все признают нынешнюю низкую рождаемость и ее дальнейшее снижение нежелательными, но никто не знает, как добиться ее повышения до уровня, хотя бы стабильно обеспечивающего простое воспроизводство населения.

В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее Закон) определено следующее.

В статье 56 Закона определено:

1. Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия.

Под нормой самостоятельно решать женщиной вопрос о материнстве Закон понимает исключительно право женщины на искусственное прерывание беременности или, по-простому говоря, наделяет женщину правом убивать своего ребенка.

Согласно преамбуле «Конвенции о правах ребенка», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 20.10.89 г. (подписана 26 января 1990г. и ратифицирована СССР 13 июня 1990 г.): «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения».

Статьей 6 «Конвенции о правах ребенка» каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь. Конвенцией признается, что ребенок до рождения является ребенком, а не эмбрионом или зародышем и нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до так после рождения и имеет право на жизнь и до рождения, причем Конвенцией не установлен нижний предел с какого момента считать ребенком, т.е. юридически с момента зачатия.

Под правом семьи на планирование семьи законодатель понимает лишь право на контрацепцию, аборт, стерилизацию и искусственное оплодотворение — и все.

Согласно ст. 41 Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, что подразумевает доступность медико-социальной помощи, оказываемой учреждениями здравоохранения, в том числе и при аборте. Закон корреспондирует право женщины прервать беременность и обязанность учреждений здравоохранения и их специалистов произвести искусственное прерывание беременности. Эта услуга отнесена к медицинским и проводится в рамках программ обязательного медицинского страхования врачами учреждений, получивших лицензию на производство аборта. Однако, по нашему мнению, право на аборт не есть право на охрану здоровья. Каждому, кто задумается о том, является ли преднамеренное убийство ребенка до рождения способом охраны здоровья, увидит отсутствие прямой логической связи между конституционным правом человека на охрану здоровья и медицинскую помощь, с одной стороны, и правом женщины на аборт (читай: «охрану материнства»).

«Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» — гласит статья 19 Конституции РФ. Мужчина и женщина равны при решении вопроса о праве на рождение ребенка. Это препятствует праву женщины самостоятельно решать вопрос об аборте. Однако в этой статье есть еще и указание на то, что под защитой государства находится материнство. В Семейном кодексе РФ также четко указано, что и семья, и материнство, и отцовство, и детство находятся под защитой государства.

В нарушение Конституции России, Семейного Кодекса России вопрос о материнстве предоставляется решать женщине самостоятельно, полностью игнорируя мнение отца ребенка, что грубо нарушает его законные права.

Статья 31. Семейного Кодекса РФ «Равенство супругов в семье».

2. Вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно, исходя из принципа равенства супругов.

В настоящее время учреждения здравоохранения и специалисты одновременно оказывают, с одной стороны, услуги по искусственному прерыванию беременности, и отчитываются за количество произведенных абортов, а с другой стороны, те же учреждения одновременно оказывают помощь при беременности, родах и в послеродовом периоде. При такой ситуации встает вопрос о том, может ли врач, спокойно прерывающий жизнь плода на любом сроке беременности, объективно оценивать состояние беременной и плода, а также принимать все возможные меры к сохранению жизни плода в случаях, когда беременность угрожает жизни или здоровью матери.

Эта ситуация усугубляется тем, что, во-первых, абортивные материалы (абортная кровь, мозг и др. органы и ткани эмбриона) являются предметом коммерческого и иного интереса. Во-вторых, врачи-гинекологи поставлены в такое положение, что им проще выдать женщине направление на аборт, чем взять на себя ответственность и массу хлопот по ведению беременности. Сложившаяся ситуация фактически лишает пациентов — беременных женщин — гарантии оказания квалифицированной медицинской помощи, адекватной состоянию и беременной, и ожидаемого ею ребенка и вызывает недоверие к врачам.

В ст. 56 п. 3 Конституции России четко установлено: «Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьей 20 Конституции РФ». Кроме этого Конституцией гарантировано: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (ст. 38). Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ) образует первооснову всех других прав и свобод, складывающихся в этой сфере. Это фундаментальное право, во-первых, как право на свободу от любых незаконных посягательств на жизнь как со стороны государства, так и со стороны частных лиц; во вторых, как право на свободное распоряжение своей жизнью. Права и свободы человека и гражданина признаются в Конституции РФ наивысшей ценностью (ст. 17. п. 2).

Кроме этого «Признание, соблюдение и защита прав человека – обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ).

Согласно статье 3 «Конвенции о правах ребенка»: «Обязанность государства – обеспечить такую защиту и заботу, которые необходимы для его благосостояния». На государство возложена обязанность обеспечить такую защиту и заботу ребенку, которые необходимы для благосостояния ребенка. Российским законом не предусмотрено убийство ребенка до рождения. (Аборт (лат. abortus — выкидыш), прекращение беременности вследствие преждевременного рождения плода, а не его убийства.

Убийство ребенка до рождения является фактически признанием эвтаназии. В России эвтаназия является преступлением и квалифицируется как умышленное убийство в соответствии с частью 1 статьи 105 Уголовного Кодекса РФ.

Статья 56 Закона также грубо нарушает свободу любого гражданина на определение своего образа жизни, основанного на православных ценностях, традициях и православной вере.

Согласно статье 11 Закона РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Право на участие в культурной жизни.

Каждый человек имеет право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей, на защиту государством своей культурной самобытности.

Статья 20 Закона РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Народы и иные этнические общности в Российской Федерации имеют право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания.

Православные ценности определены следующим образом. С древнейших времен Церковь рассматривает намеренное прерывание беременности (аборт) как тяжкий грех. Канонические правила приравнивают аборт к убийству. В основе такой оценки лежит убежденность в том, что зарождение человеческого существа является даром Божиим, поэтому с момента зачатия всякое посягательство на жизнь будущей человеческой личности преступно. «Я образовал тебя во чреве... и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя», – сказал Господь пророку

Иеремии. «Не убивай ребенка, причиняя выкидыш», – это повеление помещено среди важнейших заповедей Божиих в «Учении двенадцати апостолов», одном из древнейших памятников христианской письменности. «Женщина, учинившая выкидыш, есть убийца и даст ответ перед Богом. Ибо... зародыш во утробе есть живое существо, о коем печется Господь», – писал апологет II века Афинагор. «Тот, кто будет человеком, уже человек», – утверждал Тертуллиан на рубеже II и III веков. «Умышленно погубившая зачатый во утробе плод подлежит осуждению смертоубийства... Дающие врачевство для извержения зачатого в утробе суть убийцы, равно и приемлющие детоубийственные отравы», – сказано во 2-м и 8-м правилах святителя Василия Великого, включенных в Книгу правил Православной Церкви и подтвержденных 91-м правилом VI Вселенского Собора. При этом святой Василий уточняет, что тяжесть вины не зависит от срока беременности: «У нас нет различения плода образовавшегося и еще не образованного». Святитель Иоанн Златоуст называл делающих аборт «худшими, нежели убийцы». Православные ценности являются и общечеловеческими ценностями, поскольку указанные ценности признаются большинством человечества.

Также статьей 9 ГК РФ предусмотрен запрет на отказ от материнства: «Граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права. Отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом». Современным семейным кодексом не предусмотрена статья «Отказ от ребенка». Юридически, по закону, отказаться от ребенка невозможно.

В целях обеспечения такой защиты ребенка, которая необходима для благосостояния ребенка и признания конституционных прав отца, предлагаю:

1. Дополнить ст. 56 Закона «Об охране здоровья граждан в РФ» Искусственное прерывание беременности «проводится только по решению суда».

2. Привести в соответствие с Конституцией России и изложить ст. 6 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» в следующей редакции: «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения. Ребенок имеет право на жизнь и социальную помощь с момента зачатия».

3. ФЗ «Об охране здоровья граждан в РФ» дополнить следующей нормой «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения. Ребенок имеет право на жизнь и медицинскую помощь с момента зачатия».

© Усольцев А.И., 2015. Текст.

Информация об авторе

Усольцев Александр Иванович (г. Нижний Тагил, Россия) – независимый эксперт, аккредитованный Минюстом России для проведения экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, член Российской ассоциации перинатальной психологии и медицины (622002, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Фрунзе, 36-19; e-mail: nashcomitet@mail.ru).

IMPROVEMENT OF MORAL AND LEGAL REGULATION OF NOT BORN CHILD PROTECTION IN RUSSIA

Abstract. *On the basis of normative legal acts analysis, Constitution of RF, ethical Christian standards the author suggests to add the domestic legislation with the new norms providing legal protection and social help for a child not only after birth, but from the moment of conception.*

Keywords: child, right for life, orthodox ethics, abortion, murder, equal rights and freedoms of person and citizen.

Information about the author

Usoltsev Alexander Ivanovich (Nizhniy Tagil, Russia) – Independent Expert accredited by the Russian Ministry of Justice for examination of normative legal acts and draft normative and legal acts, member of Russian association of perinatal psychology and medicine (36-19, Frunze St., Sverdlovsk region, Nizhniy Tagil, 622002, Russia; e-mail: nashcomitet@mail.ru).

УДК 314.02

Хадеев А.В.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. *В статье рассмотрены вопросы численности населения Свердловской области, проанализирована динамика численности, выявлены проблемы, представлен трендовый прогноз численности населения на два года, а также проведен регрессионный анализ, на основе которого были сформированы прогнозные сценарии на ближайшие годы.*

Ключевые слова: население, численность, прогноз, сценарии, тренд.

Один из основных показателей региона – это стабильная демографическая ситуация. Население – основа всего, так как оно является основным источником рабочей силы и его количественные и качественные характеристики напрямую определяют социально-экономическое положение Свердловской области.

На данный момент в демографической ситуации имеются определенные проблемы – тренды указывают на не достаточно высокую рождаемость. Старение возрастной структуры и снижение доли населения трудоспособных возрастов может привести к тому, что население Свердловской области пойдет на убыль. В подтверждение данного утверждения были собраны данные Росстата РФ, которые представлены в табл. 1.

Из таблицы видно, что численность населения в Свердловской области постоянно колеблется на протяжении многих лет и, хотя есть предпосылки к позитивной тенденции, имеется также и риск снижения численности населения.

Исходя из имеющихся данных, представляется возможным составить трендовый прогноз на ближайшие 2 года (рис. 1).

На основании трендового прогноза можно сделать вывод о том, что численность населения Свердловской области, несмотря на негативные тенденции, продолжит расти и в 2015 году составит порядка 4 335 тыс. чел, а в 2016 году 4 340 тыс. чел.

Таблица 1

Динамика численности экономически активного населения Свердловской области [1]

Годы	Численность населения Свердловской области, чел.	Динамика
2014	4320677	+ 0,1%
2013	4315830	- 0,1%
2012	4307594	- 0,2%
2011	4297227	- 0,2%
2010	4308472	+0,3%
2009	4314337	+0,1%
2008	4320114	+0,1%
2007	4330579	+0,2%
2006	4356425	+0,6%
2005	4394041	+0,9%
2004	4434165	+0,9%
2003	4477552	+1%
2002	4448000	- 0,7%
2001	4478000	+0,7%
2000	4514000	+0,8%

Рисунок 1. Трендовый прогноз численности населения Свердловской области на 2015-2016 гг.

Однако стоит заметить, что прогнозирование методом тренда не является достаточно точным, поэтому целесообразно применить регрессионный анализ, как «метод, позволяющий изучать каждый фактор, влияющий на значение переменной, управляя значениями других факторов, а также способствующий выявлению взаимосвязей между различными факторами» [2].

Для применения данного метода имеющиеся данные дополняются следующими взаимосвязанными показателями:

- 1) население моложе трудоспособного возраста;
- 2) население в трудоспособном возрасте;
- 3) население старше трудоспособного возраста.

Однако в процессе уточнения регрессионной модели был оставлен лишь один показатель, как наиболее взаимосвязанный — население моложе

трудоспособного возраста. Результаты регрессионной модели представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты регрессионной модели

Регрессионный анализ						
Вывод итогов						
Регрессионная статистика						
Множественный R	0,845735085					
R-квадрат	0,715267834					
Нормированный R-квадрат	0,693365359					
Стандартная ошибка	41889,52359					
Наблюдения	15					
Дисперсионный анализ						
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Знач F</i>	
Регрессия	1	5,73E+10	5,73E+10	32,65694	0,000071	
Остаток	13	2,28E+10	1,75E+09			
Итого	14	8,01E+10				
Дисперсионный анализ						
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Знач</i>	<i>B. 95%</i>	<i>H. 95%</i>
У-пересечение	3667448,853	124192,7837	29,53028948	2,65942E-13	3935751,05	3399146,656
Переменная X ₁	0,96047783	0,168073633	5,71462527	7,11706E-05	1,323578839	0,597376821

Исходя из данных регрессионного анализа можно выявить формулу, согласно которой будет осуществлено формирование сценариев прогноза:

$$Y = 3667448,853 + 0,96047783 \cdot X_1$$

Рассмотрим несколько сценариев:

1. Высокий (оптимистичный):

если количество населения возрастет на 1% в 2015 году, то показатель численности населения Свердловской области будет равен 4 401 361 человек;

если в 2016 году население возрастет на 2%, то его количественный показатель будет равен 4 408 628 человек.

2. Средний (инерционный):

согласно данному сценарию количество населения Свердловской области за два года возрастет на 1 % и к концу 2016 г. составит 4 401 361 чел.

3. Низкий (негативный):

На основании негативного сценария количество населения Свердловской области в 2015 году снизится на 0,2% и составит 4 319 812 человек.

В 2016 году также произойдет спад на 0,1% и в результате население составит 4 319 380 чел.

Можно предположить, что сбудется средний вариант прогноза как наиболее вероятный, при условии, что не появятся никаких негативных тенденций, влекущих за собой отток населения с территории Свердловской области.

Конечно, необходимо стремиться к тому, чтобы реализовывался высокий вариант прогноза, но для этого должны быть приложены усилия, разработаны и применены конкретные меры демографической политики вдобавок к существующим. В частности, необходимо продолжение развития инновационной медицины для снижения такого показателя, как младенческая смертность.

Все это должно быть сделано для того, чтобы численность населения младше трудоспособного возраста возрастала и дальше, ведь как мы можем видеть из прогноза, она напрямую влияет на численность населения Свердловской области.

Библиографический список

1. Регионы России. Социально-экономические показатели: Ст. сб. Федеральная служба государственной статистики РФ, 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/pred.htm
2. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sverdl.gks.ru/>
3. Прогнозирование и планирование. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://media.ls.urfu.ru/492/1246/2671/2547/>

© Хадеев А.В., 2015. Текст.

Информация об авторе

Хадеев Алексей Витальевич (г. Екатеринбург, Россия) – студент (бакалавр) Института государственного управления и предпринимательства, Уральский Федеральный Университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина 136; e-mail: aleksey4283@mail.ru).

Khadeev A.V.

POPULATION OF SVERDLOVSK REGION: MAJOR TRENDS

Abstract. *In the article questions of population of Sverdlovsk region are considered. Dynamics of population number is analyzed, problems are revealed. The trend forecast of population for two years is submitted, as well as regression analysis, expected scenarios for the coming years is created.*

Keywords: population size, forecast scenarios, trend.

Information about the author

Khadeev Alexey Vitalyevich (Yekaterinburg, Russia) – Student (bachelor) of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (13B, Lenin ave., Yekaterinburg, 620014, Russia; e-mail: aleksey4283@mail.ru).

УДК 314.154(470.12)

Шабунова А.А., Калачикова О.Н.

К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) *

Аннотация. *В работе представлена попытка оценки эффективности реализуемых механизмов стимулирования рождаемости населения России. На примере Вологодской области с помощью индексного метода показан вклад поведенческой составляющей в увеличении рождаемости с начала активизации демографической политики в 2006 г., представлены результаты социологического исследования отношения населения к ней,*

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №14-18-03120, «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

показана значимость проблемы жилищных условий семей с детьми, обоснована необходимость реализации комплексного использования просветительских и экономических мер стимулирования рождаемости.

Ключевые слова: демографическая политика, стимулирование рождаемости, мониторинг, Вологодская область.

В 2006 г. были разработаны концепции демографического развития, запущены социально значимые национальные проекты: «Здоровье», «Доступное жилье», «Образование». В них определены основные направления развития человеческого потенциала, приоритетом объявлена стабилизация демографической ситуации путем повышения рождаемости и снижения смертности населения в трудоспособном возрасте. В связи с этим внесены изменения в систему поддержки семей с детьми: увеличены пособия (единовременное при рождении ребенка и по уходу за детьми до 1,5 лет), их размер увязан с очередностью рождений, введен новый вид пособия – «материнский/семейный капитал». При этом большая часть социальной поддержки семей с детьми находится в региональном ведении, что свидетельствует о значительной роли региональной политики в достижении общей цели преодоления депопуляции [1].

Существует мнение, что повышение рождаемости, начавшееся в 2000 г. было обусловлено демографической волной. Действительно, в активный репродуктивный возраст вступили многочисленные когорты конца 1970-х-начала 1980-х гг. рождения. Исследования ведущих демографов В.Н. Архангельского и Н.В. Зверевой свидетельствуют о том, что повышение рождаемости населения России в 2006–2009 гг. на 78% обусловлено повышением ее интенсивности при активизации демографической политики [2, с. 82], однако ее эффект не будет долговременным [4].

Нами была проведена аналогичная работа для Вологодской области [3]. Согласно результатам, полученным в ходе оценки факторов рождаемости индексным методом, увеличение общего коэффициента рождаемости населения региона в период с 2006 г. по 2011 г. на 19,3% (с 10,9‰ до 13,0‰) было достигнуто за счет:

- действительного увеличения рождаемости, т.е. за счет увеличения возрастных коэффициентов рождаемости – на 14,03%,
- некоторого улучшения структуры женщин внутри репродуктивного возраста – на 9,45%;
- снижения доли женщин репродуктивного возраста в общей численности населения – на 4,5%. При сохранении доли женщин репродуктивного возраста, общий коэффициент рождаемости мог бы увеличиться на 22%.

Таким образом, зафиксированный рост рождаемости в период активизации демографической политики действительно большей частью (на 74%) обусловлен увеличением интенсивности рождений.

В то же время данные социологических опросов показывают, что мнения населения разделились как при оценке введенных мер, так и при оценке роли демографической политики. За политику стимулирования высказались 38% жителей Вологодской области, за политику поддержки 51% и 10% считают, что государство не должно вмешиваться в вопросы деторождения.

Среди реализуемых мер тремя самыми важными, по мнению населения, являются компенсация текущих расходов на оплату детских садов, жилищные

субсидии и семейный капитал (табл. 1). Следует отметить, что материнский капитал (429408 руб. в 2014 г.) большая часть (64%) вологодских семей направила на погашение ипотечных кредитов [5]. На втором месте – оплата образования.

Новая методика расчета пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет (40% от среднего заработка с максимальным и минимальным пороговыми значениями) позволила несколько «сгладить» разрыв в уровне жизни семей, работающих женщин до и после рождения ребенка, защитила интересы нетрудоустроенных.

Проблема приобретения жилья, улучшения жилищных условий крайне остра в регионе. Мы изучили кредитные предложения банков-партнеров Фонда ипотечного страхования Вологодской области. Все целевые жилищные кредиты предполагают внесение первоначального взноса, который составляет минимум 10% стоимости приобретаемого объекта. Размер кредита ограничивается платежеспособностью заемщика, размер ежемесячных платежей – разностью между совокупным доходом и совокупным прожиточным минимумом всех членов семьи.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Распределите по значимости от самой важной (1 место) до наименее важной (5 место) меры, которые могли бы Вам помочь при рождении ребёнка следующей очередности»*

Меры демографической политики	Доля населения, определившего 1 и 5 место соответствующим мерам, %	
	1 место	5 место
Пособие по беременности и родам	41,3	12,9
Материнский / Семейный капитал	40,0	12,1
Пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет	38,4	10,1
Компенсация на детский сад (ДДУ)	31,5	34,3
Жилищные субсидии	30,7	14,3

* Данные мониторинга репродуктивного потенциала, ИСЭРТ РАН, 2014 г.

По данным Департамента строительства и жилищно-коммунального хозяйства Вологодской области [6], норматив общей площади составляет 33 кв. м на одинокого человека, 42 кв. м на семью из 2 человек, далее – из расчета 18 кв. м на человека; средняя рыночная стоимость квадратного метра 34410 руб. . Среднемесячная начисленная заработная плата на одного работника в Вологодской области 25126,6 руб. (в среднем по отраслям, 2013 г.). Прожиточный минимум на 1 квартал 2014 г. составил 7677 руб. для детей, 8569 руб. для трудоспособного населения.

Исходя из предположения, что в полных семьях два работающих взрослых, в неполных – один, рассчитаем доход различных типов семей. Обратим внимание, что нами рассматривались бездетные, одно- и двухдетные семьи, поскольку для многодетных семей более широко используются меры государственной поддержки.

По нашим расчетам (табл. 2), только работающие бездетные семейные пары могут безусловно пользоваться ипотечными продуктами. Для «средней» семьи региона с детьми без наличия накоплений, наследства, привлечения созаемщиков, государственной или какой-либо другой помощи приобретение жилья в ипотеку затруднено.

В этой связи «материнский» капитал, направляемый на улучшение жилищных условий, как упоминалось выше, стал инструментом повышения доступности ипотечного кредитования.

В 2013 г. в Вологодской области зарегистрировано 32 тысячи семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях (в 2 раза меньше, чем в 2000 г.). Это 6% всех семей области. Только 6% нуждающихся были обеспечены жильем (в 2000 г. 3%).

Несмотря на позитивные тенденции периода начала активизации стимулирования рождаемости в России, в 2014 г. по сравнению с 2011 г. отмечаются неблагоприятные изменения в репродуктивном поведении населения: уменьшились показатели желаемого и планируемого чисел детей, увеличилась доля женщин, прибегавших к искусственному прерыванию беременности. Кроме того, и общий коэффициент рождаемости в 2013 г. по сравнению с 2012 г. снизился с 14,0 до 13,8‰. Это свидетельствует о затухании эффекта «нововведенных» механизмов демографической политики и необходимости поиска иных способов стимулирования рождаемости.

Таблица 2

Оценка возможностей приобретения ипотечного кредита различными типами семей

Тип семьи	Доход семьи [7]	Гарантированный остаток средств	Средства на погашение кредита [8]	Норматив площади, кв. м	Стоимость жилья по нормативу, руб.	Первоначальный взнос, руб. (мин)	Максимальная сумма кредита тыс. руб. (на 25 лет)
Полная семья без детей	50253,2	17138	33115,2	42	1445220	144522	2800
Полная семья с 1 ребенком	50253,2	24815	25438,2	54	1858140	185814	1600*
Полная семья с 2 детьми	50253,2	32492	17761,2	72	2477520	247752	1100*
Неполная семья с 1 ребенком	25126,6	16246	8880,6	42	1445220	144522	500*
Неполная семья с 2 детьми	25126,6	23923	1203,6	54	1858140	185814	100*

*Сумма дохода недостаточна для получения кредита в размере стоимости жилья по нормативу площади.

При анализе изменений репродуктивного поведения и региональной демографической политики было выявлено два периода: 2005–2011 гг. и 2011–2014 гг. В первом отмечен положительный эффект использования информационных (пропагандистских) мер. Снижение абортной активности в Вологодской области, особенно заметно после 2005 г., когда темпы снижения приблизились к среднероссийским – 10% в год (13% для Российской Федерации в целом). Это обусловлено, с одной стороны, реализацией рождений в связи с улучшением оценок внешних условий среды под воздействием материального стимулирования рождаемости, с другой – масштабной работой в рамках региональных целевых программ по повышению эффективности и качества медицинских услуг в сфере материнства и детства, повышению медико-гигиенической грамотности населения

в вопросах репродукции, необходимость в котором была выявлена проведенными исследованиями.

В регионе было внедрено обязательное до- и постабортное консультирование женщин, лекционная работа в образовательных учреждениях в целях профилактики абортивного поведения у молодых девушек, проводилась антиабортная кампания с использованием социальной рекламы, привлечением средств массовой информации, общественных организаций²⁴. Основой изменений абортивного поведения (и не менее значимым результатом деятельности) стало изменение репродуктивных, в частности, абортивных установок: категорически неприемлемым считали аборт в 2005 г. 11% жителей области, в 2011 г. их доля увеличилась в 3 раза – до 36%; увеличилось планируемое число детей с 1,77 до 1,86 в 2005 и 2011 г., соответственно (табл. 3).

В период с 2011 по 2014 г. отмечается ухудшение рассмотренных показателей. Отчасти это обусловлено снижением финансирования, прекращением пролонгации ряда целевых программ и отменой информационного воздействия на репродуктивные установки населения.

Таблица 3

Изменение параметров абортивного поведения в результате реализации целевых программ

Критерий	2005 г.	Действующие программы	2007 г.	Действующие программы	2011 г.	Действующие программы	2014 г.
Доля женщин с абортом в анамнезе, %	32	1. Проект «Мать и дитя» 2. Программа «Безопасное материнство» 3. Программа «Здоровый ребенок»	32	1. Цикл социальной рекламы «Демография – судьба народа» 2. Проект «Ты не одна» 3. Межведомственная программа «Охрана репродуктивного здоровья населения г. Вологды и Вологодской области» 4. Проект «Мать и дитя» 5. Программа «Безопасное материнство» 6. Программа «Здоровый ребенок»	20	Программа модернизации здравоохранения	35
Доля жителей, считающих аборт недопустимым, %	11		11		36		34
Информированность о последствиях аборта, балл	3,3		3,6		3,6		3,8
Среднее планируемое число детей	1,73		1,77		1,86		1,81

* Данные опроса изучения репродуктивного потенциала населения Вологодской области, официальный сайт департамента здравоохранения Вологодской области.

Тем не менее, полученные нами результаты свидетельствуют об эффективности информационных способов влияния на репродуктивное поведение населения и необходимости более широкого и длительного применения

²⁴ Центр общественных инициатив. Официальный сайт: URL: <http://coi.ru>; «Святость материнства» – всероссийская демографическая программа, разработана общественной организацией Центр национальной славы в 2005 г., автор и руководитель – А.Ю. Коченов. Реализуется в 26 регионах России. Официальный сайт программы: <http://kfcnsr.ru/about/about-sm.html>

воспитательно-просветительских механизмов демографической политики с целью повышения рождаемости.

На основании полученных результатов и выявленных проблем разработана схема государственной поддержки на репродуктивно значимых этапах цикла воспроизводства населения. Была рассмотрена поддержка консультативной и экономической направленности и выявлено, что довольно стабильная помощь, охватывающая в той или иной степени все население, присутствует лишь на трех из девяти этапах (от беременности до 2-летнего возраста ребенка. В остальных периодах получение помощи ограничено, затруднено или требует активной деятельности субъекта поддержки.

Отметим, что само наличие бесплатного медицинского обслуживания и образования в России в рамках Программы государственных гарантий и Федерального государственного образовательного стандарта, а также модернизация в данных сферах не дают населению уверенности в перспективах получения достойного образования и сохранения здоровья детей.

Анализ нормативно-правовой базы России в сфере воспроизводства населения показал, что:

1. В структуре мер демографической политики доминируют экономические меры (до 80%).

Вместе с тем, государственные расходы на поддержку семей с детьми в России в 2 раза меньше, чем в развитых странах и составляют 1,5% ВВП (включая «материнский капитал»), тогда как в странах Западной Европы – 3-4% ВВП.

2. Принятые меры кратковременны в масштабах демографии.

Решение задачи повышения рождаемости должно быть реализовано в разработке долгосрочных программ демографического развития страны и регионов, рассчитанных не менее чем на длину поколения – 25-27 лет.

Однако ни на федеральном, ни на региональном, ни на муниципальном уровне власти нет единого органа, отвечающего за демографическое развитие территории. Формирование же репродуктивных установок и создание условий для их реализации – задачи, находящиеся в компетенции не только Министерства здравоохранения, в перечень индикаторов работы которого включен суммарный коэффициент рождаемости.

Демографические показатели отражают социально-экономическое развитие территории, поэтому должны быть шире представлены в системе индикаторов оценки деятельности региональных властей. На наш взгляд, следует использовать такие показатели как нетто-коэффициент воспроизводства, суммарный коэффициент рождаемости, доля многодетных семей.

Основной проблемой воспроизводства является малодетный тип репродуктивного поведения населения. В целях стимулирования рождаемости необходимо расширить направление работы, связанное с формированием репродуктивных установок и обеспечить условия для их реализации. Первое направление предполагает активизацию использования информационных (просветительских, пропагандистских) механизмов, второе – повышение эффективности механизма компенсации снижения уровня жизни семьи при рождении детей, основными компонентами которого должны стать возможности улучшения жилищных условий и совмещения трудовой и репродуктивной деятельности семьи.

Библиографический список

1. Доброхлеб В.Г., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Региональные возможности регулирования репродуктивного поведения населения // Регион: экономика и социология. 2012. №3. С. 108–119.
2. Зверева Н.В., Архангельский В.Н. Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости в России // Федерализм. 2010. №2 (58). С. 69–84.
3. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. О причинах роста рождаемости населения в период активизации демографической политики России (на примере Вологодской области) // Проблемы прогнозирования. 2013. №5. С. 129–136.
4. Попова Л.А. Оценка эффективности государственных демографических инициатив // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. №1. 2014.
5. Официальный сайт Пенсионного Фонда РФ: URL: http://www.pfrf.ru/ot_vologda/pr_releases/67542.html
6. Департамент строительства и жилищно-коммунального хозяйства Вологодской области URL: <http://www.depreion.ru/Default.aspx?mnu=69d89e2d09bd4ba38609fb4bb4dc998b>
7. Статистический ежегодник России. Росстат, 2013 г.
8. Постановление Правительства Вологодской области от 13.05.2014 №366 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения Вологодской области на 1 квартал 2014 г.» в соответствии с ФЗ от 24.10 1997 №134–ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», законом Вологодской области от 05.06.2013 №3077–ОЗ «О прожиточном минимуме в Вологодской области».

© Шабунова А.А., Калачикова О.Н., 2015. Текст.

Информация об авторах

Шабунова Александра Анатольевна (г. Вологда, Россия) – доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56-а; e-mail: aas@vscc.ac.ru).

Калачикова Ольга Николаевна (г. Вологда, Россия) – кандидат экономических наук, заведующая лабораторией исследований проблем управления в социальной сфере, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56-а; e-mail: onk82@yandex.ru).

Shabunova A.A., Kalachikova O.N.

TO THE ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF BIRTH RATE STIMULATION (BY MATERIALS OF THE VOLOGDA REGION)

Abstract. *The article presents the attempt to assess the efficiency of implemented mechanisms to stimulate birth rate in Russia. The authors show the contribution of behavioral component to increase in the birth rate since the start of activation of public population policy in 2006 on example of the Vologda region using the index method, present the results of the sociological survey about public attitude to it, show the importance of the problem of housing conditions of families with children, substantiate the necessity of education and economic measures for birth rate stimulation.*

Keywords: demographic policy, stimulating the birth rate, public opinion monitoring, Vologda region.

Information about the authors

Shabunova Aleksandra Anatolievna (Vologda, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Deputy Director for Science, Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (56-a, Gorky st., Vologda, 160014, Russia; e-mail: aas@vscc.ac.ru).

Kalachikova Olga Nikolayevna (Vologda, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Head of the Laboratory of Social sphere researches and problems of management, Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (56-a, Gorky st., Vologda, 160014, Russia; e-mail: onk82@yandex.ru).

УДК 314.335.044

Шубат О.М., Багирова А.П.

РЕПРОДУКТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ АКТИВИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА

Аннотация. В статье представлены результаты исследования представлений о родительстве и родительском труде студентов уральских вузов. Полученные данные позволили обосновать возможность и необходимость рассмотрения системы российского образования в качестве механизма активизации родительского труда.

Ключевые слова: родительство, родительский труд, студенты, образование, репродуктивно-ориентированное образование.

Негативные демографические тенденции, прогнозируемые в целом по стране, а также в ее отдельных регионах [1], стимулируют научное сообщество к активному поиску новых подходов к решению проблем, связанных с воспроизводством российского населения. На наш взгляд, одним из таких инновационных подходов является внедрение в систему российского образования репродуктивно-ориентированной компоненты.

Для обоснования возможности и необходимости подобной модернизации образовательного процесса в 2014 году нами было проведено социологическое исследование студентов уральских вузов, направленное на выявление их представлений о родительстве и родительском труде. Была использована стратифицированная выборка, ошибка которой не превысила 3%. Объем выборочной совокупности составил 300 респондентов.

Следует отметить, что проблемы детерминации демографических процессов являются актуальным направлением научного поиска как в российской, так и в зарубежной социологии (см., например, [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8] и др.).

Проведенное нами исследование показало, что образ родительства в сознании студентов в целом позитивен. Его доминантой является представление о том, что дети наполняют жизнь смыслом – этот ответ дали 90 % опрошенных. Этот образ дополняется потенциальными психологическими выгодами: улучшение отношений в семье (45 %), снижение вероятности одиночества в старости (31 %) и осознанием необходимости выполнения «социорепродуктивных» обязательств в будущем (выполнение долга, продление рода посредством рождения детей отметили 42 %). Следовательно, можно говорить о многоаспектности образа родительства в сознании уральского студенчества: в нем присутствуют биологические, психологические, социальные компоненты этого феномена.

Результаты нашего исследования также показали, что образ родительства характеризуется и определенными негативными моментами. Такой вывод был сделан на основе анализа ответов на вопрос о недостатках наличия детей. Согласно

полученным данным, ядро негативного образа родительства составляют представления о детях как о препятствии, затрудняющем экономическую активность личности: самореализацию в работе (29 %), обременительность в экономическом смысле (36 %). Кроме того, незначительная часть опрошенных отметили и другие недостатки наличия детей: дети как препятствие для поиска хорошей работы (9 %), ограничитель жизненных удовольствий (12 %), причина неуверенности в завтрашнем дне (7 %) и помеха семейному счастью (2 %). Однако, как показало исследование, отрицательные аспекты наличия детей не столь популярны в сознании студенчества. В частности, половина респондентов не сумела указать ни одного недостатка родительства, при этом доля опрошенных, не отметивших ни одного достоинства, составила всего 2 %. Мы предположили, что одной из причин негатива в отношении родительства является понимание сопровождающих его трудностей.

В процессе нашего исследования мы выяснили, что для студенческой молодежи актуальными являются идеи и размышления на тему родительства. Действительно, более 90 % респондентов ответили на вопрос о том, что для них означает «быть родителями», несмотря на то, что он был задан в открытой форме. При этом в процессе анализа полученных ответов были выделены два аспекта представлений студентов о родительстве: с одной стороны, респонденты отмечали своего рода обязанности родителей по отношению к детям (быть родителями – это значит нести ответственность, заботиться, материально обеспечивать), а с другой – выделяли те или иные преимущества от выполнения родительских обязанностей (состояться как личность, быть счастливыми людьми).

Результаты проведенного исследования также показали, что студенты осознают существенность затрат времени, связанных с реализацией родительских функций. Отвечая на вопросы о том, сколько времени занимают заботы о ребенке в разные периоды его жизни (с рождения до окончания школы), респонденты говорили, что на этот процесс уходит большая часть суток.

Ответы студентов также отразили наличие модальных представлений об объеме временных затрат. По мнению абсолютного большинства наших респондентов, заботы о ребенке в первый год его жизни занимают все 24 часа в сутки. Ответы на аналогичный вопрос в отношении ребенка дошкольного возраста обнаружили уже два модальных значения – 12 и 24 часа. Говоря о ребенке-школьнике, молодые люди чаще всего отмечали, что заботы о нем занимают 10 или 12 часов в день. Таким образом, как считают наши респонденты, по мере роста ребенка затраты родительского времени на заботу о нем снижаются. Следовательно, студенты-будущие родители понимают, что с течением времени также снижается напряженность процесса воспитания и ухода за ребенком, а в целом – и возможные издержки родительства.

Таким образом, результаты нашего исследования показали, что в сознании студентов заложены представления о темпоральности и поступательном снижении напряженности процесса воспитания детей. Это, в свою очередь, может стать фундаментом для новой идеи информационной политики в демографической сфере. Ее суть сводится к следующему: временная обусловленность трудозатрат на родительство позволяет выбирать оптимальное сочетание профессиональной и «родительской» занятости в разные периоды жизнедеятельности личности, выстраивать жизненную стратегию, ориентируясь и на профессиональную

самореализацию, и на реализацию себя как родителя. Такое дуальное представление о важнейших сферах личностной самореализации, подкрепленное знаниями о возможностях различных форм гибкой занятости, создает условия для отсутствия в будущем типичного для работающей женщины конфликта «семья-работа», одновременно поднимая в глазах будущих матерей (и общества в целом) престиж сферы родительского труда.

В целом результаты нашего исследования продемонстрировали актуальность для студенческой молодежи идеи семьи и комплексность представлений о родительстве. Можно предположить, что время обучения в вузе – это период, когда представления, стереотипы в отношении детей и родительства развиваются. Такая трансформация может происходить под влиянием ряда факторов – социального окружения, информационной среды и в целом социального взросления. На наш взгляд, именно в этот период необходимо целенаправленное воздействие на процессы развития у студентов представлений о семье, формирования репродуктивных установок молодежи и установок на родительство в целом. Эффективным механизмом активизации будущего родительского труда, на наш взгляд, может выступать репродуктивно-ориентированное образование.

Выделим, как минимум, три причины, по которым система высшего образования может рассматриваться в качестве сферы развития репродуктивных установок. Во-первых, для общества с негативными демографическими прогнозами целесообразно увеличение количества субъектов, включенных в процессы решения демографических проблем. Такими субъектами могут быть не только институты семьи, государственного и муниципального управления, здравоохранения, но и институты, напрямую взаимодействующие с потенциальными родителями (институт образования), или же зависящие от объема и качества человеческого капитала как своего рода «результата родительства» (институты профессии, бизнеса, труда и т.д.).

Во-вторых, образование, будучи частью социальной практики и результатом социальной политики, «ответственно» за политическое, социокультурное и экономическое развитие общества, а также за обеспечение стабильности этого развития – в этом заключается один из важнейших аспектов социального заказа, формулируемого системе образования со стороны государства и общества. В рамках такой функционалистской парадигмы задача, в частности, профессионального образования, заключающаяся сегодня в подготовке личности только к профессиональной деятельности, выглядит в условиях прогнозируемой демографической нестабильности крайне недостаточной. В качестве результата системы образования заявляется выпускник, обладающий широким набором общекультурных и профессиональных компетенций, однако содержание обучения оставляет в стороне такую важнейшую личностную компетенцию, как готовность к репродуктивной деятельности и родительству в целом. Формирование этой компетенции не находит должного (полного и системного) отражения и на других ступенях российского образования и, по существу, остается сегодня исключительно функцией семейного воспитания. Между тем, потребителями «результатов» родительства и родительского труда выступают не только (и даже не столько) родители, но и другие заинтересованные субъекты – речь идет об обществе, работодателях, экономике страны в целом.

В-третьих, современное российское образование обладает организационными и кадровыми ресурсами для реализации его репродуктивной направленности. Действительно, сегодня система образования отличается высокой динамичностью, демонстрируя возможность решения самых разных задач в сфере науки, инноваций, совершенствования образовательных технологий, интернационализации. Конечно, эти процессы протекают порой достаточно трудно, что связано, прежде всего, со сложностью поставленных задач. Однако можно предположить, что новый – репродуктивно-ориентированный – вектор российского образования будет воспринят достаточно лояльно и адекватно и той частью преподавательского сообщества, которая пока еще не в полной мере нацелена на решение приоритетных сегодня стратегических задач.

Библиографический список

1. Демографический прогноз до 2030 года Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 19.01.2015).
2. Детерминация демографических процессов: сборник статей / под ред. Н.В. Зверевой и В.Н. Архангельского. М.: МАКС Пресс, 2012.
3. Ильиных С.А. Представление о семье студентов Минска и Новосибирска // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 59-65.
4. Кузьмин А.И. Ценностные и репродуктивные ориентации молодежи // Демографические исследования. 2006. № 2. Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=246#_Toc126567703 (дата обращения: 24.01.2015).
5. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: Независимый институт социальной политики, 2007.
6. Foster D.G., Biggs M.A., Ralph L.J., Arons A., Brindis C.D. Family Planning and Life Planning. Reproductive Intentions Among Individuals Seeking Reproductive Health Care // Women's Health Issues. Vol. 18. Issue 5. 2008. Pp. 351-359.
7. Mahler K. Women who practice Islam vary widely in reproductive attitudes and behaviors // International Family Planning Perspectives. 1999. Vol. 25. Issue 1. Pp. 52-53.
8. Wilson F.D., Bumpass L. The Prediction of Fertility Among Catholics: A Longitudinal Analysis // Demography. 1973. Vol. 10. No. 4. Pp. 591-597.

© Шубат О.М., Багирова А.П., 2015. Текст.

Информация об авторах

Шубат Оксана Михайловна (г. Екатеринбург, Россия) – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления качеством продукции, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Багирова Анна Петровна (г. Екатеринбург, Россия) – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

THE REPRODUCTIVE FOCUSED EDUCATION AS A MECHANISM OF PARENTAL LABOR ACTIVATION

Abstract. *The paper presents the results of the research of Urals students' perceptions about parenting and parental labor. The obtained data allowed us to prove an opportunity and necessity of understanding Russian education as a mechanism of parental labor activation.*

Keywords: parenting, parental labor, students, education, reproductive education.

Information about the authors

Shubat Oksana Mikhailovna (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Chair of Economics and Quality Management, Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Bagirova Anna Petrovna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of Sociology and Social Technologies Management, Ural Federal University (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

УДК 332.45

Щукина А.С.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В РОЖДАЕМОСТИ

Аннотация. *В статье анализируются пространственные различия в показателях динамики рождаемости, компонентах динамики естественного движения, в возрастном профиле рождаемости. Дается оценка факторов, оказывающих влияние на исследуемые процессы. Информационная база исследования – официальные данные Росстата и расчеты автора.*

Ключевые слова: рождаемость, территориальные различия, компоненты естественного движения, демографические процессы, возрастная модель рождаемости.

Изучением территориальных особенностей демографических процессов, выявлением факторов, определяющих эти особенности, занимаются в первую очередь демогеография и региональная демография. Государственная статистика в настоящее время позволяет анализировать эти процессы достаточно глубоко, прежде всего на региональном уровне и в меньшей степени – на муниципальном уровне. Система показателей, имеющаяся в официальных публикациях Росстата, дает возможность достаточно глубоко анализировать территориальные различия в демографических процессах. При этом в зависимости от поставленных в исследовании задач временной ряд может быть длиной от нескольких десятилетий до нескольких лет.

Сокращение численности населения в целом ряде регионов страны началось давно, в ряде из них еще в довоенные годы. Но с 1992 года началось сокращение численности населения России в целом, что привело к постановке вопроса о демографической безопасности на государственном уровне и значительному росту научных исследований по демографической тематике. В геодемографических исследованиях областей РФ, где наблюдается естественная убыль населения, анализ депопуляционных процессов является в настоящее время стержневым.

Положительные тенденции в показателях естественного воспроизводства стали отмечаться в нашей стране начиная с 2000 г. (рост рождаемости), тогда как

устойчивое сокращение показателей смертности началось с 2006 г. Если в 1999 г. естественная убыль составляла 929,6 тыс. чел., то в 2010 г. – 239,6 тыс. чел. В 2013 г. был зафиксирован небольшой естественный прирост – 24 тыс. чел.

Столь значительные изменения к лучшему были определены в первую очередь ростом рождаемости. За анализируемый период число родившихся увеличилось в 1,56 раза, общий показатель рождаемости с учетом изменившейся численности населения – в 1,6 раза. Число умерших с 2005 года сократилось на 432,1 тыс. чел. (на 18,8%). В результате расширился круг регионов, в которых наблюдается превышение числа родившихся над числом умерших (в 2013 г. естественный прирост наблюдался в 43 регионах страны).

В целом ряде регионов рост рождаемости был значительно выше среднего по стране, среди них г. Санкт-Петербург (2,1 раза), Республика Татарстан (1,9 раза), Омская, Свердловская, Московская область, Новосибирская, Ярославская, Вологодская области, Хабаровский край (1,7-1,8 раза). В то же время необходимо выделить группу регионов, в которых в исходном году показатели рождаемости были ниже среднероссийского уровня и показатели динамики рождаемости также оказались ниже среднероссийского уровня. Среди них – Республика Мордовия, Брянская, Белгородская, Воронежская, Владимирская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ленинградская, Мурманская, Вологодская, Псковская, Пензенская, Ульяновская, Саратовская, Ростовская области.

Таблица 1

Динамика показателей естественного движения населения России (1999-2013 гг.)*

Годы	Тыс. чел.			‰		
	Рождае- мость	Смерт- ность	Естествен- ный при- рост/убыль	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост/убыль
1999 г.	1214689	2144316	-929627	8,3	14,7	-6,4
2005 г.	1457376	2303935	-846559	10,2	16,1	-5,9
2013 г.	1895822	1871809	+24013	13,3	13,1	+0,2
2005 г. к 1999 г.	+242687	+159619	-83068	+1,9	+1,4	-0,5
2013 г. к 2005 г.	+418521	-432126	-870572	+3,1	-3,0	-6,1
2013 г. к 1999 г.	+681133	-272507	-953640	+5,0	-1,6	-6,6

* Здесь и далее: рассчитано по данным Росстата (www.gks.ru).

На показатели динамики рождаемости оказал большое влияние эффект низкой/высокой базы. Регионам с низкими показателями рождаемости оказалось намного легче повысить рождаемость, чем тем регионам, где она была уже достаточно высокой.

Рост рождаемости сыграл основную роль в улучшении демографической ситуации в стране. Однако под влиянием структурного фактора небольшой по времени период роста рождаемости, начавшийся в 2000 г., заканчивается. В 2013 г. положительная динамика числа родившихся наблюдалась лишь в 28 регионах из 83. Соотношение вклада рождаемости и смертности в улучшение ситуации в регионах страны зависит от целого ряда факторов, прежде всего структурных.

Особенности возрастной структуры населения, соотношение городского и сельского населения, достигнутые показатели рождаемости в 1999 г. и смертности в 2005 г., сложившиеся репродуктивные установки и ряд других факторов определили наличие довольно значительных различий в соотношении компонентов динамики естественного движения.

Для оценки соотношения вклада рождаемости и смертности по регионам страны было выполнено два варианта расчетов. Первый – на основе абсолютных показателей, второй – на основе общих показателей рождаемости и смертности. Анализ показал, что соотношение вклада рождаемости и смертности в динамику естественного движения по двум вариантам расчетов неодинаково не только в процентном отношении, но и по ведущему фактору.

Таблица 2

Группировка регионов России по соотношению общего показателя рождаемости в исходном году и показателя динамики рождаемости в 2000-2013 гг.

Общий показатель рождаемости в 2000 г., ‰	Динамика общего показателя рождаемости, %				
	121-130	131-140	141-150	151-160	>160
<8,0	-	Республика Мордовия, Тамбовская область	Брянская, Пензенская, Ленинградская, Мурманская, Волгоградская, Ульяновская, Саратовская области	Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская Смоленская, Владимирская, Тверская, Тульская Псковская, Ростовская области	Ивановская, Калужская, Костромская, Кировская, , Московская, Ярославская, Новгородская, Вологодская, Самарская Свердловская, Калининградская области; г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан
8,1-10,0	-	Сахалинская, Магаданская области, Камчатский край	Ставропольский край, республики Адыгея, Башкортостан; Курганская, Томская, Амурская, Сахалинская области, Еврейская АО	Республики Карелия, Коми, Удмуртская, Чувашская, края: Краснодарский, Пермский, Алтайский, Приморский; Астраханская, Архангельская области	Оренбургская, Челябинская, Новосибирская, Омская, Кемеровская области, Хабаровский край, Республика Марий Эл,
10,1-13,0	Нижегородская область, Калмыкия	Ненецкий, Ямало-Ненецкий АО, Карачаево-Черкесская Республика	Республика Северная Осетия-Алания, Забайкальский край	Республики Кабардино-Балкарская, Бурятия, Иркутская область	Тюменская область, Ханты-Мансийский АО
13,1-16,0	Республика Дагестан	Саха (Якутия)	-	-	Республики Алтай, Тыва
>16,0	Республика Ингушетия	-	-	-	

В целом по стране вклад рождаемости в сокращение естественной убыли был большим – 75,8% по результатам расчетов на основе общих показателей и 71,4% по результатам расчетов на основе абсолютных показателей. Вклад смертности в преодоление депопуляции был бы большим, если бы не регионы, в которых смертность выросла. В табл. 3 и 4 представлены расчеты по нескольким регионам из разных частей страны.

Соотношение вклада рождаемости и смертности в расчетах, выполненных на основе абсолютных показателей, несколько отличается. В регионах с более высокими темпами сокращения населения, с высокой долей старших возрастов и, как следствие, с высокими показателями смертности, повышенной смертностью в трудоспособном возрасте вклад смертности в улучшение показателей естественного движения оказался выше. Это относится, прежде всего, к регионам Центральной России (например, в Костромской области он составил 60,1%). Наряду с волновой динамикой показателей рождаемости в последние десятилетия наблюдаются изменения возрастного профиля рождаемости. При анализе изменений в возрастном профиле рождаемости необходимо учитывать, что используемая статистическая информация не полностью отвечает критерию достоверности.

Таблица 3

Компоненты динамики естественного движения (расчет на основе общих показателей)

Регионы России	Динамика показателей (1999-2013 гг.)					
	естественного движения		в том числе за счет			
			роста рождаемости		снижения смертности	
	‰	%	‰	%	‰	%
РФ	6,6	100,0	+4,9	74,2	-1,7	25,8
Костромская область	6,7	100,0	+5,0	74,6	-1,7	25,4
Свердловская обл.	8,0	100,0	+6,4	80,0	-1,6	20,0
Республика Саха Якутия	5,4	100,0	+4,5	83,3	-0,9	16,7

Таблица 4

Компоненты динамики естественного движения, расчет на основе абсолютных показателей (1999-2013 гг.)

Регионы России	Динамика					
	естественной убыли/прироста		в том числе за счет			
			роста рождаемости		снижения смертности	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
РФ	-953640	100,0	+681133	71,4	-272507	28,6
Костромская область	-5740	100,0	+2288	39,9	-3452	60,1
Свердловская область	-37034	100,0	+25335	68,4	-11699	31,6
Республика Саха Якутия	+5109	100,0	+3980	77,9	-1129	22,1

Кроме того, официальная статистика не позволяет видеть имеющиеся различия внутри пятилетних возрастных групп. Расчеты показателя соотношения рождаемости наиболее плодотворной на протяжении десятилетий возрастной группы женщин 20-24 года с показателями рождаемости других возрастных групп

показали, что несмотря на значительное снижение показателей рождаемости во всех возрастных группах, за исключением самых молодых, произошло возвращение к возрастному профилю рождаемости 50-летней давности. Вклад в итоговую рождаемость молодых женщин (моложе 25 лет) составлял в 1958-59 гг. 35,4%, в 1990 г. – 55,9%, в 2013 г. – 34,1%. В 2008 г. возрастной коэффициент рождаемости женщин 25-29 лет превысил показатель возрастной группы 20-24 года (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение рождаемости в разных возрастных группах с рождаемостью в наиболее «плодовитой» группе, %

Годы	Возрастные группы, лет						
	моложе 20 лет	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
1958/1959	17,9	100,0	99,1	64,5	36,5	12,6	0,2
1990	35,1	100,0	59,5	30,8	12,5	2,7	0,0
2000	29,3	100,0	71,9	37,6	12,6	2,6	0,1
2008	34,0	100,0	101,3	67,3	28,8	5,1	0,2
2013	29,6	100,0	119,7	84,8	40,9	8,2	0,3

Эти изменения касаются только городского населения. Лишь в сельском населении Московской области с 2009 года самой «плодовитой» стала группа 25-29 лет. Географический рисунок изменений возрастной модели рождаемости достаточно «пестрый». Раньше других изменения коснулись столиц (в Москве и Санкт-Петербурге в 2001 г.), Томской области в 2002 г., Республике Татарстан, Новосибирской, Свердловской областях, Пермском и Краснодарском краях – в 2005 г. В Москве в 2013 г. показатель рождаемости возрастной группы 25-29 лет превысил показатель возрастной группы 20-24 года в 1,84 раза. Чем большая доля городского населения проживает в областной столице и других крупных городах региона, тем раньше начался сдвиг рождаемости в более старшие возрастные группы. Лишь в четырех регионах (Республике Тыва, Чеченской Республике, Ненецком и Чукотском АО) по-прежнему самые высокие показатели у группы городских женщин в возрасте 20-24 года. Изменения в возрастной модели рождаемости происходят во всех регионах страны, как у городского, так и сельского населения, но степень их выраженности очень различна.

© Щукина А.С., 2015. Текст.

Информация об авторе

Щукина Анна Сергеевна (г. Тверь, Россия) – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета (170000, г. Тверь, ул. Прошина, д.3, к. 2; e-mail: shchukanser@gmail.com).

Shchukina A.S.

REGIONAL FEATURES OF THE CURRENT TRENDS IN BIRTH RATES

Abstract. The article analyzes the spatial differences in birth rates, the components of dynamics of natural movement of population, age fertility profiles. The investigated processes' affecting factors are estimated. Information base of research are the official Rosstat data and author's calculations.

Keywords: birth rate, territorial differences, natural movement of population components, demographic processes, age pattern of fertility.

Information about the author

Shchukina Anna Sergeevna (Tver, Russia) – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Chair of social and economic geography and territorial planning, Tver State University (3/2, Proshina St., Tver, 170000, Russia; e-mail: shchukanser@gmail.com).

Научное издание

**Демографические процессы
на постсоветском пространстве**

**VI Уральский демографический форум
(г. Екатеринбург, 15-16 июня 2015 г.)**

Сборник материалов

Том I

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол № 6 от 16.07.2015 г. Рег. № 23 (15)

Формат 60x84/16 Подписано в печать
Усл. п.л. 24,6 Уч.-изд. л. 34,6 Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии Института экономики
Уральского отделения Российской академии наук
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29.